

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
Институт этнологии и антропологии  
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

---

**ВЕСТНИК  
АНТРОПОЛОГИИ  
HERALD OF ANTHROPOLOGY**



---

**№ 1 2022**

**Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета  
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации  
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734



*Журнал входит в систему  
Russian Science Citation Index (RSCI)*

*12 февраля 2019 г. приказом Минобрнауки России № 21-р  
«Вестник Антропологии» включен в Перечень рецензируе-  
мых научных изданий, в которых должны быть опублико-  
ваны научные результаты диссертаций  
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук*

## **ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ**

Мартынова М.Ю. (социокультурная антропология),  
Васильев С.В. (физическая антропология)

## **РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

Анчабадзе Ю.Д., Бондаренко Д.М., Боруцкая С.Б., Буганов А.В., Бутовская М.Л., Герасимова М.М., Дубова Н.А., Казьмина О.Е., Каландаров Т.С., Канукова З.В., Крадин Н.Н., Пушкарева Н.Л., Радойичич Д., Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Халид А.

## **ОТВЕТСТВЕННЫЕ СЕКРЕТАРИ**

Белова Н.А., Григорьева О.М. (физическая антропология)

## **РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**

Тишков В.А. (председатель, РФ), Балзер М. (США), Бутитта И.Э. (Итальянская Республика), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ), Гонзалес Алкандуд Х.А. Испания), Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Мартынова М.Ю. (РФ), Паскуалино К. (Франция), Пашалы П.М. (Республика Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан), Час-ван Лим (Республика Корея), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия)

## **Адрес редакции:**

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А  
Институт этнологии и антропологии РАН

## **Контакты:**

*По вопросам физической антропологии*

Васильев Сергей Владимирович  
odtantrop@yandex.ru

*По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии*

Мартынова Марина Юрьевна  
martynova@iea.ras.ru  
journal\_of\_anthropology@mail.ru

**Интернет-сайт: <http://journals.iea.ras.ru>**

**ISSN (print) 2311-0546**

**ISSN (online) 2782-1552**

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2022

© Журнал «Вестник антропологии», 2022

**The journal “Herald of Anthropology” was established by the RAS Institute of Ethnology and Anthropology Academic Council decision of 20/03/2014**

The journal is registered with the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. Registration number PI No. FS77-61734

*The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI)*

*By the order No.21-p of The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of 12/02/2019 “Herald of Anthropology” is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended for publishing scientific results of theses for Candidate and Doctoral scientific degrees*



### **EDITORS-IN-CHIEF**

M.Yu. Martynova (Social/Cultural Anthropology),  
S.V. Vasiliev (Physical Anthropology)

### **EDITORIAL BOARD**

Yu.D. Anchabadze, D.M. Bondarenko, S.B. Borutskaya, A.V. Buganov, M.L. Butovskaya, M.M. Gerasimova, N.A. Dubova, O.E. Kazmina, T.S. Kalendarov, Z.V. Kanukova, N.N. Kradin, N.L. Pushkareva, N.I. Khaldeeva, N.V. Kharlamova, A. Khalid, D. Radojičić

### **EXECUTIVE EDITORS**

N.A. Belova (Social/Cultural Anthropology), O.M. Grigorieva (Physical Anthropology)

### **ADVISORY BOARD**

V.A. Tishkov (Chairman, Russia), M. Balzer (USA), I.E. Butitta (Italy), Yu.K. Chistov (Russia), E. Drozdova (Czech Republic), D.A. Funk (Russia), A.V. Golovnev (Russia), J.A. González Alcantud (Spain), K. Juhász (Hungary), V.S. Khan (Uzbekistan), E. Kobylansky (Israel), Chae-wan Lim (Korea), M.Yu. Martynova (Russia), P.M. Pashaly (Moldova), C. Pasqualino (France), K. Pechenkina (USA), D. Radojičić (Serbia), Yu. Slezkine (USA), S.V. Vasiliev (Russia)

### **Address:**

119991 Leninskiy prospect, 32A  
Moscow  
RAS Institute of Ethnology and Anthropology

### **Contacts:**

*Ethnology, Social/ Cultural Anthropology*

Marina Yurievna Martynova

[martynova@iea.ras.ru](mailto:martynova@iea.ras.ru)

[journal\\_of\\_anthropology@mail.ru](mailto:journal_of_anthropology@mail.ru)

*Physical Anthropology*

Sergei Vladimirovich Vasiliev

[odtantrop@yandex.ru](mailto:odtantrop@yandex.ru)

**Web:** <http://journals.iea.ras.ru>

**ISSN (print) 2311-0546**

**ISSN (online) 2782-1552**

© RAS Institute of Ethnology and Anthropology, 2022

© Journal «Herald of Anthropology», 2022

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Эмоции и коммуникации в культурном измерении</b>	<b>Emotions and communications in the cultural dimension</b>
<i>Розов Н.С.</i> Социально-антропологический поворот в исследованиях глоттогенеза: коммуникативные заботы и ступени языковой сложности	<i>Rozov N.S.</i> A Socio-Anthropological Turn in the Studies of Glottogenesis: Communicative Concerns and Language Complexity Levels
7	
<i>Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н., Дронова Д.А.</i> Кросс-культурные и гендерные различия уровня эмпатии, агрессии и тревожности у российской молодежи (на примере русских и татар)	<i>Burkova, V., M. Butovskaya, J. Fedenok and D. Dronova.</i> Cross-cultural and sex differences of empathy, aggression and anxiety among Russian students (on examples Russian and Tatars)
20	
<i>Гринько И., Шевцова А., Гончаров А.А.</i> Ольфакторное восприятие в музее: посетительский опыт	<i>Grinko, I.A., A.A. Shevtsova, A.A. Goncharov.</i> Olfactory Perception in a Museum: Visitor's Experience
45	
<i>Карлов В.В.</i> Исторические особенности миграции в социально-психологическом и этнокультурном измерении и фактор фрустрации	<i>Karlov, V.V.</i> The Socio-Psychological and Ethno-Cultural Dimension of the History of Migration and the Frustration Factor
59	
<b>«Деревенское» в городском и «городское» в деревенском: незримые границы двух миров</b>	<b>«Rustic» in the city and «urban» in the countryside: invisible borders of two worlds</b>
<i>Васеха М.В.</i> День Ивана Купалы в Новосибирске: праздник между «городом» и «деревней»	<i>Vasekha, M.V.</i> Ivan Kupala Day in Novosibirsk: A Holiday Between “the Urban” and “the Rural”
70	
<i>Грозовская С.В.</i> Городская морфология исторических центров Самары и Тбилиси и практики социального взаимодействия жителей	<i>Grozovskaya, S.V.</i> Urban Morphology of the Historical Centers of Samara and Tbilisi and the Social Interaction of their Residents
84	
<i>Андреева Ю.О.</i> «Новый мир» на краю деревни: родовые поместья и соседи	<i>Andreeva, J.</i> “The New World” at the Edge of the Village: Kin's Domains and Their Neighbors
104	
<b>Полевая этнография</b>	<b>Field ethnography</b>
<i>Ryzhakova, S. and S. Bandyopadhyay.</i> <i>Nachnis</i> and <i>Rasiks</i> : An Ethnographic Study of an Artistic Community of Purulia District, West Bengal, India	<i>Рыжакова С.И., Бандйопадхьяй С. Начни и Расик:</i> этнографическое исследование художественного сообщества округа Пурулия, Западная Бенгалия, Индия
117	

- Вепрецкий С.В.* Гватемальцы о сверхъестественном: рассказы у костра в археологической экспедиции 134 *Vepretskii, S.V.* Guatemalans about the Supernatural: Tales Told Around the Campfire in an Archaeological Expedition
- Конкка А.* Беломорские клейма 150 *Konkka, A.P.* White Sea Stamps
- Никонова Л.И., Трибушинина С.Д.* К истории переселения мордвы на территорию Крымского полуострова: по результатам этнографической экспедиции 161 *Nikonova, L.I., Tribushinina, S.D.* On the History of the Migration of Mordvins to the Crimean Peninsula: the Results of an Ethnographic Expedition
- Медицинская антропология**
- Вяткина Н.А.* Изменение отношения пациентов к здравоохранению, как результат пандемии COVID-19 в России 174 *Vyatkina, N.A.* The Changing Attitude of Patients to Healthcare as a Result of the COVID-19 Pandemic in Russia
- Мазалова Н.Е.* Становление и деятельность петербургской целительницы и прорицательницы юродивой Матроны Босоножки 193 *Mazalova, N.E.* The Holy Fool, Healer and Prophetess from St. Petersburg Matrona the Barefoot: her Life and Activity
- Поповкина Г.С.* Болезнь в жизненном мире подростка: по материалам рассказов Ю. Кузнецовой и Н. Назаркина 208 *Popovkina, G.S.* Illness in the Life-World of a Teenager: a Study based on Stories by Y. Kuznetsova and N. Nazarkin
- Антропология миграций**
- Кульбачевская О.В.* Социально-экономическое самочувствие москвичей и миграционная ситуация в столичном регионе 222 *Kulbachevskaya, O.V.* Socio-Economic Well-Being of Moscovites and the Migration Situation in the Capital Region
- Белова Н.А., Белов А.М.* Миграционные процессы в Костромской области и их влияние на социально-экономическое развитие Центральной России 243 *Belova N.A., and A.M. Belov.* The Impact of Migration on the Socio-Economic Development in Central Russia (the Case of the Kostroma Region)
- Рыбин А.А.* Миграционная, социально-экономическая и демографическая ситуации в провинциальных городах Центральной России (по материалам г. Солигалич и г. Чухлома Костромской области) 264 *Rybin, A.A.* Migration, Socio-economic and Demographic Situations in Provincial Towns of the Central Russia (the Case of Soligalich and Chukhloma in Kostroma Region)

## Физическая антропология

*Герасимова М.М.* К истории антропологического изучения народов России 278

*Спицына Н.Х., Балинова Н.В.* Антропогенетическое исследование процессов воспроизводства популяции Элисты 293

## Историография, школы, концепции

*Кошелева А.Ю., Никитин М.А.* К вопросу о методологии антропологии движения 302

*Бурякин А.А.* В.Г. Богораз как юкаги-ровед 311

## Рецензии

*Неретин А.И.* Рецензия на: Massimo Faggioli, Cattolicesimo nazionalismo cosmopolitismo. Chiesa, società e politica dal Vaticano II a papa Francesco, Roma: Armando Editore, 2018, pp. 176 326

## Physical anthropology

*Gerasimova M.M.* To the History of the Anthropological Study of the Peoples of Russia

*Spitsyna N.Kh., N.V. Balinova.* Anthropogenetic study of reproduction processes in Elista city population

## Historiography, schools, concepts

*Kosheleva A.Yu., and M.A. Nikitin.* To the Methodology of the Anthropology of Movement

*Burykin, A.A.* V.G. Bogoraz as a Researcher of Yukagirs

## Reviews

*Neretin, A.* Book Review: Massimo Faggioli, Cattolicesimo nazionalismo cosmopolitismo. Chiesa, società e politica dal Vaticano II a papa Francesco, Roma: Armando Editore, 2018, pp. 176

## ЭМОЦИИ И КОММУНИКАЦИИ В КУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/7-19

© *Н.С. Розов*

### СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ГЛОТТОГЕНЕЗА: КОММУНИКАТИВНЫЕ ЗАБОТЫ И СТУПЕНИ ЯЗЫКОВОЙ СЛОЖНОСТИ

*В статье структурированы и обобщены накопленные в мировой науке результаты исследований происхождения языка в связи с произошедшим сдвигом интереса: изучение орудийных технологий, костных останков и геномов гоминид дополняется реконструкцией их социальных взаимодействий и коммуникативных практик на основе разнообразных косвенных данных. Поставлены перспективные цели дальнейших исследований и намечены исходные идеи: 1) эскиз охватывающей понятийной конструкции с базовыми понятиями «социальные ниши», «коммуникативные заботы», «вызовы-угрозы», «вызовы-возможности», «ответные стратегии», «обеспечивающие структуры», «ингредиенты», «пробы», «механизмы фиксации», «ступени языковой сложности», «глотно-ароморфозы»; 2) преодоление «языкового Рубикона» между коммуникативной системой животных и первой ступенью членораздельной речи; 3) ступени языковой сложности от различения слогов в коллективных сигналах (не)одобрения через протослова, реактивные и уводящие протофразы и протоязык типа пиджина – к языку со сложными синтаксисом и грамматикой.*

**Ключевые слова:** *глоттогенез, происхождение языка, антропогенез, когнитивная эволюция, многоуровневый отбор, протоязык, культурный драйв, праязыки, коммуникации, социальный порядок, языковая сложность*

**Ссылка при цитировании:** *Розов Н.С. Социально-антропологический поворот в исследованиях глоттогенеза: коммуникативные заботы и ступени языковой сложности // Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 7–19.*

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/7-19

© *N.S. Rozov*

### A SOCIO-ANTHROPOLOGICAL TURN IN THE STUDIES OF GLOTTOGENESIS: COMMUNICATIVE CONCERNS AND LANGUAGE COMPLEXITY LEVELS

*The studies of the language origin have accumulated a substantial volume of ideas and results. Recently, the main interest of these studies has shifted from hominids'*

**Розов Николай Сергеевич** – д.философ. н., профессор, главный научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН (630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8), зав. кафедрой социальной философии и политологии, Философский факультет НГУ. Эл. почта: nrozov@gmail.com

*tool technologies, bone remains, and genomes to the reconstruction of their social interactions and communication practices based on indirect evidence. The article sets the future goals for prospective research and outlines the basic ideas:*

*A sketch of an encompassing conceptual structure with the basic concepts of «social niches», «communicative concerns», «challenges-threats», «challenges-opportunities», «response strategies», «providing structures», «ingredients», «endeavors», «fixation mechanisms», «stages of linguistic complexity», «glotto-aromorphoses»;*

*Overcoming «the language Rubicon» between the communicative system of animals and the first stage of articulate human speech;*

*The steps of linguistic complexity from distinguishing syllables in collective signals of (dis)approval through proto-words, reactive and diverting proto-phrases, and a pidgin-like proto-language – to a language with complex syntax and grammar.*

**Keywords:** *glottogenesis, the origin of language, anthropogenesis, cognitive evolution, multilevel selection, proto-language, cultural drive, communication, social order, language complexity*

**For Citation:** Rozov, N.S. 2022. A Socio-Anthropological Turn in the Studies of Glottogenesis: Communicative Concerns and Language Complexity Levels. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 7–19.

**Author Info: Rozov, Nikolai S.** – Dr. Sc., Professor of Philosophy, Chief Researcher, the Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), Head of Department for Social Philosophy and Political Sciences, Novosibirsk State University. E-mail: nrozov@gmail.com

На пути к интегральной парадигме происхождения языка и сознания при всем разнообразии и широте идеи и подходов в последние годы вырисовывается некая общность. В исследованиях и в результатах наблюдаются следующие взаимосвязанные тенденции:

- а) увеличение числа предположительных ступеней (стадий, этапов) эволюции языка;
- б) удревнение ранних этапов вплоть до эпох гейдельбергцев, хабилисов и даже австралопитеков (0,5, 1,6 или 4-6 млн лет назад);
- в) более внимательный учет тесной связи языка с другими когнитивными способностями и сферами (сознание, память, культура, мышление, поисковая и конструктивная деятельность);
- г) все более широкое признание значимости социальных взаимодействий, отношений, порядков (Бикертон 2012; Bouchard 2013; Барулин 2012; Dor et al 2014; Zlatev 2014; Sterelny 2016; Laland 2017; Tomasello 2019; Бурлак 2019; Марков, Марков 2020).

Уже можно говорить о складывающейся парадигме, объединяющей многие современные концепции глоттогенеза с чертами многоступенчатости, интегративности и социальности. Дальнейшие рассуждения и построения будем проводить на основе тех же принципов, но не ограничиваясь ими.

Поскольку прямых данных о процессах происхождения языка и сознания нет, все больше усилий направлено на сбор и осмысление косвенных данных – о коммуникации животных, о костных останках и артефактах гоминид, о генах и мозговых структурах, связанных с речью. Специалисты – авторы обширных и вдумчивых

обзоров – делают неутешительные выводы об информативности этих результатов (Fitch 2009: 133; Wood, Bauernfeind 2012: 271). Выявлен т. н. «ген речи» *FOXP2*, свойства которого, характерные для человека, были обнаружены не только у ранних сапиенсов и протосапиенсов, но также у неандертальцев гейдельбергцев (Dediu, Levinson 2018; Бурак 2019). А вот какие речевые задатки он мог обеспечивать, так и остается неизвестным (Dor, Knight, Lewis 2014: 56-66).

Следующие положения, получившие убедительные теоретические и/или эмпирические обоснования, здесь принимаются как исходные и не обсуждаются. Аргументация содержится в работах по ссылкам.

1. Речевое, или вербальное, общение, появилось как *приспособление (адаптация, обеспечивающая структура)* в ходе антропогенеза как биологической, а затем социальной и культурной эволюции<sup>1</sup>:
  - 1) в процессах внутригруппового и межгруппового взаимодействия, коммуникации при действии механизмов *многоуровневого отбора* (Ламсден, Уилсон 2017; Deacon 1997; Jackendoff 2002; Пинкер 2004: 346; Barnard 2009; Dor et al 2014: 2; Laland 2017 и др.);
  - 2) при обнаружении *и построении новых техноприродных и социальных ниш* (Odling-Smee, Laland, Feldman 2003; Бикертон 2012).
2. На начальных стадиях речевые способности уже у *ранних Ното* и архантропов развивались через *положительные обратные связи с морфологическими изменениями* гортани, увеличением мозга, особенно лобных (волевых) и височных (речевых) зон, нервными и мышечными механизмами контроля дыхания и т. д. (Deacon 1997; Зубов 2004: 156-157; Барулин 2007; Wood, Bauernfeind 2012; Дробышевский 2017: 103-121). В последние два десятилетия разные исследователи на основе археологических данных получили важные датировки анатомических изменений гоминид, связанные с развитием речевой способности. Будем учитывать следующую сводку (со всеми оговорками приближенности и разночтений датировок):
  - 1) с 1,6 млн лет назад до 100 тыс. лет назад (далее – тлн) шло устойчивое развитие позвоночного столба (в частности, грудных позвонков), что позволяло *контролировать дыхание*;
  - 2) между 400 и 300 тлн происходили изменения черепа, указывающие на *опускание гортани* (что считается необходимым условием способности к членораздельной речи – Н.Р.);
  - 3) ок. 300 тлн *подъязычные каналы увеличились* до размеров, характерных для современного человека, что указывает на возможность контроля мелкой моторики;
  - 4) специфические сапиентные изменения в «гене речи» *FOXP2* появились ок. 300-200 тлн;
  - 5) в останках протосапиенсов или ранних сапиенсов, датируемых ок. 100 тлн, строение *подъязычных костей* идентично человеческим.

<sup>1</sup> Этот принимаемый тезис прямо противоречит сальтационной концепции ранних публикаций Н. Хомского и Д. Бикертонна о позднем появлении языка или «узкой языковой способности» (к синтаксису, рекурсии) вследствие некой разовой мутации. Поэтому данная теория здесь не будет обсуждаться даже в ее смягченной версии (Hauser, Chomsky, Fitch 2002).

3. Формирование *совместной интенциональности* и становление *базовых социальных норм*, вынужденные регулярные совместные действия и взаимопомощь стали необходимыми условиями развития речи (*Выготский 2005; Томаселло 2011; Zlatev 2014; Tomasello 2019*).
4. Вероятными структурами пресечения, предотвращения междоусобного насилия и агрессивного эгоистического поведения стали:
  - 1) *практика солидарного насилия* в отношении нарушителей, последующих дружных групповых угроз (*Bingham 2010*),
  - 2) *эгалитарные (в том числе женские) коалиции*, разными способами сопротивлявшиеся мужской агрессии, приучавшие к дележу добычи, числе подвергавшие насильников, драчунов остракизму, что приводило к *самоодомашниванию* (*Беляев 1981; Hrdy 1999; Lovejoy 2009; Power 2014; White et al. 2015; Wrangham 2019*).
5. В микроситуациях «здесь и сейчас» говорение и слушание, т. е. использование речи обычно сопровождается особыми процессами эмоционально насыщенного взаимодействия и, вероятно, развитие речи, языка было глубинным образом связано с ними:
  - 1) *эмоциональная напряженность* изначальной речевой коммуникации при трудностях понимания, *с повторами*, использованием мимики и жестикуляции, при сходстве с *ритуалами* (*Deacon 1997; Laland 2017; Tomasello 2019*);
  - 2) *систематическое исправление ошибок друг друга, совместное сосредоточение внимания, синхронизация ритмов, эмоций, одновременные действия* (*Collins 2004; Бурлак 2019: 202*).

Несмотря на солидные результаты исследований и достигнутый уровень согласия в принципиальных моментах (см. пп. 1-5) формирующаяся парадигма далека от завершения. Скорее, она представляет собой некий плацдарм для очередного продвижения в познании когнитивной эволюции вообще и происхождения языка, в частности. Перспективные исследовательские цели прямо связаны с главными трудностями и недостатками парадигмы:

- отсутствием обобщающего понятийного каркаса,
- крайней разнородностью методов и направлений как в дисциплинарном, так и в методологическом, интерпретационном аспектах, при слабом взаимном соотношении или полном отсутствии такового.

### **Козволюция коммуникативных забот и языковых структур – эскиз охватывающего понятийного каркаса**

Концептуальная рамка для построения и проверки гипотез о разных аспектах и этапах глоттогенеза должна быть весьма широкой, способной охватить эволюционные процессы биологического (мозг, гортань, контроль дыхания), социального (взаимодействия, коммуникация), когнитивного (внимание, сознание, память, смыслы), поведенческого (речевые действия) и лингвистического характера (знаки, значения, языковые конструкции). Построение требуемого понятийного каркаса – большая самостоятельная теоретическая работа, поэтому здесь только намечу исходные идеи возможной версии, опирающейся на вышеизложенные принципы и идеи (пп. 1-5). Представленная ниже конструкция появилась под впечатлением, прежде всего, смелого сравнения Ч. Дарвиным эволюции видов и эволюции языков (*Дарвин 2016: 407–408*).

Речь и язык появились как *структуры для обеспечения* менявшихся на протяжении антропогенеза потребностей общения, или *коммуникативных забот*. Новые заботы появлялись при вхождении в новые *техноприродные ниши* (взаимодействия с природной средой, менявшиеся в связи с развитием способов и технологий жизнеобеспечения) и *социальные ниши* (порядки взаимодействия между индивидами в семьях, группах, а также между семьями и группами).

Новые ниши обычно проявляются как *вызовы-угрозы* и *вызовы-возможности* для базовых потребностей индивидов, семей, групп в сферах безопасности, пропитания, сексуальности, родительства, статуса среди себе подобных. *Ответные стратегии* помимо материальных практик включают также социальные взаимодействия, предполагающие общение с потребностями передавать психологические состояния, смыслы (тревоги, желания, чувства, позже – мысли), а также убеждать, советоваться, мобилизовать на коллективные действия. Таким образом, специфика ниш, вызовов и стратегий формирует особенности типовых, повторяющихся потребностей – *коммуникативных забот*.

Среди обеспечивающих структур выделяются особенные, которые метафорически назовем *волшебными палочками*, поскольку они обладают удивительным свойством высокой пластичности и многофункциональности, громадным потенциалом развития, для которого иногда не видно пределов. В человеческом организме такой структурой стал мозг. В преистории и истории разворачивались такие крупнейшие *волшебные палочки* как: язык, сознание, технологии, межпоколенная трансляция, мышление, познание, искусство.

В каждом конкретном языке фонемный строй, лексика и способы словообразования, набор синтаксических и грамматических конструкций также являются *волшебными палочками*, позволяющими обеспечивать практически любые коммуникативные заботы данного языкового сообщества; при недостаточности средств выражения открытые к развитию структуры языка позволяют обогащать лексику, а иногда и синтаксис с грамматикой.

Языковые структуры складывались из *ингредиентов*, полученных на предыдущих ступенях глоттогенеза, через *пробы* – многократные переименования, повторы с целью достичь взаимопонимания, и через *механизмы фиксации*. Последние на разных уровнях осуществлялись следующим образом:

- на уровне ультрамикро- (в ситуациях «здесь и сейчас») через *положительные подкрепления*;
- на уровне микро- (индивидуальное развитие, онтогенез) через *социальное обучение*;
- на уровнях мезо- (группы, альянсы групп) и макро- (языковые сообщества, будущие этносы) через «горизонтальную» *культурную диффузию* и «вертикальную» *межпоколенную трансляцию*.

Механизмы фиксации в процессах генно-культурной коэволюции и культурного драйва закрепляли не сами языковые структуры, а только генные, анатомические и психофизиологические основы развивавшихся задатков к овладению любого языка.

Главная причинность изначально направлена от техноприродных ниш к социальным нишам и порядкам взаимодействия, к коммуникативным заботам, обеспечивающим их языковым, когнитивным структурам, формированию их механизмов. Со временем практическое и социальное поведение все в большей мере формирует социальные ниши (охватывающие порядки) и природно-технологические ниши.

## Преодоление «языкового Рубикона» – условия прорыва к речи

Многие социальные животные используют для общения разнообразные голосовые синкретичные сигналы со значениями разного типа опасности, угрозы и претензии на доминирование, заигрывания и дружелюбия, покровительства, подчиненности, приглашения к игре (Фитч 2013). В чем же состояли уникальные особенности образа жизни, социальных взаимодействий, отношений порядков гоминид, которые обусловили когнитивную эволюцию человеческого рода вообще, происхождение и развитие членораздельного и осмысленного языка, в частности (Hurford 1999: 178)?

*Потенциальные ингредиенты* первых окончательно спустившихся на землю гоминид включали сильные эмоциональные связи, подражательство, гибкое жестовое и звуковое общение, свободные умелые руки, большой мозг при одновременном проигрыше в скорости передвижения, мышечной силе и размере челюстей (в сравнении с основными нишевыми конкурентами). Новая природная ниша, полная опасностей и трудностей в добычании пропитания сформировала *заботу обеспечения сплоченности и взаимной поддержки* внутри каждой группы. Складывавшиеся в ответ структуры при опоре на вышеуказанные ингредиенты стали наиболее тесно связаны с орудийными технологиями, координацией действий, общением, усложняющимися знаковыми средствами и когнитивными способностями.

Главными обеспечивающими структурами в социальной сфере стали *совместная интенциональность, эгалитарные коалиции*, противостоящие агрессивным альфа-самцам, *нормы, ограничивающие насилие*. Благодаря развитию этих структур происходил процесс *самоодомашнивания* (Беляев 1981; Lovejoy, 2009; Bingham 2010; Tomasello 2019; Wrangam 2019). В результате возникали такие *социальные ниши и коммуникативные заботы*, которых у других видов не было (лишь частично в группах шимпанзе и особенно бонобо (Waal 1995).

Главным драйвером развития языка представляется *усложнение вызовов и забот в социальной сфере*, причем практики обмена сообщениями вырастали в наложение ниш с новыми вызовами-угрозами и вызовами-возможностями. Базовые сферы и типы забот – безопасность, пропитание, престиж, сексуальность, родительство – остались, но *социальные условия, допустимые пути* достижения соответствующих интересов, целей неуклонно затруднялись и усложнялись. Это и вынуждало гоминид к поиску новых ответов, причем в той же избранной «колее» *координации действий через общение*.

Так, при отсутствии подавляющих силой альфа-самцов появились возобновляющиеся *обсуждения, совместное обдумывание и принятие решений, необходимость убеждать, согласовывать предложения*. Борьба за доминирование через устрашение насилием сменилась *конкуренцией за лидерство и престиж через мобилизацию поддержки*. Запрет на сексуальное насилие привел к росту значимости *ухаживания и заигрывания*, которые стали осуществляться также через звуковую коммуникацию (Миллер 2000; Бикертон 2012; Power 2014; Zlatev 2014).

Разумеется, неуклонный, хотя и неравномерный прогресс орудийной деятельности тесно связан с языковым развитием и шире – с когнитивной эволюцией (Бунак 1966; Козинцев 2013). Однако связь здесь не прямая, одношаговая, как будто бы план будущего орудия непременно предполагал символическую способность (восходящая к Марксу идея, излюбленная археологами). Согласно изложенной выше модели эта связь опосредованная – двушаговая. Изобретение нового орудия, новой

технологии обработки камня или кости *могло удержаться в поколениях и получать распространение только через социальное обучение*. В этой особой нише возникали специфические коммуникативные заботы, связанные с необходимостью обозначения и запоминания множества свойств сырья, тонкостей технических процедур, признаков и деталей изделий. Поэтому вместе с технологиями развивались как специальные языковые средства, так и более общие способности внимания, памяти, сознания, обучения и обучаемости<sup>1</sup>.

### **Глотто-ароморфозы – подъемы по ступеням языковой сложности**

В условия прорывов к каждой новой ступени языковой сложности входит освоение потенциальных ингредиентов будущих обеспечивающих структур. Основу этих ступеней предположительно составляет следующая последовательность структур (см. также: Donald 1998; Gabora, Smith 2018; Jackendoff 2002; Bybee 2002; Burling 2005; Dessalles 2007; Бикертон 2012; Hurford 2012; Бураков 2019):

- выделенные из синкретичных сигналов (успешно используемых животными) *слоги* – первые *протослова-голофразы*;
- умножение слогов и протослов благодаря различению *фонем*; соединение протослов в хаотичные наборы, цепочки – *протофразы*;
- трансформация протослов в полноценные *слова* с автономными от ситуационных ситуаций и связанными между собой *значениями*; закрепление устойчивых соединений односложных слов в разнообразные *свертки* (составные слова и устойчивые речевые обороты – фраземы);
- появление *схем порядка слов* и преобразование протофраз в *пиджин-предложения*, что составляет *протоязык*;
- складывание *конструкций простого синтаксиса*, что уже характеризует настоящий язык;
- формирование *грамматики согласований* и *конструкций сложного синтаксиса*; последующее дополнение языка *полисемией, рекурсией, риторическими украшениями* и т. п.

### **Обновление социальных порядков и коммуникативных забот – главные драйверы глотто-ароморфозов**

Кардинальную роль сыграло уверенное освоение огня (ок. 400-350 тлн, Дробышевский 2017: 123), забота поддержания которого принудительно подняла на новый уровень вербальную координацию действий и существенно расширила сознание во времени и пространстве<sup>2</sup>. Освоение огня также открыло нишу *коллективного приготовления пищи*, а главное – публичное пространство *совместных трапез* (Рэнгем 2012). Трапезы изначально имели ритуальный характер<sup>3</sup> и стали особыми пло-

<sup>1</sup> См. остроумные эксперименты, в которых сравнивалась успешность изготовления олдувайских и ашельских орудий учеником при варьировании допустимого типа коммуникации между ним и учителем (Laland 2017: 201–207).

<sup>2</sup> Широту сознания индивида составляют сферы, на предметах которых индивид способен фокусировать внимание, рассуждать о них либо в общении с другими субъектами, либо (на поздних стадиях развития) во внутренней речи, в мышлении, самопроизвольно и в одиночестве.

<sup>3</sup> Отнюдь неслучайно ритуальность совместных трапез в семьях, компаниях друзей, при важных

щадками для *дистантного контроля выполнения норм* – вербальных презентаций, жалоб, споров, развертывания и разрешения конфликтов, ритуалов остракизма и солидарности. На этой стадии, вероятно, появился *протоязык со стандартными схемами порядка слов*, что позволяло сообщать о прошлых и отделенных ситуациях, т. е. развивалось важное свойство языковой *перемещаемости*, росли *широта и произвольность сознания* (Donald 1998; Gabora, Smith 2018).

В условиях растущей плотности населения, вынужденных миграций и участвовавших столкновений учащались межгрупповые контакты (вероятно, в Африке ок. 250-100 тлн при переходе от протосапиенсов к ранним сапиенсам). Наряду с конфликтами, стычками создавались альянсы в целях охраны и расширения территорий, обмена (Stringer 2012: 280). Тогда новым драйвером усложнения коммуникации и языка стали переговоры.

Действительно, межгрупповые альянсы охотников-собирателей всегда предполагают брачную политику, обмены типа дар-отдар, ритуальные трапезы (Джонсон, Эрл 2017). Все это может происходить только благодаря переговорам и ритуальным соглашениям. Многочисленные данные о дальних «миграциях орудий» на основе происхождения сырья (Дробышевский 2017: 144) свидетельствуют о том, что межгрупповые контакты были не только конфликтными (когда орудиями завладевали победители, что вело к отчуждению и изоляции), но и мирными (когда налаживались цепи обмена), а значит без переговоров нельзя было обойтись.

В переговорах о границах территорий, правилах, конфликтах, возмещении обид и проч. приходилось говорить отнюдь не о наглядных ситуациях «здесь и сейчас», а значит протоязык и протослова уже были не достаточны. Протослова обретали автономность от ситуаций и произвольность, превращались в *полноценные слова*. В ту эпоху стали складываться *первые синтаксические и грамматические конструкции*, что и означает переход от протоязыка к настоящему языку – к появлению потребностей и способностей выражать, понимать, а значит и осознавать *внеситуационные предметы, отношения, свойства* (Burling 2005; Dessalles 2007; Givón 2009; Hurford 1999).

Уже на уровне верхнего палеолита (50–15 тлн) с взлетом орудийной технологии малые группы и даже индивиды стали способны добывать пропитание, что сильно усложнило социальную структуру с введением *отложенных обменов*, разнородных обязательств, с активизацией переговоров, сплетен, борьбы за престиж, публичных самопрезентаций и т. н. «макиавеллевского интеллекта», (Markov, Markov 2020; Sterelny 2016). Эти новые коммуникативные заботы объясняют складывание более сложных синтаксиса и грамматики, возможно, рекурсивности, полисемии, риторических украшений и т. п. В тесной связи с этими процессами развиваются *способности сознания к легкому переключению между контекстами*, ментальными переходами в пространстве и времени, между частью и целым, предметом и признаком и т. д. (Donald 1998; Desalles 2007: 238–244; Gabora, Smith 2018).

Тайна происхождения языка и сознания в антропогенезе, связанная с отсутствием прямых следов этих процессов, остается одним из главных интеллектуальных вызовов современной науки. Социально-антропологический поворот в исследованиях способствует прояснению ключевых проблем глоттогенеза благодаря знанию закономерностей поведения, социальных взаимодействий и с опорой на косвенные данные, получаемые дисциплинами широкого спектра от палеоклиматологии и археологии до палеогенетики.

## Благодарности

Автор выражает благодарность за ценные замечания, рекомендации, полезные ссылки специалистам, ознакомившимся с начальными идеями и версиями статьи: А.Н. Барулину, С.А. Бурлак, Л.Б. Вишняцкому, А.Г. Козинцеву, А.В. Маркову, А.А. Фомину.

## Научная литература

- Барулин А.Н.* К построению теории глоттогенеза // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте. Материалы V Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию (Москва, 31 января – 2 февраля 2006 г.) / отв. ред. В. А. Кочергина. Москва: МГУ, 2007. С. 9–44.
- Беляев Д. К.* О некоторых факторах эволюции гоминид // Вопросы философии, 1981. № 8. С. 69–77.
- Бикертон Д.* Язык Адама: как люди создали язык, как язык создал людей. Москва: Языки славянской культуры, 2012. 336 с.
- Бунак В. В.* Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе // Ископаемые гоминиды и происхождение человека (Текст). / отв. ред. В. В. Бунак. Москва: Наука, 1966. С. 497–555.
- Бурлак С. А.* Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. Москва: Альпина Диджитал, 2019. 292 с.
- Выготский Л. С.* Психология развития человека. Москва: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
- Дарвин Ч.* Происхождение видов. Москва: Эксмо, 2016. 480 с.
- Дробышевский С. В.* Антропогенез. Москва: Архэ, Модерн-А, 2017. 167 с.
- Козинцев А. Г.* Зоосемиотика и глоттогенез // Антропологический форум, 2013. № 19. С. 326–359.
- Ламсден Ч. Дж., Уилсон Э.* Прометеев огонь. Размышления о происхождении разума. Москва: УРСС: ЛЕНЛАНД, 2017. 304 с.
- Миллер Д.* Соблазняющий разум. Как выбор сексуального партнера повлиял на эволюцию человеческой природы. Москва: Corpus (ACT), 2000. 750 с.
- Пинкер С.* Язык как инстинкт. Москва: Едиториал, УРСС, 2004. 456 с.
- Рэнгем Р.* Зажечь огонь. Как кулинария сделала нас людьми. Москва: Астрель: CORPUS, 2012. 336 с.
- Томаселло М.* Истоки человеческого общения. Москва: Языки славянских культур, 2011. 328 с.
- Фитч У. Т.* Эволюция языка. Москва: Языки славянских культур, 2013. 768 с.
- Barnard A.* Social origins: sharing, exchange, kinship // Botha, R., Chr. Knight (ed.). The Cradle of Language. Oxford Univ. Press, 2009: 219–235.
- Bernabeu P., Vogt P.* Language evolution: Current status and future directions // 10th LangUE Conference, Essex, UK, 2015: 1–27.
- Bingham P.* On the evolution of language: implications of a new and general theory of human origins, properties, and history // Larson, R. K., Déprez, V., Yamakido H. (ed.). The Evolution of Human Language: Biolinguistic Perspectives. Cambridge Univ. Press, 2010: 211–224.
- Bouchard D.* The Nature and Origin of Language. Oxford Univ. Press, 2013. 385 p.
- Burling R.* The Talking Ape. How Language Evolved. Oxford Univ. Press, 2005. 286 p.
- Bybee J.* Sequentiality as the basis of constituent structure // Givón T., Malle B. F. (ed.). The evolution of Language out of Pre-Language. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002: 109–134.
- Collins R.* Interaction Rituals Chains. Princeton Univ. Press, 2004. 439 p.
- Deacon T. W.* The Symbolic Species: The Coevolution of Language and the Brain. New York, NY: Norton, 1997. 527 p.
- Dediu D., Levinson, S. C.* Neanderthal language revisited: not only us // Current Opinion Behavioral Science, 2018, 21: 49–55.
- Dessalles J.-L.* Why We Talk. The Evolutionary Origins of Language. Oxford Univ. Press, 2007. 384 p.
- Donald M.* Hominid enculturation and cognitive evolution // Renfrew C., Scarre C. (ed.). Cognition

- and material culture: The archaeology of symbolic storage. Cambridge: McDonald Institute, 1998: 7–17.
- Dor D., Jablonka E.* Why we need to move from gene-culture co-evolution to culturally driven co-evolution // Dor D., Knight Chr., Lewis J. (ed.). *The Social Origins of Language*. Oxford Univ. Press, 2014: 15–30.
- Dor D., Knight Chr., Lewis J.* (ed.). *The Social Origins of Language*. Oxford Univ. Press, 2014. 308 p.
- Dunbar R. I. M.* Gossip in Evolutionary Perspective. *Review of General Psychology*, 2004, 8 (2): 100–110.
- Falk D.* Prelinguistic evolution in early hominins: Whence motherese? // *Behavioral and Brain Sciences*, 2004, 27: 491–541.
- Fitch W. T.* Fossil cues to the evolution of speech. Botha R., Knight Chr. (ed.). *The Cradle of Language*. Oxford Univ. Press, 2009: 112–134.
- Gabora L., Smith C.M.* Two Cognitive Transitions Underlying the Capacity for Cultural Evolution. *Journal of Anthropological Sciences*, 2018, 96: 1–26.
- Gärdenfors P., Osvath M.* Prospection as a cognitive precursor to symbolic communication. Larson R. K., Déprez V., Yamakido H. (ed.). *The Evolution of Human Language: Biolinguistic Perspectives*. Cambridge Univ. Press, 2010: 103–114.
- Givón T.* *The Genesis of Syntactic Complexity: Diachrony, Ontogeny, Neuro-Cognition, Evolution*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 2009. 366 p.
- Hauser M.D., Chomsky, N., Fitch, W. T.* The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? // *Science*, 2002, 298(5598): 1569–1579.
- Henrich J.* *The Secret of Our Success. How Culture Is Driving Human Evolution, Domesticating Our Species, and Making Us*. Princeton University Press, 2016. 445 p.
- Heyes C. M.* What can imitation do for cooperation? // Calcott B., Joyce R., Sterelny K. (ed.). *Signalling, commitment and cooperation*. Cambridge, MA: MIT Press, 2012: 313–331.
- Hrdy S. B.* *Mother Nature: A History of Mothers, Infants and Natural Selection*. Boston: Pantheon Books, 1999. 752 p.
- Hurford J. R.* The evolution of language and of languages // Dunbar R., Knight C., Power C. (ed.). *The Evolution of Culture*. Edinburgh Univ. Press, 1999: 173–193.
- Jackendoff R.* *Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution*. Oxford Univ. Press, 2002. 447 p.
- Laland K. N.* *Darwin's unfinished symphony. How culture made the human mind*. Princeton Univ. Press, 2017. 450 p.
- Lloyd E.A.* Kanzi, evolution, and language // *Biology and Philosophy*, 2004, 19: 577–588.
- Lovejoy C.O.* Reexamining Human Origins in Light of *Ardipithecus ramidus* // *Science*, 2009, 326 (5949): 74–74e8.
- Markov A.V., Markov M.A.* Runaway brain-culture coevolution as a reason for larger brains: Exploring the “cultural drive” hypothesis by computer modeling // *Ecology and evolution*, 2020, 10 (12): 1–19.
- Nolfi S., Miralli M.* (ed.) *Evolution of Communication and Language in Embodied Agents*. Heidelberg, Dordrecht, London, New York: Springer 2010. 313 p.
- Odling-Smee F. J., Laland K. N., Feldman M. W.* *Niche Construction: The Neglected Process in Evolution*. Princeton Univ. Press, 2003. 468 p.
- Power C.* The Evolution of Ritual as a Process of Sexual Selection // Dor D., Knight Chr., Lewis J. (ed.). *The Social Origins of Language*. Oxford Univ. Press, 2014: 196–207.
- Sterelny K.* Cumulative Cultural Evolution and the Origins of Language // *Biological Theory*, 2016, 25: 173–186.
- Stringer Chr.* *Lone survivors: how we came to be the only humans on earth*. Times Books, 2012.
- Tommasello M.* *Becoming Human. A Theory of Ontogeny*. The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2019, 379 p.

- Waal de F. B. M. Bonobo Sex and Society. The behavior of a close relative challenges assumptions about male supremacy in human evolution // *Scientific American*, March, 1995: 82–88.
- White T. D., Lovejoy C. O., Asfaw B., Carlson J. P., Suwa G. Neither chimpanzee nor human, *Ardipithecus* reveals the surprising ancestry of both // *PNAS*, 2015, 112 (16): 4877–4884.
- Wood B., Bauernfeind A. The fossil record: evidence for speech in early hominins // Tallerman M., Gibson K. (ed.). *Language Evolution*. Oxford Univ. Press, 2012: 258–272.
- Wrangham R. *The Goodness Paradox: The Strange Relationship Between Virtue and Violence in Human Evolution*. Pantheon, 2019. 400 p.
- Zlatev J. The co-evolution of human intersubjectivity, morality, and language // Dor D., Knight Chr., Lewis J. (ed.). *The Social Origins of Language*. Oxford Univ. Press, 2014: 249–266.

## References

- Barnard, A. 2009. Social origins: sharing, exchange, kinship. In *The cradle of language*, edited by R. Botha and Chr. Knight. Oxford Univ. Press: 219–235.
- Barulin, A. N. 2007. К построению теории глоттогенеза [Towards the construction of the glottogenesis theory]. In *Lingvisticheskaia komparativistika v kul'turnom i istoricheskom aspekte* [Linguistic comparative studies in cultural and historical aspects], 9–44. Moscow: Moscow State Univ. Publ.
- Belyaev, D. K. 1981. O nekotorykh faktorakh evoliutsii gominid [On Some Factors of Hominids' Evolution], *Voprosy filosofii* 8: 69–77.
- Bernabeu, P. and P.Vogt. 2015. Language evolution: current status and future directions. In *10th LangUE Conference*, 1–27. Essex, UK.
- Bickerton, D. 2007. *Adam's tongue. How humans made language, how language made humans*. Hill and Wang.
- Bingham, P. 2010. On the evolution of language: implications of a new and general theory of human origins, properties, and history. In *The evolution of human language: biolinguistic perspectives*, edited by R. K.Larson, V.Déprez, and H.Yamakido, 211–224. Cambridge Univ. Press.
- Bouchard, D. 2013. *The nature and origin of language*. Oxford Univ. Press.
- Bunak, V. V. 1966. Rech' i intellekt, stadii ikh razvitiia v antropogeneze [Speech and intellect, stages of their development in anthropogenesis]. In *Iskopaemye gominidy i proiskhozhdenie cheloveka (Tekst)* [Fossil hominids and the origin of man. Text], edited by V. V. Bunak, 497–555. Moscow: Nauka.
- Burlak, S. A. 2019. *Proiskhozhdenie iazyka. Fakty, issledovaniia, gipotezy* [The Origin of Language. Facts, Research, Hypotheses]. Moscow: Alpina Digital.
- Burling, R. 2005. *The talking ape. How language evolved*. Oxford Univ. Press.
- Bybee, J. 2002. Sequentiality as the basis of constituent structure. In *The evolution of language out of pre-language*, edited by T.Givón and B.F. Malle, 109–134. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
- Collins, R. 2004. *Interaction rituals chains*. Princeton Univ. Press.
- Darwin, Ch. (1859) 1958. *On the origin of species*. London: John Murray.
- Deacon, T. W. 1997. *The symbolic species: The coevolution of language and the brain*. New York, NY: Norton.
- Dediu, D. and S. C. Levinson, 2018. Neanderthal language revisited: not only us. *Current Opinion Behavioral Science* 21: 49–55.
- Dessalles, J.-L. 2007. *Why we talk. The evolutionary origins of language*. Oxford Univ. Press.
- Donald, M. 1998. Hominid enculturation and cognitive evolution. In *cognition and material culture: The archaeology of symbolic storage*, edited by Renfrew C. and C. Scarre, 7–17. Cambridge: McDonald Institute.
- Dor, D. and E. Jablonka. 2014. Why we need to move from gene-culture co-evolution to culturally driven co-evolution. In *The social origins of language*, edited by Dor, D. Chr. Knight, and

- J. Lewis, 15–30. Oxford Univ. Press.
- Dor, D. Chr. Knight, and J. Lewis. (ed.). 2014. *The social origins of language*. Oxford Univ. Press.
- Drobyshevsky, S. V. 2017. *Antropogenez* [Anthropogenesis]. Moscow: Arhe, Modern-A.
- Dunbar, R. I. 2004. Gossip in evolutionary perspective, *Review of General Psychology* 8 (2): 100–110.
- Falk, D. 2004. Prelinguistic evolution in early hominins: Whence Motherese? *Behavioral and Brain Sciences* 27: 491–541.
- Fitch, W. T. 2010. *Evolution of language*. Cambridge Univ. Press.
- Fitch, W. T. 2009. Fossil cues to the evolution of speech. In: *The Cradle of Language*, edited by Botha R. and Chr. Knight, 112–134. Oxford Univ. Press.
- Gabora, L. and C. M. Smith. 2018. Two cognitive transitions underlying the capacity for cultural evolution. *Journal of Anthropological Sciences* 96: 1–26.
- Gärdenfors, P., and M. Osvath. 2010. Prospection as a cognitive precursor to symbolic communication. In: *The evolution of human language: Bilingual Perspectives*, edited by Larson R. K., V. Déprez, and H. Yamakido, 103–114. Cambridge Univ. Press.
- Givón, T. 2009. *The genesis of syntactic complexity: diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Co.
- Hauser, M.D., N. Chomsky, and W.T. Fitch, 2002. The faculty of language: what is it, who has it, and how did it evolve? *Science* 298 (5598): 1569–1579.
- Henrich, J. 2016. *The secret of our success. How culture is driving human evolution, domesticating our species, and making us*. Princeton University Press.
- Heyes, C. M. 2012. What can imitation do for cooperation? In: *Signalling, commitment and cooperation*, edited by Calcott, B., R. Joyce, and K. Sterelny, 313–331. Cambridge, MA: MIT Press.
- Hrdy, S. B. 1999. *Mother nature: a history of mothers, infants and natural selection*. Boston: Pantheon Books.
- Hurford, J. R. 1999. The evolution of language and of languages. In: *The evolution of culture*, edited by Dunbar, R., C. Knight, and C. Power, 173–193. Edinburgh Univ. Press.
- Jackendoff, R. 2002. *Foundations of language: brain, meaning, grammar, evolution*. Oxford Univ. Press.
- Kozintsev, A. G. 2013. Zoosemiotika i glottogenez [Zoosemiotics and Glottogenesis], *Antropologicheskiy forum* 19: 326–359.
- Laland K. N. 2017. *Darwin's unfinished symphony. How culture made the human mind*. Princeton Univ. Press.
- Lloyd, E.A. 2004. Kanzi, evolution, and language. *Biology and philosophy* 19: 577–588.
- Lovejoy, C.O. 2009. Reexamining human origins in light of *Ardipithecus ramidus*. *Science* 326 (5949): 74–74e8.
- Lumsden, E. O. and Ch. J. Wilson. 1983. *Promethean fire: reflections on the origin of mind*. Harvard Univ. Press.
- Markov, A. V. and M. A. Markov. 2020. Runaway brain-culture coevolution as a reason for larger brains: Exploring the “cultural drive” hypothesis by computer modeling. *Ecology and evolution* 10 (12): 1–19.
- Miller, G. 2001. *The mating mind: how sexual choice shaped the evolution of human nature*. Vintage.
- Nolfi, S. and M. Mirolli. 2010. *Evolution of communication and language in embodied agents*. Heidelberg, Dordrecht, London, New York: Springer.
- Odling-Smee, F. J., K. N. Laland, and M. W. Feldman. 2003. *Niche construction: the neglected process in evolution*. Princeton Univ. Press.
- Pinker, S. 1994. *The language instinct*. New York, NY: Harper.
- Power, C. 2014. The evolution of ritual as a process of sexual selection. In: *The social origins of language*, edited by Dor, D., Chr. Knight, and J. Lewis, 196–207. Oxford Univ. Press.
- Sterelny, K. 2016. Cumulative cultural evolution and the origins of language. *Biological theory*, 25: 173–186.
- Stringer, Chr. 2012. *Lone survivors: how we came to be the only humans on earth*. Times Books.
- Tomasello, M. 2008. *Origins of human communication*. Cambridge, MA: The MIT Press.

- Tomasello, M. 2019. *Becoming human a theory of ontogeny*. The Belknap Press of Harvard Univ. Press.
- Vygotsky, L. S. 2005. *Psikhologiya razvitiia cheloveka* [The psychology of human development]. Moscow: Smysl Publ.; Eksmo Publ.
- Waal de, F. B. M. 1995. Bonobo sex and society. The behavior of a close relative challenges assumptions about male supremacy in human evolution. *Scientific American*, March: 82–88.
- White, T. D., C. O. Lovejoy, B. Asfaw, J. P. Carlson, and G. Suwa. 2015. Neither chimpanzee nor human, *ardipithecus* reveals the surprising ancestry of both. *PNAS* 112 (16): 4877–4884.
- Wood, B. and A. Bauernfeind. 2012. The fossil record: evidence for speech in early hominins. In: *Language Evolution*, edited by Tallerman, M. and K. Gibson, 258–272. Oxford Univ. Press.
- Wrangham, R. 2009. *Catching fire. How cooking made us human*. Profile books.
- Wrangham R. 2019. *The goodness paradox: the strange relationship between virtue and violence in human evolution*. Pantheon.
- Zlatev, J. 2014. The co-evolution of human intersubjectivity, morality, and language. In *The social origins of language*, edited by Dor, D., Chr. Knight, and J. Lewis, 249–266. Oxford Univ. Press.

© В.Н. Буркова, М.Л. Бутовская, Ю.Н. Феденок, Д.А. Дронова

## КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ УРОВНЯ ЭМПАТИИ, АГРЕССИИ И ТРЕВОЖНОСТИ У РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И ТАТАР)

*Эмпатия – одна из основных социальных эмоций человека, в значительной мере способствующая его успешной социализации и нормальному функционированию внутри общества. В данной работе этот феномен рассмотрен во взаимосвязи с другими личностными характеристиками индивида – физической и вербальной агрессией, враждебностью, уровнем личностной и ситуативной тревожности. Исследование основывается на выборке 489 студентов из двух городов России – г. Москва (237 чел.) и г. Казани (252 чел.). Авторами были выявлены достоверные гендерные и кросс-культурные различия эмпатии, агрессии и тревожности. Студентки характеризовались более выраженной эмпатией и более высокой личностной тревожностью, нежели юноши, в обеих выборках. В московской выборке у девушек наблюдался значимо более высокий уровень ситуативной тревожности, тогда как у казанских студентов более тревожны под влиянием стресса были юноши. Кросс-культурные различия выявлены по всем показателям кроме физической агрессии, ситуативной тревожности у юношей, личностной тревожности у обоих полов – по всем значимым шкалам суммарные баллы были выше у московских студентов. Значимых различий в эмоциональной реакции на стимульные фотографии выявлено не было. Обнаружена отрицательная связь эмпатии с физической и вербальной агрессией у московских девушек, с вербальной агрессией и враждебностью у московских юношей. Показано наличие положительной взаимосвязи между тревожностью и эмпатией, но только у татарских юношей. Полученные данные позволяют лучше понять взаимосвязь эмпатии с агрессивным поведением, личностной и ситуативной тревожностью, реакцией индивидов на стрессовые факторы с учетом культурного фактора.*

**Буркова Валентина Николаевна** – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский проспект, 32А); Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (109028 Москва, Мясницкая ул., 20). Эл. почта: burkovav@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4777-0224>

**Бутовская Марина Львовна** – член-корр. РАН, д.и.н., проф., г.н.с., Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский проспект, 32А); Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (109028 Москва, Мясницкая ул., 20). Эл. почта: marina.butovskaya@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5528-0519>

**Феденок Юлия Николаевна** – к.и.н., научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский проспект, 32А). Эл. почта: fedenok.julia@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6103-6064>

**Дронова Дарья Алексеевна** – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский проспект, 32А). Эл. почта: dariadronova@yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6103-6064>

\*Статья подготовлена на средства гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00075)

**Ключевые слова:** эмпатия, агрессия, тревожность, стимульные фотоизображения, студенты, русские, татары

**Ссылка при цитировании:** Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н., Дронова Д.А. Кросс-культурные и гендерные различия уровня эмпатии, агрессии и тревожности у российской молодежи (на примере русских и татар) // Вестник антропологии, 2022. № 1. С.20–44

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/20-44

© V.N. Burkova, M.L. Butovskaya, Yu.N. Fedenok, D.A. Dronova

## CROSS-CULTURAL AND SEX DIFFERENCES OF EMPATHY, AGGRESSION AND ANXIETY AMONG RUSSIAN STUDENTS (THE CASE OF RUSSIAN AND TATAR STUDENTS)

*Empathy is one of the primary social emotions in humans, which facilitates successful socialization and normal functioning of a person within society. The article considers empathy in conjunction with other personal characteristics (physical and verbal aggression, hostility, personal or situational anxiety). This empirical study was conducted on a sample of 489 students from two Russian cities – Moscow (237 persons) and Kazan (252 persons). The authors founded sex and cross-cultural differences in empathy, aggression, and anxiety. This data allows for a better understanding of the relationship between empathy and aggressive behavior, personal and situational anxiety, and the individual reaction to stress factors.*

*Females were characterized by higher levels of empathy and personal anxiety than males in both samples. In the Moscow sample, the girls in comparison with the boys showed a significantly higher level of situational anxiety, while the Kazan males were more anxious under the influence of stress. Sex differences were found on three scales of aggression – boys had significantly higher values of physical and verbal aggression than girls in both samples, the level of hostility among Moscow students was higher among girls, but not in Kazan. Cross-cultural differences were founded for all scales except physical aggression and situational anxiety in boys, and personal anxiety in both sexes – on all scales the total scores were higher among Moscow students. No significant differences were found in emotional responses to stimulus photographs. Also, a negative connection was found between empathy and physical and verbal aggression in Moscow girls, and with verbal aggression and hostility in Moscow boys. The presence of a positive relationship between anxiety and empathy was shown only in Tatar males. This data allows to better understand the relationship between empathy and aggressive behavior, personal and situational anxiety, and the reaction of individuals to stress factors including the influence of the cultural factor.*

**Keywords:** *empathy, aggression, anxiety, stimulus foto, students, Russian, Tatars*

**For Citation:** Burkova, V., M. Butovskaya, J. Fedenok and D. Dronova. 2022. Cross-cultural and sex differences of empathy, aggression and anxiety among Russian students (on examples Russian and Tatars). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 20–44.

**Author Info: Burkova, Valentina N.** – PhD, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). E-mail: burkovav@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4777-0224>.

**Butovskaya, Marina L.** – Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Professor, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). E-mail: [marina.butovskaya@gmail.com](mailto:marina.butovskaya@gmail.com); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5528-0519>.

**Fedenok, Juliya N.** – PhD, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: [fedenok.julia@gmail.com](mailto:fedenok.julia@gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6103-6064>

**Dronova, Daria A.** – Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: [dariadronova@yandex.ru](mailto:dariadronova@yandex.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2735-6248>

**Financial support:** This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (grant № 18-18-00075).

## Введение

Эмпатия – одна из основных социальных эмоций человека, которая в значительной мере способствует его успешной социализации и нормальному функционированию внутри общества. Эмпатическая включенность в процесс общения представляет собой профессионально значимую личностную характеристику, необходимую для работы в таких сферах, как медицина, психотерапия, педагогика, социальная работа и многие другие (Буркова и др. 2019). Известно также, что ряд психических заболеваний, зачастую связанных с проблемами взаимодействия с другими членами общества и дефицитом в понимании последствий собственных действий для других людей (аутизм, синдром Аспергера, антисоциальное расстройство личности, шизофрения и др.), характеризуется низким уровнем эмпатии (Baron-Cohen, Wheelwright 2004).

В работах психологов эмпатия определяется как способность входить в состояния другого человека, как сопереживание и сочувствие. Эмпатия часто рассматривается в рамках Теории мышления (Theory of mind) как способность понимать психические и эмоциональные состояния других людей посредством рассуждений о мыслях, эмоциях или убеждениях других (Winter et al. 2017). Представляется возможным выделить несколько критериев, которые упорядочивают определения – когнитивная и аффективная природа эмпатии, конгруэнтность эмоциональных проявлений, особенности объекта эмпатии, понимание причин возникновения эмпатии, личностная и ситуативная природа эмпатии, ее связь с поведением, эмпатия как автоматический и контролируемый процесс (подробнее см. Бовина 2020). Как следствие сложности данного феномена и многообразия определений впечатляет и количество методик для измерения эмпатии. В данной работе использованы два опросника – опросник диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко (Бойко 1996) и тест оценки уровня эмпатии EQ (Baron-Cohen, Wheelwright 2004).

Многие исследователи отмечают, что эмпатические реакции индивида чаще всего направлены на представителей своей группы – тех, кто включен в его идентичность, с кем существует какая-либо привязанность (Бовина 2020; Буркова и др. 2020). Исследования демонстрируют сильную связь между эмпатией и альтруизмом. При этом люди проявляют больше альтруизма по отношению к друзьям, чем к незнакомцам. К представителям чужой группы, в том числе чужой культуры, отношение менее эмпатичное и более агрессивное, что проявляется уже с самого раннего детства (Знаменская, Александров 2019). Культурные нормы и традиции накладывают свой отпечаток и на модели эмпатического поведения – в процессе социализации ребенку в семье и окружающей его среде демонстрируются установки по отношению к другим людям, таким образом ребенок учится выражать чувства определенным образом.

Многие работы указывают на связь антисоциального поведения, агрессии и низкого уровня эмпатии или ее отсутствие (Miller, Eisenberg 1988; Sergeant et al. 2006). Предполагается, что агрессивное поведение сдерживается, когда мы правильно представляем соответствующие последствия (урон) своих действий для других людей (Winter u др. 2017). В одном из первых метаанализов, посвященных связи агрессии и эмпатии, была показана отрицательная связь эмпатии и агрессии в анкетных исследованиях, но не обнаруживалось значимой связи в экспериментальных исследованиях, большинство из которых были проведены среди детей (Miller, Eisenberg 1988). Криминологи отмечают, что преступники часто неверно истолковывают намерения других людей и не могут оценить влияние своих собственных действий на окружающих. Анкетирование среди правонарушителей обнаружило слабую негативную связь агрессии с эмпатией и более сильную негативную связь с когнитивным восприятием ситуации, хотя недавние исследования показали, что у преступников не было дефицита в оценке поведения других людей как правильных или неправильных, но были проблемы в разделении страданий других людей, в распознавании их эмоций и в сочувствии (Mariano et al. 2017). Устойчивая отрицательная взаимосвязь между эмпатией и агрессией наблюдалась у подростков, слабая взаимосвязь между этими показателями у взрослых представлена в недавнем мета-анализе (Vachon et al. 2014). В целом, следует, однако, отметить некоторую противоречивость полученных данных. Возможной причиной такой ситуации могут являться методологические проблемы в оценке эмпатии и теории мышления с помощью анкетирования.

В рамках исследований эмпатии и агрессии часто рассматривается их связь с алекситимией (alexithymia) – чертой личности, описывающей трудности в выявлении и выражении собственных эмоциональных состояний. Распространенность алекситимии увеличивается у агрессивных людей и связана с дефицитом эмпатии (Winter u др. 2017). Люди с алекситимией менее эмпатичны, поскольку у них нет возможности точно идентифицировать, описать и выразить свои собственные эмоции, что делает еще более трудным для них представлять чувства других.

Напротив, развитая способность к эмпатии связана с успешным разрешением конфликтов, просоциальным и альтруистическим поведением (Буркова и др. 2019). Просоциальные дети более альтруистичны и обладают высоким уровнем эмпатии. «Эмпатия является важным посредником, с помощью которого такие социальные факторы, как межгрупповой контакт и восприятие общей идентичности, формируют межгрупповые установки и поведение» (Бовина 2020: 93). Парохиализм как положительное отношение к представителям своей социальной группы (сформированной

по любому критерию – расовой, социальной, этнической, культурной, религиозной и др.) способствует функционированию и эффективности собственной группы, поскольку такое поведение в перспективе дает людям долгосрочные выгоды и увеличивает вероятность выживания (*Ростовцева, Бутовская 2017; Бутовская и др. 2020*).

Эмоции наряду с когнитивными способностями играют важную роль в принятии моральных решений: эгоистические решения человек принимает в основном с целью личной выгоды, тогда как альтруистические решения он делает в интересах других людей, потому что чувствует их потребности. В данном случае речь идет о связанности альтруизма и эмпатии – эмпатия необходима, чтобы чувствовать потребности других людей. Позволяя индивиду быстро соотноситься с состоянием других, эмпатия прежде всего важна для регулирования социальных взаимодействий, скоординированной деятельности и сотрудничества группы в достижении общих целей (*Clay et al. 2018*). Альтруизм, порожденный эмпатией, «черпает силы» в эмоциональной заинтересованности в благополучии другого индивида. В свою очередь стресс оказывает влияние на когнитивные и эмоциональные процессы, например, на страх и принятие решений, не связанных с моралью (*Preston et al. 2007*). Тревога (тревожность) является основным составляющим стрессового синдрома и проявляется как на психологическом, так и на физиологическом уровнях. Исследования в данной области показывают, что стресс влияет на простое, не основанное на моральных принципах, принятие решений. В одной из работ была продемонстрирована отрицательная связь между жизненным стрессом, тревогой и принятием решений в тест-задачах (*Garvey, Klein 1993*). Студенты, сообщающие о стрессе, вызванном предстоящими экзаменами, показывали склонность к краткосрочному мышлению в задаче принятия решений, основанной на обработке эмоциональной обратной связи (*Грей 1993*). Нейропсихологические исследования показывают, что стресс, искусственно вызванный в лаборатории, связан с принятием решений, которые приводят к неблагоприятным результатам в долгосрочной перспективе. При принятии решений, основанных на обработке эмоциональной обратной связи, испытывающие стресс респонденты имели более медленную кривую обучения (*Preston et al. 2007*).

Гендерные (половые) различия определяют существенную часть различий в поведении человека. Отличия мужчин и женщин по агрессии изучены довольно хорошо, в том числе многие работы посвящены кросс-культурной вариативности агрессивного поведения (*Butovskaya et al. 2019; Butovskaya et al. 2015; Nakano 2001*). Одним из наиболее распространенных и апробированных в разных странах является опросник Басса и Перри, классифицирующий агрессивное поведение по четырем шкалам: физическая агрессия, гнев, враждебность, вербальная агрессия (*Buss, Perry 1992*). Этот опросник используется и в данном исследовании. Универсальным результатом практически всех работ можно назвать то, что мужчины имеют более высокий уровень физической агрессии по сравнению с женщинами практически во всех исследованных обществах, тогда как практика использования других видов агрессии варьирует от культуры к культуре.

Половые различия по чертам личности также были отмечены в кросс-культурных исследованиях последних лет. Многочисленными работами подтверждено, что женщины более эмпатичны и эмоциональны (*Буркова и др. 2019; Baron-Cohen, Wheelwright 2004*). Также женщины, по сравнению с мужчинами, демонстрируют более высокие самооценки по тревожности (*Буркова и др., 2019; Paro et al. 2014*).

### Методы и участники исследования

Данные были собраны в 2015-2016 гг. среди студентов г. Казани и в 2018–2019 гг. среди студентов г. Москвы. В исследовании приняли участие 489 студентов: 237 человек из г. Москвы (77 юношей и 160 девушек) и 252 человек из г. Казани (135 юношей и 117 девушек) в возрасте от 17 до 22 лет. Студенты не являлись учащимися медицинских вузов или иных специальностей, в будущем связанных с реабилитацией инвалидов или лиц с ОВЗ. Большинство студентов из московской выборки (86%) составили представители русского этноса по самооценке респондентов, казанская выборка представлена 75% татар и 23% русских.

Процедура исследования состояла из трех этапов – заполнение психологических опросников до предъявления стимульного материала, предъявление стимульного материала, заполнение части психологических опросников после презентации. Исследование проводилось на анонимной и добровольной основе в свободное от занятий время.

На первом этапе все респонденты заполняли личностный опросник уровня агрессивного поведения (*Buss, Perry 1992*), опросник Спилберга-Ханина по определению уровня личностной тревожности (*Спилбергер, Ханин 2002*), казанские студенты заполняли опросник диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко (*Бойко 1996*), московские респонденты заполняли тест оценки уровня эмпатии Empathy Quotient (EQ) (*Baron-Cohen, Wheelwright 2004*). Под личностной тревожностью понимается устойчивая индивидуальная характеристика, отражающая предрасположенность субъекта к тревоге и предполагающая наличие у него тенденции воспринимать достаточно широкий спектр ситуаций как угрожающие, отвечая на каждую из них определенной реакцией. Как предрасположенность, личная тревожность активизируется при восприятии определенных стимулов, расцениваемых человеком как опасные для самооценки, самоуважения» (*Спилбергер, Ханин 2002*). Далее респондентам в случайном порядке предъявляли набор фотографий с изображением реальных людей-инвалидов или лиц с ограниченными возможностями здоровья (всего 39 слайдов) с явно выраженными физическими недостатками (люди в инвалидных колясках, с протезами или на костылях, лишённые конечностей или с деформированными конечностями, различными патологиями, дети с синдромом Дауна, ДЦП, слепые). После просмотра фотоизображений испытуемые повторно заполняли опросники по эмпатии, а также опросник Спилберга-Ханина по определению уровня ситуативной тревожности (*Спилбергер, Ханин 2002*). Этот опросник позволяет дифференцировать тревожность не как личностное свойство, а как состояние, возникающее в результате реакции на стрессоры – в данном исследовании стрессором являлась презентация с изображением лиц с ограниченными возможностями здоровья. Ситуативная или реактивная тревожность как состояние характеризуется субъективно переживаемыми эмоциями: напряжением, беспокойством, озабоченностью, нервозностью (*Спилбергер, Ханин 2002*).

Полученные данные были обработаны статистическими методами с помощью программы SPSS-23 для Windows.

### Результаты

Для определения надежности используемых шкал поведения был проведен анализ надежности и вычислена альфа Кронбаха (Cronbach's alpha). Из представленных значений низкая надежность была получена по шкале общей эмпатии опросника

диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко (Таблица 1). Полученный результат аналогичен данным В. Косоногова, сравнившего три вида опросников на эмпатию и установившего высокую надежность опросника Барон-Козна ( $\alpha=0,85$ ) (Kosonogov 2014). По поводу опросника В.В. Бойко некоторые психологи уже отмечали, что «во-первых, не удалось отыскать никаких сведений о процедуре психометрической проверки его надежности и валидности. Во-вторых, вызывает возражения обоснованность теоретических конструкторов, положенных в основу теста» (Карягина и др. 2013: 207). Остальные коэффициенты превышали 0,6, что свидетельствует о приемлемой и хорошей надежности используемых методик.

Таблица 1

### Значения надёжности используемых шкал ( $\alpha$ Кронбаха)

Шкалы	Москва	Казань
Физическая агрессия	0,836	0,728
Вербальная агрессия	0,625	0,636
Гнев	0,839	0,735
Враждебность	0,699	0,669
Общая эмпатия (Барон-Козн) до презентации	0,870	–
Общая эмпатия (Барон-Козн) после презентации	0,893	–
Общая эмпатия (Бойко) до презентации	–	0,443
Общая эмпатия (Бойко) после презентации	–	0,455
Личностная тревожность до презентации	0,635	0,808
Ситуативная тревожность после презентации	0,678	0,873

Для обнаружения основных эффектов независимых переменных (пола и региона исследования) в отношении зависимых переменных (эмпатия, тревожность, агрессия) был проведен дисперсионный анализ (ANOVA). Анализ показал значимый эффект пола по всем шкалам поведения кроме гнева и ситуативной тревожности, значимый эффект региона по всем шкалам кроме личностной тревожности (Таблица 2).

Таблица 2

### Эффекты пола и региона проведения исследования на самооценки по агрессии, эмпатии и тревожности (общая выборка)

Независимая переменная	Зависимая переменная	F (df)	P	$\eta^2$
Пол	Физическая агрессия	56,74 (1)	2,4551E-13	0,105
	Вербальная агрессия	14,82 (1)	0,0001	0,030
	Гнев	2,998 (1)	NS	0,006
	Враждебность	6,884 (1)	0,009	0,014
	Общая эмпатия (Барон-Козн) до презентации	15,292	0,0001	0,062
	Общая эмпатия (Барон-Козн) после презентации	15,305 (1)	0,0001	0,062

Независимая переменная	Зависимая переменная	F (df)	P	$\eta^2$
Пол	Общая эмпатия (Бойко) до презентации	22,102 (1)	0,000004	0,083
	Общая эмпатия (Бойко) после презентации	17,040	0,00005	0,065
	Личностная тревожность	24,725 (1)	9,2206E-7	0,049
	Ситуативная тревожность	0,146	NS	0,000
Регион	Физическая агрессия	26,11(1)	4,6539E-7	0,051
	Вербальная агрессия	92,13(1)	4,3451E-20	0,160
	Гнев	193,398	3,1456E-37	0,286
	Враждебность	85,420	7,6576E-19	0,150
	Личностная тревожность	0,181	NS	0,000
	Ситуативная тревожность	38,008	1,9056E-9	0,096

\* *F* – тест различий групповых средних, *df* – степень свободы, *P* – статистическая значимость,  $\eta^2$  – коэффициент частный *Эта*<sup>2</sup> (показатель величины эффективного размера для ANOVA – процент дисперсии в зависимой переменной, уникально объясняемый данной независимой переменной).

Для определения гендерных и кросс-культурных различий поведенческих показателей был применен Т-тест (t-критерий Стьюдента) для независимых выборок (Таблицы 3, 4; рисунок 1).

Таблица 3

**Гендерные различия эмпатии, тревожности и агрессии у московских и казанских студентов**

Показатель	Юноши			Девушки			T	df	P
	N	mean	SD	N	mean	SD			
МОСКОВСКИЕ СТУДЕНТЫ									
Физическая агрессия	77	21,87	6,51	159	19,86	7,07	2,167	234	,032
Вербальная агрессия	77	16,74	4,07	159	15,34	3,72	2,619	234	,009
Гнев	77	16,95	6,78	159	18,69	6,27	-1,951	234	NS
Враждебность	77	23,10	5,55	159	25,13	5,89	-2,578	234	,011
Общая эмпатия (Барон-Коэн) до презентации	74	35,79	11,83	159	42,12	11,33	-3,910	231	,000
Общая эмпатия (Барон-Коэн) после презентации	76	35,49	12,89	157	42,24	12,07	-3,912	231	,000
Личностная тревожность	77	42,03	10,19	159	47,60	10,99	-3,736	234	,000
Ситуативная тревожность	37	40,05	11,64	78	45,72	11,84	-2,409	113	,018

Показатель	Юноши			Девушки			T	df	P
	N	mean	SD	N	mean	SD			
КАЗАНСКИЕ СТУДЕНТЫ									
Физическая агрессия	135	21,30	4,52	116	15,53	4,00	10,626	249	,000
Вербальная агрессия	135	13,41	3,38	116	12,18	3,50	2,840	249	,005
Гнев	135	11,31	3,20	116	11,38	3,64	-0,158	249	NS
Враждебность	135	19,53	4,19	116	20,15	4,59	-1,106	249	NS
Общая эмпатия (Бойко) до презентации	134	17,25	4,19	113	19,63	3,64	-4,701	245	,000
Общая эмпатия (Бойко) после презентации	134	17,42	4,44	112	19,67	4,04	-4,163	244	,000
Личностная тревожность	133	43,11	6,70	114	46,18	7,33	-3,447	245	,001
Ситуативная тревожность	132	38,56	6,93	113	36,73	5,44	2,321	243	,021

\* N – количество респондентов, mean – среднее значение; SD – стандартное отклонение; N – количество случаев; t-коэффициент; df – степень свободы; P – значимость; NS – не значимо.

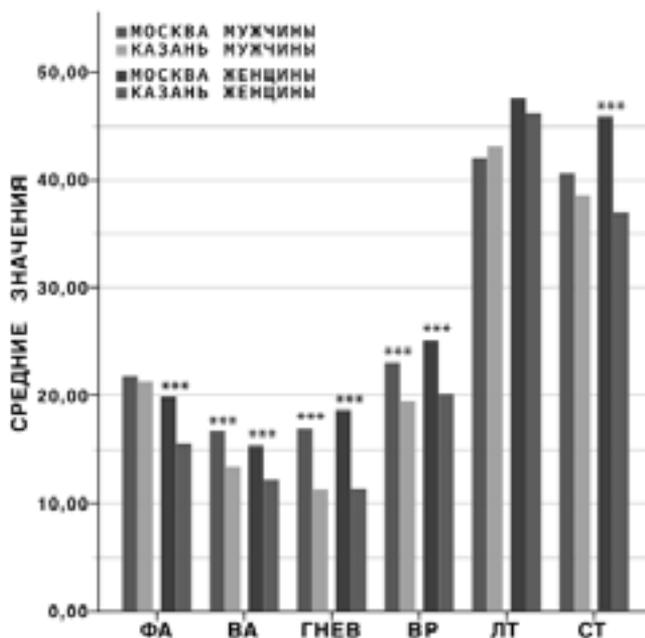


Рис. 1. Кросс-культурные различия тревожности и агрессии у московских и казанских студентов (ФА – физическая агрессия, ВА – вербальная агрессия, ВР – враждебность, ЛТ – личностная тревожность, СТ – ситуативная тревожность).

Fig. 1. Cross-cultural differences in anxiety and aggression among Moscow and Kazan students (“ФА” – physical aggression, “ВА” – verbal aggression, “ВР” – hostility, “ЛТ” – personal anxiety, “СТ” – situational anxiety).

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что юноши имели достоверно более высокие значения показателей физической и вербальной агрессии, чем девушки, в обеих выборках. Гендерных различий по шкале гнев у студентов из двух городов обнаружено не было. Уровень враждебности у московских студентов был выше у девушек, в г. Казани гендерных различий по данной шкале не обнаружено (Таблица 3).

Студентки характеризовались более выраженной эмпатией и более высокой личностной тревожностью, нежели студенты-юноши, в обеих выборках (таблица 3). Однако общий уровень эмпатии в соответствии с нормами теста Бойко в казанской выборке являлся сниженным (15-21 балл). В московской выборке у девушек по сравнению с юношами наблюдался значимо более высокий уровень ситуативной тревожности, тогда как у казанских студентов более тревожны под влиянием стресса были юноши (Таблица 3). Значения показателей тревожности оставались в пределах умеренной (31-45) или высокой (46 и более) величин.

Кросс-культурные различия были выявлены по всем показателям кроме физической агрессии и ситуативной тревожности у юношей, и личностной тревожности у обоих полов (рисунок 1, таблица 4). По всем шкалам агрессивного поведения суммарные баллы были выше у московских студентов по сравнению с казанскими – как у юношей, так и у девушек. Показатели самооценки по ситуативной тревожности также были значимо выше у московских студенток по сравнению с казанскими (рис. 1, Таблица 4).

Поскольку в исследуемых выборках были применены два разных опросника по эмпатии, прямое кросс-культурное сравнение между двумя выборками не представляется возможным, однако это не мешает проведению анализа взаимосвязей с другими чертами поведения.

Сравнительный анализ средних значений уровня эмпатии до и после предъявления стимульных изображений показали незначительные изменения реакции на фото с инвалидами – средние значения по оси Y значимо не различаются, хотя опреде-

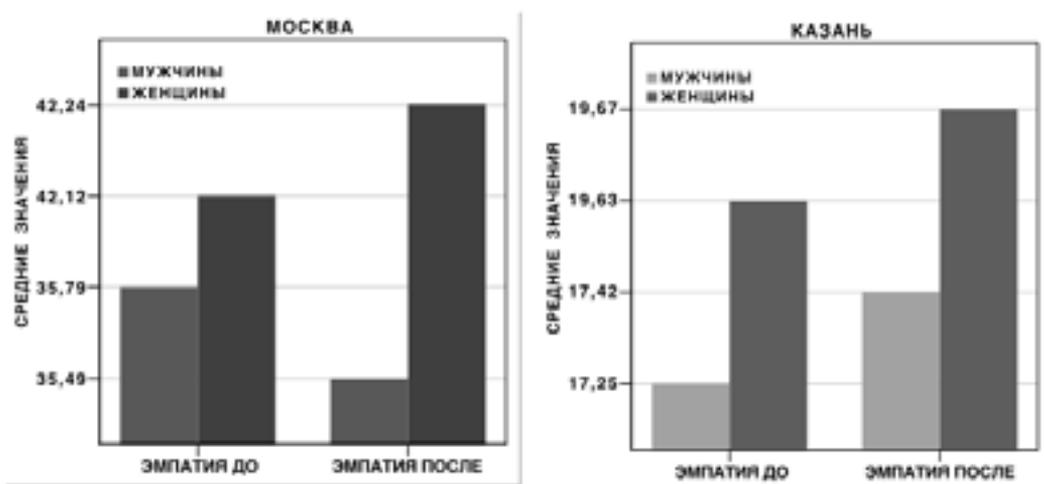


Рис. 2. Различия в оценках респондентами своего уровня эмпатии до и после предъявления стимульных изображений (отдельно для московской и казанской выборок).  
 Fig. 2. Differences in respondents' assessments of their level of empathy before and after being exposed to stimulus images (for the Moscow and Kazan samples).

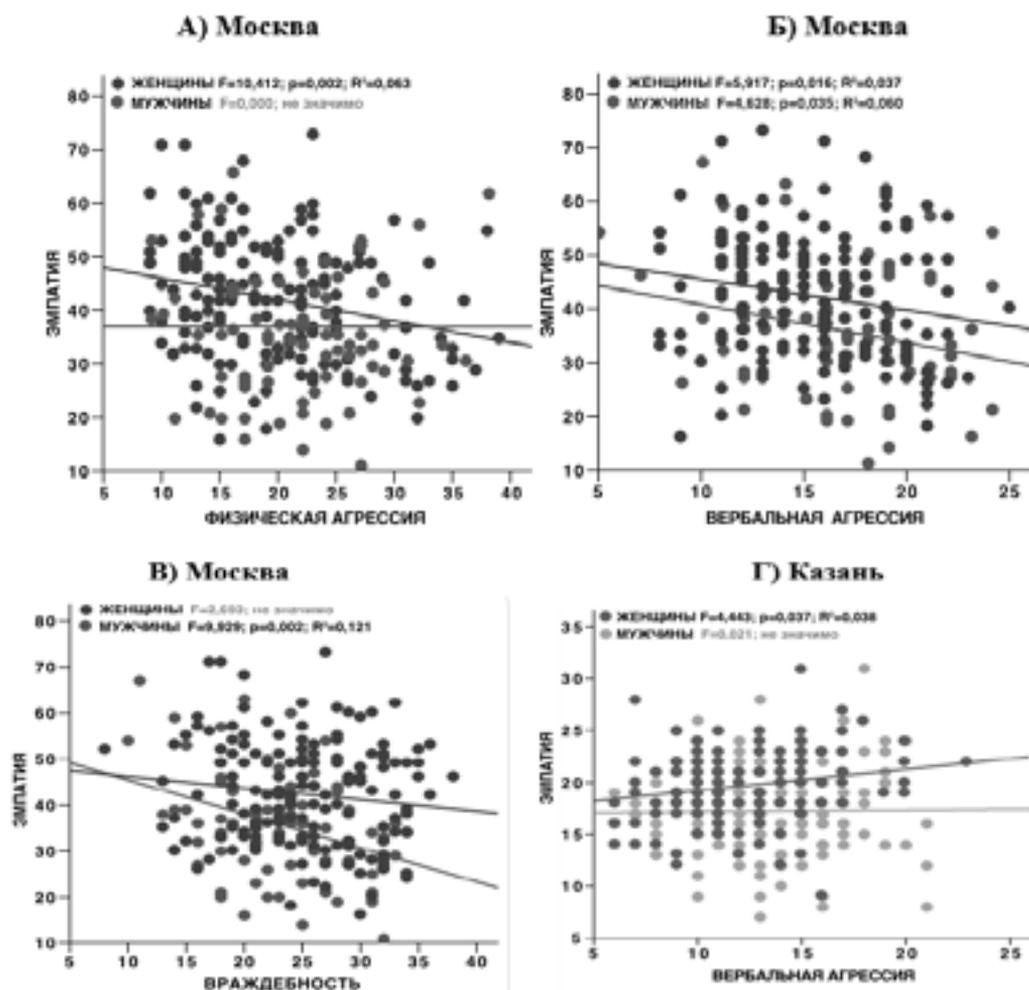


Рис. 3. Взаимосвязь уровня эмпатии и четырех шкал агрессии у московских (А, Б, В) и казанских студентов (Г). Fig. 3. The relationship between the level of empathy and the four aggression scales among Moscow (A, B, C) and Kazan students (D).

ленная тенденция наблюдается (рис. 2). Таким образом, значимых различий в эмоциональной реакции на стимульные фотографии выявлено не было. Необходимо, однако, отметить, что у московских юношей в отличие от московских девушек и от всех казанских студентов, наблюдается обратная тенденция – после просмотра изображений уровень эмпатии снижается (рис. 2).

Далее нами был проведен регрессионный анализ для выявления взаимосвязей между уровнем эмпатии и шкалами агрессии у московских и казанских студентов (рис. 3). На данных рисунках представлены только те результаты, которые имели значимые показатели. В г. Москве среди девушек были найдены значимые зависимости уровня эмпатии с двумя шкалам агрессии – физической и вербальной агрессией, а у юношей – с вербальной агрессией и враждебностью. Студенты, оценивавшие себя как более эмпатичные, имели более низкие самооценки по данным типам агрессии (рис. 3А, 3Б, 3В). В казанской выборке значимые корреляции эмпатии обнаружены только с вербальной

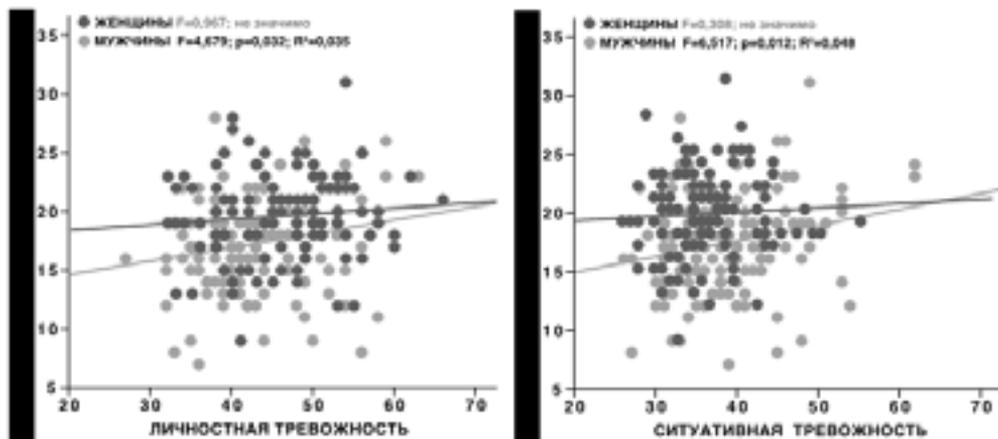


Рис. 4. Взаимосвязь уровня эмпатии и тревожности у казанских студентов.  
 Fig. 4. The relationship between the levels of empathy and anxiety among Kazan students.

агрессией у девушек, при этом направление связи было противоположно полученным результатам по московским студентам – девушки с более высокими самооценками по эмпатии имели более высокие самооценки по вербальной агрессии (рис. 3Г).

Таблица 4

**Кросс-культурные различия тревожности и агрессии  
 у московских и казанских студентов**

Показатель	МОСКВА			КАЗАНЬ			T	df	P
	N	mean	SD	N	mean	SD			
<b>ЮНОШИ</b>									
Физическая агрессия	77	21,87	6,51	135	21,30	4,52	0,745	210	NS
Вербальная агрессия	77	16,74	4,07	135	13,41	3,38	6,394	210	,000
Гнев	77	16,95	6,78	135	11,31	3,20	8,201	210	,000
Враждебность	77	23,10	5,55	135	19,53	4,19	5,287	210	,000
Личностная тревожность	77	42,03	10,19	133	43,11	6,70	-0,925	208	NS
Ситуативная тревожность	37	40,05	11,64	132	38,56	6,93	0,982	167	NS
<b>ДЕВУШКИ</b>									
Физическая агрессия	159	19,86	7,07	116	15,53	4,00	5,923	273	,000
Вербальная агрессия	159	15,34	3,72	116	12,18	3,50	7,150	273	,000
Гнев	159	18,69	6,27	116	11,38	3,64	11,253	273	,000
Враждебность	159	25,13	5,89	116	20,15	4,59	7,584	273	,000
Личностная тревожность	59	47,60	10,99	114	46,18	7,33	1,195	271	NS

Показатель	МОСКВА			КАЗАНЬ			T	df	P
	N	mean	SD		mean	SD			
Ситуативная тревожность	78	45,72	11,84	113	36,73	5,44	7,070	189	,000

\* N – количество респондентов, mean – среднее значение; SD – стандартное отклонение; N – количество случаев; t-коэффициент; df – степень свободы; P – значимость; NS – не значимо

Значимых взаимосвязей эмпатии и тревожности у московских студентов обнаружено не было (юноши  $F=0,418$ ,  $p=0,520$ ; девушки  $F=0,055$ ,  $p=0,814$  по личностной тревожности; юноши  $F=0,988$ ,  $p=0,327$ ; девушки  $F=1,234$ ,  $p=0,270$  по ситуативной тревожности), тогда как у казанцев только у юношей уровень эмпатии был значимо связан с обоими видами тревожности (рис. 4). Таким образом, казанские юноши, оценившие себя как более эмпатичные, имели более высокие оценки как по личностной, так и по ситуативной тревожности (рис. 4).

### Обсуждение

Гендерные различия по эмпатии в исследуемых выборках были значимы и для русских, и для татар – девушки оказались более эмпатичными, чем юноши. Схожие результаты были найдены в исследовании русской популяции у В. Косоногова как по опроснику EQ, так и по опроснику Бойко (Kosonogov 2014). При этом в таблице 5 видно, что наши показатели по эмпатии Бойко у татар имеют более низкие значения, чем у русских в работе В. Косоногова, то есть русские респонденты в целом более эмпатичны (Kosonogov 2014) (Таблица 5). Тогда как у русских мужчин более старшего возраста (33,9 лет) общий балл по эмпатии Бойко был низким – 15,04 (Бутовская и др. 2020). Полученные нами гендерные различия по эмпатии согласуются с результатами многих других работ (Baron-Cohen, Wheelwright 2004) (см. Таблицу 5). Во всех ранее исследованных популяциях с использованием опросника EQ женщины повсеместно демонстрировали более высокий уровень самооценки эмпатии (Таблица 5). Самый высокий уровень эмпатии наблюдается у британцев и итальянцев, тогда как самый низкий – у японцев (Таблица 5).

Общий уровень эмпатии в соответствии с нормами теста Бойко в казанской выборке являлся сниженным (15-21 балл), также, как и у русских в других работах (Ростовцева, Бутовская 2017; Kosonogov 2014), в том числе в работе, проведенной на взрослых респондентах из Казани, хотя этническая принадлежность в данной работе не была указана (Семенова-Полях, Ванюхина 2017), у бурят (Ростовцева, Бутовская 2017). В исследовании, проведенном среди студентов факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, юноши и девушки показали чуть более высокие значения общего уровня эмпатии (22,3-22,4 балла без дифференциации по полу) (Дегтярев, Галкина 2016). Тогда как в другой работе, оценивавшей эмпатию у студентов-гуманитариев и студентов-программистов, полученные баллы также имели пониженный уровень (21,45 и 20,90, соответственно) (Буравцова 2009). Исследование большой выборки студентов из Брянска (369 чел.) показало сниженный уровень эмпатии, при этом авторы обнаружили половые различия – средние значения общего уровня эмпатии у девушек были

выше, чем у юношей (Бражникова 2014). Однако, данные результаты надо принимать с осторожностью, учитывая низкую надежность значений данного опросника, полученную в нашем исследовании (см. Таблицу 1).

По шкале «гнев» нами не обнаружены значимые половые различия, что согласуется с данными по англичанам, американцам, белорусам, итальянцам, японцам, туркам, танзанийским даатога (Буркова и др. 2019; Каспарова 2020; Buss, Perry 1992; Butovskaya 2015; Madran 2013; Nakano 2001). Тогда как в голландской, немецкой, испанской, шведской популяциях, у бурят, осетин, танзанийских хадза более гневливые были девушки и женщины (Бутовская и др. 2019; Butovskaya et al. 2015; Garcia-Leon et al. 2002; Meesters et al. 1996; Prochazka, Agren 2001; von Collani, Werner 2005), а у китайцев мужчины имели более высокие оценки по этой шкале (Gallardo-Pujol et al. 2019).

Таблица 5

**Средние значения самооценок уровня эмпатии EQ 60 вопросов (Baron-Cohen, Wheelwright 2004) и эмпатии Бойко в ранее исследованных популяциях**

Выборка	Эмпатия EQ		Эмпатия Бойко		Источник
	муж.	жен.	муж.	жен.	
Русские (Москва: N=237, 17-22 лет)	35,79	42,12	–	–	данное иссл-ие
Русские (N=221, ср. 24,9 лет)	40,22	43,52	20,43	22,77	Kosonogov 2014
Русские (Москва: N=50, ср. 25 лет)	–	–	19,40	–	Ростовцева, Бутовская 2017
Русские (Боговарово: N=100, ср. 33,9 лет)	–	–	15,04	–	Бутовская и др. 2020
Русские (Брянск: N=359, студенты)	–	–	14,81	19,48	Бражникова 2014
Татары (Казань: N=257, 17-22 лет)	–	–	17,25	19,63	данное иссл-ие
Буряты (Москва: N=51, ср. 24,5 лет)	–	–	17,20	–	Ростовцева, Бутовская 2017
Британцы (N=91, ср. 27,7 лет)	39,00	–	–	–	Sergeant et al. 2006
Британцы (N=90, ср. 34,2 г.)	41,80	47,20	–	–	Baron-Cohen, Wheelwright 2004
Японцы (N=137, ср. 29,6 лет)	31,10	36,90	–	–	Wakabayashi et al. 2007
(N=1250, студенты 18-26 лет)	30,60	36,10	–	–	
Канадцы (N=410, ср. 21 г.)	37,70	41,40	–	–	Berthoz et al. 2008
Турки (N=475, студенты)	37,10	46,90	–	–	Bora, Baysan 2009
Южные корейцы (N=478, ср. 27,2 года)	34,70	35,80	–	–	Kim, Lee 2010
Итальянцы (N=256, ср. 24 года)	41,80	45,40	–	–	Preti et al. 2011

Значимые половые различия по враждебности были обнаружены только в московской выборке – девушки, по сравнению с юношами, были более враждебны. Такие же результаты обнаружены у русских детей и подростков, осетин, бурят, итальянцев (*Бутовская и др.* 2019; *Fossati et al.* 2003), тогда как у хадза – это мужская прерогатива (*Butovskaya et al.* 2015), а у шведов, белорусов, голландцев и китайцев, так же как в исследуемой нами татарской выборке, различия недостоверны (*Каспарова* 2020; *Gallardo-Pujol et al.* 2019; *Meesters et al.* 1996; *Prochazka, Agren* 2001).

Отсутствие противоречивых данных по физической агрессии между исследованными различными выборками говорит в пользу более сильного влияния биологических факторов, связанных с секрецией андрогенов (*Бутовская и др.* 2019; *Butovskaya et al.* 2015). Гендерные различия в агрессии детерминированы эволюционно и напрямую связаны с выживанием с точки зрения конкуренции за разные ресурсы, что подтверждается и отсутствием значимых кросс-культурных различий по физической агрессии у юношей в исследуемых в данной работе выборках (Таблица 4).

Кросс-культурное сравнение шкал агрессии в исследуемых выборках показало, что по всем показателям (кроме физической агрессии у юношей) общие баллы были выше в московской выборке, чем в казанской. Для сравнения наших данных с данными по уже исследованным популяциям в *таблице 6* представлены средние значения по шкалам агрессии Басса-Перри у мужчин и женщин, полученные в более ранних работах с использованием аналогичной 29-вопросной версии опросника (с 5-балльной шкалой Ликерта) во взрослых выборках. Во всех исследованных культурах мужчины демонстрируют более высокие оценки по физической агрессии, чем женщины (Таблица 6). Самые высокие оценки по физической агрессии наблюдаются у греков, бурят, китайцев, аргентинцев и турок, самые низкие – у испанцев и немцев (Таблица 6). С другой стороны, испанцы имеют наибольшие баллы по вербальной агрессии и гневу. Тувинцы и татары наименее гневливы, а наиболее враждебны греки, хорваты, буряты, итальянцы, русские, турки и южные корейцы (Таблица 6). Тувинцы имеют самые низкие самооценки по вербальной агрессии по сравнению со всеми остальными популяциями. Гендерные различия по всем шкалам кроме физической агрессии варьируют от культуры к культуре.

Сравнительный анализ уровня эмпатии до и после предъявления изображений с инвалидами не показал значимой эмоциональной реакции на стимульные фото, тогда как наша гипотеза предполагала увеличение сопереживания после презентации. Одно из возможных объяснений – влияние средовых факторов, а именно проживание в крупных городах, где ежедневно молодые люди подвергаются воздействию многочисленных раздражителей (реклама, СМИ, фильмы, поведение в транспорте и т.д.) и перестают на них реагировать (*Буркова и др.* 2019). Другим объяснением может служить индивидуальный уровень агрессивности каждого индивида. В недавней работе К. Винтер с соавторами было показано, что у мужчин с агрессивным поведением в анамнезе отмечалось снижение доли негативного аффекта по сравнению с контрольной группой и снижение эмпатии и сострадания после просмотра эмоционально негативных видеороликов (*Winter et al.* 2017). Дефицит эмпатии у мужчин с агрессивным поведением в анамнезе был обусловлен повышенной алекситимией (*ibid.*). Авторы также подчеркивают, что взаимосвязь между отсутствием эмпатии и агрессивным поведением не ограничивалась людьми с психическими расстройствами, но также имела решающее значение для понимания агрессии у здоровых людей, в том числе преступников без психопатологий (*ibid.*). В соответствии с этим представляется резонным по-

сле увеличения исследуемой нами выборки разделить всех респондентов на несколько категорий, в соответствии с их агрессивными самооценками, и проанализировать связь агрессии и эмпатии в каждой группе по отдельности.

Нами обнаружена отрицательная связь эмпатии с физической и вербальной агрессией у московских девушек, с вербальной агрессией и враждебностью у московских юношей. Таким образом, индивиды с высокими оценками по эмпатии имели более низкие оценки по данным видам агрессии. Схожие результаты получены у подростков и взрослых (Vachon et al. 2014). В исследовании 30-летних британских мужчин были найдены отрицательные корреляции эмпатии EQ с гневом и враждебностью опросника Басса-Перри (Sergeant et al. 2006). Многочисленные исследования также показывают, что у лиц, страдающих различными психическим заболеваниями, характеризующимися повышенным уровнем агрессивности, эмпатия и сострадание отсутствуют или находятся на очень низком уровне (Baron-Cohen, Wheelwright 2004). Исследования у преступников указывают на их проблемы в определении страданий других людей, в распознавании их эмоций и сочувствии (Mariano et al. 2017). Дефицит когнитивных способностей к распознаванию эмоционального состояния других в социуме является неотъемлемым элементом буллинга. В исследовании связи агрессии и эмпатии среди подростков из Швейцарии было показано, что когнитивная и аффективная эмпатия отрицательно связана с проактивной агрессией и не связана с реактивной агрессией (Euler et al. 2017).

В нашем исследовании выявлена связь между тревожностью и эмпатией, но только у татарских юношей: более эмпатичные студенты имели более высокие оценки как по личностной, так и по ситуативной тревожности. Большинство же работ показывают, что женщины более тревожны, чем мужчины (Paro et al. 2014). Отметим, что при сравнении значений по ситуативной тревожности значимо более высокие баллы также наблюдались у татарских юношей, чем у девушек, тогда как у русских студентов девушки имели более высокие оценки по обеим шкалам (таблица 3). По всей видимости, у казанских юношей была более выраженная стрессовая реакция после просмотра стимульного материала – ситуативная тревожность показывает эмоциональную реакцию на стрессовую ситуацию, хотя сами значения в казанской выборке указывают на умеренную тревожность вкупе с заниженными значениями по эмпатии Бойко (см. Таблица 3). Исследователи социальной тревожности указывают на косвенную связь с эмпатией – люди, которые больше зависят от мнения окружающих, больше склонны к тревоге, негативным фантазиям при межличностном общении (Павлова, Холмогорова 2011). Более того, те, кто испытывают интенсивный страх негативной социальной оценки, сообщают, что они часто и легко разделяют переживания других и помогают им. В одном из исследований среди детей было показано, что застенчивые дети мотивированы играть с другими детьми, но они слишком переполнены тревогой для того, чтобы инициировать или поддержать социальное взаимодействие со сверстниками (*ibid.*). Возможно, наличие такой связи можно рассматривать как результат попыток социально тревожных людей быть социально желательными и принятыми в социуме. Кроме того, возможным объяснением могут быть культурные особенности данной части выборки – до настоящего времени в среде казанских татар сохраняется традиционное требование к мужчинам соответствовать определенным стандартам поведения, предписанным обществом и религиозными традициями (исламом). Конфликт между реальной реакцией на стимульные изображения и ожидаемым обществом поведением может приводить к увеличению ситуативного стресса. Данное предположение, однако, требует дальнейших исследований.

Таблица 6  
Средние значения по шкалам агрессии Басса-Перри (29 вопросов) в ранее исследованных популяциях

Выборка	Физическая агрессия		Вербальная агрессия		Гнев		Враждебность		Источник
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
Русские (Москва: N=237, 17-22 лет)	21,87	19,86	16,74	15,34	16,95	18,69	23,10	25,13	данное исслед-ие
Татары (Казань: N=257, 17-22 лет)	21,30	15,53	13,41	12,18	11,31	11,38	19,53	20,15	данное исслед-ие
Русские (Архангельск: N=121, 14-18 лет)	23,20	–	15,30	–	16,10	–	20,10	–	<i>Ruchkin, Eisemann</i> 2000
Буряты (Улан-Удэ: N=192, 17-22 лет)	24,61	21,00	14,16	13,39	15,52	18,22	23,62	25,93	<i>Бутовская и др.</i> 2019
Тувинцы N=243, ср. 21 лет	19,26	17,46	9,73	10,04	13,91	14,24	16,51	17,84	<i>Апалькова, Бутовская</i> 2020
Американцы N=1253, 18-20 лет N=340, студенты	20,47 23,30	17,20 18,00	12,52 14,10	12,28 13,20	15,11 16,00	16,06 16,90	19,94 19,30	20,27 18,20	<i>Buss, Perry</i> 1992 <i>Bernstein, Gesn</i> 1997
Голландцы N=762; 17-49 лет	23,00	18,8	13,90	13,20	15,90	17,20	18,40	18,60	<i>Meesters et al.</i> 1996
Японцы N=425, 18-24 лет	22,60	17,6	11,90	9,70	17,10	16,60	17,60	16,70	<i>Nakano</i> 2001
Британцы N=320, ср. 25,13 лет N=202, 18-52 лет	20,38 21,20	16,61 17,80	14,63 14,80	13,36 14,50	16,62 16,40	17,27 17,00	17,89 19,60	17,47 19,90	<i>Archer et al.</i> 1995 <i>Archer</i> 2004

Выборка	Физическая агрессия		Вербальная агрессия		Гнев		Враждебность		Источник
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
Хорваты N=256, ср. 35,21 лет	22,70	—	—	—	16,70	—	24,00	—	Mejovšek et al. 2000
Испанцы -N=384, ср. 21,6 лет	13,20	11,00	22,80	21,10	24,90	28,70	8,80	9,60	García-León et al. 2002
Итальянцы N=392, ср. 23,41 лет	21,20	17,27	15,18	15,10	17,39	17,50	23,31	23,28	Fossati 2003
Немцы N=417, 13-77 лет N=401, 15-74 лет	15,50 18,50	14,00 14,90	— 14,80	— 14,00	15,90 —	14,80 —	— —	— —	von Collani, Werner 2005
Греки N=760, 13-17 лет	27,90	23,10	15,20	15,30	21,50	23,40	24,70	26,60	Tsorbatzoudis 2006
Китайцы N=327, ср. 21,57 лет	24,30	19,90	15,20	13,50	17,00	16,00	21,30	20,20	Maxwell 2007
Аргентинцы N=371, 12-19 лет	24,07	21,59	12,39	12,91	18,80	20,59	21,65	22,46	Reyna et al. 2011
Турки N=220, ср. 21,37 лет N=300, студенты	22,85 24,66	20,38 21,78	15,30 13,85	14,42 13,95	19,27 19,53	20,84 20,23	23,23 22,40	23,74 24,40	Madran 2013 Çoban, Yıldırım 2018
Южные корейцы N=334, 17-19 лет	19,83	18,03	14,06	13,50	17,29	15,96	23,14	22,93	Im et al. 2018

## Выводы

В современных исследованиях эмпатии преобладают работы, которые рассматривают эмпатию не только как сочувствие и сострадание, но и ставят акцент на способность входить в состояние другого человека, понимать его чувства. В этой связи невозможно рассматривать данный феномен без взаимосвязи с другими личностными характеристиками индивида.

Полученные нами данные позволяют лучше понять феномен эмпатии во взаимосвязи с агрессивным поведением, личностной и ситуативной тревожностью, реакцией индивидов на стрессовые факторы. Наши результаты указывают на необходимость учитывать влияние культурного фактора – значимые кросс-культурные различия почти по всем шкалам поведения являются результатом ролевой социализации обоих полов с учетом норм каждой культуры. Полученные нами и другими исследователями заниженные оценки по эмпатии Бойко, равно как и отсутствие значимой эмоциональной реакции на стимульные фото, указывают на необходимость разработки программ, стимулирующих умение оказывать помощь, проявлять альтруизм в ответ на переживания другого, то есть развивать эмпатические способности молодежи в условиях современного анонимного гиперстимулированного городского общества. Полученные результаты могут иметь прикладное значение при разработке программ обучения студентов профессиям, требующим определенных эмпатических навыков, для профилактики асоциального поведения среди подростков и лиц из социально неблагополучных групп, борьбы со стрессом и дефицитом эмпатии.

## Источники

ПМА 2020 – Апалькова Ю.И., Бутовская М.Л. 2020. Полевые материалы авторов

## Научная литература

- Бовина И.Б.* Исследование эмпатии: критический анализ и новые перспективы // Культурно-историческая психология, 2020. Т. 16. № 1. С. 88-95. DOI:10.17759/chp.2020160109
- Бойко В.В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и других. Москва: Филинь, 1996. 472 с.
- Бражникова А.Н.* Доброта, терпимость и эмпатия в структуре нравственно-психологических отношений личности студентов // Психологический журнал, 2014. Т. 35. № 3. С. 29-39.
- Буравцова Н.В.* Взаимосвязь структурно-содержательных характеристик психологического пространства личности и эмпатии студентов педагогов и психологов // Казанский педагогический журнал, 2009. № 9-10. С. 89-97.
- Буркова В.Н., Бутовская М. Л., Дронова Д. А., Апалькова Ю.И.* Эмпатия, тревожность и агрессия у московских студентов // Этнографическое обозрение, 2019. № 5. С. 169-188.
- Бутовская М.Л., Апалькова Ю.И., Феденок Ю.Н.* Эмпатия и кооперация как составляющие морфопсихотипа «воина» у человека: сравнительный анализ группы военных и контроля // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология, 2020 N. 1. С. 60-73.
- Бутовская М.Л., Буркова В.Н., Ростовцева В., Феденок Ю.Н., Гонзалез Т.М., де ла Круз А.Р., Бутовская П.Р., Лазебный О.Е.* Показатели самооценки агрессии: связь с полом, религиозной принадлежностью и полиморфизмом гена FKBP5 rs1360780 // Вопросы психологии, 2019. № 6. С. 58-72.
- Грей Д.А.* Нейропсихология темперамента // Иностранная психология, 1993. Т. 1. № 2. С. 24-36.
- Дегтярев А.В., Галкина Е.А.* Личность и эмоциональная сфера студентов в контексте подготовки специалистов для работы с детьми в юридически значимых ситуациях (Часть 1).

- Психология и право, 2016. Том 6. № 1. С. 58-72.
- Знаменская И.И., Александров Ю.И. Становление нравственного отношения к «чужим» у сельских и городских детей 3-11 лет // Социальная психология и общество, 2019. Т. 10. № 3. С. 85-99.
- Карягина Т.Д., Будаговская Н.А., Дубровская С.В. Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса // Консультативная психология и психотерапия, 2013. Т. 21. № 1. С. 202–227.
- Каспарова Е.Н. Характер связи между морфофункциональными показателями и проявлениями агрессивности // Актуальные вопросы антропологии, 2020. Вып. 15. С. 247–261.
- Павлова Т.С., Холмогорова А.Б. Психологические факторы социальной тревожности в студенческом возрасте // Консультативная психология и психотерапия, 2011. № 1. С. 29-43.
- Ростовцева В.В., Бутовская М.Л. Биосоциальные механизмы кооперативного поведения у мужчин (на примере русских и бурят) // Вестник Московского университета. Серия XXIII Антропология, 2017. №4. С. 107-118.
- Семенова-Полях Г.Г., Ванюхина Н.В. Психологическая готовность молодежи к брачно-семейным отношениям: сравнительный аспект // Азимут научных исследований: педагогика и психология, 2017. Т. 6. №1(18) С. 306-309.
- Спилбергер Ч.Д., Ханин Ю.Л. Исследование тревожности // Дерманова И.Б. (ред.) Диагностика эмоционально-нравственного развития. Санкт-Петербург: Речь, 2002. С. 124-126.
- Archer J., Kilpatrick G., Bramwell R. Comparison of two aggression inventories // Aggressive Behavior, 1995. Vol. 21(5). P. 371-380.
- Baron-Cohen S., Wheelwright S. The Empathy Quotient: An Investigation of Adults with Asperger Syndrome or High Functioning Autism, and Normal Sex Differences // Journal of Autism and Developmental Disorders, 2004. Vol. 34 (2). P. 163–175.
- Bernstein I.H., Gesn P.R. On the dimensionality of the Buss // Perry Aggression Questionnaire. Behav Res Therapy, 1997. Vol. 35. P. 563–568.
- Berthoz S., Wessa M., Kedia G., Wicker B., Grèzes J. Cross-cultural validation of the empathy quotient in a French-speaking sample // The Canadian Journal of Psychiatry, 2008. Vol. 53(7). P. 469-477.
- Bora E., Baysan L. Empati Ölçeği-Türkçe Formunun Üniversite Öğrencilerinde Psikometrik Özellikleri // Klinik Psikofarmakoloji Bulteni, 2009. Vol. 19(1). P. 39-47.
- Buss A.H., Perry M. The Aggression Questionnaire // Journal of Personality and Social Psychology, 1992. Vol. 63(3). P. 452–459. DOI:10.1037/0022-3514.63.3.452
- Butovskaya M., Burkova V., Karelin D., Fink B. Digit ratio (2D:4D), aggression, and dominance in the Hadza and the Datoga of Tanzania // American Journal of Human Biology, 2015. Vol. 27(5). P. 620–627.
- Butovskaya M., Burkova V., Karelin D., Filatova V. Association between 2D:4D ratio and aggression in children and adolescents: cross-cultural and gender differences // Early human development, 2019. Vol. 137. 104823. DOI:10.1016/j.earlhumdev.2019.07.006
- Clay Z., Palagi E., de Waal F.B. Ethological Approaches to Empathy in Primates // Neuronal Correlates of Empathy, 2018. Vol. 5. P. 53–66.
- Çoban O., Yildirim M. The Comparison of High School Students' Level of Aggression Based on Demographic Features // Asian Journal of Education and Training, 2018. Vol. 4(4). P. 363-370.
- Euler F., Steinlin C., Stadler Ch. Distinct profiles of reactive and proactive aggression in adolescents: associations with cognitive and affective empathy // Child Adolesc Psychiatry Ment Health. 2017. Vol. 11(1). P. 1-7. DOI 10.1186/s13034-016-0141-4
- Fossati A., Maffei C., Acquarini E., Di Ceglie A. Multigroup confirmatory component and factor analyses of the Italian version of the Aggression Questionnaire // Eur. J. Psychol. Assess. 2003. Vol. 19(1). P. 54–65.
- Gallardo-Pujol D., Penelo E., Sit C., Jornet-Gibert M., Suso C., Buades-Rotger M. The Meaning of Aggression Varies Across Culture: Testing the Measurement Invariance of the Refined

- Aggression Questionnaire in Samples From Spain, the United States, and Hong Kon // *Journal of Personality Assessment*. 2019. Vol. 101(5). 2019 P. 515-520.
- García-León A, Reyes GA, Vila J, Pérez N, Robles H, Ramos MM*. The Aggression Questionnaire: a validation study in student samples // *Spanish Journal of Psychology*. 2002. Vol. 5(1). P. 45-53. DOI:10.1017/S1138741600005825
- Garvey B. J., Klein K*. Relationship of life stress and body consciousness to hypervigilant decision making // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol. 64. P. 267–273
- Gerevich J., Bacskai E., Czobor P*. The generalizability of the Buss–Perry Aggression Questionnaire // *Psychiatric research*. 2007. Vol. 16(3). P. 124-136.
- Im S., Jin G., Jeong J., Yeom J., Jekal J., Lee S. I., Bae M*. Gender Differences Aggression-related Responses on EEG and ECG // *Experimental neurobiology*. 2018. Vol. 27(6). P. 526.
- García-León A, Reyes G.A., Vila J., Pérez N., Robles H., Ramos M.M.* The Aggression Questionnaire: A validation study in student samples // *The Spanish Journal of Psychology*. 2002. Vol. 5(1). P. 45-53.
- Kim J., Lee S.J*. Reliability and validity of the Korean version of the empathy quotient scale // *Psychiatry investigation*. 2010. Vol. 7 (1). P. 24-30. DOI: 10.4306/pi.2010.7.1.24
- Kosonogov V*. The psychometric properties of the Russian version of the empathy quotient // *Psychology in Russia*. 2014. Vol. 7(1). P. 96-104.
- Madran P.H.A.D*. The reliability and validity of the Buss-Perry Aggression Questionnaire (BAQ)-Turkish version // *Turk Psikiyatri Dergisi*. 2013. Vol. 24(2). P. 1-5.
- Mariano M., Pino M.C., Peretti S., Valenti M., Mazza M*. Understanding criminal behavior: Empathic impairment in criminal offenders // *Social neuroscience*. 2017. Vol. 12(4). P. 379-385.
- Maxwell J.P*. Development and Preliminary Validation of a Chinese Version of the Buss–Perry Aggression Questionnaire in a Population of Hong Kong Chinese // *Journal of Personality Assessment*. 2007. Vol. 88:3. P., 284-294. DOI:10.1080/00223890701317004
- Meesters C., Muris P., Bosma H., Schouten E., Beuving S*. Psychometric evaluation of the Dutch version of the Aggression Questionnaire // *Behaviour research and therapy*. 1996. Vol. 34. № 10. P. 839-843.
- Mejovšek M., Budanovac A., Šučur Z*. Relations between inmates' aggression and their socioeconomic and family characteristics // *Hrvatska revija za rehabilitacijska istraživanja*. 2000. Vol. 36. № 1. P. 75-86.
- Miller P.A., Eisenberg N*. The relation of empathy to aggressive and externalizing/antisocial behavior // *Psychol. Bull.* 1988. Vol. 103. P. 324-344. DOI:10.1037/0033-2909.103.3.324
- Nakano K*. Psychometric evaluation on the Japanese adaptation of the Aggression Questionnaire // *Behaviour research and therapy*. 2001. Vol. 39. № 7. P. 853-858. DOI:10.1016/S0005-7967(00)00057-7.
- Paro H., Silveira P., Perotta B., Gannam S., Enns S., Giaxa R*. Empathy among Medical Students: Is There a Relation with Quality of Life and Burnout? // *PLoS ONE*. 2014. Vol. 9(4): e94133.
- Preti A., Vellante M., Baron-Cohen S., Zucca G., Petretto D. R., Masala C*. The Empathy Quotient: A cross-cultural comparison of the Italian version // *Cognitive neuropsychiatry*. 2011. Vol. 16(1). P. 50-70.
- Preston S., Buchanan T.W., Stansfield R.B., Bechara A*. Effects of Anticipatory Stress on Decision Making in a Gambling Task // *Behavioral Neuroscience*. 2007. Vol. 121. № 2. P. 257–263 DOI: 10.1037/0735-7044.121.2.257
- Prochazka H., Agren H*. Aggression in the general Swedish population, measured with a new self-rating inventory: The Aggression Questionnaire – revised Swedish version (AQ-RSV) // *Nordic Journal of Psychiatry*. 2001. Vol. 55(1). P. 17-23. DOI:10.1080/080394801750093661
- Reyna C., Lello M.G., Sanchez A., Brussino S*. The Buss–Perry Aggression Questionnaire: Construct validity and gender invariance among Argentinean adolescents // *International Journal of Psychological Research*. 2011. Vol. 4(2). P. 30-37.
- Ruchkin V.V., Eisemann M*. Aggression and psychological problems in juvenile male delinquents versus controls in Russia: Alternative ways of “letting off steam”? // *Aggression and violent behavior*. 2000. Vol. 5(2). P. 217-225.

- Sergeant M., Dickins T., Davies M., Griffiths M. Aggression, empathy and sexual orientation in males // *Personality and Individual Differences*. 2006. Vol. 40(3). P. 475-486. DOI: 10.1016/j.paid.2005.07.002
- Tsorbatzoudis H. Psychometric evaluation of the Greek version of the Aggression Questionnaire // *Perceptual and motor skills*. 2006. Vol. 102. № 3. P. 703-718.
- Vachon D., Lynam D., Johnson J. The (non)relation between empathy and aggression: surprising results from a meta-analysis // *Psychol. Bull.* 2014. Vol.140. P. 751-773. DOI:10.1037/a0035236
- Von Collani G., Werner R. Self-related and motivational constructs as determinants of aggression: An analysis and validation of a German version of the Buss-Perry Aggression Questionnaire // *Pers. and Indiv. Diff.* 2005. Vol. 38 (7). P. 1631-1643.
- Wakabayashi A., Baron-Cohen S., Uchiyama T., Yoshida Y., Kuroda M., Wheelwright S. Empathizing and systemizing in adults with and without autism spectrum conditions: Cross-cultural stability // *Journal of autism and developmental disorders*. 2007. Vol. 37(10). P. 1823-1832.
- Winter K., Spengler S., Bempohl F., Singer T., Kanske P. Social cognition in aggressive offenders: Impaired empathy, but intact theory of mind // *Scientific reports*. 2017. Vol. 7(1). P. 1-10.

## References

- Bovina, I.B. 2020. Issledovaniye empatii: kriticheskiy analiz i novyye perspektivy [Empathy: Critical Analysis and New Research Perspectives]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* 16 (1): 88-95. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160109>
- Boyko, V. 1996. *Energiya emotsiy v obshchenii: vzglyad na sebya i drugikh* [Energy of emotions in communication: a look at oneself and others], Moscow: Filin.
- Brazhnikova, A.N. 2014. Dobrota, terpimost' i empatiya v strukture npravstvenno-psikhologicheskikh otnosheniy lichnosti studentov [Kindness, tolerance and empathy in the system of moral-psychological attitudes of students personality]. *Psikhologicheskii zhurnal* 35 (3): 29-39.
- Buravtsova, N.V. 2009. Vzaimosvyaz' strukturno-soderzhatel'nykh kharakteristik psikhologicheskogo prostranstva lichnosti i empatii studentov pedagogov i psikhologov [The relationship between the structural and content characteristics of the psychological space of the personality and the empathy of students, teachers and psychologists]. *Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal* 9-10: 89-97.
- Burkova, V.N., M.L. Butovskaya, D.A. Dronova, and Yu.I. Apalikova. 2019. Empatiya, trevozhnost' i agressiya u moskovskikh studentov [Empathy, anxiety and aggression among Moscow students]. *Etnograficheskoye obozreniye* 5: 169-188.
- Butovskaya, M.L., Apal'kova, Yu.I., and Fedenok, J.N. 2020. Empatiya i kooperatsiya kak sostavlyayushchiye morfopsikhotipa «voina» u cheloveka: sravnitel'nyy analiz gruppy voyennykh i kontrolya [Empathy and cooperation as components of the "warrior" morphopsychotype in humans: a comparative analysis of the military and control group]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* 1: 60-73.
- Butovskaya, M.L., Burkova, V.N., Rostovtseva, V., Fedenok, J.N., Gonzalez, T.M., de la Kruz, A.R., Butovskaya, P.R., and Lazebnyy, O.Ye. 2019. Pokazateli samootsenki agressii: svyaz' s polom, religioznoy prinadlezhnost'yu i polimorfizmom gena FKBP5 rs1360780 [Aggression self-assessment indicators and its association with sex, confession and FKBP5 rs1360780 polymorphism]. *Voprosy psikhologii* 6: 58-72.
- Grey, D.A. 1993. Neyropsikhologiya temperamenta [Neuropsychology of temperament]. *Inostrannaya psikhologiya* 1 (2): 24-36.
- Degtyarev, A.V., and Galkina, Ye.A. 2016. Lichnost' i emotsional'naya sfera studentov v kontekste podgotovki spetsialistov dlya raboty s det'mi v yuridicheski znachimyykh situatsiyakh (Chast' 1) [The personality and emotional sphere of students in the context of training specialists for working with children in legally significant situations (Part 1)]. *Psikhologiya i pravo* 6 (1): 58-72.
- Znamenskaya, I.I., and Aleksandrov, Yu.I. 2019. Stanovleniye npravstvennogo otnosheniya k «chuzhim»

- u sel'skikh i gorodskikh detei 3–11 let [Formation of a moral attitude towards “strangers” in rural and urban children 3–11 years old]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* 10 (3): 85–99.
- Karyagina, T.D., Budagovskaya, N.A., and Dubrovskaya, S.V. 2013. Adaptatsiya mnogofaktornogo oprosnika empatii M. Devisa [Adaptation of M. Davis's multivariate empathy questionnaire // Counseling psychology and psychotherapy]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* 21 (1): 202–227.
- Kasparova, Ye.N. 2020. Kharakter svyazi mezhdru morfofunktsional'nymi pokazatelyami i proyavleniyami agressivnosti [The nature of the relationship between morphological and functional indicators and manifestations of aggressiveness]. *Aktual'nyye voprosy antropologii* 15: 247–261.
- Pavlova, T.S., and Kholmogorova, A.B. 2011. Psikhologicheskiye faktory sotsial'noy trevozhnosti v studencheskom vozraste [Psychological factors of social anxiety in student age]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* 1: 29–43.
- Rostovtseva, V.V., and Butovskaya, M.L. 2017. Biosotsial'nyye mekhanizmy kooperativnogo povedeniya u muzhchin (na primere russkikh i buryat) [Biosocial mechanisms of cooperativeness in men (study in Buryats and Russians)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII Antropologiya* 4: 107–118.
- Semenova-Polyakh, G.G., and Vanyukhina, N.V. 2017. Psikhologicheskaya gotovnost' molodezhi k brachno-semeynym otnosheniyam: sravnitel'nyy aspekt [Psychological readiness of young people for marriage and family relations: a comparative aspect]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* 6 (1(18)): 306–309.
- Spilberger, Ch.D., and Khanin, Yu.L. 2002. Issledovaniye trevozhnosti [Research on anxiety] In *Diagnostika emotsional'no-nravstvennogo razvitiya*, edited by I.B. Dermanova, 124–126. St. Petersburg: Rech'.
- Archer, J., Kilpatrick, G., and Bramwell, R. 1995. Comparison of two aggression inventories *Aggressive Behavior* 21 (5): 371–380.
- Baron-Cohen, S., and Wheelwright, S. 2004. The Empathy Quotient: An Investigation of Adults with Asperger Syndrome or High Functioning Autism, and Normal Sex Differences *Journal of Autism and Developmental Disorders* 34 (2): 163–175.
- Bernstein, I.H., Gesn, P.R. 1997. On the dimensionality of the Buss Perry Aggression Questionnaire. *Behav Res Therapy* 35: 563–568.
- Berthoz, S., Wessa, M., Kedia, G., Wicker, B., and Grèzes, J. 2008. Cross-cultural validation of the empathy quotient in a French-speaking sample *The Canadian Journal of Psychiatry* 53 (7): 469–477.
- Bora, E., and Baysan, L. 2009. Empati Ölçeği-Türkçe Formunun Üniversite Öğrencilerinde Psikometrik Özellikleri *Klinik Psikofarmakoloji Bulteni* 19 (1): 39–47.
- Buss, A.H., and Perry, M. (1992) The Aggression Questionnaire *Journal of Personality and Social Psychology* 63 (3): 452–459. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.63.3.452>
- Butovskaya, M., Burkova, V., Karelin, D., and Fink, B. 2015. Digit ratio (2D:4D), aggression, and dominance in the Hadza and the Datoga of Tanzania *American Journal of Human Biology* 27 (5): 620–627.
- Butovskaya, M., Burkova, V., Karelin, D., and Filatova, V. 2019. Association between 2D:4D ratio and aggression in children and adolescents: cross-cultural and gender differences *Early human development* 137: 104823 <https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2019.07.006>
- Clay, Z., Palagi, E., and de Waal F.B. 2018. Ethological Approaches to Empathy in Primates In *Neuronal Correlates of Empathy*, edited by K.Z. Meyza, E. Knapska, Vol. 5: 53–66. San Diego: Academic Press.
- Çoban, O., and Yildirim, M. 2018. The Comparison of High School Students' Level of Aggression Based on Demographic Features *Asian Journal of Education and Training* 4 (4): 363–370.
- Euler, F., Steinlin, C., and Stadler, Ch. 2017. Distinct profiles of reactive and proactive aggression in adolescents: associations with cognitive and affective empathy *Child Adolesc Psychiatry Ment Health* 11 (1): 1–7. DOI 10.1186/s13034-016-0141-4
- Fossati, A., Maffei, C., Acquarini, E., and Di Ceglie, A. 2003. Multigroup confirmatory compo-

- nent and factor analyses of the Italian version of the Aggression Questionnaire *Eur. J. Psychol. Assess.* 19 (1): 54–65.
- Gallardo-Pujol, D., Penelo, E., Sit, C., Jornet-Gibert, M., Suso, C., and Buades-Rotger, M. 2019. The Meaning of Aggression Varies Across Culture: Testing the Measurement Invariance of the Refined Aggression Questionnaire in Samples From Spain, the United States, and Hong Kong *Journal of Personality Assessment* 101 (5): 515–520.
- Garcia-Leon, A., Paso, G., Vila, J., Pérez-Marfil, M.N., Ortega, H., and Alvarez, M. 2014. The Aggression Questionnaire: A Validation Study in Student Samples *Spanish Journal of Psychology* 5: 45–53. 10.1017/S1138741600005825.
- Garvey, B. J., and Klein, K. 1993. Relationship of life stress and body consciousness to hypervigilant decision making *Journal of Personality and Social Psychology* 64: 267–273.
- Gerevich J., Bacsikai E., Czobor P. The generalizability of the Buss–Perry Aggression Questionnaire. *Psychiatric research*. 2007. Vol. 16. iss. 3, 124–136.
- Im, S., Jin, G., Jeong, J., Yeom, J., Jekal, J., Lee, S. I., and Bae, M. 2018. Gender Differences Aggression-related Responses on EEG and ECG *Experimental neurobiology* 27 (6): 526.
- García-León, A., Reyes, G.A., Vila, J., Pérez, N., Robles, H., and Ramos, M.M. 2002. The Aggression Questionnaire: A validation study in student samples *The Spanish Journal of Psychology* 5 (1): 45–53.
- Kim, J., and Lee, S.J. 2010. Reliability and validity of the Korean version of the empathy quotient scale *Psychiatry investigation* 7 (1): 24–30. <https://doi.org/10.4306/pi.2010.7.1.24>
- Kosonogov, V. 2014. The psychometric properties of the Russian version of the empathy quotient *Psychology in Russia* 7 (1): 96–104.
- Madran, P.H.A.D. 2013. The reliability and validity of the Buss-Perry Aggression Questionnaire (BAQ)-Turkish version *Turk Psikiyatri Dergisi* 24 (2): 1–5.
- Mariano, M., Pino, M.C., Peretti, S., Valenti, M., and Mazza, M. 2017. Understanding criminal behavior: Empathic impairment in criminal offenders *Social neuroscience* 12 (4): 379–385.
- Maxwell, J.P. 2007. Development and Preliminary Validation of a Chinese Version of the Buss–Perry Aggression Questionnaire in a Population of Hong Kong Chinese *Journal of Personality Assessment* 88 (3): 284–294. <http://dx.doi.org/10.1080/00223890701317004>
- Meesters, C., Muris, P., Bosma, H., Schouten, E., and Beving, S. 1996. Psychometric evaluation of the Dutch version of the Aggression Questionnaire *Behaviour research and therapy* 34 (10): 839–843.
- Mejovšek, M., Buđanovac, A., and Šučur, Z. 2000. Relations between inmates' aggression and their socioeconomic and family characteristics *Hrvatska revija za rehabilitacijska istraživanja* 36 (1): 75–86.
- Miller, P.A., Eisenberg, N. 1988. The relation of empathy to aggressive and externalizing/antisocial behavior *Psychol. Bull.* 103: 324–344 <https://doi.org/10.1037/0033-2909.103.3.324>
- Nakano, K. 2001. Psychometric evaluation on the Japanese adaptation of the Aggression Questionnaire *Behaviour research and therapy* 39 (7): 853–858. [https://doi.org/10.1016/S0005-7967\(00\)00057-7](https://doi.org/10.1016/S0005-7967(00)00057-7).
- Paro, H., Silveira, P., Perotta, B., Gannam, S., Enns, S., and Giaxa, R. 2014. Empathy among Medical Students: Is There a Relation with Quality of Life and Burnout? *PLoS ONE* 9 (4): e94133.
- Preti, A., Vellante, M., Baron-Cohen, S., Zucca, G., Petretto, and D. R., Masala, C. (2011). The Empathy Quotient: A cross-cultural comparison of the Italian version *Cognitive neuropsychiatry* 16 (1): 50–70.
- Preston, S., Buchanan, T.W., Stansfield, R.B., and Bechara, A. 2007. Effects of Anticipatory Stress on Decision Making in a Gambling Task *Behavioral Neuroscience* 121 (2): 257–263. <https://doi.org/10.1037/0735-7044.121.2.257>
- Prochazka, H., Agren, H. 2001. Aggression in the general Swedish population, measured with a new self-rating inventory: The Aggression Questionnaire – revised Swedish version (AQ-RSV) *Nordic Journal of Psychiatry* 55 (1): 17–23 <https://doi.org/10.1080/080394801750093661>
- Reyna, C., Lello, M.G., Sanchez, A., Brussino, S. 2011. The Buss-Perry Aggression Questionnaire: Construct validity and gender invariance among Argentinean adolescents *International Journal of Psychological Research* 4 (2): 30–37.

- Ruchkin, V.V., Eisemann, M. 2000. Aggression and psychological problems in juvenile male delinquents versus controls in Russia: Alternative ways of “letting off steam”? *Aggression and violent behavior* 5 (2): 217–225.
- Sergeant, M., Dickins, T., Davies, M., and Griffiths, M. 2006. Aggression, empathy and sexual orientation in males *Personality and Individual Differences* 40 (3): 475–486. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2005.07.002>
- Tsorbatzoudis, H. 2006. Psychometric evaluation of the Greek version of the Aggression Questionnaire *Perceptual and motor skills* 102 (3): 703–718.
- Vachon, D., Lynam, D., and Johnson, J. 2014. The (non)relation between empathy and aggression: surprising results from a meta-analysis *Psychol. Bull.* 140: 751–773. <https://doi.org/10.1037/a0035236>
- Von Collani, G., Werner, R. 2005. Self-related and motivational constructs as determinants of aggression.: An analysis and validation of a German version of the Buss–Perry Aggression Questionnaire *Pers. and Individ. Diff.* 38 (7): 1631–1643.
- Wakabayashi, A., Baron-Cohen, S., Uchiyama, T., Yoshida, Y., Kuroda, M., Wheelwright, S. 2007. Empathizing and systemizing in adults with and without autism spectrum conditions: Cross-cultural stability *Journal of autism and developmental disorders* 37 (10): 1823–1832.
- Winter, K., Spengler, S., BERPohl, F., Singer, T., and Kanske, P. 2017. Social cognition in aggressive offenders: Impaired empathy, but intact theory of mind *Scientific reports* 7 (1): 1–10.

© И.А. Гринько, А.А. Шевцова, А.А. Гончаров

**ОЛЬФАКТОРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ В МУЗЕЕ:  
ПОСЕТИТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ**

Я узнал запах музея и косым взглядом увидел белые гипсы  
в ассирийском зале.

*Михаил Анчаров. Золотой дождь (1965)*

*Статья посвящена проблеме ольфакторного восприятия музеев посетителями. Помимо того, что запахи являются важной частью нематериального наследия, использование запахов может стимулировать персональные и коллективные ольфакторные воспоминания, что формирует совершенно иное восприятие музейной экспозиции. Подключение ольфакторного восприятия способствует обогащению смыслов экспозиции, заставляет по-иному интерпретировать традиционные музейные материалы и привычные экспонаты. В связи с этим основной целью данного исследования стал анализ отношения посетителей и сотрудников музеев к использованию запахов в музейном пространстве. Основным источником исследования послужил онлайн-опрос 230 посетителей и сотрудников музеев, проведенный в 2020–2021 гг. Данные исследования показали, что большая часть посетителей поддерживает использование ольфакторных элементов в музейных экспозициях. При этом многие из респондентов упоминали о возможных сопутствующих рисках использования запахов, особенно аллергии и отвлечении внимания от экспонатов. Кроме того, частично подтвердилась важность запахов при позиционировании музея, как элемент, повышающий его узнаваемость. Результаты исследования также подтвердили гипотезу, что ольфакторная память способствует успешному брендированию музея.*

**Ключевые слова:** история запахов, история повседневности, музей, ольфакторное восприятие, музейная антропология, музейный менеджмент; одорология

**Ссылка при цитировании:** Гринько И.А., Шевцова А.А., Гончаров А.А. Ольфакторное восприятие в музее: посетительский опыт // Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 45–58.

---

**Гринько Иван Александрович** – к.и.н., MA in cultural management, старший научный сотрудник, НИИ урбанистики и глобального образования, Московский городской педагогический университет (129226 Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4). Эл. почта: iagrinko@yandex.ru

**Шевцова Анна Александровна** – д.и.н., профессор кафедры культурологии, Московский педагогический государственный университет (119991 Москва, Малая Пироговская, 1). Эл. почта: ash@inbox.ru

**Гончаров Александр Андреевич** – аналитик ГБУК «Мосразвитие» (115093 Москва, Большая Серпуховская, 44). Эл. почта: a.goncharov@mos-razvitie.ru

© I.A. Grinko, A.A. Shevtsova, A.A. Goncharov

## OLFACTORY PERCEPTION IN A MUSEUM: VISITOR'S EXPERIENCE

*The article is devoted to the problem of the visitors' olfactory perception of museums. The smells are an important part of the intangible heritage, and the use of smells can stimulate personal and collective olfactory memories, which shapes an entirely different perception of a museum exhibition. Olfactory perception contributes to the enrichment of the meanings of the exposition, encourages new interpretations of traditional museum materials and familiar exhibits. In this regard, the main goal of this study was to analyze the attitude of visitors and museum staff to using smells in a museum space. The primary source of the study was an online survey of 230 museum visitors and staff conducted in 2020–2021. The research data showed that most visitors support the use of olfactory elements in museum exhibits. However, many respondents mentioned the possible risks, especially allergies and distraction from exhibits. In addition, it was partially confirmed that smells are an important element that increases museums' recognition. The study results also confirmed the hypothesis that olfactory memory contributes to the successful branding of a museum.*

**Keywords:** *history of smells, history of everyday life, museum, olfactory perception, museum anthropology, museum management, odorology*

**For Citation:** Grinko, I.A., Shevtsova, A.A., Goncharov, A.A. 2022. Olfactory Perception in a Museum: Visitor's Experience. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 45–58.

**Author Info: Grinko, Ivan A.** – PhD in history, MA in cultural management, Senior Researcher at the Research Institute of Urban Studies and Global Education, Moscow city university (Moscow, Russia). E-mail: iagrinko@yandex.ru

**Shevtsova, Anna A.** – Doctor of History, Professor at the Department of Cultural Studies, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia). E-mail: ash@inbox.ru

**Goncharov, Alexander A.** – Analyst at the Cultural Institution «Mosrazvitie» (Moscow, Russia). E-mail: a.goncharov@mos-razvitie.ru

Изучение истории запахов и ольфакторного восприятия активно развивается в последние десятилетия (Ackerman 1991; Classen, Howes, Synnott 1994; Ароматы и запахи 2010; Напский 2019). Закономерно, что возник вопрос и об использовании запахов в музейной пространстве. Помимо того, что запахи являются важной частью нематериального наследия (Bembibre, Strlič 2017; Miotto 2016), использование запахов может стимулировать персональные и коллективные ольфакторные воспоминания (Verbeek & van Campen 2013), что формирует совершенно иное восприятие музейной экспозиции. Обоняние, в отличие от прочих каналов восприятия, имеет прямую связь с зонами

мозга, ответственными за обработку эмоций, ассоциативное обучение и память (Браун 2021; Herz 1998; Schab, Crowder 2016). Связь воспоминаний и запахов («феномен или синдром Пруста») далеко не исчерпывается ностальгическим погружением в детство. Здесь вполне уместна параллель «музей – храм», поскольку ольфакторное воздействие является одним из важнейших практически в любом ритуальном пространстве (ладан, фимиам, мирра, воск и т. д.), ведь запахи являются регулятором социального поведения, а музеи во многом остаются центрами социокультурной нормативности (Duncan 1995).

Кроме того, подключение ольфакторного восприятия способствует обогащению смыслов экспозиции, заставляет по-иному интерпретировать традиционные музейные материалы и привычные экспонаты. Во время пандемии COVID-19 это направление становится еще более важным, поскольку позволяет не только проверить наличие ольфакторного восприятия у посетителя, но и в первую очередь является инструментом бесконтактной интеракции между экспозицией и посетителем.

Поскольку музей, несмотря на стремление к демократизации, остается пространством статусного потребления, то ему приходится использовать искусственные запахи, как один из признаков высокого статуса пространства и его демаркации, разграничения профанного и сакрального (Бессчётнова 2016). Это может стать частью общей стратегии продвижения музея, поскольку в современном маркетинге запахи активно используются с самыми разнообразными целями от стимулирования продаж, до создания полного образа и брендинга организации (Ульяновский 2008; Hirsch 1991). Подключение ольфакторного канала восприятия важно еще и потому, что позволяет, согласно маркетинговому сценарию, усилить или нейтрализовать эмоциональные впечатления посетителя, создать необходимую атмосферу, будь то безопасность, уют или вызов, экзотика и приключения, апеллируя «одновременно к реальности и воображению» (Дробник 2012). Музеи в данном случае не являются исключениями, и отдельные исследователи уже отмечают важность ольфакторного восприятия для формирования идентичности музеев (Classen 2007).

В совокупности все эти факторы вызвали интерес музейных исследователей к данной проблематике, однако по большей части работы о запахах в музее либо описывали собственный музейный опыт использования в рамках экспозиционно-выставочных проектов (Афонина 2017; Кряжевских 2010; Машковская 2020; Mei-Kei Lai 2015), либо давали общетеоретический анализ музейного опыта (Drobnick 2014; Желондиевская 2018; Шляхтина 2011). Исходя из этого, была сформулирована следующая проблематика исследования в рамках музейной антропологии: как посетители и сотрудники музеев относятся к запахам в музейном пространстве. Анализ данного вопроса и стал ключевой целью исследования.

Исследование<sup>1</sup> проводилось методом случайной выборки через онлайн-опрос. Респондентам предлагалось ответить на 18 открытых и закрытых вопросов, разбитых на четыре тематических блока: социально-демографические характеристики, самооценка восприятия запахов, ольфакторные ассоциации с музеем, музеи и запахи.

Всего было опрошено 230 человек. Социально-демографические характеристики выборки следующие. Возраст: 13–18 лет – 0,4%; 19–24 – 25,7%; 25–36 – 19,5%; 37–48 – 29%; 49–60 – 19%; 61–72 – 6%; 73–85 – 0,4%. Выборка в большей степени

<sup>1</sup> Авторы выражают искреннюю благодарность всем респондентам, принявшим участие в опросе, а также Константину Ермошкину за помощь при подготовке анкеты и Але Кузнецовой (Загитовой), поделившейся с нами рядом интересных кейсов ольфакторного маркетинга.

получилась гуманитарной. Каждый пятый респондент (21%) работает, либо работал в музее. Среди прошедших опрос много археологов, антропологов, культурологов, преподавателей высшей школы, учителей, студентов, научных сотрудников, журналистов, сотрудников издательств. В выборке также есть священнослужители, инженеры, провизоры, юристы, математики, судмедэксперты, врачи, переводчики, бухгалтеры, кадровики, дизайнеры, маркетологи, менеджеры, фотографы, аналитики, один из участников опроса – представитель руководства магазина, торгующего селективной парфюмерией.

Вдвойне «не мужская» тема – «музеи» плюс «запахи» – объясняет, почему в опросе приняло участие значительно больше женщин, чем мужчин (85% и 15%, соответственно). Эта гендерная диспропорция в целом несколько отличается от статистики музейных посещений, но косвенно подтверждает гипотезы о гендерных различиях в восприятии запахов и ольфакторной самопрезентации. По некоторым исследованиям, в то время как большинство женщин предпочитает искусственные ароматы, большинство мужчин – естественные запахи тела (*Летягина 2013: 165; Researchers 2018*); мужественность редко измеряется в категориях парфюмерии, а маскулинный ольфакторный профиль ассоциируется с «запахами пота, табака, крепкого кофе и труда» (*Бессчётнова 2016*).

*Локализация респондентов выглядит следующим образом:* Москва – 46%; Московская область – 13%; Санкт-Петербург – 7%; другие регионы России – 23% (всего 26 регионов РФ, не считая столиц); за пределами РФ – 11%.

Большинство респондентов регулярно ходят в музеи, частотность посещений такова: [хожу в музей] раз в несколько лет – 5%; раз в год – 8%; несколько раз в год – 58%; раз в месяц и чаще – 29%. Мы предполагаем, что вынужденная самоизоляция из-за локдауна не слишком исказила картину, респонденты описывали нормальную, привычную посещаемость.

Блок Б анкеты был посвящен **самооценке ольфакторного восприятия** респондентов. При ответе на вопрос о чувствительности к запахам ни один из респондентов не выбрал вариант «не различаю запахи»; 3% оценило свое ольфакторное восприятие как слабое – «Различаю только резкие запахи (кофе, табак, уксус)». Половина опрошенных (50%) выбрала вариант ответа «Различаю большую часть запахов»; каждый третий, по собственному признанию, может различать тонкие ароматы. 14% респондентов гордятся «нюхом как у собаки». Возрастной корреляции не выявлено.

Согласно самооценке, обоняние мужчин в ряде случаев несколько слабее, чем у женщин, либо они оценивают свои способности критичнее. Некоторые респонденты-мужчины предпочли прокомментировать данный вопрос подробнее: «*Вот, на столе стоят розы почти месяц. Они высохли, но продолжают тонко пахнуть :)*» (муж., археолог); «*Ценю хороший парфюм, хотя кто этого не ценит*» (муж., историк); «*У меня с детства аллергия, часто заложен нос, поэтому запах для меня не имеет большого значения*» (муж., дизайнер).

Ольфакторное восприятие респонденты связывают с переменными факторами: ринит, аллергия, COVID-19, возраст, курение и даже время года: «*Летом в среднем обоняние лучше, потому что в холодное время года часто бывает насморк*» (жен., тестировщик мобильных приложений); «*Очень чувствую все запахи, несмотря на то, что курю, вплоть до дискомфорта, когда они пусть приятные, но сильные*» (жен., аспирантка-методист); «*После COVID меняется восприятие резких запахов*»

(муж., дизайнер); «До COVID-19 [различала тонкие ароматы], сейчас есть нарушения» (жен., экскурсовод); «Хотя и аллергик, но запахи различаю. Часто запах связан с чем-то памятным и важным. Особенно хорошо помню, как и чем пахнет в различных музеях» (жен., историк, музейный работник). Эмоциональная связь («Ароматы иногда включаются как настроения») и кинестетическое восприятие («Воспринимаю мир запахами и прикосновениями») чаще фиксируется в женских комментариях.

На вопрос о наличии аллергии на какие-то запахи 45% ответили отрицательно; 15% – положительно; 40% предпочли не отвечать. Некоторые респонденты в комментариях к этому вопросу назвали конкретные запахи, вызывающие аллергическую реакцию, причем спектр довольно широк: запах хлорки, бытовой химии, стирального порошка, «краски с резкими запахами», «кошек», некоторых парфюмерных и косметических средств, гари, дыма, ладана, изюма, сандаловых благовоний, «пыли, особенно в коврах», бензина, табака и «накуренного помещения». Некоторые истории особенно драматичны: «Начинаю чихать от запаха черного перца»; «Не переношу запах духов и всей парфюмерии с ярко выраженными морскими запахами, от большинства духов Мияки у меня мгновенно начинает болеть голова. Полагаю, что есть какая-то непереносимость компонентов»; «В период беременности ... рвотный рефлекс на хлоросодержащие гели, омыватели автомобилей»; аллергия на «лилии, сирень, черемуху, ландыш, пионы; стиральный порошок, химические моющие средства, лак для волос, сладко пахнущую парфюмерию».

Большинство респондентов пользуется парфюмерией (духами, одеколоном и т. п.): постоянно – 31%; часто – 28%; иногда – 16%; редко – 16%. Никогда не пользуется парфюмерией лишь 9% опрошенных, гендерных и возрастных корреляций не выявлено.

В блоке В, исследующем эмоциональную связь запахов и памяти, респонденты сначала делились своими любимыми запахами, а потом – запахами, пробуждающими индивидуальные детские или юношеские воспоминания. Обоняние, как известно, одновременно и сильно насыщено ассоциациями, и сугубо персонально (Хартнелл 2019:71), и социально конструируемо (Вайнштейн и др. 2021). Спектр любимых ароматов довольно широк и в целом наводит на мысли, что большинство респондентов страстно мечтает о летнем отдыхе и путешествиях. Среди любимых запахов можно выделить следующие группы в порядке убывания популярности:

- Свежие / природные (скошенная трава, море, хвоя, свежесть после грозы и дождя, мокрый асфальт, осенние листья, листья черной смородины, полынь, снег, лес, ветивер, эвкалипт, мох, тополь весной, нагретое солнцем дерево, чистая вода, мята, речная тина, роса, озон, цветущая степь). Один из респондентов, археолог, отметил в качестве любимого запаха «петрикор – запах земли после дождя».
- Гастрономические (ваниль, цитрусы, сдоба, свежий хлеб, корица, тесто, кофе, какао / шоколад, яблоко, груша, жареное мясо, дыня, арбуз, игристое вино, молоко с медом, земляника, черная смородина, кокос, украинское сало, малина, горький миндаль, обеда в самолете, вареная картошка, борщ, зеленый чай, патока, гвоздика, «запах домашней еды», жженный сахар, перец, банан, «бэблгам», соленая карамель).
- Цветочные (астра, бархатцы, бергамот, вербена, цветы вишни, гардения, гиацинт, жасмин, ирисы, лаванда, ландыш, мимоза, нарцисс, орхидея, пион, роза, сирень, тюльпан, фиалка, черемуха).
- Парфюмерные, с указанием конкретной марки, ладан, миро, сандал, пудра,

иланг-иланг, уд, мускус, амбра.

- Пространственные (вытяжка и свежая резина в метро, железная дорога, рельсы после дождя, дом, своя квартира, работа, старые музеи, русская баня, русская печь с горящими дровами, костер, погасшая свеча, побелка, деревенский дом, свежий сруб, ферма, «запах мытых деревянных полов», «запах театра, хозяйственного склада», хлебозавод, запах сырости).
- Книги, свежая полиграфия и «комнаты, в которых много книг» (интересно, что большинство библиофилов также указали в качестве любимых сладкие ароматы, особенно ваниль. Как известно, лигнин – один из основных компонентов, отвечающих за ванильный аромат старых книг).
- Индивидуально-интимные (запах мужа, любимого, мамы, «моего кота», «женской шеи», «макушки младенца»).
- Другое (мех, кашемир, табак, новая одежда).
- Большинство опрошенных назвали больше трех любимых ароматов, некоторые настаивали на кумулятивном эффекте: «запах хорошего табака, хорошего алкоголя и хорошего одеколона, да еще всё три в сочетании»; «букет новогодних запахов – ель, мандарины, пряности». Отдельные описания трудноуловимы: «летний закат на реке», «зелёный горох при мытье», «запах советских вещей, запах новых стран, когда выходишь из самолета, запах папиных сигарет, запах лета, когда выходишь на улицу и понимаешь, что оно вот-вот наступит»; «запах дачи, когда впервые приезжаешь в дом после зимы».
- Ольфакторные впечатления, «включающие» детские / юношеские воспоминания, ностальгию, с одной стороны, столь же индивидуальны и многогранны, с другой – можно выделить несколько устойчивых паттернов.
- Гастрономические: свежий хлеб, выпечка, домашние пироги, печенье, шоколад, варенье, парное / кипяченое молоко, яблоки, молочный кисель, «блины, которые виртуозно жарил дедушка», оладьи, яичница, шарлотка, творожная запеканка, пончики, жареная курица, начинка батончика «Бабаевский», кофе с молоком и печенье с маслом, суп, борщ, манная каша.
- Природные: луговых трав, «запах воды, когда плывешь на теплоходе», Днепра, сирени, жасмина, черемухи, соснового леса, полыни, «запах леса, травы и цветов во время прогулок – он напоминает чувство восторга свободной жизни», снега (ассоциации – свежесть, холод, возбуждение), горячей листвы в саду в солнечный день, липких тополиных почек, моря, сырости, сена, роз, зверобоя, космеи, аконита.
- Парфюмерные: парфюм бойфренда, мамин крем, детский крем, детский шампунь, «тонкий запах ландышей и пачули из дореволюционных духов и саше» и т. п.
- Новогодние: хвоя и мандарины.

Самый крупный пласт ольфакторных ассоциаций детства и юности – **пространственный**. Исследователь smellscape (ольфакторного ландшафта) Д. Портеус еще в 1985 г. уделял особое внимание роли запаха в детстве и памяти (Панкин 2021). Для наших респондентов ключевые запаховые ассоциации детства и юности – запахи гаражной и подъездной сырости, печного дыма, нагретых солнцем досок, бабушкиной квартиры, больницы, гаража (машинное масло, железо, мотоцикл, гудрон и т.п.), магазина товаров для сада и огорода, конюшни, «белья, принесенного с мороза», чистоты после бани; березового веника, дым костра, «в продуктовом магазине», «запах сырых шерстяных

варежек, сохнувших на батарее после горки», запах сырого асфальта после дождя летом, хлебозавода, метро, древесины, мокрого кафеля в подъезде, старого дома, школьной «столовки», «запах южного города, горячий, слегка пряный. Напоминает о детских путешествиях». Воспоминания о доме, музыкальной школе, квартире бабушки с большой библиотекой будят запахи балалайки, книг, учебников и открыток, воска, нафталина, «свежей краски – после ремонта, масляной краски, живописи», газет, глянцевого бумаги старых советских альбомов, деревянных эвкалиптовых старых игрушек.

Не все запахи, пробуждающие память, приятны. Например, щи в детском саду и прочие запахи «детского сада – все они пахнут одинаково» нередко ассоциируются с тоской.

Респонденты азартно подтверждают эффект Пруста: «Запах костра с дачи, каждой весной воспоминание разблокируется, как только слышу этот запах». Еще один пример: «Запах старинного дубового лифта в доме, где живет моя бабушка. Такие каменные дома строились в 50-х. Ассоциация с теплом, древностью, сочетание запаха дерева, камня и оборудования шахты. Лифт уже несколько лет заменен на новый и запах, к сожалению, почти улетучился».

Гастрономические запахи также активно «работают» на пространство. У 56% респондентов ароматы домашней сдобы не только включают ностальгию, но и вызывают ощущение уюта, безопасности, домашнего очага. А, например, определенного алкоголя (например, ягодной настойки) – гаража, подросткового авантюризма и собственной «взрослости». Даже парфюмерия, например, аромат духов «Красная Москва» вызывает четкие пространственные ассоциации: «Терпеть его не могу, б-ррр, это аромат старости, посещения пожилых родственников», или «Белая сирень – любимая бабушка, всю жизнь трудившаяся в музее, собирается со мной гулять».

Некоторые парфюмерные бренды всю эксплуатируют ностальгический тренд. Например, парфюмерная вода от Demeter (Библиотека ароматов) в коллаборации с «Союзмультфильмом» «Чебурашка» пахнет апельсинами, «Малыш и Карлсон» – плюшками и малиновым вареньем (Васильева 2021).

Переходя непосредственно к теме ольфакторного восприятия музея, необходимо отметить, что большинство респондентов косвенно подтвердило важность ольфакторного восприятия для идентификации / брендинга музея. На вопрос «Можете ли вы назвать музей, запах которого вам запомнился особенно?»: 67% респондентов ответили утвердительно. В числе наиболее часто упоминаемых музеев оказались Государственная Третьяковская галерея, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Государственный Эрмитаж, Музей русского импрессионизма. Ожидаемо в числе названных оказалось большое количество квази-музеев, работающих с темой нематериального наследия: Музей русского десерта в Звенигороде, Музеи Калача и пастилы в Коломне, Музей Пива в Чебоксарах и т. д.

Важно учитывать, что подобная идентификация может быть как позитивной, так и негативной: «В палеонтологическом был сильный запах формалина). Не захотелось туда приходить больше»; «К сожалению, есть – запах в музее ИЗО на первом этаже жилого дома в городе А.»

Регулярно отмечались и специфические запахи: «Краеведческий музей где-то в глубинке, где очень сильно пахло нафталином от чучел животных».

Рассмотрим спектр запахов, с которыми у посетителей ассоциируется слово «музей».

Самыми популярными вариантами оказались запах старого дерева (66%), книг и бумаги (48%), масляной краски (22%). Последний вариант подчеркивает устойчивость стереотипа, что абстрактный музей – это художественный музей, которого не

могут избежать даже профессионалы (*Идема* 2018).

Следующий блок ответов подчеркивает восприятие музея как некоего анахронизма: запах пыли (13%), старости (12%), каменной кладки (10%), затхлости (9%). Каждый десятый респондент ассоциирует музей с запахом стерильности (ничем не пахнет).

(указан процент от общего количества респондентов, которые включили указанные варианты в свой ответ)

- Затхлости – 9%
- Духов посетителей и зрителей – 7%
- Свежести – 7%
- Буфета и выпечки – 4%
- Нафталина – 3%
- Цветов – 3%
- Ладана – 2%
- Механической мастерской – 2%
- Кофе – 2%
- Химической лаборатории – 1%
- Кварцевой лампы – 1%
- Бытовой химии – 1%
- Другое – 9%

Ответы на вопрос об ольфакторной составляющей идеального музея также показали, что запахи воспринимаются как индивидуальная черта, элемент идентичности музея: 70% респондентов убеждены, что разные музеи, должны иметь разные ольфакторные элементы.

Остальные ответы во много совпадают с ассоциативными рядами, указанными выше: «Старым деревом» (17%), книгами и бумагой (16%), стерильностью (ничем) (12%). При этом целых 18% отвечающих считают, что музей должен пахнуть свежестью. 8% ассоциируют запах идеального музея с кофе, приметой большинства общественных пространств, что еще раз подтверждает важность наличия кофейни или кофемашины в музейной инфраструктуре. Иногда об этом упоминали и сами респонденты: «*Лувр запомнился больше всего, так как там на первом этаже была моя любимая кондитерская “Paul” и пахло любимыми десертами*».

А чем должен пахнуть идеальный музей? (можно было отметить несколько пунктов, но не более трех):

(указан процент от общего количества респондентов, которые включили указанные варианты в свой ответ)

- Кофе – 8%
- Цветами – 7%
- Масляной краской – 6%
- Духами посетителей и зрителей – 2%
- Старостью – 2%
- Затхлостью – 1%
- Пылью – 1%
- Ладаном – 1%
- Механической мастерской – 1%
- Буфетом и выпечкой – 1%
- Другое – 7%

Крайне важно, что большинство респондентов считает, что при всей важности ольфакторного восприятия запах не должен быть слишком интенсивным. 37% считает, что интенсивность запаха должна быть средней, а 52% – ниже среднего или слабой.

Идея ольфакторных дополнений в музее в целом оценивается позитивно. 65% респондентов считает, что их «Нужно использовать: это будит воображение». Только 16% относится к подобным новациям отрицательно. 9% считает, что «Это раздражает, особенно людей с аллергией и самих музейных сотрудников», а 7%, что в принципе «это совершенно лишнее в музее».

*«До появления аллергиков в семье считала, что ароматы существенно обогащают образы. К сожалению, теперь знаю, что запахи могут и существенно ограничивать потенциальную аудиторию».* Концепт smell harassment (преднамеренное причинение беспокойства резкими запахами), таким образом, близок не только аллергикам, но и большинству опрошенных.

Это не единственная причина негативного отношения к использованию ольфакторных элементов. Отдельные респонденты отмечали, что подобный подход отрицательно сказывается на персонализации посещения: *«Мне кажется, что заходя в музей, каждый человек воспринимает все, что его окружает через свое настроение, видения, тайну открытия того, что увидел, почувствовал, различные запахи будут отвлекать от восприятия, как бы вторгаться в мое пространство».*

**11% респондентов рассматривает ольфакторные инструменты в рамках инклюзивных музейных программ**, как инструмент для работы с людьми, имеющими проблемы со зрением. Важно, что из числа сотрудников музея, только 18% негативно оценили использование дополнительных запахов в музейном пространстве.

На вопрос, в каких музеях уместно использование запахов в отдельных элементах экспозиции, ответы распределились достаточно ровно. На первом месте оказались художественные музеи (23%), что во многом объясняется успешными проектами Государственного Эрмитажа («Запахи Караваджо» (Долинина 2005) и Музея русского импрессионизма.

На втором месте оказались музеи-усадьбы (13%), что также было относительно предсказуемо, поскольку ольфакторные инструменты крайне важны для ансамблевых экспозиций, о чем говорили и сами респонденты: *«В музеях-усадьбах такое часто происходит, но во многих пахнет затхлостью, а хотелось бы что-то более приятное, ассоциирующееся с эпохой»* (ПМА, жен., 19–24).

А вот на третьем и четвертом местах оказались медицинские (11%) и биологические (10%) музеи. Возможно, свою роль сыграл недавний опыт Государственного Биологического музея имени К. А. Тимирязева, который в 2020 году по мотивам литографий Жана Гранвиля «Ожившие цветы» выпустил собственную коллекцию духов, совместно с брендом Demeter (Биологический музей 2020).

Краеведческие экспозиции заняли пятую строчку (7%), хотя и здесь были довольно удачные отечественные проекты, такие как «Парфюмерная карта города Музей истории Екатеринбурга» (Парфюмерная карта 2021). Здесь важно отметить, что ольфакторный образ города играет большую роль в его восприятии (Дробник 2013; Голубев 2014; Панкин 2021), поэтому вопрос об использовании запахов в краеведческих музеях требует отдельного исследования.

В комментариях ряд респондентов упоминали музеи, работающие с «трудным наследием»:

- «Майданек. Запах старой обуви, оставшейся от погибших заключенных. Обувь там лежит в огромных длинных контейнерах из стальной сетки, тянущихся через очень длинный барак».
- «Военный музей в Лондоне, там запах медицинских препаратов для лечения раненых произвёл самое сильное впечатление».
- «Музей НКВД (Томск) – очень аутентичен самому музею. Именно в его стенах когда-то находились помещения НКВД. Запах усиливает общее впечатление».
- «Запах траншеи в военном музее Дрездена»

Позволим себе привести обширную цитату из «Иерусалимских дневников» И. Губермана (*Губерман 2013*), которая характеризует особый запах магаданского музея и целый пласт коннотаций, связанных с тяжелой историей города и его невольных жителей:

«Покурил я возле здания театра магаданского – тут некогда отменные российские артисты выступали, когда были в рабстве лагерном, и знаменитый Козин пел тут много лет, поскольку не хотел на материк вернуться после освобождения, а нынче и музей открыт в его квартире. Но я по недостатку времени пошёл в музей города.

Как я был прав! Тут охватило меня чувство – следует, наверно, радостью его называть, но поводом для этой радости такое зрелище служило, что не стану лучше я искать слова, а изложу, что видел. Ни в одном музее по России ещё нет такого, а должно быть – в каждом непременно. В аккуратных выгородках, изнутри обитых чёрной тканью (так обычно золотую утварь древнюю в музеях выставляют) были собраны одежда эсков и те инструменты, те орудия труда, с которыми они одолевали мерзлоту и камень. Изношенные, трёпаные, ветхие, прожжённые штаны и ватники соседствовали здесь с лопатами, кирками, ломом и отбойным молотком. Погнутые от долгого употребления (скорее – искорёженные) миски с кружками такой чисто музейной драгоценностью смотрелись тут, как будто археологи на уникально первобытную культуру здесь наткнулись и её предметы быта бережно собрали. Нет у меня слов, да и найти их, очевидно, невозможно. Хотя всё было под стеклом, такой кошмарный запах зоны в зале этом повисал над посетителем, что я недолго тут ходил и вышел потрясённый. У меня и по сей час стоит перед глазами этот зал. Директору музея этого я дал бы высшую награду – премию страны, а что он вынес, пробивая по начальству эту экспозицию, легко себе представить даже без расспросов нетактичных».

Лишь 4% респондентов на вопрос, в каких музеях уместно использование запахов в отдельных элементах экспозиции, выбрало вариант «ни в каких».

Возвращаясь к идее музейной парфюмерии, надо отметить, что 48% респондентов готовы приобрести подобный сувенир. Причины отказа от подобной покупки таковы: предпочитаю «нормальную» парфюмерию, купленную в парфюмерном магазине – 46%; вообще не пользуюсь парфюмерией – 16%; не покупаю никакие музейные сувениры – 11%; затрудняюсь с ответом – 9%; другое – 18%.

Основным итогом можно считать фиксирование положительного отношения к использованию ольфакторных элементов в музейном пространстве, как у постоянных посетителей, так и среди музейных сотрудников. Большинство опрошенных

поддерживает их применение. При этом многие из респондентов упоминали о возможных сопутствующих рисках использования запахов, особенно аллергии и отвлечении внимания от экспонатов. Кроме того, частично подтвердилась важность запахов при позиционировании музея, как элемент, повышающий его узнаваемость.

### Источники и материалы

- Биологический музей 2020 – Биологический музей выпустил духи // Главный портал ботанических садов России. 02.12.2020. URL: <https://botsady.ru/news/1606842473-biologicheskiiy-muzeuy-vypustil-duhi.html> (дата обращения: 06.06.2021).
- Вайнштейн и др.* 2021 – *Вайнштейн О., Пироговская М., Прохорова И.* Обоняние как социальный конструкт. Беседа о книге Робера Мюшембле «Цивилизация запахов» // Горький медиа. URL: <https://gorky.media/context/obonyanie-kak-sotsialnyj-konstrukt/> (дата обращения: 27.07.2021).
- Васильева* 2021 – *Васильева Я.* «Союзмультифильм» выпустил нишевые духи // Flacon. 09.06.2021. URL: <https://flacon-magazine.com/rubric/news/suzmul-tfil-m-vypustil-nisevye-duhi> (дата обращения: 12.06.2021).
- Парфюмерная карта 2021 – Парфюмерная карта города // Музей истории Екатеринбурга. URL: <https://m-i-e.ru/parfume> (дата обращения: 14.06.2021).
- Сенина* 2020 – *Сенина А.* Nose perfumes и Музей русского импрессионизма выпустили лекцию ароматов // Buro247.ru. 25.07.2020. URL: <https://www.buro247.ru/news/culture/25-jul-2020-nose-perfumes-impressionism-museum.html> (дата обращения: 10.06.2021).
- Researchers 2018 – Researchers find gender separation affects sense of smell. URL: [https://www.eurekaalert.org/pub\\_releases/2018-12/uow-rfg121818.php](https://www.eurekaalert.org/pub_releases/2018-12/uow-rfg121818.php) (accessed: 06.05.2021).

### Научная литература

- Вайнштейн О.Б.* (сост.) Ароматы и запахи в культуре. 2-е изд., испр. Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 616 с.
- Афоница О.М.* Формы репрезентации нематериального наследия в музеях-усадьбах: традиции и инновации // Молодежный вестник СПбГИК, 2017. № 1 (7). С. 62–65.
- Ахьямова И.А.* Социальное и личное в ольфакторной культуре // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2011. № 2. С. 4–10.
- Березина Т.Н.* Возникновение позитивных и негативных базовых эмоций под влиянием базовых запахов // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2011. № 3. С. 59–69.
- Бессчётнова Е.* Социальные коннотации запаха // INTER. 2016. № 11. С. 28–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-konnotatsii-zapaha> (дата обращения: 16.06.2021).
- Браун П.* Эстетический интеллект. Как его развивать и использовать в бизнесе и жизни / Поллин Браун; пер. с англ. Н. Брагиной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 320 с.
- Голубев Н.А.* Запахи города: ольфакторные характеристики «ивановского текста» // Известия высших учебных заведений. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 5. № 2. С. 107–111.
- Губерман И.М.* Иерусалимские дневники: сб. М.: АСТ, 2013. 576 с.
- Долинкина К.* Запах картины. Выставка «Картина и аромат» в Эрмитаже // Коммерсантъ Weekend. 2005. № 204 от 28.10. С. 34.
- Дробник Д.* Город: дистилляция // Теория моды: одежда, тело, культура. 2012. № 26. URL: [https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya\\_mody/26\\_tm\\_4\\_2012/article/10237/](https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/26_tm_4_2012/article/10237/) (дата обращения: 01.02.2021)
- Желондиевская Л.В.* Мультисенсорность в экспозиции музея // Музеи декоративного искусства, художественной промышленности и дизайна: вчера, сегодня, завтра. Мат. междунар. научной конф. к 150-летию Музея декоративно-прикладного и промышленного искусства МГХПА им. С.Г. Строганова. Опыт коллективного монографического исследования. М.: МГХПА им. С.Г. Строганова, 2018. С. 434–437.

- Идема Й.* Как ходить в музей. Советы о том, как сделать посещение по-настоящему запоминающимся. М.: Ад Маргинем, 2018. 128 с.
- Кряжевских М.Ю.* Модификация «музейного» языка в коммуникативном поле Объединенного музея писателей Урала. // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 2 (76). С. 190–196.
- Летягина С.К.* Гендерные особенности ольфакторной самопрезентации личности в социальном взаимодействии // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2013. № 2. С. 163–165.
- Машиковская Е.А.* «Цвести и пахнуть»: ольфакторный портрет человека и города в музее // Доклады конференции «Музей в культурном пространстве исторического города» – 2020. URL: [https://uglmus.ru/publics/konferenciay2020/olfaktornii\\_portret/](https://uglmus.ru/publics/konferenciay2020/olfaktornii_portret/) (дата обращения: 07.06.2021)
- Мюшмбле Р.* Цивилизация запахов. XVI–начало XIX века / Пер. с фр. О. Панайотти. М.: НЛО, 2020. 312 с.
- Мякеля Х.* Эдик. Путешествие в мир детского писателя Эдуарда Успенского / Ханну Мякеля. Пер. с фин. М.: АСТ, Малыш, 2014. 448 с.
- Нарский И.В.* Запахи в истории и советское прошлое: возможности и трудности культурной истории обоняния // Историки в поисках новых перспектив. Колл. монография / Под общ. ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. С. 319–338.
- Остром Л.* Парфюм. История ароматов XX века / Пер. И.Ю. Крупичева. М.: Э, 2017. 440 с.
- Панкин А.Д.* Как изучали запахи в городе? 09.08.2021. URL: <https://gorod.hse.ru/umelab/news/490474745.html> (дата обращения: 12.08.2021)
- Ульяновский А.В.* Сенсорный маркетинг // Маркетинговые коммуникации: 28 инструментов миллениума. М.: Эксмо, 2008. С. 79–91.
- Хартнелл Дж.* Голое Средневековье. Жизнь, смерть и искусство в Средние века / Пер. с англ. А.Н. Мурашова. М.: АСТ, 2019. 320 с.
- Шляхтина Л.М.* Современный музей: идеи и реалии // Вопросы музеологии. 2011. № 2. С. 14–19.
- Ackerman D.* A natural history of the senses. Vintage, 1991. 352 p.
- Bembibre C., Strlič M.* Smell of heritage: a framework for the identification, analysis and archival of historic odours. Heritage Science. 2017. Vol. 5. № 1. Pp. 1–11.
- Classen C.* Aroma: the cultural history of smell / Constance Classen, David Howes, and Anthony Synnott. Routledge, 1994. 242 p.
- Classen C.* Museum Manners: The Sensory Life of the Early Museum. Journal of Social History. 2007. № 40 (4). Pp. 895–914.
- Drobnick J.* The museum as smellscape // The Multisensory Museum: Cross-Disciplinary Perspectives on Touch, Sound, Smell, Memory and Space. Lanham: Rowman & Littlefield, 2014. Pp. 177–196.
- Duncan C.* Civilizing Rituals: Inside Public Art Museums (Re Visions: Critical Studies in the History and Theory of Art). Routledge, 1995. 192 p.
- Herz R.S.* Are odors the best cues to memory? A cross-modal comparison of associative memory stimuli // Annals of the New York Academy of Sciences. 1998. Vol. 855. № 1. Pp. 670–674.
- Hirsch A.* The effect of olfactory stimuli on the evaluation of a common consumer product // Chemical Senses. 1991. Vol. 16. No 5. P. 535. URL: [http://www.myvirtualpaper.com/doc/Wise-Moove/openmagazine\\_virtual/2009070601/24.html#246](http://www.myvirtualpaper.com/doc/Wise-Moove/openmagazine_virtual/2009070601/24.html#246) (accessed: 06.05.2021)
- Jezler O., Gatti E., Gilardi M., Obrist M.* Scented Material: Changing Features of Physical Creations based on Odors // CHI EA '16: Proceedings of the 2016 CHI Conference Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems. May 2016. Pp. 1677–1683. URL: <https://doi.org/10.1145/2851581.2892471> (accessed: 06.08.2021)
- Mei-Kei Lai.* Universal scent blackbox: engaging visitors communication through creating olfactory experience at art museum // SIGDOC '15: Proceedings of the 33rd Annual International Conference on the Design of Communication, July 2015. № 27. Pp. 1–6.
- Memory for odors.* Ed. by F.R. Schab, R.G. Crowder. Psychology Press 2016. 196 p.
- Miotto L.* Using scents to connect to intangible heritage: Engaging the visitor olfactory dimension:

Three museum exhibition case studies // 22<sup>nd</sup> International Conference on Virtual System & Multimedia (VSMM), Kuala Lumpur, 2016. Pp. 1–5.

Verbeek C., van Campen C. Inhaling Memories // *The Senses and Society*, 2013. Vol. 8:2. Pp. 133–148.

## References

- Ackerman, D. 1991. *A natural history of the senses*. Vintage. 352 p.
- Afonina, O.M. 2017. Formy reprezentatsii nematerial'nogo nasledia v muzeiakh-usad'bakh: traditsii i innovatsii [Forms of representation of intangible heritage in museums-estates: traditions and innovations]. *Molodezhnyi vestnik SPbGIK* 1 (7): 62–65.
- Akh'iamova, I.A. 2011. Sotsial'noe i lichnoe v ol'faktornoj kul'ture [Social and personal in olfactory culture]. *Vestnik sotsial'no-gumanitarnogo obrazovaniia i nauki* 2: 4–10.
- Bembibre, C., Strlič, M. 2017. Smell of heritage: a framework for the identification, analysis and archival of historic odours. *Heritage Science* 5.1: 1–11.
- Berezina, T.N. 2011. Voznikovenie pozitivnykh i negativnykh bazovykh emotsii pod vlianiem bazovykh zapakhov [The emergence of positive and negative basic emotions under the influence of basic smells]. *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Pedagogika i psikhologiya* 3:59–69.
- Besschetnova, E. 2016. Sotsial'nye konnotatsii zapakha [Social connotations of smell]. *INTER* 11: 28–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-konnotatsii-zapaha> (accessed: 16.06.2021).
- Brown, P. 2021. *Esteticheskii intellekt. Kak ego razvivat' i ispol'zovat' v biznese i zhizni. [Aesthetic intelligence. How to develop and use it in business and life]*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.
- Classen, C. 2007. Museum Manners: The Sensory Life of the Early Museum. *Journal of Social History* 40 (4):895–914.
- Classen, C., Howes, D., Synnott, A. 1994. *Aroma: the cultural history of smell*. Routledge. 242 p.
- Dolinina, K. 2005. Zapakh kartiny. Vystavka «Kartina i aromat» v Ermitazhe [The smell of the picture. The exhibition «Painting and fragrance» in the Hermitage]. *Kommersant Weekend* 204: 34.
- Drobnick, J. 2012. Gorod: distilliatsiia [The City: distillation]. *Teoriia mody: odezhda, telo, kul'tura* [Fashion theory: clothing, body, culture]. Vol. 26. URL: [https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya\\_mody/26\\_tm\\_4\\_2012/article/10237/](https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/26_tm_4_2012/article/10237/) (accessed: 01.02.2021)
- Drobnick, J. 2014. The museum as smellscape. In *The Multisensory Museum: Cross-Disciplinary Perspectives on Touch, Sound, Smell, Memory and Space*, 177–196. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Duncan, C. 1995. *Civilizing Rituals: Inside Public Art Museums (Re Visions: Critical Studies in the History and Theory of Art)*. Routledge.
- Golubev, N.A. 2014. Zapakhi goroda: ol'faktornye kharakteristiki «ivanovskogo teksta» [Odors of the city: olfactory characteristics of the «Ivanovo text»]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Ser. Gumanitarnye nauki*. [Proceedings of higher educational institutions. Ser. Humanities]. Vol. 5.2: 107–111.
- Guberman, I.M. 2013. *Ierusalimskie dnevniki: sbornik*. [Jerusalem diaries: collection of stories] Moscow: AST.
- Hartnell, J. 2019. *Goloe Srednevekov'e. Zhizn', smert' i iskusstvo v Srednie veka* [The Naked Middle Ages. Life, death, and art in the Middle Ages]. Moscow: AST.
- Herz R.S. 1998. Are odors the best cues to memory? A cross-modal comparison of associative memory stimuli. *Annals of the New York Academy of Sciences* 855 (1): 670–674.
- Hirsch, A. 1991. The effect of olfactory stimuli on the evaluation of a common consumer product. *Chemical Senses*. Vol. 16. 5: 535. URL: [http://www.myvirtualpaper.com/doc/Wise-Moove/openmagazine\\_virtual/2009070601/24.html#246](http://www.myvirtualpaper.com/doc/Wise-Moove/openmagazine_virtual/2009070601/24.html#246) (accessed: 06.05.2021)
- Idema, J. 2018. *Kak khodit' v muzei. Sovety o tom, kak sdelat' poseshchenie po-nastoiashchemu zapominaishchimsia*. [How to go to a museum. Tips on how to make a visit truly memorable]. Moscow: Ad Marginem.
- Jezler, O., Gatti, E., Gilardi, M., Obrist, M. 2016. Scented Material: Changing Features of Physical Creations based on Odors. CHI EA '16: *Proceedings of the 2016 CHI Conference Extended*

- Abstracts on Human Factors in Computing Systems*. May, 1677–1683. URL: <https://doi.org/10.1145/2851581.2892471> (accessed: 06.08.2021)
- Kryazhevskikh, M.Yu. 2010. Modifikatsiia «muzeinogo» iazyka v kommunikativnom pole Ob»edinennogo muzeia pisatelei Urala [Modification of the «museum» language in the communicative field of the United Museum of Writers of the Urals]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki*. [Proceedings of the Ural State University. Ser. 2, Humanities] 2 (76): 190–196.
- Letiagina, S.K. 2013. Gendernye osobennosti ol'faktornoj samoprezentatsii lichnosti v sotsial'nom vzaimodeistvii [Gender features of olfactory self-presentation of personality in social interaction]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaya seria. Ser. Akmeologiya obrazovaniia. Psikhologiya razvitiia*. [Izvestia of the Saratov University. A new series. Ser. Acmeology of education. Developmental psychology] 2: 163–165.
- Mäkelä, H. 2014. *Edik. Puteshestvie v mir detskogo pisatelja Eduarda Uspenskogo*. [Edick. Journey into the world of the children's writer Eduard Uspensky]. Moscow: AST, Malysk.
- Mashkovskaya, E.A. 2020. «Tsvesti i pakhnut'»: ol'faktornyi portret cheloveka i goroda v muzee [«Blossom and smell»: an olfactory portrait of a person and a city in a museum]. In *Doklady konferentsii «Muzei v kul'turnom prostranstve istoricheskogo goroda» – 2020*. [Reports of the conference «Museum in the cultural space of a historical city» – 2020]. URL: [https://uglmus.ru/publics/konferenciay2020/olfaktornii\\_portret/](https://uglmus.ru/publics/konferenciay2020/olfaktornii_portret/) (accessed: 07.06.2021)
- Mei-Kei Lai. 2015. Universal scent blackbox: engaging visitors communication through creating olfactory experience at art museum. In *SIGDOC '15: Proceedings of the 33rd Annual International Conference on the Design of Communication, July 27:1–6*.
- Schab F.R., and R.G. Crowder (eds.). 2016. *Memory for odors*. Psychology Press.
- Miotto, L. 2016. Using scents to connect to intangible heritage: Engaging the visitor olfactory dimension: Three museum exhibition case studies. In *22<sup>nd</sup> International Conference on Virtual System & Multimedia (VSMM), Kuala Lumpur*, 1–5.
- Muchembled, R. 2020. *Tsivilizatsiia zapakhov. XVI – nachalo XIX veka*. [The civilization of smells. XVI – the beginning of the XIX century]. Moscow: NLO.
- Narskii, I.V. 2019. Zapakhi v istorii i sovet'skoe proshloe: vozmozhnosti i trudnosti kul'turnoi istorii obonianiia [Odors in history and the Soviet past: opportunities and difficulties of the cultural history of olfaction]. In *Istoriki v poiskakh novykh perspektiv* [Historians in search of new perspectives]. Collective monograph. Ed. by Z.A. Chekantseva. Moscow: Akvilon.
- Ostrom, L. 2017. *Parfium. Istoriiia aromatov XX veka*. [Perfume. The history of aromas of the XX century]. Moscow.
- Pankin, A.D. 2021. *Kak izuchali zapakhi v gorode?* [How were odors studied in the city?] 09.08.2021. URL: <https://gorod.hse.ru/umelab/news/490474745.html> (data obrashcheniia: 12.08.2021).
- Shlyakhtina, L.M. 2011. Sovremennyi muzei: idei i realii [Modern museum: ideas and realities]. *Voprosy muzeologii* 2: 14–19.
- Ul'yanovskii, A.V. 2008. Sensornyi marketing [Sensory marketing]. In *Marketingovye kommunikatsii: 28 instrumentov milleniama* [Marketing communications: 28 tools of the millennium]. Moscow: Eksmo.
- Vainshtein, O.B., ed. 2010. *Aromaty i zapakhi v kul'ture*. [Aromas and odors in culture] 2<sup>nd</sup> ed. Bk. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Verbeek, C., van Campen, C. 2013. Inhaling Memories. *The Senses and Society* 8 (2): 133–148.
- Zhelondievskaia, L.V. 2018. Mul'tisensornost' v ekspozitsii muzeia [Multisensor in the museum exposition]. In *Muzei dekorativnogo iskusstva, khudozhestvennoi promyshlennosti i dizaina: vchera, segodnia, zavtra*. [Museums of decorative art, art industry and design: yesterday, today, tomorrow]. International scientific conference on the 150th anniversary of the Museum of Decorative, Applied and Industrial Art of the Stroganov Moscow State Pedagogical University materials. The experience of collective monographic research, 434–437. Moscow: MGKhPA im. S.G. Stroganova.

© *В.В. Карлов*

## ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ И ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ И ФАКТОР ФРУСТРАЦИИ

*Статья посвящена актуальной в научном и практическом отношении проблеме взаимодействия мигрантов с принимающим сообществом. Рассматриваются связанные с процессом миграции вызовы, прежде всего, опасность перевода социальных конфликтов в межэтническую плоскость, особенно в ситуации социальной нестабильности. Данная ситуация характерна в настоящее время для большинства стран мира, поэтому важна оценка воздействия на межэтнические отношения фактора фрустрации у тех или иных групп населения. А выход из состояния фрустрации нередко переводится в сферу межэтнических отношений. Проблема особенно актуальна для таких полиэтничных государств, как Российская Федерация. Автор дает краткую характеристику феномена миграции на разных этапах истории, так как считает, что ее специфика зависит от стадийных изменений в системе адаптации человека в среде обитания. Ведь миграция непосредственно связана с адаптацией переселенцев к новым условиям жизни. Такой подход, по его мнению, помогает понять особенности современной миграции и вовремя предотвращать возможные конфликтные ситуации.*

**Ключевые слова:** этническая миграция, адаптация мигрантов, фактор фрустрации, межэтнические конфликты

**Ссылка при цитировании:** Карлов В.В. Исторические особенности миграции в социально-психологическом и этнокультурном измерении и фактор фрустрации // Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 59–69.

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/59-69

© *V.V. Karlov*

## THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL AND ETHNO-CULTURAL DIMENSION OF THE HISTORY OF MIGRATION AND THE FRUSTRATION FACTOR

*The article is devoted to the problem of the interaction of migrants with the host community, which is relevant in scientific and practical terms. Migration is associated with various challenges; an important one is the danger of transferring social conflicts to the interethnic plane, especially in a situation of social instability. This situation*

---

**Карлов Виктор Владимирович** – д.и.н., профессор кафедры этнологии исторического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова (119991 Москва, Ломоносовский просп., 27, корп.4). Эл. почта: vikarlov@mail.ru

*is currently typical for most countries of the world, so it is essential to assess the impact of the frustration factor on interethnic relations among certain groups of the population. The way out of frustration is often translated into the sphere of interethnic relations. The problem is especially relevant for such multi-ethnic states as the Russian Federation. The author gives a brief historical overview of the phenomenon of migration, as he believes that its specificity depends on the stage changes in the system of human adaptation to the environment. After all, migration is directly related to the adaptation of migrants to new conditions. This approach, in his opinion, helps to understand modern migration and prevent possible conflict situations in time.*

**Keywords:** *Ethnic migration, the adaptation of migrants, the factor of frustration, interethnic conflicts*

**For Citation:** Karlov, V.V. 2022. The Socio-Psychological and Ethno-Cultural Dimension of the History of Migration and the Frustration Factor. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 59–69.

**Author Info:** Karlov, Victor V. – Dr. (Hist.), Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, RF). E-mail: vikarlov@mail.ru

Конец XX и начало XXI в. принесли человечеству серьезные перемены поистине глобального значения в организации жизни населения всех стран и народов. Эти изменения породили естественную потребность научного исследования различных аспектов мировых процессов, имеющего не только и даже не столько чисто научное, но еще более – практическое значение. К таким проблемам относится и миграция, которая приобрела колоссальные масштабы. Кроме стран, в значительной степени сформировавшихся как результат длительной и продолжающейся иммиграции (США, Австралия, Канада) и имеющих долю иммигрантов в населении от 20% и выше, сейчас эта доля стремительно растет и во многих государствах Старого света. В Европе, например, самый большой рост иммигрантов с 2010 по 2015 гг. был в Люксембурге, Швейцарии, Швеции, Австрии, Норвегии, Англии и Финляндии. Россия на середину 2010-х гг. по доле иммигрантов демонстрировала средние показатели (8,1% от всего населения), однако в абсолютных цифрах это более 11,6 млн человек. И это не считая внутренней миграции, в нашей стране не менее интенсивной.

Таким образом, миграция стала одним из важнейших факторов феномена глобализации в мире, нуждающихся в изучении и анализе в самых разных аспектах. Она несомненно входит в круг исследовательских задач, обрисованных английскими исследователями глобальных перемен: «Глобализация может быть осмыслена как процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий – измеряемую с помощью таких показателей, как протяженность, интенсивность, скорость и воздействие, – порождающие межконтинентальные или межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти». Авторы говорят об «институализации (...) регулирования моделей взаимодействия, и, следовательно, их воспроизводства в пространстве и во времени». (Хелд и др. 2004: 19, 23).

Понятно, что изучение миграции в ее разнообразных проявлениях уже по причине сложности явления не может быть предметом какой-либо одной области науки. И

закономерно, что изучением этих разных проявлений заняты сейчас многие отрасли научного знания. При этом ни одна из этих отраслей не может претендовать на исключительное место в их исследовании, ибо само явление многомерно и предполагает лишь комплексное постижение его сути в разных аспектах, включая экономику, политику, изменение систем расселения, культуру, этнический состав стран и континентов, и т.д. В таком многомерном освещении миграции есть свои преимущества: специальный подход к феномену с точки зрения различных наук в совокупности не только позволяет онтологически адекватно оценить явление, но и операционально выявить и проанализировать рожденные миграцией вызовы обществу и практики регулирования процессов. Специалисты, занятые исследованием современных процессов миграции, проанализировав посвященную ей мировую литературу, предлагали классификацию направлений, теорий и подходов в изучении связанных с ней проблем. Выделены, в частности, такие концепции как культурологическая, этносоциологическая, конфликтологическая, географическая, урбанистическая, историко-демографическая, этнологическое и системно-типологическое направления, и т. д. (Ионцев 2014: 63–83).

Среди различных подходов к явлению названы этнологический и этносоциологический (в широком смысле их можно объединить в историко-культурный) контексты, что естественно. В историко-культурных и этнографических ракурсах явление миграции, конечно, многократно описывалось на различном реальном историческом материале. В анализе этнокультурной составляющей миграции преобладает чаще всего рассмотрение ситуации контакта конкретных этнических групп населения в локально-региональном аспекте. Это объяснимо и закономерно: только конкретный материал в его вариациях может создать основу для целостной характеристики современной миграции.

Связь явления миграции в социально-психологическом и этнокультурном аспектах с фактором фрустрации, вынесенные в заглавие статьи, по мнению автора, нуждается не только в изучении конкретно-локальных проявлений. Процесс адаптации мигранта, сопряженный с этими аспектами, есть неизбежное сопровождение процесса миграции, что очевидно. Так же очевидно, что отрыв человеческих сообществ и человека от привычных среды обитания и образа жизни неизбежно сопровождается психологическими перегрузками и может иметь различное выражение. Среди типичных проявлений этих нагрузок и перегрузок можно назвать фактор фрустрации, который представляется одним из самых социально опасных следствий контактов мигрантов с принимающим обществом. Связь адаптации и фрустрации довольно объяснима, ведь адаптация мигранта – это всегда поиск нового «места под солнцем». Если поиск будет проходить с большими трудностями, это уже причина воздействия на человека фрустрирующих обстоятельств. Причем такие обстоятельства могут возникать и в среде принимающего мигрантов сообщества, когда складывается ситуация конкуренции (например, в трудоустройстве, поисках жилья и др.).

Здесь нелишне напомнить определение явления фрустрации психологами. Это состояние дезорганизации сознания и деятельности человека, которое возникает у него в основном тогда, когда мотивы его деятельности не могут по каким-либо объективным или субъективным причинам быть удовлетворены. Но так как долго сознание личности не может находиться в состоянии дезорганизации, человеческая психика ищет выход из него. А типичным примером выхода бывает поиск «козла отпущения» – перенос недовольства своими трудностями в решении проблем на не-

кий внешний объект. Опасность фрустрации в ситуации с мигрантами состоит в том, что в полиэтничной среде «козлом отпущения» часто оказываются представители иноэтничной группы, как правило, даже независимо от того, где происходит взрыв негатива, в принимающем или принимаемом сообществе. И то, что реальной причиной практически всегда оказываются вовсе не этнические, но чисто социальные обстоятельства, к сожалению, совершенно не спасает от межэтнических «выплесков» негативных реакций.

Приоритет сугубо социальных, а вовсе не этнокультурных причин действия механизма фрустрации наглядно подтверждается, в частности, ярким примером, приведенным армянскими этнопсихологами при анализе опроса населения Еревана. При анкетировании жителей Еревана была выявлена часть населения, у которой зафиксирован негативный автостереотип. Когда исследователи стали выяснять, что собой представляет и из кого состоит данная категория респондентов, то обнаружилось, что это армяне – жители Еревана, у кого сложились большие проблемы из-за неустроенности в жизни. Таким образом, испытывая состояние фрустрации, они свои неудачи связали с якобы отрицательными качествами собственного народа. Но это, справедливо отметили исследователи, возможно в Ереване, городе по существу мононациональном. В любой же полиэтничной среде «козлом отпущения» – виновником невзгод непременно становятся люди иной национальной принадлежности (Население Еревана 1986: 208-210).

В подтверждение последнего тезиса можно привести длинный список конфликтов в пределах России и бывших республик СССР за последние пару десятилетий, в которых так или иначе был задействован межэтнический фактор, перенаправленный в эту плоскость от сугубо социальных причин недовольства. В наше время серьезных перемен в самых разнообразных аспектах жизни общества и его организационных связей, сопровождающихся нестабильностью положения многих групп населения, соответственно возрастает и опасность такого рода выходов из состояния фрустрации в неприемлемых и сопряженных с жертвами формах, справиться с которыми часто удается лишь «силовыми» методами.

Все такие ситуации имеют конкретные причины и проявления. Однако, чтобы отчетливо представлять именно современную специфику вызовов обществу, связанных с реакциями на фрустрацию, автор считает полезным кратко охарактеризовать специфику процессов миграции в исторической динамике, их базовые различия в хронологическом аспекте, связанные со стадийными особенностями процессов адаптации мигрантов. Такие базовые хронологические отличия более всего зависят, на мой взгляд, от специфики трех основных способов адаптации человеческих сообществ в среде обитания, которые прошло или ныне проходит человечество.

Первый из способов – характерная для доиндустриального периода специализированная тем или иным образом деятельность по натуральному жизнеобеспечению. Именно специфический вариант натурального жизнеобеспечения есть ведущая связь, которая консолидирует этнос, а язык и культурно-бытовые формы лишь результат выработки данного способа адаптации в среде и механизмов его трансмиссии следующим поколениям.

Второй в истории специализированный способ адаптации в среде обитания связан с эпохой модерна или индустриализации. Здесь натуральное самообеспечение, бывшее основой этнической связи, меняется на систему, в которой способ адапта-

ции связан с дробно дифференцированной и профессионально специализированной деятельностью и обменом ее результатами через рынок. Сначала это происходит в моноэтнической среде, которая становится ядром развития новой связи. Но затем постепенно в систему включаются и иноэтнические группы или их части. Эта новая связь становится основной для такого сообщества как национальная общность, или нация – главный субъект адаптации в среде для входящих в нее людей, постольку поскольку именно в ее пределах складывалась система дифференцированной деятельности и обмена ее результатами, жизненно необходимая для реализации насущных потребностей людей, принадлежащих к сообществу-нации.

С конца XX в. в мире происходит становление нового, третьего по счету, специализированного способа адаптации в среде обитания, названного глобализацией. Его специфическими особенностями можно назвать расширение социально-воспроизводственных связей и обеспечивающих их функционирование институтов до мировых масштабов, перешагивание ими национально-государственных границ (не говоря уже об этнических). Появляются признаки функционально работающих механизмов, ориентированных на различные потребности человека в жизнеобеспечении и услугах разного рода, которые некоторыми исследователями конца прошлого века названы «эргатической системой» (от греческого «эргасиа» – «работа»). Эта система – некое триединство «индивид – социум – техника», где социум представлен институциями сферы услуг определенного узкоцелевого назначения, при помощи технических средств, обеспечивающих потребности индивида (*Дружинин* и др. 1989).

Первый названный этап – адаптация в среде обитания посредством специализированного способа натурального жизнеобеспечения – занимал длительный период от неолита до позднего средневековья и начала модернизации. Миграции были свойственны всему этому периоду истории. Вызывались они в основном либо изменениями климата, либо ростом населения и необходимостью расширения территории обитания народов. Эти перемещения в той или иной степени отразились на формировании всех народов. Как писал по этому поводу С.А. Токарев еще в 1949 г., «в числе современных народов нет ни одного, который не был бы смешанным по своему происхождению. Есть только народы более или менее смешанного происхождения, но нет или почти нет народов, избежавших смешения. Исключения крайне редки» (*Токарев* 1999: 38). То есть каждый современный народ сформировался в той или иной мере в результате процессов миграции, что служит предметом детального этнологического, археологического и лингвистического анализа истоков и хода влияния миграций на его происхождение и состав.

Формы контакта принимающего и принимаемого сообществ в ситуации господства натурального жизнеобеспечения были не слишком разнообразны. Очень часто итог контакта зависел, как достаточно хорошо известно из источников, от военной силы обеих контактирующих сторон. Если сила была на стороне мигрантов, дело оборачивалось либо вытеснением, либо истреблением «аборигенов». Ведь по существу взаимодействовали две культуры, каждая из которых была самодостаточна и не нуждалась в заимствованиях ни в технологическом, ни в нормативно-регулирующем отношении. Если же какая-либо из сторон контакта была относительно малочисленной, был возможен и синтез, заимствование в способах жизнеобеспечения, особенно из местного опыта принимающей переселенцев стороны. Такими примерами богата история культуры многих народов. Возможен был также вариант, когда многочис-

ленный и сильный, или преобладающий в военном отношении, участник взаимодействия обращал более слабого в зависимое сословие. Разумеется, угнетаемая часть испытывала фрустрацию, а если угнетатели представляли иную этническую группу, то против них нередко вспыхивали восстания и бунты, хорошо известные из истории.

В «пережиточном» варианте контакт двух самодостаточных участников взаимодействия, оба из которых сохраняют, хотя бы частично, свой этнически специфичный комплекс способов деятельности и нормативной практики, из такого комплекса вытекающей, можно встретить даже в настоящее время. Такое иногда случается при переселениях людей из одного региона в другой, если это сельские миграции. Тогда требуется определенное время на привыкание, «притирку» мигрантов и старожилов друг к другу. Для города, где виды деятельности уже давно профессионально специализированы и где осталось мало места для их этнической специфичности, такое, конечно, не характерно. Переселенцу, в той или иной степени еще сохранившему сельские стереотипы, в этих обстоятельствах волей-неволей приходится пройти определенную ресоциализацию.

Впрочем, и в доиндустриальную эпоху известны варианты, когда постепенно оба контактирующих этнических компонента со временем формировали некий общий этнокультурный уклад, ориентированный на натуральное жизнеобеспечение, а неравенство, если оно при этом имело место, приобретало не этническое, а лишь социально-сословное различие.

Интересно и по-своему показательны, что, по материалам физических антропологов, в процессе восточно-славянской колонизации установка на мирные взаимоотношения с обитателями колонизируемых территорий входила в «стратегию выживания» восточных славян на новых местах. Такая психологическая установка действительно была присуща им и в относительно позднее время. Например, исследователь национальных отношений в царской России А. Каппелер отмечал, что среди многонационального населения Средней Волги XIX в. именно русские крестьяне были наиболее открыты для межэтнического общения (*Kappeler 1982: 495*). Показателем такой установки можно считать и то, что, попадая в резко отличные от привычных природно-климатические области, русские колонисты относительно легко перенимали от автохтонов многие их способы жизнеобеспечения, также как и им передавали свои хозяйственные навыки, имевшие какие-то преимущества. Вероятно, и этим можно объяснить формирование гигантской территории многонациональной империи, для населения которой межкультурное взаимодействие и взаимовлияние проявлялось во многих формах.

С переходом к эпохе модерна изменяется прежде всего сам способ адаптации в среде. Специализированное натуральное жизнеобеспечение (причем специализированное определенным этнически специфичным образом) меняется на профессионально дробную дифференцированную систему деятельности и обмена, и уже вся эта сложная конструкция в целом становится основой жизнедеятельности всего общества-нации. О типологическом отличии феноменов этноса и нации друг от друга достаточно давно и весьма доходчиво высказался выдающийся испанский философ Х. Ортега-и-Гассет: «Единство нации, прежде всего, подразумевает налаживание тесной взаимосвязи между этническими и политическими группами. Но этого мало. По мере развития государства, усложнения государственных потребностей растет дифференциация социальных функций и, стало быть, соответствующих органов. Внутри единого целого возникает ряд миров, где царит своя, неповторимая атмосфера, то

есть имеются свои нормы, интересы, обычаи, идеи и настроения. Это миры военных, политиков, промышленников, ученых и творцов, рабочих и т.д. Словом, процесс объединения, в результате которого образовалось единое крупное государство, уравнивается разделением общества на классы, слои, социальные группы.

Все этнические сообщества, прежде чем войти в государство, существовали отдельно. Каждое из них было самостоятельной единицей. Наоборот, классы и социальные группы изначально представляли собой части целого. Первые, так или иначе, могут вернуться к независимости. Вторые никогда не жили и не могут жить сами по себе. Вся их суть в том, чтобы быть частями целого, элементами структуры, в которую жестко вписано их существование. Так делец нуждается в поставщиках сырья, в покупателях, в администрации, которая наводит порядок на дорогах, в военных, призванных этот порядок защищать. В свою очередь, мир военных, или «защитников» (...) нуждается в предпринимателе, крестьянине, технике.

Нация живет нормальной жизнью, когда каждая из групп понимает, что она только часть общества (*Ортега-и-Гассет* 1994: 47-48).

В способе адаптации, рожденном эпохой модерна, появляется очень важная особенность как для всего населения государства, так и для мигрантов. Она заключается в том, что в ряду идентичностей, свойственных индивиду, на одно из первых мест выходят идентичности профессиональная, а также сословно-классовая, значимость же этнической хотя и сохраняется, но уменьшается, во многих ситуациях уступая иным формам. Социологи давно пришли к заключению, что в обществе модерна, где индивид имеет несколько актуальных для себя идентичностей, идентификация как правило ситуативна. То есть в зависимости от конкретной ситуации на первое место выходит та идентичность, которая в данных обстоятельствах наиболее выгодна для человека. Это особенно типично для высоко урбанизированных обществ, где в основном наиболее актуальны социально-профессиональные характеристики. Что обычно создает для мигранта более комфортную ситуацию. Если же человек из иной этнической среды, чем большинство, с которым приходится контактировать, практически постоянно позиционирует себя по иным критериям, чем этническая принадлежность, то это, вероятно, становится одним из факторов его ускоренной ассимиляции в принимающем обществе. Ассимиляция такого рода не всегда означает перемену этнической идентичности. Но постепенно может вести и к ее смене на иную.

В результате мигранты получают потенциальную возможность более легкого включения в национально-государственную структуру дифференцированной деятельности и обмена, вписываясь в национальное сообщество в первую очередь как представители профессии. Понятно, что для обустройства в районах миграции профессиональная идентичность уже более значима, чем этническая принадлежность. Особенно это касается специалистов высокого профессионального уровня.

Разумеется, между возможностью и реальностью существенная разница, однако наличие возможности само по себе уже достаточно значимо. Конечно, рядовая масса мигрантов, не обладая сверхвысокой квалификацией, не может рассчитывать на благоприятное решение проблемы трудоустройства и вынуждена довольствоваться такими рабочими местами, которые в принимающем сообществе считаются непрестижными. Иногда на этой почве возникают локальные районы, своего рода гетто, где вынуждены селиться мигранты. Такие ситуации в крупных городах Европы и США хорошо описаны в литературе (*Яницкий* 1975). Теперь же нечто подобное можно наблюдать и

в городах России. В советское время такого не наблюдалось, впрочем, во многом потому, что существовали строгие ограничения прописки в крупных городах, а потому иноэтничным мигрантам делалось исключение чаще как раз по причине их высокой профессиональной квалификации. А ситуации большого скопления переселенцев с низкой квалификацией и, соответственно, многими неудовлетворенными жизненными потребностями, всегда чреваты взрывами конфликта с коренным населением, какая сторона ни становилась бы реальным или мнимым виновником взрыва.

При всей сложности социального и этнического состава современных трудовых мигрантов в условиях России, появление значительного числа переселенцев, особенно в занятом населении мегаполисов, создает ряд проблем не только с трудоустройством, но и во многих бытовых аспектах. Все это, конечно, по-разному, но воздействует на самоидентификацию мигрантов. Справедливо высказанное рядом авторов мнение о том, что происходящие в процессе устройства мигрантов изменения идентичности важны не только для них самих, но и как составляющая часть становления гражданского общества в стране (*Выхованец* и др. 2014).

Не менее, если не более, важна постоянная работа социально-психологического характера и с принимающим мигрантов сообществом. Не секрет, что усиление миграционных потоков в мире, в частности, в Европе, вызвало на фоне отсутствия реального и эффективного решения на уровне правительств и муниципалитетов комплекса многочисленных проблем определенные настроения «мигрантофобии». Политическое же кредо мультикультурализма, звучавшее как красивый лозунг, не имело под собой программы или практической модели воплощения в бытовой плоскости. Во многом именно поэтому высказывалось не лишнее оснований мнение о том, что идеологически мультикультурализм есть замена расизма биологического «дифференциальным» культурным расизмом, ибо только номинально провозглашает равенство культур и их право на существование, но вообще не касается вопросов их реального взаимодействия (*Балибар, Валлерстайн* 2003: 27-38).

В России политика мультикультурализма хотя и не была принята как официальная доктрина, однако общие настроения мигрантофобии не только имеют иногда бытовые проявления, но временами проглядывают даже в материалах СМИ, не говоря уже об интернете. На бытовом уровне сложившееся не вполне лояльное отношение к мигрантам из зарубежных стран не так уж редко переносится и на внутренних мигрантов, для которых русский язык не является родным. Такие факты неоднократно отмечались в литературе о мигрантах. Например, выходцы с Северного Кавказа в Москве нередко воспринимаются не как соотечественники, а как граждане другого государства (*Дробижева* 2014; *Галяпина* 2015). Конечно, все подобные ситуации, особенно при контакте лиц, не привыкших к несколько отличным от собственных норм поведения, создают почву для конфликта.

Такая ситуация с взаимодействием мигрантов и принимающего сообщества на массовом уровне сохраняется и представляет собой висящий над обществом «дамоклов меч», в любой момент готовый нанести разящий удар. Однако постиндустриальная цивилизация открывает ряд принципиально новых возможностей адаптации: одно из последствий глобализации – рождение «эргатической системы», глобальный рост места и значения в жизнедеятельности общества сферы услуг, ориентированных на удовлетворение жизненных потребностей индивида с опорой на современные технические возможности. Какое это имеет значение для мигрантов? Разумеется, наиболее полное

удовлетворение жизненных целей, как и сиюминутных потребностей человека, зависит от таких мест обитания, где сферы услуг наиболее развиты и, конечно, от финансовой состоятельности индивида-потребителя услуг. В современных условиях такая состоятельная часть мигрантов, как правило, легко находит «место под солнцем», даже без опоры на какие-либо стабильные социальные связи, в том числе этнического характера.

Другой гранью адаптации в наше время можно назвать изменение места стабильных идентичностей в деятельности крупных современных корпораций, на что обратили внимание некоторые исследователи. Речь идет о том, что человек, воспринимавшийся как маргинал (а многие из мигрантов волей-неволей испытывают состояние маргинальности) уже не своего рода «культурный изгой», как он воспринимался еще недавно, но, скорее, новый «культурный герой»: такой «глобальный игрок» без константных культурных «привязок» удобен для роли международного менеджера, руководителя нового типа, находясь как бы между многими культурами, но «в центре мира». Он не имеет стабильных культурно-ценностных ориентиров, и потому, вероятно, способен более гибко оперировать и манипулировать клиентами и контрагентами в корпоративных интересах (Moosmüller 1998: 199). Вероятно, в этих наблюдениях, по-видимому, есть рациональное зерно. Не случайно в сюжетах многих современных сериалов обыгрывается сверхуспешная карьера «лишенных комплексов» провинциалов, благополучно нашедших работу в крупных столичных фирмах.

Однако же новые возможности, открываемые перед мигрантами в условиях глобализации, перекрываются пока и новыми вызовами, или обновленными старыми. Здесь имеются ввиду обстоятельства резкой смены среды жизнедеятельности для части мигрантов, не располагающих возможностями быстро вписаться в новую среду. Это нередко ведет не столько к возникновению новых групповых связей, сколько к возрождению старых идентичностей и связей в новых условиях, причем с усилением их роли и значения в сравнении с прошлым, что убедительно проиллюстрировал, например, С. Хантингтон, объясняя корни исламского фундаментализма на Ближнем Востоке в конце XX в. утратой прежних общинных связей в новой урбанизируемой среде (Хантингтон 2006: 144-145). Такая ситуация имеет место и среди мигрантов из Азии в странах Европы, где расчеты на успех политики мультикультурализма потерпели фиаско, столкнувшись с практикой.

В основе подобного психологического состояния сообществ как мигрантов, так нередко и принимающего их населения – неопределенность и нестабильность. Как справедливо отмечал известный российский социолог В.А. Ядов, анализируя состояние общества в связи с крушением советского строя, в условиях нестабильности резко возрастает потребность человека в социальных связях – солидарности, идентичности, принадлежности к группе. А нетерпимость к неопределенности есть одна из самых сильных психологических характеристик человека, способствующая его адаптации в жизни (Ядов 2010; Данилова, Ядов 2004). Самое же опасное следствие неопределенности в полиэтничной среде – это то, что она вызывает ощущение фрустрации и у мигрантов, и у коренного населения. Один из наглядных примеров этого – для многих неожиданный успех новой партии АДГ в Германии, особенно среди восточных немцев. Но это как раз хорошо объясняется «двойной» фрустрацией немцев этих областей: мало того, что они уже не первое десятилетие после воссоединения ФРГ и ГДР (а точнее фактического поглощения последней) ощущали себя гражданами второго сорта, так еще к этому добавилось более лояльное отношение власти к мигрантам, чем к ним.

Понятно, что основная причина опасности фактора фрустрации для российского общества это в первую очередь не преодоленная нестабильность его состояния. Поэтому малейшая социальная диспропорция в любой момент может быть перенесена на межэтническую почву и обернуться взрывом. Избежать этого практически невозможно, пока нестабильность будет сохраняться. А сохраняться она будет долго, ибо весь мир вступил в полосу нестабильности. Единственное, чем общество может способствовать снижению этой опасности – это создание службы, обязанной отслеживать возникновение напряженных ситуаций. Для этого необходима подготовка профессиональных этнологов, этносоциологов, этнопсихологов, социальных антропологов для работы в административных органах вплоть до муниципального уровня. Средства для их подготовки найти в любом случае легче, чем потом преодолевать последствия неконтролируемых конфликтов.

### Научная литература

- Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера. 2003. С. 27–38.
- Выхованец О.Д., Прохорова А.В., Савинкова Ю.К., Старчак М.В., Яценко Е.Б.* Трансформация идентичности мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2014.
- Галаяпина В.Н.* От соотечественника к «чужому»: образ этнического мигранта в восприятии москвичей (по результатам фокус-групповых дискуссий) // *Общественные науки и современность*, 2015, №2. С. 72–83.
- Данилова Е.Н., Ядов В.А.* Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // *Социологические исследования*, 2004, №10. С. 27–30.
- Дробижнева Л.М.* Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации // *Общественные науки и современность*, 2014, №1. С. 119–129.
- Дружинин В.В., Конторов Д.С., Конторов М.Д.* Введение в теорию конфликта. М.: Радио и связь, 1989.
- Ионцев В.А.* Классификация основных теоретических подходов в изучении миграции населения // *Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3-х томах. Т.1, ч.1.* М.: Спецкнига, 2013. С. 63–83.
- Население Еревана. Этносоциологические исследования.* Отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Э.Т. Карапетян. Ереван: изд-во АН АрмССР, 1986. С. 208–210.
- Ортега-и-Гассет Х.* Этюды об Испании. Киев: Новый Круг: Пор-Рояль, 1994. С. 47–48.
- Токарев С.А.* К постановке проблем этногенеза // *Токарев С.А. Избранное. Теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям народов мира. Т.1.* М.: ИЭА РАН, 1999. С. 38.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ. 2006. С. 144–145.
- Хелд Д., Гольблатт Д., Макгрю Э., Пerratон Дж.* Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М.: Праксис, 2004.
- Ядов В.А.* Какие теоретические подходы полезны для понимания и объяснения социальных реалий российского общества и России? // *Россия реформирующаяся. Ежегодник, вып. 9.* М.: Новый хронограф, 2010. С. 20–23.
- Яницкий О.Н.* Урбанизация и социальные противоречия капитализма. Критика американской социологии. М.: Наука, 1975.
- Kappeler A.* Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16 bis 19 Jahrhundert. Köhln, Wien. 1982. 495 p.
- Moosmüller A.* Interkulturelle Kommunikation und globale Wirtschaft: zu den Risiken und Chancen von kultureller Differenz // *Schweizerisches Archiv für Volkskunde.* Zürich. 1998. No. 2. Pp. 199.

## References

- Arutiunian, Iu. V., Karapetian E. T. (ed.). 1986. *Naselenie Erevana. Etnosotsiologicheskie issledovaniia*. [The population of Yerevan. Ethnosociological research]. Erevan: Izdatelstvo AN ArmSSR.
- Balibar, E., Vallerstain, I. 2003. *Rasa, natsiia, klass. Dvumyslennnye identichnosti* [Race, nation, class. Ambiguous Identities]. Moscow: Logos-Al'tera.
- Danilova, E.N., Iadov, V.A. 2004. Nestabil'naia sotsial'naia identichnost' kak norma sovremennykh obshchestv [Unstable social identity as a norm of modern societies]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 10: 27–30.
- Drobizheva, L.M. 2014. Etnicheskaia solidarnost', grazhdanskaia konsolidatsiia i perspektivy mezhetnicheskogo soglasiia v Rossiiskoi Federatsii [Ethnic solidarity, civil consolidation and prospects for interethnic harmony in the Russian Federation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 1: 119–129.
- Druzhinin, V.V., Kontorov, D.S., Kontorov, M.D. 1989. *Vvedenie v teoriuu konflikta* [Introduction to Conflict Theory]. Moscow: Radio i sviaz'.
- Galiapina, V.N. 2015. Ot sootestestvennika k "chuzhomu": obraz etnicheskogo migranta v vospriiatii moskvicei (po rezul'tatam fokus-gruppykh diskussii) [From a compatriot to a "stranger": the image of an ethnic migrant in the perception of Muscovites (based on the results of focus group discussions)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 2: 72–83.
- Iadov, V.A. 2010. Kakie teoreticheskie podkhody polezny dlia ponimaniia i ob'iasneniia sotsial'nykh realii rossiiskogo obshchestva i Rossii? [What theoretical approaches are useful for understanding and explaining the social realities of Russian society and Russia?] *Rossiiia reformiruiushchaisia. Ezhegodnik*. Moscow: Novyi khronograf 9: 20–23.
- Ianitskii, O.N. 1975. *Urbanizatsiia i sotsial'nye protivorechiia kapitalizma. Kritika amerikanskoi sotsiologii* [Urbanization and social contradictions of capitalism. Criticism of American Sociology]. Moscow: Nauka.
- Iontsev, V.A. 2013. Klassifikatsiia osnovnykh teoreticheskikh podkhodov v izuchenii migratsii naseleniia [Classification of the main theoretical approaches in the study of population migration] In *Migratsiia v Rossii. 2000–2012. Khrestomatiia v 3-kh tomakh* [Migration in Russia. Textbook in 3 books]. Book 1, ch. 1. Moscow: Spetskniga.
- Khantington, S. 2006. *Stolknovenie tsivilizatsii* [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST.
- Kheld, D., Gol'blatt, D., Makgriu, E., Perraton, Dzh. 2004. *Global'nye transformatsii. Politika, ekonomika i kul'tura* [Global Transformations. Politics, Economics and Kultura]. Moscow: Praktis.
- Kappeler, A. 1982. *Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16 bis 19 Jahrhundert. Köhln*. [The first nationalities in Russia. The Tsarist Empire and the peoples of the Middle Volga region from the 16th to the 19th centuries.]. Wien.
- Moosmüller, A. 1998. Interkulturelle Kommunikation und globale Wirtschaft: zu den Risiken und Chancen von kultureller Differenz Schweizerisches [Intercultural communication and the global economy: on the risks and opportunities of cultural differences]. *Archiv für Volkskunde* 2: 199.
- Ortega-i-Gasset, Kh. 1994. *Etiudy ob Ispanii* [Sketches about Spain], 47–48. Kiev: Novyi Krug: Por-Roial'.
- Tokarev, S.A. 1999. K postanovke problem etnogeneza [On the formulation of problems of ethnogenesis] In *Tokarev, S.A. Izbrannoe. Teoreticheskie i istoriograficheskie stat'i po etnografii i religiiam narodov mira* [Favourites. Theoretical and historiographical articles on ethnography and religions of the peoples of the world]. Book.1. Moscow: IEA RAN.
- Vykhovanets, O.D., Prokhorova, A.V., Savinkova, Iu.K., Starchak, M.V., Iatsenko, E.B. 2014. *Transformatsiia identichnosti migrantov kak odna iz sostavliaiushchikh stanovleniia grazhdanskogo obshchestva v Rossii* [Transformation of migrants' identity as one of the components of the formation of civil society in Russia]. Moscow: Fond "Nasledie Evrazii".

## «ДЕРЕВЕНСКОЕ» В ГОРОДСКОМ И «ГОРОДСКОЕ» В ДЕРЕВЕНСКОМ: НЕЗРИМЫЕ ГРАНИЦЫ ДВУХ МИРОВ

УДК 39  
DOI 10.33876/2311-0546/2022-1/70-83

© *М.В. Васеха*

### ДЕНЬ ИВАНА КУПАЛЫ В НОВОСИБИРСКЕ: ПРАЗДНИК МЕЖДУ «ГОРОДОМ» И «ДЕРЕВНЕЙ»\*

*Работа включает культурно-антропологический анализ конкретного сибирского обычая – празднования дня Ивана Купалы в городском пространстве крупнейшего сибирского города – Новосибирска. Оказавшись в хорошую жаркую погоду 7 июля в полуторамиллионном Новосибирске, непосвященный человек может решить, что стал жертвой хулиганства, поскольку есть вероятность, что его обольют водой без всяких предупреждений – на улице, в городском транспорте, собственном авто. Для новосибирцев такая ситуация представляется вполне естественной, поскольку все жители осведомлены, что «на Купалу нужно обливаться».*

*В период советской форсированной урбанизации и индустриализации вместе с «новыми горожанами» – бывшими жителями сибирских сел, в «сибирский Чикаго» (Луначарский 1929: 7–17, 39–48, 87–94) прибывали и «деревенские» традиции повседневной и праздничной культуры. Автор пытается понять, почему из множества популярных, горячо любимых русским народом праздничных традиций реальное укоренение и дальнейшие трансформации получил именно сложившийся к рубежу XIX–XX вв. общесибирский вариант купальской традиции – а именно, всеобщие обливания водой в городском пространстве и «ночь творила» (в старом деревенском варианте «рассташши(ы)ха»), как называли ночные хулиганства молодежи накануне праздника. На протяжении XX в. купальская традиция несколько раз то затихала и становилась исключительно «детской» и праздновалась среди сверстников на территории городских дворов, то набирала мощь и выходила за пределы дворовых пространств на городские улицы и площади, а участниками обливаний и других ритуальных бесчинств становились не только дети и подростки, но и молодежь вплоть до людей весьма зрелого возраста.*

*Автор размышляет о том, каким образом культурная традиция села адаптировалась в городской среде, как осознают горожане свое поведение в день Ивана Купалы в пространстве мегаполиса, как соотносятся действия новосибирцев в ходе праздника с «деревенским» или с «городским», и можно ли определить новосибирский праздничный купальский ритуал как «специфически городской»?*

---

**Васеха Мария Владимировна** – к.и.н., научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Ленинский пр. 32-А). Эл. почта: maria.vasekha@gmail.com.

\*Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности» № 22-28-00865

**Ключевые слова:** «городское» и «деревенское», Иван Купала, городская антропология, городская праздничная культура, календарная обрядность, Западная Сибирь, Новосибирск

**Ссылка при цитировании:** Васеха М.В. День Ивана Купалы в Новосибирске: праздник между «городом» и «деревней»// Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 70–83.

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/70-83

© M.V. Vasekha

## IVAN KUPALA DAY IN NOVOSIBIRSK: BETWEEN “THE URBAN” AND “THE RURAL”

*The work includes a cultural and anthropological analysis of a specific Siberian custom – the celebration of Ivan Kupala’s Day in the urban space of the largest Siberian city – Novosibirsk. Finding oneself on a hot day on July 7 in Novosibirsk with a population of 1.5 million people, a stranger may think that they have become a victim of hooliganism, since they can be doused with water without any warning – in the street, in public transport, in their own car. This situation is quite natural for Novosibirsk residents since all of them are aware that “you need to pour water on Kupala.”*

*During forced Soviet urbanization and industrialization, the “Siberian Chicago” was flooded with the “new townspeople” – former residents of Siberian villages, who brought the rural traditions of everyday and festive culture. The author aims to understand why it was exactly the developed at the turn of the 19th and 20th centuries all Siberian version of the Kupala tradition – namely, the general dousing with water and “Noch Tvorila” (the old name was “rasstashshiha”) as the night youth hooliganism on the eve of the holiday was called, that took root and further transformations, despite the multitude of popular festive traditions dearly loved by Russian people. Throughout the twentieth century, the Kupala tradition would fade and stay restricted to peers celebrating in the city courtyards, and then it would gain strength again and go beyond the courtyards to city streets and squares, and not only children and adolescents would participate in dousing and other ritual atrocities, but also people up a very mature age.*

*The author reflects on how the cultural tradition of the village has adapted to the urban environment, how the townspeople perceive their behavior on the day of Ivan Kupala in the metropolis. How do the holiday activities of Novosibirsk residents relate to the “village” or the “city”, and is it possible to define the Novosibirsk festive Kupala ritual as “specifically urban”?*

**Keywords:** “urban” and “rural”, Ivan Kupala, urban anthropology, urban festive culture, calendar rituals, Western Siberia, Novosibirsk

**For Citation:** Vasekha, M.V. 2022. Ivan Kupala Day in Novosibirsk: A Holiday Between “the Urban” and “the Rural”. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 70–83.

**Author Info:** Vasekha, Maria – PhD in Hist., Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, RF). E-mail: maria.vasekha@gmail.com

**Funding:** The study was carried out with the financial support of Russian Science Foundation. Project № 22-28-00865

Бурное социалистическое строительство XX в., урбанизация по советской модели, ускоренное промышленно-экономическое развитие городов породило в нашей стране представление о высоком символическом статусе «города». При этом роль «деревни» практически нивелировалась до уровня «отстающей», «некультурной», требующей «взятия на поруки», с середины XX в. неуклонно скатывающейся в некое маргинальное состояние. Поток «новых горожан» из сельской местности в советские города во многом был побочным явлением индустриализации (Ливоваров 2001: 102), а их адаптация на новом месте в антропокультурной парадигме воспринималась как «окультуривание» и избавление от «деревенских» привычек (чаще всего связанных с элементами бытовой и праздничной «традиционной» народной культуры). В конце XX в. специалисты заговорили о противоречии между данными стандартной статистики, по которым страна выглядит «в основном как городская», и не вполне городской жизнью многих граждан, их полукрестьянской психологией, полуаграрным образом жизни и, зачастую, неразвитостью городской инфраструктуры (Нефедова, Трейвиш 2002: 63).

Традиция разделения отечественных исследователей – историков, этнографов, социологов и пр. на «крестьяноведов» и «урбанистов» еще более укрепило представление о двух практически не пересекающихся мирах селян и горожан. Пожалуй, единственным мостиком между этими мирами были исследования миграций и процессы урбанизации. Поляризация сельских и городских исследований привела к тому, что на сегодняшний день практически отсутствуют работы по методическим подходам зримых и незримых антропокультурных границ между «руральным» и «урбанным». В данном случае автор делает попытку преодолеть обозначенный научный разрыв, раскрыть незримую границу антропокультурных представлений об условно «городском» и «деревенском» на конкретном примере празднования Дня Ивана Купалы 7 июля (24 июня по старому стилю) в городском пространстве Новосибирска.

Сибирские этнографы, исследующие культуру восточнославянского населения Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв., отмечали формирование общесибирского купальского праздничного комплекса среди всех групп сибирских старожилов и переселенцев: докупальские запреты, обязательные купальские обливания водой и ночные купальские бесчинства молодежи. Исследователь Е.Ф. Фурсова зафиксировала, что массовые обливания отличали сибиряков от «прародителей» россиян мест выхода, в их числе с Русского Севера, Дона, южнорусских губерний (Фурсова 2012: 58). Такие элементы праздника Ивана Купалы как поверье в цветение чудесного цветка папоротника накануне Иванова дня, традиция сбора трав и купальской росы, разжигание костров и прыжки через них, представления о том, что необходимо обязательно купаться/запрещено купаться в этот день («русалки утащат») и пр. были характерны для отдельных этнокультурных групп Западной Сибири, но не являлись обязательным элементом сложившегося на рубеже XIX–XX вв. общесибирского купальского комплекса. Этнографы фиксировали среди пожилых сельчан-информантов «объяснения» тех или иных действий во время праздника, так, например, обливались как для «вызова дождя», так и для «прибавления здоровья». Приведем воспоминания о празднике от потомка вологодских переселенцев Анны Степановны Паршиковой, записанные этнографом Фурсовой: «Обливались – это заведёно было. Никуда хоть не выходи. И женщины с детьми

*высунуться только – счас ведро хоп! У кажного колодец был, у кажного вода своя. Иван Купала – обливаться обязательно надо!» (Фурсова 2014: 190).*

Хорошо зафиксирован этнографами и обряд «рассташ(ш)и(ы)хи» – ритуального бесчинства молодежи в ночь накануне 7 июля. «Рассташиха» заключалась в том, что компании юношей и девушек старались напакостить конкретным домохозяевам или жителям всей деревни: вытащить тяжелые вещи и перегородить дорогу, откатить на дальнейшее расстояние чью-либо телегу, перетащить скамейку и пр. «Дак у нас и счас рассташиха есть. Видишь, кряж какой лежит. Девки приволокли оттэдово. Уж второй год не можем убрать. Он наш собственный, только за пригоном был, а они вот притащили к ограде. Вот год лежит, зимовал уж», – вспоминали деревенские жители в ходе полевых этнографических выездов по Новосибирской области (Фурсова 2014: 191).

Перед антропологом-исследователем в обычае празднования дня Ивана Купалы встает ряд закономерных вопросов: каким образом и на каком этапе формирования города в него были принесена или зародилась купальская традиция? По какому принципу сформировался городской купальский праздничный комплекс, учитывая, что в сельской местности бытовали разнообразные традиции различных этнолокальных групп восточнославянских переселенцев, «привезенные» из мест выхода?

Анализ научной литературы, посвященной праздничной культуре сибирских городов, например, работы Ю.М. Гончарова (Гончаров 2013: 135–138), Т.А. Кискидосовой (Кискидосова 2017: 94–98), А.И. Куприянова (Куприянов 1995: 53–63), Литягиной А.В. (Литягина 2004: 215–226), Серяковой Н.А. (Серякова 2011), В.А. Скубневского и С.А. Шилина (Скубневский, Шилин 2008: 182–185) показали, что день Ивана Купалы не фигурировал в числе городских праздничных мероприятий на рубеже XIX – начала XX вв. Этот факт предположительно можно объяснить тем, что исследования этого периода опираются исключительно на базу письменных исторических источников: материалы местной прессы, архивные городские документы, отчеты и статистические сведения, мемораты, эго-документы и пр. Можно предположить, что поскольку праздничный комплекс Ивана Купалы всегда носил народный, неофициальный характер, не поддерживаемый церковью, и часто осуждаемый официальными органами власти, то, скорее всего, вполне мог быть распространен среди не привилегированных социальных страт сибирских горожан. По этой причине эти обычаи оказались не зафиксированными в письменных документах, следствием чего стала высокая вероятность «выпадения» празднования Ивана Купалы из исследовательского поля историков города.

В целом, исследователи городского досуга в Сибири второй половины XIX–начала XX вв. сходятся в том, что праздничная культура горожан еще во многом носила тот же характер, что и в сельской местности. Относительно Восточной Сибири Т.А. Кискидосова отмечала, что городская культура «сохраняла сложившуюся с давних времен аграрномагическую основу» (Кискидосова 2017: 94) и «в праздничной культуре горожан при устойчивом сохранении традиций новации не получили широкого развития и коснулись незначительной части городского населения» (Кискидосова 2017: 97). А.И. Куприянов рассмотрел сибирские городские праздники как объект этнографического изучения и показал процесс эволюции от традиционных народных форм праздника к собственно городским (Куприянов 1995: 53–63). Исследователи В.А. Скубневский и С.А. Шилин, описывая праздники г. Барнаула на рубеже веков, отмечали, что «в условиях города традиционная русская праздничная культура видоизменялась, а город-

ской средой порождались совершенно новые праздники» (*Скубневский, Шилин* 2008: 182). Историк городской повседневности Ю.М. Гончаров также отмечал, что на рубеже XIX–XX веков шло угасание традиционных русских народных праздников в Сибири и постепенное замещение их европеизированными формами (*Гончаров* 2013: 135–138).

Важно отметить, что Новониколаевск-Новосибирск в плане исторического развития стоит несколько особняком от других крупных сибирских городов: на рубеже прошлых веков он представлял собой рабочий поселок, и только в 1903 г. получил статус маленького безуездного города. Однако удачное географическое положение и ряд других факторов позволили малопримечательному населенному пункту стать административным центром огромного Сибирского края уже в 1925 г., продолжая развиваться семимильными темпами – по меткому выражению Луначарского – став «Сибирским Чикаго» (*Луначарский* 1929: 7–17, 39–48, 87–94). Таким образом, можно говорить о том, что в первой половине XX в. городская культура совсем молодого города не имела своей глубокой истории, большинство горожан были приезжими, причем по большей части выходцами из сельской местности. Таким образом, уместно считать, что именно бывшие жители сибирских сел – «новые горожане» Новосибирска и привезли традицию празднования Ивана Купалы в городское пространство.

Первые сведения, которые удалось зафиксировать автору в «поле» о праздновании дня Ивана Купалы в пространстве города Новосибирска относятся к периоду послевоенной истории. В 2000-е гг. пожилые жители Новосибирска рассказывали о праздновании Ивана Купалы в городе, например, что «уже в 1940-е гг. в Новосибирске всю обливались» (на момент второй половины 1940-х гг. они были совсем молодыми людьми). Информант Д., 1928 г.р. (ПМА 2015, № 3) года рождения вспоминал, что в конце 1940-х гг., будучи молодым человеком, обливал девушек водой в центре города, прямо напротив современного здания мэрии города. Ирина Петровна Клименко 1930 года рождения (ПМА 2015, № 4) вспоминала, как молодежь обливалась в районе Первомайского сквера из резиновых клизм и стеклянной посуды. Оба информанта отмечали, что обливание носило скорее характер заигрываний между противоположными полами (парни обливали молодых девушек), и уж точно не обливали всех подряд, особенно пожилых. Позднее, по воспоминаниям старожилов Новосибирска, традиция обливания сохранялась, но не на главных городских локациях – проспектах, скверах и площадях, а в городских дворах, в основном среди детей и подростков. Обливались из небольших бутылок и пузырьков, в которые, с распространением шариковых ручек, начали вставлять длинную часть от ее корпуса, чтобы обливать водой можно было более прицельно тонкой струйкой. В то время как в городском пространстве традиция обливания ушла с главной городской площади им. Ленина в полуприватные пространства дворов, за пределами городской черты среди городских жителей начали формироваться варианты купальской традиции, например, на территориях дачно-садовых товариществ и как один из неформальных/полуформальных праздников в детских лагерях отдыха.

Новосибирцы, чье детство прошло в сельской местности, в основном в Новосибирской области или близлежащих областях Западной Сибири, вспоминают, что сельская молодежь и дети широко праздновали день Ивана Купалы. Многие отмечают, что в 1970-х гг. обливания водой были не так популярны, как сегодня на улицах Новосибирска, а в основном все силы празднующих были «брошены» на «ночь творила» (именно такой вариант названия народной традиции уже бытовал в 1970-х в сельской местно-

сти). Жительница Новосибирска Е.Ш-Б. вспоминала свое сельское детство: «Именно “ночь творила”! Будучи семиклассницей Студеновской средней школы Новосибирской области в 1980 г. впервые хулиганили с одноклассниками после 24 часов. Все мокрое белье, вывешенное хозяйюшками, скручивали и завязывали в узлы. Это делали девочки, а мальчишки снимали с петель все калитки <...> и сложили в одну большую горку прямо на проезжей части <...> В семье мазали зубной пастой лица спящих. Доставалось и родителям, и брату с сестрой, и бабушке <...> Нужно заметить, что наша мама тоже участвовала в таких мероприятиях, и не обижалась, когда взрослые ребята срезали ее сортовые георгины» (ПМА 2021, № 8). Информант О.В. рассказывает: «Впервые “ночь творила” познала в Каргате примерно в 1976 г. Мне было 5 лет. Это была “традиция”, в которую меня, городскую, “погружали” деревенские. Их родители тоже владели этим “искусством”, разруха была приличная. Я с удовольствием привезла эти навыки в детские лагеря...» (ПМА 2021, № 12). Уроженка Новосибирска И.С. (ПМА 2021, № 9), проводившая каждое лето у бабушки в селе Усть-Таловка Алтайского края, отметила, что действия молодежи на «ночь творила» в 1990-е гг. приобрели на селе более радикальный и креативный характер. Последствия молодежных бесчинств стали более разрушительны и экономически ощутимы (так что домохозяйства в эту ночь оставались дежурить на своих огородах), а злые шутки над соседями стали более изощренными и даже в чем-то «кинематографичными». И.С. вспомнила, как примерно в 1993–1994 гг. подростки сколотили огромный могильный крест и поставили его посреди огорода с картошкой у «очень уж вредной бабки», все украсили погребальными венками – очень достоверная могила получилась. Пожилая женщина утром, конечно же, пережила много отрицательных эмоций, в итоге милиция даже «завела дело» по этому случаю.

Многие новосибирцы вспоминают, что в детстве, которое пришлось на период второй половины 1980-х и 1990-е гг. в пионерских лагерях, расположенных в Новосибирской области, пионеры неофициально праздновали день Ивана Купалы. В основном всё сводилось к ночным бесчинствам «ночи творила» накануне (вымазывание лиц спящих зубной пастой, связывание между собой одежды соседей по палате и другие мелкие шалости) и попыткам обливаться водой 7 июля (о которых знала администрация лагеря и всячески «на корню» пыталась пресечь). В ответ на стихийное празднование Ивана Купалы пионерами администрации лагерей пытались «подменить» стихийное празднование на что-то более организованное, например, отмечать «День Нептуна» с «одобренным» сценарием, но желание детей провести этот день как «день неповиновения» всегда было сильнее. Борис Аркадьевич Дейч (ПМА 2021, № 7), только начинавший карьеру в детских оздоровительных лагерях во второй половине 1980-х гг., вспоминал, как с появлением «гласности» и некоторым послаблением идеологической составляющей в программах стали появляться вечерние купальские костры и еще какие-то случайные «этнографические» элементы праздника. Было высказано мнение в среде новосибирского сообщества вожатых в лагере, что «королевская ночь» в лагерях (последняя ночь в лагере перед отъездом домой) – родная сестра сибирской «ночи творила».

Массовое строительство дач под Новосибирском пришлось на период второй половины 1960-х – 1970-е гг. И если в самом начале своей «дачной истории» соседи приспособлялись к новому летнему образу жизни в сообществе и только робко вырабатывали своеобразный «дачный этикет», то второе поколение дачников – дети или внуки (конец 1970-х – 1980-е гг.), чаще всего «выросшие» все вместе в одном дачном сообществе, имели более плотные связи внутри этого сообщества и свои



*Рис. 1. День Ивана Купала у фонтана в Первомайском сквере (фото автора, 2013).*

*Fig. 1. Ivan Kupala Day at the fountain in Pervomaysky Square (photo by the author, 2013).*

выработанные традиции. Одним из «традиционных» дачных праздников во многих садовых товариществах Новосибирской области стал День Ивана Купалы, празднуемый среди детей и молодежи (по ПМА 2013, 2015, 2018, 2021 гг.). Возможно, это было связано с тем, что дачная расслабленная обстановка куда более располагает к обливаниям на улице, в том числе из поливочного шланга (чаще всего 7 июля в Сибири стоит жаркая погода) и доступностью «праздничного» купания в водоемах. Таким образом, ритуальное купальское окатывание водой на дачных участках практически

никогда не воспринималось как хулиганство, чего нельзя сказать, если то же самое происходило на городских улицах.

Если «игры с водой» в жаркую погоду не порицались старшим поколением, то обряд «ночи творила», в ночь накануне праздника, вызывал резкую критику со стороны старших и даже порицания/наказания виновных. Информант Н. вспоминал: «В Ельцовке, мы маленькие были, бревна на дорогу выкатили. Когда домой вернулся, меня батя спросил: что делали? Ну я, как есть, на духу, все и поведал, врать не шибко умею. Таких п...лей схлопотал, что не снилось никогда в жизни и помню всегда!» (ПМА 2021, № 10). Дачная «ночь творила» чаще всего заключалась во вредительстве соседям и мелких хулиганствах: дети и подростки могли насыпать дрожжи в выгребную яму дачного туалета, разбросать поленницу, завалить калитку бревнами, вытащить козлы с участка и поставить их посреди дороги и пр. Чаще всего так поступали с теми соседями, с которыми не сложилось добрых отношений с детским дачным сообществом, то есть это был некий акт отмщения, узаконенного традицией «Ночи творила». Информанты отмечали, что их представление о традиции «Ночи творила» позволяла им совершить то, чего они никогда бы не стали делать в другие дни, поскольку поступки, безусловно, носили девиантный характер.

В 1990-е с распространением в средствах массовой информации популярных историко-этнографических сведений о празднике Ивана Купалы общего характера, без привязки к конкретным территориям, среди молодежи на дачах стало популярным разжигать костры, однако дрова для такого костра чаще всего заимствовались из забора «нелюбимого» соседа. В целом, со временем, хулиганства стали носить более «изысканный» и провокационный характер, так, например, информант О. (ПМА 2021, № 11) вспоминала, что на рубеже 1990–2000-х в ночь накануне Ивана Купалы наехала в темноте на соломенное чучело в одежде человека, и какое-то время была уверена, что совершила преступление. Когда же вышла из машины осмотреть «труп», то в кустах громко засмеялись подростки. Информант О. отметила, что когда

она сама была подростком, то хулиганства были более простыми, безобидными и ожидаемыми, и вряд ли могли довести человека до инфаркта.

Сами новосибирцы, участники купальских празднеств, объясняют название «ночь творила» как «творить всякую дичь» (ПМА 2021, № 11), «натворить что-то», «делать что попало» (ПМА 2021, № 13).

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х празднование Ивана Купалы вновь начинает выходить за пределы городских дворов. Возможно, это связано с общей либерализацией обстановки в стране, а также

ростом интереса к «дореволюционному прошлому», развитием фольклорного движения, появившейся тогда моды на обращение «к корням» (Тихонова 2016: 110–117; Фольклорное движение... 2016). Сама автор, прибегая к методу автоэтнографии, помнит, как в самом конце 1980-х вместе с другими детьми вышла из двора и начала обливать из кружек, ковшей и маленьких брызгалок взрослых людей на Красном проспекте – главной улице города, поздравляя с праздником Ивана Купалы и выкрикивая «Иван Купала – обливай кого попало!». Взрослые смеялись, шутили, и тоже в ответ поздравляли, крайне редко кто-то высказывал недовольствие и просил не обливать, поскольку все понимали, что это такой праздник. Вероятно, существенную роль в триумфальном возвращении празднования Дня Ивана Купалы на городские улицы и площади сыграла форма купальской традиции, в предшествующий период активно бытовавшая не только в сельской местности, но и в детских лагерях и на территории дачных товариществ в среде детей, подростков и молодежи.

В 1990–2000-е гг. городской праздник Ивана Купалы пережил настоящий бум. Каждый год местные СМИ выпускали материалы о все возрастающих масштабах празднования, что для местных властей уже стало представлять определенный вызов. К обслуживанию потребностей участников коллективных обливаний быстро подключился мелкий бизнес – за несколько дней до 7 июля в местах розничной торговли появлялся широкий ассортимент брызгалок, водных пистолетов, ружей, водяных помп, упаковки шариков, которые так и назывались «капитошка» (самодельные водяные бомбочки) и пр. В 2000-е годы уже крупные торговые сети стали реагировать на специфическую сибирскую традицию. Так, в один год новосибирская сеть строительных супермаркетов провела специальную акцию и снизила цены до минимальных на фирменные пластиковые ведра накануне праздника, в связи с чем на улицах города было множество детей и подростков с одинаковыми желтыми



*Рис. 2. Надпись на заборе «Ночь тв 2013» после «ночи творила» в СНТ «Ивушка», Нижняя Ельцовка, Новосибирск (фото автора. ПМА, 2013).*

*Fig. 2. A sign “Noch tv 2013” after the “noch tvorila” on a fence in Ivushka, Lower Eltsovka district, Novosibirsk (photo by the author, 2013).*

ведрами, так что горожане шутили о «спонсорстве» дня Купалы этими магазинами. Сегодня дети и молодежь Новосибирска ожидают и празднуют день Ивана Купалы, пожалуй, с похожим чувством, как ждут празднования Нового года. Информант О.Е. (ПМА 2018, № 1) рассказывала, что ее 12-летний сын очень расстроился, когда узнал, что на 7 июля его отправляют отдыхать на море, и он не сможет отпраздновать в городе день Ивана Купалы, мальчик сказал, что «целый год ждал этот праздник».

Начиная с 1990-х гг. участниками массовых обливаний на улицах города стали не только детские и подростковые компании, но и молодежь (сложно определить возраст верхней границы, примерно 30-35 лет). Появились новые формы обливания водой «за рулем», когда водители и их пассажиры «обстреливают» водой пешеходов и пассажиров других автомобилей. Бытуют и обратные случаи, когда обливающие влетают в общественный транспорт и окатывают водой сидящих или стоящих пассажиров, попытки обливаться были зафиксированы и в метрополитене. Последние, однако, были быстро пресечены сотрудниками охраны. Современные новосибирцы рассказывают, что и в некоторых офисах, где корпоративная культура позволяет шутить и самовыражаться, случаются водные битвы на Иванов день, во время которых даже могут пострадать документы и оргтехника. Так, информант Р. поделилась информацией, что в бизнес-центре, где находится агентство недвижимости, где она трудится, в этот день «сухого места не остается» (ПМА 2015, № 2).

«Ночь творила» (слово «рассташиха» в городе не известно и не используется совсем) в ночь перед 7 июля также достаточно популярная традиция в Новосибирске. Участниками ритуальных хулиганств обычно становятся мальчики-подростки и молодые ребята: переворачивают лавочки в парках, опрокидывают помойки во дворах, портят личное имущество соседей, например, припаркованные машины, то есть занимаются откровенным вандализмом, демонстрируя девиантное поведение. Городская полиция в эти дни обычно работает «в усиленном режиме», и может привлечь виновников беспорядков до 15 суток, о чем обычно предупреждают накануне в СМИ (На Иван Купала не обливай...). И, если заниматься веселыми обливаниями водой молодежь чаще всего съезжается на центральные городские локации, то в «ночь творила» самые большие беспорядки происходят в окраинных спальных районах. Беспорядок на улицах, как следствие «ночи творила», всегда крайне осуждается всеми жителями города, и поэтому именно эта традиция девиантного поведения наиболее порицаема общественным мнением.

Полевые исследования в Новосибирске показали, что все новосибирцы знакомы с местной традицией «ночи творила» и обливаниями водой в день Ивана Купалы. Однако, очевидно, далеко не все жители в восторге от этой местной городской традиции. Так, например, Д. (ПМА 2015, № 5), жительница новосибирского района Академгородка, рассказала, что специально со своим другом выезжала в этот день в центр города и гуляла, дожидаясь, когда обольют водой. А когда их неминуемо обливали, то шли писать заявление о «хулиганских действиях» в полицию, так они видели свой вклад в борьбу против «деревенскости» праздника и «дикости» этой традиции. Недовольные купальской традицией новосибирцы не всегда так «невинно» реагируют на действия обливающихся водой, криминальные хроники после праздника ежегодно пестрят сообщениями о драках или даже инцидентах с оружием как реакцию некоторых жителей на «игры с водой».

Городские власти в целом сдержанно реагируют на этот традиционный и стихийно развивающийся народный городской праздник. В 2014 г. ныне уже бывший мэр Новосибирска Владимир Городецкий, отвечая на вопросы журналистов 6 июля, подчеркнул, что он осуждает примеры вандализма, хотя в целом у градоначальника двойное отношение к традициям неофициального праздника Ивана Купала: *«Пошутить, побрызгать водой – это одно дело. Но я категорически против вандализма, когда в ночь на Ивана Купалу переворачивают автобусные остановки. Если ребяташки безобидно брызгаются – это одна ситуация. А когда идет девушка в нарядном платье и ее обливают с головы до ног из ведра – это уже не веселье. Должны быть нормы этики и для такого праздника»* (Жесткие традиции празднования...). В то же время власти завуалировано, но пытаются по-тихому бороться с наиболее «радикальными» моментами, например, отключают городские фонтаны (В День Ивана Купалы новосибирские фонтаны закроют...), вокруг которых разворачиваются наиболее серьезные водные баталии. Были и попытки «локализовать» территорию празднования, убрать веселящихся молодых горожан с проспектов и площадей, «переместив» городское празднование Купалы на городской пляж. Эта инициатива городской администрации оттянула часть молодежи с улиц города, однако полностью убрать обливающихся не удается.

На своей странице Живого Журнала жительница Новосибирска под псевдонимом Vakaskim приводит рассказ случайно заставших новосибирский праздник Купалы знакомых из Екатеринбурга: *«До недавнего времени, честно признаться, я думала, что так отмечают этот праздник везде в России. Пока не познакомилась с девушками из Екатеринбурга. Они-то мне и рассказали о своем «культурном шоке», который произошел с ними в Новосибирске. Им повезло приехать в этот город именно 7 июля, в прекрасный солнечный жаркий день. Если в этот день, стоит хорошая погода, то будьте готовы к тому, что Вас будут обливать на каждом шагу. Из ведер, из брызгалок, из водяных пистолетов, кидать в вас шары или презервативы с водой, обливать Вас с крыши, может окатить водой проезжающая мимо машина, иногда могут облить прям из шланга. Причем обливаются ВСЕ. Не только детвора, но и вполне взрослые люди, и солидные банкиры и даже «реальные пацаны». Это происходит во всех районах города. Можете не сомневаться, если вы выйдете из дома в этот день, сухим вам домой прийти не удастся. И вот две мои ничего не подозревающие подруги решили прогуляться по городу. Естественно их тут же окатили один раз, через несколько метров еще раз и так до бесконечности. Они увидели в самом центре города девчонок, расхаживающих в купальниках. В общем, пешком идти они передумали и решили вернуться уже общественным транспортом, но они не знали, что пока открыты двери в автобусе на остановках, туда забегают люди с ведрами и обливают пассажиров. Сказать, что девчонки были в шоке от всего происходящего ничего не сказать. Они сказали мне, что в тот день, они подумали, что вот это обливание творится в городе каждый день, и что люди здесь мягко сказать не в своем уме, на следующий день они боялись идти на улицу. Но на следующий день к их удивлению ничего такого на улицах не происходило»* (Пользователь 2011).

Для других крупных сибирских городов: Омска, Томска, Барнаула, Бийска, Кемерово, Красноярска и пр. также характерно празднование дня Ивана Купалы. В каждом из этих городов праздник имеет местные особенности, однако в основе всех городских традиций лежат «игры с водой» и ночные бесчинства молодежи на «ночь творяла». В то же время, в Западной Сибири есть негласное признание того, что

именно в Новосибирске купальская городская традиция носит самый массовый характер, а отпраздновать Купалу с новосибирским размахом нередко приезжают подростки и молодежь из других сибирских городов.

Ритуальные действия, выполняемые на городском праздновании Ивана Купалы, безусловно, носят хулиганский характер, более того, они по своей сути абсурдны, поскольку, если сельские жители сибирской глубинки знали для чего обливают соседей («вызов» дождя, «прибавление» здоровья), то городские обливания не имеют никаких логических или псевдологических объяснений. На вопрос антрополога: «Откуда вы знаете, что сегодня нужно обливаться?» ответы обычно следующие: «Мама так сказала», «Это все и так знают», «Все обливаются, и я обливаюсь». Главный посыл празднующих – это день неповиновения и протестного веселья, выплеск негативной энергии вовне, в некоторых случаях – «разрешенный» день для того, чтобы выказать соседу свое отношение через пакости.

День Ивана Купала – пожалуй, единственный праздник традиционного календарного цикла, который пережил все советские культурные революции, деконструкцию «старого» быта и конструирование «нового», несколько видоизменялся в соответствии с различными историческими условиями, но остается живым, стихийным и, пожалуй, самым «народным» из всех праздников новосибирцев. Отчасти, «живучесть» купальской традиции можно объяснить тем, что советских культуртрегеров больше интересовала борьба с религиозными праздниками, а хулиганская, и даже в чем-то антихристианская купальская традиция не была похожа на праздник «коммунистического врага» и не вызвала опасений.

Будучи зафиксированным в центре городских событий в послевоенные годы, в середине XX в. праздник ушел с главных городских локаций, и существовал как «дворовый», «дачный», «лагерный» (активные агенты – дети и подростки), а в конце 1980-х с новой силой вырвался за пределы дворов на городские проспекты и в самый центр города (произошло резкое повышение верхней границы возраста участвующих в праздничном веселье). До сегодняшнего дня эта городская традиция жила и развивалась в соответствии с ритмом жизни сибирского мегаполиса, не подпитываемая никаким административным ресурсом. У этого праздника нет сценария и координаторов, представления о границах и нормах поведения во время купальских обливаний во многом соответствуют «обычному» праву (негласный запрет обливать пожилых людей, беременных женщин и семьи с маленькими детьми).

Присущее празднованию Ивана Купалы в Новосибирске веселье привлекли к исполнению праздничного ритуала, уходящего корнями в традиции восточнославянских народов, представителей всех этнических групп города, включая различные кавказские этносы, а также не так давно приехавших в Сибирь молодых из бывших советских республик, стран Средней Азии. Таким образом, городской День Ивана Купалы объединил молодежь всех этнических групп и конфессий, став основой демократичной городской праздничной культуры. Пожалуй, все сделанные выше выводы позволяют нам говорить о том, что день Ивана Купалы – часть живой *городской* праздничной традиции. На рубеже XIX–XX вв. выработалась основа общесибирской праздничной купальской традиции (ночь бесчинств и обливания водой), при том, что у праздника глубокие крестьянские корни и многообразие локальных традиций празднования, привезенных переселенцами с различных территорий в Сибирь. Именно общесибирская традиция была перенесена на городскую почву в ходе форсированной урбанизации с бывшими сельскими жителями – новыми горожанами сибирских мегаполисов. Она

претерпевала некоторые изменения, подстраиваясь под исторические обстоятельства, и каждый раз отвечая духовным запросам сибирского общества.

На протяжении 1990–2000-х гг. праздник становился все более и более масштабным, возраст празднующих серьезно поднялся даже немного выше официально принятого «молодежного», а поведение стало все более отклоняться в сторону девиантного, требующего специального контроля со стороны сотрудников полиции. Слабые попытки «нейтрализовать» праздник (например, выключать городские фонтаны в этот день), либо формализовать его и вывести с арены городских событий на специализированные площадки со стороны муниципалитета почти не дает заметного результата. Ирина Сергеевна Соловьева, начальник управления молодежной политики мэрии города Новосибирска, так прокомментировала позицию мэрии в этом вопросе: «Новосибирск – город протестный, здесь ничего напрямую запрещать нельзя, иначе люди еще сильнее будут требовать и хотеть то, что запрещено» (ПМА 2018, № 6). Тем не менее, полевые исследования летом 2021 г. показали, что в разгар пандемии COVID-19, когда на период июня-июля пришлось резкий рост числа заболевших в городе, никакого массового веселья с обливаниями в центре города не было. И, скорее всего, это не связано с пандемическими ограничениями (ведь обливаются в основном на улице), а с отсутствием праздничного хулиганского настроения.

Антропологический взгляд на ситуацию вокруг стихийного народного празднования дня Ивана Купала в Новосибирске может позволить переосмыслить понятия «городское» и «сельское» в рамках сибирского городского образа жизни и сибирской этнокультурной идентичности, что требует дальнейших исследований.

### Источники и материалы

- В День Ивана – В День Ивана Купалы новосибирские фонтаны закроют на профилактику. 2014 г. <https://nsknews.info/materials/v-den-ivana-kupaly-novosibirskie-fontany-zakroyut-na-profilaktiku-142763/> Дата доступа: 1.11.2021
- Жесткие традиции – Жесткие традиции празднования дня Ивана Купала в Новосибирске шокируют приезжих <https://nsknews.info/materials/zhestkie-traditsii-prazdnovaniya-dnya-ivana-kupala-v-novosibirskie-shokiruyut-priezzhikh-124460/> Дата доступа: 1.11.2021.
- На Ивана Купала – На Ивана Купала не обливай кого попало <https://nsknews.info/materials/v-den-ivana-kupaly-novosibirskie-fontany-zakroyut-na-profilaktiku-142763/> Дата доступа: 1.11.2021.
- ПМА 2018 г., № 1 – Полевые материалы автора. Информант О.Е., 1980 г.р., уроженка г. Новосибирск, Железнодорожный район.
- ПМА 2015 г., № 2 – Полевые материалы автора. Информант Р., 1978 г.р., уроженка г. Новосибирск.
- ПМА, 2015 г., № 3 – Полевые материалы автора. Информант Д., 1928 г.р., уроженец Новосибирской области, «чалдон».
- ПМА, 2015 г., № 4 – Полевые материалы автора. Клименко Ирина Петровна, 1930 г.р., переехала в Новосибирск вместе с мужем в послевоенный период из Чувашии.
- ПМА, 2015 г., № 5 – Полевые материалы автора. Информант Д. житель Академгородка (Советский район г. Новосибирска).
- ПМА, 2018 г., № 6 – Полевые материалы автора. Информант Соловьева Ирина Сергеевна, начальник управления молодежной политики мэрии города Новосибирска.
- ПМА, 2021 г., № 7 – Полевые материалы автора. Информант Дейч Борис Аркадьевич, к.п.н., заведующий кафедрой «Теории и методики воспитательных систем института культуры и молодежной политики», НГПУ.
- ПМА, 2021 г., № 8 – Полевые материалы автора. Информант Е. Ш.-Б., 1968 г.р., жительница г. Новосибирск.

- ПМА, 2021 г., № 9 – Полевые материалы автора. Информант И.С., 1980 г.р., жительница г. Новосибирск.
- ПМА, 2021 г., № 10 – Полевые материалы автора. Информант Н., 1981 г.р. СНТ «Ивушка», Нижняя Ельцовка.
- ПМА, 2021 г., № 11 – Полевые материалы автора. Информант О., 1979 г.р., СНТ «Ивушка», Нижняя Ельцовка.
- ПМА, 2021 г., № 12 – Полевые материалы автора. Информант О.В., 1971 г.р., жительница г. Новосибирск.
- ПМА2021 г., №13 – Полевые материалы автора. Информант В., 1980 г.р., СНТ «Ивушка», Нижняя Ельцовка, Новосибирск.
- По ПМА 2015, 2018, 2021 г. – Полевые материалы автора. СНТ «Ивушка», СНТ «Темп», Нижняя Ельцовка, Новосибирск.
- Пользователь 2021 – Пользователь LiveJournal Vikaskim <https://vikaskim.livejournal.com/tag/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%B8%20%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B8> (публикация от 8 июля 2011 г.). Дата доступа: 1.11.2021.

### Научная литература

- Гончаров Ю.М.* Общественные праздники в городах Сибири в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. История. Исторические науки. 2013. №4–2 (80). С. 135–138.
- Кискидосова Т.А.* Праздничная культура городской семьи Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета, 2017. № 416. С. 94–98.
- Куприянов А.И.* Общественные праздники в Омске в первой половине XIX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1985. С. 53–63.
- Литягина А.В.* Праздничная культура горожан Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Города Сибири XVII – начала XX в. Барнаул, 2004. Вып. 2: История повседневности. С. 215–226.
- Луначарский А. В.* Месяц по Сибири. Л., 1929. 94 с.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Между городом и деревней// Мир России. 2002. № 4. 61–82.
- Пивоваров Ю.Л.* Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101–113.
- Серякова Н.А.* Русский праздничный календарь в Томске во второй половине XIX в.: по материалам местной периодики: диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Томск, 2011. 230 с.
- Скубневский В.А., Шилин С.-А.* Праздники в Барнауле в к. XIX начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. История. Исторические науки. 2008. С. 182–185.
- Тихонова А.А.* Современное фольклорное движение как фактор формирования мировоззрения молодежи// Вестник МГУКИ. 2016. № 6 (74). С. 110–117
- Фольклорное движение в современном мире: Сборник статей / *Дорохова Е.А.* (сост.). М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2016. 232 с.
- Фурсова Е.Ф.* Западная Сибирь и Русский Север: опыт сравнительно-исторического анализа по материалам календарной обрядности (конец XIX – первая треть XX в.) // Казначеевские чтения. Человек XXI века: ноосферное измерение. Сборник докладов участников международной научно-практической конференции «Человек XXI века: ноосферное измерение» № 2, 2012. Новосибирск, 2012. С. 49–62.
- Фурсова Е.Ф.* Сибирь и русский Север. Проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начала XXI вв.). Новосибирск, 2014. 296 с.

## References

- Dorohova, E.A. (ed.). 2016. *Fol'klornoe dvizhenie v sovremennom mire: Sbornik statej.* [Folklore movement in the modern world: Collection of articles]. Moscow: Gosudarstvennyj respublikanskij centr russkogo fol'klora.
- Fursova, E.F. 2012. Zapadnaya Sibir' i Russkij Sever: opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza po materialam kalendarnoj obryadnosti (konec XIX – pervaya tret' XX v.) [Western Siberia and the Russian North: the experience of comparative historical analysis based on the materials of calendar rituals (late 19th – first third of the 20th century)]. In *Kaznacheevskie chteniya. Chelovek XXI veka: noosfernoe izmerenie. Sbornik докладов участников междunarодной научно-практической конференции «Человек XXI века: ноосферное измерение»* [Kaznacheevskie readings. Man of the XXI century: noospheric dimension. Collection of reports of the participants of the international scientific-practical conference “Man of the XXI century: noospheric dimension”], 2: 49-62. Novosibirsk.
- Fursova, E.F. 2014. *Sibir' i russkij Sever. Problemy migracij i etnokul'turnyh vzaimodejstvij (XVII-nachala XXI vv.)*. [Siberia and the Russian North. Problems of migration and ethnocultural interactions (XVII – early XXI centuries)]. Novosibirsk.
- Goncharov, YU.M. 2013. Obshchestvennye prazdniki v gorodah Sibiri v konce XIX – nachale XX v. [Public holidays in the cities of Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Istoricheskie nauki.* [Bulletin of the Altai State University. Story. Historical sciences.] 4–2 (80): 135-138.
- Kiskidosova, T.A. 2017. Prazdnichnaya kul'tura gorodskoj sem'i Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX– nachale XX v. [Festive culture of an urban family in Eastern Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 416: 94-98.
- Kupriyanov, A.I. 1985. Obshchestvennye prazdniki v Omske v pervoj polovine XIX v. [Public holidays in Omsk in the first half of the 19th century]. In *Kul'turno-bytovye processy u russkij Sibiri XVIII – nachalo XX v.* [Cultural and everyday processes among the Russians of Siberia in the 18th – early 20th centuries.], 53–63. Novosibirsk: Nauka.
- Lityagina, A.V. 2004. Prazdnichnaya kul'tura gorozhan Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Festive culture of the townspeople of Western Siberia in the second half of the XIX – early XX century] In *Goroda Sibiri XVII – nachala XX v. Istorija povsednevnosti. History of everyday life* [Cities of Siberia XVII – early XX century], Vol. 2, 215–226. Barnaul.
- Lunacharskij, A. V. 1929. Mesyac po Sibiri. [Month in Siberia] Leningrad.
- Nefedova, T.G., Trejvish, A.I. 2002. Mezhdu gorodom i derevnej [Between town and country]. *Mir Rossii.* [World of Russia] 4, 61–82.
- Pivovarov, YU.L. 2001. Urbanizaciya Rossii v XX veke: predstavleniya i real'nost' [Urbanization of Russia in the XX century: perceptions and reality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 6: 101–113.
- Seryakova, N.A. 2011. *Russkij prazdnichnyj kalendar' v Tomske vo vtoroj polovine XIX v.: po materialam mestnoj periodiki: dissertaciya na soiskanie stepeni kandidata istoricheskijh nauk.* [The Russian holiday calendar in Tomsk in the second half of the 19th century: based on materials from local periodicals: dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Tomsk.
- Skubnevskij, V.A., and S.A. Shilin. 2008. Prazdniki v Barnaule v k. XIX nachale XX v. [Holidays in Barnaul in the late 19th early 20th century]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Istoricheskie nauki* 1: 182–185.
- Tihonova, A.A. 2016. Sovremennoe fol'klornoe dvizhenie kak faktor formirovaniya mirovozzreniya molodyozhi [Modern folklore movement as a factor in the formation of the worldview of youth]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kulturi I Iskusstva* 6 (74): 110–117.

© С.В. Грозовская

## ГОРОДСКАЯ МОРФОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ САМАРЫ И ТБИЛИСИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЖИТЕЛЕЙ

*В статье анализируется взаимосвязь морфологии исторических кварталов Самары и Тбилиси середины XX – начала XXI века с практиками социального взаимодействия их жителей. Для этого применяется концепция «городской деревни» («Urban village»), теория городской морфологии и теория фреймов. Мы показываем, какие маркеры городской среды подталкивают жителей к активному общению с соседями, а какие препятствуют этому. Исследование основано на полевых материалах автора, собранных в 2016–2020 годах в рамках проекта регенерации квартала № 13 в историческом центре Самары, пространственном анализе морфологии и включённом наблюдении, проведённых в 2016–2018 годах в Тбилиси и Самаре. Жители исторических центров Тбилиси и Самары фреймируют пространство дворов как частно-публичное, продолжающее дом/квартиру. Жители присваивают себе пространство двора, но в то же время разделяют его с соседями. Двор осмысливается резидентами как место коммуникации и взаимодействий, что обуславливает их практики совместного времяпрепровождения и общения. Приватные и публичные пространства в самарских двориках располагают к совместной деятельности, а публичные пространства в тбилисских двориках – к общению. Маркеры, благодаря которым жители фреймируют двор как частно-публичное пространство, – относительно небольшое число жителей; небольшой размер двора; наличие старожилов; малая и/или средняя этажность; наличие старых домов. Для Тбилиси ещё очень важны галереи, террасы и балкончики, объединяющие обитателей нескольких квартир, плотная периметральная застройка, а для Самары – возможность фрагментации границ дворов. Чем большее число маркеров утрачивается, тем сильнее ослабляются практики совместных действий.*

**Ключевые слова:** городская морфология, культурные практики, городские сообщества, социальное взаимодействие жителей, городская деревня, историческая среда, дворы

**Ссылка при цитировании:** Грозовская С.В. Городская морфология исторических центров Самары и Тбилиси и практики социального взаимодействия жителей // Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 84–103.

## URBAN MORPHOLOGY OF THE HISTORICAL CENTERS OF SAMARA AND TBILISI AND THE SOCIAL INTERACTION OF THEIR RESIDENTS

*The article analyzes the relationship between the historical morphology of Samara and Tbilisi and the social interaction of their residents from the middle of the XX to the early XXI century. To do so, the author applies the concept of «Urban village», the theory of urban morphology, and the theory of frames. Frame analysis highlights the markers of the urban environment that prompt residents to communicate with their neighbors actively and those that hinder this communication. The study is based on the fieldwork in Samara in 2016-2020, spatial analysis of morphology, and participant observation carried out in 2016-2018 in Tbilisi and Samara. Residents of the historical centers of Tbilisi and Samara frame the space of courtyards as private-public, continuing the house/apartment. They own this space, but at the same time, they share it with their neighbors. Residents understand the courtyard as a place of interaction, which defines their joint pastime and communication. Private and public spaces in Samara courtyards invite for joint activities, and Tbilisi courtyards encourage communication. Residents frame the courtyard as a public-private space through some markers that include a relatively small number of residents; the small size of the courtyard; the presence of old-timers; the low or medium number of floors; the presence of old houses. In Tbilisi, neighbors come together in galleries, terraces, and balconies. The density of buildings is also substantial for communication. The possibility to fragment the boundaries of courtyards is significant for Samara. The more markers are lost, the weaker the practices of joint activities become.*

**Keywords:** *urban morphology, cultural practices, urban commons, residents' social interaction, urban village, historical environment, courtyards*

**For Citation:** Grozovskaya, S.V. 2022. Urban Morphology of the Historical Centers of Samara and Tbilisi and the Social Interaction of their Residents. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 84–103.

**Author Info:** Grozovskaya, Snezhana V. – postgraduate student of the Department of Innovative Design, Samara State Technical University of the Academy of Civil Engineering and Architecture (Samara, RF), E-mail: snezhana.lashchenko@gmail.com.

Современная картина российских городов выглядит так: в советских и постсоветских микрорайонах живёт примерно три четверти городских жителей. Такие жилые кварталы имеют площадь от 5 до 60 га. Огромные «ничейные» пространства между домами не способствуют возникновению сообществ и появлению у жителей желания обживать, обустраивать эти пространства из-за их «необъятности». Дворы являются общественными, они принадлежат «всем и никому». В одном дворе с многоэтажными домами может жить 500–2000 человек (со среднеэтажными – порядка 200-400 чел.).

Очевидно, что такое число соседей не может «присвоить» себе общее пространство.

Сообщества жителей не складываются здесь как в силу морфологии этих районов, так и потому, что в них довольно быстрая ротация резидентов («старожилы» растворяются среди новых жителей) (Vihavainen 2009). Объединиться во временные сообщества жителей таких микрорайонов заставляет лишь «внешняя угроза» (вырубка парка, снос дома), а также (в значительно меньшей степени) проекты перепланировки и благоустройства дворов.



*Рис. 1. Фрагмент двора в центре Самары (фото автора, исторический центр Самары, 2016).*

*Fig. 1. A courtyard in the old center of Samara (photo by the author, historical center of Samara, 2016).*

торий городов и представляет собой особую пространственную, культурную и социальную ткань. В «получастных» дворах исторических центров Тбилиси и Самары с



*Рис. 2. Узкая улочка в старом центре Тбилиси (фото автора, старый центр Тбилиси, 2017).*

*Fig. 2. A narrow street in the old center of Tbilisi (photo by the author, old center of Tbilisi, 2017).*

малоэтажной застройкой обитает примерно 15-40 чел. (6-13 семей). При таком типе застройки жители расположены к более плотному взаимодействию как с самим пространством, так и друг с другом благодаря небольшому числу резидентов (среди которых выделяются старожилы) и наличию компактных дворов с мало- и среднеэтажной застройкой. Такие сообщества постоянны и укоренены в физическом пространстве. Тем не менее, жители других районов зачастую воспринимают их как маргинализованные, неблагополучные, да и в самой городской среде исторического центра, состоящей из старых домов, не видят ничего привлекательного.

Другой тип морфологии постсоветского городского пространства – кварталы с дореволюционной застройкой – занимает лишь малую часть территории. В последние годы жители постсоветских городов начинают осознавать своё право на город и объединяться в сообщ-

ветских городов начинают осознавать своё право на город и объединяться в сообщ-

щества для совместных действий в острых ситуациях (Андреев 2019, Перцев 2019), они стали лучше координироваться для защиты своих интересов (Панеях 2018). Однако практики координации горожан все еще распространены не слишком широко (Медведев 2017, Желнина, Тыканова 2019), даже в ситуации, когда их интересы сильно затронуты (Иванов 2014, Кузнецова 2017). Вместе с тем еще недавно (в середине XX века) в исторических центрах советских городов существовали районные и дворовые сообщества с сильной идентичностью, для которых координация не была проблемой (Пишп 2006).

Эта статья сфокусирована на изучении морфологии и культурных практик исторических центров Тбилиси и Самары. Советская политика повлияла на городскую ткань исторических центров городов, социальные и культурные практики их жителей. Коммунальный опыт и заселение дворов с исторической застройкой новыми жителями и стимулированный советской властью рост городов, переселение в них деревенских жителей наделили центры Тбилиси и Самары сходными чертами. В них существуют местные сообщества жителей, объединенные общим физическим пространством проживания (двором, домом, улицей, кварталом), которое они совместно обитают и разделяют между собой. Морфология этих пространств имеет общие черты: старую мало- и среднеэтажную застройку, многоквартирные дома с общими полуприватными дворами, множество архитектурных элементов (балкончики, веранды, галереи, наружные лестницы и т.п.).

Похожесть старым кварталам Тбилиси и Самары придает небольшое число жителей во дворах. Морфология пространства во многом обуславливает характер взаимодействия жителей и образ жизни. Взаимосвязь таких морфотипов с укорененными в них сообществами характерна для «городских деревень» («urban villages»), к которым относятся исторические центры Тбилиси и Самары (Лещенко 2020). Власти обоих городов выделяют недостаточно средств на реставрацию и восстановление исторических зданий, поэтому старые центры Тбилиси и Самары, поддерживаемые в основном жителями, ветшают и разрушаются.

В то же время у этих городов есть существенные отличия. Их жители по-разному относятся к историческому наследию. Самарцы пренебрегают историческими домами, дворами, считая их непригодными для существования. Тбилисцы наоборот ценят историческое наследие и тесно связывают с ним свою идентичность. Благодаря этому в Тбилиси, несмотря на скудное финансирование восстановления старого города, сохраняется его целостность и непрерывность морфологии. А в Самаре недостаток средств на реконструкцию усугубляется безразличием к наследию жителей и политической властью, поддерживающей иницируемые застройщиками сносы и прибыльную застройку. Это сильно разрушает морфологию пространства.

Тбилиси – пример постсоветского города с сохранившейся целостной тканью хаотичной средневековой планировки, а в некоторых районах регулярной, в которую местами органично вписаны новые здания (в небольшом количестве), учитывающие параметры старых. Исторический центр Самары – пример постсоветского города с регулярной планировкой, где еще остались целостные фрагменты исторической морфологии, но есть и множество кварталов, частично или целиком разрушенных высотной застройкой, не учитывающей контекст.

Сравнение этих городов позволяет увидеть, что несмотря на различные культурные, социальные и политические контексты, сходные черты физического пространства и

опыт советской политики создают похожие культурные практики и паттерны поведения жителей. Разные политики развития этих городов влияют на возможность сохранения/утраты таких практик. Благодаря морфологии застройки и образу жизни в таких кварталах развиты горизонтальные связи, жителей объединяют совместные действия и практики времяпрепровождения. Они, в свою очередь, формируют социальный капитал и общую идентичность. Исследование способов социального взаимодействия жителей «городских деревень», их культурных практик позволяет понять механизмы их формирования, которые могут использоваться в современной градостроительной политике, практиках поддержки городских сообществ и развития территорий.

Почему в одних районах, кварталах и дворах жители отчуждены друг от друга, а в других почти все со всеми знакомы? Отчего в одних дворах жители проводят много времени вместе, а в других почти не пересекаются? В связи с чем в одних городах «городские деревни», существовавшие в начале-середине XX века, сегодня быстро умирают, а в других их жизнь поддерживается? Эти вопросы мы ставим применительно к двум очень разным городам – историческим кварталам Самары и Тбилиси середины XX – начала XXI вв.

### Теоретические рамки

В этом исследовании мы опираемся на ряд теоретических разработок, в том числе городского теоретика, активиста и журналиста Джейн Джекобс, которая называла повседневные взаимодействия соседей, владельцев магазинов и незнакомцев в старых кварталах Гринвич-Виллиджа в Нью-Йорке «уличным балетом» (Джекобс 2011). Такие взаимодействия возникают в компактной, малоэтажной застройке, где резиденты знают друг друга и обживают физическое пространство, создавая в нём маленькие семейные магазинчики, кафе, мастерские. Возникают социальные связи, ведущие к образованию «городских деревень», где сильны соседские сообщества, объединенные многообразными практиками взаимодействия.

Появление в этих районах элитного жилья и джентрификация ведут к разрушению сообществ и преемственности культурных практик, показывает профессор Городского университета Нью-Йорка Шарон Зукин (Зукин 2019). К тому же эффекту приводит вкрапление высотной застройки в старые кварталы. Концепция «городской деревни» позволяет нам идентифицировать пространство двора в историческом квартале как место, в котором городские сообщества и их культурные практики укоренены в исторически сложившейся морфологии (Gans 1962). Зафиксировать различия в организации пространства дворов, кварталов и районов, в которых живут люди в городах, позволяет теория городской морфологии. (Larkham 2018, Sadeghi, Li 2019). Она показывает, что морфотипы городских пространств формируются такими физическими параметрами, как планировка кварталов, тип и плотность застройки, ширина улиц, размер и форма участков (дворов), этажность, архитектурные элементы зданий, материалы и др. (Oliveira 2016), а само пространство может быть не только частным или публичным, но и смешанным (Nissen 2008).

Каким же образом городская морфология определяет культурные практики жителей? Для ответа на этот вопрос мы используем теорию фреймов. Фрейм («рамка», «кадр») – это способ восприятия и понимания ситуации её участниками (Гофман 2003, Яноу, Ван Хульст 2011). В нашем случае «ситуацией» является архитектурное

пространство двора/квартала/микрорайона, а участниками – их резиденты. Фреймируя ситуацию, люди наделяют ее отдельные признаки значением (и в результате трактуют всю ситуацию тем или иным образом), регулируя в соответствии с этим фреймом свое поведение (*Blumer 1969*). Фреймирование преобразует контекст, позволяя сделать одни его детали заметными, а другие – «невидимыми». Эта теория приложима и к городским исследованиям (*Вахитайн 2007*): жители «замечают» отдельные элементы городской морфологии, а затем сами эти элементы, в соответствии с приобретённым ими смыслом, влияют на поведение резидентов. Так возникают характерные для различных пространств культурные практики. Совокупно концепт «городской деревни», теория городской морфологии и теория фреймов позволяют описать, какие именно элементы городской среды становятся для жителей маркерами, позволяющими фреймировать городское пространство тем или иным образом и строить в соответствии с этим свое поведение.

Какие именно маркеры физического пространства становятся для жителей определяющими в плане фреймирования городской среды как располагающей или не располагающей к соседским социальным взаимодействиям? Новизна настоящего исследования состоит в применении теории фреймов к анализу взаимосвязи морфологии исторических кварталов и практик социального взаимодействия их жителей. Теория фреймов позволяет показать, какие именно маркеры городской среды подталкивают жителей к активному общению с соседями, характерному для «городской деревни», а какие препятствуют этому. Мы ставим цель показать, что одни маркеры способствуют фреймированию двора как части микрорайонной застройки («общее» и «ничье» пространство), где взаимодействие между жителями сведено практически к нулю. Другие маркеры позволяют фреймировать двор как часть компактной квартальной застройки, где двор – полуприватное пространство, подталкивающее резидентов к активному взаимодействию друг с другом. Нам также интересно проследить, как менялись эти маркеры на протяжении середины XX – начала XXI в.

### **Исследовательские задачи, гипотеза, методы**

Исследовательский вопрос состоит в том, какие маркеры морфологии исторических кварталов/дворов Самары и Тбилиси на протяжении середины XX – начала XXI в. способствовали социальным взаимодействиям жителей, а какие – препятствовали. Мы проверим следующие гипотезы. 1) При наличии достаточного числа маркеров «городской деревни» практики социального взаимодействия воспроизводятся. При уменьшении их числа практики становятся менее интенсивными, а некоторые угасают. Когда маркеров становится еще меньше, наиболее значимые культурные практики исчезают. 2) Основные маркеры, влияющие на фреймирование квартала/двора – этажность застройки, размер двора, число жителей, наличие старожилов.

Для ответа на исследовательский вопрос выделим маркеры городского пространства в исторических кварталах/дворах Самары и Тбилиси середины XX – начала XXI в., которые влияют на их фреймирование и тем самым на практики взаимодействия жителей. Затем мы проанализируем, какие маркеры морфологии оказываются ключевыми для такого фреймирования (и сохранения таких практик), а какие – факультативными.

Исследование базируется на полевых материалах автора, собранных в Самаре и Тбилиси в период 2016-2020 гг. Часть материалов получена автором в рамках проекта

регенерации квартала №13 в историческом центре Самары в составе исследовательской группы Института города Самары и Академии строительства и архитектуры (АСА СамГТУ) в 2016 г., тогда был проведён опрос 80 жителей квартала (что составляет примерно 90% дворов). В Самаре также собраны автором 18 полуструктурированных глубинных интервью с резидентами исторического центра в 2019-2020 г. (информанты выбраны рандомно). В Тбилиси в 2017 г. и Самаре в 2016, 2019 и 2020 г. применён метод включённого наблюдения и проведён пространственный анализ морфологии.

### Самара

Центр Самары имеет регулярный екатерининский план 1782 г. на основе прямоугольной сетки с кварталами размером 260x130 м., изначально разделёнными на 20 дворовладений (городских усадеб). Городская усадьба была в частной собственности и состояла из малоэтажных деревянных, каменно-деревянных и каменных домов, флигелей, построек для слуг, мастерских, помещений для торговли и хранения товаров. Со временем дворы уплотнялись: дома перестраивались, возникали новые постройки, некоторые квартиры и комнаты сдавались хозяином внаём (*Schiemann etc 2020*).

С приходом советской власти дома и вспомогательные строения превратились в коммунальные квартиры, в которые переехали жители из деревень и малых городов; там же могли продолжать жить прежние хозяева усадеб (*Малахов 2009*). Бывшие жители деревень привнесли в городские кварталы некоторые деревенские практики. К ним можно отнести соседское общение во дворах и на улицах, совместные игры и уличные застолья, практики взаимопомощи, обустройство и «доставивание» домов, выращивание овощей, цветов, фруктовых садиков, устройство палисадников во дворах и рядом с ними, разведение мелких животных: «За забором голосил петух, а в небе под свист Мишки-голубятника кружили белые турманы» (*Мишин 2014*). Многие из этих практик до сих пор сохранились и были зафиксированы нами в ходе полевых исследований.

Внутреннюю структуру самарских дворики определяют такие маркеры, как



*Рис. 3. Жители выращивают палисадники напротив своих домов (фото автора, исторический центр Самары, 2016).*

*Fig. 3. Locals plant gardens in front of their houses (photo by the author, the historical center of Samara, 2016).*

планировка квартала (деление на небольшие участки/дворы и возможность их дальнейшей фрагментации), низкая и средняя плотность застройки, размер двора (ширина приблизительно 10,5/21/30 м., а глубина – 30/50 м.), форма двора. За счет дворов жители часто компенсировали «коммунальную тесноту». Компактные, но довольно просторные, со свободным пространством и сложными пространственными формами-лабиринтами, они позволяют укрыться от активной жизни города. Деление кварталов на маленькие участки становится для жителей сигналом, что это пространство можно осваивать, делать его «обитаемым» под свои нуж-

ды. Планировка двора даёт им возможность продолжить и расширить пространство своей квартиры за счет достраивания домов, создания малых архитектурных форм.

Границы дворов в меру подвижны: жители могут дробить пространство двора, деля территорию на несколько частей. Форма, размер и возможность фрагментации двора позволяют фреймировать это пространство как частно-публичное. Жители и в советское, и в постсоветское время ощущают себя хозяевами этого пространства, однако законодательно оно не является частным.

Такому фреймированию пространства способствуют и архитектурные элементы домов (террасы, балконы, галереи), возникающие в процессе приспособления жителями дворов этого пространства под свои потребности. Внутри общего с соседями пространства возникают приватные объекты и фрагменты. Жители пристраивают индивидуальные входы в квартиры, лестницы, веранды, террасы, строят галереи и другие помещения: «Терраса была универсальным пространством: в жаркие летние ночи мы перебирались туда с раскладушками, в дождь там хорошо игралось в бильярд с железными шарами, карты или шахматы. Первая сигарета, липкий стакан портвейна, запуск пленочной ракеты, эксперименты с карбидом и неуклюжий поцелуй – все это вершилось под ее провисшей с годами крышей» (Мишин 2014).

Эти элементы активно используются для общения жителей (практика сидеть на крыльце/веранде с соседями/гостями, говорить с балкона с соседями во дворе), социального контроля пространства (например, присмотра за играющими во дворе и на улице детьми). «На уличных крылечках сидели деревенского вида старушки, чье вечное оцепенение сменялось кратковременным оживлением при появлении молочника с громыхающими бидонами или татарина с леонардовского вида передвижным точильным кругом, издающего визгливое “точу ножи-ножницы”» (Мишин 2014).

Небольшое число жителей во дворе (зависит от размера двора и этажности застройки – в самарских дворах она преимущественно малоэтажная), сообщает жителям, что это пространство полуприватное, и в то же время общее. Его надо делить с соседями – договариваться с ними о правилах совместного использования. В постсоветский период число жителей во дворах уменьшилось из-за уменьшения числа коммунальных квартир. Фреймирование пространства как полуприватного делает резидентов готовыми договариваться о совместном благоустройстве, уборке двора, ремонте и реконструкции зданий, проведении инженерных коммуникаций и решении повседневных бытовых вопросов: «Мы с соседями помогаем друг другу – двор вместе убираем, зимой всей толпой снег чистим» (ПМА 2020, Андрей, 35 лет).

Проницаемость двора для «чужаков» не позволяет воспринимать его как закрытое пространство. Зачастую ворота во двор отсутствуют или не запираются (иногда только на ночь), и постороннему человеку легко попасть вовнутрь. Но его тут же замечают жители и вступают с ним в коммуникацию: «...Если зайдет кто-то просто посидеть, сразу скажут: ты чего парень, к кому ты пришел?» (ПМА 2020, Андрей, 35 лет). В тёплое время года жители оставляют открытыми двери квартир и мастерских; иногда соседи знают, где спрятаны ключи от квартир соседей. В последние годы проницаемость дворовых пространств стала уменьшаться – всё больше дворов закрываются для посторонних.

Размер и форма двора, возможность его фрагментации, небольшое число жителей, возможность пристроек и малых архитектурных форм позволяют жителям идентифицировать двор как полуприватное пространство. Они «присваивают» себе фрагменты

этого пространства, транслируя в них функции дома/квартиры. При этом один и тот же объект или фрагмент пространства (стол, скамейка, беседка, сарай, клумба, палисадник, парковка, маленький садик) может быть «присвоен» разными семьями одновременно – находиться в совместном пользовании, о котором они договорились.

В качестве пространства, обладающего полудеревенской (и полугородской) атмосферой жители фреймируют двор благодаря историческим зданиям и артефактам (старые деревянные сараи, руины, полуразрушенные, отдельно стоящие брандмауэры, старинные элементы декора домов, заброшенные сады), материалам и фактуре объектов (старое дерево, старый кирпич) (ПМА 2020, ПМА 2016).



*Рис. 4. Жители собираются на старых улочках города (фото автора, исторический центр Самары, 2016).*

*Fig. 4. Locals gather out in the old streets of the city (photo by the author, the historical center of Samara, 2016).*

вишни без помощи рук, просто склевывая их со склонившихся от тяжести веток, а потом лихо выплевывая косточку» (Мишин 2014). Семьи, переехавшие из сёл, привозили с собой полудеревенский уклад: разводили под домами курятники, хранили в сенях деревенские припасы: «В город они переехали из села Похвистнево, но ментально переехали не до конца и потому у них царил полу-деревенский уклад: под нашим домом был устроен курятник, а по дому бегали цыплята» (Мишин 2014).

Такие практики частично сохраняются и сегодня. Жители совместно используют и строят дворовую инфраструктуру (парковочные места, площадки под барбекю, детские площадки, летние беседки); во двор выносят столы и стулья, они используются для общения с соседями и гостями (ПМА 2016). В советское время жители собирались во дворе вокруг почтальона, рассказывавшего о последних событиях: «Первый двор служил местом парадной жизни и коммуникаций с городом: сюда приходила тетенька-почтальон и раздавала корреспонденцию, одновременно рассказывая обитателям здешних лавочек об актуальных событиях [...] Сюда приезжала, грохочущая бидоном на тележке, молочница и заворачивал точильщик ножей» (Мишин 2014).

Многие люди вспоминают, что еще в 2000-е годы во дворе за общим столом отмечали все праздники: устраивали застолье, ставили самовар, ели пироги, пели, играли в домино, карты и крокет до глубокой ночи (игры проходили и в общих помещениях внутри домов), ставили спектакли с детьми. В советское время дети играли в вы-

Иногда жители объединяются и устраивают в помещениях и во дворах мастерские, например, по ремонту машин, общаются, играют, пьют пиво, ухаживают за палисадниками, сажают цветы, овощи, ходят друг к другу в гости: «Ходим в гости друг к другу – это святое» (ПМА 2020, Наталья, 60 лет). В советское время во дворах выращивали овощи и зелень, ухаживали за фруктовыми садами, оставшимися с дореволюционных времён (затем эта практика сошла на нет), разводили голубей. «Аллея приводела в изобильный старый вишневый сад. Изобильный настолько, что считалось особым шиком, лежа на теплой толевой крыше сарая, есть

шибалу, чику и штандер, шахматы, карты, всем двором собирали сирень: «В оговоренный соседями весенний день все население двора собиралось на сбор сирени» (Мишин 2014). В последнее время эти практики исчезают – люди общаются меньше, «каждый живёт своей жизнью».

Жители связывают это со сменой поколений, и приходом новых жителей (но их ротация в старых кварталах очень небольшая): «В молодости хорошо было во дворе, соседи дружные были, за меня на суд свидетелями пошли 12 человек, но они все уже на том свете» (ПМА 2020, Надежда, 75 лет). «Во дворе сейчас не собираемся, как-то это все ушло. Раньше и пироги пекли, здесь ставили столы, все ели, это было прекрасно, это нужно видеть. Ну, это уже лет 8 назад, а сейчас новые люди» (ПМА 2020, Наталья, 60 лет). «Раньше в 2010 г. у кого-то день рождения – стол накрывали, даже вот когда дочка родилась, весь двор гудел. А так-то в советское время еще хлеще тут было. А сейчас все просто по своим делам» (ПМА 2020, Андрей, 35 лет).

В более дружных дворах дети и взрослые играют в бадминтон и футбол. Благодаря наличию старожилов резиденты ощущают связь с историей двора и реализуемыми в нём культурными практиками. Они продолжают традиции двора, передают их новым жителям, зачастую именно благодаря старожилам жители поддерживают практики взаимодействия. «И вот у этой дети уехали в Москву – они меня обнимают, я не знаю почему... Приезжают из Москвы и обнимают – как мы соскучились» (ПМА 2020, Наталья 60 лет). Многие жители строят планы на будущее по обустройству дворов и ремонту зданий.

Элементы «городской деревни» в старой Самаре можно встретить не только во дворах, но и на улицах. Уличная коммуникация осуществляется в условиях небольшой ширины улиц (до 25 м), достаточной ширине тротуаров (от 3 м) и слабого транспортного потока. Такую улицу жители идентифицируют как тихую, спокойную, как бы продолжающую двор. Ее используют как нейтральную территорию для встреч (случайных или намеренных). Жители собираются около своих домов (особенно имеющих выход на улицу), на уличных крылечках, лестницах, у входов в подъезды, около ворот – небольшими группами (по 2-4 человека) (ПМА 2016). Когда транспорта становится заметно больше, уличная жизнь для соседей прекращается, улица начинает выполнять только транзитную функцию.

В тёплое время года улицы используются детьми и подростками. Дети с одной улицы/квартала собираются вместе для игр, катаются на велосипедах, гуляют с собаками. На нешироких улицах с просторными тротуарами возникают полчастные палисадники. Жители совместно благоустраивают общественные территории перед своим двором, изредка (по сравнению с советским временем) сооружают временные или постоянные места для сидения и общения. В постсоветский период практик уличного садоводства стало меньше, нередко городские власти срубают деревья и асфальтируют палисадники.

Таким образом, некоторые из сложившихся в советское время практик обитания во дворах и на улицах исторических центров воспроизводятся и в постсоветской Самаре, другие постепенно исчезают из-за разрушения границ и планировки дворов, сноса исторических зданий, строительства высотных зданий по соседству с историческими и утраты исторических «артефактов».

Наиболее важные маркеры пространства «городской деревни» – сравнительно небольшое количество жителей, размер и форма двора и квартала, возможность

фрагментации границ (если утрачивается деление квартала на участки, пространство начинает восприниматься жителями как «ничейное», «необжитое» – их утрата неминуемо ведёт к рефреймированию «городской деревни». При значительном увеличении размера двора жителей рефреймируют двор как «отчужденное» пространство. В результате множество совместных практик освоения и обустройства пространства исчезают. То же самое происходит при резком увеличении этажности и числа жителей. Внутренняя жизнь во двориках исчезает уже при появлении высоток в соседних кварталах: из-за прокладки инженерной инфраструктуры для новостроек у старых домов рушатся стены и фундаменты, а территории дворов перекапываются. Жители начинают думать, что их квартал станет следующим под реновацию, и настраиваются на переезд: «Вот с весны рыли весь наш двор, теплотрассу меняли, подводят к новым домам, поэтому здесь уже не до уюта, временно так живём. А до этого цветы сажали и чай пили во дворе с соседями, а сейчас уже всё, на колесах все» (ПМА 2020, Надежда, 75 лет).

Факультативными маркерами можно считать наличие старожилов (их исчезновение затрудняет образование соседских сообществ, ведёт к атомизации и отчуждённости новых жителей, привыкших к таким практикам в микрорайонах). Это ведет к утрате социального капитала и преемственности культурных практик. При потере исторических зданий, артефактов, материалов и фактуры объектов дворы лишаются полудеревенской атмосферы. В них множество культурных практик жителей городской деревни становятся неуместными и невозможными. В то же время, как видно по современным малоэтажным кварталам иностранных городов, некоторые практики «городской деревни» там могут воспроизводиться.

Дополнительным маркером можно считать и возможность создания жителями собственных архитектурных элементов домов и дворов. Исчезновение такой возможности снижает желание проводить время во дворе и ощущение освоенности пространства (его сложнее маркировать как «свое»). В то же время дворовая жизнь возможна и в небольших дворах с современной застройкой, сделанных «под ключ».

Ключевой маркер, делающий возможным соседскую уличную жизнь в жилых районах – слабый поток транспорта. Облегчают ее возможность факультативные маркеры – ширина улиц и тротуаров. Культурные практики взаимодействия жителей на улицах поддерживаются только в случае, если внутри кварталов еще поддерживается «дворовая жизнь». Тогда улица становится продолжением двора. При утрате маркеров морфологии дворового пространства уличные практики также пропадают.

## Тбилиси

Исторический центр Тбилиси обладает средневековой планировкой с хаотичными, тесными и кривыми улочками, переулками, тупиками и малоэтажной каменной застройкой с небольшими двориками. Беспорядочная плотная застройка возникла и на рубеже XVIII–XIX веков вокруг цитадели Нарикала (*Анчабадзе, Волкова 1990*). После вхождения Грузии в состав Российской империи, с начала XIX века, власть стала ограничивать беспорядочное строительство традиционных домов и «землянки», регулировать новую застройку и ремонт. Вокруг средневековой застройки Тифлиса стали появляться новые районы с регулярной планировкой, прямыми и широкими улицами, площадями, общественными зданиями европейской архитектуры

разных стилей (Ольшевский 2003).

С увеличением числа жителей в начале XIX века, одноэтажные, углубленные в землю традиционные дома постепенно уплотнялись, надстраивались новыми этажами с крытыми галереями разной формы и конфигурации (Анчабадзе, Волкова 1990). В небольшом количестве дома с галереями встречались в конце XVIII века и имели плоскую кровлю. Старые здания заменялись новыми одноэтажными и двухэтажными, которые потом достраивались и имели дворовые пространства. Раньше дворов практически не было, их функции выполняли плоские крыши. Первые этажи превращались в хозяйственные помещения, кладовые и конюшни, а во дворах строили флигели, кухни, пекарни, сараи, помещения для крупного рогатого скота, разводили фруктовые сады и огороды.

Развивался «полуевропейский» – «полуазиатский» тип зданий при сохранении средневековой планировки Старого города. Во второй половине XIX века дом с крытыми галереями занял ведущее место в городской застройке, а в начале XX века появились доходные дома – нередко 4-этажные. С приходом советской власти возникли коммунальные формы жизни. Такой тбилисский тип архитектурного пространства сохранился в советское и постсоветское время.

Основные маркеры современной морфологии тбилисских двориков (с их шумной, эмоциональной жизнью) – планировка кварталов (средневековая-хаотичная, в отдельных районах – регулярная), периметральная застройка высокой плотности (дворы плотно застроены по периметру и образуют замкнутое пространство), размер дворов – от самых узких (15x25) до более просторных (ширина 25/30/40 м., а глубина 30/40/50 м.), этажность – 2-5 этажей. Они формируют компактное, камерное пространство двора, которое фреймируется жителями и как полуприватное, полупубличное пространство (пограничное между квартирой и улицей), и как продолжение дома. Очень важны для тбилисских двориков архитектурные элементы домов. Фасады каменных зданий внутри двориков усыпаны ажурными деревянными балкончиками, застеклёнными и незастеклёнными галереями, открытыми террасами, которые объединяют несколько квартир, переплетающимися винтовыми лестницами с кованными ступенями на 3-5 этажей.

Жители фреймируют элементы пространства, продолжающие квартиры, протекающие из дома во двор и связывающие их, как территории, где заканчивается частное и начинается пространство коммуникации с соседями. Значительная часть взаимодействий между обитателями проходит именно там – еще с XIX века крытые галереи стали местом отдыха и встреч с соседями и гостями. Такие элементы придают дворикам обжитость и атмосферность.

Перечисленные маркеры позволяют жителям идентифицировать пространство как «городскую деревню» и способствуют тесному контакту жителей, дают возможность



Рис. 5. Дворик в старом центре Тбилиси (фото автора, старый центр Тбилиси, 2017).

Fig. 5. A courtyard in the old center of Tbilisi (photo by the author, old center of Tbilisi, 2017).

общаться друг с другом, не выходя из дома. Существенная часть жизни жителей старого Тбилиси проходит на глазах соседей, а их дворы в сознании тбилисцев стали символом близких отношений (Захарова 2013). «Жизнь моей семьи была подключена к кровеносной системе города, с его многообразным, постоянным, ежедневным человеческим общением [...] День, когда к нам в дом не заходили бы родственники,



Рис. 6. «Corner societies» на улочках Тбилиси (фото автора, старый центр Тбилиси, 2017).  
 Pic. 6. "Corner Societies" on the streets of Tbilisi (photo by the author, old center of Tbilisi, 2017).

домотканым ковром; на нём мутаки – мягкие, удобные длинные валики, набитые овечьей шерстью; перед тахтой – стол» (Церетели 2017).

На балконах отдыхают, читают, спят, едят, пьют кофе, гладят, стирают, готовят варенье, общаются с соседями и прохожими, принимают гостей, выращивают цветы и небольшие растения, развешивают бельё, прогуливают детей, дерутся (Микаридзе 2019). Из окон, выходящих на галерею, наблюдают за тем, что происходит во дворе. Жители соседних домов могут общаться, стоя на разных балконах. В отличие от самарской, в тбилисской модели жители обживают не столько сам двор (особенно если он совсем мал по размеру), сколько балконы, галереи и террасы: именно эти элементы морфологии объединяют людей (ПМА 2017).

За пределами галерей и балконов тоже протекает совместная соседская жизнь. Дворы украшают выращенными в горшках растениями, ставят столы, за которыми мужчины устраивают застолья, играют до позднего вечера в нарды, домино, шахматы, волейбол (Микаридзе 2020). Во дворах часто что-то мастерят, дети с 5-6 лет играют во дворах и на улице одни, контролируемые взрослыми из окон (Захарова 2013): «Едва я научилась ходить и произносить первые слова, меня, как и каждого тбилисского ребенка, потянуло во двор [...] Самой устрашающей и самой действенной для нас, детей, была родительская угроза: «Всё! Во двор тебя сегодня не пушу!»» (Церетели 2017).

Тбилисский дворик – это театральная сцена, на которой всегда что-то происходит (Микаридзе 2019). Среди жителей распространены практики взаимопомощи и общие для всего двора традиции (Микаридзе 2018). «Делиться с соседями едой, будь то хоть кукурузная лепёшка, хоть тарелка супа [...] Скидываться на свадьбы, на похороны, дежурить, сменяя друг друга у постели больного родственника или соседа было для тбилисца внутренней потребностью, естественным и неоспоримым законом сосуществования. Отчуждённость, равнодушие, неспособность отзываться на радости и горести

гости или соседи и стол накрывался только для членов семьи, мне трудно припомнить. Бабушка моя такого «чёрного дня» просто не вынесла бы» (Церетели 2017).

Крытая галерея взяла на себя часть его социальных функций, которые до второй половины XIX века выполняла плоская крыша, заменявшая двор (Анчабадзе, Волкова 1990). Галерея и балкон играли настолько важную роль, что иногда занимали большую площадь, чем комнаты: «Тбилисский балкон – это, по сути, летняя комната, где непременно присутствует удобная тахта, накрытая

окружающих считались серьезным пороком личности – с бездушным человеком не стоит иметь дело, с ним лучше не связываться» (Церетели 2017). Иногда в двориках Тбилиси организуются концерты под открытым небом – в них набиваются зрители, а в дождь укрываются на балконах и под навесами (Микаридзе 2016).

Помогают взаимодействию обитателей тбилисских дворов наличие большого количества старожилов и небольшое число обитателей двора (в среднем 20-30 чел.). Первый маркер позволяет фреймировать тбилисский двор как место с историей, сложившимися культурными практиками, традициями и социальным капиталом, а второй сообщает, что это частно-публичное пространство. В силу малого размера и плотной периметральной застройки тбилисские дворы, в отличие от самарских, в меньшей степени допускают фрагментацию внутреннего пространства, но имеют более жесткие внешние границы. Эта же особенность позволяет резидентам воспринимать дворы как нечто преемственное и неизменное.

Для тбилисских дворики всегда была характерна прозрачность границ между публичным пространством (двор и улица) и приватным (дом, квартира); это становится и причиной, и следствием близости между соседями (Захарова 2013). Это позволяет жителям фреймировать двор как место, располагающее к публичной коммуникации и взаимодействию, и в то же время частное (например, хозяин может выйти во двор в нижнем белье). Дворы и подъезды в центре Тбилиси, как правило, открыты (ПМА 2017). Ночью люди даже на первых этажах спят с открытыми нараспашку окнами, выходящими прямо на улицу, и даже с незнакомцами разговаривают через открытую дверь.

В Тбилиси районы города называют «убани» (от слова «убе» – пазуха). Это «надежное, родное место совместного проживания (...) “за пазухой”» (Церетели 2017). Соседские сообщества на территории своего «убани» резиденты называют «большой семьей», в которой «все всех знают», а жизнь во дворах проходит «как на ладони» (Захарова 2013). Границы этих сообществ проводятся не столько по границам кварталов/улиц, сколько по линиям расселения представителей сообщества (там же). На это влияет хаотичная средневековая планировка.

В Тбилиси множество социальных интеракций между соседями происходит на улицах и в переулках. На улицах Тбилиси можно встретить сообщества, представители которых регулярно взаимодействуют в одном и том же месте («corner societies») (Whyte 1943). Этому способствует такой маркер физического пространства как ширина улиц (4-20 м.) и переулков (4-8 м). Жители мыслят улицу как продолжение двора. Обитатели соседних дворов могут часами стоять на улице, обычно рядом со своими домами, общаясь между собой и наблюдая за уличной жизнью. Она становится своеобразным продолжением общей галереи и балкона: «Вспоминаю, как папа, отправляясь на работу, всегда находил пару минут, чтобы бросить несколько приветственных фраз дворнику Алекси, чистильщику сапог Иско или справиться о здоровье у нашего уличного парикмахера» (Церетели 2017).

Такие же собрания часто возникают в скверах и парках, на скамейках и за длинными столами с навесом или беседкой. Сами жители сравнивают эти городские места со специально обустроенными в центре деревни или около воды точками сбора и общения деревенских жителей (Захарова 2013). Они играют в домино, шахматы, нарды, карты, могут устроить небольшое застолье с песнями: «Какое же может быть грузинское застолье без песен!» (Церетели 2017). Такое времяпрепровождение больше характерно для мужчин, тогда как женщинам чаще отводится приватное пространство

(однако они ходят в гости друг к другу без приглашения – маркер «деревенского»).

Дворовая жизнь вырывается на улицу, когда обитатели домов из открытых окон общаются с прохожими и соседями, собирая вокруг себя целую группу собеседников, играют на улицах в шахматы и другие игры: «“Висеть” в окнах и эмоционально, во весь голос общаться с соседями по дому и улице, пожалуй, самый излюбленный вид досуга тбилисцев» (*Церетели* 2017). На территории своего «убани» считается нормой заговорить с незнакомцем; в местных магазинчиках соседи общаются с их владельцами и друг с другом. Часто такие магазины и кафе являются семейными и принадлежат людям, живущим в этих же домах (*Захарова* 2013). Продавцы знают по именам и в лицо жителей ближайших домов, дают в долг продукты и деньги. У духанщиков – хозяев духанов (кафе) в старых районах Чугурети и Кукии еще жива традиция встречать гостей словом «нисиа», выражающим доверие к простому человеку (*Церетели* 2017). «Нисиа – значит кушай досыта! Я тебе доверяю. Нет денег сегодня – занесешь позже, когда заработаешь» (там же).

Центр Тбилиси ценен не только необычной архитектурной средой, сочетающей европейскую и восточную культуру, но и присущими ей практиками социального взаимодействия жителей. В историческом центре Тбилиси, в сравнении с Самарой, гораздо меньше разрушений морфологии, пространство более целостное, хотя и там встречаются практики разрушительного строительства (*Микаридзе* 2017).

В Тбилиси, в силу «престижности» исторического центра, выкупают землю, разрушают старые и строят новые частные дома, сохраняя при этом этажность и размер участка. Однако превращение домов из многоквартирных в частные уменьшает число жителей, делает менее прозрачными границы между двором и улицей, сокращает практики соседского взаимодействия: жители старых домов реже контактируют с новыми жителями. Частный двор рефреймируется жителями соседних дворов как закрытое, отчужденное пространство.

Таким образом, размер участка и этажность застройки являются для тбилисских дворов факультативными маркерами: сохранение лишь этих параметров ведет к утрате дворовых культурных практик. Основными маркерами, позволяющими этим практикам сохраниться, являются достаточное число жителей, наличие старожилов и галерей, террас и балкончиков, объединяющих обитателей нескольких квартир. Без них жители фреймируют пространство как не располагающее к общению. При сносе старых домов, когда утрачивается плотная периметральная застройка, размер двора, его границы и архитектурные элементы, пространство рефреймируется жителями как общественное. Это ведет к утрате практик горизонтального взаимодействия и умения договариваться об условиях проживания в общем пространстве.

В уютных переулках и на улочках Тбилиси проходит значительная часть взаимодействий и общения между жителями. Мало- и среднеэтажное пространство, ширина улиц и переулков способствует их обживанию, в чем большую роль играют маленькие семейные магазинчики и другие сервисы, встроенные в жилые дома.

В отличие от морфологии микрорайонной застройки, исторические центры Тбилиси и Самары обладают маркерами, позволяющими фреймировать пространство дворов как частно-публичное, продолжающее дом/квартиру. Жители осмысливают двор как место коммуникации и взаимодействия, что обуславливает практики совместного времяпрепровождения и общения резидентов. При этом в самарских дворах больше частных фрагментов пространств, а в тбилисских – публичных.

Более свободное пространство самарских дворики располагает их жителей к совместной деятельности и благоустройству, дополнению пространства новыми функциями. Морфология тбилисских дворики скорее располагает к общению. Самарские дворы обладают атмосферой, которая ближе к деревенской, а тбилисские – к городской. В центре Тбилиси очень важную роль играют балконы и галереи, улицы и переулки, на которых происходит взаимодействие, а в Самаре квартальная жизнь сосредоточена во дворах. При этом оба этих пространство адекватнее всего описываются посредством концепта «городской деревни».

### Выводы

В этой статье мы рассмотрели влияние различных маркеров морфологии городского пространства на социальные практики взаимодействия жителей исторических центров Самары и Тбилиси. Многие аспекты остались за рамками нашего анализа: конечно, на такие практики влияет культура, социально-политические и социально-экономические преобразования, социальный состав жителей этих районов, символическая ценность наследия для жителей города, жилищная политика властей и застройщиков, помощь городских властей в реставрации и ремонте наследия и множество других факторов. Но первое место среди них занимают маркеры городской морфологии, которые позволяют жителям тем или иным образом фреймировать окружающее их городское пространство.

В историческом центре Тбилиси, в сравнении с центром Самары, практики горизонтального взаимодействия между жителями с середины XX века не угасают, а продолжают существовать благодаря целостному сохранению городской морфологии. Разрушительные вторжения в историческую среду центра Самары ведут к ослаблению практик взаимодействия жителей (но сегодня они еще сохранены).

И в Тбилиси, и в Самаре дворы воспринимаются жителями как частно-публичное пространство – продолжение дома, присвоенное себе, но в то же время разделяемое с соседями. Самарский двор, особенно в постсоветское время, имеет больше признаков частного, индивидуального пространства. В него перемещаются функции дома, а некоторые образуются благодаря просторной территории (мастерские, детские площадки). Другие практики наследуются от привнесённого в советское время «деревенского» опыта (палисадники, огороды, разведение животных). На культурные практики влияет и оставшееся от прежних форм жизни в городских усадьбах физическое наследие: садики, сараи с погребями, сводчатые подвалы.

Фреймирование дворов как частно-публичных (а районов, в которые они входят – как «городской деревни») позволяет обитателям исторического центра Самары заниматься обустройством фрагментов своих дворов и домов, а жителям центра Тбилиси – проводить много времени, общаясь друг с другом. В полуприватных самарских дворики достаточно пространства и для индивидуального, и для совместного времяпрепровождения, а компактные тбилисские дворики более публичны, они становятся сценой повседневных взаимодействий соседей.

Такое фреймирование дворов и районов создает благоприятную среду для появления городских сообществ, основой которых являются старожилы. Морфология старых кварталов способствует объединению жителей, горизонтальным практикам взаимодействия между ними, возникновению навыков управления общим пространством. Несмотря на недостатки коммунального хозяйства, трудности с реставрацией

исторических домов, ссоры среди соседей, а в случае Тбилиси – еще и сложности с уединением, многие обитатели исторических центров Тбилиси и Самары считают многоэтажки непригодными для проживания и не хотят покидать исторический центр. «Шикарно тут жить, ну какой там 15 микрорайон, одни девятиэтажки картонные, а тут свой быт, есть куда сходить, вот набережная» (ПМА 2020, Андрей, 36 лет). «Я бы рада здесь остаться, да не оставят» (ПМА 2020, Надежда, 75 лет). Думая о развитии этих городов, нельзя забывать об этом факторе, ведь его исчезновение лишит эти города их своеобразия и привлекательности.

### **Благодарности**

Выражаю огромную благодарность Борису Грозовскому за ценные обсуждения статьи и чудесную редакторскую работу; Евгении Репиной и Сергею Малахову за оптику чтения исторических городов и пиетет к их внутренней жизни; Марии Васехе за стимул взглянуть на города с нового ракурса; жителям Самары и Тбилиси за вдохновение и красоту.

### **Источники и материалы**

ПМА 2020 – Полевые материалы автора, Самара, август 2020 г.

ПМА 2016 – Полевые материалы автора, Самара, июль 2016 г. в рамках проекта регенерации квартала №13 в историческом центре Самары в составе исследовательской группы Института города Самары и Академии строительства и архитектуры (АСА СамГТУ).

ПМА 2017 – Полевые материалы автора, Тбилиси, август 2017 г.

### **Научная литература**

*Андреев Д.* Вы хотите храм, мы хотим сквер – будет война // Meduza, 2019. Доступ: <https://meduza.io/feature/2019/05/14/vy-hotite-hram-my-hotim-skver-budet-voyna> (дата обращения: 18.01.2020).

*Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX веке. М.: Наука, 1990. 273 с.  
*Вахштайн В.С.* Места большого города: К изучению социальной логики «Охотного Ряда» // Прогнозис, 2007. № 4. С. 4.

*Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта // пер. с англ., под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.

*Джекобс Д.* Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 406 с.

*Иванов П.* Как благоустроить двор, несмотря на апатию жителей // The Village, 2014. Доступ: [https://www.the-village.ru/people/experience/142707-troparevo\\_experiment](https://www.the-village.ru/people/experience/142707-troparevo_experiment) (дата обращения: 01.02.2021).

*Желнина А.А., Тыканова Е.В.* Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии, 2019. Т. 22. №1. С. 162–192. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>.

*Захарова Е.Ю.* Локальная солидарность: мужские квартальные биржи города Тбилиси как часть соседских сообществ // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде, 2013. С. 246–289.

*Захарова Е.Ю.* Черный маони: прагматика тбилисского уличного кодекса // Антропологический форум, 2016. № 31. С. 25–62.

*Зукин Ш.* Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств / пер. с англ. А.Лазарева и Н.Эдельмана; под науч. ред. В.Данилова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 360 с.

*Кузнецова Е.* Столичные митинги против реновации собрали в выходные 6 тыс. человек // РБК, 2017. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/28/05/2017/592a87da9a794728587c03cd> (дата обращения: 01.02.2021).

*Лащенко С.В.* «Городская деревня» («Urban village») как форма обитания в исторических центрах больших городов // Градостроительство и архитектура, 2020. Т. 10, № 3. С. 45–51.

DOI:10.17673/Vestnik.2020.03.7.

- Малахов С.А.* Самарский двор – средовой и социокультурный феномен // Наследие под угрозой. Совместный отчёт SAVE и MAPS / под ред. В.Э. Стадникова. Самара: Издательский дом Агни, 2009. С. 60–66.
- Медведев И.Р.* Разрешение городских конфликтов. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 372 с.
- Микаридзе Е.* Кинематографическая архитектура Тбилиси: дом с инициалами, историями и формулой любви // SPUTNIK, 2020. Доступ: <https://sputnik-georgia.ru/columnists/20201218/250381654/Kinematograficheskaya-arkhitektura-dom-s-initsialami-istoriyami-i-formuloy-lyubvi.html> (дата обращения: 28.01.2021).
- Микаридзе Е.* Тбилисские дворы – Грузия в миниатюре // SPUTNIK, 2016. Доступ: <https://sputnik-georgia.ru/columnists/20160128/235575043/Esli-by-Tbilisi-umel-govorit.html> (дата обращения: 31.01.2021).
- Микаридзе Е.* Тбилисские балконы и веранды – сцены из городской жизни // SPUTNIK, 2019. Доступ: <https://sputnik-georgia.ru/columnists/20190718/245987452/Tbilisskie-balkony-i-verandy-stseny-iz-gorodskoy-zhizni.html> (дата обращения: 31.01.2021).
- Микаридзе Е.* Странности старого Тбилиси – для тех, кто не перестал удивляться // SPUTNIK, 2019. Доступ: <https://sputnik-georgia.ru/columnists/20190425/245050842/Strannosti-starogo-Tbilisi-dlya-tekhnicheskogo-umelca.html> (дата обращения: 01.02.2021).
- Микаридзе Е.* Вахтанг Кикабидзе и традиции сололакского двора // SPUTNIK, 2018. Доступ: <https://sputnik-georgia.ru/columnists/20181004/242331780/vakhtang-kikabidze-tradicii-sololakskogo-dvora.html> (дата обращения: 01.02.2021).
- Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. 606 с.
- Панях Э.Л.* Отмирание государства. Российское общество между постмодерном и архаикой // INLIBERTY, 2018. Доступ: <https://www.inliberty.ru/article/modern-panyakh/> (дата обращения: 18.01.2021).
- Перцев А.* Мы съели повышение пенсионного возраста. А помойку проглотить не смогли // Как Архангельск превратился в центр массовых протестов // Meduza, 2019. Доступ: <https://meduza.io/feature/2019/04/12/my-s-eli-povyshenie-pensionnogo-vozrasta-a-pomoyku-proglotit-ne-smogli> (дата обращения: 18.01.2021).
- Реген Е.* Как устроены онлайн-сообщества соседей в Петербурге и какие проблемы в них решают жители района? Рассказывает социолог // Бумага, 2019. Доступ: <https://paperpaper.ru/photos/kak-ustroeny-onlajn-soobshchestva-sosedey-v-peterburge-i-kakie-problemy-v-nih-reshayut-zhiteli-rajona/> (дата обращения 25.01.2021).
- Мишин С.* Пост-проект самарского двора архитектора Сергея Мишина: город, двор, дом, мальчик // Другой город, 2014. Доступ: <https://drugoigorod.ru/postproject/> (дата обращения 28.01.2021).
- Церетели К.* «Мне Тифлис горбатый снится...». М.: Искусство-XXI век, 2017. 272 с.
- Яноу Д., Ван Хульст М.* Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение, 2011. Т. 10. №1-2. С. 87-113.
- Blumer H.* Symbolic interaction: perspective and method. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1969
- Gans H.* The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans. New York: Free Press, 1962. 367 p.
- Mirmoghadaee, M.* A Proposed Method for the Analysis of Urban Character // Journal of Environmental Studies, 2006. №32. P. 129-140.
- Larkham P.* The Importance of Observation: Urban Morphology in the Field // Oliveira V. Teaching Urban Morphology. Switzerland: Springer, 2018. P. 265-279.
- Nissen S.* Urban transformation from public and private space to spaces of hybrid character // Sociologický časopis. 2008. Vol. 44, № 6. P. 1129–1150. DOI: 10.13060/00380288.2008.44.6.04.
- Oliveira V.* Urban morphology. An introduction to study of the physical form of the cities. Switzerland: Springer, 2016. 192 p.
- Sadeghi G., Li B.* Urban Morphology: Comparative Study of Different Schools of Thought // Current Urban Studies. 2019. № 7. P. 562-572. DOI: 10.4236/cus.2019.74029.

- Schiemann J., Weyers O., Araripe Rand L., Repina E., Malakhov S., Gnilomedov A.* The Samarsky Yard. Yekaterinburg: TATLIN, 2020. 448 p.
- Vihavainen R.* Homeowners' Associations in Russia after the 2005 Housing Reform. Helsinki: Gummerus Printing, 2009. 274 p.
- Whyte W.* Street Corner Society. Chicago: The University of Chicago Press, 1943. 398 p.

## References

- Anchabadze, Yu. D., Volkova, N.G. 1990. *Staryi Tbilisi. Gorod i gorozhane v XIX veke* [Old Tbilisi. The city and its citizens in the XIX century]. Moscow: Nauka.
- Andreev, D. 2019. Vy khotite khram, my khotim skver – budet voina [You want a temple, we want a square – there will be a war]. *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2019/05/14/vy-hotite-hram-my-hotim-skver-budet-voyna>.
- Blumer, H. 1969. *Symbolic interaction: perspective and method*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Ivanov, P. 2014. Kak blagoustroit' dvor, nesmotria na apatiu zhitelei [How to improve the yard, despite the apathy of the residents]. *The Village*. [https://www.the-village.ru/people/experience/142707-troparevo\\_experiment](https://www.the-village.ru/people/experience/142707-troparevo_experiment)
- Gans, H. 1962. *The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans*. New York: Free Press.
- Goffman, E. 2003. [Frame analysis: an essay on the organization of experience]. Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Jacobs, J. 1961 (2011). *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov*. [The Death and Life of Great American Cities]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Kuznetsova, E. 2017. Stolichnye mitingi protiv renovatsii sobrali v vykhodnye 6 tys. Chelovek [The capital's rallies against the renovation gathered 6 thousand people over the weekend]. *RBK*. <https://www.rbc.ru/politics/28/05/2017/592a87da9a794728587c03cd>.
- Lashchenko, S.V. 2020. "Gorodskaya derevnia" ("Urban village") kak forma obitaniia v istoricheskikh tsentrakh bol'shikh gorodov ["City Village" as a form of habitation in the historical centers of large cities]. *Gradostroitel'stvo i arkhitektura*, Vol. 10 (3), 45–51. DOI:10.17673/Vestnik.2020.03.7.
- Malakhov, S.A. 2009. Samarskii dvor – sredovoi i sotsiokul'turnyi fenomen [Samara's Yard -environmental and socio-cultural phenomenon]. *Nasledie pod ugrozoi. Sovmestnyi otchet SAVE i MAPS*, 60–66. Samara: Izdatel'skii dom Agni.
- Medvedev, I.R. 2017. *Razreshenie gorodskikh konfliktov* [Urban conflict resolution]. Moscow: Infotropik Media.
- Mikaridze, E. 2017. Esli by Tbilisi umel govorit' [If only Tbilisi could speak]. *SPUTNIK*. <https://sputnik-georgia.ru/Tbilisi/20170412/235575043/Esli-by-Tbilisi-umel-govorit.html>.
- Mikaridze, E. 2020. Kinematograficheskaya arkhitektura Tbilisi: dom s initsialami, istoriyami i formuloi lyubvi [Cinematic architecture of Tbilisi: a house with initials, stories, and a love formula]. *SPUTNIK*. <https://sputnik-georgia.ru/columnists/20201218/250381654/Kinematograficheskaya-arkhitektura-dom-s-initsialami-istoriyami-i-formuloy-lyubvi.html>.
- Mikaridze, E. 2019. Strannosti starogo Tbilisi – dlia tekhn, kto ne perestal udivlyat'sia [The oddities of old Tbilisi-for those who have not ceased to be surprised]. *SPUTNIK*. <https://sputnik-georgia.ru/columnists/20190425/245050842/Strannosti-starogo-Tbilisi-dlya-tekh-kto-ne-perestal-udivlyatsya.html>.
- Mikaridze, E. 2019. Tbilisskie balkony i verandy – stsny iz gorodskoi zhizni [Tbilisi balconies and verandas-scenes from city life]. *SPUTNIK*. <https://sputnik-georgia.ru/columnists/20190718/245987452/Tbilisskie-balkony-i-verandy-stsny-iz-gorodskoy-zhizni.html>.
- Mikaridze, E. 2016. Tbilisskie dvory – Gruzii v miniatiure [Tbilisi Courtyards – Georgia in miniature]. *SPUTNIK*. <https://sputnik-georgia.ru/columnists/20161004/242331780/vakhtang-kikabidze-tradicii-sololakskogo-dvora.html>.
- Mikaridze, E. 2018. Vakhtang Kikabidze i traditsii sololakskogo dvora [Vakhtang Kikabidze and the traditions of the Sololak court]. *SPUTNIK*. <https://sputnik-georgia.ru/columnists/20181004/242331780/vakhtang-kikabidze-tradicii-sololakskogo-dvora.html>.
- Mirmoghtadaee, M. 2006. A Proposed Method for the Analysis of Urban Character. *Journal of*

- Environmental Studies* 32: 129–140.
- Mishin, S. 2014. Post-proekt samarskogo dvora arkhitekora Sergeia Mishina: gorod, dvor, dom, mal'chik [Post-project of the Samara yard by architect Sergey Mishin: city, yard, house, boy]. *Drugoi gorod*. <https://drugoigorod.ru/postproject/>.
- Larkham, P. 2018. *The Importance of Observation: Urban Morphology in the Field*. Oliveira V. Teaching Urban Morphology, 265–279. Switzerland: Springer.
- Nissen, S. 2008. Urban transformation from public and private space to spaces of hybrid character. *Sociologický časopis* 44 (6): 1129–1150. DOI: 10.13060/00380288.2008.44.6.04.
- Oliveira, V. 2016. *Urban morphology. An introduction to study of the physical form of the cities*. Switzerland: Springer.
- Ol'shevskii, M.Ya. 2003. *Kavkaz s 1841 po 1866 god* [Caucasus from 1841 to 1866.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo zhurnala "Zvezda".
- Paneyakh, E.L. 2018. Otmiranie gosudarstva. Rossiiskoe obshchestvo mezhdru postmodernom i arkhaiкои [The withering away of the State. Russian society between postmodern and archaic]. *INLIBERTY*. <https://www.inliberty.ru/article/modern-paneyakh/>.
- Pertsev, A. 2019. My s'eli povyshenie pensionnogo vozrasta. A pomoiku progлотit' ne smogli' Kak Arkhangel'sk prevratilsia v tsentr massovykh protestov [We ate up the retirement age increase. And they could not swallow the garbage " How Arkhangelsk turned into the center of mass protests]. *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2019/04/12/my-s-eli-povyshenie-pensionnogo-vozrasta-a-pomoyku-progлотit-ne-smogli>.
- Regen, E. 2019. Kak ustroeny onlain-soobshchestva sosedei v Peterburge i kakie problemy v nikh reshaiut zhiteli raiona? Rasskazyvaet sotsiolog [How do online communities of neighbors work in St. Petersburg and what problems do the residents of the district solve in them? Says the sociologist]. *Bumaga*. <https://paperpaper.ru/photos/kak-ustroeny-onlajn-soobshchestva-sosed/>.
- Sadeghi, G., Li, B. 2019. Urban Morphology: Comparative Study of Different Schools of Thought. *Current Urban Studies* 7: 562–572. DOI: 10.4236/cus.2019.74029.
- Schiemann, J., Weyers, O., Araripe Rand, L., Repina, E., Malakhov, S., Gnilomedov, A. 2020. *The Samarsky Yard*. Yekaterinburg: TATLIN.
- Tsereteli, K. 2017. "Mne Tiflis gorbatyi snitsia..." ["I dream of Tiflis the humpback..."]. Moscow: Iskusstvo-XXI vek.
- Vakhshtain, V.S. 2007. Mesta bol'shogo goroda: K izucheniiu sotsial'noi logiki "Okhotnogo Riada" [Places of the Big City: To Study the Social Logic of "Okhotny Ryad"]. *Prognosis*. 4: 4.
- Vihavainen, R. 2009. *Homeowners' Associations in Russia after the 2005 Housing Reform*. Helsinki: Gummerus Printing.
- Whyte, W. 1943. *Street Corner Society*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Yanou, D., Van Khul'st, M. 2011. Freimy politicheskogo: ot freim-analiza k analizu freimirovaniia [Political frames: from frame analysis to framing analysis]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 10 (1–2): 87–113.
- Zakharova, E.Yu. 2013. Lokal'naia solidarnost': muzhskie kvartal'nye birzhi goroda Tbilisi kak chast' sosedskikh soobshchestv [Local Solidarity: Men's neighborhood Exchanges in Tbilisi as part of neighborhood communities]. *Kavkazskii gorod: potentsial etnokul'turnykh sviazei v urbanisticheskoi srede*, 246–289.
- Zhel'nina, A.A., Tykanova, E.V. 2019. Formal'nye i neformal'nye grazhdanskie infrastruktury: sovremennye issledovaniia gorodskogo lokal'nogo aktivizma v Rossii [Formal and informal civil infrastructures: modern studies of urban local activism in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 22 (1): 162–192. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>.
- Zukin, Sh. 2009 (2019). *Obnazhennyi gorod. Smert' i zhizn' autentichnykh gorodskikh prostranstv* [Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places] Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara.

© Ю.О. Андреева

**«НОВЫЙ МИР» НА КРАЮ ДЕРЕВНИ:  
РОДОВЫЕ ПОМЕСТЬЯ И СОСЕДИ**

Community is not just about living together, but about the reasons for doing so.

D.L. Christian

*Поселения родовых поместий (экопоселения) возникли в начале 2000-х годов под влиянием серии книг Владимира Мегре «Звенящие кедры России». Обычно они объединяют жителей, интересующихся идеями здорового образа жизни, органического земледелия и зачастую духовными поисками. На сегодняшний день в России насчитывается около 500 поселений в разных регионах, но в первую очередь в Европейской части и на юге страны. Желание построить «новый мир» – это одновременно и отказ от следования преемственности традиционному селу и попытка реконструировать национальный проект и образ жизни «далеких предков». Строителям родовых поместий необходимо создать всю инфраструктуру, договориться с соседями и администрацией, построить дом и придумать способ заработка вне города. Общение с местными жителями не входит в первоочередные задачи переселенцев, часто бывает посредник, который берет на себя контакты с органами власти и сельскими жителями. Приезжие встречают среди местных жителей непонимание и подозрения в сектантстве. Поселенцы позиционируют себя миссионерами, просвещающими местную публику. При этом, несмотря на колонизаторский пафос, сколько бы лет переселенцы ни прожили в селе, для местных жителей они все равно остаются чужаками и, по сути, не допускаются на общих основаниях к ресурсам села.*

**Ключевые слова:** экопоселения, родовые поместья, город, село, анастасийцы, «Звенящие кедры России»

**Ссылка при цитировании:** Андреева Ю.О. «Новый мир» на краю деревни: родовые поместья и соседи // Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 104–116.

---

**Андреева Юлия Олеговна** – к.и.н., младший научный сотрудник отдела этнографии Кавказа, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 3). Эл. почта: Julia.o.andreeva@gmail.com ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5704-4034>.

\* Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ № 19-09-00381А «Новая сельскость» в современной России: институты, практики, социальное взаимодействие»

## “THE NEW WORLD” AT THE EDGE OF THE VILLAGE: KIN’S DOMAINS AND THEIR NEIGHBORS

*Settlements of kin’s domains (ecovillages) emerged in the early 2000s under the influence of Vladimir Megre’s series of books “The Ringing Cedars of Russia”. Usually, they unite people interested in healthy lifestyles, organic farming, and spiritual quests. Today there are about 500 settlements in different regions, but primarily in the European part and the south of Russia. The desire to build a “new world” is both a rejection of the traditional village and an attempt to reconstruct the national project and way of life of “distant ancestors”. Constructing a kin’s domain requires creating the entire infrastructure, negotiating with the neighbors and the administration, building a house, and figuring out a way to earn money outside the city. Communicating with local residents is not a priority for newcomers; there is often an intermediary who takes care of contacts with authorities and villagers. The newcomers face misunderstanding and suspicion of sectarianism among the locals. Settlers position themselves as missionaries enlightening the local public. At the same time, despite their colonialist pathos, no matter how many years settlers have lived in the village, they remain strangers to the locals and, in fact, are not allowed to access the village’s resources on general grounds.*

**Keywords:** *ecovillages, kin’s domains, urbanism, rurality, Anastasians, “Ringing Cedars of Russia”*

**For Citation:** Andreeva, J.O. 2022. “The New World” at the Edge of the Village: Kin’s Domains and Their Neighbors. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 104–116.

**Author Info:** **Andreeva, Julia O.** – PhD, Junior Researcher, Caucasus Department, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (University Emb., 3, St. Petersburg, 199034, Russia). <https://orcid.org/0000-0002-5704-4034>. E-mail: [Julia.o.andreeva@gmail.com](mailto:Julia.o.andreeva@gmail.com)

**Funding:** The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 19-09-00381A

Сегодня привычная исследователям дихотомия города и села уже не так значима, как ранее. Социальные географы обращают внимание на то, что город и село включаются в единую форму социальной организации – сельско-городского континуума, где совмещаются оба «мира» (Нефедова и др. 2015: 62–63). Любые сообщества так или иначе охватываются понятиями «глобального города» и «новой географии центральности», для которых характерна транснациональная экономика, «гипермобильность, глобальная коммуникация, нейтрализация места и расстояния» (Sassen 2018: 11–12). Современное село включает в себя и дачников, и агрохолдинги, и фермеров, и отходников. Один из вариантов сельского образа жизни, ставший популяр-

ным в последние годы – это «родовое поместье». Так называют участок земли не менее гектара, на котором проживает одна семья. Группа таких поместий образует поселение: оно может быть оформлено как некоммерческое партнерство или существовать исключительно в воображении отдельных жителей, находящихся друг от друга на расстоянии нескольких километров.

Поселения родовых поместий (экопоселения) создаются с начала 2000-х годов в разных регионах России и ближнего зарубежья. Согласно сайту «Поселения.ру», на сегодняшний день насчитывается более 500 поселений родовых поместий и почти 6 тысяч проживающих в них человек. Конечно, многие из этих проектов находятся в зачаточном состоянии, однако цифра говорит о распространенности явления (Статистика количества поселений 2021). Идея необходимости переезда в родовые поместья была описана в серии книг Владимира Мегре «Звенящие кедры России» в начале 2000-х годов, где главная героиня сибирская отшельница Анастасия предлагает альтернативный способ процветания страны и мира (Андреева 2015). Позднее такие поселения стали соотносить с глобальным движением экопоселений (Global Ecovillage Network), к которому присоединяется большое разнообразие «идейных сообществ» (intentional communities) со всего мира.

Статья основана на полевых материалах автора, собранных в поселениях родовых поместий на Северо-Западе России и на встречах поселенцев в Санкт-Петербурге в 2009–2019 гг. Также используются вторичные источники – записи в блогах и соцсетях. Поскольку каждое поселение во многом творческий и экспериментальный продукт, а единых правил его оформления нет ни в законодательстве, ни среди единомышленников, то я не генерализую мои наблюдения на все поселения анастасийцев. В то же время многие похожие ситуации описываются в Интернете и применительно к другим поселениям, где я не была. Мой взгляд представляет в первую очередь позицию поселенцев, я всегда интересовалась мнением местных жителей и беседовала с ними, но большинство «голосов» коренного населения все же слышны через уста приезжих.

Поселения родовых поместий обычно объединяют жителей, интересующихся идеями здорового образа жизни, органического земледелия и зачастую духовными поисками. Проект строится не только на создании чего-то нового, но и на идеологии возвращения к земле, природе, к своим истокам. Поместья представляют собой набор построек часто экспериментальных форм (круглые, овальные, пятиугольные) и из необычных материалов (саман, песок), хаотично разбросанных на больших расстояниях друг от друга. Такие поселения располагаются как рядом с традиционной деревней или частично внутри нее, так и в чистом поле вдали от всех населенных пунктов.

Географы задаются важным методологическим вопросом, что из себя представляет переезд горожан в сельскую глубинку – «уход за пределы города» или «это эволюция города, новая ипостась, реализующая себя в иной географической среде?» (Нефедова и др. 2015: 64). Меня же интересуют то, как такие коллективные проекты переселения взаимодействуют с (казалось бы) традиционной деревней. Как строится коммуникация поселенцев с коренными жителями? Есть ли попытки вписаться в локальное сообщество? Значимы ли для переселенцев само по себе село и локальность с его культурным капиталом? Круг вопросов очень широк и требует обстоятельного изучения, здесь же я попробую не столько ответить на них, сколько поделиться своими наблюдениями столкновения «коренных» и «пришлых».

### Новый мир

Жителям родовых поместий, как правило, важно подчеркнуть отличие их проекта от более привычного для окружающих коттеджного поселка – территориальное (большой участок земли), функциональное (как основное место жительства) и идеологическое («родовое гнездо», новая «осознанность», вегетарианство и т.п.). Строители родовых поместий противопоставляют свой проект и даче, и деревне. Если смотреть или слушать рассказы жителей о поселении, может создаться впечатление как будто и нет никаких соседей-сельчан: они редко упоминаются и почти никогда не встречаются в авторепрезентации поселений. Разумеется, тема села всплывает, в первую очередь, при упоминании местной администрации и оформления земли<sup>1</sup>.

Желание построить «новый мир»<sup>2</sup> – это одновременно и отказ от следования преимущественности традиционному селу и попытка реконструировать национальный проект и образ жизни «далеких предков»<sup>3</sup>. Часто поселения оформляются на земле сельскохозяйственного назначения, поэтому они оторваны от жизни близлежащих населенных пунктов, даже если соседствуют с ними. Строители поместий полны энтузиазма и запала креативности – им необходимо создать всю инфраструктуру практически с нуля (дорога, электричество, водоснабжение, школа), договориться с соседями и администрацией, построить дом и придумать способ заработка вне города. Для этого нужно овладеть многими навыками и знаниями. Поселенцы противопоставляют домодерную (сельскую) универсальность и узкоспециализированные знания горожанина, неспособного выжить в кризисных ситуациях. Работа над собой, которую необходимо проделать при смене места жительства, часто демонстрируется в медийном поле. «Помещики» ведут блоги и рассказывают, как переехать в свое родовое поместье, как решиться на такой нестандартный шаг и как оставаться на избранной дорожке. В таких нарративах «обращения» переезд почти всегда является поворотной точкой биографии (Мельникова 2020).

Общение с местными жителями не входит в первоочередные задачи переселенцев, часто бывает посредник (или рабочая группа), который берет на себя контакты с администрацией и сельскими жителями. Иногда в рамках поселения обсуждается общая стратегия, как позиционировать себя внешнему миру, что лучше говорить и о чем лучше молчать. Но жители поселения могут ей не следовать или такой единой политики может и не быть.

Соседство с селом позволяет пользоваться готовой школой, почтой, магазинами. Риторика переезда строится не столько на том, как вписаться в местное сообщество, а как создать собственную автономную инфраструктуру. Такое позиционирование связано в том числе с тем, что поселения создаются в или поблизости от вымирающих деревень, на землях, не пользующихся спросом и не самых пригодных для сельского хозяйства<sup>4</sup>. Они добровольно заперты в рамках своего комьюнити. Ис-

<sup>1</sup> О юридическом оформлении родовых поселений см. (Позаненко 2016).\*

<sup>2</sup> Так называется одно из поселений, расположенное в Республике Мордовия.

<sup>3</sup> Здесь могут быть варианты, какое именно прошлое предполагается восстанавливать – славянское или ведруское (ведическое). О дискуссиях, посвященных народным традициям, см. (Андреева 2012).

<sup>4</sup> В данном случае имеются в виду поселения Северо-Запада и Центральной России. В черноземных регионах, в первую очередь в Краснодарском крае и Ростовской области ситуация будет совсем иной.

следователь поселений О.М. Аничкова подтверждает, что выходцы из городов не испытывают никакого желания «обрастать с деревенскими жителями соседскими связями, кооперироваться в работе, вступать в другие формы социального взаимодействия. Они скорее вынуждены выстраивать коммуникацию с местным сообществом, нежели идут на это искренне и охотно» (Аничкова 2020).

Помимо обособления себя от сельчан, для большинства поселенцев характерна условность переезда из города в загородное жилье. Новые сельчане во многом лишь физически находятся в деревне, тогда как их окружение, работа, привычки и бытовые практики остаются напрямую связаны с городом. Большинство жителей поселений часто там бывают: кто-то работает дистанционно в городе, у других дети сдают там школьные экзамены, третьи продают излишки сельхозпродукции и т.п. У многих основной источник дохода – сдача в аренду городского жилья. Таким образом, почти всегда это неокончательный переезд из города в село, жизнь нередко протекает между двумя точками. В отличие от коренных сельских жителей, у «помещиков» есть выбор, они могут зимовать в поместье, а если будет скучно или холодно могут вернуться в город.

Поселенцы декларируют, что отличаются от сельчан целеполаганием: они возвращаются на землю, но руководствуются в первую очередь «осознанностью» в тех практиках, которые характерны в том числе и для сельских жителей. Например, ограничивают себя в питании, транспорте, одежде, технике не из-за бедности и невозможности себе это позволить, а исходя из сознательного выбора – нанесения меньшего вреда окружающей среде. В частности, они отказываются от неэкологических или привозных продуктов, покупки ненужных вещей, осуществляют обмен одеждой, передвигаются на велосипеде или совместно используют автомобиль. Однако все эти практики на самом деле только начинают проникать в поселения, и вопросы раздельного сбора мусора и глобального потепления волнуют только ограниченные круги активистов. Жители поместий также часто отмечают деревенский алкоголизм и пассивность, различия в «скорости мысли» и «чистоте помыслов». Вербальная благодарность лесу, воздуху, воде, земле покажется странной человеку, выросшему в деревне, но будет естественной для «помещика».

Как правило, большинство жителей поселений – вегетарианцы, не курят, не используют органические удобрения, стараются минимизировать использование любых химических средств, поддерживают все «натуральное» (продукты, одежду, косметику), не делают прививки. Но все эти черты, в общем, необязательны, они могут быть нигде не прописаны, а восприниматься поселенцами как само собой разумеющиеся. В то же время поселение отнюдь не гомогенно, внутри него почти всегда есть разные подгруппы, у которых есть свои претензии друг к другу, например, постоянно проживающие и дачники, последователи идей Анастасии и менее идеологизированные жители, практики и «хороводники».

Экопоселения – это не коммунитарный проект, но многое в них направлено на создание «единства»: вече с идеей единогласного принятия решений, собрания, совместная работа на общих территориях, помощь соседям в строительстве, сбор денег в кризисных ситуациях (пожары, болезни и т.п.). Через коллективные действия, личный вклад в общее дело предполагается преодолеть эгоизм, который считается характерной чертой именно городского человека (ПМА 2009, муж., ок. 45 лет). Философ Зигмунт Бауман, описывая общество позднего модерна, подчеркивал его противоречивость и «текучесть»: с одной стороны, индивиды гораздо больше избегают

общих мест («не разговаривайте с незнакомцами»), а, с другой стороны, коллективные инициативы вроде коммун воспринимаются вовсе не как регресс и экзотичный феномен, а вполне закономерный процесс, «рациональная реакция на подлинный кризис «общественного пространства» (Бауман 2008: 117).

### Родовые поместья: взгляд из села

Дихотомия город-село крайне жива в дискурсе обеих сторон. Для сельчан город – притягательное место, пространство возможностей и благ, даже если они не хотят туда переезжать. Село же ассоциируется с отсталостью и нецивилизованностью. Жители родовых поместий демонизируют город: город – это «система», место духовного и физического нездоровья, территория зависимости, несвободы и порабощения человеческого ума. Высшее же звено в их иерархии занимает не традиционная деревня, тоже погрязшая в плену городских иллюзий, а дикая природа, утопическая ведическая деревня и вновь создаваемые поселки. В воображении переселенцев жизнь на земле дает безопасность и гарантии обеспечения питанием и другими необходимыми ресурсами. Однако они признают, что села пустеют и жители, находясь в плену городских иллюзий, покидают насиженные места в поисках лучшей жизни и заработка:

*«А в городе просто больше возможностей. Ты в прямом смысле слова, ну, условно, можешь ничего не делать, а деньги зарабатывать. В прямом смысле не делать, потому что, условно, купи-продай это не делать. Это просто [неразб.]. А именно делать, что-то делать, тут... Сезонные работы, я же говорю, дома построить, там дома поставить, ремонты какие-то, помочь чем-то» (ПМА 2019, муж., 42 года).*

Приезжие встречают среди местных жителей в первую очередь непонимание: в них видят оторванных от реальности чудаков, оставивших из странных соображений комфортную городскую жизнь. Местные оценивают по принципу: «мужик сказал – мужик сделал», и воспринимают активную экспериментальную деятельность поселенцев, у большинства из которых слова расходятся с делами, как пустую болтовню (ПМА 2019, муж., ок. 40 лет).

Кроме того, анастасийцев подозревают в корыстных целях, захвате территории и намеренном вытеснении местных. Новых соседей нередко называют сектантами: «Там, в тупике, где дорога заканчивается, сектанты. Мы туда не ходим»; «А вы куда едете? А, понятно, это где сектанты...»; «Вы хотите в поселение поехать? Осторожно! Это же секта!» (Аничкова 2018). Даже несмотря на выбранную стратегию поселенцев их все равно считают приверженцами каких-то непонятных «сект» (Позаненко 2016: 146).

Мои собеседники в поместьях, разумеется, тоже не раз сталкивались с обвинениями их в сектантстве, упоминали об осторожных расспросах местных: «Она говорит: “Скажите, пожалуйста, а вы какой веры все тут?”. Я говорю: “Я не знаю, я не спрашивала». Она такая... все, больше ничего не спросила, такая: «хорошие вы люди!» [смеется]. То есть, в целом нас местные, я бы даже сказала, любят. А что им нас не любить? Люди живые. С детьми» (ПМА 2019, жен., около 40 лет).

Как видно из вышеприведенной цитаты, наряду с настороженностью встречаются и ситуации, когда деревенские жители рады оживлению села. Они отмечают навыки и знания приезжих, многодетные семьи и активность в культурной жизни. Например, пожилая женщина в Ленобласти отзывалась о своих соседях-поселенцах

как о «парнях хороших, рукастых», которые все умеют делать по хозяйству (ПМА 2017, жен., около 70 лет). Представитель администрации Псковской области приехала на круглый стол в Санкт-Петербурге, посвященный экопоселениям, и благодарил приезжих за то, что они спасли вымирающую деревню (ПМА 2009, жен., около 45 лет). Когда поселения организуются бывшими сельчанами, возвращающимися на свою малую родину (как например и было в последнем случае), они обычно встречают более теплый прием и понимание.

Артемий Позаненко отмечает, что *«у экопоселенческого (и в особенности анастасийского) движения есть любопытное свойство, заключающееся в заметном разрастании без сопутствующей этому огласки. В районах, где расположены поселения, местные жители о них знают, но никто и не подозревает, что это не частный случай переезда чудаковатых горожан, а вполне распространенное явление»* (Позаненко 2016: 149). Такое незнание или крайне поверхностное знание об общероссийском проекте поселений, книгах Владимира Мегре и инициативах закона о родовых поместьях заметно и в разговоре с местными жителями.

### **Поселение родовых поместий и село: взаимодействие**

Если поселение существует уже несколько лет, то его жители нередко говорят о том, что они ассимилировались и прижились. Их ощущение и позиционирование не всегда совпадает с восприятием локального сообщества, которое привыкло к ним, но продолжает видеть в них чужаков. Атмосфера недоверия необязательно выливается в открытые конфликты, но неприятные казусы, вроде поджигания травы на общих полях, могут периодически случаться.

Есть и успешные попытки сотрудничества с местными жителями. Экопоселенцы предоставляют им возможность заработка – нанимают сельских мужчин на ремонт, строительство и сельскохозяйственные работы, покупают у них молочные продукты (если кто-то держит животных), овощи и фрукты. Вовлечение местных жителей в отдельные проекты сталкивается с ограничениями, например, деревенские женщины готовы заниматься уборкой и мытьем посуды на массовых мероприятиях, но отказываются работать официантками при организации кейтеринга. Поселенцы жалуются, что на их инициативы в селе нет работников, им приходится привозить свои кадры из города.

Приезжие могут быть трудоустроены в рамках села и даже занимать руководящие посты в местных социальных службах. В таких случаях они волей-неволей регулярно сталкиваются с коренными жителями и пользуются поддержкой сельской верхушки. Присутствие представителя от родовых поместий в органах местной власти хотя и исключительная ситуация<sup>1</sup>, но встречается на практике:

*«Основное, что она сделала, это ключевое. Она расположила администрацию к нам. Все. Это самое основное. <...> Это ключевое. В этих всех вопросах. В любых, ну, вообще, в земельных [неразб.]. Когда администрация относится лояльно к тем, кто здесь живет. Потому что у нас есть примеры того, когда... Есть поселение, оно, мягко говоря, с администрацией вот так, находится в контрах, да, администрация никак им не помогает, ни в каких вопросах, и все»* (ПМА 2019, муж., 42 года).

<sup>1</sup> А.А. Позаненко описывает, что он тоже только однажды сталкивался с тем, что житель родового поместья был представителем власти – депутатом сельского поселения (Позаненко 2016: 147).

Но иногда судебные тяжбы продолжаются более десятка лет, и поселенцы признают свое бессилие найти контакт в локальном сообществе. Конфликты с местными властями часто выливаются в претензии нецелевого использования земли и постановления о сносе домов. Дело в том, что почти все поселения родовых поместий не имеют статуса населенных пунктов, и созданные ими постройки на земле сельскохозяйственного назначения во многих случаях нелегалы.

Помимо вопросов, связанных с оформлением земли и обустройством инфраструктуры, другое место, где поселенцы сталкиваются с «системой», это школа. Почти каждое поселение мечтает создать свою школу с комфортным обучением и использованием альтернативных педагогических методик (Монтессори, Вальдорфа, Щетинина), но полноценно это получается крайне редко, а в успешных случаях действует только начальная школа (Ожиганова 2015: 277–278). Обычная педагогическая система не устраивает идеологическими моментами, дисциплиной, социальным окружением, поэтому некоторые родители переводят детей на домашнее обучение. Тем самым поддерживается оторванность приезжих переселенцев от сельского населения. Бывает и так, что ребенка со временем все равно отдают в ближайшую школу, признавая, что ему не хватает общения со сверстниками и регулярных занятий.

### Поселенцы как миссионеры

Отношение к местным может быть как полностью безразличным, так и нередко покровительственным. Такая позиция протекционизма заметна и на коллективных встречах жителей поселений. Например, представительница крымского поселения говорила о том, что их цель состоит в том, чтобы весь Крым стал одним поселением. Она предлагала не отделять себя от общества, создать образ «не быть другими» и нести его всем окружающим, показать всем, что «оказывается, мы не особенные, анastasиевцы, вокруг все люди тоже с этой идеей, просто они ее не до конца могут оформить в слова, мысли и действия. Им нужно помочь» (Презентация поселений 2021).

В нарративах поселенцев агентность присуща именно им, они отмечают инертность и безынициативность жителей близлежащих деревень. Иногда сельчане подключаются к таким мероприятиям, как строительство дорог, которой они пользуются сами (Демидова 2020), или борьба с вырубками, но чаще всего все проекты ведут приезжие.

Анастасийцы даже могут позиционировать себя демиургами – они принесли свет, знания и даже открыли местным жителям плюсы жизни на селе. Они выступают своеобразными миссионерами, просвещающие местную публику и иногда чувствуя за нее свою ответственность:

*«Ну да, вообще отношения у нас нормальные. Может быть, в начале было какое-то ну недоверие, в плане ну вот что все же... все же едут в город, а вы из города. Но это достаточно быстро ушло, посмотрев на нас, на наш образ жизни. И даже я бы сказала, что они сами как будто бы немножко воспряли, потому что ну такое было ощущение, что у них вот самоуважение низковатое было такое вот и самоосознание. А когда мы ходим и нахваливаем, так сказать, здесь деревенскую жизнь, и у них получается, что: «Да, мы недурно тут живем!» <...> И вот в той деревне я дружу уже почти с самого начала, как-то там познакомились, и дружу с одной семьей. И, естественно, там муж тракторист, все это выпивающий, не... не пья... не совсем вот не алкаш, но так. И вот они*

*тоже как-то так жили: ну деревня, ну вот все вот да... поели и день прошел, ну он на охоту ходил, вот мы грибочков набрали. Вот за эти годы, что мы общаемся, у них даже на дом по-другому... ну дом по-другому стал выглядеть. У них как будто жизнь какая-то вот в глазах зажглась. <...> Думаю, интересно, а я вот с ними... я-то не опускаюсь на этот уровень? Нет, ни фига, это они к нам подн... Ну, не к нам, мне тоже не хочется говорить, что мы такие... Но у них действительно... Они все умные и хорошие люди и чаще всего гораздо чище, чем городские. Но вот их действительно, вот это вот, какое-то отсутствие самоуважения, которое у них сейчас возвращается» (ПМА 2019, жен., 51 год).*

В данном случае моя собеседница, хоть и делает множество ремарок и отступлений, но вольно или невольно пытается донести мысль, что с их приходом жизнь окружения сильно изменилась, что именно горожане модернизировали и принесли жизнь в эту умирающую и поникшую деревню. Метафора неокOLONиализма, где пришлые горожане выступают в роли колонизаторов, показывающих коренным, как правильно жить и определяющих за них их интересы и потребности, позволяет охарактеризовать их публичную репрезентацию. Сельчане, в свою очередь, разделяют предлагаемые иерархии и воспринимают жизнь в городе если не как образцовую, то часто как более «высокую», дающую больше возможностей. Со стороны приезжих нет ни эксплуатации, ни политического доминирования, однако остается культурная дистанция. К.В. Аверкиева и Т.Г. Нефедова описывали пример дачной «колонизации», когда столичное население фактически захватило большую часть деревенских домов и внесло значительные изменения в жизнь увядающей глубинки (2016). Приезжие дают местным возможность заработать, привносят новые стандарты благоустройства, но и требуют инфраструктурных вложений от сельской администрации (Аверкиева, Нефедова 2016: 121–122).

У местных жителей, как и у субалтернов, намного меньше возможностей быть видимыми в поле Интернета и подать там свой голос. Они оказываются представлены «большому миру», даже если их участие полностью игнорируется, глазами бывших горожан – через блоги и социальные сети. Конечно, они могут быть не в курсе такой публичности родного края, и она никак не задевает их в ежедневной рутине, но в любом случае их позиция в этом поле остается безгласной.

В классическом колониализме между метрополией и колонией существовали отчетливые расовые, этнические и лингвистические отличия. Модель «внутренней колонизации», где «низшие классы» нередко воспринимались как «свои чужие» (domestic others), а элиты брали на себя «цивилизаторскую» миссию, применяется в исследованиях по отношению к России (Манчестер 2012: 311). Деревенская община была объектом экзотики для русских романтиков-интеллектуалов, собиравших фольклор, они «воспринимали внегородское пространство не только как «забытое свое», но и как «чужое» (Эткинд и др. 2012: 15).

При этом, несмотря на колонизаторский пафос, сколько бы лет переселенцы ни прожили в селе, для местных жителей они все равно остаются чужаками и, по сути, не допускаются на общих основаниях к ресурсам села. «Сами жители деревень не воспринимают приехавших, с которыми бок о бок прожили двадцать-тридцать лет, как своих. Для них они все еще чужие. И для их детей – людей уже среднего возраста – тоже, ведь им с детства об этом повторяли изо дня в день» (Аничкова 2018). Сельчане, да и сельская администрация как раз не слышат голоса приезжих, им не-

понятны их потребности и их язык, насыщенный ньюэйджерской лексикой и излишним пафосом, и это в том числе приводит к затяжным судебным процессам. Обладая значительными ресурсами «в центре», они исключены из многих локальных процессов и находятся на периферии, во многом завися от решения местной администрации. Получается, что в действительности положение пришлых «захватчиков» крайне зыбкое и изредка, но заканчивается выселением. В Интернете периодически доносятся истории о сносе построек<sup>1</sup> или отказе в регистрации земельного участка, но из-за нелегальности «родовых поместий» их присутствие и их нужды зачастую оказываются невидимыми. Метафора «неолоколониализма» или колонизации оказывается в данном случае проблематичной, хотя и позволяет показать процессы власти и дискурсивного доминирования.

### Взаимоотношения с местной властью

В отличие от инвайроменталистских движений, экопоселения, как правило, не выступают против государства и бизнеса. Скорее они создают параллельные структуры самоуправления в условиях сложившегося социального порядка. Это движение «олицетворяет практическую политику “сделай сам”, политику “да”» (Liftin 2012: 131). Конечно, российские поселения значительно отличаются от европейских, их жители куда более консервативны и с опасением относятся к гендерным вопросам, процессам глобализации и демократии. Они мало интересуются проблемами прав человека и мирового неравенства, точнее, не готовы говорить о них в таких терминах. Но они также настроены на то, чтобы все делать самим, не ожидая никакой помощи от государства и местной власти в частности:

*«У нас как-то был глава администрации. Дома прям. Так получилось, зашел, и он говорит: «Ребята, я вообще, я восхищаюсь такими людьми, которые вот так вот город бросают, чтобы жить на природе, и которые живут не вот так, – он сказал, – а вот так» [показывает руками]. То есть, ну, мы все сами делаем. Дороги сами делаем, мы ничего не запрашиваем. Ну, то есть... как-то N взаимодействовал с администрацией волости, они сами помогли, чем могли, остальное мы. Своими возможностями. Это так... вполне сильно» (ПМА 2019, жен., около 40 лет).*

Их позиция заключается в том, что необходимо научиться общаться даже с недружелюбным окружением – на уровне соседей, местной власти и государства в целом, – подстраиваться под них, уважать их локальный опыт и знания:

*«Вот, ну, и наши...И я всем, кто приезжает, всегда с самого начала говорила: «Вы, – говорю, – только самое главное поймите, что вот нам здесь, ну, как-то надо ладить все равно. Может, они в чем-то вначале и не правы. Уступите. Они здесь местные, они здесь старожилы». У нас же в городе ходят же, что Питер, что Москва: «Понаехали!» А сейчас в данный момент мы для них «понаехали». И нам здесь надо аккуратненько [смеется]» (ПМА 2019, жен., 51 год).*

В любом случае идти напролом, «бороться с машиной» бессмысленно, лучше с ней дружить:

<sup>1</sup> Например, история о сносе дома на Урале (Кто разрушает Россию?).

*«Вот мне никто не мешает... <...> Ни правительство, ни партия, ни, собственно говоря, администрация. Ну, если кто-то что-то даже вот и противится, например, ну это просто, значит, ну, недостаточно поговорили, недостаточно объяснили. И всегда есть какие-то рычаги. Ну то есть все равно слышат, видят. Вот... вот правда, если даже вот говорить о... о нашем вот этом движении, очень много вообще всяких вот и слухов, и разговоров было» (ПМА 2019, жен., 51 год).*

Анастасийцы держатся в стороне от государства и государственной власти, при этом ратуют за принятие закона о родовых поместьях, согласно которому каждый может бесплатно получить участок земли не менее одного гектара. Поселенцы ожидают государственной поддержки в первую очередь для легализации «родовых поместий», именно для этого и была создана «Родная партия». Но если за принятие закона выступают все анастасийцы, то вступать в «Родную партию» уже многие отказываются, опять же из-за недоверия государственной машине (Позаненко 2016: 148) и отсутствия заинтересованности в политических процессах. Поэтому неудивительно, что созданная в 2014 г. партия в 2020 г. была ликвидирована. Если на первоначальном этапе кто-то готов был заниматься сбором подписей и хождением по инстанциям, то позднее энтузиазм быстро угас, возникли конфликты среди поселенцев и партийных лидеров (Самохин 2021). Несмотря на политическую лояльность и стремление уходить от конфликтных ситуаций, многие жители родовых поместий не желают подчиняться требованиям государственной системы, которые касаются практик родовспоможения, вакцинации, образования, захоронения и т.п.

### Заключение

В процессе взаимодействия с сельским населением становятся заметны разные идеологические основы «коренных» и «пришлых». Старые и новые жители села, как правило, четко выделяют друг друга и противопоставляют «своих» «чужим». Сельчанам не видны и непонятны разнообразные мотивы переезда, для них все переживавшие – единое сообщество. Несмотря на постоянные контакты, смешения между двумя этими категориями обычно не происходит, они существуют в параллельных реальностях и не стремятся к сближению. Конечно, жители родовых поместий преподносят локальную историю, краеведение и местные достопримечательности как плюсы выбранной ими земли и даже могут задействовать их, предлагая этно- или эко-туризм, но не такой капитал является основой их переселенческой идеологии. Они частично встраиваются в имеющиеся инфраструктуры, но при этом связи внутри поселения и с аналогичными проектами вовне плотнее, чем с соседями в селе.

### Источники и материалы

Кто разрушает Россию? – Кто разрушает Россию? Сайт «Владимир Мегре». 16.02.2018 <https://vmegre.com/events/38759/>

ПМА – полевые материалы автора, 2009–2019 гг.

Презентация поселений 2021 – XII Круг поселений Родовых поместий. 20.02.2021 [3] Презентация поселений <https://www.youtube.com/watch?v=r9Q04jF9fTU&t=1554s>

Самохин 2021 – XII Круг поселений Родовых поместий. 21.02.2021 [5] Муз. зарядка, А. Самохин «Родная партия» <https://www.youtube.com/watch?v=GuKZ39SINH1>

Статистика количества поселений – Статистика количества поселений. Сайт «Поселения.

ру». <http://poselenia.ru/statistic/poselenia-count>

### Научная литература

- Аверкиева К.В., Нефедова Т.Г. Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // *Мир России*. 2016. №1. С. 103–128.
- Андреева Ю.О. Представления о народных традициях в движении «Звенящие кедры России» // *Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам: Сб. науч. ст. Отв. ред. Т.Б. Щепанская*. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 231–246.
- Андреева Ю.О. «Творить рай на земле»: культ земли и природы в новом религиозном движении «Анастасия» // *Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте / науч. ред. Ж. В. Кормина, А. А. Панченко, С. А. Штырков*. СПб.: ЕУСПб, 2015. С. 163–185.
- Аничкова О.М. Потомственные и «новые» крестьяне Псковской области // *Новые российские гуманитарные исследования*. 2018. Т. 13. <http://www.nrgumis.ru/articles/archive/2018-13/novye-krestyane-rossii-sotsioantropologicheskoe-i-etnokulturnoe-issledovanie-zhiznennykh-strategy-s>
- Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008.
- Демидова Ю.А. Коллективизм и индивидуализм в сообществах родовых поместий на примере двух экологических поселений Центральной России. // *Исторический журнал: научные исследования*. 2020. № 5. С. 26–41. DOI: 10.7256/2454-0609.2020.5.34131. URL: [https://nbpublish.com/library\\_read\\_article.php?id=34131](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34131)
- Манчестер Л. Сельские матушки и поповны как «агенты просвещения» в российской деревне: позднеймперский период // Там, внутри. *Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина*. М.: НЛЮ, 2012. С. 311–348.
- Мельникова Е.А. Биографии переезда из города в деревню и риторика самотрансформации в современной России // *Этнографическое обозрение*. 2020. №6. С. 88–105.
- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // *Социологические исследования*. 2015. №12. С. 60–69.
- Ожиганова А. Дети New Age: утопический проект движения «Анастасия» («Звенящие кедры России») // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2015. №2 (33). С. 262–286.
- Позаненко А.А. Самоизолирующиеся сообщества. Социальная структура поселений родовых поместий // *Мир России: Социология, этнология*. 2016. Т. 25. № 1. С. 129–153.
- Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. *Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина*. М.: НЛЮ, 2012. С. 6–50.
- Lifton K. A Whole New Way of Life: Ecovillages and the Revitalization of Deep Community // *The Localization Reader: Adapting to the Coming Downshift*. Edited by Raymond de Young, Thomas Princen. Cambridge, London: The MIT Press, 2012. P. 129–140.
- Sassen S. The Global City: Strategic Site, New Frontier // Ferro L., Smagacz-Poziemska M., Gómez M., Kurtenbach S., Pereira P., Villalón J. (eds). *Moving Cities – Contested Views on Urban Life*. Wiesbaden: Springer VS, 2018. P. 11–28.

### References

- Andreeva, J.O. 2012. Predstavleniia o narodnykh traditsiiax v dvizhenii “Zveniaschie kedry Rossii” [Images of folk traditions in Ringing Cedars of Russia movement]. In *Aspekty budushchego po etnograficheskim i fol'klornym materialam* [Aspects of future on ethnographic and folklore materials], ed. by T.B. Shchepanskaia, 231–246. St. Petersburg: MAE RAN.
- Andreeva, J.O. 2015. “Tvorit’ rai na zemle”: kul’t zemli i prirody v novom religioznom dvizhenii “Anastasiia” [“Create paradise on the land”: cult of earth and nature in new religious movement Anastasia]. In *Izobretenie religii: dsekuliarizatsiia v postsovetskom kontekste* [Invention of re-

- ligion: desecularization in post-Soviet context], ed. by J.V. Kormina, A.A. Panchenko, and S.A. Shtyrkov, 163–185. St. Petersburg: European University Saint Petersburg.
- Anichkova, O.M. 2018. Potomstvennye i “novye” krest’iane Pskovskoi oblasti [Hereditary and “new” peasants of the Pskov region]. *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia* 13. <http://www.nrgumis.ru/articles/2028/>
- Averkiova, K.V., and T.G. Nefedova. 2016. Dachnaia “kolonizatsiia” rossiiskoi glubinki. Primer Kostromskoi oblasti [Dacha “colonization” of the Russian hinterland. An example of the Kostroma region]. *Mir Rossii* 1: 103–128.
- Bauman, Z. 2008. *Tekuchaia sovremennost’* [Liquid modernity]. St. Petersburg: Piter.
- Demidova, Yu.A. 2020. Kollektivizm i individualizm v soobshchestvakh rodovykh pomestii na primere dvukh ekologicheskikh poselenii Tsentral’noi Rossii [Collectivism and individualism in the communities of kin’s domains on the example of two ecological settlements in Central Russia]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia* 5: 26–41. DOI: 10.7256/2454-0609.2020.5.34131.
- Etkind, A., D. Uffel’mann, and I. Kukulin. 2012. Vnutrenniaia kolonizatsiia Rossii: mezhdu praktikoi i voobrazheniem [Internal colonization of Russia: between practice and imagination]. In *Tam, vnutri. Praktiki vnutrennei kolonizatsii v kul’turnoi istorii Rossii: Sbornik statei* [There, inside. Internal Colonization Practices in the Cultural History of Russia: Collection of Articles], ed. by A. Etkind, D. Uffel’mann, and I. Kukulin, 6–50. Moscow: NLO.
- Liften, K. 2012. A Whole New Way of Life: Ecovillages and the Revitalization of Deep Community. In *The Localization Reader: Adapting to the Coming Downshift*, ed. by R. de Young, T. Princen, 129–140. Cambridge, London: The MIT Press.
- Manchester, L. 2012. Sel’skie matushki i popovny kak “agenty prosveshcheniia” v rossiiskoi derevne: pozdneimperskii period [Rural priest’s wives and daughters as “agents of enlightenment” in the Russian countryside: the late imperial period]. In *Tam, vnutri. Praktiki vnutrennei kolonizatsii v kul’turnoi istorii Rossii: Sbornik statei* [There, inside. Internal Colonization Practices in the Cultural History of Russia: Collection of Articles], ed. by A. Etkind, D. Uffel’mann, and I. Kukulin, 311–348. Moscow: NLO.
- Mel’nikova, E.A. 2020. Biografii perezda iz goroda v derevniu i ritorika samotransformatsii v sovremennoi Rossii [Biographies of moving from city to village and the rhetoric of self-transformation in modern Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 88–105.
- Nefedova, T.G., N.E. Pokrovskii, and A.I. Treivish. 2015. Urbanizatsiia, dezurbanizatsiia i sel’sko-gorodskie soobshchestva v usloviakh rosta gorizontnoi mobil’nosti [Urbanization, de-urbanization and rural-urban communities in the face of increasing horizontal mobility]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 12: 60–69.
- Ozhiganova, A. 2015. Deti New Age: utopicheskii proekt dvizheniia “Anastasiiia” (“Zveniaschie kedry Rossii”) [Children of New Age: the utopian project of the “Anastasia” movement (“The Ringing Cedars of Russia”)]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov’ v Rossii i za rubezhom* 2 (33): 262–286.
- Pozanenko, A.A. 2016. Samoizoliruiushchiesia soobshchestva. Sotsial’naia struktura poselenii rodovykh pomestii [Self-isolated communities. The Social structure of kin’s domain settlements]. *Mir Rossii: Sotsiologiia, etnologiia* 1 (25): 129–153.
- Sassen, S. 2018. *The Global City: Strategic Site, New Frontier. In Moving Cities – Contested Views on Urban Life*. Ed. by L. Ferro, M. Smagacz-Poziemska, M. Gómez, S. Kurtenbach, P. Pereira, J. Villalón, 11–28. Wiesbaden: Springer VS.

## ПОЛЕВАЯ ЭТНОГРАФИЯ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/117-133

© *Svetlana Ryzhakova, Sumahan Bandyopadhyay*

**NACHNIS AND RASIKS: AN ETHNOGRAPHIC STUDY OF  
AN ARTISTIC COMMUNITY OF PURULIA DISTRICT,  
WEST BENGAL, INDIA**

*This paper is based on the study of nachnis, a dancing community in Purulia district of West Bengal, India. The community is still performing albeit in a different form than that has so far been projected in the popular perception and is very different from its past composition and practices. Preserving to some extent the traditional features of jajmani system, danseuses are mostly involved in the local entertainment sphere. In spite of the profound changes in the attitude to dance and music in India in general, nachnis' social status is still very low. A nachni is always involved in a dynamic relationship with her rasik – a man who fulfills functions of her teacher, manager, patron, lover, and often her children's father. There is a tendency towards forming stable family-like connections between a nachni and a rasik today. Although there is certain activity to unite all nachnis and promote their rights, this initiative is still unsuccessful due to strong professional rivalry and a lack of community feeling. The content of nachnis' dance repertoire demonstrates a blend of various styles, traditions, arranged in local ways and fitted for the popular taste of the audience.*

**Keywords:** *Nachni (danseuses), rasik, artistic communities, performance, Purulia, India*

**For Citation:** Ryzhakova S., Bandyopadhyay S. 2022. *Nachnis and Rasiks: An Ethnographic Study of an Artistic Community of Purulia District, West Bengal, India. Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 1: 117–133.

**Funding:** Svetlana Ryzhakova's fieldwork was done according to her research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology, RAS. Her work was carried out within the framework of the project of the Russian Science Foundation No. 22-28-00505: "Peculiar worlds of India: particular communities and social groups. Ethnocultural strategies for preserving and annihilation of differences".

---

**Ryzhakova, Svetlana I.** – Dr., Ethnographer, Anthropologist, leading research fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science (Moscow, RF), member of Indian Anthropological Society, member of European Association of Social Anthropologists. E-mail: SRyzhakova@gmail.com. ORCID: 0000-0002-8707-3231

**Bandyopadhyay, Sumahan** – Dr., Assistant Professor at the Department of Anthropology, Vidyasagar University (India). His research interests include Social and Cultural Anthropology. He obtained his M.Sc. with specialization in Social–Cultural Anthropology from University of Calcutta. Editor-in-Chief, "Man in India" (Scopus Indexed), managing editor, "The Indian Journal of Anthropology", associate managing editor, "Journal of the Indian Anthropological Society". E-mail: sumahan.b@gmail.com

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/117-133

© С.И. Рыжакова, С. Бандйонадхьяй

## НАЧНИ И РАСИК: ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СООБЩЕСТВА ОКРУГА ПУРУЛИЯ, ЗАПАДНАЯ БЕНГАЛИЯ, ИНДИЯ\*

*Статья посвящена этнографическому исследованию начни – небольшому артистическому сообществу района Пурулия штата Западная Бенгалия, Индия. Это женщины, выступающие в сопровождении музыкантов-аккомпаниаторов на публике: на сельских праздниках, по индивидуальным и коллективным приглашениям. Они были ранее включены в систему традиционного кастового обмена услугами, джаджмани, исполняли песни и танцы направления джумур, а в настоящее время в основном вовлечены в местную развлекательную сферу. Их социальный статус очень низок. Начни всегда находится в постоянных и динамических отношениях со своим расиком – человеком, выполняющим целый ряд функций: учителя, менеджера, покровителя, любовника, нередко и отца ее детей. Сегодня наблюдается тенденция к формированию устойчивых семейных связей между начни и расиком. Хотя с 2005 г. начала проводиться некоторая деятельность по объединению всех начни и продвижению их прав, эта инициатива не получила успеха из-за сильного профессионального соперничества и отсутствия между танцовщицами чувства общности. Содержание танцевального репертуара начни демонстрирует эклектичное смешение различных стилей, отвечающих популярным вкусам публики, но в редких случаях отдельные талантливые артистки добиваются определенного признания и образованной аудитории.*

**Ключевые слова:** *начни (танцоры), расик, художественные сообщества, представления, Пурулия, Индия*

**Для цитирования:** *Рыжакова С.И., Бандйонадхьяй С. Начни и Расик: этнографическое исследование художественного сообщества округа Пурулия, Западная Бенгалия, Индия // Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 117–133.*

Dance today is undoubtedly a cultural brand of India to represent “Indianness”. At both arrival and departure halls of Indira Gandhi International airport in Delhi, the very first and last things one can see are symbols of dance and music: huge bas-reliefs of hand positions (*hasta-mudras*), dancer’s figures, musical instruments. No Indian official events – from

---

**Рыжакова Светлана Ивановна** – д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, РФ), член Индийского антропологического общества, член Европейской ассоциации социальных антропологов. Эл. почта: SRYzhakova@gmail.com. ORCID: 0000-0002-8707-3231.

**Бандйонадхьяй, Сумахан** – доцент Факультета антропологии, Видьясагарский университет (Индия). Эл. почта: sumahan.b@gmail.com

\* Полевая работа Светланы Рыжаковой проводилась по плану ее исследований в Институте этнологии и антропологии РАН. Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 22-28-00505: «Особые миры Индии: отдельные сообщества и социальные группы. Этнокультурные стратегии сохранения и уничтожения различий»

tiny local meetings to regional and national conferences could happen without dance and music programs at the end. Dancers and musicians win National awards.

Yet until quite recently, dance and dancers especially of traditional dancing communities were grossly marginal. In the middle of the 20th century, the social status of almost all of them was very low. A peculiar feature of Indian social set-up – prolonged coexistence of many types of communities and the caste system created conditions for reserving skills, crafts, and jobs including music, theatre, and dance to particular groups. Like any other job, dance used to be a socially inherited one, installed in the frame of exchange system (*jajmani*) between patrons and clients. Musicians and dancers – along with *dhobi* etc. sometimes – were not welcomed in some houses. At the same time, dancing – as well as shaving, for instance, and many more manipulations with the physical body – was and still is an important element for a number of Hindu rituals and festivities.

In a short period between the 1920s and 1950s dance went through a profound transformation: from predominantly low and dependent character, it got the status of high art, comparable to *yoga* and spiritual practice, *sadhana*. Dance became a part of secular society, a certain form of secularized Hinduism. Due to crucial changes in patronage and the emergence of the government institutions as main patrons, traditional artistic families were replaced by other forms of the social organization of art. As a result of important changes in the educational paradigm, the traditional system of *guru-shishya parampara* was replaced by college education; still an extremely disputable and problematic issue in cases of performing arts.

Since 1950s, when the dichotomy of “classical” and “folk” dance emerged, Indian cultural politics has played a crucial role in the definition and classification of the dance heritage in almost all of the newly established states of the Indian Republic (*Vatsyayan* 1972). This policy aimed to promote social acknowledgment of performing arts as a noble, respected activity and at the same time to reform the content of certain dance styles to make them more suitable for a vast, even pan-Indian contemporary audience. It is well-known now that the initiatives of reformers and pioneers, such as Rukmini Devi Arundale (1904–1986), looked quite controversial for some parts of society, particularly for the dancing communities, who apparently did not welcome all the changes in the performing arts. In a popularization and wide-scope teaching they suspected a certain competition; several books are written on those serious social and symbolic changes (*Allen* 1997; *Meduri* 1996; *Gaston* 1996; *O’Shea* 2005; *Soneji* 2012: 222–225).

The ideas of the ‘national’ and ‘classicism’ in dance and the idea of the modern, or ‘contemporarity’, all emerged and developed simultaneously in India. While certain segments of dance practice in each tradition were codified and even frozen, creating peculiar “museums of dance” or cultural heritage, other parts of dance practice continue to develop and are still under perpetual transformation. That creates phenomena of so to say “heritagisation” and “exotisation”, wiping out the cultural and social contexts of art and alienating it (*Vatsyan* 1995; *Shah* 2002).

During the late 19th century and the early 20th century, there was a revival of the traditional Indian dance forms attuned to the nationalist movement linked with identity. From the 1930s, there was a shift from temple patronized performance to the societal patronage led by the elites. State-sponsored dance festivals emerged in the early 1950s, but mostly after 1955 (*Shah* 2002). The study of dance in anthropology has also undergone significant development. The initial interest in the dance of the ethnic groups can be dated back to Franz Boas’

study in the 1940s. The descriptive studies on the dance practices were later transformed through more focused anthropological engagement, which considered dance a cultural system reflecting the whole way of life (Kurath 1977; Kaeppler 2000). Kurath (1977) has advanced a universalistic principle behind dance forms which, according to him, was a kind of transformation and transfiguration



Fig. 1. Srimati Bimola Kumar. Purulia district, West Bengal, India (photo by Svetlana Ryzhakova, 2016).

of the human body according to the animal and moving universe around it. Samson (2014: 14) writes that: “The polarity of ‘classical’, ‘folk’ and ‘tribal’ derived from colonial discourse has resulted in the crystallization of the component of performing expression, purportedly of rural origin, and with its own political rationale, promotional mechanisms, marketing strategies, and managers, projecting a view of India consistent with the state’s assertion of ‘unity in diversity.’” Another line of argument was based on considering the dance in the backdrop of folk category. Buckland (1983) referring to Kennedy writes that “folk dance covers a variety of dance forms which survive as or are based on local or national tradition” (1983: 318). Kennedy linked it to pre-Christian religious and quasi-religious rites, maintained as country customs and more of a seasonal nature. Buckland presents a ‘popular-classical-folk’ triangle adopted from Green. In this model, he writes about the folk dance as having the following features: no written body of criticism and performance legislates, no formal institutions of learning and teaching, composer and performer is the same individual, no “divorce” between performer and audience, no formal institution of performance, patronage of wealthy elite is not vital to its performance. On the other hand, popular dance forms are associated with popular music and tend to innovate.

Concerning the foregoing discussion, it can be said that assigning the nachni performance to any of these categories is problematic. The dance has a root in folk, though it took elements of classical styles and tried to emulate, and later moved towards popular form. Thus, it represented folk, classical and popular styles. The subsequent discussion based on the findings from the field also indicated this constructivist argument with regard to *nachnis*. Kaeppler says: “Dance is a multi-faceted phenomenon that includes, in addition to what we see and hear, the “invisible” underlying system, the processes that produce both the system and the product, and the socio-political context” (2000: 117). It is true even in the case of the *nachnis*. In this sense, the present study has followed more of the cultural studies genre of anthropological orientation that began in the mid-1990s (Morris 2009). This trend, rather than focusing on the universal approach to dance, is more relativistic in nature. It tries to ferret the multiple meanings that dance conveys (Samuel and David 2016).

Today the situation in various communities, social strata, ethnic groups etc. all over India, whose traditional job is connected with dance, music and theater, varies a lot. While some communities demonstrate some success and social mobility (some musical groups

from *Manganyar* and *Langa* communities of Rajasthan, for instance, are engaged in national and international festivals), others decline or even vanish.

It is argued here that despite the “order” created in Indian dance space in the middle of the 20th century within cultural nationalism, the actual inner life of dancing reality has never completely fitted into this order. That creates many conflicts in the evaluation and interpretation of actual dance practices. Exploring this “inner-life” of dancing India would allow us to understand how dance is looked upon by the more common masses living in the obscure villages and towns in India and comprehending dance beyond the classical forms in India.

The case of West Bengal is a special one, as there is no consensus yet on what can be described as a “classical dance form” representing Bengal, its regional culture, and identity. Some of the dancers, critics, writers, philosophers, and social thinkers back up the Kathak dance (thus linking Bengali culture with that of other regions of North and partly Central India). Another group of enthusiasts has created a brand-new *Gaudiya Nritya* style, an interesting experiment of combining historical and art research with dancing practice (Gaudiya Dance 2005).

One of the core issues that we should consider while discussing the social aspects of Indian dance is the dancer’s identity from several points of view: social, gender, religion, and his/her motivation for the dance. In the case of women dancers, we face a situation that can be roughly described as “women on their own” (*Khandelwal, Hausner, Gold* 2006). Various aspects of this situation are represented in many texts, from ancient Indian literature and *dharma-shastras* to historical narratives. There are many lifestyles, professions, and social positions for single women in Indian society; however, they can be roughly grouped into three major types: religious, artistic, and sex-worker; one can also observe an overlapping of the roles. A single woman can be a *sadhvi* (ascetic woman) in some Hindu or Jain sub-sects, a Buddhist nun, a prostitute of various statuses, or be in a profession as one of a danseuse, providing for herself with her dance performances.

There are many types of traditional danseuses in India (*Nevile* 1996). A general typology defines them by the functions of the art itself: there are temple dances as a part of *seva*, *puja*, *yatra* and other rituals, festival dances as a part of various *Utsavs*, calendar or family and domestic festivities, court dances for the entertainment of the higher classes (on various local and regional levels of power), *mela* and popular dances for a wide-range audience, performed on market occasions or ordered for private parties such like *patuani*, *pan-walli*, *khemta-walli* or *khemti* and so on. Some common general names are widespread in many parts of India, like *bai-jee*, *nautch*, *nachnis* etc. Their functions extend from religious, ritualistic to purely entertaining, which sometimes overlap. These dancers can be booked, just as musicians, singers, acrobats, storytellers, barbers, priests (*pujaris*), etc., which means they can appear as *praja* in the context of the traditional *jajmani* system. Norms and social practices related to both female dancer and her partner (whether he is a brother, a son, a lover, a bodyguard, or a manager) slightly vary in different regions and social strata of Indian society, but one can denote certain common patterns, for instance, a marginal and rather negative social perception of a single woman’s dance performed in public, on an open-air stage in particular.

### Nachnis' Dance

The dance tradition of *nachnis* that still survives in the most western part of West Bengal and some parts of Jharkhand (Singbhum, Ranchi, Seraikela-Kharsawan, earlier – also in Bokaro; according to Sunil Mahato in 2015, there are about 60 *nachnis* in Jharkhand) and Odisha (Mayurbhanj district) claims to be one of the core elements of all-Bengal dance heritage.

Dr. Urmimala Sarkar-Munshi, among the first academicians who wrote about *nachnis*, observes: “The tradition goes back to the days of local kings and big land-owners who used to patronize those artists. But now, with the disappearance of the traditional patronage of rich landlords and kings, the Nachni women perform at different fairs and rural festivals organized by the government and the local communities for a particular fee. There is no fixed dance movement in this form; the Nachni expresses the narratives of the songs in keeping with the requirements of the audience – that is, she performs sensuous, sometimes even lewd movements, which are appreciated by a crowd which is basically attracted by the female dances performing in public” (Sarkar-Munshi 2010: 35–36).

But what actually forms a social profile of a *nachni* and her patron/lover/bodyguard/manager etc. called *rasik*, their attitudes and communications? How is the ethnic aspect (many of the *nachnis* are of Bhumij using surname Singh Sardar, Bhumij, or Sardar) involved? What kind of dance do we observe in a *nachnis* performance?

Since January-February 2012 both authors independently conducted ethnographic fieldwork in the Purulia district of West Bengal, meeting from time to time in Kolkata and venues of the annual conference of the Indian Anthropological Society, discussing the subject, eager to find the answers to these questions. Svetlana Ryzhakova, who is also formally trained in Kathak dance apart from being an anthropologist, traveled to Purulia district four times from 2012 till 2018, doing an extensive observation in the remote villages, and enjoyed company of the wonderful people, very well informed in jhumur and nachnis matters, such as Pavitra Banerjee from Asansole and Sunil Kumar Mahato (who holds “Purulia Janabikash Manch, a registered organization for rural Development”) from Purulia; they helped a lot in moving around and meeting the informants. Sumahan Bandyopadhyay was working almost coeval to Ryzhakova and had visited Purulia in West Bengal and Seraikela in Jharkhand more than ten times up to 2019. His area of investigation was mainly confined to the south-western part of Purulia district in the administrative blocks like Jhalda, Baghmundi, Balarampur, Barabazar. The investigations were conducted in the villages like Hesahatu, Dubcharka, Namo Pirra, and Mathari where the *nachnis* and their *rasiks* were interviewed. The concerned people and social workers, namely Sunil Mahato, Gandhi Mahato, Prashanto Rakshit, who had been working among them, were also visited to inquire about the current state of the dance practice and their views on it. Our study identifies some aspects of the *nachni* performance tradition, which seem to be quite important.

First, it is the local aspect. There is a certain “borderline”, within which the distinct types of both dance presentation and social attitudes are being formed: it corresponds to the Manbhum or Rarh-Bengal cultural area<sup>1</sup>. Secondly, the *nachni* performance tradition has been

<sup>1</sup> Manbhum was one of the districts of East India during the British Raj. After India gained independence, the district became a part of Bihar state, and upon re-organization of the Indian states in the mid-1950s, it was turned into a part of the West Bengal. Present Purulia district was carved out of the Manbhum district. The Manbhum region has thick forests, is rich in mineral resources, and has a mixed demographic profile of people from different religious and social groups, including *adivasis*,



Fig. 2. Postubala and her rasik. Surulia, Purulia district, West Bengal, India (photo by Svetlana Ryzhakova, 2016).

musical instruments such as *madal* (*mardal*), *dhol*, and flute are played at *jhumur*, to accompany songs. A drum usually plays rhythm based on three beats – *takdhim-di-tan*, or *takadinna-takadinna*, in a staccato-like mode. According to Sunil Saha, it corresponds to a poetic metaphor such as “after rain the road is wet, and the minds of women are shak-

formed as a part of one distinct genre of local folklore called *jhumur*<sup>1</sup>. *Jhumur* has two dimensions: a vocal genre (an oral tradition passed down through generations) and a traditional dance form with the *jhumur* song.

The *jhumur* dance is performed by young girls, accompanied by male musicians, who maintain the rhythm with musical instruments and vocals. Men and women are singing and dancing together. The dance is performed by girls wearing jhumur make-up, jewelry, and traditional tribal costumes. Indigenous

musical instruments such as *madal* (*mardal*), *dhol*, and flute are played at *jhumur*, to accompany songs. A drum usually plays rhythm based on three beats – *takdhim-di-tan*, or *takadinna-takadinna*, in a staccato-like mode. According to Sunil Saha, it corresponds to a poetic metaphor such as “after rain the road is wet, and the minds of women are shak-

particularly the Santals. Rarh (or Radh; according to Sri Prabhat Ranjan Sarkar, the word originates from Proto-Austroasiatic \**Rār̥hā* or \**Rār̥ho* which means “land of red soil” or “land of laterite”, see: (Sarkar 2004)) is a toponym for an area that lies between the Chota Nagpur Plateau on the West and the Ganges Delta on the East. Although the boundaries of this region have been defined differently according to the various sources throughout history, today, it is mainly coextensive with the state of West Bengal while also comprising some parts of the state of Jharkhand and Bihar in India. According to the *Encyclopædia Britannica*, Rarh is mainly the Murshidabad’s surrounding region, a high, undulating continuation of the Chota Nagpur plateau to the West, and the Bagri, a fertile, low-lying alluvial tract, part of the Ganga-Brahmaputra delta, to the East. It is crucial here that both Manbhum and Rarh are considered to be a meeting place of Austro-Asiatic and Indo-Aryan groups, with the peculiar cultural amalgam in local social set-up as a result.

<sup>1</sup> There are several versions regarding the etymology of the word “jhumur”. According to a Bengali folklorist professor Sunil Saha it may be related to the idea of shifting (compare *jhum* as a type of agricultural system, widespread in this area), of turning around (in Rajasthan, circular dance is known as *ghumar*), or the dance could get its name from the cluster of bells worn around the ankles, which make a clanging noise – “jhum-jhum” (Sunil Saha\_10 PF 31.02.2013). *Jhumur* dances belong to two distinct types. In a tribal culture, these dances can be performed throughout the year to mark all happy occasions and festivities of the rural and tribal communities of Bhumij, Santal, and Oraon. There are many variations of *jhumur*; it incorporates song and dialogue depicting the joys and sorrows, yearnings and aspirations of the everyday life of these people. One form of *jhumur* is *bhaduria*, performed as a thanksgiving for a bountiful monsoon. Sometimes it is performed as the ritual worship of gods and goddesses, sometimes as part of courting and lovemaking, and it can also be performed at a prayer for rainfall. Today *jhumur* is mainly related to Radha-Krishna topic. However, there are also songs with a description of *dehatattva* – parts of a body, which is aimed at deep self-realization, and is similar to Baul and Fakir (Phokir) tradition of undivided Bengal (Sunil\_Mahato\_04 PF 02.03.2019). *Jhumur* songs also have authorship, and some poets (who are also supposed to be holy persons) are known, such as Ramakrishna Ganguli, Aku Karmakar, Pores Karmakar, Sistidhar Sing Mahato.

ing” (Sunil Saha\_10 PF 31.02.2013. Here and below: ethnographic materials from the personal archive collection of Dr. Svetlana Ryzhakova). The dance is mostly performed in open spaces. The male musicians wear the long traditional dresses and keep the rhythm with a few traditional instruments: usually, a drum, hung on shoulder, a flute and a pair of *taals*, metallic discs. Girls perform the dancing part, holding each other’s waists and moving hands and feet forward and backward synchronously, or the girls dance upon a chariot driven by bulls, and the group of male musicians, drummers, in particular, follows the chariot. In this case, *jhumur* can be described as a “folk” (tribal) dance, or using Mohan Khokar’s precise metaphor, “dancing for themselves” (Khokar 1987).

*Jhumur* dance can also be a part of a devotional performance, Radha-Krishna *kirtan*, performed both in groups and individually. Probably, this theme was created quite late, at the end of the 18th century, which was related to the cultural influences of higher castes. Music of *jhumur* then became more complex (Sunil Saha\_10 PF 31.02.2013). The lyrics of *jhumur* songs are composed in everyday language and mostly depict love, particularly the love and longing relationship of Krishna, who is depicted as a “Rasik”, and Radha as a dancer, “Nachni”. There is a legend that the *kirtan* tradition was spread here by Sri Chaitanya Mahaprabhu himself during his journeys along with his disciples from Puri to Mathura through this tribal forest area of Manbhum. Thus it is undoubtedly a spiritual practice, “dancing for God”. However, *nachni* dances are first and foremost addressed to the very simple audience, and usually, it is not performed without men’s support.

The *rasik* (literary means “one who is related to *rasa*”, an aesthetics essence of art) is known in Purulia district as a “bad boy from a good family”, but a connoisseur of arts; according to general virtue standards, his is considered to be low, but economically he can be relatively rich (not always, however). Engagement in art makes him seen as a spiritual person sometimes. As Urmimala Sarkar-Munshi states, “his keeping a *nachni* is regarded as an expression of an overt irrepressible artistic interest. The *nachni*, however, is seen as a fallen woman. The audience, which loves her performance, is afraid to cross her shadow for fear of becoming polluted. Her income as an entertainer makes her the principal breadwinner during lean seasons, her contribution as a working hand in the agricultural work of the *rasik*’s family is a must, her position in her own family of origin is non-existent, and her status in the *rasik*’s family and the society in general is that of a concubine. Thus, at the end of their lives, *nachnis* become economically ruined outcasts who live in the shadows of the society they have served for their whole lives” (Sarkar-Munshi 2010: 26-39).

The *nachni* used to stay with her *rasik* in his home, though separately if the *rasik* had his own legally married wife. If the *rasik* himself happened to be an expert music and dance teach-



Fig. 3. Shanti, young *nachni*. Purulia district, West Bengal, India (photo by Svetlana Ryzhakova, 2016).

er, he would train his *nachni*. Together with hired musicians, they formed a troupe that staged professional performances on different occasions in exchange for payments. The *nachni* was the center of attraction in such dancing troupes, and her earnings contributed to the income of *rasik*, who in this case was the master, partner, lover, consort, and team manager. So, in essence, *nachni*'s income was *rasik*'s income in exchange for which *nachni* would get shelter and support in this more or less stable relationship until and unless any untoward incidence such as death, separation, or desertion took place. Desertion of *nachni* by her *rasik* was not



Fig. 4. *Nachni Lila*: a typical posture of *Nachni*. Purulia district, West Bengal, India (photo by Svetlana Ryzhakova, 2016).

impossible; however not common since bringing up a *nachni* with proper training was not an easy or short-time task. It took a long period of training and hard work to become a *nachni*. In addition to this, joining the *nachni* profession by a girl or woman was not very frequent.

The relations of a *nachni* and her *rasik* have many dimensions; they can be classified in the following way. First, these are inter-caste and quite often also inter-ethnic relations. Very often, *nachnis* are of Bhumij origin, have tribal or mixed origin, but a *rasik* can be of different, often of higher caste and status; sometimes, they even claim to be Brahmins. Secondly, these are professional ties: both *rasik* and *nachni* must be trained in music, vocals and dance (*gana-bajana*), they can perform together, very often the *rasik* plays various musical instruments and sings while the *nachni* dances.

Third, there are educational aspects: a *rasik* can be a teacher (and is even supposed to be a Guru) for a *nachni* if he is older and more experienced, but it can also be quite otherwise when a young boy enters the *rasik* way of life, and quite often he leaves his family and joins the community of *nachni*, where he gets the musical education. If a girl is young and shy, she is taught (sometimes with the help of alcohol, smoking, etc.) to be more relaxed, natural, not afraid of the audience, and resist improper behavior. Fourth, usually, there is a sexual aspect of the *nachni-rasik* relations - they are lovers, she is his concubine, and this connection is described using Radha-Krishna's love model, which means that they are not husband and wife. At the same time, a *nachni* often wears the red vermillion dot on her parting of the hair, *mangal-sutra*, toe rings, and/or a set of red, white, and golden bangles – all are symbols of a married woman. At the same time, she considers herself just a Radha (hidden lover) tied to her *rasik* as a husband. All children of a *nachni* belong to her, and they usually never take the name of their father and can never inherit his property. Fifth, there is a delicate social and ritualistic connection: a *nachni* performs her *seva*, serving her *rasik* in many ways: he is both her patron and manager, he uses her body and her work, and he is supposed to protect her. According to one of the interpretations, *rasik* is a person who is doing a particular *sadhana* along with his female partner, a *nachni*, which means there is a certain tantric “flavor” in this tradition (Sunil\_Mahato\_04 PF 02.03.2019).

One can observe the different attitudes of *rasiks*' families towards them “keeping a *nachni*”. Sometimes it is regarded as anti-social behavior, which breaks the family, but

people also say that “keeping a *nachni* means cash flow”, for the properly organized performances can be a good source of income. Usually, the performances occur in winter, between agricultural works, after harvest, during the *melas*, and on the weekly organized markets in the *jhandi-mundi* (games places) or near wine shops.

All the *nachnis* who told us their personal life stories confessed that it was only the extreme poverty, loss of their parents, widowhood without any other financial and social support that made them enter the profession of a *nachni*. In some cases, they were even forced to become a *nachni*: a girl can be sold to a *rasik* by her parents or step-parents. A daughter of a *nachni* often becomes a *nachni* as well; however, mothers normally do not wish such a future for their daughters. They try to protect them from this path, and their ultimate wish is to marry them off successfully to a good husband. The huts of *nachnis* are usually situated at some distance from the village: *nachnis* are considered by the majority of villagers to be very low in the social hierarchy and ritualistic purity, they do not enjoy the customary funeral rites; even in the second part of the 20th century their corpses usually was transported by the buffalo cart to a distant forest place, which serves as a dustbin.

### Development of *Nachni* Dance

It is very difficult to pinpoint precisely the time of the origin of the *nachni* dance and what provoked it. Today, the *nachnis*' dance repertoire demonstrates a blend of various styles and traditions, arranged locally and to please the popular taste. It is safe to say that the dance form retains some preliminary movements of dancing evinced still among the primitive tribal communities in the region.

Another argument suggests that the *nachni* dance was rooted in the court entertainment of the local feudal lords. A clear devolution from that court culture to the present day *nachni* has been postulated by cultural experts such as Sunil Mahato of Purulia. For them, the *nachni* dance in the early stage was much more refined, ‘classicalist’. The local landlords or big *zamindars*, known as *rajas*, used to organize the *nachnis* performances in their courts. They would employ expert musicians and dance teachers (*ostads*) to train the female dancers or *nachnis*. Dance of *nachnis*, along with the tradition of Chhau and some other performances, was a matter of patronage; Bagmundi was a famous village where many dancers emerged. In Purulia, the Kashipur royal family was the center of authority and encouraged dance as such. There is a memory about a local queen (or, maybe rather a chieftain) Begunkudor, sometime in the 18th century, who is supposed to initiate the *nachni* tradition. According to Sunil Mahato's story, Borjuren Das was a *jhumur* poet in the 18th century. Being a devotee of Krishna, he conducted a pilgrimage to Vrindavan, where he saw a *raslila*. Coming back, he stayed for a few days in the court of Begunkudor, and described it to her; soon, a queen organized a *raslila* with the participation of some local girls. *Nachnis* of today believe they are descendants of the danseuses of the first *raslila* in Purulia (Sunil\_Mahato\_04 PF 02.03.2019).

The songs were mainly composed on the themes of *Radha-Krishna*, the epitome eternal love as per Hindu mythology. They were mainly *jhumur* but set in classical *that* and come to be known as *Darbari Jhumur*. The *nachni* emulated the dance forms practiced in the court of the ruler of the princely state. They used to wear *ghagra*-like dancing attire in the fashion of a *Kathak* dancer. There is a distinction between Dhumri Nachni – a *zamindari* dance, where a danseuse wears a long skirt, *lehenga*, and a blouse, *choli*, similar

to Rajasthani attire, sometimes a belt with mirrors *komor*, and musical instruments such as *dhor*, *dhumsa*, *nagri* and *shehnai* are used; and Bai Nach – a form, created according to Sunil Mahato by Sindubala, where a danseuse wears a sari and a blouse, and the orchestra contains a *madal*, a flute, a harmonium, a *jhuri-nagara* and a *kartal*.

Despite its light and entertaining character, a dance of *nachni* has certain rules. It is performed at the place called *akhra* – a round arena, and a performer is doing *akhra vandan* – greeting to the audience, as well as to Ganesha, Durga, Saraswati. Performance usually starts around 10 pm and ends at about 6 am. In the end, there is always something special represented. *Anyone can book Nachni's performance*, but there for certain occasions, such as Saraswati-puja, Lokhi [Lakshmi]-puja or marriage, the dance is mandatory.

Bitter criticism towards the dancing manner today was expressed by Mihil Lal Singh Deo (75 years old in 2013) of Rajput and the royal family of Kashipur. He received professional music training in Hindustani vocal from Prayag Sangeet Samiti, Allahabad, and other musical institutes. *Jhumur* is his main specialization. He does not enjoy the dance of *nachnis* today; it was much better earlier – both body movements and steps. The main problem of today's danseuses, according to him, is the lack of training and intention to learn. The *nachni* dance spread to the public arena and became a part of the regional popular culture. It turned into a common form of entertainment for the masses in any festival or fair-gathering.

There are some high-quality *nachni* dancers (late Malavati, Buton Devi, or Buntutamar in Singbhum, around 50 years old). For some observers, this might signify the emergence of an original style (*Nachni Nach*) at a preliminary stage – the issue is still controversial because one cannot depict a set of distinct features that could account for a distinct dance grammar.

### Case studies on the *nachnis*

#### *The case of Balika Mahato, Nachni of yesteryears*

Balika Mahata approaching seventy was *nachni* of Late Suchand Mahato of Dubcharka village of Purulia. She was Kumbhakar by caste. Her father worked in the Indian Railways. She was married off at the tender age of twelve to a man who was revealed to have mental defects. Then, her father took her to his home from her in-laws' house. Unfortunately, her father died in an accident. Then Suchand took her to his house almost forcefully. Suchand was known for his interest in *nachni* dance as he earlier had two *nachnis* who fled with a better offer with new *rasiks*. Suchand had his own family with a son and a daughter. The man became Balika's *rasik*, who trained her to sing and dance. She learned the craft, and they started performing together. In Suchand's house, she looked after his elder son Nilkamal whom she loved very much. Their *nachni* performance was stopped after the marriage of Suchand's daughter since his son-in-law imposed the condition that Suchand would have to stop this. In 1992, after Suchand's death, the hard days for Balika began. She was turned out of the house. Now she lived in a lone hut thatched and fenced with local plants and creepers away from the original house of her *rasik* with whom she had lived so many happy moments in that house.

*Parbati Bai and Falguni: Performing together*

Middle-aged *nachni* Parbati lived in Mathari village in Purulia district with her *rasik* Falguni Mahato, who is almost sixty. Parbati prefers to call herself Parbati Bai as she considers Bai a more respectable term than *nachni*. Bai is a shortened form of *Baizi*, a term reserved for the court-dancers of high repute. Parbati was born in a Kalindi caste (a low caste among the Hindus). Falguni's father was a kirtan singer, so he learned singing from him. Parbati belonged to the village of her in-laws, and she stayed in the same house with the family of Falguni Mahato. She came to this profession by choice as she loved it. She has a son with Falguni. They still go to stage shows together, mainly in Jharkhand, a neighboring state of West Bengal. Falguni has divided his property between his wife and Parbati.

*Never give up: Wife and Husband*

Nachni Lilabati and her husband Ramesh Bauri lived in Namu Pirra (or Pindra) village. She was born in a Brahmin family. Her father was a truck driver. When she was 2-3 years old, she lost her mother. Her father married again. The stepmother began torturing her. Then, her father left her in an Ashram in Ayadhya hills. The head of the Ashram, whom she called *baba* married her to Ramesh; they went through a ceremony of "social mass marriage". Ramesh was in Chhau dance troupe. Moreover, he could also sing *jhumur* playing a harmonium. One year after her marriage, Lilabati began to learn singing and dancing to stay in the same line with her husband and earn by performing together. Their Nachni troupe is called "Lila Devi Nachni Dal". They have nine accompanists. When they get a booking, they inform the accompanists who stay in the nearby villages. September to March is the main season. It is now more popular in Jharkhand since they get more bookings in this area than Purulia or other parts of Bengal.

*Matter of devotion: Saraswati Devi*

Saraswati Devi lives in a house in Purulia town. In 2012 she was 42 years old. Saraswati is doing all domestic chores with the minor help of occasional servants. She has three children. Her elder daughter is married off successfully and lives separately as a housewife, not dancing: the matter of pride for Saraswati. Another two live with the mother. Her *rasik*, some ten years older than her, hails from Bagmundi village – a known hub for Purulia Chhau tradition; his surname is Chakrabarti, i.e., Brahmin by caste. His wife stays in the village, but he spends his time mainly with Saraswati: "there, in the village, the life is ordinary", he says, "but here is the art! I am a devotee of art". Saraswati performs together with her *rasik*; this job is not very regular, yet it is a source of income for both.

*Art and passions: Pastubala*

Pastubala (she was forty years old in 2013) comes from Bhumij community in the village Kormatal (Puncha police station): her father's name was Manohar Singh Sardar; her mother was Bimola from Mudi community, which is – according to Sunil Mahato – similar to Oraon. Her mother was a danseuse, had many partners (Pastubala's father was her second husband, died when the girl was ten years old), and eventually left her daughter. Pastubala became a pupil of a famous *nachni* of Purulia, Late Sindubala. It is a breathtaking story of a love triangle between her, her partner, Bijoy Karmakar (he does not like to call himself "rasik", however, he was trained in music and doing a job as a musician), and his

wife. Having discovered her husband's love affair, the wife unsuccessfully wanted him back and then managed to put him to prison for a couple of years with a false accusation of robbery. When released, he left her completely and attached himself to Pastubala openly. They never had a proper marriage ceremony, yet Pastubala wears the symbols of a married woman and a *godna* – a tattoo of *rasik's* name, just as a husband's, on her hand. Eventually, Bijoy's wife became old and approached the couple to take her to live together, but they refused. Now both the *nachni* and the *rasik* stay in a half-built house in Surulia, which was initially constructed as a shared space for artists. There are certain arguments and non-satisfaction among acting *nachnis* about this house's status and future.

*Shanti Devi: a shy beauty*

This couple of a young *nachni*, Shanti Devi of 21 years old in 2013 and a man, Bharat Kalindi, 35, is married in the court only – as they say; no temple ceremony was done. They reside in a small house in the outskirts of village Chakirbon (block Purulia I), with predominantly schedule castes inhabitants (Dom, Kalindi, Vaidyakar, Kumbhakar, Chutar etc.). The love marriage was quite unwelcome for society. Her husband's status is quite unclear: a manager? A companion? Despite her performing as a danseuse, her social status in the caste hierarchy is higher than his, which is another reason for discomfort for the locals, however, eventually approved by local society. Shanti Devi comes from the Rai family, supposed to be Rajput, in a village Bogradi (p/s Muri). Her parents died when she was a baby, and her uncle brought her up. According to her, she had been voluntarily dancing since she was 14 years old. But it was Bharat who persuaded her to dance for a living; still, she does not look happy and definitely is not much interested in dance.

*Jogi family: Nachni dance as a business*

Sila Singh (about 30 years old in 2013) comes from Rajput community from Jharkhand. She was a *nachni*, and used to perform. She met her husband, Radheshyam Jogi, from a much lower social group, categorized by the government as OBC (Jogi here are artisans, making various items from sola grass, masks, and various decorations, yet wear a sacred thread – *paita*). He was interested in music and used to sing Hindi film songs and Tusu and Karma festival songs. Now they are married and live in a joint family of Radheshyam, in village Beliapatar (Pichasi p/o). Other male family members are engaged in performances, which are usually booked in advance. They have printed a list with the description of artistic offerings. This case can be described as a certain family business. A family replied generally and positively: everything is good in their household, there are no problems and nothing special to talk about. They also hire some musicians occasionally. Apart from art, the family does agricultural works. However, all-night performances – in January-February as these happen quite often – give an excellent additional income to the family.

*Frustrated and alienated: Tabooed from the common source of water*

This couple seemed to be the most pitiful among all we observed; both look very frustrated and sad about their current life and future. They reside in a tiny hut on the outskirts of the village and face a negative attitude towards them from the other residents. Young and beautiful *nachni*, whose name we could not extract during the conversation, held a baby boy of one year; she did not want to talk much. Her partner sat nearby and

lamented, revealing the misbehavior of several other *nachnis* and their teammates and various problems of day-to-day life in this surrounding: still, there are several taboos for *nachnis*, such as a restriction to use the public well.

*Bimola Kumar: a Nachni or a second wife*

Bimola Kumar is an elderly *nachni* (68 years old in 2015) of Satra village. She still exudes a certain charisma of a former danseuse: her gestures are refined, her facial expressions are artistic, and there is a natural shyness mixed with a flavor of strong stamina in her movements. When she was 17 years old, she was brought by her lover/ patron, Raghunandan Kumar of Haribolo caste, from her parental village near Khatra railway station in Bankura district to this house in Purulia, where his wife, Horidasi Kumar, resided with their children. It was an unusual and rare step, keeping both the wife and the *nachni* in the same house for years. Bimola gave birth to two sons, who became family members just as the elder ones. Now their husband is no more alive, and both Bimola and Horidasi, who is some ten years older than Bimola, and all their sons live together in the house. While describing the past years, Bimola sounds very polite and positive; she says she had not witnessed many problems in her life; all relations were just fine.

The case studies presented here portray the multiple layers of realities surrounding the *nachni*. It is not that the *nachnis* are always despised in the home that owed much of its running to her earnings. The *nachnis* leading a voiceless life in poverty are not always the case. In fact, the *nachni* invokes a number of meanings that are clear only with reference to the context. As a dance practice, it appears to convey a dance style, the dancer herself, and the characteristic jhumur songs sung in the accompaniment of *rasik* and musicians at the time of performance. The identity of a *nachni* is never complete without the *rasik*. It is shown that the dancer stayed with the *rasik* who trained her in the art and shared a relationship with her as a not legally married wife. They often used to have children. So, *rasik* was her husband, trainer, connoisseur, protector, and manager. Both the *nachni* and legally married wife could stay under the same roof. Polygamy was not debarred in the area; despite that, they would not marry formally. There are two versions of this phenomenon. One is that the *nachni* and *rasik* relationship is modeled after the eternal bond of love between Krishna and Radha of the Vaisnava tradition, who were not married. On the other hand, it is said that this relationship reflects the downgraded status of a *nachni* woman who cannot be equal with the social position of a married wife and has more or less a concubine status. Society also attested this since it practiced the disposal of the dead body of a *nachni* in a most inhuman manner. The *rasik* who kept *nachni* was regarded as a male idol who could maintain more women like the kings or *zamindars* used to keep *harem*. It was a local exposition of the manly power which the society admitted.

The induction into the *nachni* life generally followed some events that left a young girl helpless. The dancer usually would come from a lower caste than her *rasik*, for whom the *nachni* provided sustenance, art, love, and passion. The *rasik* spent most of his active hours with the *nachni*, and their venture was joint. The *nachni* performance had a special appeal to people representing the so-called 'low culture' until the dance caught the sophisticated urban imagination with state patronage. It was appropriated for the common public taste for the stage, while a more mundane epicurean version was still performed beyond government support. It gave rise to multiple versions of the dance practice. The drive for universal and uniform style as attempted by various volunteer bodies caused

frustration because the dance and dancers are internally segmented to serve different sections of society. It is also why the dancers are still frowned upon and feel alienated or tabooed. It also explains why the plight of the *nachnis*, in the end, remains to be a saga of tragic penurious existence.

### Social aspects of the *nachni* dance today

With the abolition of the *zamindari* system and the eclipse of the princely states, the *nachni* tradition declined. Now a wealthy landowner or connoisseur of the music and dance are the main patrons of the *nachnis*. The loss of constant local patronage caused a decline in the number of *nachnis*; however, as per data provided by Sunil Mahato in 2015, there are around 105 ladies supposed to be *nachnis* in both West Bengal and Jharkhand.

Anthropological studies and films about the *nachnis* from the 1970's ("The Nachni" by Ladly Mukhopadhyaya, for instance) show a certain evolution of the institution of *nachni-rasik* relations and performance during the 20 century. All our interviews show that despite the profound changes in the attitude to dance in India in general and that many *nachnis* today have received Indian National awards, their social status in villages is still very low. It appears that quite a few young girls continue to be involved in *nachni* profession. Sometimes a *nachni* marries her *rasik* and has a proper family – this seems to be a recent development. There is also a tendency towards forming stable family-like connections between a *nachni* and a *rasik* today.

Although there is certain activity (conferences, seminars) aimed at consolidating all *nachnis* and promoting their rights to highlight the social problems of *nachnis*, this initiative is still not successful due to strong professional rivalry and a lack of community feeling. Yet, some statements made in the press may cause certain anger, such as the one of a known filmmaker and journalist Ladli Mukhopadhyay. The statement was probably exaggerated or misunderstood by some *nachnis* as critical, but Saraswati Devi even wanted to demand compensation for abuse (Sunil\_Mahato\_08 PF 02.03.2013). "Nachni Unnayan Samiti", an organization aimed to unite danseuses (in 2013 there were 52 members, although, according to Sunil Mahato, in the beginning they were 72), was established in 2005 under the auspices of Mabhumi Lok Sanskriti, and as a part of Durbar Mohila Samiti (Sunil\_Mahato\_11 PF 03.03.2013).

One should take into consideration the highly marginal aspects of both the status and actual professional activity of this community. The dramatic aspect of this social role of *nachni* has been shown in a successful brand-new Bengali theatrical production, 2013, "Naachni" by Parthpratik Deb. This strongly corresponds with the interest to a figure of Lawani danseuse of Maharashtra in the contemporary Marathi theatre – from both artistic and social / gender perspectives, connecting dance with the context of rural India at large.

The *nachni*, when performing on stage, used to enjoy rousing reception, fame, and applause; but in terms of social status, their acceptability was marginal. Even if a *nachni* lived with her *rasik* as a wife and they had children, she was never given the status of a legal wife; her last days could become pitiful if her grown-up children did not take care of her. In death, the custom was to carry the dead body of a *nachni* outside the village to throw it away as a corpse of an animal, and carnivores tore and devoured it. So, the stigma attached to a *nachni* prohibited her from being approached by a common man who enjoyed her performance to take her away for a formal nuptial relationship.

Instead, a *nachni* modeled her relationship as the eternal bond between Radha and Krishna. Therefore, the *nachni* would stay in the house of her *rasik* and contribute to the family coffers. This form of *nachni-rasik* relationship existed until the recent past when a new campaign to improve the life of a *nachni* was started by a state organization.

The campaign was spearheaded by DMSC, a non-governmental organization initially aimed at empowering marginalized women engaged in prostitution. The organization attempted to bring a change in the abominable existence of the *nachni* and bolster her social security. Moreover, they insisted that no woman should be forced to become a *nachni*. Partly due to their sustained campaign and people's consciousness, a whiff of change began to percolate into the tradition of *nachni* dance. On the one hand, the *nachni* dance was projected as a characteristic folk performance of the region; on the other hand, a serious question was raised about the subhuman disposal and marginal status of the *nachni* women. The quality of artistic performances of some of the *nachnis* won them National Award. People of the region and state became more and more aware of them through the popular media representations of the *nachnis* in film, theatre, and literature. Again, several popular forms of entertainment flooded the region apart from *nachnis*. The *nachnis*, too, became aware of their condition. Thus, we see the new form of relationships: *nachni* performers who are legally married to their *rasiks*. The couple both own the troupe, which *rasik* manages. The *nachnis* are also getting government support and participating in governmental programs. This causes changes to the topics and presentation of the songs. After the decline from court patronization, when *nachni* performance became popular entertainment, the songs were considered vulgar and full of sexual innuendoes, as stated by the village gentry. Now the songs have become refined to suit the tastes of people of various social groups.

State intervention and work of volunteer organizations had an impact on wiping out some of the most inhuman treatment even after death. At the same time, we notice a shift from a 'dancer–connoisseur–trainer–lover–consort' model to a 'performer–manager' complex suited to the market. Here, the *nachni* as a formally married wife of the *rasik* ensures social security on the one hand, and on the other, responds to the growing market, which logo-centrally values the brand called *nachni*. In this way, the *nachni* is turning into a choreographed folk performance in its present form and gaining a status of a profession like any other similar profession.

**Acknowledgement:** We express our deep respect and gratitude to all of them, who traveled with us and shared their life-stories.

## References

- Allen, Matthew Harp. 1997. Rewriting the Script for South Indian Dance. *Drama Review* 41 (3): 63–100.
- Babiracki, C. 2000. "Saved by Dance" — The Movement for Autonomy in Jharkhand. *Asian Music* 32 (1): 35–58.
- Buckland, T. 1983. Definitions of Folk Dance: Some Explorations. *Folk Music Journal* 4 (4): 315–332.
- Buckland, T. 1999. All Dances Are Ethnic, but Some Are More Ethnic Than Others: Some Observations on Dance Studies and Anthropology. *Dance Research: The Journal of the Society for Dance Research* 17 (1): 3–21.
- Chatterjea, A. 1996. Dance Research in India: A Brief Report. *Dance Research Journal* 28 (1): 118–123.
- David, A.R. and Geoffrey Samuel. 2016. The Multiple Meanings and Uses of Tibetan Ritual Dance: "Cham" in Context. *Journal of Ritual Studies* 30 (1): 7–24.

- Gaston, Anne-Marie. 1996. *Bharata Natyam: From Temple to Theatre*. New Delhi: Manohar.
- Sengupta P., Banerjee M., Mukherjee M. (eds.). 2005. *Gaudiya Dance. A collection of seminar papers*. Kolkata: The Asiatic Society.
- Jones, B.T. 1971. Notes on Research and Teaching of Indian Classical Dance. *CORD News* 3 (1): 6–8.
- Kaepler, A.L. 2000. Dance Ethnology and the Anthropology of Dance. *Dance Research Journal* 32 (1): 116–125.
- Khokar, Mohan. 1987. *Dancing for Themselves. Folk, Tribal and Ritual Dance of India*. New Delhi: Himalayan Books.
- Kurath, G.P. and Gertrude Prokosch Kurat. 1977. Universals in Dance. *The World of Music* 19 (1/2): 43–52.
- Meduri, Avanti. 1996. *Nation, Woman, Representation: The Sutured History of the Devadasi and Her Dance*. PhD diss., New York University.
- Morris, G. 2009. Dance Studies/Cultural Studies. *Dance Research Journal* 41 (1): 82–100.
- Nevile, Pran. 1996. *Nautch Girls of India. Dancers, singers, playmates*. Paris; New-York; New Delhi: Ravi Kumar Publisher and New Delhi: Prakriti India.
- O’Shea, Janet. 2005. Rukmini Devi: Rethinking the Classical. *Rukmini Devi Arundale: A Visionary Architect of Indian Culture and the Performing Arts*. Ed. by Avanti Meduri, 225–245. New Delhi: Motilal Banarasidas.
- Podolak, J. 1958. The Development of Ethnography in Slovakia. *Midwest Folklore* 8 (2): 69–84.
- Reed, S.A. 1998. The Politics and Poetics of Dance. *Annual Review of Anthropology* 27: 503–532.
- Rudolph, L.I. 1997. Self as Other: Amar Singh’s Diary as Reflexive ‘Native’ Ethnography. *Modern Asian Studies* 31 (1): 143–175.
- Samson, L. 2014. Classical Dance in Contemporary India. *Social Scientist* 42 (5/6): 3–18.
- Sarkar, Shri Prabhat Ranjan. 2004. *Rárh – The Cradle of Civilization*. Ananda Marga Publications.
- Sarkar-Munshi U. 2010. Another Time, Another Space – Does the Dance Remain the Same? *Dance Matters. Performing India*, edited by P. Chakravorty, N. Gupta. L., 26–39. New-York, New-Delhi: Routledge.
- Shah, P. 2002. State Patronage in India: Appropriation of the «Regional» and «National». *Dance Chronicle* 25 (1): 125–141.
- Shay, A. 1999. Parallel Traditions: State Folk Dance Ensembles and Folk Dance in «The Field». *Dance Research Journal* 31 (1): 29–56.
- Singh, V. 2014. Religious practice and the phenomenology of everyday violence in contemporary India. *Ethnography* 15 (4): 469–492.
- Soneji, Davesh. 2012. *Unfinished Gestures. Devadasis, Memory, and Modernity in South India*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Vatsyayan (Maulik) K. 1972. *Some aspects of cultural policies in India*. Paris: UNESCO.
- Vatsyayan, K. 1995. The Future of Dance Scholarship in India. *Dance Chronicle* 18 (3): 485–490.
- Khandelwal Meena, Hausner Sondra L., Gold Ann G. (eds.). 2006. *Women’s Renunciation in South Asia. Nuns, Yoginis, Saints, and Singers*. New-York: Palgrave Macmillan.

© С.В. Вепрецкий

## ГВАТЕМАЛЬЦЫ О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОМ: РАССКАЗЫ У КОСТРА В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

*Данная работа представляет собой публикацию рассказов о сверхъестественном, зафиксированных автором во время археологической экспедиции в городище Эль-Энканто (департамент Петен, Гватемала) в 2018 г. Во многих археологических экспедициях по всему миру подобную информацию можно услышать, преимущественно у вечернего костра. Во время раскопок в Эль-Энканто костер располагался в районе кухни и поддерживался круглосуточно, позволяя участникам проекта собираться там каждый вечер для проведения предшествовавшего сну досуга, в том числе делиться так называемыми «рассказами о призраках» (cuentos de fantasmas). Иногда люди пересказывали сюжеты о широко известных по всей Латинской Америке персонажах, таких как Льорона, Сомбрерон или Сигуанаба. На этом фоне выделяются те истории, где информанты сами пережили мистический опыт. Делиться подобным пережитым опытом для гватемальцев нормально, они не боятся, что их обвинят во лжи или посмеются над ними. В роли рассказчиков выступают совершенно разные люди вне зависимости от пола, возраста и образования. Именно такие рассказы представляют наибольшую ценность с точки зрения восприятия сверхъестественного жителями Гватемалы.*

**Ключевые слова:** сверхъестественное, Гватемала, археологическая экспедиция, мистический опыт, призраки

**Ссылка при цитировании:** Вепрецкий С.В. Гватемальцы о сверхъестественном: рассказы у костра в археологической экспедиции // Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 134–149.

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/134-149

© S.V. Vepretskii

## GUATEMALANS ABOUT THE SUPERNATURAL: TALES TOLD AROUND THE CAMPFIRE IN AN ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION

*The present work is dedicated to the supernatural stories that the author heard and documented during the archaeological expedition in El Encanto (Petén, Guatemala) in 2018. In expeditions, stories of this kind are usually shared around the campfire. In El Encanto, such a campfire was maintained during the whole*

---

**Вепрецкий Сергей Викторович** – младший научный сотрудник отдела Америки, Институт этнологии и антропологии РАН (119017, Москва, Ленинский проспект, 32а) и Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова, РГГУ (125047, Москва, Миусская площадь, 6). Эл. почта: servepr@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2550-6799>

*night, and the archaeologists could gather around and spend their evenings telling their true-life stories. Among many tales about the well-known supernatural beings, such as La Llorona, Sombrerón, or Sihuanaba, the most important were the ones of the mystical experiences of the storytellers themselves. Regardless of gender, age, or education, completely different people could tell supernatural stories. Sharing such experiences is common for Guatemalans; they are not afraid of being accused of lying or people laughing at them. These stories are of the greatest value for understanding the perception of the supernatural by the people of Guatemala.*

**Keywords:** *the supernatural, Guatemala, archaeological expedition, mystical experience, ghosts*

**For Citation:** Vepretskii, S.V. 2022. Guatemalans about the Supernatural: Tales Told Around the Campfire in an Archaeological Expedition. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 134–149.

**Author Info: Vepretskii, Sergei V.** – Junior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, RF) and Knorozov Mesoamerican Centre, Russian State University for the Humanities (Moscow, RF). E-mail: servepr@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2550-6799>.

Вера в сверхъестественное в Гватемале сильна не только среди населения небольших населенных пунктов, но и в крупных городах. Несмотря на то, что официальной религией здесь является католичество, люди, будучи зачастую глубоко верующими, любят рассказывать истории, как общеизвестные, так и основанные на личном опыте, в которых фигурируют персонажи, чьи корни нередко уходят в доиспанскую эпоху. Данная практика в сознании современных гватемальцев не вступает в противоречие с их верой, поскольку упоминаемые сверхъестественные сущности характеризуются, как злые духи, приносящие вред и служащие дьяволу.

Следует отметить, что в Гватемале подобные рассказы очень распространены как часть нормального досуга. Люди не только не стесняются делиться своим опытом соприкосновения со сверхъестественным, но нередко являются инициаторами такого рода бесед. За время, проведенное в этой стране, автор данной работы слышал не менее двух десятков историй, в которых так или иначе присутствовал мистический фактор. Зачастую эти истории, которые сами гватемальцы называют *cuentos de fantasmas*, «рассказы о призраках», бывают связаны с распространенными во всей Латинской Америке сверхъестественными персонажами, такими как Льорона, Сигуанаба, Сомбрерон и др. Этим объясняется тот факт, что основная канва подобных историй нередко обрастает многочисленными дополнительными деталями. На этом фоне выделяются те рассказы, где вместо общеизвестных призраков и злых духов фигурируют локальные персонажи или явления, которые зачастую просто описываются без указания каких-либо имен. Такие рассказы представляют особую ценность, поскольку в большей степени отражают восприятие сверхъестественного людьми, пережившими подобный опыт.

О сверхъестественных сущностях Гватемалы написано немало работ, представляющих собой как сборники легенд и рассказов, так и научные исследования. Если говорить о сборниках, то в первую очередь следует выделить классическую книгу Мигеля Анхеля Астуриаса «Легенды Гватемалы» (Asturias 1999), впервые опубли-

кованную в 1930 г. Наиболее известные сюжеты связаны с такими персонажами, как Льорона, Сигуанаба и Сомбрерон. Первая является призраком женщины, которая по легенде убила своих детей, утопив их в реке, после чего она сошла с ума и превратилась в плакальщицу (исп. *la llorona*). Данный сюжет распространен во всей Латинской Америке, и ему посвящено немало научных статей, где среди прочего авторы пытаются связать Льорону с такими известными прототипами, как Малинче, которая была любовницей Эрнана Кортеса (Johnson 2016), а также осуществляют попытку найти ее доиспанские корни (Rodríguez, Verduzco 2009: 311).

Легенда о Сигуанабе распространена в Латинской Америке не меньше, однако в отличие от Льороны, в разных странах ее могут называть по-разному: в Коста-Рике и Никарагуа она известна, как Сегуа или Сегуанагуа, в Сальвадоре – Сиуэуэт, в Мексике – Магласигуа или Масиуатли, в Гондурасе – Ла Сусья, в Венесуэле – Ла Сайона (Poncela 2000: 44–45). В самой Гватемале она также фигурирует под именем Сигуамонта (Recinos 1916: 50). В зависимости от региона варьируются и детали связанной с ней истории, однако общая канва повествует о том, что данный призрак встречается одиноким путникам на дороге ночью в виде красивой женщины, которая манит их своими чарами на подобии греческой сирены. При приближении к ней у нее обнаруживаются либо копыта, либо голова лошади, что к этому моменту уже не спасает очарованного ей путника от неприятностей, которые могут привести к разным видам смерти. Несмотря на то, что в интернете о ней можно найти большое количество статей на популярных сайтах, в литературе она фигурирует в основном в общих сборниках легенд (Lara Figueroa 1973; Barnoya Gálvez 1990), а сравнительный анализ разных версий этого сюжета проведен в книге Анны Фернандес Понселы (2000: 43–45).

Еще одним популярным персонажем среди гватемальских легенд является Сомбрерон (дословно, «шляпник»), также известный как Цицимите. Его тоже можно охарактеризовать как призрака небольшого роста, который носит огромную шляпу, являющуюся его главным атрибутом. Зачастую ему приписывают и гитару, так как по легенде он поет серенады своим возлюбленным, которым он заплетает косички, а затем крадет их души (Lara Figueroa 1995), поэтому его главными жертвами являются женщины с длинными волосами. В литературе ему посвящено немало работ, среди которых количественно выделяются статьи, посвященные мексиканской версии легенды о Сомбрероне (Equipo de Promotores étnico-culturales 1996; Flores Estada 1998: 39–41; Fuentes 2005: 71–76; La Chica 2016, 2018).

В данной работе основной фокус будет сделан не на конкретном сюжете отдельно взятых региона или этнической группы, а на тех историях, которые автору лично удалось зафиксировать в один короткий отрезок времени, а именно во время пятого полевого сезона проекта «Эпиграфический Атлас Петена», состоявшегося в 2018 г. Данный проект работает в Гватемале с 2013 г. под руководством Д.Д. Беляева и в первую очередь сфокусирован на документации иероглифических надписей древних майя. Пятый полевой сезон был ознаменован тем, что впервые в рамках данного проекта были проведены раскопки, осуществленные на территории городища Эль-Энканто в национальном парке Тикаль (Beliaev, de León 2019).

Быт археологов в полевом сезоне часто располагает к тому, чтобы рассказывать истории из жизни, в том числе делиться опытом о знакомстве со сверхъестественным. Во время раскопок в Эль-Энканто в 2018 г. это было особенно актуально в связи с тем, что на определенное время группа людей, многие из которых ранее не были

знакомы, оказалась фактически в изолированном пространстве, без связи с внешним миром. Экспедиция базировалась во временном полевом лагере, сооруженном примерно в километре от места раскопок. Не считая трех человек, осуществлявших кратковременные выезды за питьевой водой и провизией, участники проекта не покидали пределов лагеря и места работ.

Рабочий день начинался как правило в восемь часов утра, и длился до четырех часов дня. По возвращении в лагерь у членов проекта было время на отдых до ужина, который подавали в шесть часов вечера. После финального приема пищи все были предоставлены сами себе, не имея при этом большого разнообразия в видах деятельности, и поскольку к семи часам вечера уже темнело, то основным досугом было собраться вместе и поговорить. Следует отметить, что особую атмосферу для рассказов именно о сверхъестественном создавало непрерывное чувство опасности перед агрессивной окружающей средой, изобилующей дикими животными, а также ядовитыми змеями и насекомыми. В таких условиях вечером важную роль играл костер на том месте, где была организована кухня. В подобных экспедициях огонь поддерживается круглосуточно, поскольку на нем происходит весь процесс приготовления пищи, а вечером это самое светлое место в лагере, однако из-за перманентной жары и сильной влажности сидеть возле костра практически невозможно. Тем не менее именно недалеко от костра происходили вечерние беседы.

Данная работа носит скорее ознакомительный характер с «историями о призраках» и рассказами о сверхъестественном, которые можно услышать от разных представителей экспедиции, волей случая оказавшихся в изолированном пространстве полевого лагеря посреди джунглей. Ниже будут приведены несколько сюжетов, которые те или иные члены проекта пережили сами, иногда прямо во время экспедиции. Важно оговориться, что все приведенные ниже тексты являются авторским переводом расшифровок аудио и видео файлов, записанных либо непосредственно в проекте, либо полученных автором от самих информантов в более позднее время. Иными словами, в распоряжении автора нет записей, сделанных непосредственно в момент рассказа. Во всех случаях автор просил информантов повторить тот материал, которым те поделились, сидя у костра. С одной стороны, это придает используемому источнику оттенок вторичности, поскольку на камеру или с диктофоном история может сильно исказиться, с другой стороны, в тех случаях, когда истории пересказывались в более спокойной обстановке и пересылались в виде аудиосообщений, они наполнялись еще большим количеством интересных деталей, о которых при первом рассказе упомянуто не было.

### Эль-Энканто и колдуны

Информант: рабочий из деревни Вашактун (примерный возраст: 50 лет).

Источник: видео файл, записанный на следующий день после первоначального рассказа.

Справка: из всех приведенных текстов, этот больше всего потерял от того, что не был зафиксирован непосредственно в момент рассказа, поскольку много деталей было упущено. Изначальный рассказ был сделан в момент, когда у костра сидела небольшая группа и беседовала на разные темы. Тогда информант просто пришел на кухню, чтобы попить воды, но неожиданно для всех начал объяснять, что мы на-

ходимся в очень опасном месте, и что с нами уже происходят странные вещи. Среди прочего он объяснил свое понимание названия Эль-Энканто, которое по его версии было дано не просто так, а в связи с мистичностью данного места. На следующий день автор подошел к нему и попросил на камеру повторить то, что было сказано прошедшим вечером, при этом иногда задавая вопросы.

Текст: Называется Эль-Энканто, потому что здесь, как предполагается, было много колдунов в те времена. И они практиковали все виды магии... Или как... Изучали парапсихологию, другими словами колдовство, нет? В общем, это... И по тому, что здесь видно, даже во снах видно, что появляются сверхъестественные вещи. И мы обсуждаем это, так как точно, это... когда... Раньше, когда приходили ребята работать сюда, обратили внимание, что да, было много очарования (исп. *encanto*). И тогда поэтому они и назвали это место Эль-Энканто.

– И это все, как вы сказали вчера, это все от дьявола?

Да, мы говорим о парапсихологии, или другими словами колдовстве. В общем, действительно, почему нет, здесь это связано с дьяволом. Он был тем, кто манипулировал ими фактически. И они были что-то типа посланников этого, этого демона. Демона, или Сатаны, или Древнего Змея, или Дракона, что одно и то же. Дьявол имеет много имен. И это... Уже несколько дней, как... Я, по прибытии на эти места... Но да, я бывал и в других, но никогда не заходил в такое. Дальше посмотрим, что произойдет. Вот вчера один товарищ рассказал, что видел дуэнде<sup>1</sup> там внизу. Дуэнде.

– Дуэнде это что-то типа ребенка, верно?

– Это демон.

– Да, но выглядит, как ребенок.

– Да, он махонький. Да, маленький.

В общем, это... Через сны, которые ты видишь здесь, тебе показывают, что да, есть много... много парапсихологии на этом месте. Много магий. Черная магия, красная магия, белая магия... Зеленая магия. И более-менее зеленая магия она, чтобы появляться, исчезать и появляться в другом месте. Черная магия, известно, она была для зла. И другие магии развивались. Были и такие, кто даже умел летать. Но они только выглядели, что летают, напоминая ведьму, но на самом деле их носят демоны. Это... Они не видны, так как они духи, нет? Но есть много... Много тайны здесь, что... Вещи, которые как бы, как хотел сказать я, сверхъестественные. Думаю, что на данный момент только это могу сказать.

Комментарий: данный текст показывает, с одной стороны, религиозность сельского населения, а с другой – их веру в повседневность сверхъестественного, которую люди связывают исключительно с дьяволом. Особое внимание хочется уделить классификации разных видов магии, с частичным объяснением, за что каждый вид отвечает. Осталось неясным, откуда информант обладает такими данными, что делает этот вопрос перспективным с точки зрения дальнейших исследований.

<sup>1</sup> От исп. *duende*, что означает сверхъестественное существо маленьких размеров, сродни европейским гоблинам.

### Дуэнде на месте раскопок

Информант: рабочий из деревни Вашактун (возраст: 18 лет).

Источник: видео файл, сделанный через три дня после случившегося с информантом.

Справка: данный текст посвящен истории, случившейся непосредственно во время работы проекта на памятнике, при этом информант был единственным свидетелем произошедшего.

Текст: Хорошо. Где-то примерно два дня назад. Там, где мы делали последний шурф примерно в час дня, это... После перекуса я поднялся и повернулся туда, где были другие раскопы, когда под кустом гуано увидел ребятенка, да? На котором была огромная шляпа, большая. И когда я сказал это дону Эрвину, что там был дуэнде, и он поднялся посмотреть, то тот сразу исчез. Прошел, как будто ветер, и улетел черной тенью.

Комментарий: любопытно, что в тех версиях этой истории, которыми со слов информанта делились другие участники проекта, в ней отсутствовала важная деталь, а именно шляпа огромных размеров. Есть вероятность, что об этом информант решил упомянуть именно на камеру, поскольку, несомненно, хотел намекнуть на связь увиденного им духа с вышеупомянутым Сомбрероном, чьей главной отличительной чертой является именно гигантская шляпа. В тех версиях, которую автор слышал от других участников проекта, говорилось исключительно о призраке ребенка, про шляпу сказано не было.

### Тень старика

Информант: Йованни де ла Крус (возраст: 43 года), участник проекта, отвечающий за безопасность в лагере, поскольку является специалистом по выживанию в джунглях. Информант дал согласие на публикацию своего имени.

Источник: аудиосообщение, записанное 23 марта 2020 г., по просьбе автора.

Справка: история, произошедшая с Йованни, случилась несколько лет назад, и он неоднократно рассказывал ее автору еще до 2018 г., поэтому во время одной из вечерних бесед у костра она снова была пересказана для всех остальных участников проекта. Впоследствии при подготовке данной работы автор попросил Йованни рассказать ее снова, но уже в виде аудиосообщения.

Текст: Привет, Серхио, как дела? Рассказываю. Это было в Чикимуле, в Эскипулаесе, на холме, который находится на границе между Гондурасом и Гватемалой. Я был с одним моим другом, так как нам сказали, что на этом холме происходили странные вещи. Что народ там пропадал и все такое. Мы хотели пойти и сделать запись для одной телепрограммы и начали подниматься на холм. Но когда поднялись... У меня хорошая выносливость, я достаточно много могу пройти, но, когда мы пришли на... на вершину этого холма, мы были слишком уставшие. Мы не могли чуть ли не глаза открыть. Мы не поставили даже палатки, только бросили вещи на землю, легли и... и начали видеть что-то типа огоньков между деревьев, но при этом не могли пошевелиться. И мой друг... Я ему ничего не сказал, что были огоньки, и он мне говорит:

– Ты это видишь? – говорит.

И я ему говорю:

– Ты сейчас видишь огоньки?

И он мне сказал, что да. Мы остались там спать, и на следующий день... Ну ты понял, все это с огоньками было ночью, и на следующий день, когда рассвело, мы начали говорить про эти огоньки, и про то, какими уставшими мы себя чувствовали, и что нам очень не понравилось это чувство усталости. Тогда мы взяли наши вещи и решили спускаться вниз. Разумеется, мы ничего не записали, камеры не включались. Начали спускаться. Когда спустились, я сказал моему другу, чтобы он подождал, так как я хотел пойти пописать. Я подошел к дереву, и когда я писал на дерево, я почувствовал, что как будто большая горсть земли... Мне спину обсыпали землей, и я подумал, что это был мой друг. Я повернулся, чтобы спросить, зачем он обсыпал меня землей, и была ли это шутка. И когда я повернулся, то он стоял как вкопанный, глядя в сторону края леса. Эта область она довольно лесиста. Это все лес. Это холм, про который говорят «зачарованный холм» (*cerro encantado*), и это лес. И я его спросил, что он видел, так как я видел лишь что-то мимолетное. И он сказал: «Тень. Как будто кто-то сгорбившийся. Он вышел, посмотрел на меня, а потом растворился с ног до головы».

Он был очень напуган, даже со слезами на глазах. И сказал мне: «Пойдем, пойдем», а я хотел пойти и заснять то место, где была тень, но он мне сказал, что нет. Мы начали идти, и уже намного быстрее, и по прошествии где-то часа, когда мы уже были в одной из деревушек, вышел один сеньор и спросил нас, что мы там делали. Он сказал нам, чтобы мы не ходили туда, так как там появляется тень старика. Мы ни в один из моментов не говорили ему, что видели тень, и нас раньше никто о ней не предупреждал. Это было что-то случайное то, что мы увидели... Что я и мой друг увидели тень. Мой друг, да, он отчетливо видел тень кого-то сгорбленного и как будто кого-то крупного, и потом она испарилась с ног до головы. И никто нам не говорил, что там были тени или что-то типа этого. Ну и мы не знали, что мы можем найти в том месте. И потом сеньор нам сказал:

– Будьте осторожны, поскольку также там появляются огромные псы с красными глазами.

Но мы сказали:

– Нет, мы уже туда не вернемся, так что эти псы не появятся.

Ведь ощущение усталости было очень-очень сильным.

Комментарий: помимо основной канвы и очень яркого главного персонажа – тени старика – в данном тексте упоминаются немаловажные детали, связанные с гватемальским фольклором, а именно «зачарованные холмы», о которых здесь можно услышать повсеместно (*Lara Figueroa* 1989: 4–6), а также псы с красными глазами, что можно посчитать отсылкой к одному из известных персонажей гватемальских легенд – Эль-Кадехо<sup>1</sup>.

### Разрешение на работу

Информант: девушка археолог из проекта (возраст: 38 лет).

Источник: аудиосообщение, записанное 23 марта 2020 г., по просьбе автора.

Справка: данный текст, как и последующие два, рассказывает одну из многочисленных историй, случившихся с информантом за время ее полевой работы в

<sup>1</sup> По легенде это огромный пес с красными и светящимися глазами, который встречается по ночам одиноким путникам, зачастую не причиняет вреда, а в некоторых случаях даже оберегает ночных путников от неприятностей (*Lee* 2015: 109–110).

археологических экспедициях. Следует отметить, что при повторном рассказе, информант сообщила намного большее количество деталей, чем упоминалось в той версии, что была озвучена у костра в Эль-Энканто, при этом основная канва не претерпела никаких изменений.

Текст: Ты ведь знаешь, что на памятниках всегда есть разные энергии. Хорошие энергии, плохие энергии, называй как хочешь. Всегда есть. Так как там проживало такое количество народа, верно? И, конечно, умирали тоже многие, так как это жизненный процесс, затрагивающий нас всех. И также много людей были похоронены в своих домах или там, где они проживали. В общем, ты знаешь, что всегда есть энергии, верно? Поэтому всегда, когда я шла на какой-либо памятник, всегда просила разрешение, поскольку среди тех поездок на практику, которые у меня были... Нас было десять археологов, точнее десять, прости, десять студентов археологии и один археолог, который был директором. У нас был проект, где из-за того, что мы не попросили разрешение, из-за того, что были скептическими и из-за много чего еще, с нами произошла очень серьезная ситуация, которую пережила не только я, но мы все в одно и то же время. И директор был вынужден нас собрать вечером и сказать, что пусть каждый верит в то, во что верит, ему все равно, но с завтрашнего дня все мы должны просить разрешение для входа на памятник, а тот, кто не попросит, лучше пусть не выходит работать. Что мы должны были сделать это, поскольку мы все обратили внимание на то, как проходил этот день... На те проявления, затронувшие каждого из нас. Поскольку нас отправляли работать по парам... И в тот день мы были на памятнике, который был где-то 2500-2600 метров над уровнем моря, так как находился на скале, и на горе. И если ты приблизишься, падаешь вниз в пропасть. Вплоть до того, что ты мог умереть, если не смотрел как следует, куда идешь. И было довольно туманно в тот день из-за холода, который всегда поддерживался в воздухе, и потому что был ноябрь, когда мы работали.

В общем, мы все испытали эту ситуацию утром, и, как я и говорю, было туманно, и произошло несколько разных вещей... Когда двигались предметы без всякой причины. Не было никакого ветра, и они двигались вот так, из-за ничего. Одни подруги слышали лошадей, проходящих около них. Мы слышали звуки целого рынка, но поскольку был туман, и мы ничего не видели, то думали, что действительно где-то рядом может быть деревня. И даже директор, верно? Слышал голоса, которые его звали. Кто-то видел двух человек, которые там ходили, но не различил их лиц. Короче... ситуация, которую испытали мы все, думаю, что это я уже сказала. Дело в том, что в тот день мы должны были осуществить картографирование этого... этого памятника. Так как там был археологический памятник, и мы делали карту. И когда мы вернулись домой... Никто никому ничего не сказал о том, что видел. И по возвращении домой каждый попытался сделать карту нашей области. Не выходило ни единой точки, у нас не получалось. Представляешь, мы пробовали типа два-три раза, но нет. И не вышла карта. В общем, когда в итоге все поговорили, и высказали свои ощущения, и директор тоже рассказал, что испытал. Тогда мы и поняли, что надо было просить разрешение у горы, у археологического памятника, у любого природного или культурного места, куда ты идешь. Просить разрешение на то, что ты собираешься сделать исследование, так как ты профессионал и только за этим пришел. Что не собираешься осквернять могилы, что не собираешься ничего там менять. Ведь эти священные памятники – это достаточно деликатная вещь. Вот такой у нас был раз-

говор. Дело в том, что с тех пор я поняла, что надо просить разрешение. Это я тебе рассказываю про 2001 или 2002 год. И это произошло в Уэуэтенанго, департаменте, который примерно в шести часах езды отсюда, от Гватемалы, от столицы. И произошло это в одной из деревень Уэуэтенанго, где плотно укоренилось то, что... эти памятники... эти памятники – священные. Те горы, где мы ходили, были хранителями года, как их называют, которые должны быть как-то связаны с календарем. В общем, более точная область, где мы были, – это Хакальтенанго, и народ оттуда очень-очень верит в священные памятники и в свои горы, так как для них это их предки.

Комментарий: здесь так же, как и в предыдущей истории от Йованни, фигурируют священные холмы, где происходят «странные вещи», однако в данном случае они не названы зачарованными. При этом информант дает более точную их характеристику, связывающую эти места с календарем майя. Термин «хранитель года» применяется в основном к особым дням священного для майя 260-дневного календарного цикла, которые выпадали на начало солнечного года (Stuart 2004: 1-3). Любопытно, что в сознании местных жителей это привязывалось также к холмам.

### Погребение в Вашактуне

Информант: тот же.

Источник: аудиосообщение, записанное 24 марта 2020 г., по просьбе автора.

Справка: данный текст повествует о ситуации, с которой информант столкнулся лично во время своей работы в Вашактуне, – памятнике, в древности являвшимся одним из крупнейших городов майя. Начиная с 2009 г. и по сей день там ведутся раскопки Словацкого археологического и исторического института под руководством Милана Ковача. В некоторых местах информант делал очень подробные археологические описания, которые автор счел нужным не вставлять, поскольку они никак не влияют на саму историю.

Текст: Короче, ты знаешь, что в Вашактун меня наняли как руководителя раскопок, археолога-копателя, называй, как хочешь, полевого археолога. И мы отправились в Вашактун. Короче, нас разделили по разным группам и меня отправили в Группу С. Я отвечала, как я уже сказала, знаешь, исключительно за раскопки, и была еще одна словачка. Анна, по-моему, ее звали, но фамилию не помню. Она тоже была там в Группе С, и она решила копать более высокие здания. В группе было несколько конструкций, не помню, типа десять в общей сложности, на той части платформы, так как это небольшой... Если ты замечал, когда был в Вашактуне, там небольшие холмы или островки, если можно так сказать, которые имеют естественную возвышенность, и их использовали, чтобы строить в высоких местах. В общем в эту Группу С нужно было подниматься прилично, что было довольно утомительно, так как возвышенность была довольно высокая. И там наверху были конструкции, где уже можно было копать. До того, как туда подняться, то, что... Это... кладбище было рядом с этой Группой С. Там есть дорожка к группе А, которую ты уже знаешь, но только вместо того, чтобы свернуть налево, где группа А, кладбище было слева<sup>1</sup>. И рядом с кладбищем была небольшая группа, где мы и были. <...>

<sup>1</sup> Вероятнее всего, здесь оговорка, и имелось в виду справа.

В общем меня отправили в ту зону, как я и говорю, и по прибытии содиректор проекта<sup>1</sup> мне сказал:

– Видишь эти крупные конструкции, их хочет копать Анна.

– Хорошо, оставьте ей большие – сказала я, – мне что ни копай, я буду копать маленькие.

И была одна конструкция, так сказать, которая возвышалась где-то на 40 сантиметров над поверхностью. И он сказал мне:

– Смотри, вот эти вытянутые выглядят интересно. Если хочешь, давай.

– Ладно, – говорю, – возьму вот эту, чтобы начать и посмотреть, какой была эта конструкция.

Она выглядела достаточно длинной и пропорциональной, так сказать. И та, которую копала Анна, словачка, была большой, типа где-то 7 метров в высоту, возможно. В общем, да, была большая разница, верно? И мне всегда нравилось копать что-то маленькое, или то, что выходит за рамки элиты или могущества, так сказать, но это было немного нелогично, поскольку ты знаешь, что находишься в группе, где точно жила элита, верно? Потому что это такое место. Но все равно мне больше хотелось копать маленькую конструкцию. Ладно. Короче, когда я начала <...> когда я начала раскопки, ну да, я попросила разрешение, сказала, что я прибыла сюда исследовать. Мысленно, верно? Разрешение и та та та. И мы начали раскоп. Мне дали двух рабочих, которые были двумя братьями из деревни Вашактун. И помимо них... Один был копателем, а другой помощник. И помимо них еще один копатель дон Маркос, который тоже из этой деревни. И братья... Одного звали Габриэль, и другого... Мануэль (не помню, Мануэль или Мигель, по-моему, Мануэль). Короче, были они трое там, и мне помогали в раскопках, и тут... эээ... Когда я спустилась пообедать... Поскольку я всегда спускалась обедать в лагерь, так как моя группа была где-то в 35 минутах пешком от лагеря, где была Сильвия, керамист, где были все наши палатки, где вы уже бывали, в тот раз, когда мы приезжали в Вашактун. Ладно, я вернулась пообедать, и в этот момент Сильвия мне сказала:

– Как дела? – сказала.

– Да хорошо – говорю.

– Нашла что-нибудь – говорит, – там наверху или что?

– Нет, – говорю, – не хочу ничего находить, что бы ни было, так как ты знаешь, что мне не нравится находить погребения, мне не нравится.

– Не закливайся на этом – говорит, – и все.

И до того, как произошел этот разговор... Это я тебе рассказываю про апрель, так как была одна неделя до Семаны Санты<sup>2</sup>. И нам сказали, что “если вы найдете погребение за неделю до Семаны Санты, вы не уезжаете, вы остаетесь”. Так как нам собирались дать несколько дней, чтобы съездить отдохнуть во Флорес. “Вы останетесь, – нам сказали, – так как вы должны будете разобрать погребение и расчистить все”. И Сильвия, и все остальные сказали: “Вот ведь... нет, никто не хочет ничего находить”. Так как мы знаем, как непросто с погребениями, и необходимо два-три дня, так что даже можно остаться там ночевать. Мы начали говорить разные вещи, так как все зависит от погребения и от времени, которое тебе дано, верно? Но обычно у тебя уходит

<sup>1</sup> По просьбе информанта автор не стал раскрывать имя содиректора проекта.

<sup>2</sup> Святая Неделя – в Гватемале период каникул, включающий в себя одну неделю до Пасхи и одну неделю после.

не меньше одного или двух дней, чтобы разобрать его, так как бывает очень много деталей... Каждая вещь, которую ты находишь. Короче... Я сказала: “вот ведь... я не хочу ничего находить, я хочу уехать в эти дни, так как все вокруг уедут. Я хочу поехать во Флорес отдохнуть”. Короче, это были лишь мысли. Я вернулась, и когда мы... В тот конкретный день мы спокойно копали, а на следующий день пришли утречком, когда... До того, как произошло это, было солнце, и прям жарило. Сильно, сильно, поскольку в такие дни довольно сильное солнце, там все сухо кругом. Внезапно раз, налетели облака, и начался дождь. “Вот ведь блин, – сказала я, – почему идет дождь? Так странно”. И он шел без преувеличения пять минут, не больше, пять минут. Был ливень, да, очень мощный, и вдруг резко все прекратилось, и опять солнце, также сильно-сильно. И я такая: “Вот ведь... Ладно, продолжаем, да?”, – говорю рабочим. И тогда один мне говорит: “Сеньо<sup>1</sup>, здесь какая-то плита”. “Вот ведь черт, эти плиты. Нет”, – говорила я. Ты ведь знаешь, что есть некоторые указатели на то, что есть погребение. “Не хочу, не хочу начинать, – со всем негативом, – не хочу!”. “Ладно, – сказала я, – не важно”. И тогда почти уже было время уходить. Короче... Мы прикрыли там, и я вернулась в лагерь. Тогда я сказала Сильвии: “Ай, мне кажется, что там погребение – сказала я, – я не хочу”. И Сильвия просто на меня смотрела, а потом сказала:

– Я поэтому тебя спрашивала. Во время обеда вчера, по-моему. Нашла ли ты чего или нет.

– Почему? – сказала я.

– Знаешь, не хочу тебя пугать – сказала, – лучше давай, давай продолжай все это. Завтра надо все сделать, так как смотри, неделя осталась. Если нет, то ты останешься тут.

– Вот ведь... – сказала я, – не хочу, не хочу оставаться тут.

– Ладно, давай, продолжай. Выкидывай все это из головы, хватит быть негативной, так как надо это сделать. Думать, как профессионал, и сделать все.

В общем, мы вернулись, верно? То есть, прошел этот день, и вернулись. И начали копать. И сказано – сделано, верно? Там было погребение. И было на самом деле очень... очень пропорциональным. <...> И когда мы его открыли, там были все подношения хорошей сохранности. Не очень хорошо сохранились его кости, так как часть была повреждена корнями, и они были немного изменены. В то время в проекте был фотограф Артуро, который помогал все документировать. И Артуро пришел и начал все готовить к съемке, верно? Мы не могли копать, ни чего-либо еще делать, так как ему нужно было сделать фотографии всего в контексте, непотревоженным. <...> Короче, он начал снимать и сказал:

– Мне нужно не больше пяти минут, так как погребение очень качественное, все чисто и сделано хорошо.

– Хорошо, – сказала я, – у тебя столько времени, сколько потребуется, нет проблем.

И началось: 5 минут, 10, 15, полчаса. Я: “Когда он закончит? Мне надо продолжать”. Ведь я хотела разобрать его и все, так как я не хотела оставаться там. Почему он не торопится? Уже прошло 40 минут или час, и потом он мне сказал: “Знаешь, я лучше оставлю все так, – только это сказал, – лучше оставлю как есть, поскольку никак не могу выбрать правильный угол”. И я видела, что он пробовал, убирал свет, ставил его, садился, вставал. Сделал много чего. “Ладно, – сказала я, – не вышла какая-то фотография, или что там происходит”, – сказала я, но не обратила на это внимания.

<sup>1</sup> В Гватемале зачастую слова *señora* и *señorita* сокращаются до просторечного *seño* при обращении.

До этого, прости, когда еще нашли плиты, в этот самый момент я послала одного из ребят, не знаю, был ли это Мануэль или Габриэль, в деревню, чтобы он пошел и купил мне в магазине свечей. Идея была в том, чтобы поставить одну свечку, так как мы собирались открыть погребение, и я хотела попросить разрешение, чтобы его открыть. И я попросила разрешение. Я сказала, чтобы нас простили, что это все для научного исследования, и что я бы все оставила как есть, проекту нужно было разобрать его, чтобы изучить. Я говорила в этом духе, верно? Короче, я зажгла свечку и всегда держала ее там. В общем, в тот день с фотографиями Артуро он меня спросил: “У тебя тут свечи? Как хорошо, что они тут есть. Это хорошо”. В общем, он после часа или часа с четвертью, помню, ушел. Но я не увидела, как бы, на его лице удовлетворения от сделанных фотографий, верно? Сейчас помню, что я сказала. “Не переживай – сказала ему я, – в любом случае, если не вышла какая-то, у меня есть мои собственные фотографии, и там видно хорошо”. “А, хорошо”, – сказал он и ушел. В общем, когда все расчистили, вынули все сосуды, в ту ночь мне сказала Сильвия:

– Ладно, ты уже все разобрала, все расчистила, теперь я могу сказать, что мне приснилось.

– Что тебе приснилось?

– Ты помнишь, когда пошел дождь, такой сильный, но при этом всего на пять минут?

– Да.

– Я знала, что ты что-то нашла, и что это была именно ты.

– Черт, почему?

– Это все из-за того, что ты не хотела, не хотела ничего находить. И этим ты все призвала – сказала она, – вызвала в своих мыслях. Тем, что не хотела, этим и вызвала, и тебе это сразу было дано. Поэтому никому не нужно быть негативным. Тебе нужно учиться быть более позитивной.

– Хорошо, значит это был мой первый урок. И что же тебе приснилось?

– Представляешь, да, меня ужаснуло то, что ты нашла. То, что ты нашла этого мальчика.

– Мальчика?

– Да, мальчика.

– И откуда ты знаешь это?

– Представляешь, я видела, как он умер, и в этом не было ничего хорошего. Это было сделано очень жестоко, очень грубо и с очень сильной болью.

Я в этот момент почувствовала такую тяжесть на плечах, что не могу тебе даже объяснить. Такую грусть, не знаю, от тяжести того, что она мне рассказывала.

– И этот сон я видела до того, как пошел дождь. Когда ты пришла обедать, и я увидела беспокойство на твоём лице, что там что-то могло быть, я сразу поняла, что это была именно ты. – Сказала она.

– Когда шел дождь – сказала я, – я как раз и нашла погребение.

Это было первое, о чем подумала Сильвия, представляешь. И в тот же день или вечер меня позвал Артуро. Он выгружал все фотографии, которые сделал. И говорит мне:

– Смотри, не знаю, что произошло... Я делал и делал фотографии, и у меня ни одна не выходила, не могу поверить. Я сделал где-то пятьсот фотографий, не вру, смотри, вот они. Вышли расфокусированные, поврежденные, огромное количество

фотографий просмотрел, и только где-то пять вышли относительно хорошо, но и здесь я не очень удовлетворен, так как могло бы быть намного лучше.

– Ты не переживай – сказала я, – у меня есть мои фотографии, и на моих все видно неплохо. Это не такой профессиональный фотоаппарат, как у тебя, но все равно видно хорошо.

– Я не понимаю, что произошло. Это очень странно все это. Не могу поверить. Я ставил свет, убирал его...

– Да, да, я тебя видела – сказала я.

– Это первый раз, когда такое случается – сказал он, – но ладно, теперь знаем, что всегда случается что-то странное.

– Не переживай.

И так все и осталось.

Комментарий: Эта довольно длинная история красноречиво показывает не просто отношение археолога к чему-то сверхъестественному, но и повествует об их взаимоотношениях с раскапываемым местом. Несколько раз в тексте упоминалось то, что было главной идеей предыдущей истории, а именно необходимость попросить разрешение на работы у духов, или у кого-то, кто отвечает за те или иные места, иначе тебе просто не дадут нормально работать.

## Второе погребение в Вашактуне

Информант: тот же.

Источник: аудиосообщение, записанное 24 марта 2020 г., по просьбе автора.

Справка: данный текст является непосредственным продолжением предыдущего, но поскольку характер описываемых событий здесь несколько иной, автором было решено выделить это в отдельную и самостоятельную историю.

Текст: Да, я смогла уехать на Семану Санту, что было ровно тем, чего я хотела. Не помню на два или на три дня, не помню. Дело в том, что мы вернулись копать, думаю, что уже в другом месяце, уже не помню. И где-то через 40 сантиметров, или 30 сантиметров, не больше. Мы копали, и один рабочий мне сказал... И до того, как он мне сказал, началось все снова, такая же ситуация: тучи, много ветра. Но в этот раз было иначе, понимаешь. Не было такого сильного дождя, скорее такой легкий, скорее больше ветра, и вскоре раз, и все прошло. И он сказал мне: “Посмотрите, Сеньо, тут еще одно! То, что Вы так не хотели, появилось еще одно”. “Вот ведь черт – сказала я, – еще одно погребение, не может быть. Что происходит?”. Но ладно. Тогда я уже немного сбросила негатив, который был с первым погребением, и решила относиться к этому позитивнее, как мне и говорила Сильвия. В общем, мы начали копать, верно? Но, как я уже говорила, это была довольно разрушенная конструкция и на самом деле там не было места, чтобы копать так же, в этом втором погребении. В первом да, было все свободно, поскольку оно было на одном из слоев пола. Под одним из слоев пола, прости. Между седьмым и восьмым полом было другое, но уже под скамьей. Была также скамья. В общем, эта конструкция была полным месивом. Маленькая, но давшая столько деталей. Короче, начали копать, верно? Я также поставила свечи и все такое. Короче, повторяюсь, место было очень узким, и я решила поставить... Решила попросить Мануэля (поскольку Габриэль вытаскивал землю снизу, а дон Маркос копал угол конструкции в другом месте)... Было где-то час дня,

и я сказала: “Мануэль, положите камень рядом с черепом, так как мне ноге не удобно, уже затекла, но мне еще нужно все зарисовать и замерить. Помогите мне”. В общем, это было где-то в час дня, и солнце мне жарило в спину, а он оставался спереда. Короче, когда я решаю спустить мою ногу, я не заметила, я не смотрела вниз, просто решила спустить ногу и нащупать камень, я почувствовала, что ногу схватила рука, вот так, раз! Я это почувствовала на той части, как бы сказать, за коленкой, чуть ниже, но сзади. Почувствовала руку, все пять пальцев, но при этом не испытала страха. Могу тебе сказать, нисколько не было страха, никакой дрожи, только единственное, что как будто что-то мимолетное пришло мне в голову и сказало: “Уважай меня!”. Вот так было. Прямоком в мозг эти слова: “Уважай меня!”. И я поняла, кто меня просит, чтобы я его уважала, поскольку на самом деле я наступила на его череп. Когда я посмотрела вниз, да, мой ботинок наступил на череп, не на камень. И в тот же момент, хотя я не чувствовала страх, было немного напряжно, так сказать. И то, что меня напрягло... Солнце светило на меня сзади, и я видела только тень от деревьев напротив. На лице Мануэля, на полу и во всем раскопе. И тут я увидела, как какая-то другая тень проскользнула мимо. Прямо перед Мануэлем. В общем, когда я увидела лицо Мануэля, он вообще довольно светлый, но все равно он был еще более бледный, чем обычно. И я с лицом, которое тоже, думаю, было очень бледным из-за проскочившей тени и из-за руки, которую я почувствовала на ноге. Я его спросила:

– Вы это видели?

– Сеньо, лучше давайте продолжим работать. Лучше не будем обращать на это внимания. Давайте рассказывать хорошие истории, не знаю, шутки хочу услышать. – Он вот так начал говорить из-за нервозности.

И мы оба это испытали, и было довольно жестко, но в основном это были чувства уважения, не страха. Не то, чтобы это в нас вселило страх, скорее уважение к тому, кто был внизу, так как мы по факту выкапывали его тело. В общем, тогда я поняла и научилась, что на самом деле лучше всегда соблюдать все предосторожности, спрашивать разрешение, работать наиболее уважительно, когда находишь такого рода вещи.

Комментарий: здесь также красной нитью проходит идея уважения к тому месту, где ты работаешь, но в отличие от предыдущих археологических историй, здесь происходит непосредственный контакт между информантом и сверхъестественным. Причем контакт как физический – через прикосновение, так и вербальный – через слова «Уважай меня», которые информант поняла, но не услышала.

В заключении следует отметить, что приведенные тексты, несмотря на их небольшое количество, могут быть полезными для характеристики отношения гватемальцев к сверхъестественному. Информанты, будучи совершенно разными представителями гватемальского общества, отличаясь с точки зрения как образования, так и религиозности, имеют схожее восприятие сверхъестественных событий, которые им пришлось пережить. Следует также выделить особое отношение к окружающему миру, в котором всегда находится место для чего-то сакрального, священного и потустороннего, что при этом вызывает у них глубокое уважение, будь то гора, археологический памятник или древний дух. Несмотря на довольно узкий фокус, публикуемые тексты видятся перспективными для более глубокого изучения и проведения сравнительного анализа со схожими сюжетами, что должно значительно улучшить разработку данной тематики.

### Источники и материалы

- Asturias* 1989 – *Asturias M. A.* Leyendas de Guatemala. Edición de Alejandro Lanoël. Madrid: Cátedra, 1999.
- Barnoya Gálvez* 1990 – *Barnoya Gálvez F.* Cuentos y leyendas de Guatemala. Guatemala: Piedra Santa, 1990.
- Lara Figueroa* 1973 – *Lara Figueroa C.A.* Leyendas y casos de la tradición oral de la ciudad de Guatemala. Guatemala: Editorial Universitaria, 1973.
- Lara Figueroa* 1989 – *Lara Figueroa C.A.* Leyendas de encantamientos y Señores de los cerros // *La Tradición Popular*, 1989. № 73. P. 1–17.
- Lara Figueroa* 1995 – *Lara Figueroa C.A.* Por los viejos barrios de la ciudad de Guatemala. Guatemala: Ediciones Artemis y Edinter, 1995.

### Научная литература

- Beliaev D.D., de León M.* (eds.) Reconocimiento del Sitio Arqueológico El Encanto. Informe Final, Primera Temporada de Campo 2018, Proyecto Atlas Epigráfico de Petén. Nueva Guatemala de la Asunción, Guatemala, 2019. DOI:10.13140/RG.2.2.12301.90082 [https://www.researchgate.net/publication/340595388\\_Proyecto\\_Atlas\\_Epigrafico\\_de\\_Peten\\_Informe\\_Final\\_Primer\\_Temporada\\_de\\_Campo\\_2018\\_Reconocimiento\\_del\\_Sitio\\_Arqueologico\\_El\\_Encanto](https://www.researchgate.net/publication/340595388_Proyecto_Atlas_Epigrafico_de_Peten_Informe_Final_Primer_Temporada_de_Campo_2018_Reconocimiento_del_Sitio_Arqueologico_El_Encanto)
- Equipo de Promotores étnico-culturales.* Cómo surgió El Sombrero // *Cuentos que parecen historia*, historias que parecen leyenda. Ciudad de México: Praxis, 1996. P. 72–73.
- Flores Estada F.* *Algunas leyendas coletas y de Chiapas.* San Cristóbal de las Casas: Talleres de Editorial y Publicidad Flores, 1998.
- Fuentes R. J.* *Cuentos chiapanecos de terror urbano. Relatos y leyendas.* Tuxtla Gutiérrez: Ediciones y Sistemas Especiales, 2005. P. 71–76.
- Johnson L.C.* La Llorona and La Malinche in Re-Vision: Chicana Poets Countering Traditions and Claiming Voice // *Women Versed in Myth: Essays on Modern Poets / C.S. Harris and V.E. Frankel* (eds.). McFarland, 2016, P. 140-47.
- La Chica M. C.* El Sombrero. Una visión literaria del ‘otro’ en la tradición oral tojolabal // *Los personajes en formas narrativas de la literatura de tradición oral de México / C.C. Vera y M. Zavala* (eds.). San Luis Potosí: El Colegio de San Luis, 2016. P. 383-408. [https://www.researchgate.net/publication/303933682\\_El\\_Sombreron\\_una\\_vision\\_literaria\\_del\\_otro\\_en\\_la\\_tradicion\\_oral\\_tojolabal](https://www.researchgate.net/publication/303933682_El_Sombreron_una_vision_literaria_del_otro_en_la_tradicion_oral_tojolabal)
- La Chica M. C.* Sombrero y la mula: el viaje al otro mundo en un relato maya tojolabal // ‘Irás y no volverás’. El viaje en formas narrativas de la literatura tradicional de México / C.C. Vera, N.D. López Torres y M. Zavala (eds.). San Luis Potosí: El Colegio de San Luis, 2018. P. 345–376.
- Lee D.* La recuperación de la identidad en “Leyenda del Cadejo”, de Miguel Ángel Asturias // *Sincronía*. 2015. Vol. XIX, № 68. P. 107–121. [http://sincronia.cucsh.udg.mx/pdf/68/lee\\_68.pdf](http://sincronia.cucsh.udg.mx/pdf/68/lee_68.pdf)
- Poncela A. F.* Protagonismo femenino en cuentos y leyendas de México y Centroamérica. Madrid: Narcea Ediciones, 2000.
- Recinos A.* Algunas Observaciones Sobre el Folk-Lore de Guatemala // *The Journal of American Folklore*. 1916. Vol. 29, № 114. P. 559–566.
- Rodríguez S., Verduzco G.* La Llorona: Análisis literario-simbólico // *Ensayos sobre ciencia ficción y literatura fantástica: actas del Primer Congreso Internacional de literatura fantástica y ciencia ficción* (1, 2008, Madrid) / T.L. Pellisa y F.A. Moreno Serrano (eds.). Madrid: Asociación Cultural Xatafi: Universidad Carlos III de Madrid, 2009. P. 306–318. [https://www.researchgate.net/publication/316630236\\_La\\_Llorona\\_analisis\\_literario-simbolico](https://www.researchgate.net/publication/316630236_La_Llorona_analisis_literario-simbolico)
- Stuart D.* New Year Records in Classic Maya Inscriptions // *The PARI Journal*. 2004. Vol. 5, № 2. P. 1–6. <http://www.mesoweb.com/pari/publications/journal/502/NewYear.pdf>

## References

- Beliaev, D.D., de León M. (eds.). 2019. Reconocimiento del Sitio Arqueológico El Encanto [The Reconnaissance of the Archaeological Site of El Encanto]. *Informe Final, Primera Temporada de Campo 2018, Proyecto Atlas Epigráfico de Petén* [The Final Report, the First Field Season in 2018, Atlas Epigraphic of Peten Project]. Nueva Guatemala de la Asunción, Guatemala. DOI:10.13140/RG.2.2.12301.90082  
[https://www.researchgate.net/publication/340595388\\_Proyecto\\_Atlas\\_Epigrafico\\_de\\_Peten\\_Informe\\_Final\\_Primer\\_Temporada\\_de\\_Campo\\_2018\\_Reconocimiento\\_del\\_Sitio\\_Arqueologico\\_El\\_Encanto](https://www.researchgate.net/publication/340595388_Proyecto_Atlas_Epigrafico_de_Peten_Informe_Final_Primer_Temporada_de_Campo_2018_Reconocimiento_del_Sitio_Arqueologico_El_Encanto)
- Equipo de Promotores étnico-culturales. 1996. Cómo surgió El Sombrerón [How Did El Sombrerón Arise]. *Cuentos que parecen historia, historias que parecen leyenda* [Tales that Seem Like History, Stories that Seem Like Legend], 72–73. Ciudad de México: Praxis.
- Flores Estada, F. 1998. *Algunas leyendas coletas y de Chiapas* [Some Braided Legends of Chiapas]. San Cristóbal de las Casas: Talleres de Editorial y Publicidad Flores.
- Fuentes, R. J. 2005. *Cuentos chiapanecos de terror urbano. Relatos y leyendas* [The Chiapas Stories of the Urban Terror. Tales and Legends]. Tuxtla Gutiérrez: Ediciones y Sistemas Especiales.
- Johnson, L.C. 2016. La Llorona and La Malinche in Re-Vision: Chicana Poets Countering Traditions and Claiming Voice. *Women Versed in Myth: Essays on Modern Poets*, edited by C.S. Harris and V.E. Frankel, 140–147. McFarland.
- La Chica, M. C. 2016. El Sombrerón. Una visión literaria del ‘otro’ en la tradición oral tojolabal [El Sombrerón. A Literary Vision of the ‘Other’ in the Tojolabal Oral Tradition]. *Los personajes en formas narrativas de la literatura de tradición oral de México* [The Characters in Narrative Forms of the Mexican Oral Tradition Literature], edited by C.C. Vera y M. Zavala, 383–408. San Luis Potosí: El Colegio de San Luis. [https://www.researchgate.net/publication/303933682\\_El\\_Sombreron\\_una\\_vision\\_literaria\\_del\\_otro\\_en\\_la\\_tradicion\\_oral\\_tojolabal](https://www.researchgate.net/publication/303933682_El_Sombreron_una_vision_literaria_del_otro_en_la_tradicion_oral_tojolabal)
- La Chica, M. C. 2018. Sombrerón y la mula: el viaje al otro mundo en un relato maya tojolabal [Sombrerón and the Mule: the Trip to the Other World in a Tojolaba Mayan Story]. ‘*Trás y no volverás*’. *El viaje en formas narrativas de la literatura tradicional de México* [‘You Will Go and You Will Not Return.’ The Journey in Narrative Forms of the Traditional Literature of Mexico], edited by C.C. Vera, N.D. López Torres y M. Zavala, 345–376. San Luis Potosí: El Colegio de San Luis.
- Lee, D. 2015. La recuperación de la identidad en “Leyenda del Cadejo”, de Miguel Ángel Asturias [The Recovery of Identity in “Leyenda del Cadejo”, by Miguel Ángel Asturias]. *Sincronía* XIX (68): 107–121. [http://sincronia.cucsh.udg.mx/pdf/68/lee\\_68.pdf](http://sincronia.cucsh.udg.mx/pdf/68/lee_68.pdf)
- Poncela, A. F. 2000. *Protagonismo femenino en cuentos y leyendas de México y Centroamérica* [Female Protagonism in Tales and Legends of Mexico and Central America]. Madrid: Narcea Ediciones.
- Recinos, A. 1916. Algunas Observaciones Sobre el Folk-Lore de Guatemala [Some Observations on the Folk-Lore of Guatemala]. *The Journal of American Folklore* 29 (114): 559–566.
- Rodríguez, S., Verduzco, G. 2009. La Llorona: Análisis literario-simbólico [La Llorona: Literary-symbolic analysis]. *Ensayos sobre ciencia ficción y literatura fantástica: actas del Primer Congreso Internacional de literatura fantástica y ciencia ficción (1, 2008, Madrid)* [Essays on Science Fiction and Fantasy Literature: Proceedings of the First International Congress of Fantasy Literature and Science Fiction (1, 2008, Madrid)], edited by T.L. Pellisa y F.A. Moreno Serrano, 306–318. Madrid: Asociación Cultural Xatafi: Universidad Carlos III de Madrid, 2009.
- Stuart, D. 2004. New Year Records in Classic Maya Inscriptions. *The PARI Journal* 5 (2): 1–6. <http://www.mesoweb.com/pari/publications/journal/502/NewYear.pdf>

## БЕЛОМОРСКИЕ КЛЕЙМА

*Статья посвящена исследованию карсикко (от кар. karsia ‘обрубать ветки’, карзать) – деревьев-знаков, распространенных преимущественно в зоне северных хвойных лесов и имеющих разнообразные функции. В данном случае речь пойдет о клеймах, то есть о семейных и родовых знаках, применяемых в качестве знаков собственности и вырезаемых на деревьях, когда необходимо обозначить охотничью тропу (путик) с настороженными на ней силками или границу промысловых угодий отдельной семьи, родового коллектива. Кроме того, так могли отмечать деревья в местах ночевки в лесу или вблизи промысловых изб, на тонях, то есть местах вытягивания невода и т. д. Любой знак на дереве, как правило, имел помимо практического также и магическую, охранную функцию (ср. ночевка в лесу, в незнакомом месте, вдали от дома).*

*Статья, описывающая две поездки на побережье Белого моря, делится на две связанные между собой части, первая из которых посвящена непосредственно клеймам. Карельские клейма, о которых идет речь, практически не изучены: помимо одной статьи Д. Золотарева, приводящего материал с крайнего севера карельской территории, им не посвящено каких-либо научных работ. Знаки собственности несомненно имеют давнюю историю и неоднократно видоизменялись. Тем не менее, автор делает попытку сопоставить имеющиеся сведения и вывести некоторые закономерности относительно фигуры ромба, зафиксированной в клеймах на севере Карельского берега.*

*Второй сюжет касается обычая врезки в деревья медных складней и деревянных крестов-иконок (впрочем, крест могли просто вырезать в коре дерева), которые до середины XIX века изготавливались в старообрядческом Даниловском скиту (Выгореция), и в крестьянской среде, помимо основного своего места на божнице в избе, выполняли в основном роль апотропея, охраняя развилки и перекрестки дорог и троп, границы поселений и другие средоточия «нечистой силы», нейтрализуя ее влияние на людей. Одним, а, может быть, и основным таким местом было кладбище, где как в деревья, так и в намогильные столбцы и кресты ранее врезались иконки с изображением креста и, чаще всего, с так называемой головой Адама на горе Голгофа, символизирующей первое с момента сотворения мира захоронение смертного человека. Следует заметить, что помимо иконок-крестиков (а в иных местах и икон с изображением одноименного с умершим святого) на намогильных сооружениях, а также рядом с могилами на деревьях могли вырезать родовой знак умершего с его персональным клеймом.*

**Ключевые слова:** *знаки собственности, охотничьи и рыболовные клейма, фигура ромба, деревянные кресты-иконки, Карельский берег Белого моря*

**Ссылка при цитировании:** *Конкка А.П. Беломорские клейма // Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 150–160.*

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/150-160

© *A.P. Konkka*

## WHITE SEA STAMPS

*The article is devoted to the study of karsikko (from the Karelian “Karsia” – “to chop off branches”) – sign trees that can be seen mainly in the zone of northern coniferous forests and have various functions. Stamps are family and ancestral marks used as signs of ownership and carved on trees to designate a hunting trail with snares on it or the border of the fishing grounds of a family or a tribal group. Trees could be marked in places of overnight stays in the forest or near fishing huts, on patrimonial grounds, etc. Any sign on a tree usually also has a magical function protecting those who spend the night in the forest, in an unfamiliar place, away from home.*

*The article describes two trips to the White Sea coast and consists of two related parts, the first one being devoted directly to the stamps. The Karelian stamps have received very little attention in the scientific literature: apart from one article by D. Zolotarev, who described data from the extreme north of Karelia, no works have been devoted to them. Property marks have a long history and have undergone various changes. Nevertheless, the author compares the conclusions and identifies some patterns regarding the rhombus figure used in the stamps in the north of the Karelian coast.*

*The second narrative is based on the tradition to embed copper folds and wooden cross-icons into the trees (although the crosses could be carved in the tree's bark). These artifacts were made in the Old Believers' Danilovsky Skete (Vygoretsia) until the middle of the 19th century. Among peasants, apart from belonging to the shrine in the hut, they played the role of an apotrope, guarding the forks and crossroads of roads and paths, the borders of settlements, and other places where "evil spirits" were concentrated, neutralizing their influence on people. Earlier, icons with the image of a cross and often with the so-called Adam's Skull on Mount Golgotha, symbolizing the first burial of a mortal person since the world's creation, were embedded in crosses and trees at the cemeteries. In addition to the cross-icons (and in some places images of the saint of the same name with the deceased), the patrimonial mark of the deceased with his personal stamp could be carved on the grave structures and the trees next to the graves.*

**Keywords:** *property marks, hunting and fishing marks, stamps, rhombus figure, wooden cross-icons, Karelian coast of the White Sea*

**For Citation:** *Konkka, A.P. 2022. White Sea Stamps. Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii) 1: 150–160.*

**Author Info:** *Konkka, Aleksii P.* – PhD in Hist., Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, RF). E-mail: [alekkonkka@outlook.com](mailto:alekkonkka@outlook.com)

В июле-сентябре 2014 года состоялись наши поездки в пос. Чупа Лоухского района Карелии. В июле после проведения конференции «Природное и культурное наследие Белого моря: перспективы сохранения и развития», ее участники побывали в бухте Корабельной в проливе Глубокая салма напротив о. Пезжостров на археологических раскопках энеолитических поселений, проводимых Надеждой Лобановой. Здесь же, на морской террасе с редким сосновым лесом, в пределах нескольких сотен метров от берега моря вдоль троп и в лесу поблизости от них было зафиксировано 32 затеси (некоторые еще со следами топора), в основном на больших и старых, высохших соснах. Затесы были сделаны на еще растущих деревьях. Таким образом, возраст этих зарубок мог быть очень почтенным и, исходя из предыдущего экспедиционного опыта в этих широтах, мог доходить до 200 лет и старше. Речь идет именно о старых затесах на деревьях, к слову скажем, что никаких свежих порубок в этом районе обнаружено не было. Они были разной формы и размера: от небольших 7 x 5 см или 10-12 длиной и 4-5 см шириной до 20 x 10 см соответственно. Один из затесов у комля дерева был довольно крупным: 60 на 40 см, самый же большой достигал 1, 5 метров в длину (в высоту от земли) и 30 см в ширину. В основном затесы были сделаны на уровне груди или головы взрослого человека, однако пять затесок находились у самой земли или на комлях сосен. Формы затесов были в основном в виде вытянутых вдоль ствола лент разной длины с зауженными концами, но было также несколько практически круглых и прямоугольных зарубок, в двух случаях встретились затеси в виде клина или треугольника (широкой стороной к земле). Следует заметить, что первоначальные формы некоторых затесок были частично деформированы в период зарастания их еще при росте деревьев и края их были неровными, так, что очертания их можно было определить лишь предположительно.

Особенный интерес представляли затесы на соснах № 6 и 25, обнаруженные ранее директором Чупинского морского яхт-клуба Юрием Рыбаковым. На этих затесах были вырезаны прекрасно сохранившиеся клейма – родовые или семейные знаки или знаки собственности, издревле используемые местным населением. На ровной поверхности практически прямоугольной формы затеса № 6 были вырезаны два знака высотой около 10 см: первый, напоминающий заглавную букву «Ч» и рядом справа –  $\diamond$ , то есть ромб, но перечеркнутый в верхней своей части горизонтальной линией (рис. 1). Затес был сделан на высоте около 180 см от земли. Затес № 25 представлял собой глубокую зарубку на уровне 170-175 см от земли в высохшей сосне, высотой 55 и шириной 15-17 см. В верхней части затеса был вырезан более уплощенный и меньший по размеру, в сравнении с первым клеймом, ромб. Ромб соединялся с косым «рубезом» (по старой терминологии рубезами называли поперечные линии на клеймах) несколько косо вправо от основания ромба идущей короткой линией. Под этой конструкцией в затесе был вырезан еще один косой «рубез» параллельно первому (рис. 2).

На этом же дереве сбоку был сделан затес (45 x 30 см) в виде треугольника с выступом внизу, который обычно называют «полкой» (рис. 3), так как подобные «полки» на деревьях в некоторых местах используют для временной установки на них иконок и свечей. С правой стороны «полки» затес продолжался в другой плоскости, образуя между полкой и продолжением затеса «гребень», то есть выдающийся углом наружу правый край «полки». Следует заметить, что на соседнем дереве была такая же «полка», только меньших размеров.

Каково же было предназначение этих затесов на деревьях? Простая зарубка на дереве, как это показывают карельские и финские материалы, равна по своему значению с определенным образом обработанным деревом-карсикко, у которого отрубается вершина, обрубаются в определенных местах ветки или в стволе которого вырезаются знаки. Сделать затеску – значит сделать из дерева дерево-знак, когда оно превращается в обработанный, освоенный (в сравнении с диким природным окружением) человеком предмет, часто имеющий магическое значение. Человек вдали от поселений, особенно в незнакомой местности, делал себе карсикко, вырубал метки на деревьях, отмечал дорогу – осваивал окружение, одновременно сотворяя для себя охранителей от враждебных сил стихии. Со временем мировоззрение менялось и знаки приобретали все более практическое значение, однако тот факт, что они сосредотачиваются в основном вокруг временного или постоянного жилища человека, все еще говорит об их защитной роли. От освоения территории вообще и от родовых знаков, легко было перейти к знакам собственности, каковыми и являлись вырезанные на зарубках № 6 и № 25 клейма. Клейма, как известно, могли использоваться в качестве подписи, для маркировки определенных предметов промысла и быта, домашних животных, земельных участков, а также охотничьих угодий, например, путиков, то есть охотничьих троп с настороженными на них силками на дичь. Путики передавались по наследству и часто обозначались родовым или семейным клеймом охотника, которое вырезалось в начале путика и далее через определенное расстояние на деревьях. Идет ли здесь речь о начале путиков, землевладении определенного рода (или родов), границе охотничьих владений (проходившей между двумя знаками собственности на деревьях) или это были знаки собственности владельцев соседних морских тоней, нам не удастся узнать ранее, чем в архивах найдутся документы по этому поводу. Тем не менее, я сделал попытку найти хоть какие-нибудь общие сведения. В основе наших клейм, если не считать «букву» Ч, лежит ромб. Я изучил известные в литературе рисунки клейм карел, лопарей, поморов и русских Архангельской губернии: карельские (Золотарев 1924), лопарские клейма (85 штук), собранные Н. Харузиным (Харузин 1890: 256); лопарские клейма (340 клейм) из собрания Я. А. Комшилова (Комшилов, 1926), 136 клейм из русских волостей Поморья, Холмогор, Шенкурска, 31 лопарское клеймо, 106 карельских знаков, которые «взяты из решений волостных судов и книг договоров Корельских волостей Архангельской губернии» (Ефименко 1874).

Из всей массы изданных рисунков клейм у саамов и русских не нашлось ничего похожего на ромбы. Клейма Кестенгской волости Золотарева оказались частично сходными с лопарскими, а частично уже более позднего типа, напоминающие инициалы. Лишь только одно клеймо из дер. Коккосалма (последнее в списке на с. 145) напоминало ромб, который в данном случае представлял из себя две «скобы», посередине которых была вертикальная черта: <|> («скобы» у Золотарева ближе к сердцевине, чем здесь). Однако у Ефименко, в его собрании карельских клейм, обнаружились интересные детали. Карельское клеймо под номером 197 можно интерпретировать как два соприкасающихся ромба перечеркнутые посередине поперечной линией (с другой стороны и как две «скобы», посередине которых стоит крест Х, но сама конструкция уже очень близка к перечеркнутым ромбам, как и наш ромб на затесе № 6). Клеймо под номером 288 представляет собой два косых креста ХХ поставленных вплотную друг к другу, что можно интерпретировать как фигуру ромба с отростками с обеих сторон. Клеймо же под номером 226 неоспоримо представляет собой два отдельных ромба, соединенных фигурой простого креста (рис. 5).



Рис. 1. Знаки собственности на тропе в Корабельной бухте (фото автора, 2014).

Fig. 1. Property signs on the trail in Korabelnaya Bay (photo by the author, 2014).



Рис. 2. Клеймо и "полка" на другой стороне дерева-карсикко в Корабельной бухте (фото автора, 2014).

Fig. 2. A stamp and a "shelf" on the other side of a karsikko tree in Korabelnaya Bay (photo by the author, 2014).



Рис. 3. Клеймо и "полка" на другой стороне дерева-карсикко в Корабельной бухте (фото автора, 2014)

Fig. 3. A stamp and a "shelf" on the other side of a karsikko tree in Korabelnaya Bay (photo by the author, 2014).



Рис. 4-6. Знаки собственности русского населения Архангельской губернии (Ефименко, 1874, Приложение).

Fig. 4-6. Property signs of the Russian population of the Arkhangelsk province (Efimenko 1874, Appendix).

Таким образом, на основе имеющегося материала, можно сделать вывод, что фигуры ромбов в основе клейм на Северо-Западе России явление редкое и встречается только в карельских клеймах. К сожалению, П. Ефименко не оставил нам указаний из каких волостей он получил те или иные знаки собственности. Тем не менее, есть вероятность, что изыскания в документах ближайшей Керетской волости могут дать первые результаты, далее следует только расширять круг поисков. Так, два ромба классической формы  $\diamond$ , один из которых с дополнительными прямыми штрихами-отростками по углам, были обнаружены мной в 1979 г. среди других вырезанных на деревьях клейм в часовенной роще дер. Суднозеро, бывш. Вокнаволоцкой волости Кемского уезда, известной тем, что там еще в начале XX века проводились жертвоприношения животных. Фигура ромба с «рожками» (как на правой стороне клейма № 220 собрания Ефименко, см. рис. 6) присутствует среди карельских клейм в опубликованном Н. Лавонен документе из Государственного архива Архангельской области (Лавонен 1989: 45).

Дополнительным подтверждением тезиса о карельских корнях фигуры ромба можно считать обнаружение клейма, во многом идентичного знаку в Корабельной бухте, в часовенной роще дер. Бирючёво Ленобласти. Бирючёвская роща, вероятнее всего, наиболее старое культовое место локальной группы тихвинских карел-старобрядцев (фото 7-8). Что же касается клейма «Ч», то подобные «буквы» (больше в виде «У») встречаются среди карельских клейм как у Золотарева, так и у Ефименко.

Предположение о родовых знаках или знаках собственности на деревьях в Корабельной бухте подтверждается также фотографиями, полученными от Юрия Рыбакова из местечка Пелека (Пелег) южнее карельской деревни Соностров. Здесь тропы были проложены между морскими губами, что давало возможность не выходя в открытое море (особенно осенью во время сильных ветров), рыбачить (при наличии лодки) в соседних губах. Собственно, та же ситуация была и на тоне Иваньковской, откуда тропа ведет в губу Летнюю. На Пелеке найденные клейма располагались вдоль тропы. Одно из них по своей структуре сходно с вытянутым в стороны W, а также со знаком треугольника в разных вариациях известным как по карельским, так и по русским клеймам Архангельской губернии (рис. 9).

На втором клейме (кажущемся нам довольно свежим) крест вместе с буквенным обозначением может означать как клеймо, так и магический знак. Третье клеймо, напоминающее буквы, вырезанные вдоль ствола дерева: НИ I отличается от набранных здесь знаков тем, что «Н» и «И» написаны слитно и имеют общую вертикальную линию (рис. 10).

Примеры подобных знаков имеются как среди карельских, лопарских, так и клейм русского населения Архангельской губернии. Еще один затес со знаками довольно сильно зарос, но там, по моему мнению, прослеживаются части двух ромбов, между которыми находится вертикальная черта (клеймо вырезано вдоль ствола дерева). Интересно, что первое и третье клейма вырезаны на деревьях, в которых рядом со знаками вырублен «гребень» (рис. 9).

Что касается ромбовидных фигур, то они довольно часто встречаются в вепсской и карельской вышивке (а также в карельской резьбе по дереву), начиная со Средневековья. В том числе в фитоантропоморфных фигурах, соединяющих в себе растительные и антропоморфные мотивы. Особенно интересна форма изображения головы антропоморфной фигуры, чаще всего это именно ромб. «У этих фигур... голова вышита в виде



*Рис. 7-8. Клеймо на дереве и общий вид Бирючёвской рощи, где некогда стояла kellä (часовня) (фото автора, 2004).*

*Fig. 7-8. A stamp on a tree and the general view of the Biryuchevskaya grove, where the kellä (chapel) once stood (photo by the author, 2004).*



*Рис. 9-10. Клейма, вырезанные вдоль троп на мысу Пелека (фото Ю. Рыбакова).*

*Fig. 9-10. Stamps carved along the trails at Peleka Cape. Photo by Y. Rybakov.*

крупного ромба с многочисленными линиями-«лучами» на внешних краях» (Косменко 2002: 125. Ромбы в вышивке вепсов: 131–132, 118–119, 126–127; карел: 186, 188, 190, 197–198, 203). Широко представлены ромбы также в карельской резьбе по дереву. В известных работах финских архитекторов Ю. Бломстедта и В. Суксдорфа «Карельские постройки и формы декора» и «Народное зодчество и орнаментальные формы в Карелии по обе стороны границы» У. Ульберга, А. Тавастьерны, Я. Кекконена, вышедших по следам экспедиций рубежа веков в среднюю и южную Карелию (Blomstedt ум. 1900; Ullberg ум. 1929) представлено более сорока рисунков строительных конструкций и предметов быта, в декоре которых используются ромбовидные формы. Это наличники, перила балконов, спуски, ветреницы и полотенца на крышах, столбы амбаров, надгильные столбцы, прялки, рубели, столы. Причем ромбы присутствуют не только в орнаментах, но и в конструкциях предметов (напр. в навершиях прялок и

антропоморфных фигурах на ветреницах)<sup>1</sup>. Особенно интересна ветреница на доме из дер. Мууанто (волость Суйстамо, Северное Приладожье), верхняя часть которой представляет собой схематизированную человекоподобную фигуру, выполненную из двух ромбов – маленького и большого вытянутого под ним (рис. 9).

Подобные антропоморфные изображения на севере Карелии встречаются также на могилах и на деревьях-карсикко на кладбищах. Здесь стоит упомянуть деревянную фигурку на домовине («гробнице») в дер. Хайколя Калевальского района (рис. 10), «ветреницу» на кресте в олонецкой дер. Нурмолицы (рис. 11) и вырезанное в дереве человекоподобное изображение на кладбище карельской дер. Куйваярви (Суомуссалми) (рис. 12). Такого же типа изображение было вырезано в стволе ели на старом кладбище Куусикко в дер. Панозеро на р. Кеми. Что касается ромбической формы головы, то здесь вероятна связь с восточными финно-уграми и другими народами уральской семьи, один из основных вариантов орнамента которых, а именно приобского, пятого типа сибирского орнамента, выделенный С. В. Ивановым, представлен в Историко-этнографическом атласе Сибири. Помимо приобского, ромбы представлены также в северносибирском, саяно-алтайском, нижнеиртышском и иртышско-алтайском типах орнамента (Историко-этнографический... 1961: 425, 427).

В сентябре мы отправились с Юрием Рыбаковым в губу Ивановскую, где существует тоня такого же названия. То же название имела и старообрядческая пустынь, место которой было обнаружено ЮР в августе месяце 2014 года. Тропа на скит начиналась, собственно, с открытого недавно лабиринта на берегу. Ивановская пустынь находилась вблизи Старушечьих озер, богатых кумжей. Направление из губы Ивановской в целом на юг. Расстояния небольшие, в пределах километра-двух. Из Ивановской губы идут две основные тропы: на Старушечьи озера и в губу Летнюю. Вдоль троп, а также вне их, в радиусе 50-70 метров от тоневого избы на деревьях (на соснах, а в низинах кое-где и на елях) сделаны разнообразные затесы и зарубки. Иногда они совершенно явственно обозначают тропу, иногда же идут одна за другой, насколько хватает деревьев. Здесь, в губе Ивановской, картина уже несколько иная, нежели в Корабельной бухте: много зарубок сделано на довольно тонких деревьях, они менее четкие и, скорее всего, часть из них относительно недавняя. Лес также другой: растут лиственные виды: береза, рябина, а по берегам Старушечьих озер и кустарники. Тем не менее и здесь встречается старые сухостойные сосны с зарубками. Размеры от 10 x10 до больших затесов (от 20 x30 на березе до 60 x50 на сухостое). В целом же узкие 25-30 см в длину и 7-10 см в ширину. Формы разнообразные: одни длинные и узкие, другие круглые, третьи расширяющиеся книзу, встречались и форменные зарубки, когда топором вырублена часть дерева, как будто кто-то начал его рубить. По тропе на Ивановскую пустынь я насчитал 10 затесов, еще 9 вокруг жилья, из них два было на березах. По тропе на запад от

<sup>1</sup> То же можно сказать и относительно ромбических форм наверху деревянных кладбищенских оград, которые зафиксированы по всей Карелии от села Михайловского на юге до Кестеньги на севере. Ромб на оградах встречается также в Поморье от Нюхчи и Колежмы до Гридина и Черной Реки. В Керети и Ковде на оградах встретилась также форма пятиугольника (обрезанного ромба) – отличительная черта декора множества культовых сооружений Карелии. Однако ограды в Поморье, как и в других карельских районах, были еще недавно относительно редки. К тому же в разных местах: в Сенной Губе на Выгозере, куда были переселены жители Карельского Острова, на Сямозере в Пряжинском районе и Юркострове Кондопожского района, а также в поморских селах Сухой Наволок и Ковда ромбами завершались оконечности намогильных крестов и их крыш.

пустыни еще 5, на пригорке за пустынью 4, один из них на березе. На берегу озера напротив Иваньковской пустыни было обнаружено еще 5 деревьев с зарубками, причем две больших зарубки были сделаны на березах.



*Рис. 11-14. Использование ромба в резьбе по дереву у карел (антропоморфные изображения) (фото автора Хайколя 1979; Нурмолицы 2014).*  
*Fig. 11-14. The use of a rhombus in woodcarving among the Karelians (anthropomorphic images). (photo by the author, 1979 – Haikola and 2014 – Nurmoilu).*

Примерно в 30 метрах от фундамента предполагаемого жилья на Иваньковской пустыне, в направлении на запад-северо-запад на старой сосне с развилистой вершиной и следами обрубания сучьев, Юрием Рыбаковым был обнаружен длинный широкий затес от самой земли (высота 1, 5 метра, ширина 40 см в самом широком месте) (рис. 15).



*Рис. 15-16. Юрий Рыбаков на месте Иваньковской пустыни. Сосна-карсикко со следами врезанной в затес иконки-креста (фото автора, 2014).*  
*Fig. 15-16. Yuri Rybakov in the place of the Ivankovskaya desert. Karsikko pine with traces of an embedded cross icon (photo by the author, 2014).*

Вокруг зарубки происходило интенсивное зарастание и часть ее ушла под наплывы. Сейчас дерево вполтину толще того, что было при зарубании. В левом верхнем углу затеса сделана была еще одна зарубка длиной около 60 см – по самому затесу вырублена полость на левую сторону и верхняя часть большого затеса превратилась в острый «гребень» (рис. 16).

На этой уходящей влево поверхности затеса вырезано основание для вставки туда креста – деревянного старообрядческого креста-иконки (как правило, на ней было изображение креста на горе Голгофе с головой Адама) выгорецкой работы, которые в старообрядческих районах Карелии (помимо частей медных складней) прибывались или утапливались в специально сделанные выемки на надгробных столбиках или на деревьях на кладбищах. Подобные крестики до последнего времени сохранялись на некоторых отдаленных кладбищах внутренних районов Карелии и Поморья, например, в Гридине (рис. 17). Высота креста-иконки 20, а ширина около 7 см. Направление примерно на запад, то есть то же, что и на кладбищах (учитывая, что крест ставился в ногах на востоке). В связи с этим фактом возникает вопрос: где в Ивановской пустыне хоронили своих покойников? В любом случае, жители Ивановской пустыни не брезговали народными обычаями, связанными с деревьями-карсикко.



Рис. 17. Кресты-иконки, утопленные в дерево (слева) и в надгробные столбцы на кладбище поморской дер. Гридино (фото автора, 2009).

Fig. 17 (photo 17, 17a, 17b) Cross-icons embedded into a tree (left) and tomb columns in the cemetery of the Pomor village Gridino (photo by the author, 2009).

Известно, впрочем, что медные складни и их части раньше встречались не только на кладбищах, но и в деревьях на перекрестках дорог и особо опасных местах, где по поверьям местных жителей водилась нечистая сила. Вполне вероятно, что деревья эти были деревьями-карсикко и иконка играла нейтрализующую роль, причем нейтрализовалась не только нечистая сила, но и «языческий» обряд обрубания деревьев. На практике, как это часто бывало, в народном понимании эти религиозные атрибуты лишь усиливали друг друга. Народ использовал как языческие, так и христианские символы для защиты от духов и неведомых природных сил в равной степени активно.

### Источники и материалы

Комшилов 1926 – Комшилов Я. А. Лопарские клейма. Мурманское Общество Краеведения (Из доклада, читанного на Общем собрании О-ва 5 декабря 1926 г.). Кольские карты. [https://www.kolamap.ru/library/1926\\_komshilov.htm](https://www.kolamap.ru/library/1926_komshilov.htm).

## Научная литература

- Ефименко П. Юридические знаки // Журнал Министерства народного просвещения. 1874, 176, декабрь. С. 271–293. Приложение.
- Золотарев Д.А. Карельские клейма // Известия РГО. М., 1924. Т. 56. Вып. 1. С. 141–153.
- Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 498 с.
- Косменко А.П. Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Запада России. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002. 221 с.
- Лавонен Н.А. Песенный фольклор кестеньгских карел. Петрозаводск: Карелия, 1989. 290 с.
- Харузин Н. Русские лопари. Москва: Товарищество А.А. Левенсон, 1890. 482 с.
- Blomstedt Y., Sucksdorff V. Karjalaisia rakennuksia ja koristemuotoja. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1900. 83 s.
- Ullberg U., Tavaststjerna A., Kekkonen J. Kansanomaisia rakennustapoja ja koristemuotoja Karjalasta kahden puolen rajaa. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1929. 288 s.

## References

- Blomstedt Y., V. Sucksdorff. 1900. *Karjalaisia rakennuksia ja koristemuotoja* [Karelian buildings and decorative forms]. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys.
- Efimenko P. 1874. Yuridicheskie znaki [Legal signs]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* 176 (december): 271–293. Prilozhenie.
- Levin M.G., Potapov L.P. (eds.) *Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri*. 1961 [Historical and ethnographic atlas of Siberia], edited by. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Kharuzin N. 1890. *Russkie lopari* [Russian Lapps]. Moscow: Tovarishchestvo A.A. Levenson.
- Kosmenko A.P. 2002. *Traditsionnyi ornament finnoiazichnykh narodov Severo-Zapada Rossii* [Traditional ornament of the Finnish-speaking peoples of the North-West of Russia]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Lavonen N.A. 1989. Pesennyi fol'klor kesten'gskikh karel [Song folklore of the Kesteng Karelians]. Petrozavodsk: Kareliia.
- Ullberg U., A. Tavaststjerna and J. Kekkonen. 1929. *Kansanomaisia rakennustapoja ja koristemuotoja Karjalasta kahden puolen rajaa* [Folk building methods and decorative forms from Karelia on the two sides of the border]. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys.
- Zolotarev D. A. 1924. Karel'skie kleima [Karelian brands]. *Izvestiia Russkogo Geograficheskogo obshchestva*, 56 (1), 141–153.

© Л.И. Никонова, С.Д. Трибушинина

## К ИСТОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ МОРДВЫ НА ТЕРРИТОРИЮ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ\*

Целью исследования является изучение культуры и быта переселенцев из Мордовии, проживающих на территории Крымского полуострова. В статье на основе статистических данных, приведенных в переписях населения, проводимых на территории Российского государства в разные периоды его развития (1897, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2014), в Украине в период принадлежности изучаемого региона её юрисдикции (2001), выявляются основные этапы заселения мордвы в Крым. Авторами дается характеристика факторов, влиявших на особенности переселения в конкретные исторические отрезки времени: социально-исторических, политических, экономических и т.д. В статье также приводятся сведения, полученные в ходе этнографической экспедиции в Крым, состоявшейся в 2018 г. под руководством д.и.н., профессора Л.И. Никоновой\*. Полевой материал сопровождает описание преимущественно последних этапов заселения мордвы на территорию полуострова, дополняя информацию, полученную из официальных источников и научной литературы. Анализ динамики численности, статистических данных и полевого материала позволяет сделать вывод о частичной утрате традиционных черт и культурных особенностей мордовским населением в связи с влиянием социально-экономических реалий, унифицирующей среды полиэтничного региона, где за общую единицу общения выбирается государственный язык, условия дисперсного расселения представителей этого народа по региону.

**Ключевые слова:** мордва, Мордовия, Крым, динамика численности, миграция, традиционная культура, полиэтническая среда

**Ссылка при цитировании:** Никонова Л.И., Трибушинина С.Д. К истории переселения мордвы на территорию Крымского полуострова: по результатам этнографической экспедиции // Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 161–173.

---

**Никонова Людмила Ивановна** – д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005 Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3). Эл. почта: congress7@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>

**Трибушинина Светлана Дмитриевна** – к. культурологии, старший научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005 Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3). Эл. почта: tribushinina85@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3472-3640>

\* 03.06–14.06.2018 по приглашению Севастопольского регионального отделения ООО «Ассамблея народов России» по проекту реализованного с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, представленного Фондом президентских грантов (участники этноэкспедиции: Л.И. Никонова – руков., Т.Н. Охотина, С.Д. Трибушинина).

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/161-173

© L.I. Nikonova, S.D. Tribushinina

## ON THE HISTORY OF THE MIGRATION OF MORDVINS TO THE CRIMEAN PENINSULA: THE RESULTS OF AN ETHNOGRAPHIC EXPEDITION

*The research aims to study the culture and daily life of the Mordvins living on the Crimean peninsula. The article reveals the main stages of the settlement of the Mordvins in Crimea, based on the population censuses conducted by the Russian state (in 1897, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2014) and by Ukraine when Crimea was subject to its jurisdiction (in 2001). The authors describe socio-historical, political, economic, and other factors that influenced resettlement in specific historical periods. The article also provides data obtained during an ethnographic expedition to Crimea, held in 2018 under the leadership of Dr. of History Prof. L.I. Nikonova. The field material accompanies the description of the last stages of the Mordvins' settlement on the peninsula and supplements the information obtained from official sources and scientific literature. An analysis of the statistical data and field material allows us to conclude that the Mordovian ethnic group partially lost its traditional cultural identity due to the influence of socio-economic realities and the unifying environment of the multiethnic region. Mordvins are scattered widely across the region, and the state language has been chosen as the main unit of communication.*

**Keywords:** *Mordvins, Mordovia, Crimea, population dynamics, migration, traditional culture, multiethnic environment*

**For Citation:** Nikonova, L.I., Tribushinina, S.D. 2022. On the History of the Migration of Mordvins to the Crimean Peninsula: the Results of an Ethnographic Expedition. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 161–173.

**Authors Info:** Nikonova, Lyudmila I. – Dr., Prof., Leading Researcher, Institute for Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation). E-mail: congress7@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>

**Tribushinina, Svetlana D.** – PhD in Culture Studies, Senior Researcher, Institute for Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation). E-mail: tribushinina85@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3472-3640>

**Funding:** The study was carried out with the financial support of The President's Grant Foundation

### Введение

Крым является одним из миграционно-привлекательных регионов, представляющим особый интерес в геополитическом плане как территория с выходом в Черное

море и как уникальный природно-климатический объект с обширными аграрными и рекреационными ресурсами. История Крымского полуострова чрезвычайно динамична: войны, революция, национальные движения, миграции и депортации с ними связанные не могли не сказаться на этническом составе полуострова. Не случайно Крым часто называют «своеобразным миграционным перекрестком» (см., например: *Сидоренко* 2012: 141). Во все времена он отличался полиэтничным характером, оказывавшим влияние на всех представителей проживающих здесь народов. В данной статье объектом изучения выступает история переселения в Крым представителей мордовского народа. Первая мордва поселилась в Крыму в XIX в. В попытке восстановления картины первых переселений на полуостров авторы обращаются к Памятным книгам Таврической и Тамбовской губерний, где отражены данные о мордвепереселенцах и мордвепереходниках, данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. В дальнейшем этапы заселения выстраиваются на основе значимых в истории Крыма периодов, оказавших влияние на численный и этнический состав населения на протяжении XX в., как негативных (Первая мировая война, Революция, Гражданская и Великая Отечественная войны и др.), так и положительных (запуск Северо-Крымского канала, развитие промышленных предприятий и т.д.). В разные годы численность мордвы варьировалась в зависимости от исторических реалий конкретного периода, о чем свидетельствуют данные переписей населения 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 (в составе СССР), 2001 (в составе Украины), 2014 (в составе РФ). К 2014 году на полуострове проживал 1601 представитель мордовского народа (Национальный состав 2018). Для подтверждения выкладок, сделанных на основе анализа статистических источников и научной литературы, авторы приводят данные, полученные в ходе этнографической экспедиции в Крым, состоявшейся в 2018 г. под руководством доктора исторических наук, профессора Л.И. Никоновой. Полевой материал сопровождает преимущественно последние этапы истории заселения мордвы ввиду возрастного состава респондентов, что делает анализ этих периодов более полным, а также позволяет проанализировать не только демографические особенности истории на каждом этапе, но и степень сохранности традиционной мордовской культуры и языковых данных в условиях проживания в полиэтничном регионе.

### **Этапы переселения представителей мордвы в Крымский регион**

История заселения территории Крыма представителями мордвы началась в XIX в. Этапы формирования мордовского населения полуострова проходили в рамках периодов, характерных для представителей большинства народов материковой России, переселившихся на полуостров, и соответствовали миграционной и экономической политике Российской империи и Советского Союза. Заселение полуострова представителями народов, проживавших на материковой части Российского государства, началось после присоединения Крыма 21 апреля (8 апреля по старому стилю) 1783 г. в соответствии с Манифестом Екатерины II «О принятии Крымского полуострова, острова Тамана и всей Кубанской стороны под державу Российскую» (ПСЗ РИ 1830). Первым русским населенным пунктом в Крыму считается село Санкт-Петербургские Мазанки (ныне с. Мазанка Симферопольского района РК), основанное в 1784 г. 69 демобилизованными из армии солдатами 2-го и 3-го Гренадерских полков

(Мазанка 2017). Точных сведений о переселении непосредственно мордвы на территорию полуострова в официальной литературе в это время не зафиксировано.

Первый этап заселения мордвы включает период до 1897 г., когда в результате Первой всеобщей переписи населения Российской Империи было установлено, что на территории полуострова проживает 123 представителя мордовского населения (Первая всеобщая перепись 1904: 143). Наиболее вероятно, что переселение первых представителей связано с аграрным развитием региона. Освободившиеся в результате оттока крымско-татарского, турецкого и ногайского населения на территорию Османской Империи после присоединения полуострова в к. XVIII в. и после Крымской войны с Турцией (1853–1856) территории требовали привлечения большого количества земледельцев, способных развивать сельское хозяйство в разных сферах. Существенную роль здесь также сыграло расширение земель, пригодных для сельскохозяйственной деятельности, после проведения в 1860–1862 гг. мелиорационных работ в районах, ранее характеризовавшихся как крайне засушливые, например, Евпаторийском, Перекопском, Симферопольском и др., где были вырыты колодцы, прорыты водные каналы и созданы другие искусственные водоемы (Памятная книга Таврической губернии 1867: 175). Активное развитие сельского хозяйства привлекало представителей разных народов России и Европы. Мордва как народ земледельческий также приезжала в Крым на заработки. Таврическую губернию, в состав которой входил Крым, В. И. Чаславский отмечал среди наиболее благоприятных для сельскохозяйственного отходничества. Он писал, что из Тамбовской, Пензенской и Симбирской губерний, где мордва была вторым по численности населения народом (Тамбовская – 89 704 чел. (3,34%), Пензенская – 187 862 (12,78%), Симбирская – 188 980 (12,37%)<sup>1</sup> жители выезжали на заработки по причине малоземелья либо полного безземелья и, в некоторых местах, неплодородности выделенных в надел земельных участков (Чаславский 1875: 3). В «Сборнике статистических статей по Тамбовской губернии» приводятся данные о представителях мордовского народа, годами проживавших на территории полуострова: 130 человек из сел Широмазово и Шокши Широмазовской волости Тамбовской губернии, из Теньгушеской волости в отхожих промыслах числилось 180 чел., «главная часть ихъ въ Крыму (...) Проживающихъ въ Крыму оказалось большая часть изъ с. Нороватова (прим. автора: ныне с. Нароватово Теньгушевского р-на Республики Мордовия, основное население: мордва-эрзя)» (Сборник 1883: 200). Косвенным подтверждением как основной причины переезда наличие земледельческого заработка может служить также превалирование среди представителей мордвы в XIX в. сельского населения над городским (72 % сельское) и мужского пола над женским (66,8 % мужчин), о чем свидетельствуют данные Первой всеобщей переписи населения Российской Империи (Первая всеобщая перепись 1905: Табл. XIII).

Второй период характеризуется снижением численности мордовского народа в 1920-е гг. из-за происходивших в начале XX века негативных событий в истории Крыма и России в целом. Во время Первой мировой войны береговая линия Крыма длительный период подвергалась бомбардировкам со стороны моря. Часть мужского населения была мобилизована. Численность населения снизилась в 1917 году в период Октябрьской революции и Гражданской войны. В конце весны 1918 г. после падения монархического строя в Российской Империи полуостров был оккупирован немецкими войсками под командованием генерала Коша (три пехотные дивизии и

<sup>1</sup> Прим. автора: численность и процент мордовского населения от общего населения в губерниях.

конная бригада) (Пученков 2015), в горном Крыму и на побережье в это время вспыхнуло восстание крымских татар, названное ими «народной войной», в ходе которого была развернута борьба с христианским населением полуострова (Киселева 2015: 38), что тоже приводило к изменению численности населения не в лучшую сторону. Активные политические события в период революции и Гражданской войны привели к сокращению городского населения (Зарубин 2013). Н. В. Киселёва отмечает, что сельское население Крыма до начала 1920-гг. практически не пострадало. Однако, в 1920 г. и 1921 г. люди столкнулись с сильной засухой, вызвавшей голод на селе (Киселева 2015: 40). Усугубляло его и расположение частей Красной армии, стянутых из разных регионов России, которые снабжались за счет местного населения, в том числе промышляли грабежами (Соколов 2012). Это стало причиной переселения части местного населения из сельской местности в города. Такая картина характерна и для мордовского населения. Согласно Переписи 1926 г. в Крыму проживало 53 представителя мордвы, 37 из которых в городах (Всесоюзная перепись 1926).

С конца 1920-х гг. – нач. 1930-х гг. общая численность населения постепенно начинает увеличиваться. В литературе, освещающей историю заселения Крыма, отмечается что часть мордвы из различных областей РСФСР переселяется в ряд крымских сел в 1920-е – 1930-е гг. (Обличья 2012: 359). Один из представителей мордовского народа, опрошенный в ходе экспедиции, В.Н. Болотников вспомнил, что родственники его матери приехали в Крым работать еще до начала Великой Отечественной войны (ПМА 1). Всесоюзной переписью 1939 г. зафиксировано 810 чел. мордвы. Современная наука с осторожностью принимает результаты указанной переписи, однако, на ее основании можно сделать вывод об увеличении численности мордвы на территории полуострова (Волков 1990).

Третий этап переселения мордвы в Крым начался после Великой Отечественной войны и связан с её последствиями. Местное население полуострова сократилось почти вдвое в результате активных боевых действий, немецкой оккупации, характеризовавшейся уничтожением значительной части местного населения, в т.ч. геноцида еврейского народа, и массовой депортации представителей ряда народов: немцев (1941), крымских татар, греков, болгар и др. (1944). После освобождения Крыма в 1944 году были приняты меры по восстановлению сельского хозяйства и городов. Согласно постановлению Госкомитета обороны № ГОКО-6372 от 12 августа 1944 г. «О переселении колхозников в районы Крыма» сюда переселяли крестьян из областей Украинской ССР, Краснодарской, Курской, Ростовской, Тамбовской и др. областей для восстановления сельского хозяйства (Конониренко 2017: 99). В перечень требовавшихся в селах специалистов входили не только колхозники, но и председатели колхозов и совхозов, учителя, врачи, механики, агрономы, зоотехники и т. д. Колхозники и специалисты из Тамбовской области, в которой по переписи 1939 г. мордвы проживало 1010 чел., были направлены в Карасубазарский район (ныне Белогорский) Республики Крым (численность мордвы на 2014 год – 37 чел.), из Ростовской, в которой числилось 1724 чел., в Ялтинский район (численность мордвы на 2014 год – 97 чел.) и т. д. (Там же). Приезжавшим в Крым по переселенческой программе предоставлялся ряд налоговых льгот, единовременное денежное пособие в размере 2500 руб. на семью, обеспечение продуктами сельского хозяйства, жильем, оставшимся от депортированных народов, их хозяйствами, урожаем и др. (Вербицкая 1986: 18). Э.И. Сеитова отмечает, что в этот период работники в колхозы и совхозы

приезжали не только по программе переселения, но и в частном порядке. Сложно сказать были ли среди приехавших представители мордовской национальности, однако, ввиду увеличения численности мордвы к переписи 1959 года, можно предположить, что такие случаи имели место. Максименко М. М. пишет, что согласно данным Государственного Киевского архива на территорию Крыма с весны 1944 по 1947 гг. переселилось 2377 семей из 27 регионов СССР (Максименко 1990: 53). Необходимо отметить, что в послевоенный период в восстановлении нуждались и города Крыма (Евпатория, Керчь, Севастополь, Симферополь и др.), которые сильно пострадали в период боев и немецкой оккупации. Представители мордвы приняли участие в этом процессе. Например, согласно архивным данным, в 1948 г. на восстановление г. Севастополь было направлено 250 чел. из Мордовской АССР (ЦГА РМ 1948: 1156–1157).

Переселенческие программы продолжали действовать и после изменения административного статуса Крымской области в связи с выходом Указа Президиума Верховного Совета СССР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» от 19 февраля 1954 года. Как отмечает Э. Сеитова, сельскому хозяйству по-прежнему требовались квалифицированные трудоспособные работники (Сеитова 2010: 319). Так, по программе переселения в Крым приехала семья И.П. Сараева в составе 5 чел., И. и Е. Поздняковы и др. (ПМА 1). По словам В.А. Конониренко, в 1950-х гг. приезжало также большое количество самовольных переселенцев, например, за 1950-й г. в Крым приехало 513 семей из Пензенской области (Конониренко 2017: 119). Часть переселенцев из Мордовии приезжала в города, например, Ф. И. и А. И. Родионовы, затем их внучка Н.В. Сетяева (ПМА 1), В.Д. и Е.Д. Романовы, Е. Барабаш и др. (ПМА 2). В результате осуществления переселенческих государственных программ и самовольных переездов численность мордвы на территории Крыма увеличилась и по данным Всесоюзной переписи 1959 г. составила уже 1858 чел. (790 м., 1068 ж.) (ВПН 1959).

Четвертый этап миграции мордвы в Крым включает 1960-80-е гг. Численность мордовского населения значительно выросла: в 1970-м г. она составила 3179 чел., в 1972 – 3970 чел., в 1989 – 4582 чел. Значительному миграционному притоку способствовало активное развитие экономики Крыма в этот период. Сельскохозяйственный сектор получил новый виток развития со строительством Северо-Крымского канала, позволившем увеличить площадь колхозов, привлекающих для работы новых переселенцев. К 1970-му году в Крыму насчитывалось 119 колхозов площадью 470 тыс. г (История сел 1974: 63). Среди опрошенных в ходе экспедиции были представители мордовской национальности, приехавшие работать в крупные сельхозпредприятия Красногвардейского (совхозы «Дружбы народов», «Восход», колхозы «Маленький», «Россия» и др.), Сакского (совхозы «Береговой», «Крымский», «Озерный», «Россия» и др.), Симферопольского (совхоз «Пригородный», «Советская Родина» и др.), Советского и др. районов с развитым агропромышленным комплексом. Представители местного мордовского сообщества рассказали, что 3-5 представителей мордовской национальности проживали почти в каждом крымском селе (ПМА 2). В 1976 г. программы переселения в сельские районы были закрыты после решения властей о демографическом насыщении Крыма (Гусаков 2019: 75). Однако, это не уменьшило приток мордовского населения, но сместило вектор миграции с сельской местности в сторону городов. Согласно Статистическому бюллетеню «Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по городам

и районам Автономной республики Крым», изданной в Симферополе в 1991 году, в Крыму в этот период проживало 4 тыс. чел., из которых в городах и поселках городского типа проживало 1457 чел., а в сельской местности – 2543 чел. (Финогеев, Шостка, Старчков 2009: 28). При общем увеличении численности мордвы к 1989 году за счёт мордвы г. Севастополь, где на то время проживало более 500 представителей этого народа, численность городской мордвы начинает превалировать над сельской. Увеличению численность городского населения послужил и тот факт, что часть мордовского населения, изначально приехавшая в сельскую местность, в этот период переехала в города, например, в г. Севастополь переехали Л.В. Ильченко (Бойко), Н.Н. и А.И. Балашовы, В.А. Романов с семьей и др. (ПМА 2), в г. Симферополь переселились В.М. Старчков, В.И. Болотников и т.д. (ПМА 1). Увеличилось количество миграций непосредственно в города. Напр., в 1970–1980-х гг. в Крым приехали работать Т.И. Мялькин, Б.А. Суркова, Н.А. Федосеева, Н.Н. Жданкина, В.С., А.С. и В.А. Четыркины, М.В. Грибанова (Видяева) и др. (г. Севастополь), в г. Саки приехал В.П. Наумкин, переселившийся затем в г. Гурзуф и др. (ПМА 1, 2).

В дальнейшем ситуация с постепенным ростом динамики численности мордовского населения кардинально изменилась. После распада СССР Крым остался в составе новообразованного государства Украина как Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика согласно закону УССР от 12 февраля 1991 года. В 1992 году автономия была переименована в Республику Крым (Закон 1992: 194), а в 1994 году – в Автономную Республику Крым. После принятия Конституции Украины в 1996 г. из состава Автономной Республики Крым был исключен город Севастополь, который согласно ст. 133 указанного документа приобрёл специальный статус административной единицы первого уровня наравне со столицей Украины г. Киевом (Конституція України 1996). В этот период общая численность населения полуострова значительно снизилась в связи с ухудшением социально-экономической жизни, так, например, в г. Севастополь сократилось число промышленных предприятий с 75 до 51, что послужило росту безработицы и привело к снижению естественного прироста населения и миграциям (Севастополь 2008: 31). Также вынужденной миграции славянского населения совместно с которым из Крыма уезжала и часть представителей мордвы способствовал рост межэтнической напряжённости в связи с репатриацией крымско-татарского населения (Гусаков 2019: 75). По Всеукраинской переписи населения 2001 г. в Автономной Республике Крым проживало 2208 чел. мордвы, имеющей украинское гражданство и 39 чел. граждан других государств и лиц, не имеющих гражданства (Распределение граждан 2004).

В результате Референдума о статусе Крыма Республика Крым и город федерального значения Севастополь вошли в состав Российской Федерации на основании Федерального закона от 21 марта 2014 г. N 36-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» (Федеральный закон 2014). В этом же году была проведена перепись населения, установившая, что в Крымском Федеральном округе проживает 1601 представитель мордовского народа: 1338 чел. проживают в Республике Крым, в г. Севастополь – 267 чел.

Присоединение Крыма к России условно можно считать началом новой волны переселений, т.к. по данным Крымстата население полуострова в настоящее время постепенно увеличивается за счет приезжающих с материковой части России (Итоги

2015; Демографическая ситуация 2018). Так, по данным Мордовиястат, в 2017 г. в Крым выехало из Мордовии 22 чел. (Миграция 2018: 12-13).

### **Современная система материальной и духовной культуры мордвы Крымского полуострова в условиях поликультурного региона**

Сложившаяся в Крыму в процессе миграций уникальная полиэтническая среда, социально-экономическая ситуация в современном обществе и этническая дисперсность мордовских переселенцев оказывают значительное влияние на уровень этнической самоидентификации, в т.ч. языковых характеристик, степень сохранности традиционной материальной и духовной культуры мордвы. Процесс снижения численности мордовского населения на территории Крымского полуострова связан не только с естественной убылью населения и миграционными реалиями начала XXI в., но процессом ассимиляции. Об уровне ассимиляции народа в первую очередь свидетельствует степень сохранности языковых навыков среди его представителей, т.к. они утрачиваются первыми при общении в иной языковой среде. В первом же поколении переселенцев количество мордовскоговорящих представителей уменьшается. Ещё в «Памятной книге Таврической губернии за 1867 г.» о мордве, проживающей в русско-украинской среде с 1833 г. было написано: «В образе жизни, одежде, нравах и обычаях между ними и живущими в том же селении русскими, государственными крестьянами, почти не заметно никакого различия. Говорят они по-русски очень редко, между своими, по-мордовски» (цит. по: Памятная книга 1867: 205). По переписи 2014 года подавляющее большинство мордвы полуострова знают и считают родным языком русский, в то время как мордовским владеют 397 представителей из 1601. Также в Крымском Федеральном округе были также зафиксированы 1 человек, указавший в качестве родного мокша-мордовский язык, и 5 – эрзя-мордовский (Таблицы 2014).

Активизации процесса ассимиляции способствовало большое количество межнациональных браков. Согласно переписи 2014 г. в Крымском Федеральном округе было зафиксировано большое количество межнациональных браков – с русскими, украинцами, крымскими татарами и др. Они составляли более 30% (Таблицы 2014). В ходе экспедиции межнациональные браки были зафиксированы и среди представителей мордовского народа. Например, А.С. Лебин женат на крымской татарке, В. Старчков и В.А. Романов – на украинках и т.д. (ПМА 1, 2).

В разной степени мордва сохранила ряд традиционных элементов этнокультуры. Преимущественно это касается приготовления традиционной пищи, как наиболее сохранной части материальной культуры народа. В целом рацион мордовского населения полуострова значительно расширяется по причине изменения социально-экономических условий проживания (увеличение доли покупных продуктов питания и др.), что характерно для всех регионов страны, смена диапазона пищевых привычек за счет продуктов, характерных для конкретных природно-климатических условий (увеличение в рационе овощей, фруктов, морской рыбы и т.д.), приготовление блюд из национальной кухни соседних народов (украинские борщ, зразы, налистники, крымско-татарские манты и чебуреки и т.д.). Свои национальные блюда постепенно переходят в разряд праздничных блюд, приготовление которых приурочено к календарным, церковным или семейным праздникам. Повсеместно в Крыму мордва готовит *салмат* или *салму* (галушки с мясом и тушеной капустой или яичницей), *шенявкст* (капуста

тушенная с мясом), *цуморот*, *тёмара*, *сёмара* (отваренная в тесте хамса), *лям* (суп с картофелем, мясом, луком и морковью), мордовские пшениные блины *пача*, *пачат* и т.д. Традиционные рецепты зачастую видоизменяются в силу отсутствия ряда продуктов, характерных для исконных мест проживания мордвы, напр., ржаная и пшениная мука в блинах заменяется пшеничной или крахмалом (ПМА 1, 2).

Изменения свадебных, похоронно-поминальных и др. обрядов связаны скорее с общими трансформациями, произошедшими в этой части традиционной культуры в советский период, нежели с переездом на новое место жительства. Большая часть опрошенных в ходе экспедиции переехала в Крым в 1960-70-е гг., когда и на исконной территории проживания мордвы в Мордовской АССР, Пензенской, Нижегородской, Ульяновской и др. областях происходил процесс унификации обрядов в соответствии с советскими социально-экономическими и политическими установками, выработки новой обрядовости, лишь частично сохранившей элементы традиционных верований и обрядов. Напр., в процессе осуществления свадебного обряда для предохранения молодых от негативного воздействия до настоящего времени вкалывают булавки либо иголки в подол одежды, пекут традиционные свадебные пироги и т.д.

Родинные обряды практически не сохранились в связи с развитием медицины, в результате которой роды проходят в медицинских учреждениях, однако, частично сохранился обряд занесения новорожденного в дом: в красном углу на стол кладется специально испеченный хлеб с воткнутой в центре церковной свечой, перед ним молятся о здоровье новоиспеченного члена семьи (ПМА 2). В отправлении похоронных обрядов сегодня большую роль играют православные традиции и современные похоронные тенденции (обращение в ритуальные службы и др.), но в то же время среди мордвы сохраняются его традиционные элементы. Напр., крымская мордва отмечает, что они стараются хоронить родных рядом с родственниками, как это принято на малой родине (ПМА 1, Н.Н. Сараев, В.М. Старчков и др.). В целом традиционная культура мордовского народа, проживающего в Крыму, постепенно видоизменяется, сохраняя при этом лишь ряд традиционных элементов.

### Заключение

Таким образом, в результате анализа статистических и архивных данных, полевых материалов авторов в истории заселения мордовского народа на территорию Крымского полуострова можно выделить четыре основных этапа: до начала XX века, в 1920 – 30-е гг., 1940 – 50-е гг. и 1960 – 80-е гг. В настоящее время в связи с политическими изменениями последнего десятилетия можно сделать вывод о начале пятого этапа переселения. Изменения численности мордвы в Крыму непосредственно связаны с негативными и положительными моментами в истории изучаемого региона и соответствуют этапам заселения сюда русского и украинского населения. Основной приток мордовского населения пришелся на 1960 – 80-е гг. Сложившаяся в процессе миграций уникальная полиэтническая среда оказывает значительное влияние на традиционную материальную и духовную культуру жителей, переселившихся на полуостров в разное время. Культура мордовских переселенцев впитала в себя традиционные элементы различных народов, проживающих на полуострове. Высока доля воздействия различных факторов, имеющих унифицирующий характер, таких как русская культура, религиозные основы православия, реалии рыночной экономики.

### Источники и материалы

- ПМА 2018 № 1 – ПМА 2018, № 1. Республика Крым (Болотников В. Н., 1964 г. р., г. р., г. Симферополь; Сетьева Н. В., 1936 г. р., г. Симферополь, Власова (Зотова) З. М., 1951 г. р., Власов И. Д., 1939 г. р., с. Белоглинка Симферопольского р-на; Киреев Ю. А., 1948 г. р., г. Симферополь; Лебин Виталий Сергеевич, 1976 г. р., г. Евпатория, Сараев Н. И., 1940 г. р., с. Кремнёвка Красногвардейского район; Старчков Владимир Михайлович, 1960 г. р., г. Симферополь).
- ПМА 2018, № 2 – ПМА 2018, № 2. Город федерального значения Севастополь (Грибанова (Видяева) М. В., 1955 г. р., Жданкина Наталья Николаевна, 1962 г. р., Романов Виктор Андреевич, 1949 г. р., Суркова (Давыдкина) Татьяна Ивановна, 1964 г.р., Ильченко Л. В., 1950 г. р., Балашов Николай Николаевич, 1952 г. р., Сиркина Галина Алексеевна, 1947 г. р., Мьялкин Борис Алексеевич, 1959 г. р.).
- ЦГА – Центральный государственный архив Республики Мордовия. Р-228. Оп. 3. Д. 188. Постановления, решения суженных заседаний, районных исполнительных комитетов. Сводки о выполнении плана по валовой продукции государственной и кооперативной промышленности. Справки о выполнении государственного плана хлебопоставок, о состоянии животноводства и о ходе весеннего сева, о естественном движении населения. 1948. 1235 л.
- ВПН 1926 – Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп Weekly. Институт демографии НИУ ВШЭ имени А. Г. Вишневого. [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus\\_nac\\_26.php?reg=788](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=788).
- ВПН 1959 – Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности // Демоскоп Weekly. Институт демографии НИУ ВШЭ имени А. Г. Вишневого. [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp\\_nac\\_59.php?reg=9](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php?reg=9).
- ВПН 1970 – Всесоюзная перепись населения 1970 года. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности // Демоскоп Weekly. Институт демографии НИУ ВШЭ имени А. Г. Вишневого. [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus\\_nac\\_70\\_ra.php](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70_ra.php).
- ВПН 1979 – Всесоюзная перепись населения 1979 года. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности // Демоскоп Weekly. Институт демографии НИУ ВШЭ имени А. Г. Вишневого. [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus\\_nac\\_79\\_ra.php](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_ra.php).
- ВПН 1989 – Всесоюзная перепись населения 1989 года. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности // Демоскоп Weekly. Институт демографии НИУ ВШЭ имени А. Г. Вишневого. [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus\\_nac\\_89\\_ra.php](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_ra.php).
- Демографическая ситуация 2018 – Демографическая ситуация в Республике Крым: аналитический доклад // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (Крымстат). Симферополь, 2018. 18 с.
- Закон 1992 – Закон Крымской АССР от 26 февраля 1992 года № 19-1 «О Республике Крым как официальном названии демократического государства Крым» // Ведомости Верховного Совета Крыма. 1992. № 5. С. 194.
- История 1974 – История городов и сел УССР в 26-ти т. Т. 26: Крымская область. Киев: Институт истории АН УССР, Украинская советская энциклопедия АН УССР, 1974. 623 с.
- ИПН 2015 – Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе /Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. 279 с.
- Конституція України 1996 – Конституція України 1996 // Законодавство України. Дата размещения: 01.01.2020. <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр>.
- Мазанка – Мазанка // Крымология 2.0. Дата публикации: 10.02.2017. <http://krymology.ru/publ/>

settlement/mazanka/9-1-0-349.

Миграция 2018 – Миграция населения Республики Мордовия за 2017 год. Статистический сборник № 903. Саранск, 2018. 52 с.

Национальный состав 2014 – Национальный состав и владение языками, гражданство: Итоги Переписи населения в Крымском федеральном округе 2014 года // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (Крымстат): официальный портал. Дата размещения: 2017. [http://crimea.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_ts/crimea/ru/statistics/stat\\_Crimea/population/](http://crimea.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/stat_Crimea/population/) (дата обращения: 21.09.2018 г.)

Обличья Тавриды 2012 – Обличья Тавриды. Народы: Альбом [Автор проекта Прокопенков В. М.] Симферополь, 2012. 400 с.

Памятная книга 1867 – Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистич. комитетом / Сост. под ред. К.В. Ханацкого. Вып. 1 Вып. 1. Симферополь: Типография губернского правления, 1867. 657 с.

Первая Всеобщая 1904 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 41: Таврическая губерния/ Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. 310 с.

Первая Всеобщая 1905 – Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. II: Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку.

ПСЗ РИ. Т. XXI. № 15708 – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. – Санкт-Петербург: В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1830.

Распределение 2004 – Распределение граждан других государств и лиц без гражданства по национальности и полу // Государственный комитет статистики Украины. Дата размещения: 2004. [http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality\\_population/nationality\\_popul4/](http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/nationality_popul4/).

Сборник 1883 – Сборник статистических статей по Тамбовской губернии. Т.4: Темниковский уезд. Тамбов: Губернская земская типография, 1883. 240 с.

Перепись КФО – Таблицы с итогами Федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе» // Федеральная служба государственной статистики. [https://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/population/demo/perepis\\_krim/tab-krim.htm](https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm).

ФЗ 2014 – Федеральный закон от 21 марта 2014 г. N 36-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2014/03/22/krim-site-dok.html>.

## Научная литература

*Вербичкая О.М.* Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946–1958 годах // Вопросы истории. № 12. Декабрь 1986. С. 13–26.

*Волков А.Г.* Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы /Экспресс-информация. Серия «История статистики». Вып. 3–5 (часть II). М., 1990. С. 6–63.

*Волобуев О.В.* Сельское хозяйство Крыма в послевоенные (1944–1953) годы: динамика и тенденции развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 4. С. 92–100. С. 96.

*Гусаков Т.Ю.* Этнические миграции на Крымском полуострове (1783–2014 гг.) // Географический вестник = Geographical bulletin, 2019. № 4 (51). С. 69–81.

*Зарубин В. Г.* Проект «Украина». Крым в годы смуты 1917–1921 гг. Харьков: Изд-во Фолио, 2013. 384 с.

*Киселёва Н.В.* Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Киселёва Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форман-

- чук А.А. Симферополь : Салта, 2015. 352 с.
- Конониренко В.А. Демографическое и хозяйственное освоение территорий депортации Поволжья, Северного Кавказа и Крыма в 1941–1953 гг. Диссертация на соиск. науч. ст. канд. ист. наук. Саратов, 2017. 230 с.
- Науменко Л., Аранджиони М. (сост.) КРУ Этнографический музей: путеводитель. Симферополь, 2012. 44 с.
- Максименко М.М. Переселення в Крим сільського населення з інших районів СРСР (1944–1966) // Український історичний журнал, 1990. № 11. С. 52–58.
- Пученков А.С. Крым в огне Гражданской войны: 1917–1920 гг. (Доклад на заседании Научного совета Российского военно-исторического общества) // История РФ: федеральный портал. Дата размещения: 13.07.2015. <https://histrf.ru/read/articles/krym-v-oghnje-grazhdanskoivoynu-1917-1920-ggh>.
- Севастополь: Энциклопедический справочник / Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя; Ред.-сост. М. П. Апошанская. 2-е изд., доп. и испр. Севастополь: Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя; Симферополь: Изд-во ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2008. 1120 с.
- Сеитова Э.И. Система льгот для переселенцев в Крым в 1944–1964 годах // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 23 (62), № 1 : спецвыпуск «История Украины». 2010 г. С. 180–186.
- Сеитова Е.І. Процес сільськогосподарської міграції до Криму протягом 1944–1953 років // «Сівєрщина в історії України»: збірник наукових праць. 2010. Вип. 3. С. 317–320.
- Сидоренко Н.А. Миграция и этнические процессы в Крыму в 40-70-е годы XX века // Вопросы духовной культуры – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ, 2012. № 238. С. 141.
- Соколов Д. Черное время Тавриды:Крымская деревня и голод 1921–1923 гг. // Православный информационный портал «Русская линия». Дата размещения: 23.07.2012. <https://rusk.ru/st.php?idar=55994>.
- Финогеев Б. Л., Шостка В. И., Старчков В.М. Мордовский этнос в полиэтничном населении Крыма: численность, расселение, трудовой менталитет, самобытность, ремесла. Симферополь: «Петит», 2009. 40 с.
- Чаславский В.И. Земледельческие отхожие промыслы. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1875. 31 с.

## References

- Aposhanskaya, M. P. 2008 Sevastopol': Enciklopedicheskij spravocnik [Sevastopol: Encyclopedic reference book] *Sevastopol: National Museum of Heroic Defense and Liberation of Sevastopol*. Simferopol: Publishing House LLC "Firm" Salta "LTD".
- Chaslavskij, V.I. 1875 *Zemledel'cheskie othozhie promysly* [Agricultural latrine trades] Saint Petersburg: printing house V. Bezobrazov and K°.
- Finogeev, B.L., V.I. Shostka, and V.M. Starchkov. 2009 *Mordovskij etnos v polietnichnom naselenii Kryma: chislennost', rasselenie, trudovoj mentalitet, samobytnost', remesla*. [Mordovian ethnos in the multiethnic population of Crimea: number, settlement, labor mentality, originality, crafts.] Simferopol: "Petit".
- Gusakov, T.YU. 2019 *Etnicheskie migracii na Krymskom poluostrove (1783–2014 gg.)* [Ethnic migrations on the Crimean peninsula (1783–2014)]. *Geographical bulletin* 4 (51): 69–81.
- Kiselyova, N.V. 2015 *Etnopoliticheskie processy v Krymu: istoricheskij opyt, sovremennye problemy i perspektivy ih resheniya* [Ethnopolitical Processes in Crimea: Historical Experience, Contemporary Problems and Prospects for Their Solution], edited by Kiselyova N.V., Malugin A.V., Petrov V.P., Formanchuk A.A. Simferopol: Salta.
- Kononirenko, V.A. 2017 *Demograficheskoe i hozyajstvennoe osvoenie territorij deportacii Povolzh'ya, Severnogo Kavkaza i Kryma v 1941–1953 gg.* [Demographic and economic

- development of the territories of deportation of the Volga region, the North Caucasus and the Crimea in 1941–1953]. Saratov.
- Naumenko, L., and M. Arandzhioni. 2012 *KRU Etnograficheskij muzej: putevoditel'* [KRU Ethnographic Museum: Guide]. Simferopol.
- Maksimenco, M.M. 1990 Pereseleniya v Krim sil's'kogo naselennya z inshih rajoniv SRSR (1944–1966) [Resettlement of the rural population from other parts of the USSR to the Crimea (1944–1966)] *Ukrainian Historical Journal* 11: 52–58.
- Puchenkov, A.S. 2015 Krym v ognе Grazhdanskoj vojny: 1917–1920 gg. (Doklad na zasedanii Nauchnogo soveta Rossijskogo voenno-istoricheskogo obshchestva) [Crimea in the fire of the Civil War: 1917–1920 (Report at the meeting of the Scientific Council of the Russian Military Historical Society)] *History of the Russian Federation: federal portal*. <https://histrf.ru/read/articles/krym-v-ognie-grazhdanskoi-voiny-1917-1920-ghgh>.
- Seitova E. I. 2010 Sistema l'got dlya pereselencev v Krym v 1944–1964 godah [The system of benefits for migrants to the Crimea in 1944–1964] *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki»*, 23 (62), 1: 180–186.
- Seitova, E.I. 2010 Proces sil's'kogospodars'koj migracii do Krimu protyagom 1944–1953 rokiv [The process of agricultural migration to the Crimea during 1944–1953] *«Sivershchina v istorii Ukraini»: zbirnik naukovih prac* 3: 317–320
- Sidorenko, N.A. 2012 Migraciya i etnicheskie processy v Krymu v 40–70-e gody HKH veka [Migration and ethnic processes in Crimea in the 40–70s of the XX century] *Voprosy duhovnoj kul'tury – ISTORICHESKIE NAUKI* 238: 141–145
- Sokolov, D. 2012 Chernoevremya Tavridy: Krymskayaderevnyaigolod 1921–1923 gg. [Black time of Taurida: Crimean village and famine of 1921–1923] *Pravoslavnyj informacionnyj portal «Russkaya liniya»*. <https://rusk.ru/st.php?idar=55994>
- Verbickaya, O. M. 1986. Planovoe sel'skohozyajstvennoe pereselenie v RSFSR v 1946–1958 godah [Planned agricultural resettlement in the RSFSR in 1946 – 1958]. *Voprosy istorii* 12: 13–26.
- Volkov, A.G. 1990 Perepis' naseleniya SSSR 1937 goda. Istoriya i materialy [Population census of the USSR in 1937. History and materials] *Ekspress-informaciya. Seriya “Istoriyastatistiki”* 3–5 (p. 2): 6–63.
- Volobuev, O.V. 2016 Sel'skoe hozyajstvo Kryma v poslevoennye (1944–1953) gody: dinamika i tendencii razvitiya [Agriculture of Crimea in the post-war (1944–1953) years: dynamics and development trends] *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* 4: 92–100
- Zarubin, V. G. 2013 *Proekt «Ukraina». Krym v gody smuty 1917–1921 gg.* [Project “Ukraine”. Crimea during the Troubles 1917–1921]. Kharkiv: Folio Publishing House.

## ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ ПАЦИЕНТОВ К ЗДРАВООХРАНЕНИЮ, КАК РЕЗУЛЬТАТ ПАНДЕМИИ COVID-19 В РОССИИ

*Взаимоотношения врача и пациента в истории современной России постоянно претерпевают изменения. Пандемия COVID-19, которая уже два года оказывает влияние на планету, преобразила самые разные сферы деятельности человека: экономику, политику, транспорт, социальную жизнь, торговлю, туризм и многое другое. Но больше всего пандемия, безусловно, отразилась на здравоохранении. За новостями о количестве заболевших, умерших, привитых следит весь мир. Медицина повсеместно стала главной темой обсуждения. А в фокусе внимания медицинских антропологов оказались люди, так или иначе столкнувшиеся с новой коронавирусной инфекцией. Благодаря развитию интернета мы получаем многочисленные свидетельства пациентов, ведущих в социальных сетях хронику своего пребывания в лечебных учреждениях, читаем об их опыте вызова врачей на дом, анализируем полученную информацию о заболевании, лечении, правилах и требованиях изоляции или ПЦР-тестирования. Врачи стали главными героями сегодняшнего дня. И если из года в год опросы показывали, что престиж и уважение врачебной профессии снижаются, то на фоне пандемии COVID-19 наметились некоторые изменения. В данной статье представлены результаты сравнительного анализа высказываний пациентов о состоянии современной российской медицины за год до и во время пандемии. Пациенты стали активнее хвалить врачей и с большим уважением отзываться об их труде. Среди негативных отзывов все больше появляется личных историй об успешно проведенном лечении или положительном взаимодействии с системой здравоохранения.*

**Ключевые слова:** *отношения врача и пациента, пандемия COVID-19, медицинская антропология, российское здравоохранение*

**Ссылка при цитировании:** *Вяткина Н.А. Изменение отношения пациентов к здравоохранению, как результат пандемии covid-19 в России // Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 174–192.*

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/174-192

© N.A. Vyatkina

## THE CHANGING ATTITUDE OF PATIENTS TO HEALTHCARE AS A RESULT OF THE COVID-19 PANDEMIC IN RUSSIA

*The relationship between a physician and a patient in the history of modern Russia has constantly been changing. The COVID-19 pandemic, which has been affecting the planet for two years, modified many areas such as the economy, politics, transport, social life, trade, tourism, and others. Most of all, the pandemic has certainly affected healthcare. Everyone in the world monitors the news about the number of sick, dead, vaccinated regularly. Medicine has become the main topic of discussion. People who somehow encountered the new coronavirus infection have become the focus of attention of medical anthropologists. Thanks to the development of the Internet, we see numerous testimonies of patients chronicling their stay in medical institutions on social networks. We can observe their experience of calling physicians analyzing the information received about the disease, treatment, rules, and requirements of isolation or PCR tests. Physicians became the main characters. Polls had been showing that the prestige and respect of the medical profession in Russia had been declining every year; nevertheless, the COVID-19 pandemic caused certain changes. This article presents the results of a comparative analysis of patients' assessments of modern Russian medicine a year before and exactly at the beginning of the pandemic. Patients have become more active in defending physicians and started showing great respect to their work. Along with the negative reviews, personal stories about successful treatment or interaction with the healthcare system became more frequent. We all hope that this trend will persist.*

**Keywords:** *doctor-patient relationship, COVID-19 pandemic, medical anthropology, Russian healthcare*

**For Citation:** Vyatkina, N.A. 2022. The Changing Attitude of Patients to Healthcare as a Result of the COVID-19 Pandemic in Russia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 174–192.

**Author info:** Vyatkina, Natalia A. – postgraduate student, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (32-A Leninsky Prospect, Moscow, 117334). E-mail: natalia.vyatkina@gmail.com ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1288-5219>

### Введение

Взаимоотношения врача и пациента находятся под пристальным вниманием медицинской антропологии и социологии медицины уже долгое время. Эффективность коммуникаций внутри системы здравоохранения и в особенности между врачом и пациентом напрямую оказывает влияние на результативность лечения (Gordon *et al.* 1995; DiMatteo 1994; Stewart 1995; Williams *et al.* 1998). Удовлетворенность пациента на всем пути пользователя системы здравоохранения, начиная от записи на прием,

взаимодействия с персоналом медицинской организации, сбора анамнеза, описания жалоб, прохождения клинико-диагностических процедур, постановки диагноза и полного соблюдения назначений врача приводит к лучшим исходам лечения. На каждом из этих этапов пациент вынужден взаимодействовать с различными представителями системы здравоохранения, поэтому качество этой коммуникации становится важным базовым элементом здоровьесбережения в целом (*Wynia & Matiasek 2009*).

Ориентация на пациента и необходимость учета его мнения уже несколько десятилетий у медиков не вызывает сомнения. Более того, во многих странах создание пациентоориентированной медицины является приоритетной задачей, хотя эксперты до сих пор не сформировали единого мнения по поводу элементов, которые должны ее составлять (*Mead & Bower 2000*). Эта медицина должна учитывать желания, предпочтения и потребности пациентов, а также своевременно реагировать на них, считают одни (*Laine & Davidoff 1996*); другие же полагают, что ее различные компоненты должны в первую очередь находиться между собой во взаимосвязи (*Stewart et al. 2003*). В целом основными характерными особенностями пациентоориентированной или пациентоцентричной медицины считаются:

1. крепкие и отлаженные взаимоотношения между врачом и пациентом, а также постоянная работа над их улучшением;
2. понимание организма пациента как единого целого, а не как набора отдельных подверженных патологии органов;
3. изучение и воздействие не только на саму болезнь, но и на опыт переживания болезни;
4. компромисс в принятии медицинских решений, полное информирование и партнерство врача и пациента;
5. внимание к профилактике и стимулированию ранних обращений;
6. оценка личных пределов возможностей и ограничений пациента (финансовые возможности, временные ресурсы, необходимые усилия и проч.).

Важность построения эффективных коммуникаций между врачом и пациентом в РФ также уже стала очевидной, доказано, что их отлаженное взаимодействие ведет к повышению удовлетворенностью медицинской помощью и снижению претензий и жалоб (*Денисов 2012*). Тем не менее, пока удовлетворенность россиян системой здравоохранения остается на низком уровне. При этом удовлетворенность качеством медицинской помощи, оказываемой в коммерческих медицинских организациях, значительно превышает показатели государственных – 88,5% против 27,6% (*Кулакова и др. 2011*).

### Методология исследования

Высказывания пациентов в сети интернет об их опыте обращения за медицинской помощью стали сегодня ценным источником информации и исследовательским полем для антропологов во всем мире. На IX Международном интердисциплинарном научно-практическом симпозиуме «Медицинская антропология перед новыми вызовами: мир, люди, знания и культуры в эпоху пандемии», который прошел 18-20 ноября 2021 г. в Москве, на круглом столе «Врачи и пациенты: проблемы коммуникации, (не)доверия и терапевтического выбора до и в период пандемии»<sup>1</sup> участ-

<sup>1</sup> См. материалы Симпозиума на сайте журнала «Медицинская антропология и биоэтика» <http://www.medanthro.ru>, а также обзорную статью о прошедшем мероприятии (*Харитонова 2021*).

ники дискуссии сошлись во мнении о том, что проблемы медицинского характера, раньше переживаемые приватно, сегодня, благодаря интернету вышли в публичное пространство. Пациенты охотно оповещают своих подписчиков об уровне антител, прививках, опыте переживания болезни, делятся советами о лечении, ведут дневниковые записи из ковидных госпиталей. Подобная трансляция эмоций и переживаний приводит к ответной реакции интернет-друзей и, по словам самих пользователей, оказывает большую поддержку в период лечения. Очевидно, что наблюдение за публичной активностью различных интернет-пользователей дает обширную почву для медицинских антропологов и представителей смежных отраслей знания.

Основой для данного исследования стал сравнительный анализ высказываний подписчиков канала в сети Telegram Артемия Лебедева. Блогер задал вопрос своим подписчикам «Что не так с нашей системой здравоохранения» 12 мая 2019 г. (ПМА 2019), а затем повторил свой пост в начале пандемии 16 апреля 2020 г. (ПМА 2020) У блогера очень активная и вовлеченная аудитория, в середине апреля 2020 г. количество подписчиков Telegram-канала составляло 249 717 человек, сегодня эта цифра возросла до 254 809. Поскольку пользователи сети в целом являются представителями так называемого русскоязычного сегмента интернета, в комментариях было множество откликов не только о ситуации в регионах России, но и в других государствах. Бывшие соотечественники охотно делились своим опытом обращения за медицинской помощью в стране проживания, а также аргументированно сравнивали различные системы здравоохранения.

Количество комментариев пользователей к посту А. Лебедева в 2019 г. составило 234, в 2020 г. – 418. Рост комментариев почти в два раза может быть связан с увеличением числа подписчиков блогера; может быть, это произошло благодаря более широкому распространению сети Telegram. Возможно также, что на фоне пандемии, когда здоровье стало основной темой, интерес пользователей к обсуждению поднятой блогером проблемы вызвал больший отклик.

Важно отметить, что А. Лебедев никогда не стеснялся в выражениях; он активно использует обценную лексику, что дает его подписчикам возможность высказывать свои мнения в такой же манере. Многие комментарии, которые имели только эмоциональную окраску, мной не рассматривались. При этом какие-то мнения были развернутыми, с подробным описанием личного опыта обращения за медицинской помощью для себя или своих близких. Таким образом, полагаю, если оценивать их как дискретные единицы текста, включающие в себя четкое начало и окончание (Троцук 2004), данное исследование можно считать нарративным анализом, который позволяет более подробно изучать конструкции и интерпретации пациентского опыта (Лехциер 2012; Лехциер 2018).

В 2019 г. мной были отобраны 119 наиболее информативных и развернутых комментариев, а в 2020 г. – 71. Мнения пользователей были разделены на негативные и позитивные, дополнительно они были сгруппированы по тематикам. Отдельно были выделены мнения представителей медицинской профессии или их родственников, как описание проблем здравоохранения изнутри.

В дополнение к проведенному анализу мной было проведено экспертное интервью с врачом (врач общей практики, 63 года) (ПМА 2021) для того, чтобы обе стороны и пациенты, и врачи могли иметь голос в данном исследовании, учитывая тот факт, что большое количество претензий было адресовано непосредственно врачам.

## Результаты исследования: доковидная ситуация

Негативные комментарии, которых было подавляющее большинство, распределены по проблематике и темам. На основании количества комментариев, затрагивающих конкретную, озвученную проблему, составлены взвешенные списки (см. рисунки ниже).

# Обвинения в некомпетентности

## Организация процессов

### Коррупция Катастрофа в регионах

### Грубость и неуважение Претензии к общению/отношению

### Государственное здравоохранение бесполезное

### Ошибки/халатность Претензии к инфраструктуре

### Организация работы скорой

*Рис. 1. 2019 год (фото автора на материалах сайта «Взвешенный список. Основной негатив»).*

*Fig. 1. 2019 (photo by the author on the materials of the site “Weighted list. Main negative”).*

В 2019 г. (Рис. 1) среди основных проблем современного российского здравоохранения выделялась некомпетентность медицинского персонала различного уровня.

[Врач] выписал мне список бесполезных лекарств вместо того, чтобы не выписать ничего.

[Врач сказал] Пройдет, не переживайте... Так и ушел ни с чем... Такая медицина у нас.

Половина врачей вместо реального лечения прописывает псевдолекарства и процедуры из оккультной медицины. Уже один этот факт иллюстрирует, что с медициной, мягко говоря, не всё в порядке.

Не умеют диагностировать болезни... вообще... Соответственно лечат, не от того, что болит...

У нас к какому врачу не приди, он обязательно скажет: П\*\*\*\*ц! Кто это вас так лечил, кто это вам сказал?

Крайне низка квалификация специалистов. Как в государственных учреждениях, так и в частных. Хорошего специалиста нужно искать по знакомым, таких передают из рук в руки. И такой специалист все равно будет платный.

Важно отметить, что с развитием интернета и ростом количества источников о медицине у многих пользователей сети сложилось убеждение, что они знают и разбираются в вопросах, связанных со своим здоровьем и здоровьем своих близких. Врачи же считают, что медицинская грамотность их пациентов является мнимой (Вяткина 2019). Знания о здоровье могут накапливаться по мере приобретения опы-

та конкретного заболевания, они фрагментарны и не системны, основываются на советах родственников, знакомых, друзей, ТВ-программ или бывают получены в сети интернет. Качество этой информации часто оказывается невысоким или неприменимым к конкретному случаю, но доверия вызывает больше (Пузанова, Хуртина 2014). Проблема доверия к различным государственным институтам и в целом в обществе вызывает интерес различных исследователей, в том числе экономистов и социологов<sup>1</sup>, по мнению медицинских антропологов в России сегодня сложилась ситуация «недоверия» к системе здравоохранения и врачам (Ожиганова 2020), что позволяет проявляться подобного рода претензиям со стороны пациентов.

Большое количество негативных высказываний о проблемах в российском здравоохранении в 2019 г. относилось к общей «бесполезности» государственной бесплатной медицины.

А если я не болею, на какой х\*\*н я плачу за обязательное медицинское страхование? А если даже и заболею, ни в жизнь не пойду в бесплатную поликлинику, нет у меня денег так дорого лечиться.

Часто хожу в государственные поликлиники. Потому что за них я и все уже остальные заплатили. Но в этом случае вступает российский менталитет, врачи считают, что на работе им мало платят, поэтому там нету сервиса, еще они заинтересованы, чтобы мы обращались в частные поликлиники, потому что большинство врачей работают в тех же самых частных поликлиниках.

Недофинансированность системы здравоохранения и рост количества платных услуг, а также развитие рынка коммерческих медицинских организаций не привели к улучшению качества медицинских услуг в государственных лечебных учреждениях, там продолжают экономить на времени, инфраструктуре, лекарственных препаратах и перевязочных материалах. Основные принципы системы обязательного медицинского страхования «здоровый платит за больного» и «богатый платит за бедного» (Иевенко, Дубас 2010) не покрывают всех расходов системы. Это привело к разделению пациентов на тех, кто может себе позволить платить за медицинскую помощь, и тех, кто не может и вынужден обращаться в государственные медицинские организации. В регионах же обращение в платные клиники часто является единственной возможностью получения медицинской помощи в ограниченные заболеванием или условиями труда сроки.

Многие комментарии в 2019 г. были откровенно грубыми и неуважительными по отношению к врачам. Позволю себе проиллюстрировать этот тезис ярким примером:

Раздражают повсеместно встречающиеся врачи, которые пытаются лечить последствия, а на причины заболевания им на\*\*\*ть. Или просто на\*\*\*ть на пациента. <...> Сделала вывод, что на любое недовольство врачом проще сразу писать жалобу. Пишешь жалобу – и о чудо, тебя и приняли сразу, и обращаются как к человеку, и даже как будто хотят вылечить. Поэтому неуважаемые врачи-пи\*\*\*\*\*ы, которые любят назначать от всех болезней арбидол, идите нах\*\*, пожалуйста, и там жалуйтесь на свои зарплаты.

<sup>1</sup> См. решение Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по итогам заседания на тему «Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства» (подробнее: <http://council.gov.ru>, дата обращения: 10.12.2021).

Специалисты сегодня сходятся во мнении, что престиж врачебной профессии значительно пострадал за постсоветскую историю России (*Романов, Ярская-Смирнова* 2013). Свою роль здесь сыграл безусловно коррупционный фактор, тиражирование в СМИ и сети интернет дел о «врачебных ошибках», а также усугубление проблем взаимоотношений и недостаточности человеческого отношения со стороны медицинского персонала в государственных медицинских организациях. Это так же является одной из причин недостаточного финансирования отрасли, когда стандартами и указами время приема было ограничено, а нагрузка повысилась.

Очереди, невозможность получить быстрое и качественное обслуживание, отвратительно некомпетентные психотерапевты, психиатры, гинекологи и эндокринологи в государственных учреждениях. Редкие врачи отслеживают новые исследования в своей и смежных областях, повышают квалификацию, главный и самый нелепый пример – ветрянку до сих пор лечат зеленкой. Дикое неуважение к пациентам, в особенности к женщинам в роддомах, в особенности – во время родов. Про коррупцию и говорить нечего :)

Недоступность квалифицированной медицинской помощи нигде, кроме МСК и СПб <...> отношение к пациенту, как неполноценному человеку.

Халатность. <...> Врач поставил диагноз, а на вопрос «что это такое и как с этим быть» порекомендовал мне погуллить.

Задача улучшения качества взаимоотношений врачей и пациентов сегодня является насущной во многих странах мира. Эффективная коммуникация врача и пациента не только приводит к взаимной удовлетворенности, лучшим исходам лечения и соблюдению рекомендованных мер профилактики, но и приводит к экономии времени врача (*Котов* 2020). В нашей стране эта проблема стоит особенно остро. Колоссальный объем взаимных упреков, жалоб и требований только эскалирует ситуацию. Медицинские антропологи уже активно изучают эту проблему, а также настаивают на необходимости гуманизации медицины<sup>1</sup> (*Моисеева* 2013; *Харитонова* 2020).

Считаю необходимым подчеркнуть, что современные пациенты – это не слепые «требовательные клиенты» (*Присяжнюк* 2012), и хотя случаи пациентского экстремизма уже не редкость, россияне склонны вполне адекватно оценивать ситуацию в системе здравоохранения и идентифицировать главные ее проблемы и недостатки, а также те проблемы, которые возникают по причине самих пациентов: игнорирование профилактики, необоснованные обращения в службу скорой медицинской помощи, поздние обращения, низкий уровень медицинской грамотности и проч.

Самая частая проблема в медицинских гос. учреждениях – малое количество времени, уделяемое пациенту. Иногда просто не успевают нормально анамнез собрать – время вышло и по графику уже следующего принимать надо. В частных с этим намного лучше. Но частники могут и залечить – были бы деньги. А там на каждый чих найдут лечение (даже если само пройти может).

Скорая помощь, которая обязана приезжать на каждый пук и температуру 38 у взрослого человека, которая зачастую ещё и как вытрезвитель работает. В

<sup>1</sup> См.: Проект резолюции Первого Всероссийского совещания заведующих кафедрами социально-гуманитарных дисциплин медицинских вузов и колледжей // под ред. В.И. Моисеева 2021 г. о дегуманизации современного медицинского образования (опубликовано в журнале «Биоэтика (BIOETHICS)». 2021. № 1 (27). volgmed.ru.

то время как пациенты, которые действительно нуждаются помощи ждут помощи часами.

Население, которое идёт в больницу только когда жить уже совсем невозможно, доводя себя до хронизации или тяжелейшего состояния, а потом ещё и не придерживается терапии, потому что дорого /якобы зашлаковывает организм. Общая неграмотность населения с лечением астмы баней, ожогов маслом и так далее. Убеждения, что прививки вызывают аутизм, отравляют всех ртутью.

Несмотря на большое количество негатива в комментариях пользователей Telegram-канала А. Лебедева в 2019 г., были там и положительные отзывы. Пациенты, описывая свой опыт обращения в государственные медицинские организации отмечали, что получали помощь, в том числе высокотехнологичную, в полном объеме, а изношенность инфраструктуры и необходимость ожидания – это вынужденные побочные эффекты недостаточного финансирования отрасли.

Была приятная палата и даже питание сносное. И врачи молодые и очень талантливые, которые быстро и уверенно поставили меня на ноги, не требуя ни копейки.

В моем случае все отлично с нашей медициной. Когда отказали почки 8 лет провёл на диализе, потом пересадили почку. Уже третий год пошел. Естественно, все бесплатно. Ростов-на-Дону.

Всегда лечился только в бесплатных клиниках... Все мои пломбы поставлены в обычной стоматологии бюджетной... Два раза пытался лечить в платной, но после второй выпавшей пломбы, поставленной за 2000 рублей, плюнул на это дело и спокойно лечусь в бесплатной... Неврология? Бесплатно. Полное обследование бесплатно... Не хочу как в Америке, где мне после скорой выставили бы счет на 2-3 миллиона...

Хожу к врачам только платно, так как это удобно, рядом с домом, не надо ждать миллион лет приема. Анализы все тоже платно сдаю. 2 раза недавно лежала бесплатно в больнице, все устроило, врачи умные, заботливые, во второй больнице каждый утренний обход долго рассказывали, что со мной происходит, пока у меня не оставалось вопросов. Прикинь! Радует, что цены на платную медицину доступные. Мне пришлось делать операцию платно (потому что в моей больнице отказались её делать лапароскопически), и я заплатила 45 000 руб. за операцию, недельный стационар и наркоз хороший.

По-моему, с медициной все прекрасно. Врачи в большинстве умнички. Только надо понять, что процесс лечения был у нас всегда творчеством... Теперь это превращают в услугу и пытаются стандартизировать. Собственно пациенты не против и активно включились в эту тему. Что дальше? Покажет время ...

### **Результаты исследования: эффект пандемии**

Аналогичный пост, опубликованный А. Лебедевым в 2020 г., также вызвал бурное обсуждение. Негативные комментарии остались, но общее распределение по темам во взвешенном списке изменилось (см. рис.2).

## **Врачи хорошие, чиновники/условия плохие**

### **Обвинения в некомпетентности**

#### **Государственное здравоохранение бесполезное**

**Организация процессов      Катастрофа в регионах**

**Сравнение с другими странами      Претензии к общению/отношению**

**Халатность      Коррупция**

*Рис. 2. 2020 год*

*(фото автора на материалах сайта «Взвешенный список. Основной негатив»).*

*Рис. 2. 2020 year*

*(photo by the author on the materials of the site “Weighted list. Main negative”).*

В разгар пандемии COVID-19 и локдауна во всем мире произошла героизация работы медиков. Мировые СМИ и публичные персоны обращались к общественности, призывая заботиться о себе и окружающих, чтобы снять колоссальную нагрузку на врачей в красной зоне. Фотографии врачей после тяжелейших смен, следы от респираторов на лицах, тяжелейшее состояние врачей и медицинского персонала, а также невозможность встретиться со своими близкими затронули сердца людей по всему миру. В нашей стране фокус обвинительной риторики при описании проблем российского здравоохранения сместился с врачей на систему и чиновников. В своих комментариях к посту А. Лебедева многие выражали активную поддержку врачам, рассказывая о случаях успешного обращения за медицинской помощью. Пользователи отмечали безвыходность ситуации врачей и медицинского персонала, вынужденных подчиняться системе и соглашаться с «правилами игры» (ПМА 2020).

Есть отдельные хорошие врачи. Но система в целом не работает – ибо у руля чиновники, для которых люди – это безликие цифры статистики. И самое главное – отсутствие персональной ответственности за свои бездарные действия или бездействие.

И диагнозы ставят только те, которые «разрешено». Так что лечить могут не от того, что нужно. Мне пару раз на ушко врач говорил диагноз, но в карте писал другой...»нельзя», «запрещено»...

Уровень нагрузок, а не ответственности, у врачей увеличился, причем в разы. А нагрузки увеличивают чиновники и депутаты (законы, указы, приказы), хотя быть хорошими и д\*\*\*\*ть врачей. Откуда очереди? Да м\*\*ть количество больных значительно больше, чем количество врачей, не понятно? В Европе очередь к специалисту до полугода, и никто не возмущается. И вопросы задавайте не врачам (что происходит), а власти.

По сравнению с 2019 г., в 2020 г. обвинения в некомпетентности хотя и сохранились, но их стало значительно меньше, при этом большее количество комментариев касалось необходимости поиска «своего врача», отношения с которым необходимо поддерживать и ценить, чтобы в любой ситуации, связанной со своим здоровьем или здоровьем близких, иметь возможность проконсультироваться лично, по телефону

или с использованием мессенджеров. Также появились комментарии о необходимости повышения уровня личной ответственности за собственное здоровье.

Если бы я действительно покупала всю ту гомеопатию, которую мне выписывали, у меня бы уже сейчас был запас сахара до конца жизни (а мне 23).

Российская медицина – это как лотерея. Попадешь к толковому специалисту – разберешься с проблемой, попадешь к не очень – пиши пропало.

Ищи ВРАЧА в каждой области. Если наобум, кирдык. Поэтому: «Самые лучшие доктора в мире – доктор Диета, доктор Покой и доктор Веселье». Джонатан Свифт.

Если чисто с точки зрения профессионального мастерства врачей, пока Бог миловал, и все было хорошо, тьфу, тьфу, тьфу. Но улучшать есть что, и в плане ремонта, и питания и очередей на операции, МРТ и т.д. Но вообще страшно читать комментарии, а за здоровьем нужно следить смолоду.

Сохранились комментарии, указывающие на общую бессмысленность существования государственной системы здравоохранения и ее бесполезность. Комментаторы охотно описывали плохую организацию процессов внутри медицинских организаций, а также жаловались на ситуацию в регионах. В меньшем объеме, по сравнению с 2019 г. и в менее грубой форме, но претензии к отношению врачей и медперсонала к пациентам сохранились, как и истории о коррупции и халатности.

Сама поступила в больницу неделю назад, где помимо условий проживания, самое бл\*\*\*\*ое – отношение врачей к пациенту, а главное лечение, которое фактически отсутствует. Люди поступают с разными диагнозами, при этом пичкают всех одними и теми же таблетками. Обследований не проводят, х\*\* кладут на противопоказания к антибиотикам. Бесплатная медицина, тем более Российская- го\*но полное, как в принципе и все наше правительство. Отношение ужасное, условия аналогичные!

На самом деле, просто везде наши люди и халтурка :) Но. Бесплатно тебя вылечат. Может, кое-как, но долечат. Ибо, если не долечат, им ещё и отвечать за эту бесплатную халтуру.

В системе полнейший дисбаланс. Врачи отфутболивают пациентов от одного к другому. Сдохнешь быстрее, чем пройдешь круги бюрократического ада. Система заточена на лечение симптомов, но не на лечение причины, и, если проблема хроническая, такое лечение больше вредит чем помогает. Все вышеперечисленное я прочувствовал на собственной шкуре, борясь за здоровье и жизнь своей мамы уже больше двух лет.

Совершенно неожиданным, что также отмечалось участниками круглого стола «Врачи и пациенты: проблемы коммуникации, (не)доверия и терапевтического выбора до и в период пандемии» на IX Международном интердисциплинарном научно-практическом симпозиуме «Медицинская антропология перед новыми вызовами: мир, люди, знания и культуры в эпоху пандемии», стало появление на фоне пандемии большого количества сравнений систем здравоохранения различных стран.

Многие пользователи сети интернет либо имели опыт обращения за медицинской помощью во время поездок за рубеж до пандемии, либо эмигрировали или какое-то время проживали за границей, либо общаются с эмигрировавшими родственниками или друзьями, поэтому могут аргументированно проводить сравнения зачастую не в пользу западных систем и с точки зрения оплаты лечения личными средствами, и с точки зрения времени ожидания.

В США у меня знакомая (американка) не обращалась к врачам годами из-за постоянных болей в ноге, так как денег не было... Яростно плюсюю, замучили так с х\*\*\*й этой. У меня родственник в Швеции с инсультом 3 часа в приёмнике ждал. Причём скорую дорого было вызывать, попросил знакомого довезти. В России есть «золотой час» для скорых, чтоб успеть доставить по б\*\*\*дъ вызову на дом).

Когда вы, черти, поживете в других странах и познаете медицину, вы ох\*\*\*е насколько наши врачи профессиональные. Вы кроме Российской медицины не видели никакой. Хотите получить рекомендации фельдшера за цену иностранки? Обратитесь к врачу в США. Хотите не получить лечения за 100-200 тысяч и даже диагноза? Лечитесь в Китае. Я только нашим врачам доверяю, причём бесплатным, и это учитывая, что у меня ДМС есть...

Вот кстати согласен. В какой стране вас лечили лучше, если тут плохо вас лечат, с чем вы сравниваете?

1) Экстренно попала в больницу в Амстердаме, сделали полостную операцию (гинекология), страховки не было. Боялась, что суммы будут нереальные – в итоге 2,5 тысячи евро (в Москве операция стоила бы столько же). Больница крутая, врачи вежливые, подробно все объясняли, отходила от операции недолго – выписали через сутки, встала и пошла домой. 2) В Москве скорая приезжает минут через 10. Зимой снова экстренно попала в больницу с той же проблемой, что и в Амстердаме, сделали операцию по ОМС. Врачи отличные, больница хорошая, еда иногда нормальная, иногда кошмар. Отношение к личному пространству больных идёт н\*\*\*й – пару раз приходилось раздеваться догола чуть ли не посреди коридора/посреди палаты с 5 другими пациентами. В целом п\*\*\*й, но в Амстердаме эта проблема решалась шторкой вокруг каждой кровати. Отходила [после операции в РФ] почему-то дней 5 с болями, и швы больше. Считаю, все проблемы от отсутствия финансирования + в регионах много коррупции + совковая система субординации, а врачи у нас топ!

Защита врачей в 2020 году в целом вышла на первый план.

Сплошные вы\*\*\*ы против врачей. Скамейка, м\*\*ть, металлическая не нравится. Врач ее туда поставил? Ты как профинансировал ОМС, так и получил. Полечись за рубежом, об\*\*\*\*\*ся от тарифов. Врач оказывает медицинскую помощь, а не услугу. Не нравится, лечись подорожником.

Хз, как оно. Читаю комментарии – везде все плохо, врачи убийцы. Как пойду сам лечиться – ну в очереди потуплю в телефон, с регистратурой общаюсь вежливо, отвечают так же, врачи болячки лечат, жаловаться не на что. Непонятно, в общем.

В Москве – проблемы реформации и уничтожение младшего медперсонала. Врач московской поликлиники (который, на минуточку, лет 10 учился) 80% времени занимается чем угодно, кроме своих прямых обязанностей. В основном ждёт, пока ЕМИАС отвиснет, и заполняет разнообразную отчётность. В порядке вещей считается посадить врача обзванивать пациентов или заставить сгонять за бумажками. По отношению к пациентам практикуется вредный подход «лишь бы не было жалоб», что выливается в удовлетворение абсолютно всех хотелок самых неадекватных и скандальных независимо от эффективности терапии, которую они сами себе придумали.

Мне кажется х\*\*\*о только с заработной платой медработников. Наверное, за такие деньги лечить не хотца, только убивать...

У меня вот только положительный опыт. Пришел в обычную поликлинику с жалобами, после первого же осмотра отправили на МРТ (несколько дней подождал), потом больница. После всех необходимых анализов (один пришлось сделать за свой счет, он не входит в ОМС) поставили диагноз. Через две недели после больницы уже начали выдавать бесплатное лекарство, которое мне помогает, если перестанет – есть более сильные варианты. С бабками, очередями и хабалками можно и смириться, учитывая, что это бесплатная клиника.

Даааа... люди, вы даже не представляете, какая нагрузка на врачей сейчас, вас элементарно скоро некому лечить будет... Старое поколение выходит на пенсию, а новое просто не идет из-за низких заработных плат, высокой ответственности и отношения людей! Да-да, вы не ослышались, не только у вас претензии к врачам, но и у них к вам! Думаю, тут половина комментаторов в полном объеме не платит налоги, сидит на черных зарплатах, или вовсе не работает! Наверное, действительно лучше будет платная медицина для вас... Я не врач, врач моя мама, и весь коллектив её сменился (она работает в областной больнице), кто-то ушел в частные клиники, лечить людей по ДМС, кто-то ушел на пенсию... Лучше уволиться, нах надо терпеть это вот всё, лечите себя сами...

У меня простой вопрос. А вы готовы отправить своего сына/дочь во врачи? Низкая зарплата, тяжёлая работа, риск заболеть самому и принести заразу домой, ответственность (в том числе перед прокуратурой) и т.д. Перспектива!

### **Результаты исследования: позиция врачей**

Несмотря на то, что в 2020 г. количество комментариев в защиту врачей значительно выросло, врачи склонны скептически оценивать волну героизации медицинского персонала, произошедшую на фоне пандемии COVID-19. Сравнивая два аналогичных поста блогера А. Лебедева, я заметила, что в 2019 г. врачи, хоть и в небольшом количестве комментариев, но участвовали в обсуждении проблем российского здравоохранения, в 2020 же они практически не участвовали в дискуссии, и их отношение транслировалось некоторыми комментаторами с позиции родственников врачей.

В 2019 г. комментарии врачей описывали текущее состояние отрасли: низкий уровень оплаты труда, нехватка персонала, неудачная оптимизация, проблемы в ре-

гионах и службе скорой медицинской помощи, ограничение времени на прием, низкая квалификация медицинских работников, бюрократия и проч.

В медицине все не так. Во многом сказалось выполнение майских указов, в том числе и путем оптимизации. В основном кадров врачей. Ставки просто сократили. Больницы и поликлиники сократили. Медицина стала недоступна, особенно в сельских районах и малых городах. Врачей не хватает. Узких специалистов не хватает даже в областных центрах. Служба скорой и неотложной помощи практически уничтожены. По зарплатам одни приписки. Наверх идут доклады с какими-то мифическими зарплатами.

Я будущий кардиолог, так вот, я должна буду за 15 минут «обслужить» больного. В большинстве случаев это нереально, потому что большинство пациентов с километровыми диагнозами. Результат – невыполнение плана, срезание зарплаты, трата личного времени. По поводу лечения – благо мы дошли до доказательной медицины и пользуемся клиническими рекомендациями, основанными на мета-исследованиях. Но, конечно, много неграмотных врачей, к сожалению.

1. Врачи перегружены писаниной. Они больше вынуждены писать для страховой чем лечить. 2. Из-за такой бюрократии врач, чтоб не попасть на штрафы вынужден больше заботиться об отчётности, чем о лечении. 3. Страховые штрафуют врачей, за «избыточные» с их точки зрения анализы (например, если врач хочет исключить возможные побочки – страховая скажет, что он назначил «лишнее». В общем – надо меньше бюрократии и больше ответственности за результат. Потому как сейчас важнее написать бумажку и сделать все по инструкции, чем вылечить.

Я работаю в медицине, и от лица государства осуществляю контакт с гражданами. На передовой, так сказать. И вот вся эта медицина для этого контакта. И плохо, когда тылы подводят, у которых нет мнения, что цель медицины этот контакт. В итоге ты принимаешь пациента, заботишься о нем. Еще заботишься о том, чтобы журналы были от руки заполнены, чтобы цели коллег не препятствовали выполнению твоих трудовых обязанностей.

Возможно, отсутствие позиции врачей в обсуждении А. Лебедева в 2020 г. связано с высокой нагрузкой и отсутствием свободного времени на общение в интернете, либо, что также является моим предположением, врачи боятся вызвать негативную ответную реакцию на свою позицию. За время пандемии в нашей стране врачи, которые били тревогу по поводу нехватки средств индивидуальной защиты в регионах, становились объектом преследования со стороны чиновников. В СМИ транслировались истории увольнения медицинских работников за отказ работы в красной зоне. Во время пандемии врачей стали опасаться, так как они рассматривались как потенциальный источник заражения и распространения инфекции (см. рис. 3). Доплаты за работу с ковидными пациентами, а впоследствии за вакцинацию, привели к припискам и случаям мошенничества, что также широко транслировалось СМИ.

Рис. 3. Опасения врачей (интернет-источник)

Для того, чтобы проиллюстрировать отношение врачей к смене настроений пациентов на фоне пандемии COVID-19, я анализировала публичные комментарии

русскоговорящих врачей из разных стран (в том числе из США и РФ) в социальной сети Facebook. Они отмечали, что в условиях пандемии, когда врачи вынуждены были находиться в красной зоне в средствах индивидуальной защиты, медицинский персонал обезличивался, что в контексте человечности сильно отдаляло пациента от врача. Одним из важнейших шагов после завершения пандемии, как представляется, будет налаживание коммуникаций между врачом и пациентом, восстановление эмпатии к больным со стороны медиков, чему сейчас мешает конвейерный характер их работы и большие психологические нагрузки.

Эта вся геройская тема осточертела врачебному сообществу. Оно и так исполняет свой долг, в том числе и бесплатно, но не надо из врача делать Боксера из Скотного двора. В нас все, что нужно, вшито без всяких клятв и присяг. Но вот если мы, например, не захотим оставлять сиротами своих маленьких детей, или вдруг нам не выплатят причитающуюся и обещанную плату за страх (Ж. Арно, на всякий случай), то мы будем уходить, как и все бы ушли, и претензии просим предъявлять к тем, кто сносит больницы, устраивает давки в метро и врет в глаза о благополучии, и уж своих детей точно в ковидные стационары не пошлет, да и самих их впереди на лихих конях что-то не видно. В медицинском сообществе зреет недовольство на грани взрыва. Еще пару свободных профсоюзов, конечно, объявят агентами Госдепа, педофилами, либерастами, кем там еще. Но ведь врачи – это не журналисты, не артисты и не спортсмены. Без врачей, вот незадача, можно и помереть. Так что, если не можете помочь материально, не учите жить и аплодируйте по вечерам с балконов (врач, Москва)<sup>1</sup>.

Немного еще геройской лирики. Когда я писал, что не надо делать из медработников героев, я был совершенно искренен. В начале эпидемии было очень неприятно, страшно и горько. Вокруг было много смертей, отчаянья и обнажившихся проблем. На всех уровнях. Проблемы больницы, города, всего мира, как это ни пафосно звучит. На то и пандемия, что затронут был весь мир. Ничего геройского при этом никто не делал. Больше всего после заболеть и заразить семью, я боялся, что наших ресурсов не хватит. Что те люди, которые пишут на дверях больницы «спасибо нашим героям» пойдут громить больницу. <...> При таком количестве работы/смертей врачи теряют эмпатию, при гипер-потоке пациентов нет возможности уделить каждому время <...> Мне все-таки кажется, что врач немного не равно машинке по выдаче таблеток, небулайзеров и капельниц, а внимательно наблюдать за ходом выздоровления, не мешая ему, вполне оправданная тактика. Ну и что услышать от врача, что в данный момент индивид не нуждается в медикаментозной терапии – совсем не оскорбление, а повод немедленно выпить. Без всякого гепатопротектора (врач, Нью-Йорк)<sup>2</sup>.

Чтобы не оставлять претензии к отечественной медицине без ответа со стороны врачей, я провела экспертное интервью с врачом, начавшим свою практику в начале 1980-ых годов. Я отобрала высказывания пациентов под постами А. Лебедева 2019 и 2020 годов и попросила моего респондента прокомментировать их (ПИМА 2021).

Обращение пациентов за разными мнениями к различным врачам мой респон-

<sup>1</sup> Сообщество «Мнения о здравоохранении» в социальной сети Facebook. См. подробнее: <https://www.facebook.com/groups/179139158799444/permalink/2935486936497972/>.

<sup>2</sup> Страница Евгения Пинелиса в социальной сети Facebook – <https://www.facebook.com/evgeny.pinelis>.

дент считает порочной практикой:

Желание пациентов получить как можно больше мнений разных докторов губительно. Сам он не может принять решение о выборе того или другого метода и получается замкнутый круг. Есть высказывание английского реаниматолога: – Один врач – хорошо, два – лучше, три – еще лучше, но здоровье пациента убывает с количеством врачей!!

Мнимая медицинская грамотность российских пациентов также вызывает опасения у врачей, категоричные высказывания пациентов о том, как нужно вести себя врачам в той или иной ситуации, как и обвинения в некомпетентности со стороны «знающих» пациентов врачи связывают с падением уровня престижа врачебной профессии и снижением пиетета и уважения к ней.

Отросток отростку рознь. Зачастую это очень сложная операция, которую лапароскопически не решить. Я лично зависал на аппендэктомии на 5 часов. Проблема в незнании.

Советы комментаторов больше писать жалобы в вышестоящие инстанции, чтобы добиться «положенного» медицинского обслуживания, также воспринимается врачами негативно.

... Потому что реакция на жалобы стала неадекватной. Никто не разбирается, сразу наказывают врача. От этого и снижается престиж профессии. Раньше на необоснованные жалобы вообще не обращали внимания.

В целом отзывы пациентов о бесполезности государственной бесплатной медицины связаны по мнению врачей с результатами оптимизации и реформирования системы здравоохранения, которая началась в начале 2000-х годов. Необходимость самокупаемости и экономии на всем привели к тому, что к некоторым специалистам особенно в регионах невозможно записаться, для получения бесплатной медицинской помощи необходимо собирать множество справок, анализов и направлений, что также затягивает начало лечения, а пациенты вынуждены обращаться в коммерческие медицинские организации или пользоваться платными медицинскими услугами в государственных клиниках.

Это серьезная проблема после оптимизации системы здравоохранения. Как ее будут решать пока не понятно. Но это конкретные ошибки руководства. У каждой ошибки есть имя отчество и фамилия!! В совке – это было невозможно. Дооптимизировались.

Мой респондент, как и многие комментаторы постов А. Лебедева, считает, что для улучшения сложившейся ситуации неудовлетворенности граждан системой здравоохранения, необходимо в первую очередь найти «своего врача», врача, которому пациент будет доверять и консультироваться при возникновении проблем со здоровьем у себя и своих близких. Это должен быть врач, – аналог семейного врача или *general practitioner* (GP – врач общей практики в Великобритании), знающий семейный анамнез и индивидуальные особенности своих пациентов, готовый подсказать, направить, сориентировать в потоке информации медицинской терминологии, процедур и правил.

Прочитай хоть тысячи источников, самостоятельно принять решение о тактике и

стратегии лечения не в состоянии ни один человек. Тем более, когда речь идет о здоровье твоём или близкого тебе человека. Для этого и есть доктора. Но только это должны быть ДОКТОРА готовые принять на себя порой крайне трудное решение (возможно фатальное), а не перепихивать это решение на перепуганного и ничего не понимающего человека, который готов поверить во что угодно и кому угодно. На самом деле ВСЕ В ПОИСКАХ ХОРОШЕГО ВРАЧА.

От этого и рост обращений наших граждан в больницы запада, (который, я думаю, сейчас закончится). Они едут за ПАТЕРНАЛИЗМОМ. Они ждут что там за них решат все, остается только заплатить. Платят и с теми же проблемами возвращаются назад. Я всегда говорю, если просят мое мнение – ЛЕЧИТЬСЯ НАДО ТАМ, ГДЕ ЖИВЕШЬ. На самом деле нет неприятия патернализма. Мои пациенты предельно счастливы, выполняя мои решения. По патернализму народ скучает!

Сегодня у нас наевшийся реформ здравоохранения народ. Крайне растерянные врачи. Уходит старое поколение. Система образования, как и все в стране, просело. Отсюда и абсолютные неучи доктора и крайне недовольные ими пациенты. И заметь, если врач хороший, то никаких проблем с пациентами он не имеет, и никто не прикапывается к нему с «гайдлайнами».

Что нужно делать? Надо восстанавливать: систему здравоохранения, систему планирования и кадров, и ресурсов, систему обучения. Надо перестать копировать то, что не копируется. Надо перестать заигрывать с пациентами. Надо создать систему омбудсменов в медицине. Нужно собрать небольшое сообщество очень уважаемых медицинских специалистов, без одобрения которых невозможно будет принять ни одно решение в медицине.

Можно услышать мнение, что российское здравоохранение «громоздкое», «опасное», «отталкивающее», «неудобное», «пугающее», «безликое» и «равнодушное» (Пиетия и др. 2007), но врачи полагают, что в сложившихся условиях главное – результат лечения.

... Вероятно по мнению пассажиров суперскоростной поезд тоже является опасным, громоздким, неудобным и пугающим, но в данной ситуации главное, чтобы он вас довез до точки назначения. И пассажир не может оценить функциональность мотора, логистические параметры и т.д. Точно так же в медицине, главное – это здоровье населения. Если это здоровье улучшается, снижается смертность, растет продолжительность жизни, снижается инфекционная заболеваемость, то населению абсолютно не важно КАКИМ образом этого добились.

## Выводы

В заключении хочу отметить, что смена настроений российского общества в сторону благодарности и уважения труда медицинского персонала произошла примерно в середине апреля 2020 г., когда повсеместно стали объявляться локдауны, а в СМИ и сети интернет начались массовые акции поддержки врачей. Волна, пришедшая к нам с Запада, сначала была воспринята неоднозначно, но впоследствии возросло количество публикаций и сюжетов на телевидении о поддержке и уважения труда

врачей. Российские пациенты, оценивая современную медицину, видят и адекватно оценивают весь комплекс проблем: и бюрократические, и организационные, и финансовые. Но, когда в многочисленных обсуждениях в сети интернет затрагиваются их личные переживания и опыт, особенно в вопросах здоровья и риска жизни, страх и эмоции перевешивают логику и рациональность. И хотя актуальные статистические данные от 2021 г. говорят о том, что удовлетворенность россиян медицинской помощью продолжает снижаться (*Ремедиум* 2021), медицинские антропологи со сдержанным оптимизмом отмечают рост уважения и благодарности к врачам за их колоссальный труд. Остается надеяться, что эта тенденция продолжится и дальше.

Данное исследование является небольшим и в определенной степени ситуативным, так как вероятность появления одного и того же поста блогера-миллионника с разницей в год, вызванного резкой сменой медицинской повестки и объявлением пандемии COVID-19, было бы сложно представить в другое время. Сравнительный анализ отзывов пользователей о проблемах российской медицины, дал робкую надежду на изменение настроений в обществе. В начале 2022 года мы все еще находимся в условиях пандемии, а пациенты продолжают свои дневниковые записи об опыте их пребывания в ковидных госпиталях, о течении заболевания и вариантах лечения, о пост-ковидном синдроме, который еще предстоит изучать, в том числе с участием медицинских антропологов, в режиме реального времени ведущих наблюдения за публичной активностью пациентов и их родственников в сети интернет.

### Источники и материалы

- Котов* 2020 – Котов М. Эффективная коммуникация с пациентами. Максим Котов, врач-онколог, НМИЦ онкологии // Виртуальная мастерская «Вокруг медицины» Онлайн-мероприятие. – 2020. <https://www.facebook.com/events/2560866367496357> (дата обращения: 03.06.2020).
- Моисеева* 2013 – Моисеева О.Н. Круглый стол «Врач-пациент-общество: модели и реальность» // Медицинская антропология и биоэтика, 2013. № 1 (5). [http://www.medanthro.ru/?page\\_id=1160](http://www.medanthro.ru/?page_id=1160) (дата обращения: 03.08.2019).
- ПМА 2019 – Лебедев А. – анализ онлайн высказываний пациентов о современном состоянии российской медицины и их опыте обращения в медицинские учреждения. Ссылка на публикацию: <https://comments.bot/thread/FsptVTsUl> (дата обращения: 12.10.2021).
- ПМА 2020 – Лебедев А. – анализ онлайн высказываний пациентов о современном состоянии российской медицине и их опыте обращения в медицинские учреждения. Ссылка на публикацию: <https://comments.bot/thread/VcqZuPB5l> (дата обращения: 12.10.2021).
- ПМА 2021 – Александр Андреевич В. – устное интервью с врачом с 40-летним стажем.
- Ремедиум* 2021 – Группа Ремедиум «Мониторинг жалоб и обращений пациентов в связи с проблемами получения медицинской помощи в системе ОМС». <https://remedium.ru/news/udovletvorennost-rossiyan-medpr/> (дата обращения: 30.04.2020.)
- Харитонов* 2020 – Харитонов В.И. Медицинская антропология на пороге третьего десятилетия XXI века // Медицинская антропология и биоэтика, 2020. № 2 (20). [http://www.medanthro.ru/?page\\_id=5295](http://www.medanthro.ru/?page_id=5295) (дата обращения: 26.05.2021).
- Харитонов* 2021 – Харитонов В.И. Медицинская антропология перед новыми вызовами // Медицинская антропология и биоэтика, 2021. № 2 (22).

### Научная литература

- Вяткина Н.А.* Уровень медицинской грамотности российских пациентов в оценке врачей [Электронный ресурс] // Сибирские исторические исследования, 2019. № 4. [http://journals.tsu.ru/siberia/&journal\\_page=archive&id=1928](http://journals.tsu.ru/siberia/&journal_page=archive&id=1928) (дата обращения: 30.04.2020.). DOI:

10.17223/2312461X/26/8.

- Денисов И.Н. Профилактика претензий к качеству медицинского обслуживания. Роль коммуникативных навыков врачебного персонала / И.Н. Денисов, А.Г. Резе, А.В. Волнухин // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины, 2012. № 6. С. 32–35.
- Иевенко С., Дубас Н. Оптимальная модель медицинского страхования для России // Атлас страхования, 2010. Июнь (№ 6).
- Кулакова Е.В., Богомолова Е.С., Назарова Е.В. Медицинская активность родителей, имеющих детей дошкольного возраста // Медицинский альманах «Организация здравоохранения и общественное здоровье», 2011. № 4 (17). С. 18.
- Лехциер В.Л. (под общ. ред.) Общество ремиссии на пути к нарративной медицине: сб. науч. тр. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. 296 с.
- Лехциер В.Л. Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. Вильнюс: Logvinoliteratūrosnamai, 2018. 312 с.
- Ожиганова А.А. «Активное недоверие» врачам: случай юридического сопровождения родов // Сибирские исторические исследования, 2020. № 4. DOI: 10.17223/2312461X/30/10.
- Пиетля И., Дворянчикова А.П., Шилова Л.С. Российское здравоохранение: ожидания населения // Социология здоровья и медицины, 2007. С. 1–16.
- Присяжнюк Д.И. Трансформация профессии врача в условиях реформы здравоохранения: дисс. ... к. социол. н. М., 2012. 184 с.
- Пузанова Ж.В., Хуртина В.В. Особенности организационного поведения российских врачей // Вестник РУДН, серия Социология, 2014. № 2. С. 146.
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Профессии социального государства / под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2013. 360 с.
- Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН, серия Социология, 2004. № 6–7. С. 56–74.
- DiMatteo, M. Robin. Enhancing Patient Adherence to Medical Recommendations // Journal of the American Medical Association, 1994. No. 271 (1). Pp. 79–83.
- Gordon, Geoffrey H., Laurence Baker, and Wendy Levinson. Physician-Patient Communication in Managed Care. // Western Journal of Medicine 1995. Vol. 163. Pp. 527–31.
- Laine, Christine and Frank Davidoff. Patient-Centered Medicine. A Professional Evolution // Journal of the American Medical Association, 1996. No. 275 (2). Pp. 152–56.
- Mead, N., Bower, P. Patient-centeredness: A Conceptual Framework and Review of the Empirical Literature // Social Science and Medicine. 2000. No. 51. Pp. 1087–110.
- Stewart, Moira A. Effective Physician-Patient Communication and Health Outcomes: A Review. // Canadian Medical Association Journal. 1995. No.152 (9). Pp. 1423–33.
- Stewart, Moira, Judith Belle Brown, W. Wayne Weston, Ian R. McWinney, Carol L. McWilliam, and Thomas R. Freeman. Patient-Centered Medicine. Transforming the Clinical Method, 2nd ed. Oxon, UK: Radcliffe Medical Press Ltd. 2003.
- Williams, Susan, John Weinman, and Jeremy Dale. Doctor-patient Communication and Patient Satisfaction: A Review. // Family Practice. 1998. No. 15 (5). Pp. 480–492.
- Wynia, Matthew and Jennifer Matiasek Promising Practices for Patient-Centered Communication with Vulnerable Populations: Examples from Eight Hospitals. // New York: The Commonwealth Fund. Retrieved May 8, 2009 ([http://www.commonwealthfund.org/publications/publications\\_show.htm?doc\\_id=397067](http://www.commonwealthfund.org/publications/publications_show.htm?doc_id=397067)).

## References

- Denisov, I.N. 2012. Profilaktika pretenzij k kachestvu medicinskogo obsluzhivaniya. Rol' kommunikativny'x navy'kov vrachebnogo personala [Prevention of claims to the quality of medical care. The role of communication skills of medical staff]. *Problemy`social'noj gigieny`, zdravooxraneniya i istorii mediciny`* 6: 32–35.
- DiMatteo, M. Robin. 1994. Enhancing Patient Adherence to Medical Recommendations. *Journal of the American Medical Association* 271 (1): 79–83.

- Gordon, Geoffrey H., Laurence Baker, and Wendy Levinson. 1995. Physician-Patient Communication in Managed Care. *Western Journal of Medicine* 163: 527–31.
- Ievenko S., Dubas N. 2010. Optimal'naya model' medicinskogo straxovaniya dlya Rossii [The optimal model of medical insurance for Russia]. *Atlas straxovaniya*. July (№6).
- Kulakova E.V., Bogomolova E.S., Nazarova E.V. 2011. Medicinskaya aktivnost' roditel'ej, imeyushhix detej doshkol'nogo vozrasta [Medical activity of parents with preschool children] In *Medicinskij al'manax «Organizaciya zdravooxraneniya i obshhestvennoe zdorov'e»*. 4 (17): 18.
- Laine, Christine and Frank Davidoff 1996. Patient-Centered Medicine. A Professional Evolution. *Journal of the American Medical Association* 275 (2): 152–156.
- Lexcier V. L. 2012. *Obshhestvo remissii na puti k narrativnoj medicine* [Remission Society on the Way to Narrative Medicine]: sbornik nauchnykh trudov, edited by Lexcier V.L. Samara: Izdatel'stvo «Samarskij universitet» 296 p.
- Lexcier V.L. 2018. *Bolezn': opyt, narrativ, nadezhda. Oчерk social'nyx i gumanitarnyx issledovaniy mediciny* [Illness: experience, narrative, hope. Essay on social and humanitarian studies of medicine], edited by Lexcier V.L. Vil'nyus: Logvinoliteratūrosnamai, 312 p.
- Mead, N., Bower, P. 2000. Patient-centeredness: A Conceptual Framework and Review of the Empirical Literature *Social Science and Medicine* 51: 1087–110.
- Ozhiganova A.A. 2020. «Aktivnoe nedoverie» vraham: sluchaj juridicheskogo soprovozhdeniya rodov [“Active mistrust” of doctors: the case of legal support of childbirth]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. №4. DOI: 10.17223/2312461X/30/10.
- Petilya I., Dvoryanchikova A.P., Shilova L.S. 2007. Rossijskoe zdravooxranenie: ozhidaniya naseleniya [Russian healthcare: expectations of the population] *Sociologiya zdorov'ya i mediciny* 1: 1–16.
- Prisyazhnyuk D.I. 2012. *Transformaciya professii vracha v usloviyax reformy' zdravooxraneniya* [Transformation of the medical profession in the context of healthcare reform]. PhD diss. Higher School of Economics Moscow.
- Puzanova Zh.V., Xurtina V.V. 2014. Osobennosti organizacionnogo povedeniya rossijskix vrachej [Features of organizational behavior of Russian doctors] *Vestnik RUDN, seriya Sociologiya*. 2: 146.
- Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. 2013. *Professii social'nogo gosudarstva* [Professions of the welfare State] edited by P.V. Romanova and E.R. Yarskoj-Smirnoj (Biblioteka «Zhurnal issledovaniy social'noj politiki»). Moscow: OOO «Variant».
- Stewart, Moira A. 1995. Effective Physician-Patient Communication and Health Outcomes: A Review. *Canadian Medical Association Journal* 152(9): 1423–1433.
- Stewart, Moira, Judith Belle Brown, W. Wayne Weston, Ian R. McWinney, Carol L. McWilliam, and Thomas R. Freeman. 2003. Patient-Centered Medicine. Transforming the Clinical Method, 2nd ed. Oxon, UK: *Radcliffe Medical Press Ltd*.
- Troczuk I.V. 2004. Narrativ kak mezhdisciplinarnyj metodologicheskij konstrukt v sovremennyx social'nyx naukax [Narrative as an interdisciplinary methodological construct in modern Social sciences]. *Vestnik RUDN, seriya Sociologiya* 6–7: 56–74.
- Vyatkina N.A. 2019. Uroven' medicinskoj gramotnosti rossijskix pacientov v ocenke vrachej [Health literacy among patients in Russia as assessed by Russian physicians] In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 4: 162–180. DOI: 10.17223/2312461X/26/8.
- Williams, Susan, John Weinman, and Jeremy Dale. 1998. Doctor-patient Communication and Patient Satisfaction: A Review. *Family Practice* 15 (5): 480–492.
- Wynia, Matthew and Jennifer Matiasek. 2009. Promising Practices for Patient-Centered Communication with Vulnerable Populations: Examples from Eight Hospitals. *New York: The Commonwealth Fund*. Retrieved May 8, 2009 ([http://www.commonwealthfund.org/publications/publications\\_show.htm?doc\\_id=397067](http://www.commonwealthfund.org/publications/publications_show.htm?doc_id=397067)).

## СТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЦЕЛИТЕЛЬНИЦЫ И ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦЫ ЮРОДИВОЙ МАТРОНЫ БОСОНОЖКИ

*В статье предпринимается попытка создать портрет знаменитой петербургской юродивой Матроны. Уделяется внимание ее социальному статусу, социокультурному облику, особенностям мировоззрения, морально-этическим принципам, различным деяниям. Исследование проблем вопроса женского юродства, странничества, а также биографические исследования выдающихся женщин, направленные на изучение субъективного опыта, повседневного и ритуального поведения индивидуума в конкретную историческую эпоху, относятся к числу актуальных в исторической науке. Образ Матроны Босоножки представляется значимым объектом исследования в пространстве гендерных отношений в исторической ретроспективе и в настоящее время, поскольку до наших дней не утрачен интерес к ее личности. Автором проведено исследование изменения социального статуса Матроны. На примере петербургской блаженной исследованы проблемы милосердия и жертвенности. Отмечены особенности петербургского юродства. Особое внимание уделено вопросам выбора подвига юродства, который у Матроны был обусловлен несколькими обстоятельствами, среди которых несчастливая личной жизнь, смерть двух мужей, пребывание в статусе солдатки, и в большей мере – сестры милосердия, а также пережитые ужасы войны. Проанализирована деятельность Матроны как целительницы и прорицательницы. Актуальность работы придает рассмотрение сохранения представлений о целительских и провидческих способностях блаженной Матроны Босоножке в наши дни во время эпидемии коронавируса.*

**Ключевые слова:** юродивые, женское юродство, петербургские юродивые, странничество, святость, жертвенность, целительство

**Ссылка при цитировании:** Мазалова Н.Е. Становление и деятельность петербургской целительницы и прорицательницы юродивой Матроны Босоножки // Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 193–207.

## THE HOLY FOOL, HEALER AND PROPHETESS FROM ST. PETERSBURG MATRONA THE BAREFOOT: HER LIFE AND ACTIVITY

*The article attempts to portray the famous holy fool from St. Petersburg to describe her social status, socio-cultural appearance, worldview, moral and ethical principles, and deeds. The studies of the female holy foolishness, wandering, and biographical studies of outstanding women aimed at studying their subjective experience, everyday and ritual behavior in a specific historical era, are relevant in historical science. The character of Matrona the Barefoot is important in the light of gender relations in historical retrospect and now, since interest in her personality has not been lost to this day. The author conducted a study of the change in Matrona's social status. The St. Petersburg holy fool serves as an example for investigating the issues of charity and sacrifice. Special attention is paid to choosing the feat of foolishness, which Matrona did due to several circumstances: an unhappy personal life, the death of two husbands, her status as a female soldier and a nurse, the horrors of war she experienced. The article analyzes Matrona's activity as a healer and prophetess. The author discusses the popularity of ideas about the powers of the blessed Matrona the Barefoot in our days during the coronavirus epidemic.*

**Keywords:** *holy fools, female fools, St. Petersburg fools, pilgrimage, holiness, sacrifice, healing*

**For Citation:** Mazalova, N.E. 2022. The Holy Fool, Healer and Prophetess from St. Petersburg Matrona the Barefoot: her Life and Activity. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: С. 193–207.

**Author Info:** **Mazalova, Natalia E.** – Doctor of History, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia). E-mail: mazalova.nataliya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7586-4506>

Матрона Босоножка (Мыльникова) – местночтимая блаженная и юродивая, которая пользовалась широкой известностью в Петербурге на рубеже XIX – XX вв. Она прославилась чудесными исцелениями, пророчествами и поразительной человеческой добротой. Это была удивительная женщина, отказавшаяся от мирских радостей и целиком посвятившая себя служению людям и Богу.

В статье предпринимается попытка проследить становление и деятельность петербургской целительницы, уделить внимание ее социальному статусу, социокультурному облику, особенностям мировоззрения, морально-этическим принципам, деяниям. Исследование проблем вопроса женского юродства, а также биографические исследования выдающихся женщин, направленные на изучение субъективного опыта, повседневного и ритуального поведения индивидуума в конкретную историческую эпоху, относятся к актуальным в исторической науке. Образ Матроны Босоножки представляется значимым объектом исследования в исторической ретроспек-

тиве и в настоящее время, поскольку до наших дней не утрачен интерес к личности Матроны, рассказы о ней бытуют среди петербуржцев, могилу ее посещает множество людей, и это обуславливает необходимость изучения ее личности.



*Рис. 1. «Матрона Босоножка с посохом странницы». Начало XX в. Мастерская К Буллы.  
Fig. 1. "Matrona the Barefoot with a wanderer's staff".  
Beginning of the XX century. K. Bulla's Studio.*

Жизненный путь Матроны кратко представлен в книге ее биографа А.Ф. Плотникова (Жизнеописание 1912). Кроме того, в недавно опубликованной книге «Жизнеописание петербургской старицы Матроны Петровны Мыльниковой (Матроны Босоножки)» появились новые сведения: богословы проделали огромную работу по уточнению многих моментов ее биографии (Жизнеописание 2019). Вместе с тем, некоторые эпизоды ее жизни до настоящего времени окутаны тайной. С личностью Матроны связано множество мифов и ее личность следовало бы определить как мифологизированную. Юродивая в восприятии окружающих предстает как реально живший человек, как стереотипизированный социальный образ и как мифологический образ, причем три эти образа накладываются друг на друга (Мазалова 2011: 215).

По уточненным богословами данным, родилась Матрона весной 1833 г. в д. Ванино Оделеевской волости Нерехтского уезда Костромской области (Жизнеописание 2019: 15). О ее детстве и отрочестве ничего не известно. Вероятно, ее крестили в церкви с. Одолево на родине блаженного Симона Юрьевецкого Чудотворца. Несомненно, с самого раннего детства Матрона слышала рассказы о жизни и подвигах этого юродивого, широко бытовавшие в ее местности. К сожалению, не удалось обнаружить сведений о призвании Матроны к юродству, которое нередко проявляется в детстве или отрочестве; например, у Матроны Московской в раннем детстве открылся дар предвидения и целительства.

В 1850 г. Матрону выдали замуж за Ивана Федорова в с. Антоново. В 1852 г. у нее родился сын Андрей, в 1853 г. – сын Иван. В 1855 г. ее мужа забрали в рекруты (Жизнеописание 2019: 21). В ревизских сказках 1857 г. нет сведений о Матроне (Жизнеописание 2019: 21). Возможно, она числилась как рекрутская жена. Отдача мужа в солдаты значительно изменяла социальный статус его жены – крестьянки, которая переходила в разряд солдаток. Солдатка должна была адаптироваться к новым условиям, поменять привычный образ жизни: она или следовала за мужем к месту службы или занималась отходничеством, так обычно поступали жены рекрутов. Главными занятиями солдаток в городах являлась работа в качестве прислуги, на фабрике, мелкая торговля, стирка белья и т.п. (*Щербинин* 2006).

Если женщина оставалась в семье мужа, она, как правило, оказывалась на грани нищеты, поскольку ее муж был потерян как работник для его семьи, кроме того, она исключалась из членов общины и не получала ни от нее, ни от помещика никакой помощи, следовательно, лишалась какой бы то ни было поддержки. Вместе с тем, Матрона, являясь до этого крепостной, освободилась от крепостной зависимости, что свидетельствует об изменении ее социального статуса. Таким образом, впервые Матрона оказалась исключенной из привычного крестьянского социума, став солдаткой.

Об этих годах жизни Матроны ничего не известно. Хотя очевидно, что ее жизнь – жизнь рекрутской жены была тяжелой. Об этом свидетельствуют русский фольклор, прежде всего – причеты. Так, в «Плачах по женатом рекруте» И.А. Федосовой описано общественное и семейное положение солдатки, у нее двойственное положение – она не жена и не вдова, ее дети – сироты:

«И поостанусь я, печальная головушка,  
И не вдовой да буду слыть – женой не мужней,  
И я несчастною солдаткой горегорькою.  
И сироты будут солдатски мои детушки...» (*Федосова* 1981: 134).

Вместе с тем, бедственное положение солдаток нередко побуждало их к выработке активной жизненной позиции и к противодействию обстоятельствам, чтобы спасти себя и детей. Таким образом, можно предположить, что пребывание в статусе солдатки стало первым серьезным жизненным испытанием Матроны.

Через несколько лет после возвращения из армии в 1870 г. муж Иван Федорович Румянцев умер от пьянства, и Матрона овдовела. Вдова, имеющая детей, должна была оставаться в семье мужа или, получив паспорт, отправиться на заработки. Вероятно, Матрона переехала в Кострому, где через некоторое время вышла замуж за мещанина Егора Мильникова (Жизнеописание 2019: 25). Он был мелким торговцем, имел бакалейную лавку и собственный дом (Жизнеописание 1911: 5-6). О жизни Матроны в Костроме нет сведений. Кострома в XIX в., как и в наши дни, была центром духовной православной жизни, где действовали ученики Сергия Радонежского, например, Авраамий Чухломской и Галицкий, который основал здесь 4 монастыря (в разное время в Костромской земле было открыто более 60 монастырей). Очевидно, что Матрона приобщается к духовной, религиозной жизни этого города.

Второе замужество позволило Матроне вновь поменять (повысить) свой сословный и социальный статус, из крестьянской вдовы перейти в сословие мещан. И впоследствии весь дальнейший жизненный путь Матроны не был связан с крестьянским бытом. По крайней мере, в период жизни в Костроме Матрона не бедствовала. Однако известно, по словам Матроны, записанным ее биографом, и этот брак Ма-

троны не был счастливым: он «был тяжелым испытанием. Она в брачной жизни перенесла много огорчений» (Жизнеописание 1911: 5–6).

До 40 с лишним лет Матрона вела образ жизни, соответствовавший нормам традиционного русского социума: она исполняла обязанности жены, матери. Поэтому неожиданным кажется ее поступок: в 1877 г. Матрона вслед за мужем отправилась сестрой милосердия на Русско-турецкую войну. В архивных документах в списках костромских сестер милосердия Матрона Мыльникова не значится, вероятно, она поехала на войну вольнонаемной или волонтером (Жизнеописание 2019: 45).

До середины XIX в. в России война была исключительно мужским занятием. Первые сестры милосердия из Крестовоздвиженской общины участвовали в Крымской войне. В действующей армии на передовой, в госпиталях они проходили специализированную подготовку. Руководство процессом формирования нового социального и профессионального института сестер милосердия осуществлял знаменитый врач Н.И. Пирогов. Тогда и сформировалось представление о сестрах милосердия, которые выносят раненых с поля боя, помогают хирургам проводить операции, ухаживают за ранеными (Власов 2003; Максимова 2006).

Институт сестер милосердия, возникший в России в середине XIX в. под западно-европейским влиянием, испытавший воздействие зарождавшихся капиталистических отношений, вместе с тем, в значительной мере развивался под влиянием православия, его важнейшей идеи и высшей христианской добродетели – милосердия (Лебедев 2020). Милосердие – готовность помочь кому-либо из сострадания, человеколюбия. Именно в православной традиции «милосердие» понимается как сочетание христианского доброго дела и внутреннего душевного сопереживания. Милосердие – это «некая сила, энергия, порождаемая человеком, способна воздействовать на других людей, на события, процессы, проявляется в социуме» (Шалгина 2020: 38).

Сестры милосердия воспринимали свой труд как христианское служение страждущим (Правдиковская 2012: 11). Всех их объединяло главное – стремление помочь страждущим, облегчить их страдания. Труд сестер милосердия был очень тяжелым: они, зачастую, без сна и отдыха должны были наблюдать за ранеными, выполнять все предписания врачей, стирать белье и др. Их подстерегало множество опасностей: они могли погибнуть на передовой, заразиться тифом и другими болезнями. В свободное время сестры милосердия выполняли просьбы больных – писали письма, читали книги. В их обязанности также входило нравственное попечение о душевном состоянии больных: они читали для них молитвы, приглашали священников и др.

В народной песне «Милосердная сестра» описана сестра милосердия, которая пробирается с театра военных действий с санитарным отрядом. У нее убит муж на войне, «сердце кровью облито», «сама едва живая, вся измучена, больна», но она находит в себе силы успокаивать раненых:

«Скоро мы на пункт приедем,  
Накормлю вас, напою,  
Перевязку все поправлю  
И всем письма напишу».

Все эти обязанности исполняла и Матрона Мыльникова. Ее судьба напоминает судьбу героини песни: муж Матроны тоже был убит на войне, по другим сведениям – умер от болезни во время военных действий.

Большая часть сестер милосердия были достаточно молодыми, и уже одно то, что Матрона отправилась на войну в зрелом возрасте – в 44 года, характеризует ее как человека высокой гражданской позиции, милосердного и готового жертвовать собой ради других, подобно множеству сестер милосердия. Однако в русской истории есть соответствие этому факту: предтечей института сестер милосердия было петербургское общество «сердобольных вдов», объединявшего женщин разных возрастов (*Галустян и др. 2018*).

Наряду с другими сестрами милосердия, Матрона Мыльникова, несомненно, сыграла важную роль в повышении значимости женщин в русском социуме, «в процессе роста социальной активности женщин в России в XIX – начале XX вв., в процессе общей демократизации общества, в просвещении населения и в нравственном влиянии на жизнь общества» (*Правдиковская 2012: 8*).

Институт сестер милосердия являлся одним из немногих всесословных учреждений в России. Известно, что во время Первой мировой войны обязанности сестер милосердия исполняли императрица и ее дочери. Самая известная сестра милосердия – фрейлина Императорского двора баронесса Юлия Петровна Вревская продала всё своё имущество и снарядила на вырученные деньги санитарный поезд Красного креста. В Болгарии на передовых позициях она перевязывала раненых, ассистировала хирургам при операциях, выхаживала больных. Баронесса заболела сыпным тифом и скончалась.

В посвященном ей стихотворении Я. Полонского «Под Красным крестом» есть строки, где Ю. Вревская сравнивается с белым ангелом:

И странно, в тот миг, как она замелькала,  
Как дух, над которым два белых крыла  
Звзвильсь, – белый ангел (*Полонский 1986: 209*).

Благодарные раненые часто называли сестер милосердия «святыми» и «ангелами». Именно этими же характеристиками наделяет современная православная поэтесса Лилия Евсеева Матрону Босоножку: она для нее «белый ангел». В образе Матроны Босоножки главными стали черты милосердной христианки, которые удивительно точно передала Л. Евсеева, назвав ее «сестрой во Христе милосердия» в песне «Белый ангел», посвященной Матроне Босоножке:

«И русскому люду – богатым и бедным,  
Сестрой во Христе милосердыя была».

Этот образ соединяет два понятия – «сестра во Христе» – христианка, и «сестра милосердия» – врачевательница и утешительница. Причем милосердие Матроны – активная, деятельная сила, важный ценностный ориентир, который во многом определил ее поведение и отношение к людям.

Матрона в статусе сестры милосердия в очередной раз изменила свой социальный статус и приобрела профессиональный, поскольку деятельность сестер милосердия была выделена в новую профессиональную сферу – медицину. Став сестрой милосердия, Матрона освоила некоторые специальные навыки и получила право на оплату своего труда. Но и в использовании заработанных ею денег проявлялась жертвенность Матроны. Как отмечает ее биограф, будучи сестрой милосердия, «в

должности которой получала 25 руб. жалованья, но жалованье она тут же раздавала бедным солдатам» (Жизнеописание 1911: 8). В этом наличествует деятельное отражение христианской любви и служения обездоленному ближнему.

Таким образом, в этот период жизни Матрона проявилась в образе русской сестры милосердия – активного и равноправного члена общества, патриота своей родины и милосердной женщины. Матрона теперь не только мать, жена, хранительница домашнего очага, но и гражданка, от деяний которой зависели судьбы многих раненых. По мере изменения социального статуса Матрона приобретала «гражданские свободы», которые потом позволили ей принять осознанный и свободный выбор – целиком посвятить себя религиозному подвижничеству. После войны и смерти мужа на войне Матрона в 1878 г. продала имущество, раздала деньги нищим и отправилась странствовать. В это время Матроне было 45 лет. С этого времени начался путь религиозного подвижничества с его жертвенностью и милосердием, на который Матрона вступила во время русско-турецкой войны и который она уже не оставила никогда.

Изучение религиозных воззрений Матроны и ее деяний позволяет уточнить некоторые аспекты гендерных проблем явлений женского странничества и юродства. В русской традиции странники – люди, «главное содержание жизни которых составляет хождение по святым местам (монастырям, местным сельским святыням) на богомолье» (Щепанская 2005: 639). Статус странника был неопределенным, он переставал быть членом крестьянской общины или – как это было с Матроной – мещанкой и т.п. Странничество не было нормой для члена традиционного общества: «Среди странников было значительной число людей, чье поведение отклонялось от нормальной (по традиционным представлениям) модели мужского или женского поведения» (Щепанская 2005: 639). Среди них были внебрачные дети, старые девы, бобыли, инвалиды, а также – вдовы, к которым принадлежала Матрона. Следует отметить, что странствование – преимущественно мужское занятие, женщин-странниц в русской традиции было значительно меньше, чем мужчин.

Жизнь странников была нелегкой: они питались, чем подадут люди, или тем, что заработают, ночевали либо у людей, либо в лесу, в поле и т.д. Зачастую странников привечали за рассказы о дальних странствиях по святым местам, и чем дальше они бывали и чем более значимы были посещаемые ими святыни, тем выше был статус странника, тем охотнее их оставляли на ночлег и кормили. Матрона посетила наиболее значимые для верующих святыни. Записанные от Матроны рассказы о посещениях ею святых мест напоминают по стилю и патетике традиционные нарративы странников: «Бог сподобил меня побывать четыре раза в Иерусалиме, поклониться Гробу господню и другим святыням. Была я в Соловках, и на Валааме, и у Троицы Сергия, и в Сарове, и десятки раз бывала в более близких монастырях. Везде какая в обителях благодать Божия и сколько в них утешения» (Баженов 1916: 333-334).

Обычно люди отправлялись странствовать по обету – обещанию, данному в случае болезни – своей или близких, однако для Матроны причины были иными, для нее странничество было осознанным выбором, желанием посвятить себя Богу: она «отправилась странствовать, наложив на себя трудный подвиг юродствующей Христа ради, и первый путь ее – босиком – был к Соловецким чудотворцам» (Жизнеописание 1911: 6).

Вероятно, выбор подвига юродства Матроной был обусловлен несколькими обстоятельствами: несчастливая личная жизнь, смерть двух мужей, пребывание в ста-

туса солдатки, и в большей мере – сестры милосердия, а также пережитые ужасы войны. Служение в качестве сестры милосердия, вероятно, можно рассматривать как один из главных стимулов выбора пути юродства. Недаром до конца жизни Матрона носила белый платок, наподобие головного убора сестер милосердия. Матрона сознательно оставила мирские блага и отправилась странствовать, а затем вернулась в мир нравственно очищенной и стала юродивой, по народным представлениям, юродство – это вид святости.

На примере Матроны прослеживаются некоторые характерные признаки женского юродства. Матрона в начале странствования дала обет – не носить обувь. Нагота полная или частичная (босоножество) является одним из признаков юродства. Представления о наготе в народной культуре и в христианстве различны, однако они взаимосвязаны и помогают охарактеризовать образ юродивых. В народной культуре признак нагой – одетый соотносится с бинарной оппозицией «природа – культура». Обнажение – способ возврата в природное состояние. Босоноготь – частичная нагота, ей придается особое культурное значение: позитивное влияние на плодородие. Босоноготь – это отличительный признак женщин-юродивых, например, босыми ходили св. Пелагея Дивеевская, св. Параскева Дивеевская, тогда как для мужчин более характерным было полное обнажение: например, святой Василий Московский, ходил нагим круглый год в течение десятков лет, за что его прозвали прозывались «нагоходцем». В христианстве в контексте библейских текстов босоноготь трактуется иначе: она служит символом смирения и почитания Бога, как выражение благоговения в присутствии Бога (*Райкен 2005*).

В дальнейшем петербургская полиция не раз задерживала Матрону Босоножку за нарушение общественного порядка – постоянное хождение по городу без обуви. Матрона была вынуждена подать прошение в Святейший синод, где объясняла свое хождение босиком данным Богу обетом: «Полиция говорит, что я смущаю народ, но если я его смущаю, то разве только доказательством, что Господь посылает еще милосердие рабам своим, допуская на морозе не мерзнуть раздетым ногам у тех, кто дал ему обет в этом послушании. Может ли такое доказательство вселить в души людей иное, кроме поддержки православных заветов» (РГИА. Ф.796. Д.2770. Л.1).

Как правило, за редким исключением, юродивые – и мужчины, и женщины были девственниками. Сохранение девственности – ритуальной чистоты было одним из способов их контакта с Богом, а также испытанием в их подвиге. Следует отметить редкую для юродивых черту: у Матроны были дети (например, Ксения Петербургская была замужем, но у нее детей не было). К моменту отправления в странствование Матрона была дважды вдова, отметим, что второй брак считался дозволенным по нормам традиционного общества. Вдова, по народным представлениям, с одной стороны, считалась социально неполноценной. По христианским предписаниям, нашедшим отражение в Библии, брак – это образ семейной полноты; вдовство – образ утраты и пустоты. С другой стороны, вдова, по народным представлениям, обладала ритуальной чистотой, поскольку не вступала в сексуальные отношения. Например, с другими ритуально чистыми женщинами – девушками, старыми девами, старухами – вдовы выполняли охраняемые функции: проводили обряд опахивания во время эпидемий и эпизоотий.

Следовательно, статус вдовы – ритуально чистой женщины – позволил Матроне отправиться в странствование по святым местам и готовиться к новому статусу юродивой как переходу из одного состояния – мирянки – в другое.

В народной традиции обряды перехода включают элемент изоляции («временную смерть»). И в христианстве странничество рассматривалось как временная смерть: «Уходя из прежней жизни, от семьи, родного места, страны, духовный странник как бы умирал для родных и вступал на путь, ведомый одному Богу. Паломничество в древние времена было, без сомнения, подвигом веры» (*Серафим (Парамонов)*).

Испытав «временную смерть», Матрона возродилась в новом статусе – юродивой, блаженной, однако это статус проявился несколько позже. После трех лет странничества она в 1881 г. переехала в Петербург на постоянное место жительства. Повод переселения – здесь жил ее сын, и она хотела быть поближе к нему. Однако, несомненно, были более глубокие причины переезда Матроны в столицу. Петербург – имперский город с особой мифологией, особой атмосферой являлся местом, в котором в XVIII–XX вв. подвизались в подвиге юродства много блаженных, причем, за редким исключением, это были женщины. Кроме Ксении Петербургской, широко известны были Анна Ивановна Лукашева, Марфа, Ирина, Анна Ивановна Комисарова, Ольга Ивановна, Мария Лелянова, Мария Маковкина, Параскева Ивановна Ковригина и др. Знаменательно, что первоначально Матрона поселилась на Петербургской стороне, где начинали строить Петербург и где начинала юродствовать самая известная петербургская блаженная Ксения Петербургская.

Появилась Матрона в Петербурге в начале 1880-х гг., а первые сведения о ее целительской и провидческой деятельности датированы концом 1890-х гг. Вероятно, получение дара – длительный процесс, который сопровождался молитвами и трудами. Возможно, Матрона и ранее проявляла свой дар, однако широкую известность она приобрела только в указанное время.

Матрона жила на Васильевском о-ве, молилась в Андреевском соборе. Как пишет священник Андреевского собора А. Нумеров о занятиях Матроны, известной среди прихожан под именем «Матрены Босой» или «Матрены блаженной», к ней обращались с просьбами представители разных сословий и возрастов помолиться об исцелении, о получении места службы, о выходе из затруднительного положения (ЦГИА. Ф. 19. Оп. 89. Д. 70. Л. 9 об.).

Матрона была известна в разных районах Петербурга. Так, в кронштадтской городской газете «Котлин» за 1896 г. появилась заметка: «Разные странники и юродивые нет-нет, да и появятся в нашем городе. Так, в воскресенье 23-го июня на пристани... внимание привлечено было многочисленной толпой народа, окружившею какую-то плохо одетую, босоногую женщину по имени Матрена. Каждому из подходящих она давала какой-либо совет или указывала на одну из слабостей его характера. Женщины подводили детей и Матрена их благословляла, снабжая медными образками, крестиками и книжками» (Котлин 1896: 3).

Матрона в белом легком одеянии, босиком – зимой и летом с посохом причудливой формы бродила по улицам Петербурга. Она не брала ни от кого денег, если ей пытались их вручить, то жертвовала их на масло и свечи для церкви. Вокруг Матроны собирались толпы народа, иногда более 300 человек, которые просили исцеления, предсказаний будущего. Матрона принимала больных и просящих ее совета также у себя на квартире, иногда до 100 человек в день.

Матрона в результате испытаний приобрела от Бога дар предвидения и предсказания. В соответствии с народными представлениями, она была посредницей между Богом и людьми, по ее словам, она могла «только помолиться с просящими об ис-

полнении желаний их» (ЦГИА. Ф. 19. Оп. 89. Д. 70. Л. 11). По народному мнению и собственному убеждению Матроны, ее молитвы об исцелении или помощи кому-либо, обращенные к Богу, приносили положительные результаты. Так, протоирей Ф. Ставровский сообщает: «Мыльниковы ... не отрицает в себе дара исцеления и прозорливости. Имеет при себе икону Божьей Матери, про которую икону говорит, что она чудотворная» (ЦГИА. Ф. 19. Оп. 89. Д. 70. Л. 9 об.).

Матрона была также наделена даром предвидения будущего, а это дар – удел многих избранных, в том числе, юродивых. Следует отметить, что некоторые люди, в соответствии с народными представлениями, считали, что Матрона – гадалка и колдунья, приходили к ней погадать о будущем, однако Матрона заявляла им, что она не является ни тем, ни другим, а может только молиться вместе с ними и просить Бога о помощи.

Она предсказывала судьбы не только отдельных людей, в том числе – выдающихся, например, Столыпина, – но и страны: в 1910 г. она заявила: «... У меня семь лампадочек погасло... В Россиюшке что-то будет нехорошо» (Жизнеописание 1911: 15).

Важный вопрос исследования проблемы юродства – взаимоотношения блаженных с властью. Мужчины-юродивые, в отличие от женщин, как правило, находились в оппозиции к ней, хулят ее. У Матроны взаимоотношения с властью складывались следующим образом. С исполнительной и карательной властью отношения у нее были сложные. Как уже говорилось, полиция постоянно задерживала Матрону за нарушение общественного порядка – скопления народа, хождение босиком и пр. В начале 1897 г. благодаря огромной популярности среди петербуржцев, особенно – низших слоев, Матрона попала в поле зрения полиции. Санкт-Петербургской сыскная полиция послала прошение в Духовную консисторию, в котором говорилось о необходимости провести расследование деятельности Матроны. В Консистории завели «Дело о костромской мещанке Матроне Петровне Мыльниковой, называемой в народе «блаженная Матренушка». Священникам прихода, в котором проживала Матрона, было поручено «испытать религиозные убеждения» Мыльниковой, выяснить, является ли она истинной православной и не распространяет ли она сектантские учения. В конце XIX – начале XX вв. в России широкое распространение получили различные секты – богоискатели, хлысты и др.

Один из священников, участвовавших в расследовании, докладывал, что Матрона не является сектанткой, но признает в себе дар исцеления и прозорливости: «Обращающимся к ней больным дает воды и деревянного масла. Собраний в ее квартире никогда не бывает, ни общих молитв, ни церковных песнопений. Посетителей она впускает к себе по одному и редко двоих... По всему видно, что Мыльникова не сектантка» (ЦГИА. Ф. 19. Оп. 89. Д. 70. Л. 9 об.).

Несмотря на положительные свидетельства священников, по делу Матроны был вынесен следующий вердикт: «Костромская мещанка Матрона Петровна Мыльникова не обнаруживает никаких признаков принадлежности к сектантству, но обнаруживает сомнение о присущем ей даре исцелений и своеволии в устройении приема посетителей и собирании денег на масло и свечи и распространении печатных изданий...» (ЦГИА. Ф. 19. Оп. 89. Д. 70. Л. 23). Ввиду перечисленного было принято решение о прекращении Матроной приема посетителей и собирании денег на свечи и масло. Таким образом, хотя с Матроны было снято подозрение в принадлежности к какой-либо секте, но ей было запрещено заниматься целительством и собирать деньги на церковные нужды.

Ее отношение к верховной власти было особым: Матрона была очень предана императорской семье, она постоянно молилась за ее членов. Известно, что Матрона в религиозные практики подносила подарки царствующей семье: иконы, просфоры, лампадное масло и др. Как правило, подарки эти принимались, хотя, как известно, все подношения царской семье тщательно рассматривались канцелярий по делам императрицы и без ее указаний их не брали. Матроны три года молилась о рождении наследника. Когда родился цесаревич Алексей, она замыслила строительство Алексеевского монастырского подворья и направила прошение императору и императрице с подарком – золоченым иконостасом с иконой св. Преподобного Серафима Саровского. К сожалению, прошение не было удовлетворено.

Есть сведения, что по приказанию государя Матрона, имеющая статус прозорливой старицы, была представлена царской семье, после чего она получила свободный доступ ко дворцу и нередко общалась с императором и императрицей (Жизнеописание 2019: 161). Объяснение этому кроется в особом отношении Николая и еще в большей степени – Александры Федоровны к странникам, старцам, которые, по их мнению, сохраняли истинную православную веру. Императрица считала, что понять русский народ можно, только поняв православие и ее истинных носителей. В тяжелые периоды испытаний царская власть в России обращалась за помощью к вере.

По некоторым сведениям, императрица была глубоко опечалена смертью Матроны и прислала на ее похороны крест из белых живых роз (Жизнеописание 2019: 161).

Но все-таки основная деятельность Матроны-подвижницы протекала в иной среде – среди простых людей. Последние 16 лет ее жизни связаны с Невской заставой, территорией Стеклянного завода. Это был промышленный район Петербурга, в котором в конце XIX – XX вв. располагалось более 30 заводов. Он был как провинциальный русский город: деревянные дома, сточные канавы, антисанитария, поскольку здесь располагалась городская свалка. Вспышки холеры и сыпного тифа нередко начинались здесь. Рабочие жили бедно, впроголодь, их традиционная еда – квас с добавлением нескольких картофелин и лука. Нередко рабочих увольняли, в их среде был распространен алкоголизм.

Именно сюда переселилась Матрона, к часовне Скорбященской Божьей Матери, расположенной у Стеклянного завода. Формальная причина переселения – жить поближе к внучке и ее семье. Но именно в этом неблагополучном районе среди бедных, неблагополучных людей в полной мере раскрылся ее талант – служить людям, облегчать их нелегкую жизнь.

Несмотря на запрет властей, Матрона продолжала собирать пожертвования, лечить больных и предсказывать будущее. Об этом, в частности, свидетельствует справка сыскной полиции от 13 марта 1899 г. о Матроне: «Мыльникова, 70 лет, проживающая в настоящее время в доме № 6-8-10 по Ново-Александровской улице, где занимает одну небольшую комнату № 29. Мыльникова ходит постоянно босою, носит белую одежду и часто появляется для сбора подаяний у церкви «Всех скорбящих», принимает только медную монету. Квартиру ее посещают почитатели, чтущие Мыльникову за юродивую» (ГАТО. Ф. 632. Оп. 1. Д. 20. Л. 92). Петербургский бытописатель А.А. Бахтиаров, автор известной книги «Брюхо Петербурга», описывая свою встречу с Матроной – «местной босоногой святой», которой на освящении Скорбященской часовни 20 декабря 1909 присутствующие почтительно уступали дорогу, сравнивал ее с чтимыми во всей России юродивыми: «..Сквозь толпу про-

биралась вперед какая-то женщина, вся в белом и босая... Она с таким усердием молилась перед алтарем, делая земные поклоны, что нисколько не шокировала религиозные чувства богомольцев – в своем странном одеянии... Я заинтересовался босоножкой, т.к. слышал, что это – местная юродивая и в самые жестокие морозы ходит босой. И стал наблюдать за ней, как за человеком не от мира сего, как отголоском древней благочестивой старины, которая изобиловала «юродствующими во Христе». Подобно Василию Блаженному, предсказавшему пожар Москвы, Прокопию Устюжскому, предсказавшему каменный дождь в Великом Устюге, и Ксении Блаженной, предсказавшей в свое время смерть императрицы, Матрона Босоножка тоже обладала даром предсказания» (*Бахтияров* 1909: 6).

Большую часть собранных денег Матрона жертвовала бедным, потерявшим работу, больным, остальные деньги отправляла на строительство церкви «Всех Скорбящих радость (с грошиками)». Эта церковь построена в честь иконы Божьей Матери «Всех скорбящих радость», чудесным образом уцелевшей во время пожара в Тихвинской часовне в 1885 г. на территории Стеклянного завода. Кроме того, известно, что Матрона занималась сбором пожертвований для деревенских приходов – в Тверской губернии, на ее родине в Костромской губернии и др.

Саму Матрону, как и всех юродивых, отличало нестяжательство и отрицание материальных благ, жила она очень скромно в полуразвалившемся домике, спала на убогой постели, покрытой ветошью, питалась моченым хлебом или похлебкой (На могилке 1911: 2). Когда муж внучки лишился работы, и она обратилась за помощью к бабушке, Матрона дала ей несколько фунтов хлеба и 40 копеек денег и сказала: «Слава Тебе, Господи! Мы все здоровы и сыты. А вот храм Господен беден и великую нужду терпит наша церковь, много еще сирых и нищих, а я для Бога только живу и только для Бога и тягость на себя великую приняла, не могу я нового греха на душу взять, я исполняю волю молящих и должна отдавать деньги по назначению. А это, что вам даю, – мое подаяние» (На могилке 1911: 2).

Матрона предсказала и собственную смерть, в начале марта 1911 г. она сказала: «Вот пойдет на Неве лед; вместе с водой и льдом и я уйду от вас». Она действительно скончалась в ледоход 30 марта 1911 г. На похороны Матроны собралось огромное количество людей – ее почитателей. Полиция дежурила у ее квартиры, поскольку проститься с ней шли толпы людей. Затруднено было даже движение поездов проходившей недалеко от дома Невской пригородной железной дороги.

По просьбам населения Невской заставы похоронена Матрона была в ограде Скорбященской церкви. Через несколько лет над ее могилой была возведена маленькая часовня, а сама могила стала местом поклонения. К ней приходили помолиться и попросить помощи в бедах и болезнях множество верующих.

В 1933 г. через год после закрытия Скорбященская церковь была разобрана на кирпичи. Часовня функционировала до 1938 г. Могила Матроны была затеряна. Однако чудеса продолжались. Одно из самых известных: посадка на Неву в 1963 г. самолета ТУ-134, у которого отказали двигатели, как раз неподалеку от могилы блаженной. Причем никто из пассажиров и экипажа не пострадал. Верующие считают, что самолет спасла Матрона.

С начала 90-х гг. XX в. часовня действует как храм в честь иконы «Всех Скорбящих Радость (с грошиками)» и до недавнего времени являлась подворьем Зеленецкого Свято-Троицкого мужского монастыря. 3 мая 1995 г. была обнаружена могила

Матроны, которая в скором времени вновь стала местом поклонения. В наши дни нескончаемым потоком идут к могиле Матроны Босоножки ее почитатели, просят избавить их от болезней и бед.

Матрона является персонажем современной мифологии прихрамовой петербургской среды. Священниками Скорбященской церкви собрано более 500 свидетельств чудес – нарративов об избавлении от болезней, помощи в поиске работы и др. после молитв, обращенных к Матроне Босоножке. Эти нарративы представляют собой сообщение об одном (редко – двух) событии – чуде. Структура таких нарративов следующая: беда, недостача (болезнь, безработица, отсутствие жилья и др.) – молитвенное обращение к Матроне, которая выполняет функции «чудесного помощника», – ликвидация беды, недостачи (выздоровление, приглашение на работу, получение жилья и др.) (*В.Я. Пронн*). Функция таких рассказов – информативная и в большей мере – доказательная: они являются доказательством того, что Матрона и в наши дни творит чудеса. Такие рассказы содержат удивительную для рассказчика информацию и обусловлены ситуативно: они обычно произносятся во время встреч верующих, в них рассказывается о чудесных случаях, участниками которых были сами рассказчики, либо они являлись их свидетелями.

Огромное количество рассказов о чудесах, приписываемых Матроне, зафиксировано в письменной форме, это – уникальный случай для фольклора прихрамовой среды отдельной церкви. Запись рассказов о чудесах в письменной форме определена тем, что идет процесс канонизации Матроны. Церковь должна в соответствии со сложившейся традицией определить, является ли Матрона Мыльниковая святой, причем учитываются не только подвижничество и чудеса, приписываемые какой-либо личности, но также и ее народная оценка.

Во время пандемии к числу молитв, обращенных к Матроне, добавились просьбы от избавления от общей беды – коронавируса. К Матроне обращаются с просьбами излечить заболевших коронавирусом близких и предохранить от заболевания себя, семью и всех людей.

Во время карантина в Скорбященской церкви, расположенной в сохранившейся часовне, не закрывавшейся ни на один день, были предприняты все меры безопасности: использовалась одноразовая посуда, например, причащали одноразовыми ложечками. Иконы и киот постоянно протираются, храм проветривается. Были единичные случаи заболевания коронавирусом – как среди священников Скорбященской церкви, так и прихожан, однако массовой эпидемии не произошло. Прихожане считают, что это благодаря заступничеству и покровительству Матроны Босоножки.

На месте взорванной Скорбященской церкви построена новая, которая вероятно, откроется уже в ближайшее время. Идет процесс канонизации Матроны. Церковь должна в соответствии со сложившейся традицией определить, является ли Матрона Мыльниковая святой. Вместе с тем, церковь учитывает не только подвижничество и чудеса, приписываемые какой-либо личности, но также и ее народную оценку. Церковь не запрещает молитвы к каким-либо праведникам, не канонизированным ею, а в народном сознании Матрона является святой, она воплощает идеал и высшую духовную ценность: «святой — это тот человек, в ком пребывает особый вид духовно благодатного возрастания, называемого святостью» (*Топоров 2005: 4*). Ее святость – это высший нравственный идеал поведения, а ее неустанная помощь людям – это жертвенность особого рода.

### Источники и материалы

- ГАТО – Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 632. Оп. 1. Д. 20. Л. 92.
- РГИА – Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Д. 2770. Л. 1
- ЦГИА – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА). Ф.19. Оп.89. Д. 70. Л. 9 об.; Ф. 19. Оп. 89. Д. 70. Л. 2.
- Баженов – Баженов И.В.* Матренушка-босоножка // Костромские епархиальные ведомости. 1916. Отдел. Неоф. № 24. С.333-344.
- Бахтияров 1909 – Бахтияров А.А.* Торжество освящения часовни «Всех Скорбящих Радости» // Петербургская газета. 1909. 21 декабря. С.6
- Котлин 1896 – «Котлин» (газета). 1896. № 119. С. 3.
- Жизнеописание 1912 – Жизнеописание в Бозе почившей рабы Божией Старицы Матроны Петровны Мыльниковой (Матренушки-Босоножки) / Сост. А.Ф. Плотников. СПб.: Издательство Е.В. Киселева, 1912. 32 с.
- Жизнеописание 2019 – Жизнеописание петербургской старицы Матроны Петровны Мыльниковой (Матроны Босоножки) / Сост. Л.А. Юревичиене. Под редакцией иер. Полевой Б.Ю., иер. Титов Г.М. СПб: ООО «Издательство «Левша» Санкт-Петербург. 2019. 224 с.
- На могилке 1911 – На могилке и в квартире Матренушки-босоножки // Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1911. № 81. 16 апреля. С.2.
- Полонский 1986 – Полонский Я. П. Стихотворения. Поэмы / Сост. и вступ. ст. В.Г. Фридлянд; М.: Правда, 1986. 480 с.
- Федосова 1981 – Федосова И. А. Избранное / Сост., вступ. ст. и коммент. К.В. Чистова; Подгот. текста Б.Е. Чистовой, К.В. Чистова. Петрозаводск: Карелия, 1981. 303 с.
- Научная литература*
- Власов П.В.* Обитель милосердия. М.: Моск. рабочий, 1991. 303 с.
- Война и милосердие. М.: Свято-Димитр. училище сестер милосердия, 2003. 320 с.
- Галустян В.Г., Урбанский Д.А., Фатеев А.И.* Становление сестринского дела в России и формирование общин сестер милосердия // Вестник совета молодых учёных и специалистов Челябинской области, 2018. № 3 (22) Т. 3. С. 7-9.
- Лебедев св., иеромонах Лука (Пронских).* Основные этапы формирования благотворительного института общин сестер милосердия на Западе и в России // Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви, 2020. № 2. С. 20–28.
- Мазалова Н.Е.* Этнографические аспекты изучения личности «знающего». XIX – начало XXI в. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2011. 301 с.
- Максимова Л.Б.* Княгиня Наталья Борисовна Шаховская и основанная ею община «Утоли моя печали» // Вестник церковной истории. М., 2006. № 4. С. 237–240.
- Панченко А.М.* Русская история и культура. Работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. 515 с.
- Правдиковская Е.Н.* Общины сестер милосердия в культуре России. Дис. к. культур.н. М.: Моск. гос. ун-т культуры и искусств, 2012. 196 с.
- Серафим (Парамонов)* иером. О паломничестве и странничестве // Азбука веры. URL: <http://azbyka.ru>
- Словарь библейских образов / Райкен Л., Уилхолт Д., Лонгман Т. Санкт-Петербург: Библия для всех, 2005 (ГУП Тип. Наука).
- Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Том 1. М.: Гнозис, 2005. 245 с.
- Шалгина Е.А.* Образная составляющая концепта «милосердие» // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики № 3. 2020. С. 34–48.
- Щепанская Т.Б.* Странник // Мужики и бабы. Мужское и женское в традиционной русской культуре. СПб.: «Искусство СПб», 2005. С. 639–642.

Щербинин П.П. Солдатские жены в XVIII – начале XX в.: опыт реконструкции социального статуса, правового положения, социокультурного облика, поведения и настроений // *The-Journal-of-power-institutions-in-post-soviet-societies*. 2006. № 4–5.

## References

- Galustyan, V.G., Urbanskij, D.A., Fateev, A.I. 2018. Stanovlenie sestrinskogo dela v Rossii i formirovanie obshhin sester miloserdiya [The formation of nursing in Russia and the formation of communities of sisters of mercy]. In *Vestnik soveta molody`x uchyonny`x i specialistov Cheljabinskoy oblasti*. 3 (22): 7–9.
- Lebedev, sv., ieromonax Luka (Pronskix). 2020. Osnovny`e e`tapy` formirovaniya blagotvoritel`nogo instituta obshhin sester miloserdiya na Zapade i v Rossii [The main stages of the formation of the charitable institute of the Sisters of Mercy communities in the West and in Russia]. *Hristianskoe chtenie. Nauchny`j zhurnal Saint Petersburgskoj Duhovnoj Akademii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi* 2: 20–28
- Mazalova, N.E. 2011. *E`tnograficheskie aspekty` izucheniya lichnosti “znayushhego”, XIX–nachalo XXI v.* [Ethnographic aspects of the study of the personality of the “knower”. XIX–early XXI century.] Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Maksimova, L.B. 2006. Knyaginya Natal`ya Borisovna Shakhovskaya i osnovannaya eyu obshhina «Utoli moya pechali» [Princess Natalia Borisovna Shakhovskaya and the community founded by her “Assuage my sorrows”]. *Vestnik cerkovnoj istorii* 4: 237–240.
- Panchenko, A.M. 1999. *Russkaya istoriya i kul`tura. Raboty` razny`x let* [Russian history and culture. Papers of different years]. Saint Petersburg: Yuna.
- Pravdikovskaya, E.N. 2012. *Obshhiny` sester miloserdiya v kul`ture Rossii* [Communities of Sisters of Mercy in the culture of Rus]. Moscow.
- Rajken L., Uilxolt D., Longman T. (ed.). 2005. *Slovar` biblejskix obrazov* [Dictionary of Biblical Imagery Downers Grove: Inter Varsity Press, 1998]. Saint Petersburg: Biblija dlja vseh (English: Dictionary of Biblical Imagery Downers Grove: Inter Varsity Press, 1998).
- Serafim (Paramonov) ierom. O palomnichestve i strannichestve [About pilgrimage and pilgrimage]. In *Azbyka very`* [The Abc of Faith]. URL: <http://azbyka.ru>.
- Shalgina, E.A. 2020. Obraznaya sostavlyayushhaya koncepta «miloserdie» [The figurative component of the concept of “mercy”]. *Vestnik PNIPU. Problemy` yazy`koznaniya i pedagogiki*. 3: 34–48.
- Shepanskaya, T.B. 2005. Strannik [The Wanderer]. In *Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v tradicijonnoj russkoj kul`ture* [Men and women. Male and female in traditional Russian culture], 639–642. Saint Petersburg: «Iskusstvo Saint Petersburg».
- Sherbinin, P.P. 2006. Soldatskie zheny` v XVIII – nachale XX v.: opy`t rekonstrukcii social`nogo statusa, pravovogo polozheniya, sociokul`turnogo oblaka, povedeniya i nastroenij [Soldiers` wives in the XVIII – early XX century: experience of reconstruction of social status, legal status, socio-cultural appearance, behavior and moods]. *The Journal of power institutions in post soviet societies*. 4/5 (on line). <https://doi.org/10.4000/pipss.493>
- Toporov, V.N. 2005. *Svyatost` i svyaty`e v russkoj duxovnoj kul`ture* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture]. Vol 1. Moscow: Gnozis.
- Vlasov, P.V. 1991. *Obitel` miloserdiya* [The Abode of Mercy]. Moscow: Moskovskij Rabochij.
- Vojna i miloserdie* [War and mercy]. 2003. Moscow: Svyato-Dimitr. uchilishhe sester miloserdiya.

© Г.С. Поповкина

**БОЛЕЗНЬ В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ ПОДРОСТКА: ПО  
МАТЕРИАЛАМ РАССКАЗОВ Ю. КУЗНЕЦОВОЙ И Н. НАЗАРКИНА**

*В статье исследуется актуальная для медико-антропологического направления проблема жизненного мира больных детей, их представлений о болезни и её осознания. В качестве источника привлечены литературные произведения, в которых очень точно изображены больничные будни и переживание их детьми и тонко описаны не только настроение и характер героев, но и сам мир болезни, в котором оказались дети. С помощью феноменолого-герменевтического подхода осуществлена экспликация смыслового горизонта феномена болезни и связанных с нею феноменов жизни и смерти. Выяснено, что болезнь, ограничивая подростков в жизненных возможностях, делает их изобретательными, чуткими, рассудительными, требовательными к себе и окружающим, заставляет раньше взрослеть. Болеющие дети обострённо чувствуют несправедливость болезни и смерти, ощущают хрупкость жизни. Внимание и помощь родителей помогают им ненадолго забыть о своём болезненном состоянии. Проведенное исследование является первым шагом в изучении феномена болезни в жизненном мире детей. Полноценное раскрытие этого феномена требует дополнения литературных источников полевым материалом. Однако необходимо учитывать, что болеющие дети – особые информанты со специфическим положением, что делает сбор полевого материала сложной, а иногда – невыполнимой задачей, в связи с чем талантливо написанные литературные произведения по данной теме заслуживают дальнейшего исследования.*

**Ключевые слова:** *жизненный мир, болезнь, здоровье, подростки, литературные произведения*

**Ссылка при цитировании:** *Поповкина Г.С. Болезнь в жизненном мире подростка: по материалам рассказов Ю. Кузнецовой и Н. Назаркина // Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 208–221.*

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/208-221

© G.S. Popovkina

**ILLNESS IN THE LIFE-WORLD OF A TEENAGER: A STUDY  
BASED ON STORIES BY Y. KUZNETSOVA AND N. NAZARKIN**

*The article examines the life-world of sick children, their ideas about the disease, and their awareness of it, which is relevant for medical and anthropological*

---

**Поповкина Галина Сергеевна** – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (690001 Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89). Эл. почта: galina.popovkina@gmail.com ORCID: 0000-0001-6521-8658

*science. The study is based on literary works, which accurately depict hospital life and children's experience and insightfully describe the mood and character of the characters and the world of the illness itself. The phenomenological-hermeneutic approach is used to explain the semantic horizon of the phenomenon of illness and the phenomena of life and death associated with it. It was found that the disease, while limiting adolescents in life opportunities, makes them inventive, sensitive, reasonable, demanding of themselves and those around them, encouraging them to grow up earlier. Sick children sharply feel the injustice of illness and death and sense the fragility of life. Parents' attention helps them forget about their painful condition for a while. This study is the first step in studying the phenomenon of disease in the life-world of children. Full disclosure of this phenomenon requires supplementing literary sources along with field material. However, it should be borne in mind that sick children are special informants with a specific situation, which makes collecting field material a complex and sometimes impossible task, and therefore talentedly written literary works on this topic deserve further research.*

**Keywords:** *life world, illness, health, adolescents, literary works*

**For Citation:** Popovkina, G.S. 2022. Illness in the Life-World of a Teenager: a Study based on Stories by Y. Kuznetsova and N. Nazarkin. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 208–221.

**Author Info: Popovkina, Galina S.** – PhD (hist.), Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East Far Eastern Branch Russian Academy of Science (690001 Russia, Vladivostok, Pushkinskaya st., 89). E-mail: galina.popovkina@gmail.com ORCID: 0000-0001-6521-8658.

Всестороннее исследование вопросов здоровья и болезни детей, безусловно, актуально и заслуживает постоянного внимания. Огромный пласт в исследовании этой проблемы составляют собственно медицинские труды, посвященные различным аспектам лечения и профилактики заболеваний у детей. Большой интерес у ученых вызывают и социальные, психологические, философские и гендерные аспекты проблем здоровья и болезни (Туркина, Вербина 2019; Милюкова 2020; Грошев 2009; Орлова 2010; Тхостов, Нелюбина 2009; Паутова 2015; Баранов, Яковлева 2018; Бовина 2008). Также рассмотрены психологические особенности состояний здоровья и болезни у дошкольников и младших школьников (Арзумян 2018; Казанская, Мецераков 2018; Котова, Николаева 2010), подростков (Васильева 2010; Бовина, Дворянчиков и др. 2018). Вопросы детского здоровья и болезни становились предметом изысканий для этнографии в русле изучения народно-медицинских знаний, реже – как собственно этнокультурная проблема (Чернышова 2012; Кириленко 2016). Однако здоровье и болезнь могут быть рассмотрены и как те самые жизненные смыслы, на важность исследования которых с привлечением методов социальной антропологии указал акад. В.А. Тишков, поскольку у человека есть «потребность в самих жизненных смыслах. А значит и есть потребность в их изучении» (Тишков 2011). В относительно новом для российской науки направлении – медицинской антропологии – уже предпринимались попытки освещения некоторых аспектов здоровья детей (Ермакова 2018; Микель 2016; Колдман 2019). Тем не менее, пока нет медико-антропологических трудов, посвященных пробле-

мам болеющих детей среднего школьного и подросткового возраста, раскрывающих, каким образом в их сознании осмысливается болезнь, как она отражается на их социальных практиках, на осознании себя и т.п.

Для начала работ в этом направлении решено привлечь в качестве источника литературные произведения. Для анализа выбраны известные рассказы Юлии Кузнецовой «Выдуманный жучок» и Николая Назаркина «Изумрудная рыбка» о детях, страдающих тяжелыми или неизлечимыми заболеваниями и вынужденных проводить много времени в больнице. «Выдуманный жучок» написан мамой юной пациентки нейрохирургического отделения, а «Изумрудная рыбка» – самим болеющим мальчиком. Для исследования важно, что эти книги биографичны, больничные будни и переживание их детьми изображены очень точно, часто показывая незначительные, на первый взгляд, детали, которые тонко описывают не только настроение и характер героев, но и сам мир болезни, в котором оказались дети. На литературных сайтах об этих книгах преимущественно одобрительные отзывы: те, кто оказывался в подобной ситуации, сходятся во мнении о достоверном изображении больничной жизни и детских переживаний.

Поскольку планируется исследовать жизненный мир больных детей, их представления о болезни и её переживание, наиболее подходящим видится обращение к феноменолого-герменевтическому подходу, философские основания которого были сформулированы в трудах Э.Гуссерля и М.Шелера, а их антропологическое применение развито в работах А.Щюца и др. В виду того, что источником исследования выбраны литературные произведения, основанные на реальных ситуациях больничного быта, это дает исследователю возможность отнести к ним как к нарративу информанта, а в некоторых случаях даже как к включенному наблюдению, поскольку в них разворачиваются внутренние переживания болезни детьми-частыми пациентами больниц. Таким образом, применяя к указанным источникам феноменолого-герменевтический подход, мы можем осуществить экспликацию смыслового горизонта такого феномена как болезнь и связанных с ней феноменов жизни и смерти.

Героини книги «Выдуманный жучок» – девочки Таша тринадцати лет и Аня четырнадцати лет. В «Изумрудной рыбке» главное действующее лицо – мальчик Коля Кашкин, ему и его друзьям около тринадцати лет. Этим детям приходится жить и взрослеть, проходя испытание болезнью, нередко неизлечимой и с неизвестными прогнозами на будущее. Существование ребят, с одной стороны, ограничено пространством и обществом больницы, с другой – это ограничение по-особому влияет на осмысление ребятами жизни и своего места в ней. Феномены болезни, жизни и смерти раскрываются в жизненном мире подростков, находящихся в больнице (другое время их жизни в рассказах не показано), с помощью описания болезни и связанных с ней пространства, людей и событий, окружающих детей и взрослых.

### **Болезнь и связанные с ней пространство, люди, события**

В жизни тяжелобольных детей болезнь занимает очень много места. Таша вынуждена менять раз в четыре года шунт, встроенный в головной мозг; Аня ложится в больницу каждые четыре недели для прохождения химиотерапии. Коля Кашкин количество своих посещений больницы не считал и о болезни не рассказывал, в больнице у него есть друзья, которые попадают на лечение каждый в разное время, но

так часто, что мальчики успевают друг друга запомнить и подружиться. Болезни как медицинское явление детьми не обсуждаются: «Дети не спрашивают о диагнозе» (Кузнецова 2011: 17). В рассказах много упоминаний больничных процедур: капельницы, уколы, прием лекарств, подготовка к операциям, нахождение в реанимации, в палате интенсивной терапии или в боксе на карантине. Часто присутствует описание неудобств, причиняемых болезненным состоянием: наружный шунт не дает «ни прогуляться, ни душ принять... до грязных волос не хочется дотрагиваться... а во рту почему-то всё время горько» (Кузнецова 2011: 62) и т.п., для Таши «хуже нет послеоперационных уколов» (Кузнецова 2011: 11), загипсованная нога мешает Коле свободно передвигаться, а удаление сразу двух зубов повлекло необходимость молочной диеты, включающей такой нелюбимый Колей творог; его друг на растяжке и буквально привязан к кровати, из-за чего невозможно вместе хоть как-то развлекаться вне палаты, один из друзей Коли, а в другое время и он сам, может передвигаться только на коляске, что делает неосуществимым его участие в некоторых играх и т.д. (Назаркин 2018: 7–10, 81–181). Болезнь сковывает ребят, лишает многих занятий, свойственных их возрасту. Горько это осознается детьми, когда они сравнивают себя с другими. Так, в отделении общей хирургии «здоровые слонята по сравнению с нами, нейрохирургическими. Особенно с теми, кто худой от химиотерапии. Они носятся по коридору, прихрамывая или поддерживая забинтованные руки, катаются по очереди в инвалидных колясках и хохочут над гипсами. У нас в отделении никто не хохочет над проводками... Еще у них игровая комната... А мы даже спим с мамами, потому что коек не хватает. А они все равно нам завидуют...» (Кузнецова 2011: 15). По признанию Таши, в девять лет «начинает точить зависть» к здоровым одноклассникам (Кузнецова 2011: 9). Ребята невольно сравнивают свои возможности здоровья с возможностями здоровых людей, например, как хорошо просто ходить на здоровых ногах (Назаркин 2018: 117–119). Однако, несмотря на разницу в диагнозах, болезнь уравнивает детей, лишая их чего-то важного: дети из хирургического отделения завидуют нейрохирургическим, потому что те лежат с мамами. А нейрохирургические завидуют, потому что у них нет сил развлекаться так, как дети из общей хирургии.

Однако эти неудобства, хоть и сильно ограничивают жизнь ребят, не прерывают стремления детей жить полной жизнью: мальчики собрались убежать из больницы на рыбалку и взять с собой друга на коляске, Коля на костылях переходит в другой корпус для того, чтобы купить мороженое, юный ухажер Серый (10 лет) предлагает Ане уехать в Грецию, когда они выздоровеют, и т.п. Дети пытаются расширить скудный арсенал больничных развлечений: кроме чтения книг, разговоров по телефону или игры на планшете, придумывают новые способы занять себя. Из капельниц плетут различные поделки (Назаркин 2018: 18–23), занимаются вязанием, устраивают гонки на колясках (Назаркин 2018: 44), ходят в переход между корпусами, чтобы посмотреть в окна, которые «в переходе выходят на улицу... если стоять, прижавшись лбом к холодному стеклу, и пристально смотреть на машины, то можно немножко забыть, что ты в больнице» (Назаркин 2018: 13), пририсовывают на плакате «пожарникам шарики, банты и крылья» (Кузнецова 2011: 99) и т.п. Мама спрашивает Ташу: «И как у тебя получается радоваться жизни в больнице?... Я лично просто больше не могу» (Кузнецова 2011: 56). Стремление играть и смеяться свойственно и здоровым, и больным детям. По меткому наблюдению медсестры Тоси «да они вас сами с удовольствием посмешат... такие уж они дети. С ними не соскучишься» (Кузнецова 2011:

78). Часто развлечения либо оканчиваются неудачей, либо вовсе срываются, их не доделывают: поход на рыбалку ребята проспали (Назаркин 2018: 7–11), походить по отделению скучно, посидеть на подоконнике у ординаторской тоже скучно – «за окном был вечер, двор пустой, неинтересный» (Назаркин 2018: 74), мороженое в буфете невкусное (Назаркин 2018: 72), плетеная рыбка получилась не того цвета, как ожидалось (Назаркин 2018: 23), новогодний розыгрыш оказался глупой шуткой (Кузнецова 2011: 65–83). Само наличие болезни делает полноценные забавы детей невозможными, отчасти потому, что в больнице «времени полно. Просто оно рваное какое-то... Кусочками. Потому что постоянно дёргают. То уколы, то осмотр, то на рентген, то обедать пора. Никакой личной жизни» (Назаркин 2018: 82). Порой, в развлечениях проскальзывает горечь от осознания своего положения: «В нашем отделении, кстати, любят игрушечный транспорт: малышня запускает в коридоре радиоуправляемые катера, ребята постарше собирают объёмные пазлы с истребителями. Словно все верят, что картонный и пластмассовый транспорт может увезти нас подальше отсюда» (Кузнецова 2011: 96). Дети хотят покинуть мир болезни: «...Когда-нибудь нарисованный робот возьмет нас с Аней и унесет туда, где нет уколов и запаха лекарств» (Кузнецова 2011: 104), но это всего лишь мечта, избавление от недуга сравнимо с чудом, оно очень призрачно и выглядит так же нереально, как нарисованный робот.

Болезнь заставляет ребят думать о своем состоянии, анализировать его и свою жизнь. Восприятие болезни меняется у детей по мере взросления. Так, Таша рассказывает о себе: «В 2 месяца ничего не помнишь, в три года – не соображаешь, что делают, а в 6 лет становится страшно, только что вроде узнаешь, что люди умирают. В 9 понимаешь, что это глупость. Но начинает точить зависть к здоровым одноклассникам. В 12-13 хочется всем рассказать, чтобы все испугались и поняли, что ты герой. Я привыкла уже, потому что пришлось пораньше: у меня мама – как ребенок» (Кузнецова 2011: 9). Недуг делает из детей маленьких взрослых, которые рефлексиируют о происходящем и терпеливо, разумно относятся к своему заболеванию: «Я никому не завидую и никому не хочу рассказывать свой секрет... Многим тяжелее... А теми, кто борется, и не сдаётся, я восхищаюсь» (Кузнецова 2011: 11), – думает Таша, а Коля считает: «Сегодня пляшем, завтра ляжем» (Назаркин 2018: 180), «Вчера скакал, а сегодня лежит. Чего тут такого-то? Мы все здесь такие. Ничего, все на седьмом побывали (на этом этаже находится реанимационное отделение – Г.П.) и пока вот скачем. Рыцарь должен уметь смотреть в глаза своей судьбе. Нормальная жизнь» (Назаркин 2018: 29).

Осознание своей болезни иногда приводит ребенка к бессильной злости, обиде на всех: «Я не хочу быть самой собой, а хочу быть кем-то другим... Вот бы... всем отомстить за все!» (Кузнецова 2011: 124). Однако это состояние дает импульс размышлениям о своем месте в жизни, становится своего рода рубежом, с которого начинается новая страница бытия: «Но получалось, что я своего конца дожидаясь, постоянно ноя и жалуясь на жизнь. Уборщица права – надо чем-то заниматься. Но чем-то хорошим, радостным. Не нытьём. Радостные дела дадут силы. Надо же, как просто. С чего начать?...» (Кузнецова 2011: 130).

Мысли о болезни влекут за собой раздумья о крови, о жизни и смерти. Собственная болезнь словно является толчком для раннего взросления и совсем недетских размышлений. Так, по мнению ребят, все постоянные пациенты больницы знают состав крови, ее объем в теле человека и т.д., «не путают лимфоциты с лейкоцитами,

про факторы, про каскад знают. ... такие простые вещи, ну... все знают, в общем! Это же само если не с первого, то со второго попадания в больницу запоминается» (Назаркин 2018: 31–32). В то же время кровь в восприятии детей является той субстанцией, которую видеть не должно, она почти сакральна, запретна, ее вид заставляет замолчать и задуматься: «В другой раз мы бы засмеялись» (над вопросом мальчика про УЗИ – Г.П.), но «я вижу кровь, которая сочится сквозь простыню» (Кузнецова 2011: 25).

Тяжелобольные дети очень рано видят смерть рядом с собой, ощущают хрупкость человеческой жизни, поэтому смерть тоже занимает важное место в их жизненном мире. Прежде всего, оценивается возможность собственной смерти. Например, Таша услышала вопрос мальчика отцу: «А умирать страшно, папа?», после чего и сама задумалась над этим вопросом. Страх смерти у Таши связан с заботой о матери, она решает, что умирать страшно: «Как это маму можно одну на белом свете оставить?» (Кузнецова 2011: 27)

Смерть видится чем-то страшным, неправильным, несправедливым. Понимание, что маленький Саня умирает, сначала поражает Ташу, вызывает в ней гнев, обиду, потом вдруг обжигает её, пробуждая теплые чувства к матери. Сосед Сани по палате, казалось бы, равнодушный и безучастный к чужой судьбе Максим, узнав о Саниной смерти, выбросил в окно свой компьютер, расплакался «громко, басом, за них двоих, за все отделение» (Кузнецова 2011: 39–43). Близость смерти является для подростка поводом осмыслить свою жизнь, определить своё дальнейшее поведение и отношение к себе и миру, свою жизненную стратегию. Как правило, эта стратегия основана на необходимости действовать быстро, пока жизнь не оборвалась: «Я же в спецшколе учусь (там учатся дети со слабым здоровьем – Г.П.) ..., а там все считают, что нужно всё делать сегодня, потому что завтрашнего дня может и не быть», – говорит Аня. Но со временем к девочке приходит очень мудрое понимание жизни: «Я не считаю, что надо успеть всё сегодня переделать. Жизнь похожа на вязание. Если вяжешь спокойно, будет красивая вещь. А если торопишься и пропускаешь петли, получится неровно и с дырками» (Кузнецова 2011: 52–53). Таким образом, смерть видится детям как событие страшное, непоправимое, ошибочное, но она же учит их рассуждать о жизни, вырабатывать собственное отношение к жизни и смерти и существовать в соответствии со своими убеждениями.

Мир собственных переживаний больного ребенка тесно связан с его восприятием больничного окружения. Обстановка вокруг детей нерадостная, неприятная. Больничный корпус видится замком злого волшебника «тухлого розового цвета» (Кузнецова 2011: 134), в палатах – уныло и темно, по выражению их обитателей, «глаза сломать можно»: «Лампочка в интенсивке слабенькая, еле горит... Утро зимнее и так тёмное, а у нас в палате с мутными окнами как будто всё время ночь...» (Кузнецова 2011: 62). Днем раздражает «свет верхних сине-белых ламп», а ночью на потолке отражается синий свет фонаря, который наводит тоску. Ребята решают, что у них дома не будет ни одной синей лампочки (Назаркин 2018: 78). Обстановка коррелирует с настроением: «Я, наверное, хорошо выгляжу. Особенно на унылом фоне унитазов и баков с надписью “1-е нейрохирург”. Впрочем, на душе у меня было так же отвратительно» (Кузнецова 2011: 129). Дополнительный дискомфорт приносят неудобные кровати. Кроме того, однообразная еда, когда заранее известно повторяющееся меню на много дней вперед, может быть и неприятной, например, остывшей; героям

рассказов везет, если развозить обед начинают с их палаты, «значит, каша не до конца холодная» (Назаркин 2018: 65, 92). Двор больницы навевает скуку: «Все окна нашего корпуса выходят во двор. А что может быть интересного в больничном дворе» (Назаркин 2018: 13). Больничное окружение видится детям безрадостным, скучным, унылым. Раскрасить его можно только с помощью своей фантазии. Когда ребятам довелось идти вместе с медсестрой по подвалу, они с удовольствием сочиняли небылицы про секретную военную краску, секретные провода до «самых главных» ракет, про секретную лабораторию и про специальную еду (Назаркин 2018: 49–52). Чтобы скрасить новогодний вечер, который они вынуждены проводить в больнице, Таша и Аня представляют себя древнегреческими богинями (Кузнецова 2011: 66–67), а Коля Кашкин – оказавшимся на необитаемом острове (Назаркин 2018: 174–175). Во время таких игр детям приходит горькое осознание своего одиночества: «... никто из них не придёт. Потому что они там. А мы – тут. Такова судьба» (Назаркин 2018: 174). Таким образом, обстановка больницы усугубляет мрачное восприятие болезни детьми, которые, хоть и понимают свое печальное положение, тем не менее, стараются придать красок жизни, придумывая разнообразные фантастические истории про себя самих и своё окружение.

Важной составляющей в проживании болезни ребенком становится медицинский персонал. Медсестрам приходится выполнять множество назначений, данных врачами, и проводить таким образом время с детьми. В восприятии детей медсестры разные. Хорошие – те, которые занимаются только процедурами и не вникают в особенности поведения детей, не пытаются их воспитывать, дают послабления в больничном режиме: «Елена Львовна ... процедурная сестра, уколы там всякие делает, капельницы, а за нами не следит. Если бы все взрослые были такими» (Назаркин 2018: 57). Хорошая медсестра, как например, старенькая Тося, помнит всех пациентов, которые неоднократно бывают в отделении (Кузнецова 2011: 30), много и старательно работает. Такие медсестры спят на жестких неудобных скамейках у палаты интенсивной терапии и не уходят спать на свободные мягкие койки (Кузнецова 2011: 46). С ними детям легче живётся: «Хорошо, всё-таки, когда медсестры ведут себя как люди, а не как медсестры!» (Назаркин 2018: 82) или «Она ничего так медсестра, вредная, конечно, но понимающая» (Назаркин 2018: 165). Вредные медсестры ленивы, а иногда еще и злы, не уважают старших коллег (Кузнецова 2011: 45–46), чересчур строго следят за детьми: «Лина Петровна дежурит, она вредная, вечно норовит проверить» (Назаркин 2018: 9), а также «Лина Петровна или Катя Васильевна вмиг всё узнают» (Назаркин 2018: 13), не разрешают нарушать режим: «Катя Васильевна мой фонарик отобрала, чтобы маме отдать обратно» (Назаркин 2018: 78).

Врачи в глазах детей также подразделяются на хороших и плохих. Обобщённый портрет хорошего врача выглядит следующим образом. Хороший врач – профессионал высокого класса, как например, Игорь Маркович, на которого «пол-Москвы молится» (Кузнецова 2011: 24). Он заботливый, внимательный: «Игорь Маркович подкрался тихонько, чтобы не разбудить спящую медсестру. Бледный, не выспавшийся, в помятой, больше чем обычно, одежде, он открывает окошко и с наслаждением подставляет лицо под ветерок» (Кузнецова 2011: 28), самоотверженный: анестезиолог Виктор Евгеньевич во время перерыва «снял маску, шапочку, вытер лоб салфеткой, нацепил все обратно и пошёл в операционную», даже есть не стал (Кузнецова 2011: 30). Хороший врач бывает и строгим: заведующий отделением «Андрей Юрьич – толстый, высокий

и говорит громким голосом. Я бы на месте курильщиков... спрятался», а «после разговора с ним все мамы успокаиваются» (Назаркин 2018: 13, 170). Лечащий врач, как правило, хороший: «Василь Василич – ... он ничего, веселый и понимающий» (Назаркин 2018: 49), «Давид Игоревич... самый классный врач... Ну, после моей Елены Николаевны, конечно... Ну и Андрей Юрьича» (Назаркин 2018: 101) или даже лучший: «... моя Елена Николаевна самая красивая докторша на нашем этаже. Из двух. И на пятом тоже. Хотя Валька Чуйков говорит, что его Ольга Константиновна красивее, но он ни фига не понимает. И вообще. А моя Елена Николаевна в маске и шапочке на космонавтских врачей из кино похожа... А у моей Елены Николаевны уши зато красивее. Вот» (Назаркин 2018: 62). Хороший врач обладает признаками героя («космонавтический врач» – особенная, почти героическая профессия) и похож на «самого лучшего, самого доброго волшебника на свете» (Кузнецова 2011: 141).

Плохой врач, напротив, глуп, непрофессионален, равнодушен, труслив. Таков Александр Степанович в рассказах «Выдуманый жучок»: он не участвует в спасении травмированного мальчика, предпочитая теплый плед, телевизор и банку с вареньем (Кузнецова 2011: 25), норовит обвинить в своих ошибках коллег (Кузнецова 2011: 61), ему не доверяют сложные случаи (Кузнецова 2011: 28). Иногда репутация «вредного» закрепляется за врачом без особых видимых причин, ввиду неприятного стечения обстоятельств: «Евгений Палыч ...самый вредный из врачей, это все знают!» (он закрыл за собой дверь ординаторской, когда ребята хотели подслушать разговоры врачей – Г.П.) (Назаркин 2018: 68).

Как видно из представленных рассказов, «хорошие» медицинские работники имеют в жизни детей и в их восприятии болезни более важное значение, чем «плохие». Описанию «хороших» врачей и сестер отводится гораздо больше внимания, выявляется больше причин для характеристики медработника как «хорошего». Однако у маленьких пациентов отчетливо ощущается страх оказаться в руках «плохого» врача, понимание, что от проведения операции зависит слишком многое: либо продление жизни и надежды, либо смерть или тяжелые последствия лечения. Само существование непрофессионалов и «плохих» кажется чем-то неправильным, что необходимо исправить. Для этого дети используют свои, доступные им, способы: «обезвреживают» злую медсестру Лидку с помощью куклы вуду (Кузнецова 2011: 45–51), прячут в шкафу Александра Степановича (Кузнецова 2011: 25–27). Думается, такие факты свершения «правосудия по-детски» не могли иметь место в реальной жизни, но совершенно очевидно, что «плохой» врач или сестра – один из главных страхов ребенка в больнице, от которого он хочет избавиться любым способом.

### **Взрослые в жизни больного подростка**

Особая категория в окружении больных детей – взрослые (родители и посторонние). Прежде всего, внимание детей обращено на их матерей. Они словно не понимают, почему матери беспокоятся о них: «Мамы вечно хотят знать много всяких дурацких неважных вещей: что мы ели на завтрак...» (Назаркин 2018: 10). Им не нравится, что любимая тема «разговора мамаш» – диагноз ребенка (Кузнецова 2011: 17). Нередко мама в глазах ребенка предстает в детской роли: «Мама все слушает, что Андрей Юрьич говорит. Как маленькая, честное слово!» (Назаркин 2018: 34). Мамы нередко проявляют слабость: мама Таши «набирает для папы какие-то горестные эсэмэски»

(Кузнецова 2011: 33), плачет перед операцией (Кузнецова 2011: 107, 109), способна расплакаться из-за незначительного повода, например, из-за того, что не успела в душ (Кузнецова 2011: 38), «хватает ртом воздух», когда узнала о неожиданной выписке (Кузнецова 2011: 138) и т.п. Болезнь детей давит на родителей, это видят и дети. Так, Таша заметила, что ее мама про шунт всегда говорит шепотом (Кузнецова 2011: 86). В такой ситуации дети берут на себя роль взрослого. Например, за мамой приходится присматривать: «А с этими мамами одни проблемы, да?» (Кузнецова 2011: 21), её нужно поддерживать и подбадривать: (повзрослеть) «пришлось пораньше: у меня мама – как ребенок. Мне приходится ее поддерживать. Ей очень тяжело» (Кузнецова 2011: 9), стараться проявлять внимание и заботу: «Слабые нервы у моей мамы» (Кузнецова 2011: 19), успокаивать (Кузнецова 2011: 33), ответственно относиться к подаркам: «Только я в него играть не хотел, я в самолеты хотел. А набор взял, потому что нельзя же маму огорчать. Она же старалась» (Назаркин 2018: 66–67). Матери других детей также надломлены, их силы уничтожает болезнь ребенка. Так, среди пациентов больницы была распространена примета, согласно которой нужно украсть в отделении пеленку, чтобы «больше туда не возвращаться». Действенность этой приметы решила испытать даже Мадина, которая знала, что «муж её убьет» за воровство: «Но как же пребывание в больнице подточило мусульманку Мадину, чтобы (она украла пеленку)» (Кузнецова 2011: 92–93). Таша «видит», как за Мудиной ползёт противный жучок отчаяния. Дети ощущают тоску, сопровождающую взрослых в больнице. Так, мамы разрисовывают раскраски, которые подарены детям: «ужасно... как они говорят друг другу, героически улыбаясь: “Ну что ж такого, что в новый год загремели, подумаешь! Конечно, всякое бывает!” А у самих в глазах тоска» (Кузнецова 2011: 66–67). Подобная маскировка чувств взрослыми воспринимается подростками с раздражением: «Ненавижу враньё» (Кузнецова 2011: 67).

Однако обремененные собственной болезнью дети нуждаются в поддержке и помощи, прежде всего, со стороны родителей. Они помнят, что «Мама и так должна быть сильной» (Кузнецова 2011: 38), могут на некоторое время забыть о своей взрослой роли: «Теперь я ныла, а мама меня утешала» (Кузнецова 2011: 133), способны загрустить, не увидев в группе других мам свою: «Голос у него несчастный. Мама не пришла. Конечно, карантин есть карантин, но прийти покричать с другими мамами она могла же ведь, правда?» (Назаркин 2018: 37). Родители остаются для детей опорой, которая дает надежду, что всё будет хорошо, например, потому что мама или папа помолятся за них. Тема молитвы периодически возникает в рассказах детей. Это всегда – надежда и успокоение: мама Таши молится, чтобы не стало хуже (Кузнецова 2011: 108), мама Ани после операции у дочери – бледная, но довольная, «в руках сжимает “акафистник”, толстую книгу с молитвами» (Кузнецова 2011: 33). А отец Толика, священник, не приносил передач, но молился и причащал сына (Кузнецова 2011: 33). Такое поведение отца вызывало недоумение, а порой и возмущение некоторых родителей, но не болеющих подростков. «Все умеют молиться», – заключает Таша. Видимо, груз болезни настолько тяжел, что дети приучаются очень зорко видеть лучики надежды. Иногда дети сами придумывают ободряющие сигналы надежды: «Анька не успела довязать шарф. Значит, всё у всех только начинается» (Кузнецова 2011: 57).

Об отношениях с отцом говорится только в рассказах «Выдуманый жучок». В начале повествования отец Таши выглядит не вполне понимающим сложность ситуации, трудности больничного существования: он не делает неожиданных подарков,

путает виды продуктов для передачи жене и дочери, по-деловому отвечает на телефонные сообщения. Однако по мере наблюдения за родителями детей в отделении, Таша меняет мнение о собственных. Для нее становится открытием, что другие родители тоже расстроены, потеряны, дезориентированы, не всегда ведут себя подходящим образом: муж Мадины кажется нехозяйственным (Кузнецова 2011: 93–94), папа «оручего» бестолково топчется в дверях отделения и т.п. (Кузнецова 2011: 99). Тем не менее, эти люди находят нужную линию поведения, могут придумать что-то, скрашивающее жизнь своих близких: супруг Мадины приносит пастилу (Кузнецова 2011: 103), папа «оручего» нарисовал на асфальте перед палатой робота и стал рисовать что-то новое каждый день, отчего ребенок больше не плакал при расставании с отцом (Кузнецова 2011: 101–102). Таша стала замечать грусть в глазах отца, поняла, что и ему тяжело (Кузнецова 2011: 105).

Болеющему ребенку важно ободрение со стороны родственников. Даже если не всегда получалось ладить, например, с сестрой (Кузнецова 2011: 136–140), свидание с ней, а тем более, подарки, способны поднять подростку настроение: «... всё-таки иногда сёстры что-то понимают, факт. Даже старшие» (Назаркин 2018: 112).

Взрослые вокруг болеющих детей нередко бывают неприятными, особенно если они стараются отгородиться от мира тяжело больных. Таковы были соседи Таши по палате, которые всячески подчеркивали, что в отделение попали только на обследование. У них было очень много еды, а «в лицах что-то бульдожье» (Кузнецова 2011: 32). Не понравилась девочкам и студентка актерского факультета, пришедшая играть роль Снегурочки, но признавшаяся другу: «Вот только ЭТИХ не люблю. У которых химия» (Кузнецова 2011: 71). Эти люди лгали сами себе, стараясь отгородиться от мира тяжелых болезней и детей, страдающих ими. Однако неприязнь к этим людям исчезает, как только те принимают существование сложных больных (Кузнецова 2011: 35–36, 78). Дети хотят правды: в эмоциях, отношениях, поведении взрослых. Взгляд подростков на неприятных людей меняется, как только взрослые начинают воспринимать их такими, какие они есть.

### Болеющие подростки и другие дети

Герои рассказов – дети среднего и старшего возраста, подростки. У них по-разному складываются отношения друг с другом. Обычно дети – компаньоны в играх и развлечениях, вместе переживают ответственные моменты в своей жизни. Немаловажную роль в коммуникации детей играет шутка. Даже если объект подшучивания не разделяет общего веселья, смех важен для ребят как способ разнообразить будни или добиться желаемого результата: «Толик стал совсем глупый, потому что ему одна девчонка нравится. Ходит с глупыми глазами, по-дурачки как-то. Мы с Пашкой про него смеялись, а он обижается, говорит, что мы еще маленькие» (Назаркин 2018: 77) или «тут Серый увидел, что мы внутри смеемся, и замолчал. А то я уже хотел перестать с ним дружить, если он будет все время один разговаривать. А теперь я тоже мог разговаривать» (Назаркин 2018: 52). Приветствуется равенство возможностей, щедрость (Назаркин 2018: 70–72). Недопустимыми в поведении считаются жадность (Назаркин 2018: 24–29, 65–68), желание воспользоваться чужими идеями (Назаркин 2018: 34), особенно – слабость, нетерпение болезни: так, Коле, Толику и Серому не нравится, что стонет Тёпочкин. В рассказе дается много объяснений,

почему не нравится, одно из них следующее: «И сочувствия у нас никакого нету, потому что мы ничего все равно сделать не можем. И незачем ему на нас стонать» (Назаркин 2018: 53–55). Подростки хоть и относятся к сверстникам доброжелательно, но не делают послабления, предъявляют «взрослые» требования, играют по отношению друг к другу взятую на себя «взрослую» роль.

В условиях больницы они взаимодействуют не только со своими ровесниками и взрослыми, но и маленькими детьми. В большинстве случаев малыши выступают фоном в рассказах подростков: то они пытаются развлечься с помощью игрушечного транспорта, то сами устраивают гонки на колясках, только «малышня всякая» ест какао и кашу и плетет фигурки из «сырой» капельницы (Назаркин 2018: 7, 9), «детки к постели своими капельницами привинчены, вот им и читают вслух сутками напролёт» (Кузнецова 2011: 74). Иногда взрослые не могут найти подход к малышам, тогда на помощь приходят подростки. Такова история Степки-растрёпки, который боялся «всего в больнице» и только благодаря находчивости Таши и Ани, предложивших ему быть секретным агентом для обезвреживания злой медсестры Лидки, спокойно отправился на операцию (Кузнецова 2011: 47–51). Подругам жаль маленьких детей, попавших в больницу, но они думают, что крохи находятся в выигрышном по отношению к ним положении, потому что не понимают, что происходит. Полторагодовалая соседка Таши по палате не понимает, что говорит её мать. «Как я ей завидую!» – подумала Таша однажды, – «я тоже не хочу ничего понимать» (Кузнецова 2011: 64), а Коля завидует «черно-белой завистью. В полосочку» беспечному малышу Славке (Назаркин 2018: 127). В рассматриваемых рассказах маленькие дети для старших – не только неотъемлемая часть больничных будней, но и повод задуматься о жизни, о месте в ней болезни и своём отношении к ней.

Таким образом, мы видим, что литературные произведения представляют собой ценный источник для медико-антропологического исследования, особенно с применением феноменолого-герменевтического подхода. Исследование феномена болезни в жизненном мире подростков показывает, что она лишает их обычных способов проживания жизни, ограничивает в возможностях обучения, развлечения и общения, в то же время делая их изобретательными, чуткими, рассудительными. Все происходящее в жизни ребят носит отпечаток болезни, больничной повседневности. Оказавшись в исключительной ситуации болезни и больницы, они вынуждены как-то обдумывать происходящее с ними; многие аспекты жизни требуют от ребят немедленного осмысления. Болезнь видится им чем-то неприятным, безрадостным, скучным, смерть – несправедливым, неправильным, жизнь – хрупкой. С болезнью и смертью связан самый тяжелый страх: боязнь «злых» и непрофессиональных медицинских работников, от которых зависит их жизнь, и страх самой смерти. Болезнь заставляет подростков рано становиться взрослыми: они чувствуют себя взрослыми, способными взять на себя ответственность за маленьких соседей по палате, друзей, своих уставших родителей. Болезненное состояние обостряет в детях чувство справедливости, правдивость, открытость, в некоторых случаях – жесткую требовательность к себе и окружающим. В то же время болезнь не способна окончательно стереть детство из жизни детей: ребятам необходимы детские развлечения, внимание и помощь именно родителей – в такие моменты они могут ненадолго забыть о бремени своего недуга.

Конечно, все вышеизложенное можно считать лишь первым шагом в исследовании феномена болезни в жизненном мире детей. Очевидно, что полноценное раскрытие этого феномена требует дополнения литературных источников полевым материалом. Однако, учитывая особенность информантов и их специфическое положение, можно предположить, что сбор такого материала – непростая задача и талантливо написанные литературные произведения на данную тематику достойны дальнейшего исследования.

### Источники и материалы

- Кузнецова 2011 – Кузнецова Ю.Н. Выдуманный жучок. Рассказы о больничной жизни. М.: Центр Нарния, 2011. 160 с.
- Назаркин 2018 – Назаркин Н.Н. Изумрудная рыбка. Мандариновые острова: Сборник рассказов. М.: Эгмонт Россия Лтд., 2018. 184 с.

### Научная литература

- Арзумян О.В. Представления школьников о здоровье и болезни: психологический анализ // Вестник Костромского Государственного университета. Серия: педагогика. Психология. Социокинетика, 2018. № 4. Т. 24. С. 98–101.
- Баранова А.В., Яковлева Н.В. Анализ понятия «образ будущего» в контексте психологии здоровья // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие, 2018. Т.6. № 4 (23). С. 808–822. DOI:10.23888/humJ20184808-822
- Бовина И.Б. Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект Пресс, 2008. 264 с.
- Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Дани Л., Эм М.А., Милехин А.В., Гаямова С.Ю., Якушенко А.В. Здоровье в представлениях детей и подростков // Экспериментальная психология, 2018. Т. 11. № 1. С. 61–74. doi:10.17759/exppsy.2018110104
- Васильева Н.Ю. Развитие представления о здоровье и здоровом образе жизни в подростковом и юношеском возрасте // Известия Российского Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2010. № 125. С. 13–18.
- Грошев И.В. Топография формирующегося психологического пространства внутренней картины здоровья/болезни: гендерный аспект // Мир психологии, 2009. № 1(57). С 64–78.
- Ермакова Е. Е. Культура выбора медицинских систем для профилактики и лечения заболеваний детей дошкольного возраста: дизайн исследования // Медицинская антропология и биоэтика: Научный, образовательный, научно-популярный журнал. Электронное издание. 2018 № 2 (16). Доступ: <https://journals.iea.ras.ru/medanthro/article/view/590> (Дата обращения 07.09.2021).
- Казанская К.О., Мещеряков Б.Г. Концептуальные изменения в представлениях о здоровье и болезни у младших школьников // Культурно-историческая психология, 2012. № 3. С. 19–29.
- Кириленко Е.И. Символическая диагностика (по материалам традиционной культуры русских) // Евразийское научное объединение, 2016. Т.1. № 7 (19). С. 53–54.
- Колдман С.Д. Представления о формировании пола в медицинских источниках XIX – начала XX века и народной традиции. Медицинская антропология и биоэтика: Научный, образовательный, научно-популярный журнал. Электронное издание. 2019. № 1 (17). Доступ: <https://journals.iea.ras.ru/medanthro/article/view/15> (Дата обращения 07.09.2021).
- Котова С. А., Николаева Е.И. Особенности представлений младших школьников о здоровом и больном человеке // Герценовские чтения. Начальное образование, 2010. Т. 1. № 1. С. 111–118.
- Милюкова О.В. Соотношение внутренней картины здоровья и внутренней картины болезни в структуре личности // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: науки об обществе и гуманитарные науки, 2020. № 2 (21). С. 56–64.

- Михель И.В. Антропология детского здоровья (для студентов педиатрических факультетов). Медицинская антропология и биоэтика: Научный, образовательный, научно-популярный журнал. Электронное издание. 2016. №2 (12). Доступ: <https://journals.ica.ras.ru/medanthro/article/view/542> (Дата обращения 07.09.2021).
- Орлова М.М. Перцепция здоровья и болезни как выражение адаптационных стратегий // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика, 2010. № 1. Т. 10. С. 87–91.
- Паутова Н.И. Ответственность за здоровье и болезнь: ценностный подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика, 2015. № 1. С. 130–136.
- Тишков В.А. Об антропологии жизненных смыслов // Новые российские гуманитарные исследования. Электронное издание. Доступ: <http://www.nrgumis.ru/articles/2011/>, дата обращения: 03.12.2018.
- Туркина В.Г., Вербина О.В. Концепт «здоровье» в философско-культурологической рефлексии // Наука. Искусство. Культура, 2019. № 4 (24). С. 23–45.
- Тхостов А.Ш., Нелюбина А.С. Соотношение рационального и иррационального в обыденном сознании на примере представлений о болезни // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология, 2009. № 1. С. 32–38.
- Чернышова Л.В. Культурная информация в русском языке (на примере представлений о здоровье и болезни) // Весці БДПУ. Серыя 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія, 2012. № 4 (74). С. 63–67.

## References

- Arzumanyan, O.V. 2018. Predstavleniya shkol'nikov o zdorov'ye i bolezni: psikhologicheskiy analiz [Schoolchildren's notions of health and illness: psychological analysis]. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* 4: 98–101.
- Baranova, A.V. and N.V. Yakovleva 2018. Analiz ponyatiya "obraz budushchego" v kontekste psikhologii zdorov'ya [Analysis of the concept "image of the future" in the context of health psychology]. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'ye, adaptatsiya, razvitiye* 4: 808–822. DOI:10.23888/humJ20184808-822
- Bovina, I.B. 2008. *Sotsial'naya psikhologiya zdorov'ya i bolezni* [Social psychology of health and illness]. Moscow: Aspekt Press.
- Bovina, I.B., N.V. Dvoryanchikov, L.Dani, M.A. Em, A.V. Milekhin, S.Yu. Gayamova and A.V. Yakushenko 2018. Zdorov'ye v predstavleniyakh detey i podrostkov [Health in the views of children and adolescents]. *Ekspertimetal'naya psikhologiya* 1: 61–74. DOI:10.17759/exppsy.2018110104
- Chernyshova, L.V. 2012. Kul'turnaya informatsiya v russkom yazyke (na primere predstavleniy o zdorov'ye i bolezni) [Cultural information in Russian (on the example of ideas about health and disease)]. *Vesti BDPU. Series 1. Pedagogika. Psikhologiya. Filologiya* 4: 63–67.
- Groshev, I.V. 2009. Topografiya formiruyushchegosya psikhologicheskogo prostranstva vnutrenney kartiny zdorov'ya/bolezni: gendernyy aspekt [Topography of the emerging psychological space of the internal picture of health / illness: the gender aspect]. *Mir psikhologii* 1: 64–78.
- Kazanskaya, K.O. and B.G. Meshcheryakov 2012. Kontseptual'nyye izmeneniya v predstavleniyakh o zdorov'ye i bolezni u mladshikh shkol'nikov [Conceptual changes in the notions of health and illness in primary schoolchildren]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* 3: 19–29.
- Kirilenko, Ye.I. 2016. Simvolicheskaya diagnostika (po materialam traditsionnoy kul'tury russkikh) [Symbolic diagnostics (based on the materials of the traditional culture of Russians)]. *Yevraziyskoye nauchnoye ob'yedineniye* 7: 53–54.
- Koldman, S.D. 2019. Predstavleniya o formirovaniy pola v meditsinskikh istochnikakh XIX – nachala XX veka i narodnoy traditsii Meditsinskaya antropologiya i bioetika: Nauchnyy,

- obrazovatel'nyy, nauchno-populyarnyy zhurnal. Elektronnoye izdaniye [Ideas about gender formation in medical sources of the XIX – early XX centuries and folk tradition. In *Medical anthropology and bioethics: Scientific, educational, popular science journal. Electronic edition* 1. <https://journals.iea.ras.ru/medanthro/article/view/15> (accessed 7.09.2021).
- Kotova, S. A. and Ye.I. Nikolayeva 2010. Osobennosti predstavleniy mladshikh shkol'nikov o zdorovom i bol'nom cheloveke [Features of the ideas of younger schoolchildren about a healthy and sick person] *Gertsenovskiy chteniye. Nachal'noye obrazovaniye* 1: 111–118.
- Mikhel', I.V. 2016. Antropologiya detskogo zdorov'ya (dlya studentov pediatricheskikh fakul'tetov) *Meditsinskaya antropologiya i bioetika: Nauchnyy, obrazovatel'nyy, nauchno-populyarnyy zhurnal. Elektronnoye izdaniye* [Anthropology of Child Health (for Pediatric Students). In *Medical anthropology and bioethics: Scientific, educational, popular science journal. Electronic edition*] 2. <https://journals.iea.ras.ru/medanthro/article/view/542> Accessed 7.09.2021.
- Milyukova, O.V. 2020. Sootnosheniye vnutrenney kartiny zdorov'ya i vnutrenney kartiny bolezni v strukture lichnosti [Correlation of the internal picture of health and the internal picture of the disease in the structure of personality] *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: nauki ob obshchestve i gumanitarnyye nauki* 2: 56–64.
- Orlova, M.M. 2010. Pertseptsiya zdorov'ya i bolezni kak vyrazheniye adaptatsionnykh strategiy [Perception of health and illness as an expression of adaptation strategies] *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* 1: 87–91.
- Pautova, N.I. 2015. Otvetstvennost' za zdorov'ye i bolezny: tsennostnyy podkhod [Responsibility for health and illness: value approach] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* 1: 130–136.
- Tishkov, V.A. 2011. Ob antropologii zhiznennykh smyslov *Novyye rossiyskiye gumanitarnyye issledovaniya. Elektronnoye izdaniye* [On the anthropology of life meanings. In *New Russian humanitarian studies. Electronic edition*]. <http://www.nrgumis.ru/articles/2011/> Accessed 7.09.2021.
- Tkhostov, A.Sh. and A.S. Nelyubina 2009. Sootnosheniye ratsional'nogo i irratsional'nogo v obydenom soznanii na primere predstavleniy o bolezni [The ratio of the rational and the irrational in everyday consciousness on the example of ideas about the disease]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 14: Psikhologiya* 1: 32–38.
- Turkina, V.G. and O.V. Verbina 2019. Kontsept “zdorov'ye” v filosofsko-kul'turologicheskoy refleksii [The concept of “health” in philosophical and cultural reflection] *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* 4: 23–45.
- Vasil'yeva, N.Yu. 2010. Razvitiye predstavleniya o zdorov'ye i zdorovom obraze zhizni v podrostkovom i yunosheskom vozraste [Development of the concept of health and a healthy lifestyle in adolescence and adolescence] *Izvestiya Rossiyskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* 125: 13–18.
- Yermakova, Ye. Ye. 2018. Kul'tura vybora meditsinskikh sistem dlya profilaktiki i lecheniya zabolevaniy detey doshkol'nogo vozrasta: dizayn issledovaniya. *Meditsinskaya antropologiya i bioetika: Nauchnyy, obrazovatel'nyy, nauchno-populyarnyy zhurnal. Elektronnoye izdaniye* [Culture of choosing medical systems for the prevention and treatment of diseases of preschool children: research design. In *Medical anthropology and bioethics: Scientific, educational, popular science journal. Electronic edition*] 2. <https://journals.iea.ras.ru/medanthro/article/view/590> Accessed 7.09.2021.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОСКВИЧЕЙ И МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В СТОЛИЧНОМ РЕГИОНЕ\***

*В статье представлены результаты исследования социально-экономической ситуации, характера миграционных отношений и возможного влияния миграции на социально-экономическое самочувствие жителей г. Москвы. Были выявлены основные социальные и экономические проблемы местных жителей, их отношение к иностранным трудовым мигрантам, дана оценка конфликтного потенциала в сфере труда. Согласно результатам исследования, треть жителей столицы находится в затруднительной социально-экономической ситуации. В последние годы наблюдается тенденция увеличения уровня тревожности населения по поводу потери работы и источников доходов. Несмотря на то, что на московском рынке труда отсутствует жесткая конкуренция между местным населением и мигрантами, в ряде трудовых сфер возможно напряжение. Труд иностранных мигрантов, в основном малоквалифицированный, в столице необходим, но он не оказывает серьезного влияния на экономику города и страны. Москвичи в недостаточной степени настроены на интеграцию всех работающих в столице мигрантов. В первую очередь они готовы интегрировать тех, кто хорошо знает русский язык и хочет остаться в России. Миграционные отношения в столице можно охарактеризовать как в большей степени нейтральные, но конфликтный потенциал (активное неприятие мигрантов со стороны части местного населения) существует и составляет 15%. В подавляющем большинстве москвичи не связывают свои проблемы социально-экономического характера с присутствием в регионе мигрантов.*

**Ключевые слова:** *социально-экономическая ситуация; рынок труда, иностранные трудовые мигранты, миграционные отношения, интеграционные установки, конфликтный потенциал, Москва*

**Ссылка при цитировании:** *Кульбачевская О.В. Социально-экономическое самочувствие москвичей и миграционная ситуация в столичном регионе // Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 222–242.*

---

**Кульбачевская Ольга Вячеславовна** – научный сотрудник центра этнополитических исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: [ola\\_kul@mail.ru](mailto:ola_kul@mail.ru)

\* Выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-011-31820 ОПН (рук. А.М. Белов)

## SOCIO-ECONOMIC WELL-BEING OF MOSCOVITES AND THE MIGRATION SITUATION IN THE CAPITAL REGION

*The article presents the results of a study of the socio-economic situation, migration relations, and the possible impact of migration on the socio-economic well-being of residents of Moscow. The study identifies the main social and economic problems of residents and their attitude to foreign labor migrants and assesses the conflict potential in the area of labor. According to the study results, one-third of the capital residents are in a difficult socio-economic situation. In recent years, there has been an increase in the level of anxiety of the population about the possible loss of work and sources of income. Although there is no fierce competition between the local population and migrants in the Moscow labor market, tension is possible in a number of labor spheres. The labor of foreign migrants, mostly low-skilled, is necessary for the capital, but it does not seriously impact the economy of the city and the country. Moscovites are insufficiently disposed to integrate all migrants working in the capital. First, they are ready to integrate those who have a good command of Russian and are ready to stay in Russia. Migration relations in the capital can be characterized as mostly neutral, but the conflict potential (active rejection of migrants by the local population) exists and amounts to 15%. The vast majority of Moscovites do not associate their socio-economic problems with migrants in the region.*

**Keywords:** *socio-economic situation; labor market, foreign labor migrants, migration relations, integration attitudes, conflict potential, Moscow*

**For Citation:** Kulbachevskaya, O.V. 2022. Socio-Economic Well-Being of Moscovites and the Migration Situation in the Capital Region. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 222–242.

**Author Info:** Kulbachevskaya, Olga V. – Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: ola\_kul@mail.ru

**Funding:** The research was carried out within the framework of the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 21-011-31820 OPN “Migration processes and their impact on the socio-economic development of Central Russia: comparative analysis of the province and megalopolis (the case of the Kostroma region and Moscow)”.

На протяжении длительного времени Москва является наиболее миграционно привлекательным регионом страны. Экономический рост российской столицы формирует спрос на трудовую миграцию. На долю столицы приходится треть иностранных трудовых мигрантов, приехавших работать в Россию. В основном это граждане Киргизии, Узбекистана и Таджикистана. Очевидно, что миграция в Россию и Москву из этих бывших союзных республик обусловлена экономическими факторами. Однако немаловажным является также изучение вопроса влияния миграции на социально-экономическое развитие принимающих регионов.

Исследования западных ученых показывают, что влияние внутрирегиональной миграции зависит от этапов и характера экономического развития той или иной страны. Внутрирегиональная миграция может оказывать положительное влияние на экономический рост в периоды индустриализации и роста городов (*Yap 1976; Greenwood 1971*), давать положительный эффект в случае притока квалифицированной рабочей силы (*Liu, Shen 2014*), однако в определенные исторические периоды эффект внутрирегиональной миграции оказывается почти нулевым (*Etzo 2008*). По мнению ряда зарубежных исследователей, оценить влияние внешней трудовой миграции на экономику принимающей страны сложнее. Тем не менее, в этом направлении проводились исследования, например, влияния внешней трудовой миграции на отдельные ниши рынка труда (*Hugo 2009*).

Работы российских исследователей по данной теме до недавнего времени были посвящены влиянию межрегиональной миграции на экономическое развитие России и ее регионов. Результаты исследований показали, что внутренняя миграция почти не влияет на уровень заработных плат и уровень безработицы (*Вакуленко 2013; Коровкин, Долгова, Единак 2013*). В 2020 г. появилась работа российских специалистов, в которой впервые проведен анализ взаимовлияния миграции и экономического развития регионов России с использованием данных по долговременной, внутренней и внешней трудовой миграции (*Карцева, Мкртчян, Флоринская 2020*). На основании результатов эмпирического исследования авторы пришли к выводу, что ни один из видов миграции «не оказывает значимого статистического влияния ни на один из показателей социально-экономического развития регионов России» (Там же).

Следует отметить многолетние исследования Института этнологии и антропологии РАН совместно с Сетью этнологического мониторинга, в ходе которых изучалась взаимосвязь социальной ситуации, миграционных отношений и ситуации на рынке труда в регионах России. По результатам исследований были изданы научные труды (*Тишков, Степанов и др. 2019; Мартынова 2018; Степанов 2016; Степанов 2015; Кульбачевская 2015; Миграция и мигранты в России и мире 2015–2016 и др.*).

В июле-августе 2021 г. автором статьи был проведен массовый опрос населения г. Москвы по теме миграции<sup>1</sup>. В ходе исследования было опрошено 200 жителей столицы. В задачи исследования входило изучение социально-экономической ситуации, характера миграционных отношений, а также выявление возможного влияния миграции на социально-экономическое самочувствие жителей столицы. В статье представлены результаты опроса. По ряду вопросов проводился сравнительный анализ с привлечением данных массовых опросов москвичей в предыдущие годы.

### **Социально-демографический портрет и идентичность москвичей**

В ходе исследования летом 2021 г. было опрошено 100 женщин и 100 мужчин. Половину респондентов составили мужчины и женщины среднего возраста (от 30 до 59 лет), в равных долях (по 25%) в выборке представлены молодые женщины и мужчины (18-29 лет), а также пожилые люди (старше 60 лет). Две трети опрошенных – люди с высшим образованием, менее десятой части – с неоконченным

<sup>1</sup> Опрос проводился путем анкетирования по методике Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Анкета была дополнена и применена новая методика подсчета данных.

высшим. Пятая часть респондентов имеет среднее специальное образование, десятая часть – среднее. Лишь два процента составляют люди с начальным, неполным средним образованием и люди без образования.

Около двух третей (60%) опрошенных москвичей в настоящее время работают; пятая часть – пенсионеры; учащихся, в том числе, совмещающих учебу с работой, – менее десятой части. Безработные составляют 4,5% от общего числа опрошенных москвичей. Среди работающих большая часть (74%) – это люди, не зарабатывающие тяжелым физическим трудом. Тяжелыми работами и работами средней тяжести занимается около пятой части опрошенных. Занимаются домашним хозяйством 4% респондентов.

Подавляющее большинство опрошенных (91%) являются старожилами, из них почти две трети родились в столице и около трети проживают в городе более 10 лет. Тех, кто приехал в Москву совсем недавно – менее двух лет назад – совсем немного (2,5% от общего числа опрошенных). Среди тех, кто проживает в столице не с рождения, подавляющее большинство переселилось в столицу из других российских регионов. География выхода таких респондентов охватывает практически всю страну, это субъекты РФ Центральной России, Поволжья, Юга России, Северного Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока). Небольшая часть (7% от общего числа опрошенных) приехали в Москву из других государств, а именно из республик бывшего СССР. Из них 70% – выходцы с Украины, на втором месте стоит Белоруссия, затем Молдавия.

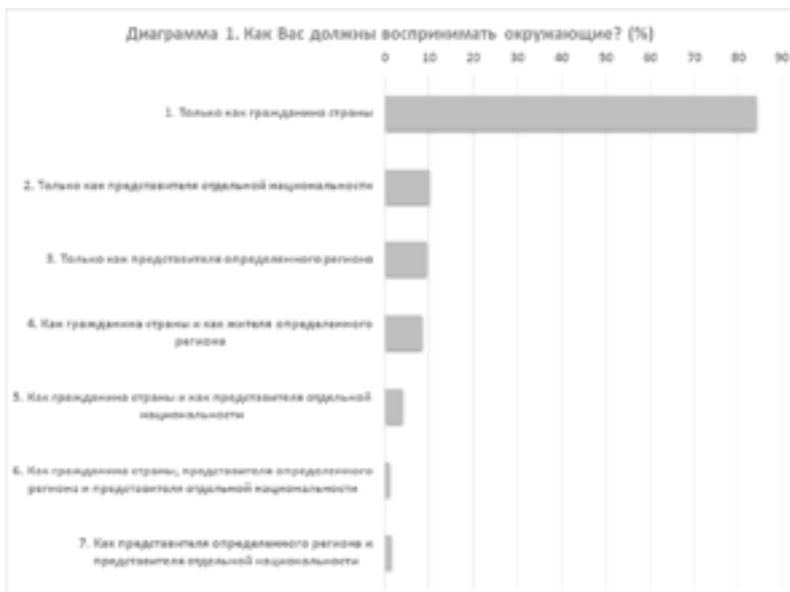


Рис. 1. Как Вас должны воспринимать окружающие?

Fig. 1. How should others perceive you?

Почти 80% москвичей, принявших участие в исследовании – русские, вторыми по численности стоят люди, определившие свою национальность как россияне (7%), среди других – немногочисленных – групп заметны украинцы (3%). Чуть более десятой части респондентов имеют двойную этническую идентичность. В подавляющем большинстве случаев у этих москвичей первой национальностью является

«русский/русская». В нескольких случаях респонденты определяли себя как «русский», а вторую национальность указывали «россиянин». Около десятой части (8%) не дали ответ на вопрос о национальной принадлежности. Единичны случаи региональной самоидентификации при ответе на данный вопрос («сибиряк», «я с Урала»), а также самоопределения по религиозному признаку («православная»). Один процент опрошенных называет своей национальностью «советский человек».

У москвичей выявлена высокая степень гражданской идентичности – 75% опрошенных предпочитают, чтобы окружающие в повседневной жизни воспринимали их как граждан России, причем подавляющее большинство из них указали только этот вариант ответа. Для пятой доли характерна двойная идентичность: больше половины из них определяют себя одновременно как гражданина страны и жителя определенного региона, для остальных важна и гражданская и этническая идентичность. Десятая часть опрошенных идентифицирует себя исключительно по этническому признаку, почти столько же – как москвичи.

### **Экономика Москвы и социально-экономическое самочувствие ее жителей**

В условиях пандемии можно было ожидать серьезного осложнения социально-экономической ситуации не только в регионах России, но и в ее столице. Однако уже осенью текущего года стало ясно, что по большинству показателей экономического развития Москва перекрыла допандемические показатели. На долю города приходится пятая часть суммарного валового регионального продукта (ВРП) страны. Этот основной показатель, характеризующий развитие и размеры экономики, в столице за последние 10 лет вырос на 12% (что почти в 2,5 раза превышает среднероссийский уровень). Москва также является лидером по инвестиционной привлекательности в России. Объем инвестиций в основной капитал вырос по сравнению с 2010 г. на 2,7% и составляет 18,6% общероссийского объема инвестиций (РТ на русском 2021). За прошедший год увеличились не только инвестиции, но и объемы промышленности и строительства. По итогам первого полугодия 2021 года, согласно данным Росстата, Москва занимает третью позицию по росту промышленности в стране. В столице увеличились объемы промышленного производства, в первую очередь в обрабатывающей сфере (+27,4% к показателям предыдущего года) и в сфере водоснабжения (+41,6%) (РИА рейтинг: Россия сегодня 2021). В столице наблюдается положительная динамика оборота розничной торговли.

Рост среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций столицы по сравнению с прошлым годом составил почти 10%. Реальные доходы, рассчитанные с учетом индекса потребительских цен, превысили 5%. Несмотря на то, что за прошедший год в Москве произошел небольшой рост безработицы (+0,7 процентных пункта), она находится в десятке российских регионов с самым низким уровнем безработицы (6-е место) (Социально-экономическое положение регионов РФ 2021). На конец сентября 2021 г. уровень зарегистрированной безработицы составил 0,5% от численности рабочей силы. По словам заммэра Москвы по вопросам экономической политики и имущественно-земельных отношений Владимира Ефимова, значительного роста безработицы в Москве в пандемию удалось избежать «За счет взвешенного подхода к введению ограничительных мер и программы поддержки городского бизнеса общим объемом около 90 миллиардов рублей» (ТАСС 2021а).

Кроме того, в столице активно поддерживают людей, которые остались без работы путем выплат пособий и содействия в трудоустройстве. В городе действует крупнейший государственный кадровый оператор по поиску работы – столичная служба занятости, где представлено 300 тыс. вакансий (Официальный сайт Мэра Москвы 2021).

В ноябре 2021 г. мэр Москвы Сергей Собянин в программе «Наш город. Диалог с мэром» на канале «ТВ Центр» заявил, что столица, выйдя в текущем году на траекторию устойчивого роста, будет развиваться дальше. Поэтому, полагает мэр столицы, москвичи должны чувствовать уверенность в завтрашнем дне (ТВЦ 2021).

Мы привели официальную статистику и заявления официальных лиц. А каким образом сами жители столицы дают оценку социально-экономической ситуации в столичном регионе? В ходе многолетних исследований Института этнологии и антропологии РАН совместно с Сетью этнологического мониторинга мы задавали жителям города вопрос о том, как они оценивают свое материальное положение за последний год. На диаграмме 2 представлена динамика этой оценки москвичей, из которой видно, что, несмотря на то, что за последние годы в целом наблюдается снижение числа тех жителей столицы, кто в материальном отношении чувствует себя хорошо, тем не менее, растет число тех, кто оценивает свое материальное положение как в целом нормальное. Также можно заметить, что в предпандемийный 2019 г. общая ситуация с материальным положением была более негативна, чем в текущем году. К середине 2021 г. мы наблюдаем, пусть и небольшое, но сокращение численности москвичей, находящихся в затруднительной и тяжелой материальной ситуации. И все же, как нам представляется, ситуацию, когда почти треть населения города испытывает серьезные материальные затруднения, вряд ли можно назвать благополучной.

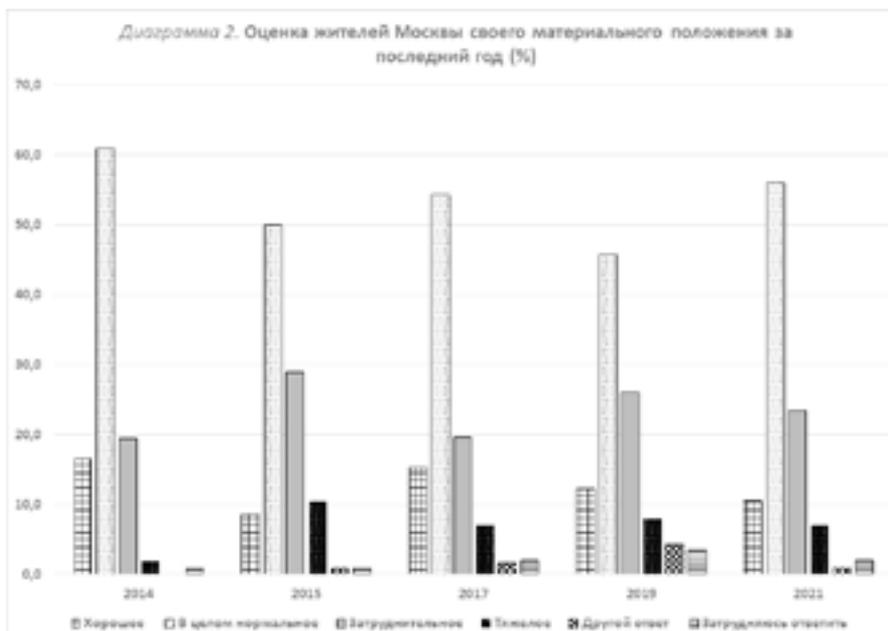


Рис. 2. Оценка жителей Москвы своего материального положения за последний год, в %.

Fig. 2. Assessment of their financial situation over the past year by Moscow residents, %.

Что касается уверенности в завтрашнем дне, то у 44% работающих москвичей иногда возникают опасения потерять работу. Если к ним добавить пятую часть от общего числа работающих, которые задумываются об этом часто, то получается, что две трети населения столицы не может быть твердо уверена в своем благополучном социально-экономическом положении в будущем. Более того, в последние годы наблюдается тенденция увеличения числа москвичей, кто в той или иной степени опасается лишиться работы.

В ходе опроса летом 2021 г. мы просили москвичей назвать основные проблемы социально-экономического характера, которые, по их мнению, существуют в Москве. Более десятой части опрошенных не видят каких-либо проблем в столичном регионе. К москвичам, придерживающимся такого мнения, относятся в первую очередь люди с нормальным материальным положением (60%), а также, что удивительно, люди с затруднительным материальным положением (25%). А вот люди с хорошим достатком реже говорят об отсутствии социально-экономических проблем в столице, таких респондентов чуть больше десятой части.

Москвичей, полагающих, что проблем социально-экономического характера в Москве, наоборот, очень много, ровно столько же, сколько и тех, кто проблем не видит. Такого мнения, опять же, придерживаются в большинстве своем люди с нормальным материальным достатком, но в этом случае с ними единодушны и люди, находящиеся в затруднительной и тяжелой материальной ситуации.

Распределение ответов респондентов по конкретным социально-экономическим проблемам, которые при опросе были предложены как варианты ответов, показало, что для большинства москвичей все эти проблемы существуют и имеют равнозначную актуальность (табл. 1). К ним относятся:

- *Низкий уровень жизни.* Это постоянно растущие цены на все. Особенно москвичей в этом плане беспокоят высокие цены на продовольственные товары, качество которых к тому же не соответствует стоимости, а также рост цен на услуги ЖКХ, качество которых опять же не удовлетворяет москвичей, в том числе капремонт. Многие отмечают дороговизну жизни в столице на фоне низких зарплат и пенсий. Отмечаются также маленькие социальные выплаты и пособия, недостаточная поддержка со стороны государства матерей одиночек, низкий уровень поддержки безработных, высокая налоговая нагрузка на физических лиц. Некоторые комментарии респондентов красноречиво говорят о бедственном социально-экономическом положении части москвичей: «Несоответствие цены и качества на продукты питания и минимальной заработной платы. Хватает только на еду и коммунальные услуги и сидеть дома» (м, 32 года), «Маленькая зарплата, нищенское существование» (м, 49 лет).
- Более, чем десятая часть москвичей (14%) считает для себя *невозможным карьерный рост*, в том числе вследствие коррупции.
- И для такого же числа респондентов (14%) актуальна проблема *отсутствия хороших высокооплачиваемых вакансий на местном рынке труда*. Некоторые уязвляют это экономической отсталостью, закрытием крупных предприятий, разрушением промышленного производства. Все это влечет за собой безработицу, в том числе рост безработных среди людей предпенсионного возраста.

Таблица 1

**Какие основные проблемы социально-экономического характера существуют в Вашем регионе?**

Варианты ответов	% от опрошенных
1) низкий уровень жизни (доход, уровень цен на продукты питания, невозможность откладывать и копить деньги)	14,5
2) невозможен карьерный рост	14,4
3) отсутствие хороших вакансий на местном рынке труда	14,3
4) Проблем очень много	14,3
5) Нет проблем	14,2
6) Ваш вариант	14,2
7) Загрудняюсь ответить	14,1

Москвичи, принявшие участие в опросе, обозначили еще ряд проблем, актуальных, по их мнению, для столичного региона:

- *Неэффективная система образования на всех уровнях, дороговизна образовательных услуг*, отсутствие возможности развития молодежи за счет высоких цен на образование, кружки, секции.
- *Высокие цены на медицинские услуги*, которые к тому же имеют *ненадлежащее качество*.
- *Труднодоступность жилья в столице*. Это высокие цены, влекущие за собой большие сложности с приобретением жилья и улучшением жилищных условий.
- *Перенаселенность* и, как следствие, перегруженность общественного транспорта, загруженность дорог, очень плотная и широкая застройка, проблемы с парковками. Некоторых москвичей раздражают постоянные стройки в больших объемах.
- *Ухудшение экологической обстановки*, повышенный уровень шума, грязный воздух.
- *Повышение пенсионного возраста*.
- *Сложности с наймом москвичей на низкоквалифицированные рабочие позиции*
- *Плохая работа правоохранительных органов и проблемы с безопасностью* в городе, в т.ч. вследствие неэффективной борьбы с организованной преступностью и незаконным оборотом наркотиков; полицейский произвол.
- *Проблемы в молодежной среде*. Плохое образование ведет к падению уровня культуры у молодежи; недостаточная вовлеченность молодых москвичей в социум, отсутствие воспитания у них любви к труду.
- *Нецелесообразное освоение бюджетных средств*, а именно бесконечное перекладывание асфальта и бордюров, буквально каждый год, хотя они прекрасно простоят и 5, и 10 лет. Отсюда постоянная грязь и ремонтные работы, которым нет конца.
- *Ослабление устойчивых социальных связей, утрата локальной культуры*.
- *Большое социальное расслоение, большая разница в доходах*. В этой связи

звучали предложения такого рода: «Законодательно привязать зарплату сотрудников к доходу компаний, чтобы сократить огромный разрыв в доходах рабочих и владельцев».

- Отсутствие четкой идеологии развития страны и региона.
- Около десятой части опрошенных выступали против *ущемления гражданских прав, нарушения местными властями федеральных законов, коррупции, фактического отсутствия выборности власти*.
- Очень небольшое число опрошенных москвичей воспринимают *мигрантов* в своем городе *как проблему*. Тем не менее, такие люди есть (2,5%). Они против постоянного наплыва мигрантов, против, по их мнению, повышенной мигрантской преступности, их раздражает плохое знание мигрантами русского языка.

В целом можно сказать, что по оценке большинства москвичей, в таком большом и развитом, по сравнению с другими регионами России, мегаполисе существует целый ряд проблем социально-экономического характера. Вследствие этого треть москвичей имеет неудовлетворительный уровень заработка и доходов, у двух третей столичных жителей нет твердой уверенности в завтрашнем дне, а 4% респондентов в своих комментариях в ходе опроса употребляли такие слова, как «бедность», «нищета», «нищенское существование», «отсутствие перспектив».

Лишь небольшая, десятая, часть опрошенных москвичей считает, что в их городе нет никаких проблем и все отлично развивается в естественном темпе и порядке. Однако подавляющее большинство (80%) видит необходимость проведения определенных мероприятий в городе для улучшения качества жизни. В ходе опроса респонденты могли выбрать из готового списка мероприятий и задач, а также указать свой вариант ответа. Распределение ответов по конкретным мероприятиям показало, что, по мнению москвичей, необходимо осуществлять все предложенные в анкете меры практически в равной степени (табл. 2).

Таблица 2

### Мероприятия, необходимые для улучшения качества жизни в Москве

Варианты ответа	% от опрошенных
1) повышение пенсий	10,2
2) введение дополнительных льгот для семей с детьми	10,2
3) контроль цен на продукты первой необходимости	10,1
4) снижение цен на ЖКХ	10,1
5) поддержка малого и среднего бизнеса	10,0
6) восстановление заводов (например, экскаваторный), развитие ткацких фабрик	10,0
7) развитие сельского хозяйства	9,9
8) мероприятия не нужны, все отлично развивается исторически	9,9
9) Ваш вариант	9,9
10) затрудняюсь ответить	9,8

В первую очередь респонденты указывали на необходимость повышения пенсий и зарплат. По мнению опрошенных, семьи с детьми и малоимущие семьи нуждаются

в получении дополнительных льгот. Нужно усилить поддержку людей пенсионного и предпенсионного возраста. Москвичи устали от постоянного роста цен на продукты первой необходимости и полагают, что назрела необходимость контроля не только цен на товары, но и контроля их качества.

Многих не устраивают высокие цены на услуги ЖКХ. Остро воспринимается вопрос капремонта домов. Например, по плану дома, построенные 40 лет назад, подлежат капремонту не ранее, чем в 2039 г. При этом дома уже нуждаются в ремонте. Жители вынуждены делать его за счет своих средств, при этом оплачивая по квитанциям капитальные работы в отдаленном будущем. Ряд опрошенных ратует за контроль бюджетных потоков в сфере ЖКХ.

Отдельной темой стоят здравоохранение и образование. Нужно повысить качество профессиональной подготовки врачей и учителей, подняв им зарплаты, и сделать более доступными медицинские и образовательные услуги (последние в том числе за счет увеличения числа бюджетных мест). При этом жители города устали от навязывания такого рода услуг. По мнению москвичей, в столице все еще сохраняется необходимость в строительстве дополнительных медицинских центров.

В экономическом плане необходимо усиливать поддержку малого и среднего бизнеса, не допуская массового закрытия такого рода предприятий и не создавая условий, когда заниматься бизнесом становится невозможно; нужно восстанавливать заводы и развивать сельское хозяйство. Требуется обеспечить население рабочими местами, в том числе за счет малого бизнеса. Сделать более доступным жилье.

У жителей есть претензии и к тому, каким образом развивается инфраструктура города. Они выступают против неконтролируемой, незаконной застройки. Нужно лучше обустраивать территории на окраинах города, больше озеленять город, создавать скверы, парки, пространства для прогулок, зоны для езды на электротранспорте. Город все больше бетонируется, застраивается торговыми центрами, платными парковками вместо необходимых центров развития для молодежи, парковых зон и др. Вызывают раздражение бесконечные работы по замене бордюров и детских площадок, которые зачастую выглядят бессмысленными и фактически принципиально не улучшают инфраструктуру. Те же ресурсы лучше было бы потратить на более продуманное благоустройство районов города с привлечением талантливых городских архитекторов и ландшафтных дизайнеров.

По мнению некоторых респондентов, в столице не хватает социальных мероприятий для молодежи.

Довольно часто респонденты демонстрировали недоверие к региональной власти. По мнению таких опрошенных, слова со стороны официальных лиц расходятся с делом. Звучали обвинения в коррупции и нецелесообразном и нецелевом использовании бюджетных средств, в том числе и со стороны органов местного самоуправления. По мнению некоторых москвичей, местные власти мало думают о населении, мало делают для него, но получают большие зарплаты. В пример приводились все те же замены бордюрной плитки и асфальта по 2 раза в год ввиду некачественно выполняемых работ. Также высказывались мнения о том, что местные власти в корне не улучшают социально-экономическую ситуацию, а сосредоточены на бесконечных коммерческих застройках, в то время как строительство детских площадок является пунктом отчетности.

Некоторые москвичи полагают, что Москва нуждается в демократичных свободных выборах мэра, в обновлении кадрового состава всей исполнительной власти, усилении общественного контроля за законодательной властью, перераспределении бюджета с увеличением расходов на социальную сферу и сокращением представительских расходов и зарплат высших и главных должностей госслужбы.

Отметим, что один из опрошенных заявил о том, что необходимо улучшать ситуацию и развивать не только Москву, но и другие регионы России.

Та небольшая часть респондентов (2,5%), которая воспринимает мигрантов как проблему, влияющую на социально-экономическую жизнь местного населения, предлагает ограничить приток мигрантов в Москве или ратует за выдворение всех мигрантов из города.

По результатам опроса, подавляющее большинство москвичей (80%) полагает, что в столичном регионе необходимо возрождать практически все отрасли хозяйства, в первую очередь тяжелую (особенно машиностроение) и легкую промышленность. Москва должна иметь собственные производства. Нужно восстановить фабрики и заводы, которые были разрушены. Очень многие москвичи говорили о необходимости развития в Московском регионе сельского хозяйства, животноводства, овощеводства, лесного хозяйства. Жителям столицы очень не хватает качественной сельскохозяйственной продукции, необходимо возродить сельскохозяйственные рынки, чтобы местные производители имели возможность реализовывать свою продукцию. Обращалось внимание на химическую, авиационную промышленность. Город, по мнению некоторых опрошенных, нуждается в развитии малого и среднего предпринимательства.

Что касается непромышленной сферы, то для Москвы актуально улучшение работы таких отраслей как здравоохранение, культура, образование, жилищное хозяйство, туризм, собственные IT-технологии.

Рассмотрим теперь, каким образом складываются отношения между москвичами, полагающими, что в их городе существует целый ряд социальных и экономических проблем, и иностранными трудовыми мигрантами, и каким видят местные жители влияние миграции на социально-экономическую среду города.

### **Местное население и мигранты на рынке труда**

В начале нужно сказать, что в первую волну пандемии коронавируса в 2020 г. в Москве, по официальным данным, число трудовых мигрантов сократилось на 40%. Это обстоятельство вызвало дефицит на московском рынке труда в традиционно «мигрантских» сферах: ЖКХ, строительство, сфера услуг. По данным сервисов по поиску работы, на фоне пандемии количество вакансий курьеров и таксистов в столице увеличилось более чем на 80% (РБК 2020). По данным Мосстата, в 2021 г. наблюдается пусть и небольшой, но прирост иностранных трудовых мигрантов. С января по октябрь 2021 г. он составил почти пять с половиной тысяч человек (Мосстат 2021). Однако это, конечно же не восполнило дефицит рабочего персонала в логистике, доставке, транспорте, строительстве. Из-за оттока мигрантов все также не хватает водителей, курьеров, диспетчеров, складских работников (Vuz 24.ru 2021).

Чтобы восполнить нехватку работников в сфере ЖКХ, Москва привлекает больше техники: в частности, специализированные машины для ремонта и уборки дорог и обочин, сбора и вывоза мусора, обслуживания инженерных коммуникаций.

В строительстве также ручной труд постепенно вытесняется автоматизацией (РБК 2020). В конце ноября этого года мэр столицы С. Собянин, заявил о программе постепенного вытеснения и замещения мигрантов на ключевых городских строительных проектах. По словам мэра, сфера строительства – это традиционная для москвичей и российских специалистов, приезжающих в Москву из других регионов страны, сфера труда. Кроме того, они имеют более высокий уровень квалификации. К концу осени 2021 г., по заявлению С. Собянина, число мигрантов, работающих на стройках Москвы, уменьшилось более чем в два раза (ТАСС 2021б). Следовательно, можно констатировать изменение политики московских властей в строительной трудовой сфере не в пользу мигрантов.

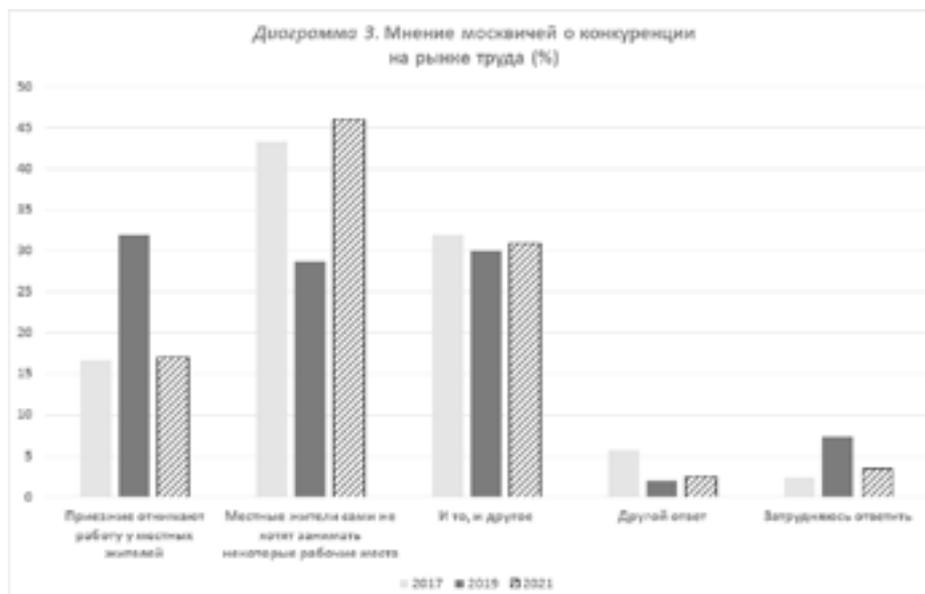
Теперь перейдем к результатам опроса москвичей летом этого года. Подавляющее большинство опрошенных (83%) видят необходимость применения труда мигрантов в своем регионе, при этом существенно меньше тех, кто считает, что труд мигрантов помогает экономике страны (54%). Лишь пятнадцатая часть полагает, что труд мигрантов в Москве не нужен вообще, и треть москвичей не видит вклада иностранных работников в экономику города.

В первую очередь (с этим согласны две трети респондентов) труд иностранных трудовых мигрантов следует использовать в сфере ЖКХ (уборка домов и территорий, другие жилищно-коммунальные услуги), а также в дорожных работах и строительстве. Отметим, что несмотря на то, что в предыдущие годы у части местных жителей наблюдалось недовольство качеством работ мигрантов в строительной сфере, и несмотря на переориентацию политики городской власти в этой сфере на местные и российские трудовые ресурсы, сами жители города все еще хотят видеть мигрантов на стройках. А вот принимать мигрантов в качестве водителей общественного транспорта и такси, несмотря на уже сложившуюся ситуацию, москвичи не очень готовы. Возможно, это объясняется опасениями москвичей по поводу своей безопасности, умения мигрантов быстро ориентироваться в незнакомом иноязычном городе и плохого знания русского языка, что может затруднить общение во время поездки. Кроме того, транспортная сфера, а также торговля, сельское хозяйство, заводы и фабрики, общепит, охранная сфера (магазины и парковки), оказание услуг частным лицам (работа на приусадебных участках, нянями в семьях и пр.) – это сферы труда, в которых готовы видеть мигрантов менее 50% респондентов. По всей видимости, можно говорить о некоторой конкуренции в этих трудовых нишах.

Сферы, куда местное население столицы почти не готово пускать мигрантов, это медицина и социальные услуги. На это согласна лишь десятая часть опрошенных. Скорее всего, это обусловлено тем, что здесь требуются специалисты высокой квалификации, а также нежеланием местных жителей пускать «чужаков» в жизненно важные сферы.

Что касается мнения москвичей о конкуренции на рынке труда, то динамика распределений ответов на вопрос «Как Вам кажется, приезжие из других государств отнимают работу у местных жителей?» показывает, что в предпандемийном 2019 г. жители столицы наиболее остро чувствовали конкуренцию со стороны мигрантов, однако в текущем году значительно увеличилось число респондентов, считающих, что местные жители сами не хотят занимать некоторые рабочие места, и существенно сократилось число опрошенных, разделяющих мнение, что мигранты отнимают работу у местных жителей. При этом на протяжении последних лет практически

неизменной остается доля респондентов (около трети), полагающих, что мигранты в Москве занимают, как и не пользующиеся спросом у местного населения трудовые ниши, так и вытесняют москвичей в некоторых сферах труда (рис. 3).



*Рис. 3. Мнение москвичей о конкуренции на рынке труда, в %.*

*Fig. 3. Moscow residents' opinion on competition on the labor market, %.*

Резюмируя, можно сказать, что в столичном регионе, с одной стороны, сложилось устойчивое распределение трудовых ниш между москвичами и мигрантами, и такое распределение вполне устраивает основную массу жителей города. С другой стороны, наличие целого ряда профессий, в которые москвичи предпочли бы не пускать мигрантов, а также тот факт, что почти половина жителей города разделяет мнение о том, что мигранты в той или иной степени отнимают работу у местных, может свидетельствовать о наличии некоторой социальной напряженности и конкуренции в определенных трудовых сферах. Однако в целом жесткой конкуренции на столичном рынке труда не наблюдается. К этому добавим, что часть населения столицы не желает видеть мигрантов в тех или иных сферах не потому, что стремится сама занять эти трудовые места, а из соображений безопасности для здоровья или в силу сомнений в компетентности мигрантов. При этом напомним, что подавляющее большинство опрошенных видят необходимость привлечения иностранных трудовых мигрантов в столичном регионе.

### **Контакты местного населения с мигрантами**

По результатам опроса 2021 г. с мигрантами с разной степенью периодичности общается немногим более половины местных жителей. Не общаются или практически не общаются с ними 41% респондентов. Здесь необходимо отметить, что для большинства москвичей мигранты ассоциируются с представителями Средней Азии.

Среди респондентов, взаимодействующих с мигрантами, больше тех, кто делает это очень редко. На втором месте стоит ответ «Общаюсь практически ежедневно»,

однако в большинстве случаев он подразумевает лишь общение с курьерами, продавцами, кассирами, дворниками и пр. Небольшая, пятая, часть населения столицы имеет контакты с мигрантами по работе. Очень незначительное число опрошенных заявили о дружеских контактах (5,5%). Еще меньшее число людей общается с мигрантами в ходе проведения последними строительных и ремонтных работ (2,5%). Характер общения с мигрантами большей части москвичей очень хорошо иллюстрирует комментарий одного из респондентов (м, 28 лет): «Смотря что понимать под общением. Контактирую с представителями стран ближнего зарубежья, трудоустроенных на низкоквалифицированные рабочие места, каждый день. Деловые контакты по работе с иностранными трудовыми мигрантами — несколько раз в год. Бытового, неформального общения с иностранными трудовыми мигрантами нет».

Главным препятствием для более глубокого общения, согласно результатам опроса, является недостаточное знание мигрантами русского языка. Об этом заявили две трети опрошенных. Другое, значимое, препятствие — это несвойственное для москвичей поведение мигрантов (треть опрошенных). Интересно, что под несвойственным для себя поведением часть местных жителей подразумевает такие общечеловеческие качества, как наглость, неуважение, хамство, агрессивное, вульгарное поведение, нечистоплотность, громкая речь, озлобленность, вспыльчивость, высокомерие.

Отмечается также несоответствие общепринятым в Москве социальным нормам: невоспитанность, несоблюдение правил этикета, отсутствие культуры, нарушение личного пространства, слишком вольное обращение с местными женщинами. Отталкивают от себя мигранты еще и тем, что, по мнению ряда опрошенных, стремятся обмануть, недоделать работу, сделать ее некачественно, взяться за то, что делать не умеют.

Для десятой часть опрошенных препятствием для общения с мигрантами являются культурные различия. Местных жителей отпугивает стайное поведение мигрантов, речь на незнакомом языке (некоторых москвичей этот даже возмущает), ношение национальной одежды, прослушивание национальной музыки, другое вероисповедание и многодетность мигрантов. Один из респондентов указал на скрытый страх перед мигрантами: «Сидят на корточках посреди улиц, ходят в национальных костюмах, которые у славян вызывают плохие ассоциации с терроризмом».

В ходе опроса мы предлагали респондентам описать образ мигранта, каким они его видят. Москвичи поделились на две группы, для которых существует разный образ мигранта. К первой (отметим, что менее многочисленной) группе относятся те, кто считает, что мигрант — это наемный работник, низкоквалифицированный и низкообразованный, ленивый, не знающий русский язык, местные традиции и обычаи и не уважающий их, не ориентирован на адаптацию и интеграцию в местное сообщество. Респонденты из этой категории также озвучивали идеальный в их представлении образ мигранта — лицо, которое с целью найма на работу на законных основаниях приезжает в другую страну с целью заработка; человек, знающий русский язык, культурный, воспитанный, беззлобный, законопослушный, чтит местные традиции.

В образе мигранта у другой группы респондентов (почти у двух третей) присутствуют положительные и сочувственные оттенки: это рабочая сила, которая получает низкую зарплату, не имея прав; это работающий человек, замученный, но смелый, рискнувший приехать в другую страну на заработки ради блага своей семьи, поскольку не имеет возможностей заработать у себя на родине. Мигрант обладает такими качествами как доброжелательность, скромность, решительность,

ответственность, аскетизм, трудолюбие, работоспособность, умение планировать свою работу и др.

### Интеграционные установки москвичей в отношении мигрантов

В ходе летнего опроса 2021 г. мы спрашивали у респондентов, считают ли они, что нужно стремиться интегрировать мигрантов в принимающее сообщество. Две трети москвичей согласны с этим утверждением. Но довольно значительная (пятая) часть полагает, что этого делать не надо. Десятая часть москвичей, кроме того, полагает, что нет даже необходимости информировать мигрантов о местных традициях и культуре путем распространения информационных листовок или привлечения мигрантов к общественной жизни. Если рассмотреть динамику мнения москвичей об основных мерах адаптации и интеграции за последние несколько лет, то становится ясно, что по сравнению с 2017 г. все больше столичных жителей выступает за усиление этих мер. Увеличилось число москвичей, считающих, что только информационной поддержки путем распространения листовок недостаточно (рис. 4).

Десятая часть опрошенных выступает в определенном смысле за усложнение

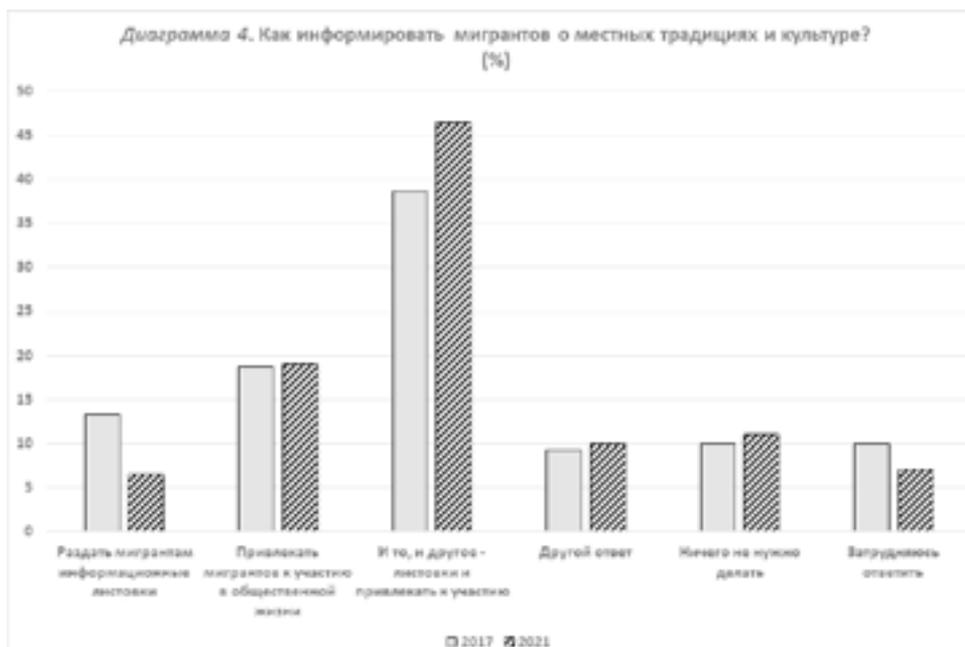


Рис. 4. Как информировать мигрантов о местных традициях и культуре? (в %).

Fig. 4. How should we raise migrants' knowledge of local traditions and culture? (%).

интеграционных мероприятий и ограничение числа мигрантов, которым интеграция требуется. Во-первых, мигрантов не надо пускать на территорию Российской Федерации без экзаменов по истории России, русскому языку, правилам поведения и русским традициям. Без сдачи такого экзамена визы не выдавать. Еще один вариант – это принудительное обучение мигрантов вышеперечисленному в специальных школах, некоторые предлагают закрепить это требование законодательно. Кроме того, надо не только информировать, но и требовать от мигрантов соблюдения рос-

сийских традиций и культуры. В общественных местах обязать их разговаривать на языке страны, в которой находятся. При несоблюдении мигрантами предлагаемых мер, высылать их из страны.

Лишь 40% опрошенных считает, что государство должно поддерживать всех мигрантов и помогать им. Часть москвичей делала уточнения, что государственная поддержка необходима только в отношении легальных, желательно высококвалифицированных, мигрантов. Для основной массы поддержка должна заключаться только в информировании о правилах поведения и обучении местным традициям и культуре. Указывалось также на необходимость помощи в первую очередь гражданам России, а после решения всех проблем местных жителей, можно начать оказывать поддержку мигрантам.

Не очень охотно москвичи поддерживают идею о предоставлении всем без исключения трудовым мигрантам юридической, медицинской помощи, помощи в трудоустройстве и повышения профессиональной квалификации в специальных центрах. За это выступает менее трети опрошенных. Пятнадцатая часть согласна с такой идеей, но помощь, по их мнению, в таких центрах следует оказывать только тем, кто намерен остаться жить в России. Большая часть москвичей (40%) полагает, что если и оказывать государственную помощь, то только при условии, что мигранты будут за это платить. В случае создания таких специализированных центров почти половина местных жителей не стала бы их посещать для решения собственных проблем и почти четверть опрошенных затруднилась с ответом.

В последние годы наблюдается уменьшение числа москвичей, которые относятся положительно к совместному обучению своих детей и внуков с мигрантами, и увеличивается доля тех, кто относится к этому нейтрально (рис. 5).

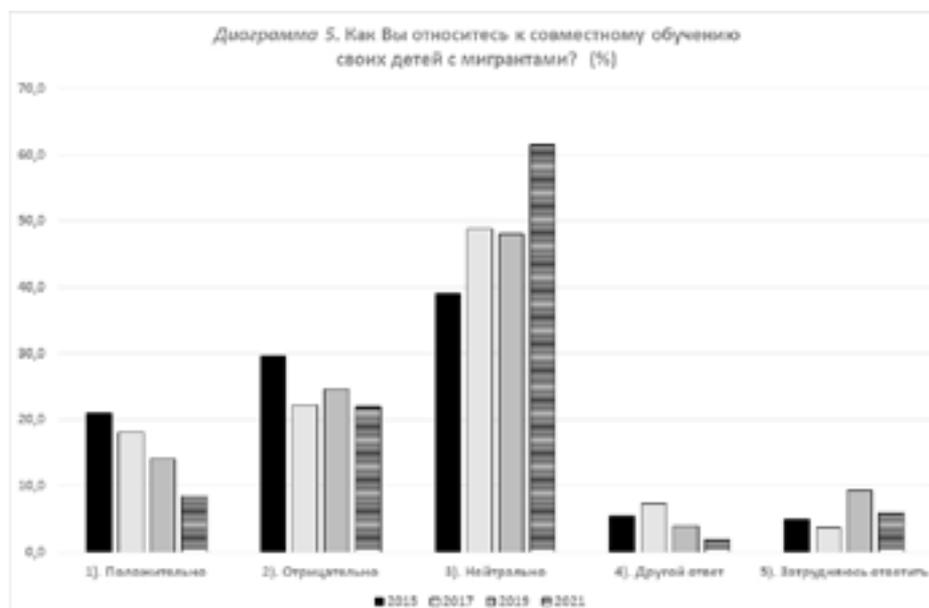


Рис. 5. Как Вы относитесь к совместному обучению своих детей с мигрантами? (в %) / Fig. 5. How do you feel about your children and migrants' joint education? (%).

Для признания москвичами иностранца своим соотечественником все большее значение приобретают принадлежность его к бывшим гражданам СССР, а также знание русского языка (рис. 6).

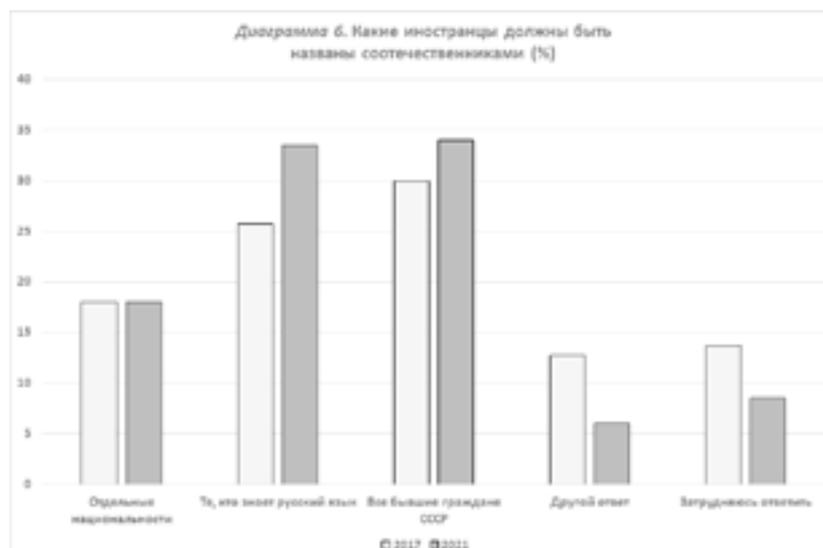


Рис. 6. . Какие иностранцы должны быть названы соотечественниками, в %.  
Fig. 6. Which foreigners should be regarded as compatriots? (%).

В целом можно сказать, что жители столицы к настоящему моменту становятся меньше настроенными на интеграцию *всех* мигрантов в столичное сообщество, при этом отношение к ним характеризуется высокой степенью нейтральности большинства жителей столицы.

### Конфликтный потенциал в сфере миграционных отношений

В отношении конфликтного потенциала в сфере миграционных отношений в Москве можно сказать следующее. Последние несколько лет характеризуются тем, что все больше столичных жителей перестают разделять мнение о большей, по сравнению с местными, преступности среди мигрантов, и возрастает доля москвичей, кто не будет поддерживать акции антимиграционной направленности в случае их возникновения (рис. 7). Как уже было сказано выше, большинство москвичей относятся к мигрантам нейтрально, в представлениях двух третей столичных жителей образ мигранта наделен рядом положительных черт. Но тем не менее конфликтный потенциал в сфере миграционных отношений все же существует: по данным нашего опроса в 2021 г. 15% населения Москвы заявляют о своей готовности принять активное участие в протестах. В ходе исследования респондентам предлагалось указать страны, жителей которых москвичи не хотели бы видеть на заработках в России. Лидирующее место в таком «миграционном антирейтинге» заняли Таджикистан, Азербайджан и Грузия, также противники иностранной трудовой силы в значительной степени против приезда граждан Киргизии, Узбекистана и Украины.

В предыдущие годы потенциал активного неприятия мигрантов держался приблизительно на том же уровне, что и сейчас, но с учетом сокращения к 2021 г. числа

не определившихся, а значит, допускающих возможность участия в антимигрантских акциях при определенном стечении обстоятельств, можно говорить о тенденции к незначительному ослаблению уровня активной конфликтности в миграционных отношениях.

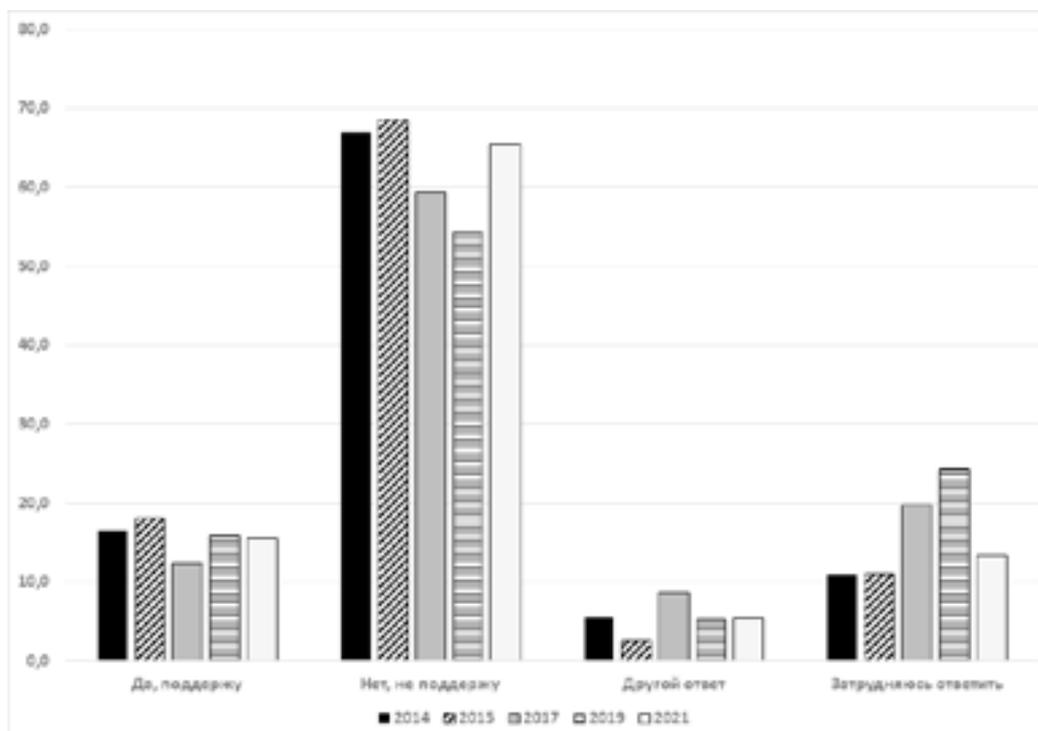


Рис. 7 Если в Вашем городе возникнут пикеты или акции против иностранных трудовых мигрантов, поддержите или не поддержите такие пикеты и акции? (в %).

Fig. 7. Would you support protests against foreign labor migrants if they broke out in your town? (%).

### Основные выводы

- Две трети населения Москвы находятся в достаточно благополучной социально-экономической ситуации. Треть жителей города испытывает трудности. В последние годы в Москве наблюдается тенденция увеличения уровня тревожности населения по поводу потери работы и источников доходов. Согласно результатам исследования, несмотря на позитивную официальную риторику, многие москвичи говорят о существовании в российской столице целого ряда проблем социально-экономического характера. Подавляющее большинство опрошенных видит необходимость осуществления мер для улучшения качества жизни в городе.
- На московском рынке труда отсутствует жесткая конкуренция между местным населением и мигрантами. Мигранты в основном занимают низкооплачиваемые ниши малоквалифицированного труда, а местные жители не против этого, поскольку такая работа их не привлекает. Однако есть ряд трудовых сфер, в которых возможно напряжение: транспорт, торговля, сельское хозяйство, заводы и фабрики, общепит, охранная сфера (магазины и парковки), работа

по найму у граждан (на приусадебных участках, няни в семьях и др.).

- Подавляющее большинство столичных жителей видит необходимость привлечения иностранных трудовых мигрантов в столичном регионе, но только половина респондентов уверена в том, что труд мигрантов помогает экономике города и страны.
- Москвичи в недостаточной степени настроены на интеграцию всех работающих в столице мигрантов. В первую очередь они готовы интегрировать тех, кто хорошо знает русский язык и готов остаться в стране. Миграционные отношения в столице можно охарактеризовать как в большей степени нейтральные, но конфликтный потенциал (активное неприятие мигрантов со стороны части местного населения) существует и составляет 15%.
- В подавляющем большинстве москвичи не связывают свои проблемы социально-экономического характера с присутствием в регионе мигрантов. Одним из виновников неблагополучной социально-экономической ситуации называются органы региональной власти различного уровня.

### Источники и материалы

- Мосстат 2021 – Миграция населения. Общие итоги миграции населения за январь-октябрь 2021 года // <https://mosstat.gks.ru/folder/64634> (дата обращения 28.11.2021).
- Официальный сайт Мэра Москвы 2021 – Социальная поддержка // <https://www.mos.ru/otvet-socialnaya-podderjka/> (дата обращения 10.12.2021).
- РБК 2020 – Гастарбайтеры подвели перевозку и доставку // <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/11/03/5f9bf5269a794771485ceb51> (дата обращения 28.11.2021).
- РИА рейтинг: Россия сегодня 2021 – Обзор: социально-экономическое положение регионов РФ в I пол. 2021 г. // <https://riarating.ru/regions/20210921/630208818.html> (дата обращения 28.11.2021)
- Социально-экономическое положение регионов РФ 2021 – Аналитический бюллетень «Социально-экономическое положение регионов РФ». Выпуск 43. Итоги января – июня 2021 года // [http://vid1.rian.ru/ig/ratings/regions\\_demo43.pdf](http://vid1.rian.ru/ig/ratings/regions_demo43.pdf). С. 6.
- ТАСС 2021a – Уровень безработицы в Москве в 2020 году стал одним из самых низких среди мегаполисов мира // <https://tass.ru/obschestvo/11104935> (дата обращения 10.12.2021).
- ТАСС 2021b – Собянин заявил, что в Москве количество мигрантов на стройках снизилось более чем вдвое // <https://news.mail.ru/economics/48872587/> (дата обращения 28.11.2021).
- ТВЦ 2021 – Собянин оценил социально-экономическое развитие Москвы // <https://www.tvc.ru/news/show/id/223256> (дата обращения 28.11.2021).
- RT на русском 2021 – Инвестиции в экономику Москвы превысили 2,5 трлн рублей в 2021 году // <https://russian.rt.com/business/news/938329-moskva-investicii-ekonomika> (дата обращения 13.12.2021).
- Vuz 24.ru 2021 – Рынок труда и самые востребованные профессии в 2021 году в России // <https://vuz24.ru/news/karera-i-trudoustroystvo/rynok-truda-i-samye-vostrebovannye-professii-v-2021-godu-v-rossii> (дата обращения 10.12.2021).

### Научная литература

- Вакуленко Е.С. Ведет ли миграция населения к межрегиональной конвергенции в России? // Вестник НГУЭУ. 2013. № 4. С. 239–264.
- Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Единак Е.А. Анализ взаимосвязи внутренней миграции и социально-экономической дифференциации регионов (на примере Центрального федерального округа) // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2013. Т. 11. С. 71–94.

- Карцева М.А., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграция в России и социально-экономическое развитие регионов: анализ взаимного влияния // Проблемы прогнозирования. 2020. № 4. С. 87–97.
- Кульбачевская О.В. Межэтнические отношения на рынке труда в Москве: опрос экспертов // Московская модель этнической политики. Ред. Кульбачевская О.В., Степанов В.В. Москва: ИЭА РАН, 2015. С. 366–377.
- Мартынова М.Ю. Миграции в России: опыт культурной интеграции через повседневные услуги // Вестник российской нации, 2018, № 2. С. 114–127.
- Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений (ред. Степанов В.В.) Москва: ИЭА РАН, 2015–2016. 285 с.
- Степанов В.В. Межэтнические отношения на рынке труда в Москве: массовый опрос населения // Московская модель этнической политики. Ред. Кульбачевская О.В., Степанов В.В. Москва: ИЭА РАН, 2015. С. 343–366.
- Степанов В.В. Общественное восприятие миграции и мигрантов в современной России // Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений. Ред. Степанов В.В. Москва: ИЭА РАН, 2016. С. 109–115.
- Тишков В.А., Степанов В.В., Барышная Н.А., Кульбачевская О.В., Мартыненко А.В., Мартынова Е.П., Мокин К.С., Подлесных О.Н., Савин И.С., Черных А.В. Миграция и международные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России. Москва: ИЭА РАН, 2019. 340 с.
- Etzo Ivan. Internal Migration and Growth in Italy. MPRA Paper, University Library of Munich, Germany. 2008.
- Greenwood M. A Regression Analysis of Migration to Urban Areas of a Less-developed Country: The Case of India // Journal of Regional Science. 1971. № 11(2). Pp. 253–262.
- Hugo G. Care Worker Migration, Australia and development // Population, Space and Place. Vol. 15. Issue 2, March 2009. Pp. 189–203.
- Liu Y., Shen J. Spatial Patterns and Determinants of Skilled Internal Migration in China, 2000–2005. (Article) Papers in Regional Science. Vol. 93. Issue 4, 1 November 2014. Pp 749–771.
- Yap L. Internal Migration and Economic Development in Brazil // Quarterly Journal of Economics. 1976. № 90 (1). Pp. 119–137.

## References

- Etzo, Ivan. 2008. Internal Migration and Growth in Italy. *MPRA Paper*, University Library of Munich, Germany.
- Greenwood, M. 1971. A Regression Analysis of Migration to Urban Areas of a Less-developed Country: The Case of India. *Journal of Regional Science* 11 (2): 253–262.
- Hugo, G. 2009. Care Worker Migration, Australia and development. *Population, Space and Place* 15 (2, March): 189–203.
- Karceva, M.A., Mkrтчyan, N.V., Florinskaya, Yu.F. 2020. Migraciya v Rossii i social'no-ekonomicheskoe razvitie regionov: analiz vzaimnogo vliyaniya [Migration in Russia and socio-economic development of regions: analysis of mutual influence]. *Problemy prognozirovaniya* 4: 87–97.
- Korovkin, A.G., Dolgova, I.N., Edinak, E.A. 2013. Analiz vzaimosvyazi vnutrennej migracii i social'no-ekonomicheskoy differenciacii regionov (na primere Central'nogo federal'nogo okruga) [Analysis of the relationship between internal migration and socio-economic differentiation of regions (on the example of the Central Federal District)]. *Nauchnye trudy: Institut narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya RAN*. Moscow: MAKS Press 11: 71–94.
- Kulbachevskaya, O.V. 2015. Mezhetnicheskie otnosheniya na rynke truda v Moskve: opros ekspertov [Interethnic relations on the labor market in Moscow: a survey of experts] In *Moskovskaya model' etnicheskoy politiki* [Moscow Model of ethnic policy], edited by O.V. Kulbachevskaya, V.V. Stepanov. Moscow: IEA RAS.

- Liu, Y., Shen, J. 2014. Spatial Patterns and Determinants of Skilled Internal Migration in China, 2000–2005. (Article) *Papers in Regional Science* 93 (4, 1 November): 749–771.
- Martynova, M.Y. 2018. Migratsii v Rossii: opyt kul'turnoi integratsii cherez povsednevnye uslugi [Migration in Russia: Experience of Cultural Integration through Daily Services]. *Vestnik Rossijskoi natsii* 2: 114–127.
- Stepanov, V.V. 2015. Mezhetnicheskie otnosheniya na rynke truda v Moskve: massovyj opros naseleniya [Interethnic relations in the labor market in Moscow: a mass survey of the population] In *Moskovskaya model' etnicheskoi politiki* [Moscow Model of ethnic policy], edited by O.V. Kulbachevskaya, V.V. Stepanov. Moscow: IEA RAS.
- Stepanov, V.V. 2016. Obshchestvennoe vospriyatie migratsii i migrantov v sovremennoj Rossii [Public perception of migration and migrants in modern Russia] In *Migratsiya i migranty v Rossii i mire: opyt social'no-antropologicheskikh i etnograficheskikh nablyudenij* [Migration and migrants in Russia and the world: experience of socio-anthropological and ethnographic observations.], edited by V.V. Stepanov. Moscow: IEA RAS.
- Stepanov, V.V. (ed). 2015–2016. *Migratsiya i migranty v Rossii i mire: opyt social'no-antropologicheskikh i etnograficheskikh nablyudenij* [Migration and migrants in Russia and the world: the experience of socio-anthropological and ethnographic observations]. Moscow: IEA RAS.
- Tishkov, V.A., Stepanov, V.V., Baryshnaya, N.A., Kulbachevskaya, O.V., Martynenko, A.V., Martynova, E.P., Mokin, K.S., Podlesnyh, O.N., Savin, I.S., Chernyh, A.V. 2019. *Migratsiya i mezhnatsional'nye otnosheniya: resurs gosudarstvenno-obshchestvennogo partnerstva v Rossii* [Migration and Interethnic Relations: a Resource of Public-public partnership in Russia]. Moscow: IEA RAS.
- Vakulenko, E.S. 2013. Vedet li migratsiya naseleniya k mezhhregional'noj konvergencii v Rossii? [Does population migration lead to interregional convergence in Russia?]. *Vestnik NGUEU (Novosibirsk State University of Economics and Management)* 4: 239–264.
- Yap, L. 1976. Internal Migration and Economic Development in Brazil. *Quarterly Journal of Economics* 90(1): 119–137.

## МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ\*

*В статье представлены результаты всестороннего анализа одного из слабо развитых регионов Центральной России – Костромской области в 2021 г. Итоги исследования отражают действительное социально-экономическое положение населения, демографическую ситуацию и межэтническое взаимодействие фактически во всем Центральном федеральном округе. В статье представлен и проанализирован портрет мигранта, то, каким видит его местное население, а также сформулированы основные пожелания к представителям других этносов и конфессий. Авторы статьи предприняли попытку разобраться в причинах настороженного отношения, а также раскрыть основные мигрантские фобии и предубеждения, которые возникли у местных жителей под действием различных факторов. Был проведен сравнительный анализ с предыдущими опросами, которые были осуществлены в рассматриваемом регионе, начиная с 2014 г.*

*Итогами проекта стали рекомендации для местных и федеральных властей в сфере межэтнического взаимодействия, а также успешной адаптации не только мигрантов, но и местных жителей к новым меняющимся реалиям.*

**Ключевые слова:** *Кострома, миграции, мониторинг, трудовые ресурсы, межэтнические отношения*

**Ссылка при цитировании:** *Белова Н.А., Белов А.М. Миграционные процессы и их влияние на социально-экономическое развитие Центральной России на примере Костромской области // Вестник антропологии, 2022, № 1. С. 243–263.*

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/243-263

© N.A. Belova, A.M. Belov

## THE IMPACT OF MIGRATION ON THE SOCIO- ECONOMIC DEVELOPMENT IN CENTRAL RUSSIA (THE CASE OF THE KOSTROMA REGION)

*The article presents the results of a comprehensive socio-anthropological study carried out in 2021 in the Kostroma region – one of the underdeveloped regions*

---

**Белова Наталья Андреевна** – к.и.н., научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119334, Москва, Ленинский пр. 32а)

**Белов Андрей Михайлович** – д.и.н., профессор, Костромской государственной университет (156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17). Эл. почта: belovi\_1957@mail.ru

\* Выполнено в ходе реализации научно-исследовательского проекта РФФИ № 21-011-31820.

*of Central Russia. The study results accurately reflect the socio-economic and demographic situation of the Kostroma people and interethnic communication in small towns and settlements with a predominately Russian population. The Kostroma case, according to the authors, is typical for the entire Central Federal District. The article portrays a migrant as seen by local residents and voices the requests of the Russians to the migrants from different ethnic and religious groups, which were expressed in the surveys. The authors explored the reasons for the wariness of the local population towards new residents and sought to determine what supports their positive perception of each other and what provokes anti-migrant phobias and prejudices. The comparative analysis of new data compared with the previous surveys in the region since 2014 provided insight into the dynamics of the ongoing processes. The final section of the article suggests recommendations for local and federal authorities aimed at more successful adaptation not only of migrants but also of local residents to the new changing realities.*

**Keywords:** *Kostroma, migration, monitoring, labor resources, interethnic relations, labor migrants*

**For Citation:** Belova N.A., and A.M. Belov. 2022. The Impact of Migration on the Socio-Economic Development in Central Russia (the Case of the Kostroma Region). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 243–263.

**Author Info: Belova, Natalia A.** – PhD in hist., Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: belovanatalia86@gmail.com.

**Belov, Andrey M.** – Doctor of Hist., Professor, Kostroma State University (Kostroma, Russia). E-mail: belovi\_1957@mail.ru.

**Funding:** The research was carried out within the framework of the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 21-011-31820 OPN “Migration processes and their impact on the socio-economic development of Central Russia: comparative analysis of the province and megalopolis (the case of the Kostroma region and Moscow)”.

Актуальность исследования определяется кризисным состоянием регионов Центральной России как экономического, так и социально-демографического характера. Экономическая ситуация здесь усугубляется из-за растущего внешнего давления на Россию стран Западной Европы и США, вызванного затянувшимся конфликтом на Украине, санкциями, обусловленными позицией России по событиям в Беларуси и Казахстане. В 2020 г. ухудшилась общемировая обстановка еще из-за пандемии Covid-19 и связанных с ней ограничительных мер, своего рода «локдаунов», отрицательно отразившихся на экономике страны. По словам СМИ, это было «беспрецедентной остановкой деловой активности ради борьбы с пандемией, обвалом цен на нефть и падением спроса на экспорт» (Старостина 2020). Перечисленные факторы очень сильно сказываются в первую очередь на слаборазвитых и дотационных регионах, на благосостоянии и благополучии жителей Центральной России, приводя к оттоку простых россиян (и в большей степени молодой его части) из провинции, в т.ч. из Костромской и ряда сопредельных областей Нечерноземья (Ивановской, Владимирской) в столицы или более развитые промышленные центры – Ярославль,

Екатеринбург и др. Отрицательная динамика по многим социально-экономическим параметрам характерна для Центральной России на протяжении уже нескольких десятилетий, чему есть ряд исторических объяснений.

Многие тенденции миграции закладывались еще в конце прошлого XX века и связаны с радикальными рыночными реформами 1990-х гг. Если говорить о Костромской области, в результате перехода к свободному перемещению капиталов, с открытием внутренних рынков для дешевых импортных товаров пришла в упадок являвшаяся местной исторической специализацией вся текстильная промышленность региона. Оказались невостребованными десятки тысяч рабочих и специалистов, трудившихся в легкой промышленности Костромской области. Отток населения в поисках работы и его естественная убыль привели к сокращению числа жителей за последние 30 лет более чем на 200 тыс. человек или на четверть от их общего количества. Еще одним результатом упадка экономики стало отсутствие поддержки государством сельского хозяйства в условиях рыночных реформ, что привело в ситуации географического расположения в критической климатической зоне к ликвидации десятков колхозов и совхозов, а вместе с ними и сотен сел и деревень Костромской области. Без дополнительных рабочих рук и выравнивания демографической структуры населения за счет миграции, невозможно создание благоприятных экономических условий для развития региона. Поэтому внешняя миграция может рассматриваться как определенный способ разрешения проблемы депопуляции в Костромской области. Однако приток мигрантов несет сложности в сфере межэтнического взаимодействия и создает определенную напряженность между приезжими и местным населением, что обуславливает актуальность и необходимость изучения проблемы взаимоотношений мигрантов и местных жителей не только в столичных регионах, но и в провинции.

Научные исследования миграционных процессов перспективны, т.к. созданные на основе полученных данных методики и рекомендации позволяют, на наш взгляд, выработать новый подход к устранению демографических проблем. Изучать ситуацию необходимо комплексно, используя разнообразные источники и материалы, включая такие методы, как разработанный ведущими научными сотрудниками ИЭА РАН этнологический мониторинг, мониторинг контента СМИ, анализ статистических данных, социологические опросы в сочетании с экспертными интервью и т.д. В этой связи кросс-исторические исследования социальных антропологов и историков представляют особую не только научную, но и общественную значимость.

Основная цель этого исследования – выявить истоки демографического кризиса в регионах Центральной России, а также показать причины и последствия трудовой миграции, изучить потенциал использования труда представителей ближнего и дальнего зарубежья в различных отраслях народного хозяйства Костромской области, а также выработать ряд методических и практических рекомендаций для профилактики межэтнических проблем в регионе. Эта цель была решена путем применения комплекса методик (составление опроса, экспертные интервью, контент-анализ, сравнительный и исторический анализ и др.).

Изучение межэтнической ситуации в Центральной России представляет особую важность, поскольку в современном общественном и научном дискурсе сложилось мнение, что в центральных регионах отношения между этносами дружественны ввиду того, что доля русского населения в этих областях превалирует (как правило более 95%), и поэтому уровень ксенофобии стремится к нулю, а в обществе царит толерант-

ность и взаимное согласие, солидарность и терпимость. К слову, это же мнение активно поддерживается и местными властями. Наши исследования выявляют совершенно иную картину. Например, полевые материалы, собранные в 2020 г., показали, что местные жители понимают важность труда мигрантов и видят его необходимость. Но в целом дружелюбия и толерантности от осознания потребности региона в иностранных мигрантах пока нет. Ситуация скорее напоминает латентный конфликт, который в случае резонансного происшествия может вылиться в межэтническую потасовку под лозунгом «Бей чужих». Даже признанные эксперты в социальных вопросах не отличаются должной терпимостью: «Мигранты зарабатывают очень и очень неплохо, около 17 тыс., а я получаю около 20 тыс. руб. С чего это им такие зарплаты платить надо?» (жен., 32 г.). «У меня есть друг мигрант-азербайджанец. Живет в Костроме 40 лет, уважаемый человек» (муж., 35 лет); «Я нормально их воспринимаю», – А если дочка за таджика замуж соберется? (Н.Б.) – Шутишь что ли. Не дай Бог» (ПМА 2018). События, которые происходят в регионах время от времени, подтверждают наши выводы. Например, в 2012 г. в г. Нерехта Костромской области из-за «поножовщины» сформировалась угроза межнационального конфликта между местным населением и приезжими, тем самым подтвердилась неготовность жителей провинции, особенно малых городов к приезду представителей других народов.

### Краткий историографический обзор

Изучение проблем миграции началось еще в XIX в. и не теряет своей научной значимости до сих пор. На сегодняшний день масштаб глобализации и интеграции общества делают процесс перемещения населения одним из ключевых в мире. Поэтому разные отрасли современной науки уделяют большое внимание всестороннему изучению миграции и миграционных процессов. Исследование проблем миграции и адаптации мигрантов отечественными учеными было предопределено ходом исторического процесса. В советское время мобильность населения стала высокой в результате индустриализации, урбанизации, образования колхозов и позже их преобразования в государственные сельскохозяйственные предприятия, а после распада СССР и образования РФ миграционная подвижность возросла в связи с обострением социально-политической ситуации, экономическим кризисом, экологическими катастрофами, расширением зоны межэтнических конфликтов.

Большинство работ, посвященных миграции, представляют собой социально-демографические, экономико-статистические, экономико-географические или социологические исследования. Отдельные стороны миграции населения, в частности, вопросы миграции как способа перераспределения трудовых ресурсов, освещались в исследованиях В.А. Болдырева, М.В. Дарагана, О.В. Лармина, И.С. Масловой, Е.Н. Рузавиной, Е.С. Русанова, М.Я. Сониной, Е.А. Янковской, Н. Величко и других. Они обращали особое внимание на сущность экономических и социально-демографических предпосылок, определяющих и формирующих условия перераспределения рабочих кадров, на вопросы о соотношении объективных и субъективных факторов, сознательного и стихийного в демографических процессах, на экономическую обусловленность форм и направлений миграции. В работах вышеуказанных авторов была предпринята попытка раскрыть специфику механизма перераспределения рабочей силы в единстве его объективных и субъективных сторон, обосновать необходимые направления его

совершенствования с учетом требований развития экономики, особенностей демографической ситуации и достигнутого уровня занятости трудоспособного населения в народном хозяйстве, характерном для социалистического общества.

С начала 1990-х годов начался новый этап в исследовании адаптации мигрантов, теперь уже в постсоветском пространстве. Новые явления в миграционных потоках, связанные с появлением массовых переселенцев и беженцев, нуждались в совершенно ином подходе к миграционной ситуации в России с акцентом на анализ факторов адаптации новых жителей. Социально-политические особенности миграционных процессов нашли отражение в работах Г.Г. Гольдина, Г.Ф. Морозовой, А.Г. Осипова, Л.Л. Рыбаковского, А.Х. Поповой и др. Постепенно появились обобщающие исследования. Г.С. Витковская предложила классификацию факторов внутренней миграции. Проблемы адаптации вынужденных мигрантов в Центральной России исследовались Т.Д. Ивановой, Ж.А. Зайончковской, Ф.С. Холбобоевым и другими авторами. Особый интерес для разработки социологической теории адаптации мигрантов представляют работы Л.В. Макаровой, Г.Ф. Морозовой, Л.Л. Рыбаковского, Н.В. Тарасовой, В.Д. Шапиро. Новые информационные парадигмы, отражающие меняющуюся роль информации в миграционных процессах, освещаются в трудах Н.Р. Маликовой.

Усиливается интерес к проблемам управления миграцией. Становится все более очевидным, что задача заключается не только в том, чтобы прогнозировать масштабы миграции, хотя и необходимо знать параметры миграционной подвижности трудовых ресурсов как по стране в целом, так и по отдельным экономическим регионам, но значительно важнее то, в каких направлениях осуществляются миграции населения, соответствуют ли эти направления интересам общества на данном этапе его развития. Иначе говоря, для устранения негативных элементов в миграции необходимо изучение механизма управления миграцией. Эти вопросы нашли свое отражение в публикациях О.Д. Воробьевой, Т.М. Регент, И.А. Романова, М.Л. Тюркина.

В работах 2000-х годов значительное место уделено проблеме социокультурной адаптации переселенцев в иноэтнической среде. Эту проблематика исследуется в работах В.А. Тишкова, В.В. Амелина, В.В. Степанова, М.Ю. Мартыновой, И.М. Бадыштовой, С.В. Барановой, В.В. Гриценко, А.В. Дмитриевой, Г.Е. Зборовского, Е.А. Назаровой и других авторов. Анализу миграции как вида трудовой мобильности в современном российском обществе посвящен ряд работ В.С. Белозерова, С.В. Рязанцева, А.Н. Попова, Н.Н. Суворовой и др. Методологическую базу теории адаптации мигрантов значительно усиливают работы по социологии миграции.

Несомненный вклад в разработку и изучение проблем миграции и адаптации мигрантов в российское общество внесли ученые ИЭА РАН и эксперты сети EAWARN, которые на протяжении нескольких десятилетий занимались изучением межэтнических конфликтов, являются экспертами и ведущими консультантами федеральных органов власти, принимающие работу в создании законов и разработке мер по профилактике экстремизма и ксенофобии (В.А. Тишков, М.Ю. Мартынова, В.Ю. Зорин, В.В. Степанов, М.Н. Губогло, О.В. Кульбачевская и др.).

Наше исследование является продолжением работ ИЭА РАН с использованием новых методик, которые были успешно апробированы в ходе реализации этого проекта для выявления особенностей адаптации мигрантов, причин роста ксенофобии, а также анализа социально-экономических последствий пандемии. Изучение ситуации в Центральной России всегда актуально, поскольку это исторический центр

страны, с многовековой историей и традицией, который впервые за много лет нуждается в сохранении и восстановлении.

### Современная экономическая ситуация в регионе

Костромской области в 2022 г. исполняется 78 лет. Экспертами область оценивается как депрессивная, слабообразованная, с одной из самых сильных депопуляцией населения в стране. Начиная с 1989 г. численность жителей сократилась с 804,3 до 628,4 тыс. чел. (на 22% или на 176 тыс. чел.)<sup>1</sup>. И основная причина оттока населения и низкой рождаемости заключается в неразвитой промышленности, в отсутствии рабочих мест, упадке сельского хозяйства, а также низком уровне и качестве жизни в сельской местности. По прогнозам Росстата население РФ сократится к 2036 г. на 3,5 млн (3 656 865 чел.). Соответственно такие регионы, как Костромская область первыми пойдут под удар, потому что последние 30 лет в демографическом плане мы наблюдаем здесь весьма тяжелую картину. Естественная убыль населения происходит с 1990 года, согласно статистическим отчетам Костромской службы статистики население области за пол века сократилось на четверть. Уже сейчас многие деревни брошены жителями (Костромская область занимает 5 место в стране по количеству брошенных деревень, которые уже вряд ли смогут возродиться). Сельское население переезжает в города не только потому, что отсутствует возможность достойного заработка, но и в силу полного уничтожения социальной инфраструктуры – детям негде учиться, у стариков нет возможности посещать врачей, а взрослое население не может найти достойную работу. Разброс среднего заработка по области в 2014 г. составил от 7 тыс. руб. до 30 тыс. руб. в месяц. Утяжеляют ситуацию существующие проблемы в социальной сфере и здравоохранении, а также полное отсутствие жилищной инфраструктуры.

Вместе с тем по нашим наблюдениям официальные органы власти стараются скрыть ухудшение ситуации в регионе. Согласно отчету губернатора, в 2019 году Костромская область по целому ряду показателей развития вышла на относительно хороший уровень:

- 22-е место по темпам роста собственных доходов бюджета;
- 18-е место по уровню организации общего образования;
- 5-е место в рейтинге по отрасли «Культура».

По словам руководителя региона, за 2019 год значительно, до 90% к собственным доходам, сокращён государственный долг Костромской области. Сейчас госдолг региона – чуть более 80%<sup>2</sup>, в 2017 году он составлял 143%. Таких результатов удалось достичь благодаря росту собственных доходов бюджета Костромской области. При этом ни одна социальная программа не была сокращена, сообщает губернатор. Но совокупный анализ других источников показывает иную картину. Например, депутат Костромской областной Думы и бизнесмен Владимир Михайлов говорит в одном из интервью следующее:

«Финансовые проблемы не позволяют выполнять все социальные обяза-

<sup>1</sup> См.: Росстат. Всероссийская перепись населения 2010 г.; Костромская область в цифрах. Стат. сб. / Костромастат. – К., 2021. – 117с. kostroma.gks.ru.

<sup>2</sup> Напомним, что в 2018 г. было введено внешнее экономическое сопровождение федеральными органами власти – казначейством, поскольку долг Костромской области стал равен годовому бюджету перед государством, а по размеру гос. долга область находится на втором месте среди всех регионов РФ.

тельства. В области более 700 детей-сирот, достигших 18-летнего возраста, не могут получить жилье, даже если выигрывают суды. Региональные власти не поддерживают существующие предприятия, а делают ставку на приходящих инвесторов. Но создание льгот и преференций для новых производств создает неконкурентные условия для предприятий, которые уже здесь работают. У меня иногда возникает ощущение, что взят курс на развал еще оставшейся промышленности» (Кузнецов, Уханков 2019).

Неудовлетворительное состояние социальных программ подтверждают и наши полевые данные. Например, многодетные семьи фактически лишились своих льгот в Костроме и могут рассчитывать лишь на федеральную поддержку. Их посещение в музеи, театры, выставки идет по базовой ставке. Ряд льгот были «монетизированы» местными властями. В частности, для компенсации коммунальных услуг, проезда, лекарств и питания в школе многодетная семья должна быть признана малоимущей. Чтобы получить этот статус, многодетной маме (а чаще именно женщинам приходится этим заниматься) понадобится собрать 20 видов различных документов. В материальном эквиваленте сумма компенсации составляет около 2 тыс. в месяц, если дети достигли 3-х летнего возраста. Компенсация коммунальных услуг насчитывает 200 рублей на человека (1 тыс. рублей в месяц), тогда как суммарно за коммунальные услуги в Костроме ежемесячно приходится около 8-9 тыс. руб. за квартиру 64 м<sup>2</sup>. Для семьи, которая платит ипотеку, эта сумма считается ничтожно маленькой и выглядит в глазах действительно нуждающихся семей скорее издевательством, чем реальной помощью.

Другой проблемой в регионе остается медленная газификация. Во время своего визита в 2020 г. в Костромскую область это же отметил премьер М.В. Мишустин: «Достаточно медленно идет газификация населенных пунктов. XXI век, центр России, а люди живут без газа <...> Получается, что регион с богатейшей историей, хорошим инвестиционным потенциалом по-прежнему пользуется канализацией советских времен, а люди вынуждены лечиться в больнице, построенной еще при царе-батюшке без элементарных удобств» (Мишустин 2020).

В мае 2021 г. в СМИ прошла новость о том, что жители Островского района написали президенту письмо с просьбой провести им газ. Документ опубликовали в группе «ДТП Кострома»:

В Островском проживает более 5 тысяч человек, а в самом районе более 12 тысяч человек. Из-за отсутствия газа расходы на отопление и горячее водоснабжение объектов социальной сферы и ЖКХ отнимают большую долю бюджета нашей семьи. Отсутствие в Островском районе газификации не дает возможности населению комфортно жить. Молодежь уезжает из Островского района и Костромской области, так как нет достойных условий для работы и жизни здесь. Почти у всех жителей района печное отопление, зимой топить печь нужно 2 раза в день. В домах, которые отапливаются дровами и опилками, население тратит существенные денежные средства, а именно более 50% от зарплат и пенсий (Жители 2021).

Область газифицирована только на 62%, что учитывает лишь крупные города и центры. Газификация идет очень медленно, и этот процесс начался относительно недавно. По отчетам видно, что основная программа по газификации области стартовала всего 10 лет назад, когда в 2011 г. здесь приступили к строительству газопро-

вода-отвода «Галич – Мантурово – Шарья» общей протяженностью 182 км (Газификация 2021). Согласно принятому 1 июня 2021 г. закону, газ должны довести до территории домового владения, а подключение и проведение его по участку и в дом придется оплатить хозяину домовладения. Ориентировочная стоимость подключения на сегодня составляет 100-150,0 тыс. руб. (там же). Для организации газоснабжения в доме необходимо разработать проект внутреннего газопровода, для этого обязательно получение технических условий на подключение к газу. С заказчиком согласовывается трассировка газопровода по участку. Лишь после утверждения проекта разрешается осуществлять строительство системы газопровода (Блохин 2021).

Для решения и облегчения процесса газификации домов костромские депутаты выступили с инициативой разрешить использование материнского капитала на газификацию жилья. «Подключение дома к природному газу можно расценивать как улучшение жилищных условий семьи. При переводе с печного на индивидуальное газовое отопление значительно уменьшаются расходы на топливо. Кроме того, у семьи появляется дополнительная коммунальная услуга – горячее водоснабжение», – говорится в источнике (Костромские депутаты 2021). Кроме этого в Костромской области действуют меры поддержки на оплату внутридомовой газификации для пенсионеров, малоимущих семей и одиноких граждан.

Мониторинг форумов, сообществ в социальных сетях, где обсуждают и оставляют комментарии к новостям по проекту газопровода местные жители (описание и ссылки см. ниже)<sup>1</sup>, доказывает, что многие из них отчаялись получить долгожданное тепло в дома, поэтому повсеместно ведутся споры, действительно ли будет газ или все же это очередные обещания властей, особенно в рамках предвыборной кампании (выборы были осенью 2021 г.). Споры доходят в комментариях до ругательств. Но главный вопрос, который интересует большинство – это финансовые затраты (на сегодняшний день уже около 200 тыс.), к которым приведет установка газа. Для жителей сельской местности это серьезные суммы, которые необходимо брать в кредит под более высокие проценты, чем в ипотеку. Вот примерные комментарии:

М.А.: «А подключение будет в ипотеку?»;

Г.И.: «Все уравнивается, дешевле не будет»;

Р.Р.: «Подключат пару домов бесплатно, а остальным за деньги предложат...»;

Д.О.: «Лучше бы не писали. А в других районах людей нет что ли?»;

Б.Н.: «А Поназырево даже в плане нет. Мы наверное и не Костромская область?»<sup>2</sup>.

Эти комментарии доказывают, что проблема стоит весьма остро и уже очень давно. Многие живут всю жизнь в ожидании газа и не дождавшись голубого топлива переезжают в другое место. Иногда газ проводят по границе деревни, но из-за того, что она уже числится нежилой, подвести голубое топливо в дома невозможно, даже

<sup>1</sup> Сообщество Костромская область. Социальная сеть vk.com. [https://vk.com/wall-186602114\\_18184](https://vk.com/wall-186602114_18184); <https://manturovo.bezformata.com/listnews/o-gazifikacii-v-manturovo/85889449/>; Дойдет ли газовая труба до Кологрива? Категория: Энергетика. <https://okolo-griva.livejournal.com/28629.html>; Сообщество «Подслушано Макарьев». [https://vk.com/wall-92573238\\_98885](https://vk.com/wall-92573238_98885).

<sup>2</sup> Комментарии немного отредактированы, нецензурная лексика убрана. Подр. см.: [https://vk.com/wall-186602114\\_18184](https://vk.com/wall-186602114_18184) (дата обращения: 22.10.2021).

если есть желание. Так обстоит дело в д. Жиравлево Костромской области, Судиславского района. Газовая труба торчит на границе с участком одной из последних местных жительниц, но подключить дом нельзя. Частично из-за этого из деревни все жители уехали либо в областной центр, либо в населенные пункты, где есть газ и возможность подключения к нему. Конечно, это не единственная причина переезда жителей, но одна из главных.

Жен., 58 лет: «Вот у дочки родился сын, у нас холодина здесь. Топим дровами, воду надо натаскать из речки, нагреть. С маленьким ребенком думаете это так легко? Хочется жить так? А труба газовая вон торчит, а что толку? Так и переедем в другой дом, тут только летом еще можно жить. Грибов, ягод, трав пособирать. Дом жалко, даже за символическую цену не продашь, деревня уже никому не нужна. Дорог нет, воды нет, электричество вот разве что осталось пока. Так и его скоро не будет. А почему так произошло? Когда мы молодые тут заселялись деревня большая была. А сейчас работать негде. Молодежь вся работает в Костроме». Жительница эта долго не хотела покидать уже заброшенную деревню, но теперь они живут в другой деревне Судиславского района Костромской области, куда проведен газ.

Другой респондент из пгт Сусанино отметил, что после того, как в их поселение провели газ, мало что изменилось для жителей. Суммы для подключения личного хозяйства по местным меркам большие и недоступные, многие продают дома и покупают квартиры с уже имеющимся в них газом и коммуникациями или переезжают в город к взрослым детям. Это подтверждает и один из комментариев в сети «ВК» жителя пгт Судиславля: «Вы не спорьте, проведут вам газ или нет, а копите пока деньги. У нас тоже в Судиславле говорили, что газа долго не будет, но потом махом все сделали. Правда, мне пришлось два кредита брать, до сих пор плачу» (Подслушано Макарьев 2021).

### **Уровень жизни в Костромской области**

Еще одним немаловажным фактором оттока местного населения является низкий доход семьи. Если зарплаты у ее взрослых членов на достойном уровне, то как показали наши исследования, люди возвращаются в родные места. Ярким примером является пос. Вохма Костромской области, где успешная политика местной администрации привела к возрождению производства, росту зарплат и, как следствие, к возвращению молодежи в район. При этом динамика социально-экономических показателей демонстрирует снижение реальных располагаемых денежных доходов населения в 2018 г. на 10% к предыдущему году и резкий рост безработицы в 2020 г. – в 7,3 раза. Необходимо отметить, что рост реальной заработной платы в процентном отношении к предыдущему 2017 году был незначительным – 10% (Костромская область в цифрах 2020). По результатам нашего опроса и согласно статистическим данным в 2020 г. рост безработицы был рекордным, что отрицательно отразилось на благосостоянии костромичей. Более 60% экспертов в области межэтнических отношений подтвердило этот факт, правда в 2021 г. ситуация несколько стабилизировалась.

По оценке местной администрации, Костромская область по уровню доходов населения находится на 53-м месте в стране. Наше изучение независимых рейтингов, а также анализ официальной статистики показывают, что положение Костромской области с 2018 по 2021 гг. не изменилось. В частности, РИА-рейтинг ставит ее на 70

место, а вот все остальные регионы ЦФО в основном находятся в середине списка.

Официальные предварительные отчеты сообщают, что среднемесячная номинальная начисленная заработная плата (без выплат социального характера) работников организаций Костромской области в январе-сентябре 2021 года составила 34 130 рублей и увеличилась по сравнению с январем-сентябрем 2020 года на 9,6%. Реальный размер заработной платы вырос на 2,6% (О заработной плате 2021; Уровень жизни 2021). Как мы видим, в официальном отчете снова делается упор на хорошие и позитивные показатели. Отрицательная динамика почти не разбирается и не анализируется.

При этом результаты опросов говорят совсем о другой реальной средней заработной плате в Костромской области. По нашим оценкам, средняя зарплата в Костроме составляет 25 тыс., а в Костромской области – 15–20 тыс. рублей. Одним из маркеров уровня жизни основной массы населения негласно считается зарплата сотрудников образовательной и здравоохранительной сфер. Учитель истории в Костроме с 6 летним стажем за одну ставку получает около 20 тыс., с максимально возможной нагрузкой и 20-летним педагогическим стажем, что бывает значительно реже – 35 тыс. (ПМА 2022). Согласно статистике РОССТАТА, средняя зарплата учителей Костромской области едва достигает 25 тыс. руб., для сравнения в Москве учитель получает около 95 тыс. руб., что почти в 4 раза больше (Зарплаты учителей в России 2021). Именно поэтому многие молодые учителя, приобретая опыт работы в школе, стремятся переехать в столичный регион, таких примеров нам известно немало. Это подтверждают и комментарии читателей статьи РОССТАТА, простых учителей. Например, Елена подробно описывает из чего формируется ее зарплата:

«08. 01. 2019 г. Карелия. Сельская малокомплектная школа. 25,5 ч. – 25 рабочих дней – 13 033,33 (сюда же классное руководство, проверка тетрадей и т.п.). Районный коэффициент (15%) – 2842р., северный коэффициент (50%) 9472 р. Стимулирование – почти 6000 р. (но его может и не быть, там на усмотрение местной власти, если есть деньги. Да и на самом деле, на такое стимулирование работать тяжело. Овчинка выделки не стоит. Работы много, а стимула копейки). <...> Налог 4063 р. Итого: 31 256 р. – 4063 р. = 27 193 р. Это нагрузка за 50 часов в неделю».

А вот Соня, молодая учительница из Москвы при меньшей нагрузке имеет аналогичный доход: «Я аспирантка МГУ, по совместительству преподаю в школе для одарённых детей (Москва), 6 часов в неделю (химия). Получаю ~25 000 в месяц».

Еще один участник дискуссии Виталий описывает доход своей жены в Костроме:

«У меня жена учитель. 25-30 тысяч в месяц зарабатывает, но это с учетом классного руководства и часовой нагрузки 40 часов в неделю, каждый день допоздна на работе. А я как знаю, штаткой считается 18 часов в неделю, так вот у нее получается больше 2-х штаток идет, и предметы все ведет – историю, обществознание, религию, географию и биологию, потому что в школе нет ни географа, ни биолога. <...> Мой знакомый (профессор) 3 должности при этом еще занимает (профессор кафедры + заведующий кафедрой + декан факультета) и на работе живет, так вот зарплата 42 тысячи (сам видел). А на государственных предприятиях все также плохо. Еду утром в лифте и вижу 2 объявления рядом. На одном на государственное предприятие (кстати одно из крупнейших в России) требуется слесарь по ремонту кранов ЗП – 20 тыс. руб.,

инженер-конструктор ЗП – 22 тыс. руб., а рядом висит объявление в кондитерскую требуется повар ЗП 40 тыс. руб., кондитер 35 тыс. руб., посудомойщик 20 тыс. руб. Так вот и делай выбор, либо пойдешь учиться на слесаря по кранам, а это необходимо образование на профессию минимум среднее-специальное, опыт работы т.к. при работе на кранах идет минимальный 5 разряд и допуск работы на высоте (удостоверение верхолаза), или преподавателем в институт (предварительно закончив аспирантуру и докторантуру), чтобы хотя-бы те же 20 тыс. руб. отбить, либо посуду мыть» (Зарплаты учителей в России 2021).

Независимый источник РИА-рейтинг зарплат 2020 г. подтверждает наши выводы о низком доходе местного населения. Он показывает, что область по уровню заработной платы занимает 65 место из 85 регионов. По подсчетам специалистов доля трудоустроенных с зарплатой выше 100 тыс. рублей составляет всего 1,6%, а доля людей, работающих с зарплатой ниже 15 тыс. равна 18,5%. Для сравнения в соседней Ярославской области доля тех, кто получает больше 100 тыс. – 2,1%, а ниже 15 тыс. – 13,4%, но в целом ситуация укладывается в общероссийскую картину (РИА зарплаты 2020).

Другой аналитический рейтинг зарплат по регионам, исключаяющий большие города, был также составлен агентством РИА. Им была подсчитана средняя заработная плата в малых городах, деревнях и селах. Выяснилось, что Костромская область по этому показателю оказалась на 63 месте (из 85). Судя по подсчетам экспертов, средняя зарплата в малых населенных пунктах региона – 28 тысяч рублей, но не медианная (т.е. та, которую получает большинство, а именно средняя). При этом соотношение реальной зарплаты с ценами на еду и услуги оказалось очень низким, что говорит об одном – на эти деньги местные жители не могут купить многие вещи (Зарплата 2021). Расчёт медианной зарплаты (т.е. реальный доход большинства) показывает еще более скромную сумму, которая едва ли превышает 15 тыс. рублей. Согласно данным наших массовых опросов 2021 г., которые были проведены в малых годах области, последняя указанная цифра подтверждает наши предположения, как и мониторинг сайтов вакансий Костромской области. Например, в колхозе им. Чапаева в Поназырево требуется доярка «осуществлять ручное доение коров с продуктивностью до 3,5 тыс. кг. молока в год и выполнять мероприятия по улучшению содержания животных» с окладом 12 792 руб. (JobFilter 2021). В Костроме такой специалист получит уже от 20-25 тыс. руб., что тоже существенно ниже среднестатистического заработка в областном центре (Там же)<sup>1</sup>.

Как видно из результатов нашего опроса в 2021 г., многие жители в целом довольны своим материальным положением, но почти 40% отметили, что испытывают материальные трудности, из них 10% считают свое материальное положение тяжелым. Напомним, что в 2019 г. только 15% посчитали, что их материальное положение затруднительно, а тяжелым назвали всего 3%.

Эта ситуация на наш взгляд характерна для всей России в целом. По Костромской области можно судить как об экономике РФ, так и об уровне жизни простого населения по всей стране, потому что ситуация отражает действительный уровень жизни большинства ее граждан. В связи с этим, как неоднократно отмечали ученые ИЭА РАН, изучение межэтнической обстановки в регионах жизненно необходимо, поскольку население выживает и ждет помощи от государства, которая зачастую

<sup>1</sup> Средняя зарплата по данным Костромастата за первое полугодие 2021 г. составила 33749 и по сравнению с августом 2020 г. увеличилась на 11,5%.

приходит очень поздно. А приезжие, получающие блага наравне с местными жителями, а порой и раньше, в силу обладания статусом малоимущих и многодетных, воспринимаются часто как прямая угроза существующему бытию. Именно поэтому этнологический мониторинг, а также независимая экспертиза позволят быстрее и правильнее реагировать в экстренных ситуациях.

### Отношение местных жителей к мигрантам

В 2021 г. в рамках проекта РФФИ нами было проведено 4 опроса в Костромской области: в гг. Кострома, Солигалич, Чухлома и Нерехта, причем по последним трем городам получены уникальные данные, на основании комментариев местных жителей отражающие жизнь российской глубинки. Необходимо отметить, что опросы в этих городах проходили с большим трудом, люди не хотели давать оценку своему социально-экономическому положению, выяснение которого входило в задачи нашего исследования. Большинство населения сейчас запугано властями. Ситуация в ходе опроса особенно обострилась в Нерехте, потому что прошел слух о «московском анкетировании» и власть пригрозила увольнением при «неправильном» ответе на вопросы и плохих показателях, из-за чего количество участников резко снизилось.

В опросе приняло участие 800 чел., в каждом городе было опрошено по 200 чел. Согласно выборке, описанной в инструментарии, 75% респондентов были в возрасте от 30 до 59 лет, 15% – в возрасте 18-30 лет, 10% выборки представлены людьми пенсионного возраста. По этнической принадлежности 95% респондентов русские, 55% имеют среднее специальное, специальное и основное общее образование, 40% высшее и 5% неоконченное высшее, 76% участников опроса трудоустроены, 10% занимаются ведением домашнего хозяйства, 7% безработные или самозанятые (официально не трудоустроены или имеют нелегальный доход).

Главной трудностью по мнению жителей области в общении с мигрантами является незнание языка (56%), около 10% жителей региона раздражает несвойственное поведение приезжих, в основном отмечается их шумность, крикливость (громкие разговоры и смех) в общественных местах и в транспорте и только треть опрошенных (33%) не испытывают никаких трудностей. При этом 80% участников опроса почти не взаимодействуют в повседневной жизни с мигрантами, четверть из них не имеет никаких контактов с ними и только 15% имеют в основном разовые, эпизодические контакты с приезжими. У большинства респондентов (50%) основное общение происходит при обслуживании в магазинах, в такси или общественном транспорте и др. В деловой сфере или по рабочим вопросам с мигрантами взаимодействует примерно 40% участников опроса, которые как мы уже сказали носят эпизодический характер.

Одним из спорных показателей нашего исследования стал вопрос о трудоустройстве мигрантов и их участии на рынке труда. Здесь мнение респондентов разделилось, но большинство считают, что нет заинтересованности у костромичей<sup>1</sup> работать на тяжелых физических работах, где зарплаты намного выше средних по региону. При этом уровень социального напряжения, подсчитанный по методике ИЭА РАН<sup>2</sup>, указывает на неготовность 90% жителей к приезду мигрантов и к увеличению их ко-

<sup>1</sup> Под костромичами авторы статьи имеют в виду жителей Костромской области в целом.

<sup>2</sup> Автор и разработчик к.и.н., в.н.с. ИЭА РАН В.В. Степанов.

личества в повседневной жизни. К тому же выявлена закономерность: «Чем дальше от областного центра, тем менее терпимым становится население».

Осознание нужности и важности труда приезжих у жителей области есть, т.к. 80% считают, что без труда мигрантов жизнь в Костромской области станет еще хуже. Костромичи готовы к тому, что мигранты будут работать в сфере ЖКХ, строительстве, дорожных работах, сельском хозяйстве или в личных подсобных хозяйствах. Самое удивительное, что население не готово в целом к увеличению количества водителей общественного транспорта из числа приезжих мигрантов (с этим утверждением согласилось только 10%).

Вместе с тем, по статистике в изучаемый регион мигранты приезжают с целью обоснования и интеграции в российское общество, а не только заработать. Согласно официальной статистике в 2021 г. в область приехал 1207 чел., в т.ч. из стран СНГ – 1022 чел., а по общему числу приехавших мигрантов Костромская область занимает предпоследнее место в ЦФО (Социально-экономическое положение 2021). Исходя из приведенных данных этого источника, можно заключить, что для мигрантов Костромская область не является привлекательной, потому что конкуренция с местным населением на рынке труда очень высока. Но сами иностранцы предпочитают обособиваться в малых городах на постоянное место жительства, чувствуя их особую привлекательность и меньшую угрозу для себя. Об этом упоминали и сами мигранты в личных беседах, что город очень красивый, старинный, небольшой, жизнь здесь спокойнее и не так «суетливо», как в Москве. Адаптироваться в такое общество гораздо проще, многие из них проводили аналогии с Родиной (ПМА 2019, 2020, 2021).

Еще одним важным вопросом был вопрос о преступности, которая, как часто считают, увеличивается с приездом мигрантов. Согласились с этим мнением 13% респондентов, а 25% затруднилось ответить на этот вопрос, но комментируя свое мнение отмечали следующее: «Сложно сказать, неоднозначное соотношение», «Зачастую мигранты оказываются не социализированы в новой среде жительства. Вследствие этого, большая часть преступлений (например, в Москве) совершается ими. Очевидно, что в этом плане политика социализации мигрантов, проводимая государством, провалена» (ПМА 2021). Вместе с тем, полевые данные за предыдущие годы указывают на большое недоверие к приезжим людям. Многие считают, что они распространяют наркотики, обманывают русских женщин/девушек и используют последних для получения гражданства. Последний фактор подтверждает вопрос о готовности принять в свою семью мигранта. Отрицательно к этой идее отнеслось 42% респондентов, затруднились ответить 26%, нейтрально восприняли эту идею 25% и только 4% – положительно. Похожий анонимный опрос был проведен администрацией города в 2014 г., когда 55% костромичей посчитали межэтнический брак «кошмарным», но при этом 70% участников отнесли себя к категории «толерантный» (Чиновники 2014). Получается, что за 7 лет ситуация почти не изменилась и отношение местных жителей к приезжим не улучшилось.

Другой вопрос, касающийся публичного выражения своего отношения к мигрантам, затрагивал вероятность участия в пикетах, митингах и демонстрациях. Он показал, что 55% не выйдет на улицу против иностранных граждан. Вместе с тем 35% респондентов затруднились ответить на этот вопрос и сказали, что все зависит от тематики митинга, но если будут серьезные нарушения закона РФ, то обязательно выступят в поддержку этой инициативы. Также 67% высказалось за идею информирования вновь прибывших

и уже проживающих в области мигрантов о существующих культурных нормах общества. За интеграцию высказалось около 57% респондентов. Вместе с тем, 30% не видят в этом большой необходимости, а еще 15% затруднились ответить. Вопрос о поддержке государством вновь приезжающих мигрантов и возможности помогать им тоже стал также неоднозначным. Многие сомневались и большинство отрицательно отнеслись к этой идее, что указывает скорее на материальные трудности и потребности в такой поддержке своих семей, ведь большинство живет весьма затруднительно, именно поэтому материальный аспект воспринимается негативнее всего.

### Портрет мигранта

В нашем исследовании мы попросили участников опроса описать образ мигранта, каким его видят жители областного центра и малых городов. Это было одним из самых сложных заданий и вопросов анкеты, которое наши респонденты успешно выполнили. Для большинства это человек, гражданин другого государства, приехавший на заработки в нашу страну, выходец из бывших стран СССР, нерусской внешности, иной веры, плохо говорящий и понимающий русский язык. Мнения о человеческих качествах также разделились, из положительных указывалось трудолюбие, законопослушность и готовность к любому виду работ. Но были и отрицательные портреты: хам, нарушитель порядка, неквалифицированный специалист, паразит, неграмотный человек, варвар.

В соответствии с задачами проекта, респондентов просили назвать положительные качества мигранта. Вот наиболее распространенные среди них: «трудолюбие, скромность, работоспособность, сплоченность, вежливость и доброжелательность, готовность помочь, стремление и усидчивость, терпение, ответственность, мало пьют, мобильность, жизнелюбие, юмор, отношение к детям». Большинство отмечали именно трудолюбие и желание выполнять любые виды тяжелых работ, также многие хотели бы видеть его послушным и готовым в прямом смысле на все и не требующим ничего взамен. Немало оказалось и тех, кто затруднился ответить на этот вопрос (40%), но «затруднилась ответить» эта часть респондентов не потому, что вопрос был сложен для них, а потому, что не смогли найти для себя положительных черт мигрантов, акцентируя на негативных моментах общественных контактов. Приблизительно 10% ответило, что ничего не видят положительного в мигрантах.

Отдельная часть этого эксперимента касалась мнения респондентов о негативных чертах мигранта. Вот наиболее распространенные комментарии респондентов к портрету приезжего: «не уважает местные традиции», «не соблюдает гигиену», «ничего хорошего», «плохо говорит по-русски», «не знают языка», «неопрятны», «их слишком много стало везде», «они не знают российских законов, живут по понятиям, которые граничат с наглостью», «склонность к криминалу». В связи с выявлением в ходе исследования не всегда толерантного отношения к мигрантам мы задались вопросом, почему у костромичей сформировался такой портрет представителей других народов? Для анализа мы прибегли к мониторингу местных СМИ на предмет выявления оскорбительных маркеров в представлении образа мигрантов. Мы взяли наиболее распространенные новостные сайты в Интернете и проверили базу новостей, используя этнические маркеры: гастарбайтер, мигрант, этносы.

Как выяснилось, основная часть опасений, на которые ссылались респонденты в

личных разговорах, была получена ими из статей и новостей СМИ. Журналистами в публикациях, к сожалению, всячески подчеркивается, что представители других этносов несут угрозу. Вот, например, один из недавних заголовков: «Цены снижаются, мигранты разбегаются...». А дальше автор пишет, что «уважаемые» источники опубликовали сразу «две хороших» новости: о снижении количества «мигрантов-гастарбайтеров» и росте цены на патент для иностранцев. Т.е. получается, что костромичам надо радоваться отсутствию иностранцев в городе. Мы сделали небольшую подборку заголовков, которые показывают, какой образ мигранта рисуют местные СМИ: «Братя-гастарбайтеры устроили крупный героиновый бизнес в Костроме»; «У мигрантов в Костроме врачи обнаружили ВИЧ, сифилис и туберкулез»; «Таджик получил условный срок за нападение на костромичку»; «Иностранец забил кормящую мать на глазах ее детей»; «Молодого узбека осудили за убийство на пилораме»; «Мигрант бросил торговать сухофруктами ради наркобизнеса в Костроме»; «Хитрый мигрант пытался разжалобить полицейских слезливой историей»; «Задержанные в Костроме наркоторговцы “топили” за ЗОЖ. Два брата-гастарбайтера не употребляли ни наркотики, ни алкоголь, занимались спортом – но не чурались травить героином других» (ГТРК Кострома; k1news.ru и др.). Если прочитать все эти заголовки, то вряд ли сложится положительное мнение о приезжих у местных жителей. И властям необходимо задуматься об организации семинаров для обучения межэтнической этике местных журналистов с приглашением опытных экспертов, которые смогут повысить уровень их толерантности и усилят понимание тонкости межэтнической темы.

Справедливости ради необходимо отметить, что за последний год количество и качество этнических маркеров заметно изменилось, теперь провинциальные СМИ более осторожно высказываются о мигрантах и лицах неславянской внешности. Но и полностью толерантными их назвать нельзя. Вместе с тем очевидно, что СМИ существенно влияют на межэтнические отношения и формирование портрета приезжих у местных жителей, поскольку уровень недоверия к ним высок. Причем по нашим исследованиям, чем дальше от мегаполисов и глубже в Россию, тем восприятие мигранта более негативно или максимум нейтрально. Например, по опросам в малых городах (Нерехте, Солигаличе и Чухломе) получилось, что местное население не хочет видеть мигрантов в своей повседневной жизни на равных, а если это присутствие неизбежно, тогда они не должны разговаривать на своем языке (а если и говорить, то только шепотом), вести себя тихо, не показывать своей национальной принадлежности, много работать на тяжелых работах, не получая никакой поддержки от налогоплательщиков. В Костроме население настроено более толерантно, но в целом ситуация очень похожа и если изучать ее более обстоятельно, то возможно в определенном социальном срезе обнаружится аналогичная картина.

Например, по словам работника миграционного центра, в 2022 г. произошла резонансная ситуация с убийством 5-летней девочки, видеорекамеры зафиксировали как двое мужчин подхватили ребенка и унесли в неизвестном направлении. На видеорекамерах было непонятно, кто именно подхватил девочку и поэтому в социальных сетях начинался бунт, носящий межэтнический характер, но потом личности преступников были установлены, что успокоило бунтовщиков и зачинщиков. Надо отметить, что действия властей по устранению разжигания межэтнической розни были сделаны вовремя, несмотря на праздники. Но этот случай показал, что в обществе продолжает существовать межэтническое неприятие, хотя и латентного характера, и

возможно те, кто указал в ответах, что не стал бы выходить на митинги, просто не учли всех обстоятельств, а острая и резонансная ситуация с этническим маркером легко могла бы вылиться в массовый протест и потасовку.

В связи с этим необходимы действенные профилактические меры и регулярная работа с местным населением не только фестивального характера. Нам видится возможным более активное привлечение СМИ, создание специальных телевизионных передач, благодаря которым жители региона могли бы знакомиться с традициями и культурой других народов. Вероятно, имеет смысл привлекать самих мигрантов к участию в этих проектах, чтобы они делились историями своей жизни. Важно знакомить их с культурой принимающего сообщества, устраивать семинары и лекции ознакомительного и обязательного характера с профессионалами и квалифицированными специалистами, понимающими суть проблемы и готовыми работать в этом направлении. Необходимо привлекать и учителей области, которые бы на уроках истории, окружающего мира, обществознания, основах религиоведения разбирали темы межэтнического взаимодействия и толерантности, задавали реферативные задания, привлекали в том числе и старшего поколение. Нам видится необходимой разработкой специального курса «Народы России» для объяснения молодым поколениям россиян правовых основ и принципов равноправия. Такие знания нужны, поскольку иногда под иностранными мигрантами в Центральной России местное население воспринимает представителей других народов, исконно проживающих на территории РФ (чеченцы, ингуши, кабардинцы, ногайцы, чукчи и пр.).

### **Рекомендации (вместо выводов)**

Результатом нашего исследования стали рекомендации, которые, как нам представляется, могли бы быть полезны в повседневной работе органов государственной власти.

1. Потребность в привлечении дополнительных трудовых ресурсов во многом связана с общим неблагоприятным социально-экономическим и демографическим состоянием регионов России, особенно центральной ее части, которая в следствие длительного экономического упадка и естественной убыли населения испытывает острый кадровый дефицит и тем самым привлекает иностранцев не столько для временного заработка, сколько для постоянного проживания. Продолжается перманентное сокращение населения. Например, в Костромской области только с 2018 г. численность жителей уменьшилось под воздействием различных факторов на 20 тыс. человек. Для преодоления негативных тенденций требуется целый комплекс социально-экономических решений, которые не приведут к сиюминутным изменениям и потребуют, возможно, десятилетий последовательной реализации их в жизнь. У нашей страны есть позитивный опыт адаптации и интеграции населения, гармоничного проживания и развития множества народов и культур. Что касается исторического прошлого, на наш взгляд, одним из главных факторов успеха кадровой политики СССР была возможность получения бесплатного образования за счет системы распределения кадров, когда студент среднего профессионального или высшего учебного заведения должен был отработать в сельской местности или же в другом районе страны определенное время.

Тем самым государство компенсировало затраты на обучение, а нуждающиеся районы получали квалифицированного специалиста. Конечно, многие уезжали в город после завершения обязательной отработки, но были и те, кто оставался и создавал на новом месте жительства семьи. Также студенты педагогических, медицинских, сельскохозяйственных институтов посылались на практику в школы, медпункты, больницы и хозяйства отдаленных деревень и сел. Многие таким образом возвращались к себе на малую Родину, кто-то проникался деревенской романтикой, а кто-то уезжал в другие республики СССР, чтобы познакомиться с новой культурой дружественных народов. Тем самым формировалось толерантное восприятие соседей, решались кадровые и социальные вопросы, сохранялись деревни и села России. При этом невысокие зарплаты компенсировались широкой помощью хозяйств молодым специалистам в быту и неизменностью цен на все товары.

2. Ныне существующая система ОГЭ и ЕГЭ<sup>□</sup> наоборот, как показывают итоги нашего опроса, приводит к оттоку молодежи из сельской местности в города и желания возвращаться в родные места на низкие зарплаты, граничащие с нищетой, у молодежи нет. К тому же большинство потеряло возможность получить образование бесплатно. Даже в средние специальные учебные заведения стало попасть не так просто, к тому же несмотря на дефицит кадров в определенных отраслях, молодежь и не стремится идти туда за знаниями, потому что это тяжело и требует большого вложения сил (как умственных, так и физических). А многие не хотят получать образование, поскольку все реже оно требуется. Огромное количество курсов и коммерческих вакансий предлагают неплохой заработок, не требуют квалификации, опыта работы и знаний, поскольку заключают в себе нехитрые операции.
3. В связи с вышеперечисленными демографическими обстоятельствами необходимо обратить внимание местных властей, а иногда и стимулировать их со стороны федерального центра, на важность дополнительного привлечения иностранной трудовой силы. Иными словами целесообразно стимулировать региональные власти решать проблему нехватки трудовых ресурсов в значимых для жизни отраслях хозяйства за счет мигрантов, имеющих право или разрешение (патент) на трудовую деятельность. Сейчас же власти скорее относятся к внешней миграции как головной боли, от которой больше проблем, чем пользы.
4. Для преодоления «чемоданных настроений», то есть желания коренных жителей покинуть малый город или сельское поселение нужно отказаться от ряда проводимых реформ в социальной сфере и, прежде всего, от оптимизации школ, больниц и фельдшерских пунктов. Областные власти Костромы предпринимают определенные усилия для привлечения в регион врачей конкретных специальностей (узких), так и общей практики. Но это программа нуждается в расширении. Конечно, Кострома как областной центр во многом решила бы эту проблему с учреждением здесь медицинского института, как в соседних областных городах Иваново и Ярославле. В области также стоит остро проблема нехватки учителей начальных классов, преподавателей точных дисциплин (физики, химии, географии, а в некоторых школах даже математики). Вакансии, как правило, заполняются учителями-совместителями, а нагрузка на них дохо-

дит до 40 час. в неделю, за счет этого качество обучения снижается. При этом финансовое распределение заработной платы не всегда бывает справедливым и не стимулирует качественный труд. Вообще надо радикально повышать оплату труда специалистов всех социальных заведений. Особенно неблагоприятна обстановка в сельской местности. Проблему нехватки кадров местные власти пытаются закрыть по программе «земский учитель». Но объявленные в этом году вакансии по конкурсу «земский учитель» имеют всего шесть (6) мест и это количество не может решить проблему такого большого региона.

5. Опросы населения в малых городах показали, что народ надеется на помощь от государства в открытии новых производств, создании птицеводческих фабрик, небольших производств в фермерских хозяйствах в глубинке, в т.ч. в Солигаличе и Чухломе (175 км на север от Костромы). Радикальных изменений требует инфраструктура жилья, включая необходимость проведения коммуникаций, газификацию, что реально бы улучшило жизнь людей, социальное самочувствие провинциального общества, условия проживания в целом. Эти меры важны и потому, что пока еще остаются не потерявшие навык тяжелого сельскохозяйственного труда и желающие им заниматься представители среднего и старшего поколения. Крестьянина, как известно, не подготовишь в профтехучилище или сельхозтехникуме. Постоянный труд, любовь к природе и к «братьям нашим меньшим» – это образ жизни. И здесь, на наш взгляд, государство могло бы пойти на поддержку создания (возрождения) утраченных за годы революции и советской власти сельских приходов, службы священников и в целом приходской жизни, что-то наподобие программ «земский врач», «земских учителей». Все это будет укреплять традиционные духовные скрепы в России, повседневную жизнь семей с целью и сохранения, сбережения, а потом и возрождения народа.
6. Ключевым моментом адаптации мигрантов в российское общество является знание приезжими из стран ближнего зарубежья русского языка. Поэтому важно не только готовить в этих государствах кадры востребованных в России профессий, но и поддерживать знание языка для соответствующей возможности беспрепятственного общения в магазине, на транспорте, местах массового пребывания. Безусловно надо создавать специальные центры для переподготовки кадров на уровне регионов (областных центров). Важно чтобы эти центры имели связь со всеми местами пребывания и объектами производства в регионах (в том числе районными городами и поселениями), чтобы была регулярная информация по всем вопросам взаимоотношений мигрантов и местных русских жителей.
7. Многие правильные законы и нормативные акты по проблеме миграции уже приняты, но требуют переосмысления. Так еще в 2008 г. принят закон «О государственной геномной регистрации». Следовательно, надо проанализировать практику применения этого закона в разных регионах, а все выявленные недостатки устранять в повседневной работе с тысячами мигрантов, пребывающих в регионах России. Надо изучить принятые законы и, если необходимо, внести изменения в них в соответствии с опытом и практикой применения.
8. Еще одной проблемой, которая характерна для мегаполисов (Москва, С.-Петербург) и городов с миллионным населением (Н.-Новгород, Самара, Ростов-на-До-

ну и т.п.), где контроль за миграционной средой, как правило, переложен, на плечи силовых структур (МВД, Росгвардия) заключается в отсутствии профилактической работы с этническими диаспорами, либо о ней мало кто знает. Между тем мигранты в России представляют традиционные восточные общества, где силен авторитет главы семье, племени, рода-тейпа. И если правильно выстроить отношения с ними можно предотвращать преступления силами самих мигрантов, поставить под контроль значительную часть времени жизни мигрантов, связанную не с производством, где они все на виду, а со свободным временем, досугом. Конечно, важно не допускать формирования многотысячных этнических поселений (наподобие «Садовод» или Фут Сити), добиваясь разукрупнения таких поселений и внятного постоянного контроля, в том числе за деятельностью ОПГ. Здесь также важно поставить административный предел росту мегаполиса со стороны властей Москвы.

9. Необходимо учитывать позитивный опыт отдельных регионов и распространять его. В чем состоит позитивный опыт областного центра города Костромы? Здесь, опираясь на старшее поколение мигрантов – выходцев из стран СНГ и ближнего зарубежья, в частности Таджикистана, удалось сплотить основных представителей миграционного сообщества вокруг «объединенной среднеазиатской общины». Всякое положительное начинание держится на конкретных людях. Так в Костроме в поисках лучшей жизни появился спортсмен из Таджикистана Сергей Вячеславович Хусаинов. Со временем ему предложили представлять культуру таджикского народа в костромском регионе. Постепенно в общину стали обращаться представители других народов, проживающие в Костроме. Поэтому совет старейшин принял решение объединиться с ними, и все проблемы стали решать сообща. Целями общины в настоящее время являются задачи сохранения межнационального и межконфессионального согласия на территории Костромской области, интеграции и адаптации пребывающих мигрантов, преодоления языкового барьера, разрешения юридических вопросов. Трудовых мигрантов знакомят с историей, культурой и традициями жителей Костромского края. На эти цели были выделены городские и областные гранты. Но таких организаций мало в других городах России, а там, где они есть случается противодействие таким общинам. Именно поэтому необходимо организовать тесное взаимодействие местных органов власти с общественными организациями мигрантов для более успешной адаптации людей и профилактики правонарушений. В противном случае пропадает желание у них жить в данном городе, успешно адаптироваться и встраиваться в общую с местным населением повседневную жизнь. Положительный опыт работы с диаспорами в небольших по численности областных центрах можно использовать в других городах, в том числе в столице. Надо сформировать в хорошем смысле пирамиду управления: город – районы – отдельные общины мигрантов. Сейчас же работа с общественными организациями во многом напоминает фестивальную-выставочную витрину, которая имеет сомнительное отношение к профилактике экстремизма.

## Источники и материалы

- Старостина Ю.* Пандемический криз. Как скоро экономика России сможет вернуться к росту. ГАЗЕТА № 093 (3260) (1711) от 17 ноября 2020. РБК: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/11/17/5fab9289a79476ec20f16cc>.
- Росстат 2010 – Росстат. Всероссийская перепись населения 2010 г.
- Костромская область в цифрах 2021 – Костромская область в цифрах. Стат.сб./Костромстат. – К., 2021. – 117с. [kostroma.gks.ru](http://kostroma.gks.ru).
- Кузнецов, Уханков* 2019 – *Кузнецов Д., Уханков А.* «Типичный депрессивный регион». С чем Костромская область отмечает свое 75-летие. <https://7x7-journal.ru/articles/2019/08/15/tipichnyj-depressivnyj-region-s-chem-kostromskaya-oblast-otmechaet-svoe-75-letie>.
- Мишустин 2020 – Мишустин заверил, что власти будут делать все для решения проблем в регионах. Агентство ТАСС. <https://tass.ru/ekonomika/7972163> (дата публикации: 13.03.2020).
- Жители района 2021 – Жители района Костромской области умоляют Путина провести им газ. <https://logos44.ru/zhiteli-rajona-kostromskoj-oblasti-umolyayut-putina-provesti-im-gaz.html> (дата публикации: 18.05.2021).
- Газификация 2021 – Газификация Костромской области. <http://gkh.adm44.ru/stroy/gazko/> (дата обращения: 10.12.2021).
- О газификации 2020 – О газификации в Мантурово. Заместитель главы администрации городского округа город Мантурово по ЖКХ А.Д.Блохин. <https://manturovo.bezformata.com/listnews/o-gazifikacii-v-manturovo/85889449/> (дата публикации: 24.07.2020).
- Костромские депутаты 2021 – Костромские депутаты предлагают использовать маткапитал для газификации. <https://regnum.ru/news/economy/3392968.html> (дата публикации: 8.10.2021).
- Подслушано Макарьев 2021 – Подслушано Макарьев. [https://vk.com/wall-92573238\\_98885](https://vk.com/wall-92573238_98885) (дата публикации: 25.04.2021).
- О заработной плате 2021 – О заработной плате в организациях Костромской области в январе-октябре 2021 г. <https://kostroma.gks.ru/folder/26037>; <https://kostroma.gks.ru/folder/79874/document/147138> (дата публикации: 23 декабря 2021 г.);
- Уровень жизни 2021 – Уровень жизни. Оперативная информация. <https://kostroma.gks.ru/folder/26037> (дата публикации: 23 декабря 2021).
- Зарплаты учителей в России 2021 – Зарплаты учителей в России. [https://visasam.ru/russia/rabotavrf/zarplata-uchitelya-v-rossii.html#\\_\\_\\_2021](https://visasam.ru/russia/rabotavrf/zarplata-uchitelya-v-rossii.html#___2021) (дата публикации: 27.12.2021).
- РИА зарплаты 2020 – Рейтинг российских регионов по уровню зарплат – 2020. <https://ria.ru/20201123/zarplata-1585826589.html> (дата публикации: 23.11.2020).
- Средняя зарплата по данным Костромстата за первое полугодие 2021 г. составила 33749 и по сравнению с августом 2020 г. увеличилась на 11,5%.
- Социально-экономическое положение 2021 – Социально-экономическое положение центрального федерального округа в январе-сентябре 2021 года. Москва: РОССТАТ, 2021. С. 46. [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/cent\\_fo3.pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/cent_fo3.pdf).
- Чиновники 2014 – Чиновники хотят узнать правду о межнациональных отношениях. <https://k1news.ru/news/society/kostromichi-schitayut-chto-braki-s-inostrantsami-eto-koshmar/> (дата публикации: 26.12.2014).
- Костромская область в цифрах 2020 – Костромская область в цифрах. Стат.сб. / Костромстат. Кострома: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Костромской области (Костромстат), 2020.

## Научная литература

- Мартынова М.Ю.* Толерантность и культурная традиция. М.: Изд-во РУДН, 2002.
- Степанов В.В.* Этнический и религиозный состав населения ПФО // Миграционная ситуация в регионах России. Выпуск второй: Приволжский федеральный округ / под общей ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2004.

Тишков В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2008 гг. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2008.

Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. М.: Московское бюро по правам человека, “Academia”, 2008.

Тишков В.А., Степанов В.В. (под ред.) Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году: Ежегодный доклад. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 144–150.

## References

Martynova, M.Yu. 2002. *Tolerantnost' i kul'turnaia traditsiia* [Tolerance and cultural tradition]. Moscow: RUDN University Publishing House.

Stepanov, V.V. 2004. Etnicheskii i religiozniy sostav naseleniia PFO [Ethnic and religious composition of the population of the Volga Federal District]. In *Migratsionnaia situatsiia v regionakh Rossii. Vypusk vtoroi: Privolzhskii federal'nyi okrug* [Migration situation in the regions of Russia. Second edition: Volga Federal District], edited by J.A. Zayonchkovskaya. Moscow: Institute for Economic Forecasting RAS.

Tishkov V.A., and V.V. Stepanov (ed.) 2013. *Etnopoliticheskaia situatsiia v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2012 godu: Ezhegodnyi doklad* [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring states in 2012: Annual report]. Moscow: IEA RAN.

Tishkov, V.A. 2008. *Edinstvo v mnogoobrazii: publikatsii iz zhurnala “Etnopanorama” 1999–2008 gg.* [Unity in diversity: publications from the magazine “Ethnopanorama” 1999–2008]. Orenburg: Publishing Center OGAU.

Tishkov, V.A. 2008. *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie – osnova stabil'nosti i razvitiia rossiiskogo obshchestva: Stat'i i interv'iu* [Ethnic and Religious Diversity – the Basis of Stability and Development of Russian Society: Articles and Interviews]. Moscow: Moscow Bureau for Human Rights, “Academia”.

**МИГРАЦИОННАЯ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ  
И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ  
В ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ  
(ПО МАТЕРИАЛАМ Г. СОЛИГАЛИЧ И Г. ЧУХЛОМА  
КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ)\***

*В современном мире вопросам миграции уделяется большое внимание. Многие люди в поисках лучшей жизни покидают свою малую родину, поэтому для понимания общей картины современного мира различные процессы, связанные с миграцией и мигрантами, требуют детального изучения. В ходе реализации научно-исследовательского проекта РФФИ «Миграционные процессы и их влияние на социально-экономическое развитие Центральной России: сравнительный анализ провинциального региона и мегаполиса (на примере Костромской области и г. Москвы)», в 2021 г. были проведены полевые исследования в г. Солигаличе и г. Чухломе Костромской области. Полученные данные дают представление о современной миграционной ситуации в отдаленных районах Костромской области, таких как Солигаличский и Чухломский. До сегодняшнего дня подобные полевые исследования в этих регионах не проводились, в силу чего их результаты представляют собой особую ценность. По итогам работы можно понять, как коренное население Нечерноземья относится к трудовым мигрантам и в целом к пониманию миграционных процессов в стране и регионе.*

**Ключевые слова:** мигранты, миграционные процессы, Костромская область, г. Солигалич, г. Чухлома, социально-экономическое состояние провинции, демография

**Ссылка при цитировании:** Рыбин А.А. Социально-экономическая и миграционная ситуация в провинциальных городах Центральной России (по материалам г. Солигалич и г. Чухлома Костромской области) // Вестник антропологии, 2022, № 1. С. 264–277.

---

**Рыбин Андрей Александрович** – к.и.н., преподаватель кафедры истории, Костромской государственной университет (156005 г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17). Эл. почта : rybin-andreyka@bk.ru ORCID : 0000-0001-8433-3424).

\* Выполнено в ходе реализации научно-исследовательского проекта РФФИ № 21-011-31820, рук. А.М. Белов

## MIGRATION, SOCIO-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC SITUATIONS IN PROVINCIAL TOWNS OF THE CENTRAL RUSSIA (THE CASE OF SOLIGALICH AND CHUKHLOMA IN KOSTROMA REGION)

*In the modern world, much attention is paid to migration issues. Many people leave their homeland searching for a better life. Various processes associated with migration and migrants require a more detailed study to obtain the general picture of the modern world. Field studies in Soligalich and Chukhloma, Kostroma region, were carried out as a part of the "Migration processes and their impact on the socio-economic development of Central Russia: a comparative analysis of the province and megalopolis (the example of the Kostroma region and Moscow)" project (Russian Foundation for the Basic Research). The study sheds light on the migration situation in remote areas of the Kostroma region, namely in Soligalichsky and Chukhlomskoy districts. Such field studies are conducted in these areas for the first time, and therefore their results are of particular value. The work reveals the attitude of the region's population to labor migrants and, in general, to the migration processes in the country.*

**Keywords:** *migrants, migration processes, Kostroma region, Soligalich, Chukhloma, socio-economic status of the province, demography*

**For Citation:** Rybin, A.A. 2022. Migration, Socio-economic and Demographic Situations in Provincial Towns of the Central Russia (the Case of Soligalich and Chukhloma in Kostroma Region). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 264–277.

**Author Info:** **Rybin, Andrey A.** – PhD in Hist., Lecturer at the Department of History, Kostroma State University (Kostroma, RF). E-mail: rybin-andreyka@bk.ru. ORCID: 0000-0001-8433-3424.

**Funding:** The research was carried out within the framework of the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 21-011-31820 OPN «Migration processes and their impact on the socio-economic development of Central Russia: a comparative analysis of the province and megalopolis (the example of the Kostroma region and Moscow)».

Последние годы демонстрируют постоянный отток трудовых ресурсов из Центральной России. Частичным решением проблемы является привлечение в различные отрасли народного хозяйства России мигрантов из южных регионов страны и республик Средней Азии. Проблема демографической и миграционной ситуации в стране в последние годы в силу ее актуальности находится в фокусе внимания специалистов разных профилей, в т.ч. и ученых. Поскольку лишь научный подход может способствовать выработке правильных решений в сфере экономической и миграционной политики.

Региональные исследователи и в прежние годы активно занимались вопросами миграции и депопуляции областей Нечерноземья. В советский период В.А. Кочнев рассмотрел проблему нехватки кадров сельского хозяйства в колхозах Костромской области. В частности, он отмечал, что сокращение сельского населения в 1960-ые гг. превышало его естественный прирост в 2,7 раза (*Кочнев 1971*). Кроме того, в районах, где были проблемы с работой, отток происходил в больших размерах, что усугубляло обстановку с трудовыми ресурсами.

В постсоветский период исследователи в основном при изучении трудового потенциала Нечерноземья обращаются к проблемам депопуляции областей Верхнего Поволжья. Так И.П. Лобачева в своем исследовании затрагивает проблему сокращения численности населения Костромской области. Она отмечает, что сокращение рождаемости и отток сельского трудоспособного населения в городскую местность привели к ухудшению его возрастной структуры. В это связи происходит истощение естественного источника воспроизводства трудовых ресурсов и растет количество людей пенсионного возраста (*Лобачева 2007*). Выходят работы авторов, которые изучают опыт взаимодействия местного коренного населения с мигрантами. Так В.Н. Осипова отмечает, что в Костромской области планомерно создаются условия для организации конструктивного диалога между приезжими и местным населением, что способствует тенденции к улучшению взаимопонимания двух сторон (*Осипова 2010*).

О миграционных процессах в Верхнем Поволжье, сообщает ряд ивановских исследователей. Они отмечают негативные тенденции в жизни области, такие как сокращение численности сельского населения, нарушение его половозрастной структуры, ухудшения качественного состава трудовых ресурсов (*Ахметова, Ноговицына, Симонин 2015*). На современном этапе исследователь Н.А. Белова указывает на то, что в Костромской области при оттоке коренных жителей идет сокращение и численности внешних мигрантов (*Белова 2018*). В регионе проводится политика сокращения патентов для приезжих. Это по мнению автора оказывает негативное влияние на рынок труда области, так как внешняя миграция могла бы восполнять трудовой резерв.

В целом исследователи проделали большую работу, дали оценку миграционной, социальной и демографической ситуации в Костромской области, вместе с тем на сегодняшний день остается малоизученным вопрос взаимодействия мигрантов и коренных жителей в отдаленных районах Костромской области, в частности в небольших городах, таких как г. Солигалич и г. Чухлома. Цель данной работы выявить основные особенности взаимодействия коренного населения и мигрантов в костромской провинции в современных реалиях с учетом социально-экономических и демографических особенностей региона.

### **Подготовка к полевому исследованию**

Полевое исследование заключалось в проведении с помощью анкет опроса местного населения. Каждый респондент должен был ответить на 40 вопросов, посвященных миграционной теме, социально-экономическому состоянию районов и другим сопутствующим проблемам. Всего за июль и август 2021 г. было опрошено 394 жителя (172 мужчины и 222 женщины) двух исследуемых городов. Среди респондентов 46% имеют среднее-специальное образования, 31 % – высшее образование, 10% – среднее,

8% – неоконченное высшее. В опросе приняли участие работающие люди (74 %) из которых, большинство были заняты в сфере, где не нужен физический труд – 50%, респонденты занятые физической работой средней тяжести составили 30%.

Подавляющее большинство из опрошенных (99%) являются по национальности русскими, которые под термином мигрант подразумевают выходца из стран Средней Азии.

Проведенную работу можно разделить на три этапа: 1) первый этап, подготовительный, включал в себя составление анкет, их распечатку, продумывание плана действий на местности; 2) второй этап – это работа в г. Солигаличе, 3) третий этап – выезд и работа в г. Чухломе.

Ориентироваться на местности было не сложно, так как автор данной работы является уроженцем г. Солигалича и имеет определенное представление о жизненном укладе и менталитете местного населения, что немаловажно при контакте с людьми. Кроме того из-за малочисленности жителей населенных пунктов многие респонденты в той или иной степени знакомы с исследователем или его родственниками, что также играло определенную роль при общении с людьми и их расположении к собеседнику.

Полученные данные позволили провести определенный анализ миграционной и социально-экономической ситуации в изучаемых регионах.

### **Миграционные процессы в провинции**

В основном, как выяснилось в ходе опроса, общения местного населения с мигрантами не происходит, многие с ними не контактируют и не взаимодействуют. Большинство опрошенных (54%) сообщили, что очень редко контактируют с мигрантами. Ответили, что никогда не общались с приезжими мигрантами, 27%. Лишь 8% сообщили о том, что каждый месяц поддерживают связь с мигрантами, а 2% – каждую неделю.

По поводу взаимодействия с мигрантами 45% сообщили, что у них могут возникнуть трудности из-за языкового барьера. Таким образом, местное русское население не имеет достаточного опыта общения с приезжими. Мигранты, как правило, приезжая на работу в глубинку едут целенаправленно к определенному работодателю (часто в нашем случае к руководителю пилорамы), который их размещает и непосредственно с ними общается. Так приезжие ведут замкнутый образ жизни, в основном время проводят на работе и изредка выходят в город за продуктами. Поэтому особого контакта у населения и мигрантов не происходит.

В целом можно сказать, что респонденты в одном ключе говорят о том, что труд мигрантов нужен, указывают профессии, подходящие для приезжих. Так о необходимости труда мигрантов сообщили 77% и указали сферы деятельности, где они могут работать. Против труда мигрантов высказалось 22%. По мнению большинства опрошенных (40%), мигранты должны трудиться в жилищно-коммунальной сфере, убирать придомовую территорию, работать по найму (24% чел.), в сельском хозяйстве (22%) и др.

В исследуемых населенных пунктах, в частности в Солигаличе, мигранты трудятся на пилорамах. В Чухломе мигранты заняты в строительной сфере, работают на сооружении административного здания полиции с изолятором временного содержания.

Мигранты по приезду пытаются адаптироваться к новым условиям, большинство опрошенных (34%) выступили за то, чтобы вовлекать мигрантов в местную среду и культуру. Тем не менее, 15% высказались против интеграции мигрантов. Как мы видим, в основном превалирует доброжелательный фон, готовность к сотрудничеству, но только на условиях интеграции приезжих в местную культуру. Это также подтверждает статистика. Часть жителей городов (44%) сообщили, что не примут участия в различных акциях и митингах против мигрантов, лишь 12 % выразили желание отправиться на митинг против мигрантов, 45% затруднились с ответом. Конечно, в современных реалиях, когда действуют законы о запрете несанкционированных митингов и пикетов, многие респонденты с опасением отвечали на данный вопрос, пытались избегать ответа.

Люди высказывались и негативно о мигрантах, отмечали, что приезжие бывают «грубые и с гонором», часто «плохо говорят по-русски», «навязчивы», «неопрятно выглядят», «громко на своем языке разговаривают на улице», «жадные», «малообразованные», «дебширят», «не уважают местную культуру и традиции», «озлобленны», «агрессивны», «не соблюдают нормы поведения», «бывают связаны с криминалом» (ПМА 2021).

Так я стал очевидцем инцидента приезжих с местным населением. В 2010 в г. Солигаличе произошел конфликт на молодежной дискотеке местных жителей и мигрантов, выходцев из Узбекистана и Таджикистана. Группа приезжих молодых мужчин пришла на танцплощадку в национальных головных уборах – тюбетейках. За такой внешний вид они были избиты и выдворены за пределы дома культуры русскими молодыми людьми. После этого инцидента никаких судебных разбирательств не было. Такое поведение русских молодых людей можно объяснить тем, что в целом общество исследуемых районов крайне консервативных и традиционных взглядов. Многие стараются придерживаться определенного поведения на людях, и даже в стиле одежды особо не выделяться. В целом, в маленьких городах наблюдается к приезжим настороженное отношение, тем более к представителям других национальностей. В данном случае поведение молодых людей из Средней Азии было воспринято русской молодежью как вторжение на их территорию. Уровень толерантности и терпимости к представителям других культур остается на невысоком уровне.

На вопрос о взаимосвязи роста преступности в районах с приездом мигрантов местные жители в основном отвечали, что в этом плане не видят особых различий между мигрантами и местным населением (56%), 30% затруднились с ответом, 13% человека заявили, что мигранты чаще совершают преступления. В целом криминальных случаев с мигрантами в глубинке не наблюдается, многие приезжие ведут себя весьма скромно и обособленно. Так в г. Солигаличе мигранты живут отдельной группой на окраине города, вблизи лесопильных пунктов, непосредственно рядом с местом работы. Приезжие группами выходят в город за продуктами, делают, как правило, закупки на несколько дней или неделю и отправляются обратно в свое обособленное место проживания. Диаспоры живут в принципе своей замкнутой жизнью. Они проводят также своими коллективами и досуг. По свидетельствам респондента г. Солигалича мигранты ходят играть в футбол на местный стадион большой кампанией. На этом стадионе занимаются спортом и местные жители. Респондент был возмущен тем, что играющие в футбол мигранты громко разговаривали и кричали на своем языке, у очевидца создалось впечатление неуважения к местным жителям, в его понимании хозяевам города.

Если говорить о диалоге диаспор и мигрантов, то в ходе опроса не было видно этого взаимодействия, местные жители считают, что работу мигранты отнимают, но при этом винят своих земляков, что те не берутся за определенную работу, в том числе физически тяжелую и не престижную. Так, в Солигаличе на пилорамах целыми группами трудятся мигранты. Местное население неохотно идет на такую трудную, но высокооплачиваемую по местным меркам работу, когда зарплата на лесопильном пункте в среднем превышает 30 тыс. рублей в месяц. В сравнении, работники сферы образования в г. Солигаличе получают в среднем 15–18 тыс. руб. в месяц, сотрудники службы МЧС в г. Чухломе имеют зарплату 26–28 тыс. рублей в месяц. В Чухломе также мигранты трудятся на тяжелых строительных работах, выполняя госзаказы. В ходе разговора с одним из респондентов удалось узнать, что местные руководители солигаличских пилорам уже находятся в некоторой зависимости от рабочих мигрантов. Были случаи, когда мигранты не выходили на работу, и деятельность пилорам приостанавливалась, так как не было альтернативной рабочей силы. В связи с чем, лесозаготовители из-за простоя предприятия несли финансовые потери. Здесь мы наблюдаем что, мигранты играют не последнюю роль в экономике исследуемых районов, и следовало бы более внимательней изучить кадровый вопрос на местах, понять, почему коренные жители не хотят занимать эту нишу, при всех ее материальных благах.

Тем не менее, 77% сообщили, что труд мигрантов в целом нужен, лишь 22% опрошенных заявили, что можно обойтись без приезжих. На вопрос о том, помогает ли труд мигрантов экономике страны, большинство респондентов (33%) затруднились с ответом, 31% уверенно ответили, что не помогает, 31% считают, что он помогает. В целом у людей нет общего понимания, как заняты в экономике страны мигранты, и какую роль они играют. При этом респонденты отмечали, что в провинции не видят дефицита рабочих рук, что коренному населению не хватает работы.

Один из интересных вопросов касался готовности местного населения выстраивать семейные узы с приезжими, респонденты должны были представить, что их ребенок, внук, выходит замуж или женится на мигранте. Большинство (40%) восприняли этот вопрос отрицательно, 29% затруднились с ответом, 22% респондентов высказались нейтрально, лишь 5% отнеслись положительно, аргументировав свой ответ тем, что у детей своя жизнь. Вместе с тем другое отношение у коренного населения вызывает вопрос, касаемый учебы детей с мигрантами в одном классе. Так 57% относятся нейтрально к такому положению, 15% высказались против, 15% опрошенных затруднились с ответом, 13% были «за». По рассказам жительницы г. Чухломы в городе проживает диаспора представителей Северного Кавказа. В школе в одном классе спокойно учатся как русские, так и чеченцы, особых проблем и конфликтов не возникает. Кроме того, есть и среди педсостава местной школы учителя – выходцы с Северного Кавказа, преподающие русский язык.

Данные, полученные в ходе опроса, подтверждают слова о невысоком уровне толерантности местного населения по отношению к приезжим. Это свидетельствует о том, что власть не проводит четкой миграционной политики. У местного общества нет объективного понимания о том, кто такие мигранты. В представлении жителей глубинки мигрант это подсобный рабочий, у которого нет прав, а есть только обязанности. По нашему мнению, нужно в целом менять это для многих привычное, стереотипное мышление и развивать отношения представителей разных культур.

Солигаличане и чухломичи готовы к тому, чтобы мигранты вливались в нашу культуру и традиции. Борьбы и вражды с мигрантами не было замечено. За интеграцию высказались 55%, против взаимодействия заявили 30% опрошенных, затруднились с ответом 14%. Большинство считают, что нужно сообщать мигрантам о местных культурных нормах, за это высказалось 70%. Таким образом, коренное население дает мигрантам понять, что готово их принять, но на своих условиях, при соблюдении местных традиций и жизненного уклада. Необходимо работать с населением исследуемых городов, так как уровень непринятия у себя других культур крайне высок. Мигрантам будет трудно адаптироваться в условиях строго очерченных границ, где любой выход за условно «дозволенные рамки» будет пресекаться коренным населением.

Вопрос о помощи государства мигрантам вызвал у большинства опрошенных затруднение (39%), а 34% опрошенных сообщили, что государство не должно помогать приезжим и лишь 24% ответили, что помощь должна осуществляться. Большинство местных жителей говорят, что ждут помощи от государства, но не находят поддержки, в этой связи в первую очередь, по мнению многих, нужно помогать своим гражданам, решать их проблемы, а уже потом поддерживать и мигрантов. Несмотря на такую позицию, респонденты не против оказания приезжим юридической помощи («за» высказались 65%), 18% респондента затруднились с ответом, 15% были против, причем 24 % выступили за то, чтобы эту помощь мигранты оплачивали за свой счет, а не за счет налогоплательщиков. Если бы в исследуемых районах были созданы «центры для мигрантов», коренные жители не стали бы их посещать для решения своих юридических проблем, об этом заявил 33 %, 32% респондентов обратились бы туда за услугами, 32% опрошенных затруднились с ответом. В целом видно, что население не до конца понимает возможные механизмы функционирования миграционных центров в глубинке.

В Россию мигрируют представители различных национальностей, и в ходе опроса был задан вопрос о том, кого не хотят видеть у себя на родине местные жители. По отношению к приезжим жители Солигалича и Чухломы не хотят присутствия у себя выходцев из Китая – 40 %. Стоит отметить, что большая группа китайцев активно работает в соседнем городе Галиче, они заняты в текстильной промышленности. Неподалеку от г. Чухломы в поселке Судай также трудится группа китайских рабочих. Китайские инвесторы 7 лет назад выкупили предприятие по переработке древесины. Вся продукция уходит в КНР. На предприятии трудятся и русские рабочие, по сведениям респондентов условия труда на производстве хорошие, рабочие получают высокую заработанную плату, бесплатное трёхразовое питание за счет предприятия. Следующими в антирейтинге по запрету на въезд расположились такие государства как Таджикистан, Узбекистан, Киргизия. Местные жители не желают видеть представителей Средней Азии у себя на родине. Стоит отметить, что коренное население настроено также против приезда представителей Украины и Балтийских государств. За запрет приезда мигрантов из этих стран высказались почти 30% опрошенных. Это можно объяснить тем, что в целом в последние годы ухудшились политические отношения России с Украиной и странами Балтии.

Одним из важных для нашего исследования был вопрос самоопределения граждан России в повседневной жизни. Подавляющее большинство (75%) ответили, что считают себя гражданами страны, 19% человек относят себя к представителям определен-

ного региона, 7% человек считают себя представителями отдельной национальности. Из этого следует, что национализм не имеет места в изучаемых городах. Никакого негативного влияния со стороны других национальностей местные жители не испытывают об этом сообщили 87%. В целом вопрос этнических различий в исследуемых регионах не стоит, мы видим здесь главенство одной национальности – русских.

### **Социально-экономическое и демографическое положение в Нечерноземье**

От вопросов, касающихся тем миграции, состоялся переход к вопросам другого блока, связанного с социально-экономическим положением регионов и оценкой местными жителями уровня своей жизни.

Деликатный вопрос о материальном положении вызвал затруднение у респондентов. Тем не менее, данные опроса получились следующие: 48% считают свое материальное положение в целом нормальным, 30% оценили свое финансовое положение как затруднительное, 7% – как тяжелое, 6% затруднились с ответом, а 6% считают свое материальное положение хорошим. Были подняты данные о заработной плате жителей г. Солигалича. В 2019 г. в социальных сетях на портале сообщества Вконтакте «Мой Солигалич» был проведен анонимный опрос среди подписчиков, жителей города о получаемой зарплате. В опросе приняло участие 189 человек. Так 27% указали, что их зарплата составляет в среднем до 15 тыс. рублей в месяц, 25% опрошенных сообщили, что их заработок в месяц – около 11 тыс. рублей, 16% получают зарплату до 20 тыс. рублей, 14% до 30 тыс. рублей в месяц, 7% – до 40 тыс. рублей в месяц (Опрос о зарплате 2021).

Жители исследуемых регионов (31%) также ответили, что у них никогда не возникало опасения потерять работу, 30% сообщили, что у них редко возникают опасения потерять работу, лишь 7% опрошенных часто и постоянно опасаются остаться без работы. Рынок труда малых городов устроен таким образом, что многие высокооплачиваемые рабочие места передаются по знакомству, хорошей работы не так много. В этой связи непонятно то, что многие не боятся потерять работу там, где наличие рабочих мест не велико. Из-за нехватки рабочих мест местная молодежь, как правило, уезжает в поисках лучшей жизни в крупные города.

В ходе опроса респонденты высказывались о том, что глубинка за последние годы лишилась многих предприятий. Так в городе Солигаличе за последние десятилетия прекратили свою работу ряд организаций: не стало крупных совхозов «Солигаличский», «Бурдуковский», «Северный» и др., закрылись крупные предприятия «Агропромтехника», «Агропромснабжение», Солигаличский леспромхоз, Льнозавод, Промкомбинат, Семенная станция, Маслосырзавод и др. В последние годы закрылось местное автопредприятие, остались только частные перевозчики. В Чухломском районе наблюдается схожая картина, в постсоветский период не стало таких крупных совхозов и колхозов как «Россия», «Чухломский», «Красное знамя» «Заветы Ильича», Рыбколхоза и др. Вместе с ними перестали функционировать такие организации как «Сельхозтехника», «Сельхозхимия», Мелеоративные станции. Не стало Сельского лесхоза, Сырзавода, РСУ (районное строительство), «Сельэнерго», Автопредприятия, Промкомбината и др.

Напряженной ситуация остается с медицинской помощью. Районные поликлиники двух изучаемых городов на сегодняшний день нуждаются в узких специалистах.

Больницы не имеют родильных, хирургических отделений. За получением квалифицированной помощи людям приходится ехать в г. Галич или областной центр Кострому, преодолевая десятки и сотни километров. Кроме этого люди не могут воспользоваться в своих городах и ранее привычными услугами, в частности, услугой получения водительского удостоверения. Для сдачи водительского экзамена местные жители должны ехать в ближайший населенный пункт г. Галич (он находится в 100 км от г. Солигалича и в 50 км от г. Чухломы), это произошло в виду ликвидации местных регистрационно-экзаменационных подразделений ГИБДД.

Несмотря на все проблемы провинции и в глубинку люди едут из больших городов. Так часть опрошенных разных возрастов сообщили, что перебрались в Солигалич из Москвы, Архангельска, Вологды, Ярославля, Карелии, Твери, Ростова, Белоруссии, Казахстана. В Чухлому некоторые респонденты приехали из Санкт-Петербурга, Архангельска, Пскова, Иванова, Иркутска, Украины, Молдавии, Казахстана. По сведениям респондента из г. Чухломы, нередки случаи, когда земляки прожив большую часть жизни в крупных городах, при достижении пенсионного возраста возвращаются на малую родину в родительские дома. Они без особых проблем приспосабливаются к условиям сельской жизни, занимаются в основном огородничеством. Как правило, покинув крупный город, переселенцы оставляют свою недвижимость детям, а сами продолжают жить в глубинке на заработанную пенсию. Респонденты отмечают, что многие возвращаются по причине того, что в сельской местности более спокойный ритм жизни. Есть и приезжие из мегаполисов, которые покупают земельные участки и строят дома в живописных местах для сезонного отдыха.

На вопрос о планируемом переезде из Костромской области подавляющее большинство категорически ответили отрицательно – 75%, 12% затруднились с ответом, 10% думают об отъезде. Солигаличане задумываются о переезде в Ярославль, Московскую область, Санкт-Петербург, Иваново, Краснодарский край, за пределы России (в Норвегию). Чухломичи имеют желание уехать в Москву, Санкт-Петербург, Карелию, Тверь, Архангельск, Ярославль, на Кубань. В целом мы видим, что объекты внимания местного населения – это крупные города, в первую очередь столичные центры, также юг России, где более мягкий климат, привлекательны и зарубежные страны. Мотивы, которые побуждают людей к отъезду, у каждого разные, исходя из опроса большинство респондентов переехали бы для получения высокой зарплаты, возможности карьерного роста и улучшения качества жизни, об этом сообщили 57%, 32% респондентов указали о нежелании переезжать, 30 анкетированных готовы отправиться за пределы малой родины для создания семьи.

В связи с проблемой оттока молодежи один из вопросов касался роли ЕГЭ в этом процессе. Молодому человеку хороший результат школьного экзамена дает возможность поступить в университет крупного города. 38% респондентов считают, что ЕГЭ способствовал оттоку молодежи в крупные города, 36% затруднились с ответом, 24% посчитали, что ЕГЭ не влияет на отток молодежи.

Конечно, процесс сокращения численности населения Солигалича и Чухломы продолжается. Демографическая ситуация на сегодняшний день остается сложной. Динамика сокращения численности населения жителей г. Солигалича и Солигаличского района за последние годы следующая: 2000 г. – 12 971 чел., 2008 г. – 11264 чел., 2019 г. – 8749 чел. (Материалы 2021). На сегодняшний день население г. Солигалича составляет 5912 чел. (Численность 2021). Как мы видим, тенденция крайне

тревожная. Местная пресса и в частности государственное издание «Солигаличские вести» периодически публикуют сводки о демографической ситуации в районе. Например, в одном из номеров (Третьякова 2021) от 22 января 2021 г. с опорой на данные отдела ЗАГС по Солигаличскому муниципальному району были подведены некоторые итоги демографической ситуации в районе по завершению второго десятилетия XXI века. Отмечалось, что всплеск рождаемости произошел в 2007 и 2008 гг. после введения материнского капитала. Так в 2006 г. на свет здесь родились 93 малыша, а в два последующих года на свет появилось 124 и 151 новорожденных соответственно. Подобных пиковых значений больше не было зафиксировано, и показатели рождаемости постепенно пошли на спад. В 2016 г. на свет, к примеру, появилось 74 малыша, в 2020 г. – уже 55 малышей. Автор статьи Третьякова О. также сообщала о том, что в Солигаличском районе преобладает тенденция рождения вторых, третьих и последующих детей в семье. Максимум – 28 малышей, родившихся третьими, был достигнут в 2015 г. Четвертые дети рождались в семьях все эти годы, а наибольшим количеством – по 6 – были рождены в 2009, 2013, 2017, 2019 годах.

В одном из последних номеров газеты (Больше века 2021) были опубликованы новые демографические данные, по состоянию на 15 декабря 2021 г. За уходящий год было зарегистрировано 43 рождения, 169 смертей. Таким образом, демографическая ситуация в районе остается напряженной, когда смертность превышает рождаемость в 4 раза. Схожая отрицательная демографическая ситуация наблюдается и в Чухломском районе: 2011 г. – 11322 чел., 2019 г. – 9680 чел. (Демография 2021). На сегодняшний день население г. Чухлома составляет 5102 человек. В целом по Костромской области наблюдается общая динамика превышения смертности над рождаемостью 2,5 раза (Смертность 2021).

Трудно судить о фактическом числе проживающих в исследуемых районах, так как при подсчете учитываются граждане, зарегистрированные по месту жительства. При этом не учтен тот фактор, что многие жители покидают малую родину, оставаясь зарегистрированным по месту рождения. Не редки случаи, когда молодые люди остаются прописанными в домах родителей, при этом фактически не проживая по месту регистрации. При опросе встречались такие респонденты, зачастую это молодые люди, которые уже давно перебрались в другие города, но имеют постоянную регистрацию по месту рождения, это связано с отсутствием своего жилья на новом месте. Так респонденты говорят о том, что нередко родители продолжают уплачивать коммунальные налоги за своих детей, которые числятся по месту регистрации, но по факту проживают в других городах. Есть случаи, когда взрослые дети прописываются в родительских домах уже своих детей, которые также просто числятся, а не живут. Таким образом, данные статистики населения нельзя назвать объективными.

Сами же опрошиваемые сообщили, что их бы удержали от переезда в первую очередь такие факторы, как семья и близкие люди, а также любовь к малой родине и уже затем высокая зарплата, достойная работа, качественная медицина, образование, бытовой комфорт, развитая инфраструктура.

Жители Солигалича и Чухломы в основном обеспокоены схожими социально-экономическими проблемами. На вопрос о том, по каким мотивам уехали их знакомые или родственники из глубинки, большинство респондентов ответили, что в крупных городах большие возможности карьерного роста, лучше условия для жизни и воспитания детей, интереснее культурная жизнь, более высокий уровень

зарплаты, многие уехали учиться и остались на ПМЖ. Некоторые отмечали, что ближнее окружение вынуждено было уехать по работе, по состоянию здоровья, по переводу по военной службе.

Для более целостного понимания проблемы оттока населения, и в целом его сокращения в анкете блок вопросов был посвящен темам развития районов. Жителей Солигалича беспокоят в основном проблемы, связанные с низкой заработной платой, отсутствием работы, развитых предприятий, квалифицированной медицинской помощи, отсутствием действий местных властей в решении социальных проблем, отсутствием условий для развития и жизни молодежи, слабой поддержкой малого бизнеса, отсутствием природного газа, низким уровнем ЖКХ, плохим состоянием дорог.

Чухломичи при опросе сообщают о схожих проблемах, указывают на недостатки в сфере ЖКХ, говорят о необходимости создания дополнительных рабочих мест, по мнению опрошенных нужны новые люди в системе местного управления, так как многие проблемы действующие власти не решают.

Размышляя о работе местной власти, стоит отметить, что с 1992-1996 гг. главой администрации Солигаличского района был уроженец Узбекистана Маматкулов Рустамжан Абдугаппарович. Он родился и вырос в Ферганской области и будучи молодым человеком отправился на учебу в Кострому, где поступил в Костромской сельскохозяйственный институт. После окончания высшего учебного заведения он по распределению попал в Солигаличский район, где сразу в 1982 г. занял должность председателя колхоза «Восход». В 1990 г. был избран председателем исполкома Солигаличского райсовета, а в 1991 – председателем районного совета депутатов. В 1992 г. после реорганизации исполнительных органов власти его назначили главой администрации Солигаличского района. Под его руководством велось строительство дорог с твердым покрытием, были пущены в эксплуатацию здания аптеки, инфекционного отделения ЦРБ, детского сада в селе Гнездниково, велась реставрация памятников истории и культуры, было начато строительство лечебного корпуса ЦРБ, и ряда других объектов (Призвание 2018). В результате выборов главы местного самоуправления 1996 г. Р.А. Маматкулов по числу отданных ему голосов избирателей уступил оппоненту и оставил пост главы местного самоуправления. Вскоре, после этого он покинул район и последующие годы посвятил работе на предприятиях Костромской области.

В 2015 году Р.А. Маматкулов вновь принял участие в выборах в органы местного самоуправления и был избран на должность главы Корцовского поселения Солигаличского района. Эти полномочия он исполнял с 2015 по 2018 годы. Полномочия главы сельского поселения Р.А. Маматкулова по его личному заявлению были прекращены досрочно в связи с отставкой по собственному желанию. Он умер в июне 2019 года, когда ему исполнилось 68 лет. Был захоронен в Узбекистане, где и проживал последние годы жизни.

За высокие результаты на посту главы в 1995 году ему было присуждено звание почетного гражданина района. Он также был награжден медалью «За преобразование Нечерноземья». По опросам среди солигаличан он оставил добрую память и положительные воспоминания, некоторые респонденты отмечали, что это был один из лучших руководителей района за последние десятилетия.

В разговоре о проблемах был задан вопрос о путях их решений. Здесь респонденты в один голос заявляли о том, что необходимо начать работу по воссозданию сельского хозяйства, развивать животноводство, строить птицефабрики, дать возможность раз-

вития фермерам, наладить глубокую переработку древесины в замен вывоза круглого леса, строить градообразующие предприятия, поднимать промышленность в районах, провести газификацию населенных пунктов, привлекать молодых специалистов в сферу образования, медицины, развивать туризм путем строительства гостиниц, возведения качественных дорог, налаживания автобусного сообщения.

В ходе общения с людьми велся дневник, в котором фиксировалась реакция респондентов на те или иные вопросы. В целом, несмотря на то, что автор статьи является земляком местного населения, многие респонденты относились к интервьюеру с настороженностью, готовы были отвечать только при полной анонимности. Часто приходилось подолгу объяснять суть проводимого опроса. У многих не было желания отвечать на вопросы, также люди отмечали, что, по их мнению, вопросов в анкете очень много и их это пугало или утомляло. Некоторые ссылались на нехватку времени и уходили. Были и те, кто не хотели самостоятельно читать анкету, приходилось вслух прочитывать вопросы и фиксировать ответы. В особенности люди не хотели отвечать на вопросы, касающиеся оценки работы местных властей. Не все отнеслись с ответственностью при заполнении всех граф анкеты, допускали пропуски или отвечали только на удобные, по их мнению, вопросы. В целом сбор данных потребовал больших усилий.

Подводя итоги можно отметить, что проведенное полевое исследование дает нам некий срез общественного мнения в российской провинции по поводу проблем миграции и в целом об уровне и качестве жизни малых городов Костромской области. Миграционные потоки иностранцев в малые города Центральной России на сегодняшний день нельзя назвать масштабными. Как и прежде, мигрантов больше привлекают крупные города, где более развита инфраструктура и экономика. Провинция в этом плане представляется менее интересной для иностранцев, хотя на фоне стремительного сокращения коренного населения стоит признать, что мигранты приспособляются к жизни в глубинке и занимают там свою определенную нишу. Они постепенно невольны становятся участниками общественной жизни изучаемых городов. Мигранты частично восполняют отток коренного населения, перевоза на место работы свои семьи, и в этой связи складывается впечатление замещения мигрантами местных трудовых ресурсов.

В ходе работы мы попытались осмыслить основные истоки демографического кризиса в Центральной России, определили причины трудовой миграции и использования труда представителей преимущественно южных регионов, в том числе относящихся к ближнему зарубежью, в различных отраслях народного хозяйства исследуемых районов. Коренное население весьма неоднозначно относится к трудовым мигрантам, в целом у общественности нет четкой позиции по поводу нужности использования труда приезжих. Многие граждане стараются не вникать в эти вопросы, дистанцируются, в первую очередь пытаются решить собственные проблемы. Тем не менее, на сегодняшний день группы мигрантов приезжают в глубинку и работают там, где востребован тяжелый физический труд, куда неохотно идет работать местное население. Нельзя однозначно сказать, что общественность враждебно настроена по отношению к приезжим, как и утвердительно, отметить, что к мигрантам люди расположены положительно. В целом в условиях тяжелой социально-экономической ситуации связанной с демографическим спадом и оттоком молодежи, беспомощностью решений местных властей в провинции на сегодняшний день нет четкой

миграционной политики. Мы наблюдаем следующую картину, когда мигранты образуют изолированные анклав, не взаимодействуют с местным населением, органами власти, за исключением походов в магазины, проезда в общественном транспорте (рейсовые автобусы до областного центра г. Кострома). В основном трудовые отношения строятся между работодателем и наемными рабочими–мигрантами. Нет инициативы и заинтересованности во взаимодействии, как со стороны простых людей, так и органов местного самоуправления. Русское население стремится не замечать присутствия приезжих. Возможно, это происходит из-за того, что на сегодняшний день для солигаличан и чухломичей проблема миграции не стоит в первом ряду насущных проблем. Местных жителей обоих населенных пунктов в целом заботит социально-экономическая ситуация в регионе. На первое место выходят вопросы, связанные с уровнем жизни, заработной платой, рабочими местами, медициной, образованием, ЖКХ и др. Все это усугубляется оттоком молодежи в крупные города, старением населения, естественной его убылью.

### Источники и материалы

- ПМА 2021 – Полевые материалы автора, Костромская область, г. Солигалич, г. Чухлома. Больше века служит людям // Солигаличские вести от 17.12.2021. // <http://soligalich.smi44.ru/2021/12/18/bolshe-veka-sluzhit-lyudyam/> Дата обращения: 20.12.2021 г.
- Демография – Демография г. Чухломы и Чухломского района. Численность населения городских округов и муниципальных районов Костромской области на 1 января 2019 г. Режим доступа: [http://kostroma.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_ts/kostroma/ru/statistics/population/](http://kostroma.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kostroma/ru/statistics/population/) Дата обращения 26.12.2021.
- Инвестиционный паспорт Чухломского муниципального района Костромской области. Чухлома, 2015. С. 8.
- Материалы по обоснованию проекта Схемы территориального планирования Солигаличского муниципального района Костромской области Том II. Москва, 2008, С. 166.
- Опрос – Опрос о зарплате в г. Солигаличе. Режим доступа: [https://vk.com/wall-25037817\\_24925](https://vk.com/wall-25037817_24925) Дата обращения: 1.12.2021.
- Призвание – созидать / Солигаличские вести. 24.08. 2018.
- Смертность – Смертность в Костроме и Ярославле по итогам года опередила рождаемость/ ИА Regnum/ <https://regnum.ru/news/society/3473181.html> Дата обращения: 12.01.2022.
- Третьякова 2021 – Третьякова О. На рубеже десятилетий / О. Третьякова / Солигаличские вести. 22.01.2021.
- Численность населения городских округов и муниципальных районов Костромской области на 1 января 2019 г. Режим доступа: [http://kostroma.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_ts/kostroma/ru/statistics/population/](http://kostroma.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kostroma/ru/statistics/population/) Дата обращения 26.12.2021.
- Численность населения – Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года Режим доступа: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bul\\_Chislen\\_nasel\\_MO-01-01-2021.rar](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bul_Chislen_nasel_MO-01-01-2021.rar) Дата обращения: 27.12.2021.
- Чухломский муниципальный район. Краткая информация о муниципальном районе. Режим доступа: <http://chuhloma.net/index/0-2> Дата обращения 11.12.2021).

### Научная литература

- Ахметова Ф. Н, Ноговицына А. В., Симонин П. В. Анализ и прогнозирование количественных показателей формирования трудовых ресурсов в Ивановской области // Вестник евразийской науки. 2015. №3 (28). <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-prognozirovanie-kolichestvennyh-pokazateley-formirovaniya-trudovyh-resursov-v-ivanovskoy-oblasti> Дата

обращения: 12.01.2022.

- Белова Н.А. О современных проблемах межнациональных отношений в Костромской области // Вестник КГУ. 2018. №4. С. 60-65. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovremennyh-problemah-mezhnatsionalnyh-otnosheniy-v-kostromskoy-oblasti> Дата обращения: 11.01.2022.
- Кочнев В.А. Пути улучшения использования трудовых ресурсов в колхозах (на примере колхозов Костромской области). Автореферат. дисс. к.э.н. М.,1971. 22 с.
- Лобачева И.П. Использование трудовых ресурсов в сельскохозяйственном производстве Костромской области: дисс ... к. э. н. Кострома, 2007. 232 с.
- Осипова В.Н. Особенности организации конструктивного диалога между мигрантами и принимающей стороной в Костромском регионе // Вестник КГУ. 2011. №3. С. 327-328. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-konstruktivnogo-dialoga-mezhdu-migrantami-i-prinimayuschey-storonoy-v-kostromskom-regione> Дата обращения: 02.01.2022.

## References

- Akhmetova, F.N., Nogovitsyna, A. V., Simonin. P.V. 2015. Analiz i prognozirovanie kolichestvennykh pokazatelei formirovaniia trudovykh resursov v Ivanovskoi oblasti [Analysis and forecasting of quantitative indicators of the formation of labor resources in the Ivanovo region]. *Vestnik evraziiskoi nauki* 3 (28). <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-prognozirovanie-kolichestvennyh-pokazateley-formirovaniya-trudovykh-resursov-v-ivanovskoy-oblasti> (date accessed: 01/12/2022).
- Belova, N.A. 2018. O sovremennykh problemakh mezhnatsional'nykh otnoshenii v Kostromskoi oblasti [On the modern problems of interethnic relations in the Kostroma region]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* 4: 60–65. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovremennyh-problemah-mezhnatsionalnyh-otnosheniy-v-kostromskoy-oblasti> (date of accessed: 01.11.2022).
- Kochnev, V.A. 1971. *Puti uluchsheniia ispol'zovaniia trudovykh resursov v kolkhozakh (na primere kolkhozov Kostromskoi oblasti). Avtoreferat dissertatsii kandidata ekonomicheskikh nauk* [Ways to improve the use of labor resources in collective farms (on the example of collective farms in the Kostroma region). Abstract. diss. Ph.D]. Moscow.
- Lobacheva, I.P. 2007. *Ispol'zovanie trudovykh resursov v sel'skokhoziaistvennom proizvodstve Kostromskoi oblasti: dissertatsiia kandidata ekonomicheskikh nauk* [The use of labor resources in the agricultural production of the Kostroma region: diss ... Ph.D]. Kostroma.
- Osipova, V.N. 2011. Osobennosti organizatsii konstruktivnogo dialoga mezhdum migrantami i primimaiushchei storonoi v Kostromskom regione [Features of organizing a constructive dialogue between migrants and the host in the Kostroma region]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* 3: 327–328. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-konstruktivnogo-dialoga-mezhdu-migrantami-i-prinimayuschey-storonoy-v-kostromskom-regione> (date of accessed: 01.02.2022).

## ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/278-292

© М.М. Герасимова

### К ИСТОРИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

*Статья написана на основе предложенного, но не состоявшегося по ряду причин доклада на заседании 9-ой секции «Историографические традиции российской этнологии ...» XIV КАЭР в июле 2021 г. В отличие от опубликованных тезисов, в статье рассматриваются и сравниваются взгляды на историю антропологического изучения народов России не трех, а четырех крупных отечественных антропологов, современницей которых мне посчастливилось быть: своего первого Учителя – Георгия Францевича Дебеца (1905–1969), своего второго Учителя – Виктора Валериановича Бунака (1891–1979) и двух коллег – Валерия Павловича Алексеева (1929–1991) и Александра Александровича Зубова (1934–2013). Источниками послужили стенограммы двух лекций из прочитанных Г.Ф. Дебецем в 1954 г. на 5-ом курсе кафедры антропологии МГУ (см. Герасимова 2020), статья В.В. Бунака (Бунак 1972) в сборнике «Антропология 70-х» и две статьи – В.П. Алексеева (Алексеев 1987) и А.А. Зубова (Зубов 2002).*

**Ключевые слова:** антропология, расоведение и этническая антропология, Г.Ф. Дебец, В. В. Бунак, В.П. Алексеев, А.А. Зубов

**Ссылка при цитировании:** Герасимова М.М. К истории антропологического изучения народов России // Вестник антропологии, 2022. № 1. С.278–292.

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/278-292

© М.М. Gerasimova

### TO THE HISTORY OF THE ANTHROPOLOGICAL STUDY OF THE PEOPLES OF RUSSIA

*The present article is based on the report, which was planned to be presented at the session «The Historiographic Traditions of Russian Ethnology ...» of the XIV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia in July 2021. Unlike the published abstract, the article examines and compares the views on the history of anthropological studies on the peoples of Russia of four instead of three major Soviet-Russian anthropologists, whose contemporary I was lucky to be. These are my first Teacher – Georgy Frantsevich Debets (1905-1969), my second Teacher – Viktor Valerianovich Bunak (1891-1979), and two colleagues – Valery Pavlovich Alekseev (1929 -1991) and Alexander Alexandrovich Zubov (1934-2013). The*

---

**Герасимова Маргарита Михайловна** – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а) Эл. почта: gerasimova.margarita@gmail.com.

*present article is based on the following sources: the transcripts of two lectures read by G.F. Debets in 1954 at the department of anthropology of the Moscow State University for the 5th year students (see Gerasimova 2020), the article by V.V. Bunak (Bunak, 1972) in the «Anthropology of the 70-s» collection and articles by V.P. Alekseev (Alekseev 1987) and A.A. Zubov (Zubov 2002).*

**Keywords:** *Anthropology, Anthropological types, G.F. Debets, V.V. Bunak, V.P. Alekseev, A.A. Zubov*

**For Citation:** Gerasimova M.M. 2022. To the History of the Anthropological Study of the Peoples of Russia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 278–292.

**Author Info:** **Gerasimova Margarita M.** – PhD in hist., Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: gerasimova.margarita@gmail.com.

## Введение

Причиной, вызвавшей мое желание выступить с антропологическим докладом на секции, посвященной истории российской этнологии, было стремление хоть в малой степени заполнить ту брешь, которая на протяжении последнего десятилетия ушедшего века и двух нынешнего все ширится и ширится между классической антропологией (биологической или физической) и различными многочисленными антропологиями, типа «антропология искусства», «визуальная антропология» и т.д., которые представляют блок этнологических дисциплин, предметные области которых не очень ясны (см. об этом подробнее Дубова 2012: 294–298). Когда-то контакты антропологов и этнографов различных секторов Института этнографии АН СССР были очень тесными, осуществлялись совместные антрополого-этнографические экспедиции для изучения отдельных народов нашей страны, маршруты антропологических экспедиций или выездов выбирались при консультации этнографов. В настоящее время Отделы и Центры нашего института мало контактируют с физическими антропологами, в замечательной многотомной серии «Народы и культуры», выпускаемой ИЭА РАН, антропологам выделяется неизмеримо малое число страниц. Весьма возможно, что это отчуждение происходит в связи с существенными изменениями тематики нынешнего ИЭА в связи с расширением и дифференциацией предмета антропологических исследований гуманитарного плана.

Мне захотелось напомнить, что изучение антропологического разнообразия населения России было первостепенной задачей, поставленной перед антропологами в 1943 г, в разгар Великой Отечественной войны, когда в Институте этнографии АН СССР по инициативе С.П. Толстого был организован сектор антропологии. Второй не менее важной задачей сотрудников сектора антропологии была весьма актуальная в то время борьба с расистской идеологией (следует вспомнить, несмотря на ужасы нацизма Третьего Рейха, запрет на браки между представителями разных рас, как часть сегрегации, существовал в США вплоть до 1967 г).

Изучение происхождения и этнической истории отдельных народов нашей страны имеет не только научный интерес. Как мы помним, с 90-ых годов прошлого века и по настоящее время в связи со значительными изменениями этно-социальной ситуации в нашей стране наблюдаются попытки использования этнического самосознания

в интересах различного рода групповых или индивидуальных спекуляций. И, хотя в настоящий момент «антропологический покров» нашей страны (по образному выражению В.П. Алексеева) изучен достаточно хорошо, масса конкретных вопросов по локальным этногенезам, как древних, так и современных народов требует своего решения. Об этой настоятельной необходимости писали пятнадцать лет тому назад известные крупные кавказоведы-археологи М.С. Гаджиев, В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов. Авторы этой монографии отмечали существенную роль, которую в наше время стали играть археология и древняя история в политическом экстремизме и национализме. Значительный рост национального самосознания, нашедший выражение в интересе к прошлому своего народа, этнической культуре и происхождению, вызывает подчас уродливые этногенетические концепции, порождающие национализм и сепаратизм (Гаджиев и др. 2006). В еще большей степени это относится к генетике, когда результаты изучения и классических и ДНК маркеров интерпретируются субъективно, подчас безграмотно и в угоду националистическим реконструкциям (см. об этом подробнее в сборниках «Проблема расы в российской физической антропологии», 2002 и «Критика расизма в современной России...» 2008). В связи с этим особенно важно корректное использование методологических установок антропологической науки о соотношении биологического и социального в истории человеческих популяций. И здесь следует отметить ведущую роль физической антропологии в корректном освещении этнической истории и происхождения народа. Между тем ситуация с этногенетическими исследованиями последних двадцати лет меняется не в лучшую сторону. Исследования по этнической антропологии современного населения практически прекращены. История расоведения и этнической антропологии, как части его, в мировом и отечественном антропологических сообществах требует особого отдельного рассмотрения, выходящего за рамки настоящей статьи. Я коснусь ее лишь в связи с вопросами и положениями, затронутыми в анализируемых публикациях.

### Материалы

Итак, мной были рассмотрены следующие источники:

1. Стенограммы двух лекций «Антропология народов СССР», из прочитанных Г.Ф. Дебецем в 1954 г. на 5-ом курсе кафедры антропологи МГУ (см. Герасимова 2020).
2. Статья В.В. Бунака «О перспективах развития антропологии как особой науки» (Бунак 1972).
3. Статья В.П. Алексеева «Антропология СССР: некоторые итоги и перспективы исследований» (Алексеев 1987).
4. Статья А.А. Зубова «Физическая антропология на рубеже XX–XXI вв.» (Зубов 2002).

Выбранные мной материалы с разной степенью подробностей в целом описывают приблизительно вековой период развития нашей науки, которая еще сравнительно недавно традиционно в России носила название антропология, без всяких дополнительных определений типа «физическая» или «биологическая», и входила в круг биологических наук (Бунак 1972:10; Зубов 2002:25). В рассмотренных работах дается в той или иной мере периодизация истории этнической антропологии в России, состояние науки на период публикации и перспективы развития физической антропологии в нашей

стране и за рубежом. Анализируемые материалы разделены один от другого приблизительно полутора десятков лет: 1954, 1972, 1987, 2002 гг. Каждый из них отражает в известной мере время, приоритеты научной деятельности автора, его личностные черты. В своем сравнительном обзоре из всех направлений отечественной антропологии я попытаюсь проанализировать взгляды авторов на этническую антропологию, которая наиболее соответствовала направленности научной деятельности Института этнографии, сотрудниками которого и были все авторы анализируемых работ.

Подробное описание лекций Г.Ф. Дебеца дано в моей статье (Герасимова 2020). Первая лекция была прочитана 6 сентября 1954 г., ее стенограмма содержит 40 страниц. Последняя, 20-ая лекция была прочитана в конце декабря того же года. Стенограммы лекций насчитывают в основном 30-40 страниц. Две первые лекции были посвящены истории изучения народов нашей страны, в них была предложена периодизация этой истории, начиная с работ А.П. Богданова, которого Г.Ф. Дебец считал основателем научного подхода к антропологическому материалу, как историческому источнику, до начала 1950-х гг. Лекции с 3-ей по 5-ю касались методики изучения современного и ископаемого населения, то есть расовой соматологии и краниологии. В 6-ой лекции излагались принципы и различные существующие классификации современных человеческих рас. Пять лекций (с 7-ой по 11-ю) были отведены обзору палеоантропологии населения страны, начиная с эпохи палеолита и до средневековья включительно, то есть до времени появления и развития исторических народов. Последующие девять лекций освещали антропологию народов, обитающих в отдельных географических областях, – на Крайнем Севере, в Приамурье и Приморье, Западной Сибири, Алтае-Саянах, Казахстане и Средней Азии, на Русской равнине (включая Поволжье, Прикамье), в Прибалтике, Восточной Европе в целом (славянские племена). Г.Ф. Дебец подчеркивал, что читаемый им курс – это не история русской антропологии, а история изучения народов России (СССР), поэтому он не будет касаться, например, работ Н.Н. Миклухо-Маклая, революционных демократов и других общественных деятелей, в гораздо большей степени сыгравших свою роль в развитии русской науки вообще, чем в конкретных антропологических исследованиях народов нашей страны.

Статья В.В. Бунака «О перспективах развития антропологии как особой науки» (Бунак 1972) опубликована в сборнике «Антропология 70-ых», который содержит материалы симпозиума, состоявшегося в апреле 1972 г. в Москве, в Институте и Музее антропологии МГУ. В указанном сборнике собраны статьи ведущих антропологов того времени, а открывает его статья В.В. Бунака. В статье несколько подзаголовков: «Учреждения, в которых проводятся антропологические исследования; Разделы современной антропологии; Генетическое направление в антропологии; Связь между разделами как основа самостоятельности антропологической науки; Общественные цели». И сам сборник, и статья В.В. Бунака были вызваны серьезными переменами в методологии мировой антропологии.

В.В. Бунак, прежде всего, обращает внимание на перемены в институциональном устройстве мировой науки и их последствиях, наступивших после окончания Второй мировой войны не только в нашей стране, но, главным образом, за рубежом. Среди серии кабинетов и лабораторий, возникших во всех развитых странах при многих учреждениях медицинских и исторических ведомств, решающих главным образом, прикладные задачи, в СССР в то время действуют кафедра и НИИ антропо-

логии МГУ, кафедра этнографии и антропологии ЛГУ, Музей антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде и Отдел антропологии в НИИ этнографии АН СССР в Москве. Именно перед ними стояла задача обобщения разнородных данных и исследования важнейших очередных теоретических антропологических вопросов. Однако в понимании важнейших и очередных антропологических задач возникли разногласия не только по ним, но по вопросам содержания, методах и задачах биологии человека. Противостояние это началось гораздо раньше 70-ых: дискуссии конца 50-ых и начала 60-ых годов прошлого века в зарубежной англоязычной, главным образом, литературе по вопросу о содержании, методах и задачах биологии человека, как особой науке и предмете преподавания, поколебала представление о связях между разделами антропологии (антропогенез, морфология, расоведение), и породила сомнение в понятие об антропологии, как особой науки. Существенно, что именно тогда было высказано распространившееся мнение о расоведении, как о специальности, утратившей научное значение и о неприемлемости самого термина «раса», превращенного фашистами в антинаучный лозунг. Взамен термина – пишет В.В. Бунак – не было предложено никакого другого и тем самым раздел о дифференциации физических разновидностей оказался исключенным из учения об эволюции человека (Бунак 1972:6). Именно этому прискорбному факту в основном и посвящена данная работа В.В. Бунака, анализирующая его причины и пути преодоления.

Статья В.П. Алексеева «Антропология СССР: некоторые итоги и перспективы исследования» (Алексеев 1987) была опубликована в журнале «Советская этнография» к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, что определило в известной мере ее характер. В.П. Алексеев основное внимание в статье уделяет из всех направлений антропологии именно исследованию антропологических особенностей различных народов нашей страны, которые тесно увязывались с изучением происхождения народов – «проблемой, имеющей не только академический интерес, но всегда волновавший людей любых стран и эпох» (Алексеев 1987:17). Этот интерес безусловно был подогрет уникальностью территории России (бывший СССР), отличающейся многогранностью расового состава и многочисленностью этнических групп, многообразием ландшафтно-экологических ниш, контрастностью хозяйственно-культурных укладов жизни. Содержащая исчерпывающий на тот момент библиографический справочный материал, статья представляет собой источник сведений о значительном размахе антропологических исследований народов Советского Союза. Уделено внимание в ней не только монографическим работам, но и многочисленным статьям, посвященным отдельным территориям и охвату локальных антропологических вариантов территориальных групп. К сожалению, статья не содержит анализа тех теоретических разработок, которые ставились и решались нашей наукой в довоенное и послевоенное время. Однако, в ней ставится и разрабатывается грандиозный проект создания исчерпывающей мировой сводки данных по современным и древним народам мира под единым углом зрения, где, как первый и необходимый шаг к обобщению должна стать «Антропология народов СССР», к созданию которой есть все основания. Причем во всех томах теоретические принципы отечественной (советской) школы должны быть аргументированы всей совокупностью конкретных данных. К огромному сожалению, этому грандиозному проекту не дано было совершиться из-за безвременной кончины его автора, последующей через четыре года, и сложнейшей экономической и политической ситуации «лихих 90-ых».

Статья А.А. Зубова рассматривает историю отечественной антропологии на фоне вековой мировой антропологии, где им выделяются очень крупные периоды в истории науки: середина и конец XIX века, начало и первая половина XX века, вторая половина XX века. Особенное внимание уделено судьбе одного из трех важнейших направлений антропологии-теории антропогенеза – «... идея генетической связи между человеком и обезьяной с трудом пробивала себе дорогу» (Зубов, 2002:27). Судьбе другого из трех важнейших направлений антропологии, а именно расоведению и этнической антропологии, в мировой науке в статье уделено очень мало места. Естественно, что и истории изучения антропологических особенностей народов нашей страны посвящено буквально несколько строк: не были обойдены вниманием работы К. Бэра и А.П. Богданова, занимавшихся, в том числе, на краниологическом материале проблемой происхождения русского народа. Отмечается деятельность Д.Н. Анучина, как классика антропологии, в работах которого А.А. Зубов видел те «сущностные особенности антропологии, которые позволили позже охарактеризовать ее как науку о биологическом разнообразии человечества в эволюционном аспекте» (Зубов 2002:28). Причем А.А. Зубов подчеркивает, выделяя даже шрифтом, «активную позицию российской антропологической школы, направленную против любых проявлений расизма» (Зубов 2002:28). Уделяя в статье значительное внимание проблемам эволюционной антропологии, он кратко отмечает, что первая половина XX века наряду с краниологическими исследованиями в области этнической антропологии характеризуется первыми попытками исследований в области дерматоглифики, одонтологии, что соматологические исследования живого населения набирают силы в тесной связи с проблемами здравоохранения. Для второй половины XX века самое главное, начиная с шестидесятых годов прошлого столетия, полагает автор, широкое и последовательное внедрение в практику исследования живого населения методов популяционной генетики. Исследования генетико-биохимического полиморфизма человеческих популяций, а затем и маркеров ДНК стали с точки зрения «новой антропологии» новым эффективным средством изучения и интерпретации биологического разнообразия человечества. Наряду с этими методами в практику отечественных исследований широко вошли одонтология и дерматоглифика, новый раздел одонтологии-одонтоглифика, созданный трудами отечественных ученых. Отмечая характерное для конца XX века явление резкого повышения генетических исследований, А.А. Зубов констатирует значительное сокращение измерений и описаний лица живых индивидуумов не только в зарубежной науке, но и в отечественной. Отрицательное отношение к антропометрии (кефалометрии и кефалоскопии), как методам, используемым нацистами, гипертрофированное представление о рамках политкорректности, ведущее к отрицанию понятия «раса», как ни странно, пишет А.А. Зубов, не мешает в работах зарубежных авторов, посвященных этногенезу, использовать генетические, краниологические, одонтологические и дерматологические данные, нисколько не смущаясь «нарушениями прав личности». Подводя итоги, XX век, считает А.А. Зубов, ознаменовался триумфом антропологии, а среди ее многих достижений главное то, что она поставила на твердую научную основу идею полного биологического равенства и генетического единства человеческих рас, закрыв в науку дорогу идеологам расизма.

### Обсуждение и выводы

Материалы, рассмотренные в статье, представляют ценный источник как для истории физической антропологии в целом, так и для понимания научных воззрений значимых фигур российской (советской) антропологии 20 века. Я взяла на себя смелость рассмотреть и обсудить приведенные материалы именно потому, что, пожалуй, я одна из немногих оставшихся современниц этих исследователей, из тех, кто близко знал всех четверых. Как я писала в своей статье, посвященной анализу лекций Г.Ф. Дебеца, довольно трудно анализировать лекции своего Учителя, человека, под влиянием которого формировалось твое изначальное научное мировоззрение, особенно учитывая определенные изменения и в теории, и практике антропологических исследований, происшедшие за этот огромный промежуток времени (*Герасимова* 2020). Задача моя в данной статье несколько не упростилась, поскольку огромную формирующую роль в моем становлении, как исследователя в уже достаточно зрелом возрасте, сыграл В.В. Бунак, с которым мне выпало счастье сотрудничества в последние годы его жизни, причем в некоторых теоретических воззрениях Г.Ф. Дебца и В.В. Бунака были антиподами (подробнее об этом см.: *Дубова* 2004: 275-276). В.П. Алексеев и А.А. Зубов были моими коллегами, с которыми меня связывали дружеские отношения. Оба они были люди неординарные, с огромным творческим потенциалом, внесшими огромный и теоретический, и фактологический вклад в антропологию. Но отличались темпераментом, характерами и кругом преимущественных интересов. В.П. Алексеев, в ряду своих исследований сделал чрезвычайно много именно для этнической антропологии, внес существенный вклад в теорию этногенеза, разработав типологию модусов этногенеза и расогенеза, выдвинув идею популяции, как элементарной единицы расо- и этногенетических процессов, и идею «антропогеоценозов» (*Алексеев* 1975, 1979). А.А. Зубов, основатель отечественной школы одонтологии и одонтоглифики, фактически основавший в нашей стране этническую одонтологию и разработавший одонтологическую классификацию, чрезвычайно много сделавший для изучения одонтологической и одонтоглифической картины населения России и сопредельных территорий, в глубине души предпочтение отдавал проблемам происхождения Человечества и Человека разумного, в частности, т.е. эволюционной антропологии (*Зубов* 2004, 2019). Все анализируемые источники написаны в разных стилях (лекции, программная статья и две обзорные статьи), по-разному освещают пройденный антропологией путь, исходя, естественно, из авторских научных пристрастий и приоритетов.

В лекциях Г.Ф. Дебеца оценивается деятельность таких крупномасштабных фигур, как К.М. Бэр, А.П. Богданов, Д.Н. Анучин, Ф.К. Волков, А.А. Ивановский, Е.М. Чепурковский, А.И. Ярхо, и ряда скромных служителей науки. За кратким изложением выпукло вставали судьбы идей и людей. Неожиданно много уделено Г.Ф. Дебцом личности А.А. Ивановского (1866-1934). В лекциях Г.Ф. Дебеца, хотя уже был 1954 г., совершенно не нашли отражения, или даже упоминания, ни события, связанные с сессией ВАСХНИЛ в 1948 г. и разгром генетики, ни Павловская сессия 1950 г., окончившаяся разгромом отечественной физиологии, ни окончательный сход марксизма с исторической сцены в связи с появлением брошюры И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» в том же 1950 г. Работая в период тяжелого политического диктата, на примере деятельности Ивановского и его идей начала прошлого века, Г.Ф. Дебца показал нам, студентам, пагубность для науки любого

диктата. Ученик Д.Н. Анучина, Ивановский вошел в науку своей брошюрой 1893 г., содержащей беспощадную критику работы Н.Ю. Зографа, посвященной антропологическому составу великоросского населения Владимирской, Костромской и Ярославской губерниям. Работа эта, ставящая ряд общих антропологических и исторических вопросов, вызвала большой научный и общественный интерес. К сожалению, она содержала значительное число арифметических ошибок, устранение которых, впрочем, сделало бы выводы еще убедительнее, полагал Г.Ф. Дебец. Результатом же появления брошюры А.А. Ивановского стало то, в течение десятков лет антропологические данные перестали привлекаться смежными науками, археологией и этнографией, для решения вопросов происхождения русского народа, да и вообще для постановки каких-либо теоретических вопросов. Все внимание стало уделяться точности цифр, А.А. Ивановский занял главенствующее положение в антропологических исследованиях народов России, был назначен редактором «Русского антропологического журнала» и на много лет определил его направленность. Стремление только к точности подсчетов (которое естественно и необходимо) и отсутствие идей и постановки каких-либо теоретических вопросов привели к манипулированию цифрами при написании А.А. Ивановским двух его больших сводок «Об антропологическом составе населения России» 1904 г. и «Население Земного шара. Опыт антропологической классификации» 1911 г., результаты которых вызвали резкую критику современников, а Г.Ф. Дебецу представлялись нелепыми. Не буду излагать содержание этих двух вступительных лекций Г.Ф. Дебеца, поскольку взгляды его на историю антропологического изучения народов нашей страны подробно изложены в моей недавней и доступной публикации (Герасимова 2020).

В.П. Алексеев изложение истории изучения этнической антропологии в России практически начинает с работ А.А. Ивановского, как создателя первой сводки данных по антропологии народов России, затем очень кратко говорит о сводке 1913 г. антропологических данных по европейской части России Е.М. Чепурковского, охватившей все этнографические группы русского народа, отмечает роль сводки палеоантропологических данных Г.Ф. Дебеца (Дебец 1948), сыгравшей огромную роль в последующем развитии не только палеоантропологических, но и антропологических исследований живого населения в нашей стране. Интересно, что В.П. Алексеев, будучи учеником Дебеца, совершенно иначе расценивал роль А.А. Ивановского в истории науки, нежели учитель. Разнице во взглядах этих крупных фигур, весьма показательна. В отличие от Г.Ф. Дебеца В.П. Алексеев считал, что работа Ивановского 1904 г. остается первой в отечественной науке сводкой и попыткой интерпретации антропологических данных по народам России, «выпукло показавшей объем и разнообразие собранной информации», поскольку содержала более 900 ссылок. А последствием ее было то, что она надолго предопределили негативный подход в русской, а частично и советской антропологии к формализованным методам анализа антропологического материала (Алексеев 1987:17). Положительная оценка работы А.А. Ивановского, я предполагаю, вызвана тем, что В.П. Алексеев жил в эпоху уже огромного информационного бума, осмыслить весь багаж накопленных данных по этнической антропологии одному человеку не представлялось возможным, тем более выявить закономерность, общность и особенности процессов этно- и расогенеза на разных территориях. В.П. Алексеев был апологетом сводок, вспомним его прекрасные сводки по народам Восточной Европы (Алексеев 1969), по народам Кавказа

(Алексеев 1974) и совместную с И.И. Гохманом – по народам азиатской части СССР (Алексеев, Гохман 1984). Недаром в его статье дается программный план грандиозной мировой сводки по этнической антропологии на конец 20 столетия. Мне кажется, что точка зрения Г.Ф. Дебеца на последствия появления пресловутой брошюры Ивановского более объективна, чем точка зрения В.П. Алексеева, поскольку уже в работах Е.М. Чепурковского мы видим введение в русскую антропологию биометрических методов школы Пирсона, именно в его работах разработан принцип соответствия внутригрупповых и межгрупповых корреляций для выяснения таксономической ценности диагностического признака. С 1922 г. получает «права гражданства» в «Русском антропологическом журнале» биометрия и статистическая обработка данных. Правда без существенного влияния на выводы, по словам Г.Ф. Дебеца. Совершенно не упоминается В.П. Алексеевым яркая фигура А.И. Ярхо (1903-1935), который ставил в своих работах принципиальные вопросы расового анализа, в частности выступал против концепции обязательного соответствия расовых и языковых делений. Поэтому не пренебрежение к формализованному анализу, а отсутствие идей и трудно интерпретируемые выводы из работ Ивановского или отсутствие таковых, сформировали негативное отношение к антропологическим данным, как историческому источнику. Статья В.В. Бунака «Раса, как историческое понятие» (Бунак 1938) и «Палеоантропология» Дебеца (Дебец 1948) сыграли свою роль в том, что антропологические данные вновь со времен А.П. Богданова стали рассматриваться, как самостоятельный независимый исторический источник.

Вторым существенным отличием во взглядах Учителя и ученика была оценка достижений и перспектив развития этнической антропологии. Почему-то весьма кратко Г.Ф. Дебецем освещается период, связанный с образованием в системе Академии наук СССР в НИИ этнографии специального подразделения, т.е. сектора антропологии (потом Отдела, а ныне Центра физической антропологии), занимающегося, главным образом, теми проблемами, которым и был посвящен курс его лекций. В.П. Алексеев, напротив, с большим энтузиазмом резюмировал успешность работы сектора антропологии. За 11 лет существования сектора антропологии в Институте этнографии (с 1943 по 1954 гг., год прочтения рассматриваемого цикла лекций), был предпринят ряд интересных и плодотворных экспедиций. Это многолетняя одиссея самого Г.Ф. Дебеца на Чукотке и Камчатке, это Амуро-Сахалинская экспедиция М.Г. Левина, ряд небольших выездов В.В. Бунака для изучения различных этно-территориальных групп, экспедиции, инициированные Академиями наук союзных республик, организованные совместно с сектором антропологии Института этнографии АН СССР. Не говоря уж о последующих годах, когда отечественные антропологи работали в Афганистане, Индии, Финляндии и т.д. Результаты этих экспедиционных исследований нашли отражение в многочисленных публикациях в Трудах Института этнографии (Алексеев 1979:35). Именно региональные сопоставления, считает В.П. Алексеев, позволили выявить и подчеркнуть конкретно-историческую и историко-этнологическую роль антропологических материалов, сложные взаимоотношения между культурными, языковыми и антропологическими характеристиками любого народа и обогатить «картину конкретных этногенезов многими деталями, о которых никто не подозревал раньше» (Алексеев 1987:20).

Почему-то ни Георгий Францевич, ни Валерий Павлович, ни словом не обмолвились, что именно в 40-50-ые годы прошлого столетия, антропологами Института

этнографии были разработаны главные методологические предпосылки использования антропологических данных в качестве исторического источника, в том числе для реконструкции этногенетических процессов (Дебец 1948, Дебец, Левин, Трофимова 1952, Левин, Чебоксаров, 1955). Именно в это время была разработана отечественная парадигма о группировке рас, культур и языков в причинно-независимые общности, имеющие, однако, определенную географическую приуроченность. Эта парадигма, а также представление о специфике антропологических данных, лишенных феномена исторического заимствования, легли в основу использования их в этногенетических исследованиях. Г.Ф. Дебец полагал, что основная задача изучения антропологического состава населения – это не столько собирание разрозненных материалов и решение исторических вопросов, сколько выяснение вопросов собственно антропологических, прежде всего, связанных с изменением признаков во времени, с процессом расогенеза в широком смысле этого слова (Дебец, Лекция 2: 42). С этим высказыванием, в известной мере, был солидарен и В.В. Бунак, который писал, что при изучении формирования этнических групп в определенные отрезки времени фиксация малых расовых вариантов, т.е. собственно антропологическая задача, играет решающую роль в подтверждении или несостоятельности той или иной гипотезы (Бунак 1972:4). При всей разнице характеров, манере изложения взглядов, расхождении в теоретических вопросах, и Г.Ф. Дебеца и В.В. Бунака удручала невозможность развернуть в системе исторических наук и существующей проблематике учреждения, где оба работали, морфологическое изучение современного человека (Герасимова 2020, Васильев, Урысон 2005: 257-258). И если, считал Г.Ф. Дебец, в 50-ых годах еще не видно отрицательных следов этого разделения, и оно не будет ликвидировано, то негативные его последствия проявятся в будущем. С моей точки зрения сейчас мы пожинаем плоды такого разделения, пагубно отразившиеся не только на расоведении и этнической антропологии, но и видовой морфологии современного человека: объём морфологических исследований значительно сократился, ограничившись в настоящее время учением о конституции человека, изучением ротовых процессов и некоторых аспектов адаптации человека.

Впрочем, о достижениях теоретической мысли в отечественной этнической антропологии и расоведении нет никаких упоминаний и в статье Александра Александровича Зубова. Большая статья А.А. Зубова посвящена, я бы сказала, мировому победному шествию физической антропологии к рубежу веков. XX век показал, с точки зрения автора, устойчивость сущности антропологии, как науки, направленной на изучение пространственно-временной изменчивости человечества. Этногенетическим исследованиям в этой статье уделено крайне малое внимание. Автор отмечает только, что как в мировой науке, так и в отечественной, XX век ознаменовался расширением программ исследований по этнической антропологии, что одонтологами московской школы собран материал почти по всем этническим и территориальным группам бывшего СССР, что дерматологическая коллекция народов СССР и методологические разработки отечественной школы по этнической дерматоглифике являются существенным вкладом в мировые дерматологические исследования. С другой стороны, автор отмечает неутешительные современные тенденции в мировой науке изучения физического облика различных популяций, затронувшие и отечественную науку, связанные с определенным давлением со стороны политики и этики на биологические аспекты изучения человека, сокращение расоведческих

программ и исследований по теоретическим аспектам расоведения. А ведь именно расоведение создало реальную базу для гуманного научно обоснованного подхода к проблеме разнообразия человечества и, именно расоведение и этническая антропология поставили на современную научную основу идею биологического равенства и генетического единства человеческих рас, закрывая дорогу в науку идеологам расизма (Зубов 2002:37). Увы! Этому прекрасному утверждению противоречит, как мне кажется, современное состояние и путь, который прошли такие разделы антропологии, как расоведение и этническая история в XX веке. В последней трети XX века классическая антропология переживала определенные трудности. К этому времени многие антропологические направления и школы в мировой науке были уже безвозвратно утрачены, дискредитированные в послевоенное время преступлениями 3-его Рейха. В мировую антропологию пришли генетики и медики, для которых целостность и самоценность антропологии подверглась сомнению, и которые предлагали эту область знания именовать биологией человека. Между тем, биология какого-либо рода или вида, если придерживаться принятой классификации биологических наук, является частной биологией и подразумевает изучение распространения и миграций, экологии, форм поведения, особенно, полового, имеющего значение для размножения и благополучия вида. По отношению к человеку вне изучения остаются проблемы этногенеза и этнической истории, палео- и исторической демографии, приспособительной изменчивости, определяемой биологической и социальной средой, эпохальной изменчивости, т.е. проблемы социальной и духовной жизни человека. Критика антропологической методологии, исходящей из среды генетиков, была направлена, главным образом против учения о расах, поскольку накопление генетических данных по географии частот отдельных генов, например, групп крови и т.д., выявило несоответствие генетических карт их распределения с ареалами рас, выделяемых по морфологии (т.е. антропологическими методами).

В рассматриваемой статье В.В. Бунака наиболее интересной мне представляется анализ различных подходов к изучению групповой и индивидуальной изменчивости в биологии человека – генетического и более раннего, антропологического. Основная претензия критиков антропологического подхода состоит в том, что антропология изучает групповую и индивидуальную изменчивость только фенотипических признаков. Между тем, замечал В.В. Бунак, антропологическое исследование включает в себя как полигенные, составляющие исторически сложившиеся групповые различия, так и несложные генетические признаки. В генетических исследованиях предпочтение отдается альтернативным признакам, в антропологических исследованиях исследуются признаки как с прерывной, так и непрерывной изменчивостью, между которыми отсутствуют границы. Генетики полагают, что близость групп по происхождению, или разделение их на малые и средние расы не могут быть установлены по сходству комплекса признаков, поскольку такое сходство может возникать под воздействием среды, внутригрупповых процессов изменчивости, смешения или обособления, независимо от происхождения, на разных территориях конвергентно или параллельно. Каждому из этих представлений может быть предоставлен контраргумент. В.В. Бунак приводит очень кратко всего несколько. Суммируя, их можно свести к следующему. Первое – понимание расы, как стабильной формации давно оставлено большей частью антропологического сообщества, причем Виктор Валерьянович умалчивает, что этому способствовало сформулированное им и доказан-

ное представление о расе, как исторической категории (Бунак 1938). Второе- не одним поколением антропологов доказан принцип таксономической неравноценности признаков и различие диагностических свойств отдельных признаков на различных отрезках эволюционных преобразований. И наконец, географическое распределение признаков и сравнительная величина ареалов в различные временные отрезки в сочетании с учетом историко-этнических фактов позволяют установить или опровергнуть гипотезу конвергенции или параллельного развития. Пункты расхождения двух школ можно было бы продолжить и привести аргументы в подтверждение каждой из них, оба эти направления, считал В.В. Бунак, сольются и «разовьется единая система антропологических знаний, включающая все разделы учения об эволюции физических особенностей человека» (Бунак 1972:15). Следует, однако, помнить, пишет он, что генетика и все другие разделы антропологии могут разрешать стоящие перед ними задачи лишь на основе общего учения о полиморфизме, т.е. морфологии. «Формирование признаков в онтогенезе, морфологические градиенты, разнообразные коррелятивные связи, реакции на механические и другие воздействия, половые и возрастные особенности – таково содержание внутривидовой морфологии человека... Составляя центральное звено учения об эволюции и изменчивости человека, морфология соединяет все разделы антропологии в одну особую и целостную отрасль науки» (Бунак 1972:20). И тридцать лет спустя А.А. Зубов солидаризируясь с В.В. Бунаком, отмечает две главных «сущностных» черты антропологии: она всегда была наукой о нормальной вариабельности физического типа древнего и современного человечества (в широком смысле, включая генетические, физиологические, биохимические характеристики) в пространственно-временной динамике, и главное- она всегда играла и играет опосредствующую роль между чисто биологическими и историческими дисциплинами. И эти две ее сущности определяют ее неповторимость и сферу ее компетентности и непреходящей ценности (Зубов 2002:37).

На этой оптимистической ноте хотелось бы закончить разбор приведенных интереснейших документов... Но, вопреки оптимистическим надеждам В.В. Бунака, утверждениям А.А. Зубова о победном шествии антропологии в XX веке, сегодняшнее состояние антропологической науки и, главным образом, этнической антропологии, вызывает лично у меня печальные мысли. И дело не в том, что пока не произошло так ожидаемого слияния двух направлений в изучении человека. Хотя «... представители обеих специальностей констатировали совместимость результатов генетического и морфологического анализа современных человеческих популяций, причем генетики пришли к выводу, что данные антропологии (как морфологической науки) адекватно отражают структуру популяционного генофонда» (Зубов 2002:32, подробнее об этом см.: *Балановская* 2002). К сожалению, не смотря на аргументированный вывод о том, что накопленные генетикой факты и выявленные закономерности указывают, что путь сотрудничества этнической антропологии и генетики является чрезвычайно плодотворным научным путем, до сих пор любое упоминание термина «раса» и такой области научного знания, как расоведение, уводит нас в область идеологии и мировоззренческих установок, казалось бы давно забытых, но вдруг вспыхнувших с новой силой в новом тысячелетии. В наше время в силу конъюнктурных соображений теоретическими проблемами расоведения и, как частью его-этнической антропологии – практически, за редким исключением, никто не занимается. А зря! Отечественная наука отличается уникальной, наработанной не од-

ним поколением специалистов методикой описания внешнего облика современных популяций, носителями которой в настоящее время является всего несколько человек. Этническая антропология – это не только использование антропологических данных в этногенетических реконструкциях при изучении локальных этногенезов. Это изучение всего многообразия взаимосвязей биологических совокупностей – человеческих популяций – и социально-культурных, культурно-языковых, историко-культурных общностей (народов, этносов, национальностей) (Дубова 2011:275, 314). Мы живем в век постмодернизма и интернета, информационной массовой культуры, для которой характерны нестрогое мышление, отрицание достоверности и объективности. К тому же, миграционные процессы, которое мы сегодня наблюдаем в Европе и в России, вновь ставит человечество перед проблемами, связанными с расизмом и национализмом, вызванными фундаментальными древними установками группового поведения и распознавания «свой-чужой», с одной стороны, и особенностями формирования образов в постнатальном онтогенезе. Для решения проблем бытового расизма и национализма нужна планомерная длительная практическая работа, при теоретической доминанте антропологов и этнологов. Однако последними ответами на существующую ситуацию с проблемой «расы и расизм», проблемы, казалось бы, оставшейся в прошлом тысячелетии, являются две упоминаемые выше брошюры первого десятилетия прошедшего века.

### Научная литература

- Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М.: Наука, 1969. 323 с.
- Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М.: Наука, 1974. 318 с.
- Алексеев В.П. Историческая антропология. М.: Высшая школа, 1979. 216 с.
- Алексеев В.П. Антропология СССР: некоторые итоги и перспективы исследований // Советская этнография, 1987. №5. С.17-31.
- Алексеев В.П. Общение// Этнографическое обозрение, 1993, №3. С.123-131.
- Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.
- Балановская Е.В. Генетические аспекты концепции «раса»// Проблема расы в российской физической антропологии /ред. Т.И. Алексеева, Л.Т. Яблонский. М. ИЭА РАН, 2002. С.46-58.
- Бунак В.В. Раса как историческое понятие // Наука о расах и расизм. Труды Института антропологии МГУ. Вып. 4. М., 1938. С.5-46.
- Бунак В.В. О перспективах развития антропологии как особой науки// Симпозиум «Антропология 70-ых годов». М.: МГУ. 1972. С.3-21.
- Васильев С.В., Урысон М.И. Виктор Валерьянович Бунак: патриарх отечественной антропологии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века/ Сост. Д.Д. Тумаркин. Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин – М.: Наука, 2004. С.233-260.
- Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки: Критика современной этноцентристской историографии Северного Кавказа. М.: ИЭА РАН, 2006. 291 с.
- Герасимова М.М. О стенограмме лекционного курса Г.Ф. Дебеца на кафедре антропологии МГУ в 1954 г.// Известия Иркутского Гос. Университета. Серия Геохронология, Этнология, Антропология. 2020. Т.31. С.41-54.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР// Труды Института этнографии, нов. сер. Т.4 М.;Л. 1948.
- Дебец Г.Ф., Левин М.Г. Трофимова Т.А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // Советская этнография, 1952. № 1.С.22-35.
- Дубова Н.А. «Неизгладимый след в наших умах и сердцах»: Георгий Францевич Дебец // Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века. М.: Наука. 2004. 716 с.
- Дубова Н.А. Антропологические и этно-экологические исследования на рубеже тысяче-

- тий // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. У 70-летию академика Валерия Александровича Тишкова. М.:Наука. 2011. С.294-314.
- Гаджиев М. С, Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки: Критика современной этноцентристской историографии Северного Кавказа. М.: ИЭА РАН.2006. 291 с.
- Зубов А.А. Физическая антропология на рубеже XX-XXI вв.// Этнографическое обозрение. 2002. № 3. С.25-37.
- Зубов А.А. Палеоантропологическая родословная человека. М.: ИЭА РАН.2004. 551 с.
- Зубов А.А. Палеоантропологическая родословная человека. 2-ое изд. испр. и доп. М.: ИТРК. 2019.464 с.
- Критика расизма в современной России и научный взгляд на проблему этнокультурного многообразия // М.: Московское бюро по правам человека, Academia. 2008. 120 с.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы)//Советская этнография. 1955. №4 С. 3–17.
- Алексеева Т.И., Яблонский Л.Т. (под ред.). Проблема расы в российской физической антропологии. Коллектив авторов. М., ИЭА РАН. 2002. 96 с.

## References

- Alekseev, V.P. 1969. *Proiskhozhdenie narodov Vostochnoj Evropy* [The origin of the peoples of Eastern Europe]. Moscow: Nauka.
- Alekseev, V.P. 1974. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza (kраниологическое исследование)* [The Origin of the Peoples of the Caucasus (A Craniological Research)]. Moscow: Nauka.
- Alekseev, V.P. 1975. *Antropogeocenozy – sushchnost', tipologiya, dinamika* [Anthropogeoceneses – Essence, Typology, Dynamics]. *Priroda* 7: 18-23.
- Alekseev, V.P. 1979. *Istoricheskaya antropologiya* [Historical Anthropology]. Moscow: Vysshaya shkola.
- Alekseev, V.P. 1987. *Antropologiya SSSR: nekotorye itogi i perspektivy issledovaniy* [Anthropology of the USSR: Some Results and Research Prospects]. *Sovetskaya etnografiya* 5: 17-31.
- Alekseev, V.P. 1993. *Obshchenie* [Communication]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 123-131.
- Alekseev, V.P., Gohman I.I. 1984. *Antropologiya aziatskoj chasti SSSR* [The Anthropology of the Asian Part of the USSR]. Moscow: Nauka.
- Balanovskaya, E.V. 2002. *Geneticheskie aspekty koncepcii «rasa»* [Genetic aspects of the concept of “race”]. In *Problema rasy v Rossijskoj fizicheskoj antropologii* [The Problem of Race in Russian Physical Anthropology], edited by T.I. Alekseeva, L.T. Yablonskij. Moscow: IEA RAN.
- Bunak, V.V. 1938. *Rasa kak istoricheskoe ponyatie* [Race as a Historical Concept]. In *Nauka o rasah i rasizm* [Race Science and Racism]. Moscow: Trudy Instituta antropologii MGU 4: 5-46.
- Bunak, V.V. 1972. *O perspektivah razvitiya antropologii kak osoboj nauki* [About the Perspectives of the Development of Anthropology as a Special Science]. In *Simpozium «Antropologiya 70-yh godov»* [Symposium “Anthropology of the 70s”]. Moscow: MGU: 3-21.
- Debets, G.F. 1948. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. *Trudy Instituta etnografii, nov. ser.* [The Works of the Institute of Ethnography, the New Series]. T.4 Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo akademii nauk soyuza SSR.
- Debets, G.F., M.G. Levin, and T.A. Trofimova. 1952. *Antropologicheskij material kak istochnik izucheniya voprosov etnogeneza* [Anthropological material as a source of study of ethnogenesis issues]. *Sovetskaya etnografiya* 1: 22-35.
- Dubova, N.A. 2005 «*Neizgladimyj sled v nashih umah i serdcah*»: Georgij Frantsevich Debets [An indelible trace in our minds and hearts “: Georgy Frantsevich Debets]. In *Vydayushchiesya otechestvennye etnografy i antropologi XX veka* [Notable Russian ethnographers and anthropologists of the 20th century]. Moscow: Nauka.
- Dubova, N.A. 2011. *Antropologicheskie i etno-ekologicheskie issledovaniya na rubezhe tysyachetij* [Anthropological and ethno-ecological studies at the turn of the millenniums]. In *Fenomen*

- identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii. K 70-letiyu akademika Valeriya Aleksandrovicha Tishkova [The phenomenon of identity in modern humanitarian knowledge. On the occasion of the 70th birthday of Academician Valery Alexandrovich Tishkov]. Moscow: Nauka.
- Gadzhiev, M. S., V.A. Kuznecov, and I.M. Chechenov. 2006. Istoriya v zerkale paranauki: Kritika sovremennoj etnocentristskoj istoriografii Severnogo Kavkaza [History in the Mirror of Parascience: A Critique of Contemporary Ethnocentric Historiography of the North Caucasus]. Moscow: IEA RAN.
- Gadzhiev, M.S., V.A. Kuznecov., and I.M. Chechenov. 2006. Istoriya v zerkale paranauki: Kritika sovremennoj etnocentristskoj istoriografii Severnogo Kavkaza [The History in the Mirror of Parascience: A Critique of Contemporary Ethnocentric Historiography of the North Caucasus]. Moscow: IEA RAN.
- Gerasimova, M.M. 2020. O stenogramme lekcionnogo kursa G.F. Debeca na kafedre antropologii MGU v 1954 g. [About the transcript of the lecture course by G.F. Debets at the Department of Anthropology of Moscow State University in 1954]. *Izvestiya Irkutskogo Gos. Universiteta. Seriya Geokhronologiya, Etnologiya, Antropologiya*. T.31. Irkutsk: 41-54.
- Kritika rasizma v sovremennoj Rossii i nauchnyj vzglyad na problemu etnokul'turnogo mnogobraziya [Criticism of racism in modern Russia and a scientific view of the problem of ethnocultural diversity]. 2008. Moscow: Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, Academia.
- Levin, M.G., and N.N. Chebokarov. 1955. Khozyajstvenno-kul'turnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti (k postanovke problemy) [Economic and cultural types and historical-ethnographic areas (to the formulation of the problem)]. *Sovetskaya etnografiya* 4: 3-17.
- Problema rasy v rossijskoj fizicheskoy antropologii [The problem of race in Russian physical anthropology]. Edited by T.I. Alekseeva, L.T. Yablonskij. Kollektiv avtorov. Moscow: IEA RAN.
- Vasil'ev, S.V., and M.I. Uryson 2004. Viktor Valer'yanovich Bunak: patriarh otechestvennoj antropologii [Victor Valerianovich Bunak: The Patriarch of Russian Anthropology]. In *Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [Notable Russian Ethnologists and Anthropologists of the 20th Century], Ed. D.D. Tumarkin. Edited by V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin. Moscow: Nauka.
- Zubov, A.A. 2002. Fizicheskaya antropologiya na rubezhe XX-XXI. [Physical anthropology at the turn of the XX-XXI centuries]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 25-37.
- Zubov, A.A. 2004. Paleoantropologicheskaya rodoslovnaya cheloveka [Paleoanthropological genealogy of man]. Moscow: IEA RAN.
- Zubov, A.A. 2019. Paleoantropologicheskaya rodoslovnaya cheloveka. 2-oe izd. ispr. i dop. [Paleoanthropological genealogy of man. 2-nd edition revised and enlarged]. Moscow: ITRK.

© Н.Х. Спицына, Н.В. Балинова

## АНТРОПОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ВОСПРОИЗВОДСТВА ПОПУЛЯЦИИ ЭЛИСТЫ\*

*В статье представлен анализ процессов воспроизводства населения г. Элиста Республики Калмыкия 2007 г. Исследуется собранный репрезентативный популяционно-генетический материал с привлечением материалов переписей населения и других официальных статистических источников информации. В среднем в Элисте на каждую женщину пострепродуктивного возраста приходится 5.82 беременности, 2.15 рождений и 3.32 абортов. Исследование показало, что в городских семьях практикуется регулируемый тип рождаемости. Снижена пропорция спонтанных абортов, выкидышей и внематочных беременностей 0.28. Таким образом, только 37% всех беременностей завершилась родами; соответственно 57% беременностей искусственно прерывается. Применение метода J.F. Crow и его модификации позволили впервые количественно оценить вклад социальной компоненты в величину коэффициента отбора в популяции Элисты. Выявлено значительное возрастание вклада небиологических факторов в величину коэффициента максимально возможного потенциального отбора.*

**Ключевые слова:** популяция, антропогенетика, воспроизводство, дифференциальная плодовитость, дифференциальная смертность, коэффициент отбора

**Ссылка при цитировании:** Спицына Н.Х. , Балинова Н.В. Антропогенетическое исследование процессов воспроизводства популяции Элисты // Вестник антропологии. 2022, №1. С. 293–301.

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/293-301

© N.Kh. Spitsyna, N.V. Balinova

## ANTHROPOGENETIC STUDY OF REPRODUCTION PROCESSES IN ELISTA CITY POPULATION

*The article analyzes the processes of population reproduction in the city of Elista, the Republic of Kalmykia, in 2007. The collected representative population genetic material is investigated with the data from the All-Russia Census and other official statistical sources. On average, there are 5.82 pregnancies, 2.15 births*

**Спицына Наиля Хаджиевна** – д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии, Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: nailya47@mail.ru

**Балинова Наталья Владимировна** – с.н.с., к.б.н. ФБГНУ Медико-генетический научный центр имени академика Н.П. Бочкова (Москва, Москворечье, 1). Эл. почта: balinovs@mail.ru

\* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-59-0012, Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ФГБНУ МГНЦ

and 3.32 abortions for every woman of post-reproductive age in Elista. The study demonstrates that birth control is practiced in urban families. The proportion of spontaneous abortions, miscarriages and ectopic pregnancies is as low as 0.28. Thus, only 37% of all pregnancies resulted in livebirth; accordingly 57% of pregnancies are terminated artificially. The contribution of the social component to the value of the natural selection coefficient in the population of Elista was calculated applying the method of J.F. Crow and its modifications. A significant increase in the contribution of non-biological factors to the value of the coefficient of the maximum possible potential selection was revealed.

**Key words:** *population, anthropogenetics, reproduction, differential fertility, differential mortality, selection coefficient*

**For Citation:** Spitsyna N.Kh., Balinova N.V. 2022. Anthropogenetic study of reproduction processes in Elista city population. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 293–301.

**Author Info: Spitsyna Nailya Kh.** – PhD, DSc, Leading Research Scientist, Department of Anthropology, Federal state budgetary institution “Institute of ethnology and anthropology”, Russian Academy of Sciences (Moscow, RF). E-mail: nailya.47@mail.ru.

**Balinova Nataliya V.** – PhD, Senior Research Scientist, Federal state budgetary institution “Research Center for Medical Genetics” (Moscow, RF). E-mail: balinovs@mail.ru.

**Funding:** The work was carried out with the financial support of the RFBR, project No. 20-59-0012. The work was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education and Science of Russia for the FGBNU “MGNC”.

## Введение

Калмыки являются единственным монголоязычным народом в Юго-Восточной Европе. В основном они проживают на территории Республики Калмыкия в составе РФ. Население республики многонационально, наиболее многочисленными представителями других национальностей являются русские (29,6%), даргинцы (2,6%), чеченцы (1,2%), казахи (1,7%). Численность калмыков по данным переписи 2010 г. – 162740 человек, что составляет 56,2%. (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей).

Начиная с 90-х годов XX века, в России отмечаются резкие сдвиги в характере демографических процессов, основным проявлением которых является продолжающееся дальнейшее снижение рождаемости и рост смертности (*Население и условия жизни в странах Содружества Независимых Государств* 2002; *Социально-экономическое положение России* 2003; *Иванов и др.* 2003: 208). Репродуктивная структура популяций человека является универсальным индикатором социального и биологического состояния общества, реагирующим на любые происходящие эндогенные и экзогенные изменения (*Курбатова* 2014: 49).

В ряду факторов, способствующих ее формированию, значительное место занимает биологическая компонента. Исследователями отмечаются такие тенденции, как снижение фертильности, рост патологии и осложнений в родах, пренатальной и постнатальной смертности, бесплодия в браках. Усиление искусственного контроля рождаемости в семьях и увеличение пропорции естественной убыли населения представляет серьезную проблему для будущих поколений (*Санчат* 1998: 24; *Кулаков, Леонов* 2000: 59-67; *Курило* 2009: 368; *Гончарова и др.* 2012: 35–40; *Подзолкова и др.* 2020: 120–131).

### Материалы и методы

С целью изучения факторов, влияющих на процессы воспроизводства в городских популяциях РФ в процессе комплексных антропогенетических экспедиций, проводимых с 1992 года в Элисте, в 2007 году были собраны репрезентативные популяционно-генетические материалы, генетико-демографическая информация, определены репродуктивные и возрастные параметры. Сбор биодемографической информации проводился в группах женщин, завершивших индивидуальную репродукцию, по специально разработанной нами схеме на основе популяционно-генетического анкетирования (*Пасеков, Ревазов* 1975: 145–455). Составлены и проанализированы 460 бланков, вычислены индексы Кроу (*Crow* 1958: 1–13). Используются материалы официальных источников информации Госкомстата, материалы переписей, статистические материалы управлений здравоохранения.

### Основные результаты

Антропогенетические исследования проведены в столице Республики Калмыкии Элисте. История возникновения города восходит к известному в 1865 г. небольшому селу Элиста Черныярского уезда Астраханской губернии, которое в 1918 г. стало центром Элистинского уезда. С 1930 года Элиста приобрела статус города (таблица 1).

Таблица 1

#### Динамика численности населения города Элисты (Республика Калмыкия. Статистический ежегодник 2011)

годы	Численность населения	годы	Численность населения
1897	1200	2003	108 327
1931	7300	2004	107 975
1939	17100	2005	107 508
1959	23100	2006	107 102
1967	43 000	2007	106 730
1970	49 900	2008	106 598
1979	70 300	2009	106 730
1989	89 700	2010	106 966
2000	103 000	2011	108 009

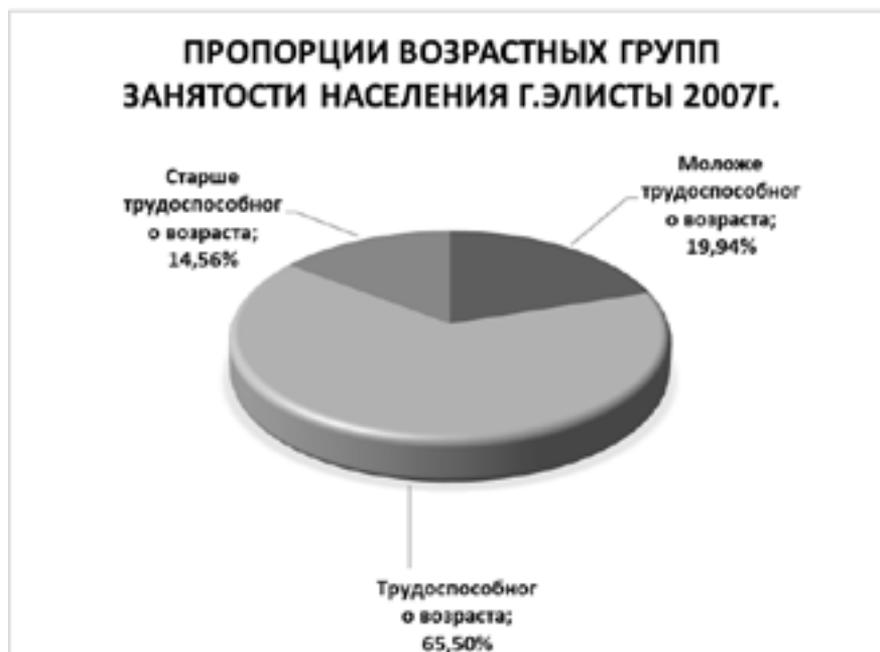
В 2007 г. отмечалось некоторое снижение численности до 106 730 чел. Затем последовал рост и на 1 января 2011 г. численность населения Элисты составляла уже 108 009 человек. Динамика роста численности населения г. Элисты, как и во всех городских популяциях РФ, обусловлена процессами воспроизводства и притока мигрантов (Курбатова, Победоносцева 2017: 1349–1359).

В 2007г. в Элисте достаточно высока доля лиц трудоспособного возраста. В популяции повышена пропорция женщин, наблюдается неравное соотношение полов (половой индекс равен 0.83) (таблица 2; рис.1).

Таблица 2

**Динамика параметров демографической структуры г. Элисты  
(Калмыкия в цифрах, 2007)**

Возрастные группы	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Моложе трудоспособного возраста	21.49%	20.78%	20.30%	19.94%
Трудоспособного возраста	64.53	64.97%	65.45%	65.50%
Старше трудоспособного возраста	13.98%	14.16%	14.25%	14.56%
Всего	103777 чел.	103449 чел	103034 чел.	1022748 чел.
Половой индекс	0.83			



Обнаруживается выраженная диспропорция половозрастных групп, так резко снижена пропорция лиц дорепродуктивного возраста, которая составляет всего 26.30%, соответственно индивидов репродуктивного возраста 43.90% и пострепродуктивного 29.80 %. Естественный прирост населения в Элисте характеризуется положительной динамикой и с 2000 по 2006 гг. он составил: 1.8, 1.8, 1.8, 2.9, 3.3, 3.1, 4.0 соответственно. Что касается ситуации в Республике, то число родившихся превышает число умерших в Ики-Бирульском, Кетченеровском, Октябрьском, Целинном, Черноземельском, Яшалтинском, Яшкульском районах Калмыкии. Однако в ряде других районов республики: Городовиковском, Лаганском, Малодербетовском, Приютненском и Сарпинском, Юстинском районах во все указанные годы наблюдались отрицательные величины прироста населения. К числу возможных объяснений подобного неблагоприятного течения демографических процессов можно отнести влияние оттока молодежи в города и сопряженный с ним эффект постарения сельских популяций (Калмыкия в цифрах 2007).

В условиях изменившегося характера демографических процессов в последние годы представляет интерес оценка эффектов репродукции в популяции, проведенная в г. Элисте выборочном обследовании 460 женщин старше 45 лет (группа лиц завершивших индивидуальную репродукцию) (таблица 3).

Таблица 3

**Показатели репродуктивной функции пострепродуктивной  
возрастной когорты женщин популяции Элисты**

<b>Число обследованных женщин с завершённой репродукцией</b>	<b>Популяция Элисты (N=460 человек)</b>
Среднее число беременностей, приходящееся на одну женщину	5.8177 ± 0.2853
Среднее число родов, приходящееся на одну женщину	2.1448 ± 0.0211
Среднее число детей, доживших до репродуктивного возраста	2.1262 ± 0.0067
Среднее число спонтанных аборт, внематочных беременностей, выкидышей	0.2757 ± 0.0069
Среднее число аборт	3.3224 ± 0.3761

В среднем на каждую женщину пострепродуктивной возрастной когорты приходится 5.8177 беременностей, 2.1448 рождений и 3.3224 аборт, и малая пропорция акушерской патологии беременностей 0.2757. В сравнительном аспекте женщина Элисты, завершившая индивидуальную репродукцию, имеет в среднем более высокое число доживших до репродукции детей ( $X_s = 2.126$ ), чем в Саранске (1.6684), Казани (1.6862), Ставрополе (1.7612), Чебоксарах (1.8301). Следует отметить, что Элиста единственный город среди обследованных нами в этот период с расширенным типом воспроизводства, в Сыктывкаре наблюдалось простое воспроизводство, в остальных – суженный тип (Спицына 2006). В пострепродуктивной когорте женщин Элисты 37 % всех беременностей завершилась родами; соответственно 57 % беременностей искусственно прерывается, у женщин в Чебоксарах (59 %), в Казани (65.7 %).

Таблица 4

**Индексы потенциального отбора ( $I_T$ ) и его компоненты в популяциях по методу Crow (1958), модификации Спицыной (2006)**

Популяции	$X_s$	Аборты (%)	$V_f$	$P_s$	$I_m$	$I_f$	$I_T$ , $I_{T1}$	$I_{T2}$
г. Элиста								
1	2.1262		1.9164	0.8521	0.1735	0.4239	0.6710	1.3092
2	2.1262	57%	1.9164	0.3655	1.7360	0.4239	1.9802	
г. Казань								
1	1.6862		0.9622	0.9016	0.1091	0.3384	0.4844	2.7399
11	1.6862	65.7	0.9622	0.3163	2.1615	0.3384	3.2243	
г. Чебоксары								
1	1.8301		1.1934	0.7871	0.2705	0.3563	0.7232	2.5418
2	1.8301	59.6	1.1934	0.3138	2.1446	0.3563	3.2650	
г. Саранск								
1	1.6684		0.8154	0.7271	0.3753	0.2929	0.7781	2.0595
2	1.6684	54.0	0.8154	0.3369	1.9682	0.2929	2.8376	
г. Ставрополь								
1	1.7612		1.0179	0.8762	0.1413	0.3282	0.5158	2.9412
2	1.7612	65.9	1.0179	0.2980	2.3557	0.3282	3.4570	
г. Сыктывкар								
1	2.1964		1.0698	0.7785	0.2845	0.2217	0.5693	0.9930
2	2.1964	39.0	1.0698	0.4768	1.0973	0.2217	1.5623	

*Примечание:*

$X_s$  – среднее число детей, приходящееся на одну женщину пострепродуктивного возраста ;

$V_f$  – дисперсия среднего числа детей;

$P_s$  – доля потомков, доживших до репродуктивного возраста;

$I_f$  – компонента дифференциальной плодовитости;

$I_T$  – индекс потенциального отбора (без включения в анализ числа беременностей, завершившихся абортом);

$I_{T1}$  – вариант расчета с включением в анализ числа беременностей, завершившихся абортом.

$I_{T2}$  – мера социальной регуляции репродукции

Применение модификации метода J.F. Crow для расчета индексов потенциального отбора позволила количественно оценить вклад социальной компоненты в величину коэффициента максимально возможного потенциального отбора в популяциях (Спицына, 2006: 126-139). Это стало возможным только в связи с особенностями репродукции в популяциях нашей страны. Большое среднее число беременностей и малая пропорция детей, приходящихся на одну женщину, свидетельствуют о мерах по регуляции рождаемости, проводимых в основном с помощью искусственно-

го прерывания беременностей. В пострепродуктивных когортах женщин отчетливо выявляется сопряженность силы социальной регуляции репродукции с пропорцией абортот. Данная особенность, выраженная и в городах и селах, о слабом развитии практики применения контрацептивов.

Применение метода позволило наиболее полно учитывать действие одного из основных систематических факторов эволюции в популяциях (таблица 4).

Исследование индексов потенциального отбора в городских популяциях выявило резкое возрастание вклада небиологических факторов в величину коэффициента отбора: в г. Ставрополе сила социального прессинга равна 2.9412, Казани – 2.7399, Чебоксарах – 2.5418, Саранске – 2.0595, Сыктывкаре – 0.9930, Элисте – 1.3092. Количественное выражение возросшего социального регулирования рождаемости имеет определенную корреляцию с численностью населения городов, исключение составляет Ставрополь (с самым высоким значением коэффициента при меньшей численности, чем в Казани), и Сыктывкар (численность выше, чем в Элисте, а социальный прессинг немного ниже).

Известно, что планирование размеров семьи нивелирует различия индивидов в отборе на плодовитость. Однако, выявленные факты снижения акушерской патологии в группах с высокой степенью социального воздействия на репродуктивные процессы позволили нам определить двойкий эффект планирования размеров потомства на воспроизводство в популяциях: с одной стороны, он нивелирует индивидуальные различия в отборе на плодовитость; с другой – снижает пропорцию пренатальной патологии в популяциях (таблица 5).

Таблица 5

### Сравнительные данные по уровню акушерской патологии и индекса социального регулирования $I_{T2}$ в популяциях

Популяции	Пропорция акушерской патологии	Аборты (%)	$I_{T2}$
Элиста	0.27	57.0%	1.3092
Ставрополь	0.20	65.9 %	2.9412
Саранск	0.57	54.0 %	2.0595
Чебоксары	0.44	59.6 %	2.5418
Казань	0.22	65.7 %	2.7399
Сыктывкар	0.50	39.0 %	0.9930

Как видно из данных табл. 5, семьи Элисты являются исключением, в них малая пропорция акушерской патологии сочетается с относительно низкой величиной коэффициента социального регулирования репродукции в ряду исследованных нами городских популяций.

### Заключение

Результаты антропогенетического исследования особенностей процессов воспроизводства популяции Элисты позволили сделать следующие заключения.

Анализ пострепродуктивной возрастной когорты женщин Элисты в целом характеризует демографическую ситуацию предшествующего поколения как положительную.

Индекс Кроу и основные статистические данные витальности указывают на возрастание влияния небиологических факторов на процессы воспроизводства в популяции.

### Научная литература

Гончарова Н.Н., Мартышкина Е.Ю., Казначеева Т.В., Арсланян К.Н., Адамян Л.В., Курило Л.Ф., Сорокина Т.М., Черных В.Б. Медико-генетические аспекты бесплодия // Акушерство, гинекология, репродукция, 2012. т. 6, № 2, С. 35–40.

Иванов В.П., Чурносов М.И., Кожухов М.А., Пахомов С.П., Королев В.А. Популяционно-демографические и экологические аспекты репродуктивного здоровья в Центральном Черноземье. Курск: КГМУ, 2003. 208 с.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/perepis2010/croc/results2.html](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html) Дата обращения 08.11.2021.

Калмыкия в цифрах 2007 г. Ежегодник Госкомстата РК. Элиста: Калмыкиястат, 2008. 216 С.

Кулаков В.И., Леонов А.А. Экстракорпоральное оплодотворение и его новые направления в лечении женского и мужского бесплодия. М.: МИА. 2000. 59–67.

Курбатова О. Л., Победоносцева Е. Ю. Изменчивость параметров естественного воспроизводства и индексов Кроу в этнических группах двух крупнейших мегаполисов России // Генетика. 2017. Т. 53. № 11. С. 1349–1359.

Курбатова О.Л. Демографическая генетика городского населения: Автореферат дисс. доктора биол. наук. М., 2014, 49 с.

Курило Л.Ф. Являются ли репродуктивные технологии, технологии стволовых клеток и клонирования человека нашим будущим? Будущее жизни и будущее нашей цивилизации. М.: ЗАО «Кудесники». 2009. 368 С.

Население и условия жизни в странах Содружества Независимых Государств: Стат. сб./ Межгос. стат. Комитет СНГ. М., 2002.

Пасеков В.П., Ревазов А.А. К популяционной генетике населения Европейского Севера СССР. Сообщение 1. Данные по структуре шести деревень Архангельской области // Генетика. 1975, т. 2, №7, с. 145–155.

Подзолкова Н.М., Скворцова М.Ю., Прилуцкая С.Г. Беременность после ЭКО // Проблемы репродукции, 2020. 26(2) б 120–131.

Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2011. Элиста: Калмыкиястат, 2011. 321 с.

Санчат Н.О. Популяционно-генетическое изучение народонаселения республики Тува. Автореф., канд. дисс. Томск, 1998. 24 С.

Социально-экономическое положение России. М.: Госкомстат РФ, 2003.

Спицына Н.Х. Демографический переход в России. Антропогенетический анализ. М.: Наука, 2006. 311 С.

Crow J.F. Some possibilities for measuring selection intensities in man // Human Biol., 1958, 30. P. 1–13.

### References

Crow J.F. Some possibilities for measuring selection intensities in man // Human Biol., 1958. 30: 1–13.  
Goncharova, N.N., E.Iu. Martyshkina, T.V. Kaznacheeva, K.N. Arslanian, L.V. Adamian., L.F. Kurilo, T.M. Corokina, and V.B. Chernykh. 2012. Mediko-geneticheskie aspekty besplodiiya [Medical and genetic aspects of infertility] // *Akusherstvo, ginekologiya, reproduksiya*, 6 (2): 35–40.

- Ivanov, V.P., M.I. Churnosov, M.A. Kozhukhov, S.P. Pakhomov, and V.A., Korolev 2003. *Populatsionno-demograficheskie i ekologicheskie aspekty reproduktivnogo zdorov'ia v Tsentral'nom Chernozem'e* [Population and Demographic and Environmental Aspects of Reproductive Health in Central Chernozem Region]. Kursk: KGMU. 208 p.
- Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2010 goda v otnoshenii demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh kharakteristik otdel'nykh natsional'nostei* [Results of the 2010 All-Russian Population Census with regard to the demographic and socio-economic characteristics of certain nationalities] [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/perepis2010/croc/results2.html](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html) Data obrashcheniia 08.11.2021.
- Kalmykii v tsifrakh. 2007. Ezhegodnik Goskomstata RK* [Kalmykia in Figures 2007. Yearbook of the State Statistics Committee of the RK]. Elista, 2008. 216 p.
- Kulakov, V.I., and A.A. Leonov 2000. *Ekstrakorporal'noe oplodotvorenii i ego novye napravleniia v lechenii zhenskogo i muzhskogo besplodiia* [In vitro fertilization and its new directions in the treatment of female and male infertility]. Moscow: MIA: 59-67.
- Kurbatov, O. L., and E. IU. Pobednostseva. 2017. *Izmenchivost' parametrov estestvennogo vosproizvodstva i indeksov Krou v etnicheskikh gruppakh dvukh kurneishikh megapolisov Rossii* [Variability of the parameters of natural reproduction and Crow indices in the ethnic groups of the two largest megacities of Russia]// *Russian Journal of Genetics*. 53 (11): 1349-1359.
- Kurbatova, O.L. 2014. *Demograficheskaiia genetika gorodskogo naseleniia* [Demographic genetics of the urban population]: Avtoreferat diss. doktora biol. nauk. Moscow. 49 p.
- Kurilo, L.F. 2009. *Iavliaiutsia li reproduktivnye tekhnologii, tekhnologii stvolovykh kletok i klonirovaniia cheloveka nashim budushchim? Budushchee zhizni i budushchee nashei tsivilizatsii* [Are reproductive technology, stem cell technology, and human cloning our future? The future of life and the future of our civilization]. Moscow: ZAO "Kudesniki": 368 p.
- Naselenie i usloviia zhizni v stranakh Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv. 2002* [Population and Living Conditions in the Countries of the Commonwealth of Independent States]. Stat. sb./ Moscow : Mezhgos. stat. Komitet SNG.
- Pasekov, V.P., and A.A. Revazov 1975. *K populatsionnoi genetike naseleniia Evropeiskogo Severa SSSR. Soobshchenie 1. Dannye po strukture shesti dereven' Arkhangel'skoi oblasti* [Population genetics of the population of the European North of the USSR. Report 1. Data on the structure of six villages in the Arkhangel'sk region] // *Russian Journal of Genetics* 2 (7): 145-455.
- Podzolkova, N.M., M.Iu. Skvortsova, and S.G. Prilutskaia 2020. *Beremennost' posle EKO* [Pregnancy after IVF] // *Problemy reproduksii*. 26(2) b: 120-131.
- Respublika Kalmykii. Statisticheskii ezhegodnik. 2011* [Republic of Kalmykia. Statistical Yearbook]. Stat.sb./ Elista: Kalmykiiastat. 321 p.
- Sanchat, N.O. *Populatsionno-geneticheskoe izuchenie narodonaseleniia respubliki Tuva. 1998.* [Population Genetic Study of the Population of the Republic of Tuva]. Avtoref., kand. diss. Tomsk.. 24 p.
- Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii'. 2003.* [Socio-economic situation in Russia]. Moscow: Goskomstat RF.
- Spitsyna, N.Kh. 2006. *Demograficheskii perekhod v Rossii. Antropogeneticheskii analiz* [Demographic transition in Russia. Anthropogenetic Analysis]. Moscow: Nauka., 311 p.

## ИСТОРИОГРАФИЯ, ШКОЛЫ, КОНЦЕПЦИИ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/302-311

© А.Ю. Кошелева, М.А. Никитин

### К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ АНТРОПОЛОГИИ ДВИЖЕНИЯ\*

*Понятие мобильности в гуманитарных и общественных науках авторы рассматривают с точки зрения методологии науки и предлагают четко отграничивать мобильность как объект (предмет) исследования и мобильность методов исследования. Соблюдая логику исследования, авторы обращаются к истории вхождения темы мобильности в науку и рассматривают ее в методологическом ключе – мобильность как научный предмет и мобильность как научный метод. Авторы согласны с концепцией «мобильного поворота» в части развития предметного поля науки и поддерживают стремление изучать социальные и гуманитарные процессы именно как движущиеся, а не статичные объекты. Это современное понимание объекта науки открывает интересные исследовательские перспективы в научном отображении картины мира. В статье авторы выдвигают тезис: мобильность как самостоятельный объект исследования – это, во-первых, движение как перемещение и, во-вторых, движение как изменение. Это два разных представления движения, которые возможно изучать как совместно, так и отдельно, в зависимости от обозначения предмета исследования. Вместе с тем авторы призывают с осторожностью относиться к идее радикальной смены научного метода и так называемой четвертой парадигме и предлагают оставаться в методологических вопросах более консервативными, не принимая «мобильный поворот» сам по себе за смену способов научного познания мира.*

**Ключевые слова:** экспериментальная антропология, междисциплинарность, мобильный поворот, эмпирическая антропология, антропологическая скорость

**Ссылка при цитировании:** Кошелева А.Ю., Никитин М.А. К вопросу о методологии антропологии движения // Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 302–311.

---

**Кошелева Анна Юрьевна** – к.юрид.н., доцент Кафедры общественных связей, туризма и гостеприимства Факультета востоковедения и социально-коммуникативных наук, РГГУ (125047 Москва, Миусская пл., 6). Эл. почта: [ank1204@yandex.ru](mailto:ank1204@yandex.ru); <https://orcid.org/0000-0002-7615-196X>

**Никитин Максим Александрович** – к.и.н., научный сотрудник Отдела русского народа, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32А). Эл. почта: [proisel@gmail.com](mailto:proisel@gmail.com); <https://orcid.org/0000-0001-7068-9753>

\* Работа выполнена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

## TO THE METHODOLOGY OF THE ANTHROPOLOGY OF MOVEMENT

*This essay analyzes the dilemma of mobility in anthropological and social studies. Understanding culture as a “process” or rather as a “product” reflects the idea of the “mobility turn” suggested by J. Urry. The authors agree that adapting static methods to dynamic subjects is a non-starter. However, while some may think it takes a paradigmatical change to study dynamical subjects, it can be done with basic epistemic rules and instruments enriched with a mobile approach and enormous digital data. The authors consider possible collaboration with other disciplines to use their experience in mobile studies. This brings us to the experimental part of cultural anthropology. Acknowledging the importance of mobile methods, the authors distinguish between technical aspects and gnoseology. The dynamic nature of the subject requires the researcher to trace its substantial changes. It is thus essential for mobile research to synchronize all the multiple processes to be successful.*

**Keywords:** *experimental anthropology, interdisciplinarity, mobility turn, empirical anthropology, anthropological speed*

**For Citation:** Kosheleva A.Yu., and M.A. Nikitin 2022. To the Methodology of the Anthropology of Movement. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 302–311.

**Author Info:** **Kosheleva, Anna Yu.** – Ph.D., assistant professor of Public Relation, Tourism and Hospitality of Department of Oriental Studies and Social-Communicative Studies, Russian State University for Humanities (Moscow, RF). E-mail: ank1204@yandex.ru

**Nikitin, Maxim A.** – Ph.D., Researcher of the Department of the Russian People, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, RF), E-mail: maxim.nikitin@iea.ras.ru

### Постановка и обоснование проблемы

В апреле 2021 года на научной сессии Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН (ОИФН РАН) «Гуманитарные науки в эпоху цифровизации» состоялась дискуссия о значении технического прогресса последних десятилетий для гуманитарных исследований. Точнее было бы сказать, что продолжилась дискуссия, начавшаяся во второй половине прошлого столетия после появления электронно-вычислительных систем и первых попыток оценки перспектив их влияния на научно-исследовательскую деятельность в гуманитарной сфере. В ту эпоху появились работы, посвященные количественным методам и применению математического анализа в истории, (Ковальченко 1984) образовалось научное направление квантитативная история, при Отделении истории АН СССР была создана Комиссия по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях. Но дискуссия тех лет не привела к серьезным изменениям парадигмы гуманитарных наук. Революция

не произошла и неопозитивизм отступил до настоящего времени. Новая волна интереса к вычислительным технологиям связана с распространением анализа больших данных, «искусственного интеллекта» и перспективных квантовых компьютерных систем, сулящих экспоненциальный рост вычислительных процессов.

Ретроспективный характер обсуждения на общем собрании ОИФН РАН выразился и в трактовке двух основных направлений цифровизации гуманитарных наук: методическом и дескриптивном. В первом случае современные технологии способствуют повышению производительности исследователей, во втором случае цифровизацией называют новые способы хранения исследовательских материалов и репрезентации полученных результатов исследования в медиа пространстве. Причем в последнее время все больше и больше доминирует второй подход. Третье, наиболее перспективное направление цифровизации, связано с растущим значением цифровой реальности, которая не только отражает аналоговый мир, но и становится самостоятельным полем в виде цифровой культурной среды, оказывающей растущее влияние на «аналоговую» действительность. Интенсивное развитие новых технологий и сервисов вынуждает исследователей рефлексировать их как составную часть актуальных культурных процессов и как исследовательский инструмент одновременно. Ускорение научной работы за счет автоматизации рутинных процессов и обмена информацией – одно из очевидных завоеваний технического прогресса, о чем на конкретных примерах рассказывали участники упомянутой научной сессии Общего собрания. Но меняется ли при этом сам метод?

Почти 90 лет назад Р. Линтон призывал рассматривать культуру в виде процесса – постоянно меняющимся континуумом. Он также обратил внимание на то, что скорость изменения культур может быть существенно различной (*Linton 1936: 296*). Анализ динамических систем – задача сверхсложная. Мы замечаем не скорость, а ускорение и связанные с ним изменения, которые в последнее время в некоторых странах увеличивались экспоненциально (*Friedman 2017: 17*). Видимо по этой причине призыв к эмпирическому изучению антропологической динамики не находил широкой поддержки среди коллег до недавнего времени. Но ограниченность статичных подходов к исследованию социокультурных процессов стала особенно очевидна по мере их акселерации.

Динамика предмета исследования в общественных и гуманитарных науках – это своего рода многомерный подход, так как для динамики необходимо пространство. Динамика – это синоним акселерационного анализа, потому что она не постоянна и подразумевает порядковые вычисления.

На каждом этапе своего развития наука, с очередным значительным открытием обращает внимание на гносеологический аспект нового витка полученных знаний.

Немногим более десятилетия в социальных и гуманитарных науках, в предметное поле которых входит изучение человека в обществе, существуют новые направления мобильных и цифровых методов. Если в первом случае предметная область стала рассматриваться в пространственном аспекте, то во втором случае с одной стороны предмет и поле были расширены за счет компьютерной реальности, а с другой стороны стали применяться вычислительный потенциал современных информационных систем.

Это направление, вместе с методами, методиками, инструментами и правилами вывода объединяют термином «мобильный поворот». Названный термин принадлежит

Дж. Урри, который, подобрав ключ к идее движения, выделяет 12 основных форм мобильности (Урри 2012: 79), отмечая, что «в целом мобильности были «черным ящиком» социальных наук, их обычно рассматривали как нейтральный набор процессов, которые просто способствуют формированию экономической, социальной и политической жизни, объяснимой при помощи других, более мощных с точки зрения причинности процессов» (Урри 2012: 82). Но в противовес такому положению дел, представив мобильности в качестве самостоятельного предмета исследования, Дж. Урри предлагает мобильный поворот, который не просто нов, но более того – он «постдисциплинарен, он ведет к упразднению сложившейся схемы наук и дисциплин» (Урри 2012: 72).

Книга «Мобильности» Дж. Урри и другие исследования в этом направлении оказали огромное влияние на практику исследований, например, в теме развития городских пространств, антропологии пандемий, и других темах, результаты которых наглядны и эффективностью своей очень привлекательны. Вполне естественно, что в результате такого позитивного исследовательского эффекта, который дали исследования мобильности, открылась в науке дискуссия о новой методологии, новой научной парадигме, необходимости новых подходов в общественных и гуманитарных науках.

Какая-то часть этой дискуссии уже прозвучала, и аргументы известны. Однако все-таки единое научное мнение отсутствует. Это обусловлено внутренними сложностями в ряде вопросов предмета и метода: во-первых, очевиден успех культурной антропологии и социологии в ориентации части своих исследований на мобильность, и этот успех, возможно, несет в себе потенциальную универсальность для других социальных и гуманитарных наук; во-вторых, развитие технологий дает большие возможности в плане отдельных методов исследования и сбора информации, но как именно методику таких исследований задавать и результаты использовать – обсуждается.

Рассмотрим немного подробнее историю дискуссии, запущенной успехами мобильного поворота и работами Дж. Урри и соавторов.

### **Методологический обзор мобильности: предмет науки и научный метод. Вопросы смены парадигмы**

М. Шеллер дает объяснение мобильного поворота в своей статье «Новая парадигма мобильностей в современной социологии» (Шеллер 2016), включая в рассмотрение не только социологию, но и другие науки, в том числе антропологию. Она объясняет: «изучение мобильностей связано не только с телесным перемещением людей, но и с воображаемыми, визуальными, коммуникативными путешествиями» (Шеллер 2016: 5). Она особо отмечает, что «многие социологи, антропологи, историки критикуют идею «поворота мобильностей», якобы считающую мобильность ценностной нормой, желанным статусом» (Шеллер 2016: 5) и не согласна с таким подходом, уточняя, что «исследователи мобильностей сегодня ставят вопрос не о предпочтении потоков, скоростей, космополитизма или номадной субъектности, а скорее об отслеживании силы дискурсов, практик, инфраструктур при создании эффекта (и аффектов) движения/покоя» (Шеллер 2016: 5). Переходя к вопросам методологии, М. Шеллер пишет: «Одно из самых важных достижений исследований мобильности – активные эксперименты с множественными методами, создание новых «мобильных методов», способных схватить, исполнить, даже вмешаться в процесс движения» (Шеллер 2016: 9).

В соавторстве М. Шеллер и Дж. Урри получился перечень мобильных методов, который мы приведем полностью: «интеракционный анализ и анализ разговоров людей в движении; мобильные этнографии – передвижение людей, сопровождение объекта, параллельное погружение в разные виды движения; интервью по горячим следам и фокус-группы по мобильности; текстовые, изобразительные, дигитальные – пространственно-временные дневники; методы киберисследований, кибер-этнографии и компьютерной симуляции; воображаемые путешествия с использованием мультимедиа, фиксирующих аффективные и иные ощущения места; отслеживание объектов, будящих чувства, память о месте; наконец, методы измерения структур пространства и темпорального пульса переходных точек и мест, промежутков, где циркуляция людей и объектов замедляется, останавливается, ускоряется/растёт» (Шеллер 2016: 9).

Обзор основных мобильных методов в своей статье дает О.Н. Запорожец (Запорожец 2017) и характеризует интересующую нас методологическую проблематику таким образом: «...Создание новых теорий и языков описания значительно опережало разработку инструментов исследования. Было понятно, что изучать, но было не очень понятно, как это делать» (Запорожец 2017: 38). В статье она рассматривает мобильные методы совместного перемещения (совместная прогулка, совместная поездка, биографическая прогулка); следование тенью; модальный анализ (Запорожец 2017: 42–43; 44–58).

Исследователи говорят также о других типах новых методов, которые тоже можно отнести к мобильным: возможности современных технологий и устройств отлично представлены большими данными, и они тоже оказывают существенное влияние на понимание методологической ситуации в науке. В большой статье, посвященной big data, вопросу о смене научных парадигм и другим актуальным проблемам методологии социальных и гуманитарных наук, Р. Китчин (Китчин 2017) формулирует несколько интересных и заслуживающих внимания позиций. Он критикует «новый эмпиризм, или конец теории» – методологическое направление, характеризующееся использованием результатов, полученных из больших данных, основанным на корреляции без причинного объяснения: «если данные и могут быть интерпретированы вне контекста и без наличия специфических для конкретной области знаний, построенная на подобной эпистемологии интерпретация, скорее всего будет неполной или не проясняющей сути дела, так как она остается в стороне от контекста текущих дискуссий и накопленных знаний» (Китчин 2017: 126). Но предполагает перспективу за другим направлением, – наукой, «идушей от данных»: это «модификация традиционного научного метода, вводящая новый способ построения теорий» (Китчин 2017: 129), такая вариация «ориентирована на необходимость придерживаться основ существующей научной методологии <и> подразумевает применение направленных методик поиска знаний для определения возможных вопросов (гипотез), представляющих интерес для дальнейшей разработки и проверки» (Китчин 2017: 126–127). Основное отличие науки, идущей от данных, от нового эмпиризма в том, что последний отрицает вопросы традиционного научного процесса, теоретического – а по сути, причинного – объяснения происходящих событий, получаемых результатов, объяснения будущего развития процессов, и считает достаточными корреляционные выводы, сделанные машиной на основе программного анализа больших данных.

J. Voase и L. Humphreys в редакционной статье «Mobile methods: Explorations, innovations, and reflections» (Voase, Humphreys 2018) отмечают грань между мобильностью как предметом исследования и мобильными методами. Предлагаемую ими логику де-

монстрируют следующие их позиции: «Для тех, кто работает в традиции поведенческой науки (курсив наш. – А.К., М.Н.), большой объем кешированных данных журнала, содержащийся на мобильных устройствах, открывает новые возможности наряду с серьезными этическими и методологическими проблемами... Для тех, кто работает в традиции интерпретации (курсив наш. – А.К., М.Н.), роль мобильных устройств во многих аспектах социальной жизни требует переосмысления контекста исследования» (Boase, Humphreys 2018: 154). Авторы отмечают, что их подход к мобильным методам немного отличается от собственно социологического, то есть предложенного Дж. Урри и его последователями: «мы ограничили наш подход к мобильным методам для того, чтобы сосредоточиться на том, как технологии мобильной связи используются для изучения социальных явлений. Смартфоны за 10 лет покорили человечество и сейчас представляют собой исчерпывающий источник информации о своем обладателе (Эрикссон 2020: 46). В первую очередь это касается различных приложений для смартфонов, таких как: текстовые сообщения, камеры и карты, а также индивидуализированных приложений для сбора данных или социальных открытий (social invention)» (Boase, Humphreys 2018: 154). Авторы справедливо отмечают, что «мобильные методы в исследованиях мобильности могут использовать или не использовать технологию или среду мобильной связи, и поэтому они намного шире, чем то, как мы определили мобильные методы в этом специальном разделе» (Boase, Humphreys 2018: 154).

Итак, как видно из изложенного, в период с середины 2000-х до ближайшего настоящего времени тема мобильностей в социологических и гуманитарных науках оказала огромное влияние на научную рациональность. Значение темы мобильности таково, что обоснованно требует рефлексии, которая пока вовсе не останавливается, и исследования собственного научного предмета продолжают наряду с исследованиями области, которую можно назвать научным самопониманием. Конечно, социальные и гуманитарные науки нуждаются в периодическом переосмыслении методологии, так как предметы их исследований очень сложные, а методология обосновывает научные выводы и верифицирует полученное знание относительно объекта исследования – человека и общества. Различные науки о человеке и обществе по-разному берут этот объект познания: социология делает акцент на обществе, история – на прошлом, этнография – на обществах в их культурной самоидентичности, антропология – на человеке в обществе, психология – на человеке внутри себя, юриспруденция – на нормах и процедурах обязательного социального поведения. Корректная методология верифицирует полученное научное знание и позволяет продолжать исследования, но исследования сами по себе подчиняются стандартным законам мышления: анализ, синтез, следование от посылок к выводам, вычленение общего, поиск особенного, дедукция, индукция и другие логические операции, которые мы совершаем с имеющимся знанием или имеющимися данными для того, чтобы получить новое знание<sup>1</sup>. В этом смысле человеческое мышление вообще и научное в частности, как процесс, вероятно, не изменяется значительно со временем, хотя процесс научного познания зависит не только от мышления, но и от того, какими данными располагает исследователь для анализа: каков объем этих данных, их качество, детальность, повторяемость, воспроизводимость, универсальность и т.д. Таким образом, методология научного познания

<sup>1</sup> Например, Р. Китчин в цитированной статье со ссылкой на Ч.С. Пирса упоминает абдукцию, цель которой «построение обоснованного и разумного заключения, которое не обязательно окончательно и не подлежит сомнению». См.: Китчин 2017: 128.

определяется не только мышлением исследователя, но и материалом, которым оно (мышление) оперирует. Эмпирический материал и исходные данные находятся в зависимости от возможности их получать или собирать. С появлением новых инструментов заметно трансформируется именно этот момент методологии: исследовательское качество исходного материала или эмпирических данных. По мере развития цифровой реальности, формирования динамических цифровых профилей и появления вычислительного потенциала для их анализа гуманитарные и общественные науки получают возможность оперировать исчерпывающей информацией о предмете исследования, а не выборками. И одновременно научный процесс продолжает быть основан все на тех же самых мыслительных операциях и причинное объяснение доминирует в науке.

Обсуждение смены научной парадигмы в связи с мобильным поворотом активно происходит в научном мире. Постдисциплинарность мобильного поворота, заявленная Дж. Урри, вкуче с экстрановизной и вариативностью мобильных методов, основанных на сочетании устройств и технологий, даже ставят вопрос о четвертой научной парадигме. Что относительно этого в логике и методологии науки происходило до сих пор? Во-первых, парадигмы были выявлены только ретроспективно. Традиционно науки различали по *объекту* познания на науки о природе и науки о духе. Затем В. Виндельбанд в своей речи «История и естествознание», произнесенной при вступлении в должность ректора страсбургского университета 1 мая 1894г. предложил разделять науки по научному *методу* на номотетические и идиографические: «одни из них суть науки о законах, другие – науки о событиях; первые учат тому, что всегда имеет место, последние – тому, что однажды было» (Виндельбанд 1904: 320). Позднее, Т. Кун, исследуя рациональность в науках вообще, обнаружил периодические смены парадигм научного знания, и предложил отличать нормальную науку как деятельность по решению головоломок (с устоявшимся предметом и методом) и научные революции как изменение взгляда на мир (ситуации, в которых нормальная наука не может объяснить новую проблематику) (Кун 1977). Тесно связанный с понятием «нормальная наука» термин «парадигма» характеризуется состоянием, при котором научные труды а) в достаточной мере беспрецедентны, чтобы привлечь на длительное время группу сторонников из конкурирующих направлений научных исследований; и б) достаточно открыты, чтобы новые поколения ученых могли в их рамках найти для себя нерешенные проблемы любого вида (Кун 1977: 28).

Итак, современная методологическая ситуация в социальных и гуманитарных науках такова, что, во-первых, мобильности или их новые трактовки активно вошли в предмет исследования; во-вторых, предполагается, что мобильному предмету – мобильные методы, и исследователь должен перемещаться вслед за объектом исследования; в-третьих, технологии порождают особенный класс мобильных методов, то есть методов, даваемых мобильными устройствами; и, наконец, в-четвертых, говорят о том, что эти современные направления знаменуют смену научной парадигмы.

Для исследователя находиться в процессе смены научной парадигмы и наблюдать ее изнутри очень интересно; парадигма меняется со сменой типа научной рациональности, однако действительно ли сейчас, на основе темы мобильностей, происходит эта смена, – будет точно известно только когда она уже произойдет, оформится и превратится в историю науки. Вообще, наблюдать за сменой парадигмы изнутри – это, собственно, и есть наблюдение движущегося объекта в движении. Но всегда ли это нужно? Смена типа научной рациональности зависит не от осмысления ее в процессе перемен и

управлять этим процессом рефлексия не может, поскольку тип научной рациональности определяется состоянием научных взглядов исследователей, состоянием нашей науки, а не результатами наблюдения. Поэтому изучение вопроса о том, происходит ли сейчас в связи с мобильным или другими поворотами смена парадигмы или не происходит – это необходимая для самоверификации текущая научная рефлексия.

Мобильные методы в обоих смыслах (и как перемещение исследователя за движущимся объектом изучения, и как получение различных данных с мобильных устройств) действительно произвели заметный эффект в социальных и гуманитарных науках. Движение изучалось и до мобильного поворота, но в сегодняшнем состоянии мобильностям уделяется более пристальное внимание, что обусловлено не только фактом принятия движения в качестве особенного объекта, но и разработкой новых методов, дополненных использованием современных технологий.

### **Движение: особенный предмет исследования, особый методологический подход**

*Движение в качестве особенного объекта исследования может иметь два представления: 1) движение как перемещение и 2) движение как изменение.* В зависимости от объекта и целей исследования эти представления можно разделить или совместить. Для научной цели познания движение берется в настоящем или в прошлом, а если вести речь о научной цели прогнозирования, то моделируется движение в будущем.

Пандемия вынудила человечество осознано подходить к социокультурной и антропологической динамике, так как распространение вирусов коррелирует с мобильностью человека.

Перемещение человека, информации и предметов в пространстве – это движение, подчиняющееся физическим законам. Изменение представлений, отношений, идентичности, культурных форм, а также дрейф этничности и другие нелинейные процессы можно измерять формулами определения производительности, экономической и демографической статистики, химической кинетики. Применение аналоговых формул движения позволит измерять их и в культурной антропологии.

Предполагаем, что физические формы антропологического движения приводят в конечном счете к качественным изменениям. Также как химическая реакция всегда является следствием физического воздействия. Но как повлияет увеличение физической скорости на качественные метаморфозы? Очевидно, что «естественные» скорости, связанные с когнитивными и демографическими процессами, растягивают социокультурные и антропологические процессы на поколения. Однако, ускорение социокультурных процессов приводит к глобальным изменениям, и ученые ставят вопросы о будущем миропорядке и судьбе государственных образований (*The Fate of the Nation-state 2004: 153*). *Управление динамикой открывает перспективы сбалансированного и гармоничного устойчивого общественного развития.* Управлять скоростью изменений необходимо также из-за ограниченной адаптивной способности (скорости) общества. Синхронизация культурных и социальных процессов – обязательное условие эффективной модернизации, позволит избежать перегрева (*Эрикссон 2020: 48*). Например, современные технологии оказывают заметное влияние на рынок труда. С внедрением инноваций растет когнитивная нагрузка на человека. Скорость адаптаций к нововведениям индивидуальна и может вызывать чувства

беспокойства (*Rogers 2003: 11*). Если не регулировать их внедрение, то безработица, вызванная их внедрением, может стать причиной социальной напряженности.

Интересным свойством мобильных методов является то, что в чистом виде они сочетаются только с тем движением, которое происходит в настоящем. Если речь идет о прошлом или будущем движении, то мобильные методы отходят на второй план, и исследование опирается на обычные научные методы, которые по своей сути есть мышление: анализ, синтез, дедукция.

Самое наглядное исследование с применением мобильных методов получается при изучении перемещения (вид движения), происходящего в настоящий момент. Изменение (другой вид движения), которое происходит в настоящее время, уже не является таким наглядным, и его изучение требует большой подготовки в плане того, какие вопросы ставятся перед исследованием, какие именно методы применяются и как анализируются результаты. Здесь мобильные методы превращаются в дополнительный инструментарий, и основными методами снова становятся законы мышления. Прошлое движение, как перемещение, так и изменение, могут изучаться с помощью мобильных методов при условии, что такое движение смоделировано; точно так же обстоит дело с прогнозированием будущего движения.

Стоит отметить, конечно, особую роль социологии в развитии мобильных методов. Среди социальных и гуманитарных наук именно здесь происходили плодотворные поиски и приспособления новых технологий к запросам науки. Методологические успехи социологии в плане использования новых технологий могут быть адаптированы другими науками, изучающими человека и общество, в той мере, в которой они будут применимы и приемлемы. К междисциплинарным заимствованиям можно допустить и отдельные научные выводы. Поэтому при использовании мобильных методов вслед за социологией можно исследовать междисциплинарное соотношение, например, антропологии и социологии, в той части, в которой обе эти науки изучают те или иные аспекты человека и человеческого общества.

Таким образом, основой научной методологии, даже методологии движения, остаются законы научного мышления, поэтому мобильный поворот предоставляет большой, но дополнительный, инструментарий исследований, и не заменяет обычную научную аналитическую работу и не обязательно символизирует смену парадигм. Мобильные методы дали широчайшие возможности при исследовании наличного движения – *перемещения* и обогатили предмет науки, позволяя получать щедрые научные результаты. Использовать мобильные методы для изучения наличного движения – *изменения* уже сложнее; а что касается движения в прошлом или прогнозов на будущее движение, то здесь мобильные методы вряд ли применимы вне моделирования объекта исследования. Также важны и междисциплинарные связи социальных и гуманитарных наук в вопросе как изучения самих мобильных методов, так и возможных заимствований полученных результатов. Коллаборация подходов разных научных дисциплин к изучению и измерению движения позволит управлять динамическими процессами в интересах всего человечества.

### Научная литература

Виндельбанд В. Прелюдии: Философские статьи и речи / пер. со 2-го немецкого издания С. Франка. СПб, Издание Д.Е. Жуковского, 1904. 374 с.

Запорожец О.Н. Мобильные методы: исследование жизни в движении. Социология: 4М.

2017. № 44. Стр. 37–72.

Китчин Р. Большие данные, новые эпистемологии и смена парадигм // пер. с англ. О.Н. Шавоной / Социология: 4М. 2017. № 44. Стр. 111–152.

Ковальченко И.Д. (отв. ред). Количественные методы в исторических исследованиях. М.: Высшая школа, 1984.

Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ., издание второе. М.: Издательство «Прогресс», 1977. 300 с.

Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с.

Шеллер М. Новая парадигма мобильностей в современной социологии // пер. с англ. Н.В. Романовского, с сокращ. Социологические исследования, 2016. № 7. Стр. 3–11.

Эрикссон Т.Х. Время: (а)синхронность в эпоху смартфонов. Сибирские исторические исследования, 2020. № 2. DOI: 10.17223/2312461X/28/3

Boase J., Humphreys L. «Mobile methods: Explorations, innovations, and reflections» // *Mobile Media & Communication*, 2018. № 6 (2). Стр. 153–162. <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2050157918764215> (доступ дан. 22.03.2021)

Everett M. Rogers «Diffusion of Innovations, 4th Edition Paperback». New York: Free Press, 1995.

Linton Ralph «The Study of Man». New York: Appleton Century Crofts, Inc.1936.

Michel Seymour The Fate of the Nation-state/ Are Nationstates Obsolete? The Challenge of Globalization McGill-Queen's University Press – MQUP, 2004.

Thomas L. Friedman «Thank You for Being Late: An Optimist's Guide to Thriving in the Age of Accelerations». New York: Farrar, Strauss and Giroux, 2016.

## References

Eriksson, T.H. 2020. Vremya: (a)sinhronnost' v epohu smartfonov [Synchronisation and de-synchronisation in the era of the smartphone]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya 2*: DOI: 10.17223/2312461X/28/3.

Everett, M. Rogers 1995. «*Diffusion of Innovations, 4th Edition Paperback*». New York: Free Press.

Boase, J., L. Humphreys 2018. «Mobile methods: Explorations, innovations, and reflections». *Mobile Media & Communication* 6 (2): 153–162. <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2050157918764215> (access 22.03.2021).

Friedman, T.L. 2016. *Thank You for Being Late: An Optimist's Guide to Thriving in the Age of Accelerations*. New York: Farrar, Strauss and Giroux.

Kitchin R. 2014, 2017. Bol'shie dannye, novye epistemologii i smena paradigm, per. s angl. O.N. Shavoj [Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts]. *Sociologiya* 44: 111–152.

Kovalchenko I.D. (ed) 1984. *Kolichestvennye metody v istoricheskikh issledovaniyah* [Quantitative methods in historical research]. Moscow: Vysshaya shkola.

Kuhn T. 1962, 1977. *Struktura nauchnyh revolyucij / per. s angl., izdanie vtoroe* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow.: Izdatel'stvo «Progress». 300 s.

Linton, R. 1936. *The Study of Man*. New York: Appleton Century Crofts, Inc.

Seymour, Michel. 2004. *The Fate of the Nation-state/ Are Nationstates Obsolete? The Challenge of Globalization*. London: McGill-Queen's University Press – MQUP.

Sheller M. 2014, 2016. Novaya paradigma mobil'nostej v sovremennoj sociologii / per. s angl. N.V. Romanovskogo, s sokrashch [The New Mobilities Paradigm for a Live Sociology]. *Sociologicheskie issledovaniya* 7: 3–11.

Urry, J. 2007, 2012. Mobil'nosti [Mobilities]. per. s angl. A.V. Lazareva, vstup. stat'ya N.A. Harlamova. Moscow: *Izdatel'skaya i konsaltingovaya grupa «Praksis»*.

Windelband, W. 1894, 1904. *Prelyudii: Filosofskie stat'i i rechi* [Prelude: Philosophical Articles and Speeches]. St. Petersburg: Izdanie D.E. Zhukovskogo.

Zaporozhec, O.N. 2017. Mobil'nye metody: issledovanie zhizni v dvizhenii [“Mobile methods”: studying life in motion]. *Sociologiya* 44: 37–72.

© А.А. Бурыкин

## В.Г. БОГОРАЗ КАК ЮКАГИРОВЕД

*В статье рассматривается вклад В.Г. Богораза в изучение этногенеза, хозяйства, фольклора и духовной культуры юкагиров. Автор подчеркивает, что, хотя Владимир Германович специально не занимался изучением этого народа, он сделал ценные наблюдения, касающиеся взаимодействия юкагиров и чукчей, эвенов, русских старожил, и нашел параллели в хозяйственной деятельности и культуре этих народов. Идеи ученого в области этногенеза и ранней этнической истории юкагиров в целом соответствуют современным представлениям, хотя о происхождении этого народа до сих пор идут дискуссии. В статье подчеркивается, что знаменитый труд В.Г. Богораза «Чукчи» вносит заметный вклад и в изучение этнографии юкагиров, их хозяйства и культуры конца XIX в.*

**Ключевые слова:** В.Г. Богораз, палеоазиатские народы, юкагиры, чукчи, эвены, этногенез, хозяйство, духовная культура, фольклор, шаманство

**Ссылка при цитировании:** Бурыкин А.А. В.Г. Богораз как юкагировед // Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 312–325.

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/312-325

© А.А. Burykin

## V.G. BOGORAZ AS A RESEARCHER OF YUKAGIRS

*The article highlights the contribution of V.G. Bogoraz to the study of ethnogenesis, economy, folklore and spiritual culture of the Yukagirs. The author shows that although V.G. Bogoraz did not specifically deal with the Yukagirs, he made and summarized many valuable observations on the interaction of the economy and culture of the Yukagirs with the culture of the Chukchee, Evens, and Russian old-timers. The scientist's ideas on ethnogenesis and the early ethnic history of the Yukagirs are generally consistent with modern ideas, although the problem of the origin of the Yukagirs has not yet been resolved. The ideas and observations of V.G. Bogoraz contained in his famous work "The Chukchee" (Russian translation of parts I-II, L., 1934, 1939) make a significant contribution to the study of the ethnography of the Yukagirs, of their economy and culture at the end of the 19th century.*

**Keywords:** V.G. Bogoraz, Paleosiberian peoples, Yukagirs, Chukchee, Evens, ethnogenesis, economy, spiritual culture, folklore, shamanism

**For Citation:** Burykin, A.A. 2022. V.G. Bogoraz as a Researcher of Yukagirs. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 312–325.

**Author Info: Burykin, Aleksey A.** (1954–2021) – Dr. of History, Dr. of Philology, Leading Researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

В.Г. Богораз (Тан-Богораз, Богораз-Тан) (1865–1936) вошел в историю отечественной этнографической науки прежде всего как исследователь народов, которых принято называть северо-восточными палеоазиатами: чукчей, коряков, эскимосов, эвенов (*Цинциус* 1967). В XX в. проблемы этнографии этих народов и их соседей активно изучались выдающимися представителями советской школы североведения И.С. Вдовиным, И.С. Гурвичем, Б.О. Долгих, Е.А. Крейновичем и другими.

Первое этнографическое описание юкагиров принадлежит перу российского путешественника, географа, лингвиста и этнографа Я.И. Линденау (1700–1795) (*Линденау* 1983: 154–156). Но основоположником научного изучения этого народа справедливо считается современник В.Г. Богораз В.И. Иохельсон (1855–1937), автор знаменитого исследования «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы» (*Иохельсон* 2005). Во второй половине XX в. был опубликован ряд научных трудов, посвященных истории, этнографии и антропологии юкагиров (*Окладников* 1975; *Туголуков* 1979). Работа была продолжена и в XXI в. – в первую очередь следует отметить Л.Н. Жукову, автора нескольких монографий, учебных пособий, статей и получивших широкую известность «Очерков по юкагирской культуре» (в 3-х ч.) (*Жукова* 2003, 2009, 2012, 2013). В 2010 г. в серии «Народы и культуры» вышел том «Народы Северо-Востока Сибири», в котором есть и очерк «Юкагиры» (*Плужников, Шадрин* 2010: 677–685). Фактически изучение юкагиров как этноса сложилось в самостоятельную традицию и в лингвистике, и в фольклористике, и в археологии (*Кирьяк* 1993; *Жукова* 2003), и в этнографии. Несмотря на такой интерес к проблеме, работы В.Г. Богораз, посвященные юкагирам и содержащие полевые наблюдения, сделанные ученым в местах их проживания, до сих пор не были в должной мере востребованы.

Современные антропологи отдают дань уважения В.Г. Богоразу как ученому-этнографу мирового уровня (*Михайлова* 2004; *Кап* 2006; *Крупник* 2008). Его заслуги как собирателя и исследователя фольклора народов Северо-Востока Азии по достоинству оценены и признаны специалистами (*Беликов* 1967; *Зеленин* 1937; *Колесницкая* 1971). Владимир Германович и его супруга Софья (см. о ней: *Михайлова* 2016) были первыми учеными, собравшими образцы фольклора в бассейне Анадыря, где помимо чукчей жили и родственные юкагирам ходынцы, анаулы и чуванцы (*Bogoras* 1918). В 1990-х годах были опубликованы ранее неизвестные записи фольклорных материалов русскоязычных чуванцев и их потомков, сходные по фактуре и сюжетике с зафиксированными В.Г. Богоразом (*Жихарев* 1992; *Уваровская* 1992). Интересно, что сохранение архаического старожильческого фольклора Владимир Германович приписывает юкагирам: «В далеком колымском краю, на крайнем севере Якутской области обруселые юкагиры еще до конца XIX века выпевали некоторые из этих “старин” (былин)» (*Богораз* 2018: 151).

Описывая разные самодийские народы, ученый зачастую проводит параллели между ними, обращаясь в том числе и к юкагирам. Так, упоминая щуку – тотем, встречающийся в «Калевале», В.Г. Богораз замечает:

Скажу, кстати, что такими огромными щуками наполнены легенды сибирского севера. Юкагирский охотник на неведомом озере наехал челноком на чудо-

вишнюю рыбу. То была щука. Один глаз ее он увидел слева, а другой – далеко справа. Его двойное весло, длиною в сажень, трижды могло уложиться между страшными глазами (Там же: 161).

Юкагирская тема занимает важное место в программной междисциплинарной работе ученого «Древние переселения народов в северной Евразии и в Америке» (Богораз 1927). В.Г. Богораз отделяет юкагиров и чуванцев от чукчей и эскимосов, а о долганах пишет так:

Ряд других племен, обитающих в арктической Азии и в более южных горных областях Сибири кажутся мне примыкающими к палеоазиатам. Таковы на севере долганы, племя неизвестного происхождения, обитающее по реке Хатанге и у озера Ессей, на стыке между самоедами и якутами. Долганы считаются отраслью тунгусов, усвоившей ныне якутский язык. Я склоняюсь к тому, чтобы считать долганов наиболее западной отраслью восточных палеоазиатов, родственной вероятно юкагирам. Юкагиры на всем протяжении от Лены до Алазеи тоже сперва подверглись тунгусской, а потом якутской ассимиляции (Богораз 1927: 41).

Здесь с В.Г. Богоразом трудно согласиться, ни в языке, ни в этнографии долган не выявляются юкагирские параллели, чукотские заимствования тоже не бросаются в глаза, хотя патронимия Каранто (чук. *қоранто* – «происходящий от оленей») вполне может иметь чукотское происхождение за счет позднейших контактов. В.Г. Богораз отмечает, что оленеводство без использования пастушеской собаки характерно для чукчей, коряков, чуванцев и юкагиров, северных тунгусов и якутов (Там же: 44). Это замечание ученого бесспорно и абсолютно верно, равно как и наблюдения над характером оленеводства в Евразии и рассуждения о его происхождении.

Интересна следующая мысль В.Г. Богораз: «...юкагиры, а также вероятно и долганы, подверглись тунгусификации. Можно полагать, что и среди амурских племен, особенно в области устья, мы имеем древне-азиатов, усвоивших тунгусский язык. Таковы, быть может, орочи и ольчи» (Богораз 1927: 61). Эта мысль высказывалась ученым и в монографическом издании «Чукчи» (Богораз 1934: 41, 61).

Относительно долган взгляды В.Г. Богораз требуют пересмотра, что касается тунгусификации юкагиров, то здесь Владимир Германович прав – и в гораздо большей степени, чем некоторые современные юкагирологи, «уклоняющиеся» от обсуждения эвенкийского влияния на верхнеколымских и нижнеколымских юкагиров. Взгляды В.Г. Богораз на юкагиров и чуванцев в целом соответствуют мнениям современных археологов. А.И. Лебединцев считает автохтонным населением Северо-Востока Азии чукчей, коряков и эскимосов (Лебединцев 2008: 77), а юкагиров и чуванцев причисляет к более поздним пришельцам; О.А. Мудрак отмечает, что юкагирский язык, вопреки мнению его коллег (Николаева 1988), относится не к уральской ветви, а входит в одну «палеоазиатскую» группу с нивхским (Мудрак 2000). В этом случае лексические связи юкагирского и чукотского языков, проявляющиеся в географических апеллиативах (Бурыкин 2013), следует рассматривать как ареальные. Что касается «древне-азиатского» субстрата на Амуре, то он реально прослеживается у южнотунгусских народов. Гидронимы Анюй – так называются приток Амура и две реки, впадающие в Колыму – происходят от чукотского *йынройын* – «стрелка, место слияния притока с рекой», а название реки Амур (ульч. Мангбу, нан. [Дай] Мангбо – «большая река, сильная вода») – от чукотского Мэйнгвээм – «Большая

река» (Бурыкин 2013: 362); можно провести аналогии между чукотской соматической лексикой и удэгейской лексикой медвежьего ритуала (Бурыкин 2000).

Наблюдения В.Г. Богораз за традиционными занятиями жителей бассейнов Колымы и Анадыря привели его к следующему обобщению:

На Колыме и на Анадыре все племена, живущие в соседстве с оленными чукчами, каковы юкагиры, тунгусы и даже та пестрая «смесица», которая составила из обруселых отрывков погибших народностей, усвоивших русский язык, в общем существуют рыболовством (ездовое животное – собака) или сухопутной охотой (ездовое животное – верховой олень при скудном и ограниченном оленеводстве) (Богораз 1934: XXVII).

Интересны суждения В.Г. Богораз относительно разных этнотерриториальных групп в интервале от Чаунской губы до бассейна Анадыря. Он пишет:

Обрусевшие туземцы<sup>1</sup> по Колыме рассказывают еще о другом вымершем племени, которое они называют Шелаги и от имени которого производится название Шелагского мыса (мыс Эрри) на Ледовитом океане. «Шелаги» были приморским народом и жили где-то на берегу Ледовитого океана. Предполагают, что им принадлежали остатки жилищ на Медвежьих островах, вблизи устья Колымы. Их часто смешивали с Саасет, хотя нет никаких сведений о взаимном отношении двух указанных племен. Туземцы предполагают, что оба племени эмигрировали на восток. Об этом упоминает также Врангель<sup>2</sup>.

Майдель, без видимых оснований, отрицает существование того и другого племени. Он упоминает, однако, почти на той же самой странице, что Петр Мангол, один из его чукотских проводников, утверждал, что в прежние времена на мысе Эрри жили приморские чукчи, которые говорили на языке, отличном от языка современных обитателей<sup>3</sup>.

Затем он упоминает об охотнике Иване Вилигине, который жил в последней четверти XVIII столетия. Этот охотник утверждал, что он знал одного старого человека по имени Корай (опечатка, д.б. Копай. – А.Б.), который считал себя принадлежащим к племени шелагов. Он жил на морском берегу, в 200 километрах от устья Колымы. Майдель считал весь этот рассказ недоразумением.

Туземцы, однако, рассказывают, что на морском берегу к западу от острова Ажо (Айон. – А.Б.) еще существуют развалины, подобные тем, которые находятся на Медвежьих островах<sup>4</sup>, а это подтверждает слова Вилигина.

<sup>1</sup> Обрусевшими туземцами Колымы являются преимущественно юкагиры, имеющие большую примесь русской крови, а также часть якутов и чуванцев. Обрусевшие туземцы Анадыря состоят из юкагирских и чуванских элементов с некоторой примесью коряков и русских (прим. 2) (примечание В.Г. Богораз).

<sup>2</sup> Wrangell стр. 338 (примечание В.Г. Богораз). Имеется в виду: Wrangell F. Narrative of an Expedition to the Polar Sea... London, 1840.

<sup>3</sup> Г.Л. Майдель, Путешествие по северо-восточной части Якутской области. Приложение к LXXIV тому «Записок Академии Наук», т. I, стр. 331 (ссылка В.Г. Богораз).

<sup>4</sup> Древние жилища на Медвежьих островах по материалам XVIII–XIX вв. описаны в одной из моих (совместно с В.Н. Соловар) работ (Бурыкин, Соловар 2017: 65–68), но, насколько мне известно, еще не обследованы археологами.

Название Саасет в его руссифицированном виде будет «чаванцы» или «чаунцы», так что оно почти тождественно со словом «чуванцы». Это племя, в настоящее время почти исчезнувшее, в прежние времена жило где-то между юкагирами и чукчами. Оно занималось оленеводством и, вероятно, было посредствующим звеном между двумя указанными племенами. Остатки оленных чуванцев в настоящее время ассимилировались с коряками и говорят по-коряцки, а чуванцы-рыболовы совершенно обрусели. Несколько слов чуванского языка, приведенных в интересной книге Дьячкова<sup>1</sup>, являются юкагирскими словами. Дьячков был школьным учителем селения Маркова, на среднем течении Анадыря, и сам себя считал чуванцем. На тундре, к западу от Колымы, еще существуют два или три рода юкагиров, которые смешались с тунгусами и в ограниченных размерах занимаются оленеводством. Старые архивные документы Нижне-Колымска, датированные 1770 годом, упоминают «юкагир Ходинского чуванского рода»<sup>2</sup>. В настоящее время единственный существующий чуванский род называется Ходынским<sup>3</sup> (*Богораз* 1934: 7).

Здесь признание шелагов и народа Саасет самостоятельными этносами является лишь данью времени. Первые – одна из территориальных групп чукчей – *чульылыт*, а Саасет, похоже, является самоназванием чаунских чукчей. Насколько мы знаем, юкагиры в районе Чаунской губы не жили и могли появляться там только как проводники русских экспедиций конца XVIII – первой четверти XIX в. Г. Майдель не нашел никаких следов шелагов как отдельного народа – и был в этом прав (см.: *Бурькин* 2013: 299–305, 315, 468). Что касается остатков жилищ на Медвежьих островах, то они принадлежали, очевидно, приморским чукчам-*ангкальыт*, которые в XVIII в. посещали эти острова, занимаясь здесь промыслом (*Бурькин, Соловар* 2017: 65–68). Им же принадлежит и странное сооружение, которое геодезисты XVIII в. назвали «крепостцой» (Ф.П. Врангель искал его, но уже не нашел); можно предположить, что это был жертвенный помост, сооруженный приморскими чукчами (*Бурькин* 2011).

Характеризуя названия и самоназвания народов Чукотки, В.Г. Богораз отмечает: «Юкагиры сами себя называют *odul* – “человек”. В чукотско-коряцкой огласовке получится: *atal*» (*Богораз* 1934: 8, прим. 1). А чуть ниже пишет:

Ламуты и тунгусы называются *qaa-ramkýt*, что значит «оленное племя». Более точно ламуты называются *qog-emte-qaa-ramkýt* – «оленное племя, ездящед верхом на оленях», а тунгусы тундры к западу от Колымы вместе с оленными юкагирами называются *ogwu-qaa-ramkýt* – «санно-оленное племя», так как они ездят на санях. Юкагиры не имеют специального названия. Их называют *veemylyt* – «речной народ», также как называют северных русских, потому что те и другие являются рыбаками и живут по рекам или вблизи от них (*Богораз* 1934: 8).

Здесь весьма существенны как использование названия *вэемылыт* («речные, приречные»), так и вытекающее из него указание на юкагирское происхождение

<sup>1</sup> Дьячков, стр. 101 (примечание В.Г. Богораз). Имеется в виду «Повесть об Афанасии Дьячкове, жителе села Марково, учителе, историке-краеведе, этнографе (1840–1907 гг.)» (*Жихарев* 1992: 101).

<sup>2</sup> Доктор Кибер, один из спутников Врангеля, говорит, что «чуванцы – юкагирского племени. Языки их весьма схожи. Я знал одного чуванца, который без предварительного знакомства с юкагирами мог легко общаться с ними. Одежда чуванцев внутри страны подобна чукотской» (примечание В.Г. Богораз).

<sup>3</sup> В отписке Семена Дежнева якутскому воеводе от половины XVII века упоминается еще одно чуванское племя или род: Анаулы (примечание В.Г. Богораз).

анаулов, живших по берегам р. Белой. Сведения об анаулах крайне скудны, однако известно, что их военное дело и военный опыт намного превосходили уровень, достигнутый другими группами юкагиров (Там же: 41–42).

Очень важные сведения приводит В.Г. Богораз относительно демографии юкагиров, а также их связей с соседними народами и изменений в традиционном хозяйстве. Ученый пишет о низкой рождаемости и постепенном вымирании юкагирских племен, с приходом русских положение которых усугубилось. Появление смешанных браков, отмечает Владимир Германович, –

...недавнее и не весьма частое. Рождаемость при браках с русскими женщинами (вернее, с обрусевшими юкагирами) – незначительна. Причиной этого, вероятно, служит то обстоятельство, что юкагирские женщины, мало плодотворные и в привычных для них условиях жизни, становятся еще менее способными к деторождению в условиях чукотской кочевой жизни <...>

Туземцы сокращали промысла и терпеливо подчинялись регулярным голодовкам, считая свое племя обреченным к вымиранию. Среди вымирающих юкагирских родов на нижней Колыме количество безбрачных непропорционально велико. Охота на диких оленей и линялую птицу у юкагиров в значительной степени выходит из практики, потому что требует слишком большого напряжения сил. Колымские юкагиры живут почти исключительно рыболовством и каждую весну голодают. Не следует, однако, забывать того, что и до прихода русских прирост населения даже у наиболее сильных племен был весьма сомнительным и многие племена вымирали, от постоянных междуплеменных войн и голодовок (Богораз 1934: 19–20).

Анализируя причины появления смешанных браков, ниже ученый пишет:

Юкагиры еще беднее, чем тунгусы. Для юкагирского юноши является несомненным счастьем, если его примет в зятья какая-нибудь оленеводческая чукотская семья. Мне известно около двадцати случаев брака между чукчами и русскими мещанами или обрусевшими туземцами. Половина этих случаев относится к настоящему времени, половина к недавнему прошлому. Я посетил одну за другой все смешанные чукотско-русские семьи в разных частях чукотской территории. В подавляющем большинстве случаев русская или обрусевшая женщина вышла замуж за чукчу. Все эти женщины вышли из очень бедных семей. Брак с оленеводами служил им средством хотя бы на время избавить семью от постоянной голодовки. За некоторых из этих женщин уплатили по двадцати и тридцати убитых оленей, за других же – только по два или по три (Там же: 129).

О крайне бедственном положении юкагиров Владимир Германович пишет и в своем романе «Воскресшее племя» (Богораз 1935). Переиздаваемый лишь изредка, этот роман остается крайне актуальным и сегодня, это ценнейший памятник истории науки и просвещения Российского Севера (Бурыкин 2012). Дополнением к характеристике экономического положения юкагиров, данной в первой части монографии «Чукчи», служит следующий пассаж:

О случаях каннибализма среди чукоч мне не пришлось слышать, хотя, голодовки, уничтожившие целые селения, были еще свежи в их памяти, отно-

сительно юкагирских семей, голодавших в 1895 году на Среднем Омолоне, известны случаи самого зверского каннибализма. Не было у чукоч также ни одного случая подкидывания новорожденных девочек (*Богораз* 1934: 27–28).

Описанная В.Г. Богоразом практика «подкидывания» новорожденных девочек соотносится с наблюдениями Ф.П. Врангеля и Ф.Ф. Матюшкина. Так, Ф.П. Врангель в «Путешествии по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю...» писал: «Между прочим было здесь обыкновение привешивать новорожденных детей женского пола в корзинах к деревьям, где они и погибали, если только не бывали замечены посторонними. И теперь еще во многих семействах есть несколько женщин, спасенных проходящими» (*Врангель* 1948: 212, прим.).

Не обошел вниманием В.Г. Богораз и медицинские практики юкагигов и чукчей. О характерном заболевании женщин «менерике» или «эмирячении» он заметил:

Хорошо известная форма северной истерии, которая так распространена среди юкагирских и ламутских женщин, редко встречается среди чукоч, среди оленных чукоч почти совсем не встречается. Эта болезнь выражается в безудержном желании повторять громким голосом каждое слово, слышимое от кого-нибудь, и подражать всякому неожиданному жесту или действию. Женщины из обруселых туземцев и женщины русские часто страдают этой болезнью, но чукотские женщины счастливо избежали ее <...> Чукчи не знают никаких медицинских средств, исключая средств магических, чем отличаются от камчадалов и обрусевших юкагигов, которые употребляют в качестве медикаментов многие растения и минералы (*Богораз* 1934: 24–25).

В своих работах В.Г. Богораз уделяет внимание элементам материальной культуры юкагигов. Так, в первом томе монографии «Чукчи», описывая изготовление лодок колымскими юкагирами, он замечает:

В общем это было кораблестроение эпохи неолита. Кстати сказать, до самого последнего времени речные карбасья (лодки) колымских и анадырских поречан русско-юкагирского происхождения строятся по точно такому же методу. Мало того, верхне-колымские юкагиры, племя совсем умирающее, находящееся почти при последнем издыхании, заимствовали это унылое строительство у нижне-колымских русских и сделали его своей собственной специальностью. Верхне-колымские лодки юкагирского дела сплавляются вниз по Колыме за тысячу верст и охотно раскупаются по средним и нижним поселкам. Строительство крупных судов потерялось уже в самом начале XVIII века (*Богораз* 1934: 37).

Без сомнения, прекращение строительства кочей было связано с фактическим прекращением арктического мореплавания после гибели Н.П. Шалаурова вблизи устья Колымы (1764 г.).

В.Г. Богораз внимательно изучал материалы, связанные с военными столкновениями русских и выступающих на их стороне юкагигов с чукчами и коряками (*Богораз* 1934: 41–42, 44). Рассматривая документы, относящиеся к деятельности Д.И. Павлуцкого (руководителя русской экспедиции на Чукотку), Владимир Германович находит свидетельства возврата юкагирами своих людей, попавших к чукчам:

...он [Д.И. Павлуцкий] описывает, как анадырские юкагиры приходили к чукчам выкупать своих пленных. Юкагиры приносили табак, котлы, ножи, топо-

ры, луки, стрелы и бусы. Они выкупили девять человек. Чукчи были очень довольны и дали юкагирам одежды из пыжиков, белые пыжиковые шкуры, белые камусы, кухлянки из куньего меха, красных лисиц (*Богораз* 1934: 50).

Ценны свидетельства В.Г. Богоразы относительно причин и условий продвижения чукчей на запад к устью Колымы. Он пишет:

В 30-х годах XIX века их стойбища простирались уже до реки Большой Баранихи, хотя вся эта область с древних времен считалась принадлежащей анюйским юкагирам. В 50-х годах XIX века чукчи продвинулись сперва на Лабуген, а потом на Погинден [Погынден]. Обе эти реки являются притоками Сухого Анюя. Продвижение чукоч связано с исчезновением юкагиров. Последние или вымерли или отступили к Колыме, так как стада диких оленей прекратили свой ежегодный путь через реки Анюй и Колыму. Это, вероятно, зависело от возрастания чукотских стад. Таким образом умиротворение страны оказалось неблагоприятным для более первобытного хозяйства юкагирских охотников и было весьма благоприятно для кочевого хозяйства чукоч, которое было, конечно, выше, чем хозяйство юкагиров, хотя в других отношениях чукчи являлись более примитивным народом (*Богораз* 1934: 59).

В первой части своей монографии «Чукчи», изданной на русском языке в 1934 г., ученый весьма выразительно освещает и языковую ситуацию на Нижней Колыме, с которой столкнулись первые русские проповедники:

Отец Виктор совершенно не знал ни чукотского языка, ни даже торгового русско-чукотского жаргона. Другой миссионер, отец Венедикт, должен был заниматься западными, оленными чукчами. Он жил, как упомянуто выше, на окраине западной тундры, в якутском селении Сен-Кюэль. Часть оленных чукоч время от времени подкочевывала к его месту жительства, и тогда он пытался войти с ними в общение. Для этой цели ему были нужны два переводчика: один переводил с русского на якутский. Любой мещанин или казак из Средне-Колымска был совершенно пригоден для этой цели, так как средне-колымчане вполне двуязычны. Другой переводчик, обыкновенно из тундренных юкагиров, живущих в постоянном соседстве с чукчами, переводил с якутского на чукотский. Сквозь это двойное посредство отец Венедикт пытался проповедывать слово божие своей чукотской пастве. Выходило, должно быть, не весьма вразумительно (*Богораз* 1934: 74).

Весьма интересны и оригинальны описания религиозных представлений юкагиров, содержащиеся в материалах по шаманству, собранных В.Г. Богоразом в 1934–1936 гг. и опубликованных в 2018 г. Ученый отмечает: «Душа у юкагиров имеет тройной состав. Старик Таулях с реки Ясачной говорил Йохельсону следующее: “Есть три души «аиби»: одна душа живет в голове, другая в сердце, третья пропитывает все тело”» (*Богораз* 2018: 256). И далее: «Например, мне говорил один тунгусо-юкагирский шаман: “Моя душа как бы имеет тысячу рук, они простерты во все концы вселенной и охватывают все мироздание”» (Там же: 393). У эвенов аналогичных представлений не отмечено.

Говоря о духах-хозяевах – характерном компоненте анимизма, В.Г. Богораз пишет:

Представления о «хозяевах» мест развиты также среди обруселых юкагигов Колымы и Анадыря. По всей вероятности, первоначальная туземная основа переплелась с русскими мифологическими представлениями. Здесь мы видим «хозяев» вполне человекоподобных, но гораздо сильнее человека <...> «Хозяин» леса, по русско-юкагирским представлениям, имеет большую склонность к водке и карточной игре. Обруселые туземцы утверждают, что охотники, которым исключительно везет на промысле, очевидно, купили свою удачу у лесного хозяина за водку или за колоду карт. «Хозяева» лесов играют в карты друг с другом. Ставки их – различные породы зверей. Они переходят от одного к другому в процессе игры. Этим объясняются частые перекочевки зверя (*Богораз* 1939: 9).

С другой стороны, в юкагирском фольклоре встречаются эпизоды, в которых горы не подчинены «хозяину», а выступают как самостоятельные человекоподобные существа, окаменевающие в конце рассказа (*Богораз* 1939: 10). Здесь автор напоминает о традиционных антропоморфных (или рассматриваемых в таком качестве) камнях или скалах, составляющих универсальную для народов Сибири иерофанию (почитаемое место) (см.: *Островский* 1997: 19, 29, 242).

В.Г. Богораз сопоставляет чукотских духов-кэлет с юкагирскими «сказочными стариками» – практически единственными сверхъестественными персонажами юкагирского фольклора (*Богораз* 1939: 17–18). В избранных трудах по шаманству (опубликованы на основании архивных материалов ученого за 1934–1936 гг.) он пишет:

Юкагирские злые духи тоже, по указанию Йохельсона, соответствуют чукотским Kelet и коряцким Kalan. Они называются «Kukul» (на тундренном наречии «Korel»). Некоторые из этих духов имеют обособленный образ. Таков, например, «*niŋjuoje*» – это злой дух, обитающий в человеческой одежде, спрятавшись в ее складках. Он причиняет суставный ревматизм. Особый класс злых духов «*joibe*». Этим словом обозначаются злые духи других народов, в особенности русские заразные болезни: оспа, корь, грипп. Эти чужие духи гораздо страшнее местных юкагирских духов, так как против них юкагирские шаманы бессильны (*Богораз* 2018: 302, 303).

У юкагигов, по указаниям Йохельсона, духи-помощники по большей части духи животных и птиц. Они называются так же. Среди этих духов есть и душа мамонта, «хольчут-акбы». С другой стороны, шаману помогают также духи умерших, в особенности духи умерших родственников, бывших шаманами, – «Алман-аи-би». Последние – самые могучие покровители шамана (Там же: 312).

В.Г. Богораз также отмечает, что культ бурого (по его словам, «черного») медведя пришел к чукчам от юкагигов, у которых этот медведь составляет «предмет глубочайшего почитания» (*Богораз* 1939: 36–37). К злым духам, как и у коряков, у юкагигов относится мамонт (Там же: 38).

О шаманстве у юкагигов находим сведения в архивных материалах ученого, изданных в 2018 г. А во второй части монографии «Чукчи», вышедшей на русском языке в 1939 г. читаем:

В каждой юкагирской семье также имелся бубен. Во время путешествий в районе Омолона и обоих Анюев я находил бубны в старых, полуразрушенных поселках, население которых вымерло от голода в десятых годах девятнадцатого столетия, после того, как дикие олени почти совершенно исчезли в этом районе.

Мой товарищ по путешествию, обрусевший туземец с Колымы, затруднялся дать объяснение такому большому количеству найденных нами бубнов и настойчиво повторял, что эти люди, должно быть, все были шаманами и не удивительно, что бог убрал их со света. Однако это несомненно были семейные бубны, которые употреблялись так же, как и у современных чукоч (*Богораз* 1939: 105–106).

Следует иметь в виду, что сообщение Я.И. Линденау о том, что юкагиры будто бы изготавливали бубны из кожи умерших шаманов (*Линденау* 1983: 155), не соответствует действительности, хотя бы из-за размеров юкагирского бубна, сходного с эвенским. Тем не менее В.Г. Богораз подтверждает обычай юкагиров хранить останки умерших в мешках в качестве амулетов (*Богораз* 1939: 180–181, 2018: 258–260).

Ученый приводит описание уникальной дощечки с зооморфными изображениями, использовавшейся в шаманской практике (была передана в МАЭ; утрачена): «...красная сторона дощечки представляла собою белое шаманство и употреблялась при врачевании, черная сторона обозначала черное шаманство и применялась для наведения злых чар» (*Богораз* 1939: 39); «[н]апомню также магическую доску, употребляемую юкагирскими шаманами: одна половина ее окрашена красной краской, а другая – черной, что символизирует доброе и злое шаманство» (Там же: 118); «[д]ве выемки на грани между половинами дощечки были следами некогда вставленных в нее кусков серебра, как объяснили мне старики из деревни» (Там же: 38). Последнее описание вызывает вопросы и требует пояснения, поскольку не ясно, как серебро попало к юкагирам, если в окрестностях, несмотря на проведенные изыскания, геологами серебро обнаружено не было (*Бурыкин* 2013: 227–234).

Объяснение функций этой явно юкагирской дощечки В.Г. Богораз дает исходя из противопоставления белого и черного шаманства. Но, насколько мы знаем, у юкагиров такого противопоставления не было (*Бурыкин, Жукова* 2000), как не было его и у эвенов. У чукчей, как отмечал сам В.Г. Богораз, одни и те же шаманы совмещали принесение пользы и причинение зла (*Богораз* 1939: 118), позже об этом писал и ученик Владимира Германовича И.С. Вдовин (*Вдовин* 1981: 186–189). И.С. Вдовин, однако, считал, что практика причинения зла вообще не относится к шаманской.

Анализируя торговые отношения чукчей с соседями, В.Г. Богораз упоминает и юкагиров:

Впрочем, эти многооленные специализированные хозяева собирают в обилии наилучшую пушную валюту, необходимую им для торговли с факторными. В первую очередь они скупают песцов, также красных лисиц, горностаев и белок, собирая ее от беднейших соплеменников, а также от других соседних народностей: ламутов, тунгусов, юкагиров и даже русских (*Богораз* 1934: XXV), а предлагаемый ими товар характеризуется ученым так: «Чукчи до сих пор не знают кузнечного промысла. Тунгусы и юкагиры, отчасти коряки куют из различных обломков старого железа ножи, тесла и именно во время голодовок выменивают их у богатого оленного соседа на мясо для себя и своих собак» (Там же: XXVII). Однако подобная деятельность юкагиров не только не поощрялась, но и пресекалась: «...в 1834 году, нижнеколымские казаки подали жалобу даже на юкагиров с поселка Еломбал на Большом Анное оттого, что юкагиры, чтобы добыть себе пищу, ковали железо и готовый продукт продавали чукчам. И это было немедленно запрещено» (Там же: 57). Эта информация, по всей вероятности, была почерпнута автором из какого-то архивного источника.

Сведения о культуре юкагиров, представленные в трудах В.Г. Богораза, основываются на его собственных полевых наблюдениях, а поэтому обладают большой ценностью. Поскольку основной целью ученого было изучение и описание этнографии чукчей, заметки о юкагирах оказались «рассыпанными» по страницам его главного труда – монографического исследования «Чукчи». Тем не менее многие наблюдения и рассуждения В.Г. Богораза уникальны и весьма полезны для изучения духовной и материальной культуры не только юкагиров, но и других этнических групп, населявших Чукотку во второй половине XIX в.

### Источники и материалы

- Богораз 1935 – Богораз В.Г.* Воскресшее племя. М.: Художественная литература, 1935.
- Врангель 1948 [1841] – Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г.г. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф.П. Врангеля / Под общ. ред. контр-адмирала Е. Шведе. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948 [1841].
- Жихарев 1992 – Жихарев Н.А.* Повесть об Афанасии Дьячкове, жителе села Марково, учителе, историке-краеведе, этнографе (1840–1907 гг.). Магадан. Магаданское книжное издательство. 1992.
- Уваровская 1992 – Уваровская Л.П.* Сказания села Снежное (сказки и легенды) / Сост. Н. Воронцова. Анадырь: Чукотский окружной центр народного творчества, 1992.

### Научная литература

- Беликов Л.В.* В.Г. Богораз как собиратель и исследователь чукотского фольклора // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 353. Л.: ЛГПИ, 1967. С. 80–89.
- Богораз В.Г.* Древние переселения народов в северной Евразии и в Америке // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. VI: 1927 г. / Отв. ред. Е.Ф. Карский. Л.: Музей антропологии и этнографии, 1927. С. 37–62.
- Богораз В.Г.* Чукчи. Ч. 1. Л.: Изд-во ИНСа, 1934.
- Богораз В.Г.* Чукчи. Ч. 2. Л.: Изд-во ИНСа, 1939.
- Богораз В.Г.* Избранные труды В.Г. Богораза по шаманству (1934–1936 гг.) (из архива) / Подг. М.М. Шахнович, Е.А. Терюковой. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2018.
- Бурыкин А.А.* Рец. на: Кормушин И.В. Удыхейский (удэгейский) язык. М., 1998 // Известия РАН, Серия: Литература и языки. 2000. № 2. С. 69–73.
- Бурыкин А.А.* Ритуал поклонения головам добытых животных и «праздник голов» у чукчей (опыт анализа разнохарактерных источников) // Праздники и обряды как феномен этнической культуры: материалы Десятых Санкт-Петербургских этнографических чтений / Отв. ред. В.М. Грусман, Е.Е. Герасименко. СПб.: РЭМ, 2011. С. 78–81.
- Бурыкин А.А.* Север и коренные северяне первой трети XX века в романе В.Г. Богораза «Воскресшее племя» // Проблемы межлитературного взаимодействия (памяти профессора М.Г. Михайловой): сборник материалов I Всероссийской научно-практической интернет-конференции (г. Якутск, 19–24 марта 2012 г.) / Отв. ред. О.В. Дедюхина, О.И. Иванова. Якутск: СВФУ, 2012. С. 15–19.
- Бурыкин А.А.* Имена собственные как исторический источник. По материалам русских документов об открытии Сибири и Дальнего Востока XVII–XIX вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2013.
- Бурыкин А.А., Жукова Л.Н.* К изучению шаманства юкагиров // Актуальные проблемы филологии. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2000. Вып. 3. С. 127–132.
- Бурыкин А.А., Соловар В.Н.* Исследования по этнографии и фольклору народов Северо-Западной Сибири / Отв. ред. Д.А. Функ. Тюмень: ФОРМАТ, 2017.

- Вдовин И.С.* Чукотские шаманы и их социальные функции // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири / Отв. ред. И.С. Вдовин. Л.: Наука, 1981. С. 178–217.
- Жукова Л.Н.* Юкагиры – наследники циркумполярной культуры Северной Евразии // Илин. 2003. № 1 (32). С. 80–82.
- Жукова Л.Н.* Очерки по юкагирской культуре. Ч. 1: Одежда юкагиров: генезис и семантика / Отв. ред. М.А. Кирьяк. Новосибирск: Наука, 2009.
- Жукова Л.Н.* Очерки по юкагирской культуре. Ч. 2: Мифологическая модель мира / Отв. ред. А.Н. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2012.
- Жукова Л.Н.* Очерки по юкагирской культуре. Ч. 3 / Отв. ред. М.А. Кирьяк. Якутск: Бичик, 2013.
- Зеленин Д.К.* В.Г. Богораз – этнограф и фольклорист // Памяти В.Г. Богораза. 1865–1936 / Отв. ред. И.И. Мещанинов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. V–XVI.
- Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ., отв. ред. Н.А. Алексееву Новосибирск: Наука, 2005.
- Кирьяк М.А.* Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. М.: Наука, 1993.
- Колесническая И.М.* В.Г. Богораз-Тан – фольклорист // Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 5 / Отв. ред. В.К. Соколова. М.: Изд-во АН СССР, 1971. С. 139–159.
- Крупник И.И.* В.Г. Богораз, его наследие и ученики // Тропую Богораза: научные и литературные материалы / Ред. Л.С. Богословская, В.С. Кривошеков, И.И. Крупник. М.: Институт наследия – ГЕОС, 2008. С. 17–22.
- Лебединцев А.И.* Проблема происхождения северо-восточных палеоазиатов // Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2008. № 3. С. 67–80.
- Линденау Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока (1740-е гг.). Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1983.
- Михайлова Е.А.* В.Г. Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в // Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 95–136.
- Михайлова Е.А.* Софья Константиновна Богораз (1870–1921): штрихи к портрету Владимира Германовича Богораза // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 109–124.
- Мудрак О.А.* Юкагиры и нивхи (проблема палеоазиатов) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия: доклады и тезисы научной конференции 29 мая – 2 июня 2000 г. // Сост. Г.А. Старостин, С.А. Старостин. М.: РГГУ, 2000. С. 133–148.
- Николаева И.А.* Проблема урало-юкагирских генетических связей. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Институт языкознания АН СССР, Москва, 1988.
- Окладников А.П. (ред.) Юкагиры. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975.*
- Островский А.Б.* Мифология и верования нивхов. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997.
- Плужников Н.В., Шадрин В.И.* Юкагиры // Народы Северо-Востока Сибири / Отв. ред. Е.П. Батянова, В.А. Тураев. М.: Наука, 2010. С. 677–685.
- Туголуков В.А.* Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979.
- Цинциус В.И.* В.Г. Богораз как исследователь эвенского языка // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 353. Л.: ЛГПИ, 1967. С. 90–95.
- Bogoras V.G.* Tales of Jukagir, Lamut, and Russianized Natives of Eastern Siberia // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. Vol. XX (I). N.Y.: The Trustees, 1918. P. 136–148.
- Kan S.* “My Old Friend in a Dead-end of Empiricism and Skepticism”: Bogoras, Boas, and the Politics of Soviet Anthropology of the Late 1920s – Early 1930s // Histories of Anthropology Annual. 2006. Vol. 2. P. 33–68.

## References

- Belikov, L.V. 1967. V.G. Bogoraz kak sobiratel' i issledovatel' chukotskogo fol'klora [V.G. Bogoraz as a Collector and Researcher of Chukchi Folklore]. *Uchenye zapiski LGPI im. A.I. Gertsena* 353: 80–89.
- Bogoras, V.G. 1918. Tales of Jukagir, Lamut, and Russianized Natives of Eastern Siberia. In *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History XX (1)*: 136–148. New York: The Trustees.
- Bogoraz, V.G. 1927. Drevnie pereseleniia narodov v severnoi Evrazii i v Amerike [Ancient Migrations of Peoples in Northern Eurasia and America]. In *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii AN SSSR* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. VI, 1927 g. [1927], edited by E.F. Karskii, 37–62. Leningrad: Muzei antropologii i etnografii.
- Bogoraz, V.G. 1934. *Chukchi* [Chukchi]. Pt. 1. Leningrad: Izdatelstvo Instituta Narodov Severa.
- Bogoraz, V.G. 1939. *Chukchi* [Chukchi]. Pt. 2. Leningrad: Izdatelstvo Instituta Narodov Severa.
- Bogoraz, V.G. 2018. *Izbrannye trudy V.G. Bogoraza po shamanstvu (1934–1936 gg.) (iz arkhiva)* [From the Archive: Selected Works of V.G. Bogoraz on Shamanism (1934–1936)], edited by M.M. Shakhnovich and E.A. Teriukova. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sanrt-Peterburgskogo universiteta.
- Burykin, A.A. 2000. Review of *Udykheiskii (udegeiskii) yazyk* [Udyxeysky (Udege) Language], by I.V. Kormushin. M., 1998 // *Izvestiia RAN, Seriya: Literatura i yazyki* 2: 69–73.
- Burykin, A.A. 2011. Ritual pokloneniia golovam dobytykh zhivotnykh i “prazdnik golov” u chukchei (opyt analiza raznokharakternykh istochnikov) [Ritual of Worshipping the Heads of Extracted Animals and the “Feast of Heads” in the Chukchi (Experience of Analyzing Different Sources)]. In *Prazdniki i obriady kak fenomen etnicheskoi kul'tury: materialy Desiatykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii* [Holidays and Rituals as a Phenomenon of Ethnic Culture: Materials of the 10<sup>th</sup> St. Petersburg Ethnographic Readings], edited by V.M. Grusman and E.E. Gerasimenko, 78–81. St. Petersburg: REM.
- Burykin, A.A. 2012. Sever i korennye severiane pervoi treti XX veka v romane V.G. Bogoraza “Voskresshee plemia” [The North and Native Northerners Early 20<sup>th</sup> Century in the Novel of V.G. Bogoras “The Resurrected Tribe”]. In *Problemy mezhliteraturnogo vzaimodeistviia (pamiati professora M.G. Mikhailovoi): sbornik materialov I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii (g. Yakutsk, 19–24 marta 2012 g.)* [Problems of Interliterary Interaction (In Memory of Professor M.G. Mikhailova): Collection of Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Internet Conference (Yakutsk, March 19–24, 2012)], edited by O.V. Dediukhina and O.I. Ivanova, 15–19. Yakutsk: SVFU.
- Burykin, A.A. 2013. *Imena sobstvennye kak istoricheskii istochnik. Po materialam russkikh dokumentov ob otkrytii Sibiri i Dal'nego Vostoka XVII–XIX vv.* [Proper Names as a Historical Source: Based on the Materials of Russian Documents on the Discovery of Siberia and the Far East of the 17–19<sup>th</sup> Centuries]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Burykin, A.A., and L.N. Zhukova. 2000. K izucheniiu shamanstva yukagirov [To the Study of Shamanism of the Yukagirs]. *Aktual'nye problemy filologii* [Actual Problems of Philology] 3: 127–132. Yakutsk: Izdatel'stvo Yakutskogo universiteta.
- Burykin, A.A., and V.N. Solovar. 2017. *Issledovaniia po etnografii i fol'kloru narodov Severo-Zapadnoi Sibiri* [Researches on Ethnography and Folklore of the Peoples of North-Western Siberia], edited by D.A. Funk. Tiumen': FORMAT.
- Iokhelson, V.I. 2005. *Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy* [Yukagirs and Yukagirized Tungus], edited by N.A. Alekseev. Novosibirsk: Nauka.
- Kan, S. 2006. “My Old Friend in a Dead-end of Empiricism and Skepticism”: Bogoras, Boas, and the Politics of Soviet Anthropology of the Late 1920<sup>s</sup> – Early 1930<sup>s</sup>. *Histories of Anthropology Annual* 2: 33–68.
- Kiriiaik, M.A. 1993. *Arkhologiia Zapadnoi Chukotki v sviazi s yukagirskoi problemoi* [Archeology of Western Chukotka in Connection with the Yukagir Problem]. Moscow: Nauka.
- Kolesnitskaia, I.M. 1971. V.G. Bogoraz-Tan – fol'klorist [V.G. Bogoraz-Tan – folklorist]. In *Ocherki po istorii russkoi etnografii, fol'kloristiki i antropologii* [Essays on the History of Russian Ethnography, Folklore and Anthropology], edited by V.K. Sokolova, 5: 139–159. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.

- Krupnik, I.I. 2008. V.G. Bogoraz, ego nasledie i ucheniki [V.G. Bogoraz, His Legacy and Disciples]. In *Tropoiu Bogoraza: nauchnye i literaturnye materialy* [On the Path of Bogoraz: Scientific and Literary Materials], edited by L.S. Bogoslovskaja, V.S. Krivoshechekov, and I.I. Krupnik, 17–22. Moscow: Institut nasledia – GEOS.
- Lebedintsev, A.I. 2008. Problema proiskhozhdeniia severo-vostochnykh paleoaziatov [The Problem of the Origin of North-Eastern Paleoasiates]. *Vestnik SVNTs DVO RAN* 3: 67–80.
- Lindenau, Y.I. 1883. *Opisanie narodov Sibiri (pervaia polovina XVIII veka): istoriko-ethnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka (1740-e gg.)* [Description of the Peoples of Siberia (The First Half of the 18<sup>th</sup> Century): Historical and Ethnographic Materials About the Peoples of Siberia and the North-East (1740<sup>s</sup>)]. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Mikhailova, E.A. 2004. V.G. Bogoraz: uchenyi, pisatel', obshchestvennyi deiatel' [V.G. Bogoraz: Scientist, Writer, Public Figure]. In *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX v.* [Outstanding Russian Ethnologists and Anthropologists of the 20<sup>th</sup> Century], edited by V.A. Tishkov and D.D. Tumarkin, 95–136. Moscow: Nauka.
- Mikhailova, E.A. 2016. Sofia Konstantinovna Bogoraz (1870–1921): shtrikhi k portretu Vladimira Germanovicha Bogoraza [Sofya Konstantinovna Bogoraz (1870–1921): Touches to the Portrait of Vladimir Germanovich Bogoraz]. *Antropologicheskii forum* 29: 109–124.
- Mudrak, O.A. 2000. Yukagiry i nivkhi (problema paleoaziatov) [The Yukaghir and Nivkh (Problem of Paleosiberians)]. In *Problemy izucheniia dal'nego rodstva yazykov na rubezhe tret'ego tysiacheletia: doklady i tezisy nauchnoi konferentsii 29 maia – 2 iunია 2000 g.* [Problems of Studying the Distant Relationship of Languages at the Turn of the Third Millennium: Reports and Abstracts of a Scientific Conference May 29 – June 2, 2000], edited by G.A. Starostin and S.A. Starostin, 133–148. Moscow: RGGU.
- Nikolaeva, I.A. 1988. Problema uralo-yukagirskikh geneticheskikh svyazi [The Problem of Ural-Yukagir Genetic Relations]. PhD diss. abstract. Institute of Linguistics, Academy of Science SU.
- Okladnikov, A.P. 1975. *Yukagiry. Istoriko-etnograficheskii ocherk* [The Yukaghirs: Historical and Ethnographic Essay]. Novosibirsk: Nauka.
- Ostrovskii, A.B. 1997. Mifologiya i verovaniia nivkhov [Mythology and Beliefs of the Nivkhs]. St. Petersburg: Tsentr “Peterburgskoe Vostokovedenie”.
- Pluzhnikov, N.V., and V.I. Shadrin. 2010. Yukagiry [The Yukaghirs]. In *Narody Severo-Vostoka Sibiri* [Peoples of the North-East of Siberia], edited by E.P. Batianova and V.A. Turaev, 677–685. Moscow: Nauka.
- Tsintsius, V.I. 1967. V.G. Bogoraz kak issledovatel' evenskogo yazyka [V.G. Bogoraz as a Researcher of the Even Language]. *Uchenye zapiski LGPI im. A.I. Gertsena* 353: 90–95.
- Tugolukov, V.A. 1979. *Kto vy, yukagiry?* [Who are You, Yukaghirs?]. Moscow: Nauka.
- Vdovin, I.S. 1981. Chukotskie shamany i ikh sotsial'nye funktsii [Chukchi Shamans and Their Social Functions]. In *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniia aborigenov Sibiri* [Problems of the History of Social Consciousness of the Aborigines of Siberia], edited by I.S. Vdovin, 178–217. Leningrad: Nauka.
- Zelenin, D.K. 1937. V.G. Bogoraz – etnograf i fol'klorist [V.G. Bogoraz – Ethnographer and Folklorist]. *Pamiaty V.G. Bogoraza. 1865–1936* [In Memory of V.G. Bogoraz. 1865–1936], edited by I.I. Meshchaninov, V–XVI. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Zhukova, L.N. 2003. Yukagiry – nasledniki tsirkumpoliarnoi kul'tury Severnoi Evrazii [Yukaghirs – Heirs of Circumpolar Culture of Northern Eurasia]. *Ilin* 1 (32): 80–82.
- Zhukova, L.N. 2009. *Ocherki po yukagirskoi kul'ture* [Essays on the Yukagir Culture]. Pt. 1, *Odezhda yukagirov: genesis i semantika* [Clothing of the Yukaghirs], edited by M.A. Kirriak. Novosibirsk: Nauka.
- Zhukova, L.N. 2012. *Ocherki po yukagirskoi kul'ture* [Essays on the Yukagir Culture]. Pt. 2, *Mifologicheskaiia model' mira* [Mythological Model of the World], edited by A.N. Alekseev. Novosibirsk: Nauka.
- Zhukova, L.N. 2013. *Ocherki po yukagirskoi kul'ture* [Essays on the Yukagir Culture]. Pt. 3, edited by M.A. Kirriak. Yakutsk: Bichik.

## РЕЦЕНЗИИ

УДК 39+930.23

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/326-331

©А.И. Неретин

**РЕЦЕНЗИЯ НА: MASSIMO FAGGIOLI, *CATTOLICESIMO NAZIONALISMO COSMOPOLITISMO. CHIESA, SOCIETÀ E POLITICA DAL VATICANO II A PAPA FRANCESCO*, ROMA: ARMANDO EDITORE, 2018, PP. 176**

*В фокусе внимания данной рецензии – изданная в 2018 г. на итальянском языке в Риме и не переведенная на русский язык монография профессора факультета богословия и религиоведения Университета Виллановы в Филадельфии (США) Массимо Фаджоли «Католицизм, национализм, космополитизм. Церковь, общество и политика от Второго Ватиканского собора до папы Франциска». Научный труд посвящен анализу места и роли Римско-католической церкви в общественной жизни после II Ватиканского собора 1962 года, а также после скандальных событий, связанных с обвинениями в сексуальных домогательствах со стороны ряда католических священников. Автор скрупулёзно исследует изменение отношений внутри Католической церкви во времена папы Франциска, привлекая к этому большое количество церковных документов и других материалов. Однако, по мнению рецензента, в работе не хватает слов о таком значимом для Римско-католической церкви событии, как подписание Латеранских соглашений, в ходе которых Ватикан получил независимость.*

**Ключевые слова:** Массимо Фаджоли, католицизм, Католическая церковь, II Ватиканский собор, папа Франциск, клир, общество

**Ссылка при цитировании:** Неретин А.И. Рецензия на: Massimo Faggioli, *Cattolicesimo nazionalismo cosmopolitismo. Chiesa, società e politica dal Vaticano II a papa Francesco*, Roma: Armando Editore, 2018, pp. 176 // Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 326–331.

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/326-331

© А. Neretin

**BOOK REVIEW: MASSIMO FAGGIOLI, *CATTOLICESIMO NAZIONALISMO COSMOPOLITISMO. CHIESA, SOCIETÀ E POLITICA DAL VATICANO II A PAPA FRANCESCO*, ROMA: ARMANDO EDITORE, 2018, PP. 176**

*This is a review of a monograph «Catholicism, Nationalism, cosmopolitanism. Church, Society and Politics from the Second Vatican Council to Pope Francis»*

by Massimo Faggioli, professor at the Faculty of Theology and Religious Studies at Villanova University in Philadelphia (USA). The book was published in 2018 in Rome in the Italian language and has not been translated into Russian yet. The author analyses the place and the role of the Roman Catholic Church after the Second Vatican Council (1962) and after the scandalous allegations of sexual harassment by a number of Catholic priests. He scrupulously studies the changes in relations within the Catholic Church during the time of Pope Francis, involving a large number of church documents and other sources. However, the reviewer expresses an opinion that the book lacks information about the signing of the Lateran Pacts – a significant event for the Roman Catholic Church, which resulted in the Vatican's independence.

**Keywords:** Massimo Faggioli, Catholic Church, Vatican II Cathedral, Pope Francis, clergy, society

**For Citation:** Neretin, A.I. 2022. Book Review: Massimo Faggioli, *Cattolicesimo nazionalismo cosmopolitismo. Chiesa, società e politica dal Vaticano II a papa Francesco*, Roma: Armando Editore, 2018, pp. 176. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 326–331.

**Author Info:** Neretin, Anton I. – postgraduate student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, RF). E-mail: a\_neretin@inbox.ru

Небольшая по объему, но глубокая по содержанию работа итальянского исследователя Массимо Фаджоли «Католицизм, национализм, космополитизм. Церковь, общество и политика от Второго Ватиканского собора до папы Франциска» интересна тем, кого занимает современная история Католической церкви. Монография написана на итальянском языке и еще не переведена на русский язык. Автор книги – профессор факультета богословия и религиоведения Университета Виллановы в Филадельфии (США). Его перу принадлежат и другие труды по истории католической церкви «Краткая история католических движений» (Faggioli 2008), «Настоящая реформа. Литургия и эгкклезиология на Втором Ватиканском соборе» (Faggioli 2013).

Рецензируемая книга Фаджоли посвящена отношениям внутри современной Католической церкви, ее присутствию в общественной жизни в католических странах и, главное, характерным чертам в период пребывания на престоле папы Франциска. В своем исследовании автор выделяет две основные темы, значимые для Католической церкви: первая связана с международным терроризмом, который начал усиливаться после 11 сентября 2001 года, а вторая – с обвинениями в сексуальных домогательствах со стороны ряда католических священников. Фаджоли полагает, и я с этим согласен, что именно действия радикально настроенных исламских группировок стали главной причиной пересмотра отношений между Римско-католической церковью и современной светской властью в сторону последней. В свою очередь, скандалы с сексуальными домогательствами стали лишь поводом для утверждения католической теории «societas perfecta», то есть «совершенное общество».

Работа «Католицизм, национализм, космополитизм. Церковь, общество и политика от Второго Ватиканского собора до папы Франциска» состоит из шести глав. В них М. Фаджоли описывает взаимоотношения иерархов католической церкви, рассматривает ее связь с общественной жизнью и, конечно же, взгляды на сотрудничество между церковью и светским обществом в богословии папы Франциска.

В главе «Внутрицерковные отношения и общественное пространство. Епископы и клир до и после собора» автор обращает внимание на напряжённость отношений внутри Католической церкви (между папой, клиром и епископатам). Фаджоли пишет: «Менее очевидный факт заключается в том, что роль клира была переопределена не только теологически и экклезиологически, но и социально и в каком-то смысле политически» (с. 34); «Клир потерял значительную роль в церкви в обществе и в политике, не получив (даже символически) ни от церкви, ни от светского государства “компенсацию”, которую институциональная церковь (Святой Престол, папство и епископы) получила во время политического признания в течение XX века» (с. 34). Под “политическим признанием” автор подразумевает процесс, который начался с 11 февраля 1929 года, то есть с подписания Латеранских соглашений, когда Ватикан получил суверенитет, взамен признав власть фашистского лидера Бенито Муссолини (комментарий *А.Н.*). При этом прямого упоминания событий 11 февраля 1929 года в тексте нет, несмотря на то, что это был поворотный день в истории Ватикана. По мнению Фаджоли, папа Франциск отвергает идею неизбежного разделения Церкви и мира, или же *fuga mundi* (с. 25). Папа считает необходимым обращение Церкви лицом к верующим – обладателям Даров Святого Духа, а также обновление, то есть приспособление монашеской жизни к новым вызовам современности. Оценивая роль верующих людей в обществе, Фаджоли пытается понять и проанализировать отношения между монашеством и епископатам, а также новые формы религиозной практики верующих. Автор монографии толкует размышления папы Франциска о Соборе как постинституциональную экклезиологию, отражающую видение Церкви в институциональной плоскости.

Вторая глава «Церковь и экклезиологический мир папы Франциска. Эволюция или кризис новых католических движений?», посвящена вопросу о том, что богословие Франциска не разделяет идеологического пессимизма по отношению к секуляризации и модернизму, которые привели к появлению многих христианских движений. Фаджоли пишет: «...Опыт “новых католических движений” вытекает из самоидентификации тех групп, которые были созданы в церкви в основном в последние 50 лет в ответ на различные изменения отношений между церковью и светским обществом и между деятелями церкви» (с. 44). По мнению Фаджоли, к папе не следует относиться как к защитнику теологии освобождения, который верит в Провидение современного светского мира. Не следует считать его и сторонником возвращения церковью своей утерянной роли. Автор монографии считает папу Франциска человеком, готовым к диалогу с современным постмодернистским миром и не желающим закрываться от новых католических движений. Он приводит следующие слова папы Франциска, произнесенные им 18 мая 2013 года: «Когда церковь становится закрытой, ее состояние ухудшается. Представьте себе комнату, в которую никто не входил в течение года: когда ты войдешь в нее, почувствуешь запах сырости, там будет много других вещей в плохом состоянии. То же самое происходит и с церковью: ее положение ухудшается» (цит. по с. 52). Фаджоли также пишет: «Наиболее важная вещь заключается в том, что Франциск опасается недоброжелательных отношений между католическими движениями и церковью» (с. 53). Автор приводит содержащиеся в *Evangelii gaudium* и письме *Iuvenescit Ecclesia* (2016 г.) призывы папы Франциска к церковным движениям, чтобы те считали друг друга не враждующими группами, а, наоборот, неотъемлемой частью единой Церкви. Три основных посыла

папы, по мнению автора монографии – это стремление к единству Церкви, к осознанию актуальности Даров Святого Духа и уважение свободы церковных движений.

В главе «Политические культуры Второго Ватиканского собора. Церковь и демократия спустя 50 лет после собора» содержится довольно дискуссионное мнение автора, согласно которому богословие папы Франциска предлагает внести новый смысл в понятие христианской культуры. Фаджоли пишет, что до восшествия на папский престол Франциска она сводилась к «христианской католической культуре белой расы». Автор говорит: «...Особенно в североамериканском мире предпринимаются попытки защитить не столько свободу вероисповедания и совести как таковые, сколько защитить свободу христиан или же белых христиан» (с. 76). Речь идёт о том, что христианство западного мира утратило свою политическую и культурную гегемонию. Исследователь также пытается доказать тезис о том, что американскими католиками была предпринята попытка свести католическую религию к некоей культурной опции или же к «гражданской религии». Это, по его мнению, «...типичная попытка американского мира создания “гражданской религии”, т.е. такой религиозной идеи, в которой религиозность и политика соединяются и в результате которой религия становится необходимым связующим началом социальной, культурной и политической интеграции той или иной страны» (с. 64). Тем самым Фаджоли утверждает, что в США религию как таковую пытаются использовать, прежде всего, в политических целях нежели в духовных, добиваясь веры в политический режим, правителей, дабы доверие к власти не уменьшалось. В остальном третья глава даёт вполне традиционную оценку Второго Ватиканского собора.

В четвёртой главе «Церковь пророческая и государственная: папа Франциск и наследие эры Константина» автор представляет ценный научный анализ понятия «национальной церкви» с правовой и конституционной точки зрения. Получается, что это такая церковь, которая имеет привилегии со стороны государства. «Эра Константина», «константинизм» и «государственная церковь» – не одно и то же – пишет автор (с. 88). «Национальная церковь» или же «государственная» относится к созданию церкви, которая с юридической и конституциональной точки зрения и есть национальная церковь, получающая особое внимание (юридический статус и финансовую поддержку) со стороны государства» (с. 88). Эвристическую ценность представляет также интерпретация термина «константинизм», то есть союза политической и церковной власти (см. с. 88). Фаджоли, анализируя Магистерий Католической церкви, видит Церковь активно участвующей в жизни всего мира, однако никак не охраняемой политической властью. Такое умозаключение автора монографии вполне уместно, так как Римско-католическая церковь в своей проповеди использует не богословие, основанное на отходе от мирских дел, а богословие, отражающее современную общественную несправедливость и предлагающую новый общественный порядок.

Глава «Прерванная связь *Gaudium et spes*. Мировой католицизм и новый католический американизм» предлагает читателю поразмышлять над соборной конституцией *Gaudium et spes* в контексте глобализации католицизма в современном мире и различных форм отношений между Церковью и миром. По мнению Фаджоли, соборный документ сохраняет свою актуальность, о чем свидетельствует предложенный в нём теологический способ интерпретации «знаков времён», взгляд на отношения между религией, патриотизмом и национализмом, а также критическая оценка утилитарного использования религии политиками. «Говоря о религии и национализ-

ме, культура Второго Ватиканского собора далека от того, что Роберт Белла назвал “гражданской религией” (Bellah 1967), ссылаясь на теологическую и культурную систему североамериканцев относительно принятых ритуалов, символов, ценностей, норм и поклонений, которые конструируют политическую лояльность нации», – утверждает автор (с. 120). Он подчеркивает, что во втором десятилетии XXI в. понимание идеи культуры претерпело изменение по сравнению с временами Второго Ватиканского собора. В наше время католики живут в мировом «многообразии культур, этнических общностей, этик и политических движений...» (с. 121). Авторы соборной конституции *Gaudium et spes*, концентрирующиеся исключительно на культуре Старого света, такого видения мира не разделяли. Документ был написан в те времена, когда ещё можно было говорить о культурном единстве Церкви и мира, но затем эту догму подорвал постмодернизм. В пятой главе автор пытается интерпретировать *Gaudium et spes* с точки зрения современного американского общества, делая акцент на августирианской трактовке верховенства Церкви над государством, которая характерна для американской Католической церкви.

В шестой и заключительной главе «Экклезиология милосердия: видение церкви в XXI веке» автор размышляет об общем состоянии католической церкви в современном мире. Прежде всего Фаджоли говорит о церкви и о ее отношении к свободе (в политическом, скорее, чем в философском понимании этого слова). Он пишет, что у церкви «есть проблема со “свободой”. Со времен Второго Ватиканского собора религиозная свобода стала частью мирового католического сознания. Однако в некоторых странах (как, например, в США) церковь продолжает не принимать идею... что религиозная свобода доступна всем – католикам, не католикам и не христианам» (с.148). Автор видит проблему и в том, что не все люди могут вступить в католические общины (с. 156). По его мнению, это связано с экклезиологическим переходом с церкви, базировавшейся на идентичности, на церковь, базирующуюся на то место, «где она находится» (с. 156). Такое изменение требует совершенно иного отношения к церкви. Что касается «экклезиологии милосердия», то она, по мнению Фаджоли, должна рассматриваться в качестве такой части новой теологической контекстуализации, которая сопротивляется тенденции к деконтекстуализации церкви и теологии как таковой. В данном случае под словом «контекстуализация» автор имеет в виду разрушение политического табу благодаря двум ключевым словам папы Франциска: бедные и жалость. Под «бедностью» понимается не столько отсутствие денежных средств у людей, сколько отсутствие политико-религиозной идентичности (с. 163-164).

Достоинством монографии «Католицизм, национализм, космополитизм. Церковь, общество и политика от Второго Ватиканского собора до папы Франциска» является, по моему мнению, новый взгляд на современную экклезиологию и большое количество актуальных источников. М. Фаджоли ссылается на таких авторов, как Уильям Кавано, Роберт Белла, Ричард Гаилардец, Уолтер Каспер, Джон О’Мэйли и Джералд Шлабах. Однако, как мне кажется, в работе не хватает анализа события, произошедшего в 1929 году, – получения Ватиканом суверенитета от фашистского правительства Италии, так как этот прецедент, безусловно, является главным в истории католической церкви XX века.

Представляется, что монография «Католицизм, национализм, космополитизм. Церковь, общество и политика от Второго Ватиканского собора до папы Франциска» будет хорошим подспорьем для исследователей богословия папы Франциска, а так-

же для современной трактовки роли Второго Ватиканского собора, особенно в части понимания особенностей идентичности и места Церкви в общественной жизни. Такой подход к восприятию идентичности чрезвычайно важен не только для теологов, но и для исследователей социальной роли Церкви, а также для тех, кто анализирует её политические послылы.

### Научная литература

Bellah R.N. *Civil Religion in America // Beyond Belief on Religion in a Post-Traditional World*. NY: Harper & Row, 1967.

Faggioli M. *Breve storia dei movimenti cattolici*, Roma: Carocci, 2008, pp. 144.

Faggioli M. *Vera riforma. Liturgia ed ecclesiologia nel Vaticano II*. EDB, 2013, pp. 192.

### References

Bellah R.N. *Civil Religion in America In Beyond Belief on Religion in a Post-Traditional World*. NY: Harper & Row, 1967.

Faggioli M. *Breve storia dei movimenti cattolici* [A brief history of Catholic movements]. Roma: Carocci, 2008, pp. 144.

Faggioli M. *Vera riforma. Liturgia ed ecclesiologia nel Vaticano* [Real reform. Liturgy and ecclesiology in the Vatican]. II. EDB, 2013, pp. 192.

*Научное издание*

**ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ**

2022. № 1

**HERALD OF ANTHROPOLOGY**

*(Vestnik Antropologii)*

2022. № 1

*Редактор (этнологии, социальной / культурной антропологии) – М.Ю. Мартынова*

*Редактор английских текстов – Т.А. Сюткина*

*Редактор физической антропологии О.М. Григорьева*

*Технические редакторы (этнологии, социальной / культурной антропологии) – Н.А. Белова, М.Ю. Мартынова*

*Компьютерная верстка – Н.А. Белова*

*Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова*

*Поддержка сайта – Н.А. Белова*

---

Подписано к печати 25.02.2022

Формат 70 x 108/16. Уч.-изд. л.

Тираж 500 экз. Заказ № 211

Участок множительной техники

Института этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А